

КОЛОКОЛА ПАМЯТИ

НАША ПАМЯТЬ – ВАМ, ПОТОМКИ!

**Воспоминания бывших узников гетто
и концлагерей, проживающих в городе Ашдод
(Израиль)**

Амута «Зикарон»
2005

Руководитель проекта — Леонид Грипе
Редактор-составитель — Яков Хельмер
Редактор — Ася Тепловодская
Верстка и художественное оформление — Нэля Васильническая
Набор текста — Ирина Штейман, Анна Штейман, Марина Тепловодская
Корректор — Марк Берсон

Леонид Грипе — (972)-8-8-55-45-50
Яков Хельмер — (972)-8-8-66-01-07
Григорий Лернер — 1-800-3000-62, 054-6534156
Ася Тепловодская — 054-5314531

*Книга издана благодаря финансовой помощи
Григория Львовича Лернера.*

Колокола памяти

Воспоминания бывших узников гетто и концлагерей,
проживающих в городе Ашдод (Израиль).

Израиль—Ашдод. Издано амутой «Зикарон». 2005. 482 с.

ISBN 965-555-194-6

Все права сохраняются за авторами.

ISBN 965-555-194-6

© Текст, 2005.

© Собственность амуты «Зикарон».

Дорогие соотечественники!

Ваши воспоминания — это боль и память нашего народа. Я бесконечно рад, что смог способствовать появлению этой книги.

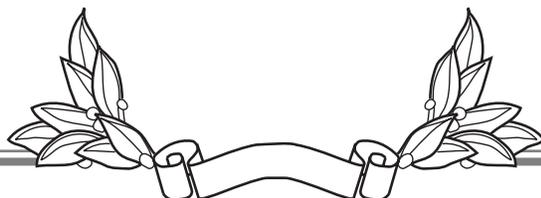
Она как эстафетная палочка, которую вы передаете молодому поколению. Надеюсь, что новое поколение приложит все силы, чтобы те ужасы, через которые вы прошли, никогда не повторились.

Будьте здоровы и живите долго!

Низкий поклон вам за ваши страдания и ваше мужество!

*С наилучшими пожеланиями
Григорий Лернер*

A handwritten signature in cursive script, appearing to read 'Григорий Лернер'.

Амута* «Зикарон» («Память») бывших узников гетто и концлагерей, проживающих в городе Ашдод, была создана в 1991 году.

Официально зарегистрирована в Министерстве внутренних дел Израиля в 2001 году.

На учете в амуте 438 человек - бывшие узники гетто и концлагерей.

Главная цель амуты — оказание моральной и материальной помощи членам организации.

Амута «Зикарон» входит во Всеизраильскую ассоциацию «Уцелевшие в гетто и концлагерях».

* Амута (ивр.) — ассоциация, общественная организация.

Посвящается:

- *выжившим малолетним узникам гетто и концлагерей;*
- *погибшим в огне Холокоста;*
- *Праведникам Мира и людям, принимавшим участие в спасении евреев;*
- *партизанам, воинам Красной Армии.*

Колокола памяти

Окончательное решение еврейского вопроса — так Гитлер определил одну из основных своих целей. Доктор Борис Забарко, бывший узник Шаргородского гетто (Украина), директор Института социальных и общинных работников, подчеркивает, что страшна была судьба всех народов захваченной Европы, но Катастрофа по своим ужасным последствиям не сопоставима с судьбами других народов: еврейский народ был обречен на исчезновение. В Прагу свозили экспонаты для музея исчезнувшего народа.

Четко и налажено действовала гитлеровская система уничтожения. Великое множество неугодных фашизму людей было лишено жизни, и среди жертв нацизма — шесть миллионов наших матерей и отцов, сестер и братьев, наших детей.

Их нет... А нас, кто вопреки фашистским планам все же выжил, кому удалось вырваться из гетто и найти прибежище у добрых людей, кто бежал из лагерей военнопленных, кто сражался и не погиб в партизанских отрядах, — нас мало. Но мы есть!

Долго мы молчали по разным причинам. Но наше многолетнее замалчивание чужого преступления, как сказал поэт Евгений Евтушенко, «...стало преступлением собственным. Замалчивание — это тоже убийство, убийство памяти!»

Мы являемся, по образному выражению писателя Анатолия Рыбакова, «живой памятью Холокоста». И поэтому мы обязаны передать молодому поколению память о тех ужасах, через которые прошел наш народ.

В данный момент существует острая необходимость в этом.

Многие молодые люди во всем мире не имеют ни малейшего представления, что такое Холокост, другие кое-что знают об этом. Во многих странах начинают поднимать головы неонацисты. Это проявляется в антисемитских демонстрациях, в варварских разрушениях могил и памятников, во взрывах синагог и еврейских культурных центров.

Более того, находятся люди — горе историки, — которые вообще отрицают Холокост.

Пепел сожженных стучится в наши сердца и призывает нас не молчать. Нам хочется, чтобы молодое поколение знало, помнило и присоединилось к нашему решительному «Нет!» — антисемитизму, фашизму.

За прошедшие 60 лет люди воздвигли множество памятников погибшим. Но сегодня людям нужны другие памятники, памятники добрых дел.

Одним из таких мы считаем издание воспоминаний свидетелей тех событий. Эту обязанность взяла на себя амута «Зикарон» (г.Ашдод), насчитывающая более 400 бывших узников гетто и немецких концлагерей. Время, в котором проходили события, изложенные в этой книге, осталось в прошлом. Но люди, победившие смерть, будут помнить обо всем пережитом до тех пор, пока стучат их серд-

ца. Уходит время — уходим и мы, но после нас наступит будущее, в котором должна сохраниться память о Катастрофе еврейского народа. Совет ашдодской организации бывших узников нацистских концлагерей и гетто взял на себя благородную миссию — собрать воспоминания выживших в этом кошмаре. Перед нами была одна цель: сделать все необходимое, чтобы сохранить память о тех, кто не дожил до наших дней, о тех, кто пережил и победил смерть. Это рассказ о великой трагедии нашего народа. Это забыть нельзя!

Пусть это будет нашим вкладом в копилку памяти о Холокосте.

Мы, живые свидетели Катастрофы, гибели и уничтожения ни в чем не повинных людей, обращаемся к тебе, дорогой читатель, сделай все, чтобы такое никогда не повторилось!

Совет амуты сердечно благодарит всех, принявших участие в данном проекте.

Особую признательность и сердечную благодарность выражаем спонсору Григорию Львовичу Лернеру не столько за материальную поддержку, сколько за внимание и уважение. Сердечное спасибо!!!

**Председатель ашдодской
организации бывших узников
концлагерей и гетто**

Арон Молотковский

Заместители председателя:

Филипп Балановский.

Михаил Петербургский

Члены Совета:

Борис Бенехис

Семен Бродский

Дани Гурфинкель

Аркадий Москальник

Семен Палес

Анна Сухер

Яков Хельмер

**Количество жертв —
убитые и сожженные евреи в странах Европы**

Страна	Еврейское население	Уничтожено гитлеровцами
Польша	3.300.000	2.800.000
СССР (оккупированные районы)	2.100.000	1.500.000
Румыния	850.000	425.000
Венгрия	404.000	200.000
Чехословакия	315.000	260.000
Франция	300.000	90.000
Германия	210.000	170.000
Литва	150.000	135.000
Голландия	150.000	90.000
Латвия	95.000	85.000
Бельгия	90.000	40.000
Греция	75.000	60.000
Югославия	75.000	55.000
Австрия	60.000	40.000
Италия	57.000	15.000
Болгария	50.000	7.000
Другие страны (Дания, Эстония, Люксембург, Норвегия, Данциг)	20.000	6.000
ИТОГО:	8.301.000	5.978.000

** Литература: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М. 1960. с.181.*

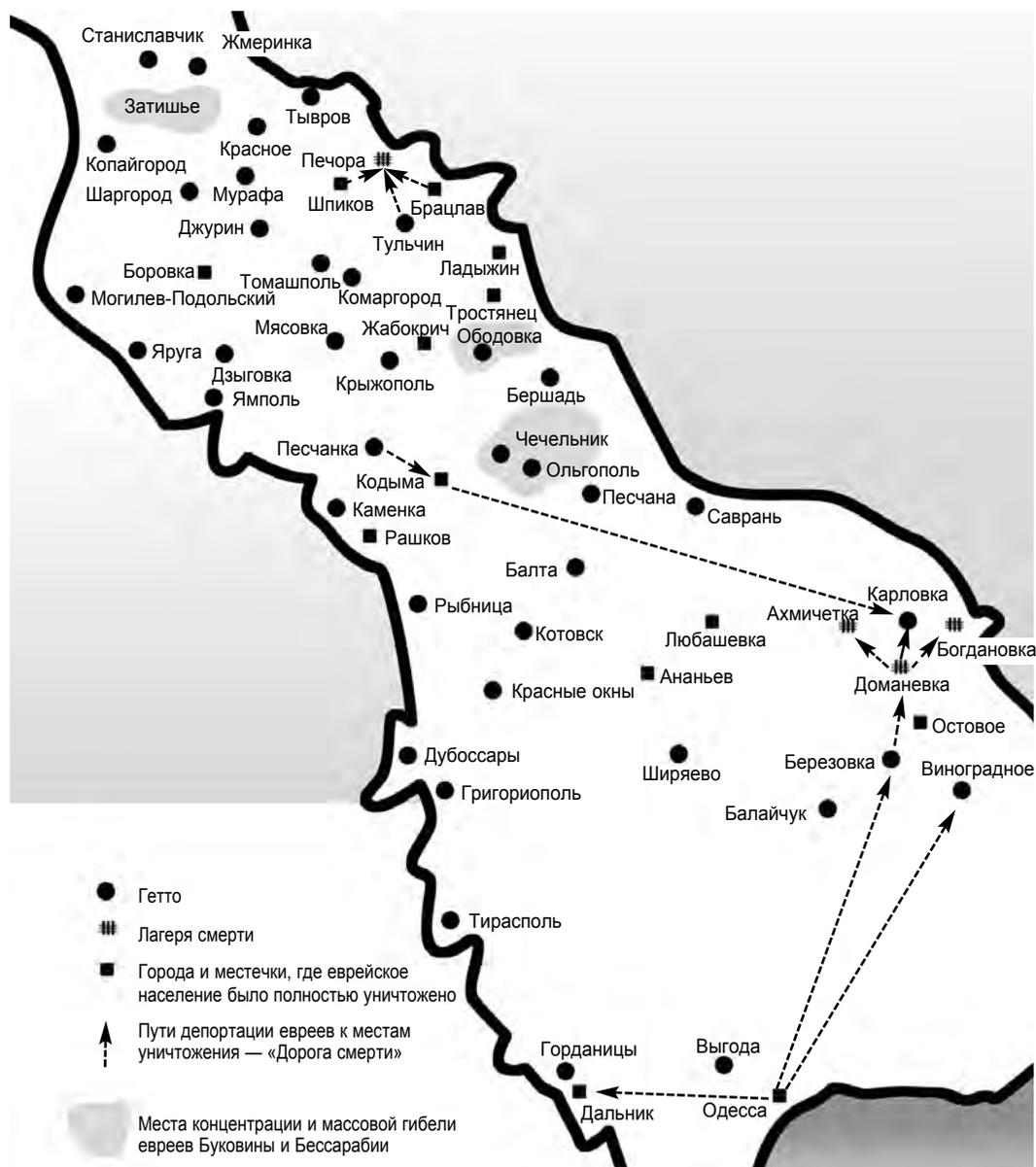
**Количество жертв — убитые и сожженные евреи в 1941-1944 гг.
(по областям Украины, в тысячах)**

Область	1941	1942	1943	1944	Всего (в тыс.)
Львовская	18,7	164	80,5	3,5	266,5
Тернопольская	12,5	66,7	46,6	0,5	126
Ивано-Франковская	27,3	73,5	8,6	0,2	109,5
Волынская	6	95	1,5		102,5
Ровенская	22	76			98
Винницкая	49,3	76	4,4	0,4	130
Хмельницкая	35,2	70,8	0,5		106,5
Одесская	54,7	32,2	0,2	0,4	87,5
Черновицкая	10,5				
Житомирская	45	4,2	0,6		49,8
Киевская	49	0,8			49,8
Николаевская	14	5,6			19,6
Херсонская	16	0,8			16,8
Черкасская	10,5	6	0,5		17
Кировоградская	5,9	3,8			9,7
Днепропетровская	21,3	7			28,3
Полтавская	10	2,4			12,4
Донецкая	10,8	6			16,8
Запорожская	3,5	5,3			8,8
Черниговская	1,3	1,4			2,7
Харьковская	1,4	9,6			11
Сумская	2	0,5	0,5		3
Крым	23,3	6,5			29,8
Луганская		2,5			2,5
Закарпатская				95	95
25 областей	450	716,5	143	100	св. 1400000

Таким образом, на Украине было уничтожено минимум 1,4 млн. евреев, а с добавлением неучтенных жертв — около 1,5 млн. евреев. К указанному количеству жертв следует добавить евреев, погибших на фронтах и в плену, а также евреев, которые были уничтожены на территории России (в основном на Северном Кавказе), куда они эвакуировались в 1941 г. и где их застали немцы в 1942 г. С учетом этого общее количество погибших евреев можно оценить в 1,6 млн.

** Литература: Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг. Хроника событий. Могилев-Подольский; 1997, с. 96.*

Лагеря смерти и гетто на территории оккупационной зоны «Транснистрия» (левобережье Днестра, Одесская и часть Винницкой области Украины) 1941—1944 гг.

* Литература: Сушона Л. «Транснистрия — евреи в аду».

Необходимость величия

Древнегреческий историк, «отец истории» Геродот дал нам подробное описание сражений, которые никто не мог подтвердить. То, что рассказано в этой книге, несмотря на временную отдаленность описываемого, никак не сохранит спокойствие духа читателя. Это документальные свидетельства наших современников, чудом спасшихся шестьдесят лет назад от ужасов учиненного фашистами и расистами геноцида. Историк навряд ли поведает нам больше, чем помещенные в книгу воспоминания реальных великомучеников.

Представляемая книга — летопись зверств одерживавшего верх, но в конце концов поверженного чудовищного врага человечества. Горькая сладость Победы! Она, залитая слезами рассказчиков, создает картину страданий, предлагая уму и сердцу читателя пищу для глубоких размышлений. С ее страниц с нами говорят стойки — узники гетто и концлагерей. Здесь все самоочевидная жестокая правда. Историк говорит «так было». Достоверность «из первых рук» свирепее Дантова Ада. В фашистском аду необузданное злодейство не имеет границ, кругов (девять кругов ада), лишено градаций — варварское умерщвление приговоренных к смерти совершается невозмутимо-хладнокровно и методически.

Читая книгу, поневоле с мучительной прилежностью ищешь своего поводыря в узниках гетто и концлагерей. В каждом из них продолжает гореть внутренний свет памяти: «Ничто не забыто, никто не забыт». Так отвоевываются человеческие сердца, чтобы преподнести жизненные и житейские уроки.

Высокая величественность бед нашего многострадального и героического народа да превозможет беспомощность человечества и порочность мира сего.

Читатель встретится в книге со стилистическим несовершенством и другими недостатками в свидетельствах наших рассказчиков. Их сила — в безыскусной правдивости. Помните: насмешка не есть проявление мудрости.

Не исправляйте глагол прежде, чем не поймете существительное.

*Ася Тепловодская,
журналистка, писательница,
литературовед.*

Гетто и концлагеря

Балановка	15
Балки	25
Балта	26
Бершадь	35
Богдановка	67
Брацлав	68
Вапнярка	70
Верховка	72
Ворошиловск	73
Глуск	75
Горышковка	79
Джурин	86
Дзыговка	104
Дмитриев	113
Доманевка	114
Жабокрич	119
Житомир	121
Жмеринка	128
Ильинцы	152
Кацмазов	154
Копайгород	155
Косница	174
Красное	175
Кривое Озеро	176
Крыжополь	179
Лагеря смерти: Маутхаузен, Трешлинка, Адмирал Бром	182
Ляхва	188
Ленино	191
Лучинец	199
Маркулешты	202
Минск	203
Могилев	214
Могилев-Подольский	216

Мурафа	242
Мясковка	244
Ободовка	246
Озаринцы	254
Ольгополь	255
Песчана	258
Печора	263
Плисков	300
Погребище	301
Полонное	306
Поповцы	308
Пятковка	309
Радошковичи	311
Рыбница	313
Саврань	331
Симферополь	334
Славута	335
Слуцк	336
Снитков	339
Станиславчик	340
Томашполь	343
Тропово	351
Тульчин	353
Умань	361
Черновцы	370
Чечельник	379
Шаргород	379
Шепетовка	395
Широкое	397
Ямполь	399
Яруга	404
Защитники Родины	406
На оккупированной территории	428

Малолетние узники концлагеря

Л.Грипс и его друзья: М.Кантария, водрузивший Знамя Победы над Рейхстагом, и Ю.Автандилов.

ГЕТТО БАЛАНОВКА

В 20 километрах от Бершади находилось гетто Балановка для беженцев из Буковины, Бессарабии. Их разместили в колхозных сараях, лишили всяких средств существования, медицинской помощи. Немногие из них остались живы.

Бенехис Борис

ДОРОГИ В НЕБЫТИЕ

Вторая мировая война принесла много горя еврейскому народу. Она началась вероломно, и очень быстро западные области Украины, в том числе Буковина и Бессарабия, были оккупированы немцами и румынами. И сразу же начались репрессии против евреев — погромы и депортация.

Среди депортированных из Бессарабии евреев находилась и моя семья. Я родился 26 июля 1930 года в местечке (штейтале) Секуряны. До войны нынешняя Черновицкая область Украины была густо заселена евреями, жившими в многочисленных местечках и даже в селах. Это была зона сельскохозяйственного производства, которым занималось сельское население. Процветало занятие разнообразным ремеслом, торговлей — сфера деятельности евреев. Местечко Секуряны, где я родился и рос до начала войны, — одно из многочисленных еврейских местечек с типично еврейским укладом жизни, очень патриархальным, где ашкеназийские религиозные традиции прочно доминировали в повседневной жизни и передавались из поколения в поколение, и неукоснительно соблюдались.

Мой отец Меир был ремесленник и зарабатывал тем, что шил грубые вещи для крестьян окружающих сел, населенных украинцами и молдаванами. В семье нас было 7 человек: родители и пятеро детей — 3 сына и 2 дочери. Всех надо было кормить и одевать. Работал только отец, кроме портняжничества он был еще неплохим хазаном в синагоге, и в большие еврейские праздники за хазанут ему что-то платили. Мать Перл — еврейская красавица с черными волосами — обслуживала эту большую семью. Я часто ее раздражал и доводил до слез, за что на меня сыпались всякие «проклятия». Если бы в том, 6-7-летнем возрасте я мог

предвидеть, какой ужасной сложится наша судьба, разве я относился бы так к маме? Не всегда был хлеб в доме. Долгим летом, когда у отца не было заказов, было голодно. Я помню, как родители посылали меня в лавку просить в долг муки на выпечку одной печи хлеба. В ненастье и зимой — всякие болячки, фурункулез; врач и лекарство — роскошь. Не хватало обуви, чтобы ходить в школу. Все мальчишки ходили сначала в хедер, потом в талмуд-тору вплоть до 1940 года, когда в Бессарабию пришли Советы. Их прибытие ознаменовалось тем, что новые поселенцы, как саранча, кинулись очищать все мануфактурные, обувные и прочие магазины, потому что все были в кирзовых сапогах, туфлях и парусине, солдаты — в обмотках. Всех мало-мальски зажиточных евреев и крестьян раскулачивали и отправляли в Сибирь. Но жизнь бедного люда оставалась такой же серой. Недолго длилась эта «свобода». Ровно через год началась Вторая мировая война. Через 2-3 дня в Бессарабию, в том числе и в наше местечко, вернулись румынские войска, и начались поголовные погромы и издевательства над евреями. Из окрестных сел молдаване и местные украинцы (вчерашние соседи) лавиной хлынули в местечко, вооруженные топорами, вилами, косами и дубинами, стали изгонять евреев из их домов и грабить имущество. На улицах метались в панике евреи — мал и стар, грабители их ловили по дороге, снимали драгоценности, раздевали чуть ли не до нага. За 3-4 дня все было разграблено и развезено по селам. Многие дома заселялись местными украинцами. Вечером, когда эти оргии стихали, евреи возвращались в свои дома, но везде было пусто. То, что успели спрятать до начала погрома, тоже было похищено. Ни еды, ни одежды.

Через несколько дней постоянного страха было издано указание местного префекта: всем евреям собраться в районе еврейского кладбища с запасом питания и одежды. Потянулись со всех улиц толпы обездоленных людей — старики, взрослые, дети — и, как ручейки, стекались в один поток с плачем, стонами и причитаниями. На «кацапской» улице, где жили старообрядцы и по которой двигался этот поток, жил старый клейзмер, скрипач-виртуоз Колдорар Иван Константинович, впоследствии мой учитель игры на скрипке, дядя моего приемного отца. Он был очевидцем этой трагедии и написал музыку «Плач евреев при изгнании». Тот, кто слышал этот реквием, не мог оставаться равнодушным. Как он мне потом рассказывал, он передал свое сочинение позднее в Кишиневскую консерваторию. Судьба этого произведения неизвестна.

У старого еврейского кладбища были сформированы колонны евреев из Секурян для депортации. Начались **длинные дороги этапа в небытие** с невероятными страданиями, которые невозможно описать словами. Каждому была предначертана своя судьба. Нас начали гнать — жандармы с винтовками, полицаи-молдаване, украинцы с дубинами — в конце июня — начале июля. Дороги, дороги... Села, городишки — названия их не запомнились, кроме крупных населенных пунктов: Могилев-Подольск, Сороки, Косоуцы, Ямполь и др. Бывали и привалы, чаще всего вдали от поселений, чтобы не допустить общения с крестьянами и обменять вещи, ценности на продукты питания. Питались тем, что удавалось найти на полях во время привалов. Мучила жажда, пили воду из низин, где

рос тростник, многие болели расстройствами. Больных и отстающих под дулами и прикладами жандармов приходилось оставлять... навеки. Роковым для моей семьи был привал в селе Косоуцы. Там мы находились несколько дней в заброшенных домах. Был там базар, где молдаване меняли продукты на вещи. Мне менять было нечего, я просил подавания. Помню одного отца, который вел своего сына за руку, предлагая обменять его на продукты. Здесь, в этом проклятом пункте, мать и средний брат Шолом заболели дизентерией. Когда нас отсюда погнали дальше, в Косоуцком лесу мать покинули последние силы, двигаться она не могла. Мой старший брат Иосиф (ныне живет в Хадере) пытался взять ее на плечи, но под ударами жандармов его вынудили двигаться дальше, и все мы, семья еще была в полном составе, оставили мать в состоянии агонии — да будет благословенна память о ней. Нас гнали в направлении Ямполья. На высоком правом берегу Днестра при аналогичных обстоятельствах остался в предсмертной агонии красавец и любимец семьи брат Шолом. Где их могилы, кто их хоронил — никто не знает.

Опять неведомые дороги, осень — холод, дожди. В худых одежонках, почти босиком, безразличные к жизни шли тысячи людей. Нас осталось пятеро. Добралась до Ободовки, где впоследствии было гетто. Была уже зима — то ли ноябрь, то ли декабрь, счет дням и датам был потерян; обстоятельства вышибали у человека его достоинство, жизнь не ставилась ни во что. Здесь, в Ободовке, сделали кратковременный привал. Нас загнали в длинный хлев — бывший коровник или конюшня, без окон, без дверей, где сквозняки выдували из обессиленных людей последние крупинцы тепла. Лежали на голой промерзлой земле или остатках соломы. Мы, все пятеро членов семьи, лежали рядом в полусознании. До сих пор я не знал, что такое смерть. Но среди нас тихо скончался наш отец. Я не знал, что он мертв, пытался протиснуть в сомкнутые челюсти откуда-то взявшийся леденец. Но жизнь его угасла. Пришли те, кто работали в похоронной бригаде (Хеврат Кадиша), положили его на рядно и унесли в общее захоронение. Ни у кого из нас не было сил проводить его в последний путь. Где эта могила, мы так и не знаем. За время нашего пребывания в этом хлеву эти «чистильщики» приходили еще много раз.

И опять дороги в неизвестность, теперь уже заснеженные, со студеными снежными ветрами. Откуда только брались силы идти! В нашем изгнании это был последний переход до ближайшего населенного пункта — села Балановка, недалеко от города Бершадь. Здесь было основано гетто. Часть из этой колонны гонимых евреев разместили по колхозным сараям. Мы оказались в какой-то бросовой колхозной конторе, где в одной комнате масса несчастных тесно лежали на полу друг возле друга. Заедали вши, нечем было дышать. Я и две моих сестры заболели сыпным тифом. Никакой изоляции, никакой помощи. Лежали без сознания, бредили, просили пить. Иногда удавалось где-то раздобыть кипяченую воду, и это было все лечение. Обе моих сестры так и не пришли в сознание и одновременно умерли. Опять какие-то люди унесли их трупики в общее захоронение, и я никогда туда не приходил — боялся тех мест, мне чудилось, что это зона, где

всегда витает смерть. Каким-то чудом я выжил, и мы остались вдвоем с братом Иосифом. Зима в 1941-1942 годах была суровой — морозы, вьюги, холода. В поисках более теплого места мы перекочевали в другое, более «комфортабельное» помещение, но нас опередили намного раньше, и нам пришлось довольствоваться каким-то закутком в коридоре. Приходилось ждать, пока в комнатах освободится место по известным уже нам причинам. Наконец, такое место «освободилось», и мы тут же поспешили его занять. Теснота — ногой негде ступить. Раздолье для вшей, которых мы выгребали пригоршнями с тела, головы и одежды. Из гетто не выпускали во избежание распространения по селу эпидемии. Нам предоставлялась возможность медленно умирать. Не хотелось умирать голодной смертью. Через колючую изгородь я пробирался в село просить у крестьян что-нибудь из продуктов. Меня прогоняли, травили собаками и обзывали жидом, но иногда, сжалившись, крестьяне давали хлеб, картофель, свеклу, и это продлеvalo наши дни. Шансов выжить было очень мало, зима была долгой, и ходить за подаванием становилось все труднее. Все жизненные резервы молодого организма были мобилизованы на выживание, отсюда и резистентность к болезням, к паразитам и к голоду. Очевидно, что безвинно погибшие, чистые душой родители молились за нас, и это помогло нам пережить зиму 1941-1942 года.

Наступила весна, крестьянам нужны были рабочие в огородах, в поле — копать, сажать, обрабатывать, и многие узники гетто находили работодателей за пропитание, кое-какие продукты для семьи. Мне повезло — меня приютила семейная пара стариков. Весной и летом я работал в огороде, в поле, пас корову — отработывал «норму». Ходил на рынок в Бершадь (15-20 км) продавать продукты — молоко, творог, чеснок, лук. На лугу косил сено для хозяйской коровы, на специальном станке трепал вымоченную в речке коноплю и лен, а затем из этих волокон на кужеле пряд пряду. Наступила зима, я перестал быть нужным, и меня отправили восвояси. Кому нужен лишний рот на всю зиму! Но в околотке меня уже знали. Меня приютила солдатская вдова Палажка. Моей обязанностью было присматривать за ее маленьким сыном, рубить дрова и топить печь, приносить воду. Вся жизнь проходила в одной комнате, я спал на печи в кукурузном зерне. Так тянулись дни, я жил, как во мгле, не зная ничего о том, что творится в мире, потеряв счет числам, месяцам и не ведая о том, что меня ждет в будущем. К этому времени я остался один, как перст, без родных и близких.

Во время одной из облав оккупационные власти стали вылавливать молодых мужчин и юношей на принудительные работы. Схватили и моего старшего брата Иосифа и увезли. С тех пор я ничего о нем не знал — где он, жив ли вообще, так как я, практически, ни с кем из узников гетто не общался. Прошло около года — и никаких известий о брате. Солдатка-вдова, у которой я работал, не могла меня дольше содержать, так как сама нищенствовала. Я вынужден был искать себе новый приют. Опять бездомный, я жил в заброшенных сараях бывшей колхозной фермы и питался тем, что мне удавалось выпросить у селян. В один из дней я забрел на окраину села, постучался в дверь за подаванием. В этом доме жила семейная пара уже немолодых людей. Они впустили меня в хату, уса-

дили за стол и накормили. Вид у меня был запущенный — у меня ведь не было ни белья, ни одежды для смены, ни обуви. Забыл уже, когда я купался в теплой воде. Очевидно, эти люди прониклись жалостью после того, как узнали, что я один, как перст, предложили мне остаться у них. Я с благодарностью остался. Они привели меня в порядок: обдали кипятком мои вещи, чтобы убить всех живых паразитов, усадили в деревянную бадью с горячей водой, чтобы смыть всю заскорузлую грязь.

Шла вторая зима моей жизни в гетто. Не знаю, каким образом стало известно оккупационным и местным властям обо мне, о том, где я нахожусь, — ведь никогда никакой регистрации евреев в гетто не было. Тем не менее, в один из зимних дней к дому, в котором меня приютили, подъехали сани в конной упряжке, и двое румынских жандармов ввалились в хату, приказали мне быстро собраться и следовать за ними. Попытка хозяев оградить меня была пресечена грубой бранью и рукоприкладством. Меня увезли на какой-то плац, где на двух-трех повозках сидели еще несколько несчастных детей. Нас увезли в неизвестном нам направлении. Как оказалось, мы прибыли в город Балту Одесской области. Здесь был некий еврейский центр, который «опекал» таких сирот. Никто с нами ни о чем не говорил, ни о чем не спрашивал, не велось никакой регистрации. Какие-то функционеры развели нас по квартирам, и на этом вся «забота» закончилась. Мы были предоставлены сами себе. Ходили просить подавание, шарили повсюду в поисках пищи. Помнится, я забрел в дом, где квартировали немцы. Нашел там шоколад, вафли и другие вкусные вещи. Им до таких, как мы, дела не было. Их к этому времени одолевали другие заботы — приближался фронт, их теснили, слышна была канонада. Несколько раз я приходил в наш центр, встречался с такими, как я, но мы никого не интересовали. Поговаривали, что кто-то финансировал акцию по сбору еврейских сирот из разных гетто для отправки их не то в Румынию, не то в Палестину, что один такой пароход уже был отправлен, но по пути был потоплен. Какую мы, дети 10-12 лет, могли иметь информацию, да и кто с нами делился? Мы были здесь беспризорными. Это длилось где-то 2-3 недели. В один из дней через мост Южного Буга на окраине города спешно стали отступать немцы и их прихвостни, так что никаких акций в городе они не проводили. Я был живым свидетелем панического бегства фашистов. Было какое-то безвластие — немцев не было, но и «красные» не вошли. А что же делать нам, детям-сиротам? К моему счастью, отец одного из мальчиков из нашего гетто Балановка не знаю, какими судьбами, оказался в Балте, видимо, он узнал, куда увезли детей, добрался сюда и следил за событиями. Когда он убедился, что немцы бежали и до нас никому нет дела, он забрал своего сына и меня заодно. Мы пешком дошли до своего гетто. Я вернулся в тот же дом, откуда насильно был забран. Стоял конец зимы 1943 года. Я по-прежнему стал работать у хозяев и свыкаться со своей судьбой: сиротство и одиночество.

В один из базарных дней на исходе зимы хозяйка нагрузила меня продуктами для продажи в городе Бершадь. Этот маршрут я уже хорошо освоил. Рано утром прибыл на базар, продал продукты и перед возвращением в Балановку продал

одну женщину — жительницу Секурян, которая находилась с семьей в Бершадском гетто. Когда я вошел и обогрелся, она сказала мне: «Барух, ты знаешь, твой Иосиф в Бершади в военной комендатуре». Трудно было поверить ее словам — он вернулся почти через год принудительных работ в Варваровке Николаевской области, где эти подневольные люди строили под надзором немецких строительных подрядчиков стратегические дороги и мосты. Когда я пришел в комендатуру и увидел Иосифа, мы оба расплакались от радости. После того, как он получил какие-то документы, подтверждающие его личность (аусвайс), мы вдвоем отправились в свое гетто. Вечерело, идти было далеко, но мы надеялись благополучно добраться. Вдруг навстречу нам идут два немца из полевой жандармерии. Они остановили нас, полагая, что мы партизаны. Посмотрели бумаги из комендатуры, и они оказались им неубедительными. Нас забрали в распоряжение военной полиции и закрыли в каком-то сарае на замок. Лежа на соломе в холодную морозную ночь, мы слышали их издевательские насмешки: «Ферд, ферд». Ждем решения своей участи. На рассвете открываются ворота сарая, нас выводят два немецких жандарма и ведут в том направлении, откуда мы пришли. Их намерения нам не известны. Вокруг поле, высоко в небе зимняя луна, ни души, ни звука. В любую минуту мы ожидали расстрела. Но, как видно, Б-г нас охранял, вняв мольбам безвинно загубленных, безгрешных душ наших родителей и всех близких. К утру мы снова вернулись в Бершадь в военную комендатуру для выяснения личностей. По истечении какого-то времени нас отпустили. Мы могли бы остаться в Бершади в гетто, поскольку нигде не были зарегистрированы, и нас никто бы не искал. Но я не мог не вернуться в свое гетто — у меня были хозяйские деньги за проданные продукты. Я был и оставался честным мальчиком даже в такой экстремальной обстановке. Мы вынуждены были вернуться в Балановку к безрадостному подневольному труду.

Шла весна 1944 года, в воздухе пахло свободой. Витали слухи о приближении фронта и отступлении немцев. Это стало заметно и в Балановке — появились какие-то воинские части, которых все 3 года моего пребывания в гетто я ни разу не видел. Это были отступающие части: немцы и хорваты, румыны и мадьяры, власовцы, бендеровцы с трезубцем и украинские полицаи. Они шастали по дворам, мародерствовали, выволакивали из хлевов свиней, скот и птицу, требовали молока, сала, яиц. Все это происходило у меня на глазах, но я еще не понимал, что наступил их крах. Крестьяне были запуганы и не могли противостоять этому грабежу. На смену одним мародерам приходили другие. Это длилось несколько дней. Вместе с гитлеровцами бежали и их прихвостни: всякие старосты, стукачи, полицаи и прочая нечисть. Многие из них удирали на повозках, нагруженных награбленным добром. Мы, узники гетто, густая сеть которых покрыла Восточную Украину, ждали с нетерпением того часа, когда враг будет изгнан и мы сможем вернуться в родной дом. В марте 1944 года советские войска освободили Украину, в том числе и Секуряны. Я вместе с братом Иосифом пешком добрались до станции Вапнярка, взобрались на воинский эшелон, который шел на запад, и в конце марта 1944 года добрались до Секурян. Кончилась наша жизнь узников

гетто, жизнь на грани смерти, когда нацисты не ставили тебя ни во что, и лишь надежда на чудо, на Б-жьё милость поддерживала в нас веру в светлое будущее. Мы вернулись в свой дом без окон, без дверей, в котором гуляли ветры да всякая нечисть. Начиналась новая страница моей жизни.

ДОРОГИ В ЖИЗНЬ

Стояла холодная поздняя весна 1944 года, кругом разруха. Кое-как обустроили комнатку в разрушенном доме, где прошло наше детство. Обретя свободу, надо было бороться дальше за выживание. Ещё только-только начали создаваться органы власти. В городе было полно бездомных и беспризорных детей, процветало воровство, спекуляция, по улицам шастали какие-то подозрительные типы — этакая грязная пена только что прошедшего фронта. С чего начать, как жить? Не было ни пищи, ни одежды, ни тепла, никакой домашней утвари. Понемногу стали возвращаться уцелевшие в этой катастрофе евреи, стали налаживаться контакты. Брату Иосифу удалось найти работу в «Заготзерно» на станции Секуряны, в 3-4 км от дома. Я оставался один. Легко было попасть в жернова преступной улицы, стать жертвой уголовников, которые принуждали малолетних сирот совершать различные преступления. Я всячески избегал сомнительных знакомств, держался поближе к еврейским семьям, знакомым ещё до войны. Мне во что бы то ни стало хотелось попасть в какую-нибудь школу, ФЗУ или ПТУ, где можно было учиться, питаться и иметь кров над головой. Хотя в то время эти училища пользовались дурной славой, ибо в них и концентрировались неблагополучные подростки. В надежде на помощь я стал обращаться в органы Советской власти. В то время председателем городского совета был Владимир Семенович Колдорар — местный учитель истории, репрессированный в годы оккупации румынской сигуранцей за сочувствие к Советской власти в 1940-1941 гг. Мое обращение помочь начать учиться в эти первые дни после изгнания оккупантов для учителя, облаченного властью, было приятной неожиданностью. Он отвез меня к себе домой и, посоветовавшись с женой, велел мне остаться у них до решения моего дела. Как оказалось, они решили оставить меня у себя. Его жена Ольга Александровна начала приводить меня в порядок. На следующий день меня отвели в школу, которая только начала укомплектовываться. Я снова пошел в 4-й класс. Три года пребывания в гетто выпали из моей школьной жизни, и я стал переростком. Жизнь моя нормализовалась, я был в семье, накормлен, ухожен, обогрет. Русские люди, интеллигенты, они приютили меня, еврейского мальчика-сироту, и стали для меня вторыми родителями. Кто же эти бескорыстные люди, творившие добро? Владимир Семенович Колдорар — выходец из крестьянской семьи, закончил педагогический лицей в Кишиневе и стал учителем истории. Вся его жизнь — образец самоотдачи и подвижничества. Он посвятил ее обучению детей. В годы реакционного румынского режима он оставался верен своим идеалам, за что и был арестован. После освобождения Секурян Красной

Армией он стал первым председателем городского совета и его каденция длилась более 3-х лет. Честный, справедливый, он снискал уважение жителей города. Его жена Ольга Александровна, скромная, трудолюбивая женщина, умело вела хозяйство в доме, заботилась о всей семье, в которую влился и я. Она была интеллигентным, культурным и начитанным человеком. В этом доме была огромная библиотека, собиравшаяся долгие годы и включавшая в себя раритетные дореволюционные издания русских и зарубежных классиков. Ольга Александровна научила меня любить и понимать литературу. Позднее по своей инициативе она создала библиотеку, которую регулярно пополняла своими книгами. За усердный труд и образцовое ведение дела она неоднократно удостоивалась поощрений.

Осенью моего брата Иосифа призвали в армию на Восточный фронт. Он служил в Манжурии и изредка писал мне письма. Из армии он вернулся в город Черновицы. Устроился там работать и создал семью.

Время было нелегкое. В 1947 году на Украине разразился сильный голод, от которого многие умирали. В этом году я с отличием закончил 7-й класс. Мне уже исполнилось 17 лет. Я хотел продолжать учебу, но поскольку это требовало материальных затрат, мы выбрали сельскохозяйственный техникум, находящийся на расстоянии 2-3-х часов езды поездом, куда я был принят без экзаменов как отличник. Большинство преподавателей в этом молдавском техникуме были евреи: доцент Лурье, математик Манн, спецпредметы читал ныне здравствующий в Ашдоде д-р Гроссман Михаил Менделевич и его покойная жена Элла. Около 50% учащихся — бывшие фронтовики. Ученики жили по 30-40 человек в комнате. Питались скудно: хлеб по карточкам, в столовой — тушеная капуста, жидкий суп. На выходные старались уехать домой за подкормкой. Я учился хорошо, и меня пытались вовлечь в партию, но я отказался, ссылаясь на то, что морально не готов. Учеба подходила к концу, и надо было думать о поступлении в институт. Предвидя трудности, которые мне предстоят в связи с моим происхождением, Владимир Семенович предлагал мне перейти на его фамилию. Уже взрослый человек я не мог отказаться от памяти о своих родителях, от своего еврейства, хотя и был безгранично благодарен своим приемным родителям. Их заботу я оправдывал отличной учебой. Я получил диплом с отличием и в 1950 году уехал учиться в Москву в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Бюрократические препоны помешали мне начать учебу в Москве, и я был направлен учиться во Львов. Замечательный старинный город, полный студенческой молодежи, очень мне импонировал. Наряду с учебой я впитывал культуру в широком смысле слова; театры — их было много во Львове, и галерки стоили недорого — концерты в филармонии и на открытых площадках, множество кинотеатров, не говоря уже о вечерах с танцами в залах и вестибюлях институтов и техникумов. Какое это было золотое время! Счастлив тот, кто его прожил. В один из таких вечеров я познакомился и полюбил очень красивую девушку, будущую свою жену Инну. Целых 3 года меня одолевала мысли о ней, тревоги о том, как стать ее избранником. Лишь после окончания института, когда я уже прочно стоял на ногах в экономическом отношении, я сделал ей предложение. В августе 1955 года ее ро-

дители, которые жили в Киеве, дали добро, и мы отпраздновали очень скромную свадьбу. Мы уехали из Киева в Кицмань, где я работал по распределению главным зоотехником МТС. В 1956 году у нас родилась дочь Нонна— наступили трудности у молодой четы. Вскоре мы переехали в Киев, где жили нелегально у родителей в ужасной тесноте. Были прописаны где-то в «воздухе». По чьей-то наводке ночью пришла милиция, и нас предупредили о применении санкций за нарушение паспортного режима!

Уже после окончания института я как обладатель красного диплома имел право на зачисление в аспирантуру. Все годы учебы я был старостой курса, комсомольским активистом, тем не менее моя кандидатура (единственный еврей) была отклонена, хотя пустовали вакансии. После 4-х лет работы на производстве я подал заявление в аспирантуру в Украинскую сельскохозяйственную академию в Киеве, получил вызов и сдал все экзамены. Здесь также не обошлось без предвзятости, но декан факультета профессор Пшеничный Павел Дмитриевич и мой научный руководитель профессор Кравченко Николай Антонович отстаивали мое право стать аспирантом. Это был 1959 год. Я окунулся в учебу, жил в общежитии, редко виделся с семьей. У меня была цель, большое желание и стремление стать исследователем, вырваться из повседневной производственной рутины. 3 года интенсивной учебы, эксперименты, работа с литературой, написание диссертации пролетели незаметно и увенчались успехом. Я защитил диссертацию во Львовском зооветеринарном институте, который в свое время закончил. Мои родные, приемные родители, с которыми связь никогда не прерывалась, друзья были очень рады моему успеху. Я доказал самому себе, что могу добиться чего-то в жизни, утвердиться, состояться. Началась новая ступень в моей профессиональной деятельности, в научной работе. Получив назначение в научно-исследовательский институт животноводства, я непрерывно трудился в нем 30 лет. Получил признание в научных и руководящих кругах, опубликовал более 70-ти научных трудов, а главное, приобрел огромный опыт работы в науке и коммуникации в разных житейских ситуациях. За это время выросла и получила образование дочка, создала свою семью. Родились внуки — Аллочка и Вовочка. Мы, бабушки и дедушки, были счастливы, помогая их растить.

Начались времена перестройки, и в Киеве появились очаги еврейской культуры: кружки, где дети осваивали песни и танцы, группы по изучению языка иврит. В одном из таких ансамблей участвовала Аллочка. Дома она напевала песенки на идыш и иврите, совмещая пение с танцами в традиционном стиле. Это было приятно видеть и слышать после стольких лет замалчивания, вплоть до забвения своих истоков. Вскоре их ансамбль «Пинтале» был приглашен на гастроли еврейскими общинами Германии, Швейцарии, Италии. Сколько интересного открылось перед нашими детьми!

Конец 80-х-начало 90-х годов ознаменовался большой эмиграцией евреев в Израиль, США, Германию и др. страны. Одновременно с обретением свободы слова, печати, бизнеса начались и антисемитские вылазки, вплоть до открытых призывов изгнания евреев из страны. Вспомним небезызвестную организацию

«Память». Открыто менялось отношение к евреям и на местах, даже со стороны подчиненных сотрудников. Эти симптомы антисемитизма ничего хорошего не предвещали и стали одной из причин, по которым наша семья решила репатрироваться в Израиль. Инициаторами были Нонна и ее муж Ленья. Никакие доводы против такого шага не принимались во внимание: старые родители, партийность, предстоящие жилищные, языковые проблемы, проблемы трудоустройства в чужой стране... В мае 1991 года мы выехали в Израиль. Я с женой на «Ладе» 8-й модели, нагруженные всяким ненужным скарбом, проехав через страны Европы и переплыв Средиземное море на пароме из Греции, за 10 дней благополучно достигли берегов Хайфы. Вслед за нами выехали дочь с семьей через Бухарест и самолетом прилетели в Израиль. Соединившись после разлуки, мы вместе начали строить новую жизнь на Земле Обетованной. Как и многие сотни тысяч новых репатриантов, мы преодолели немалые трудности. Но мы верили, что настойчивое освоение языка иврит в сочетании с необходимостью зарабатывать на хлеб насущный позволит нам в дальнейшем вести достойный образ жизни. Я подтвердил свой диплом ученого и получил работу по специальности в научно-исследовательском центре им. Вулкани. Нонна к концу второго года пребывания в Израиле получила израильский педагогический диплом, закончив годичный курс в институте им. Левинского, и работает по специальности с умственно отсталыми детьми. Через год после нашего приезда репатриировались и родители Лени, уже далеко не молодые люди. На съемной 3-х комнатной квартире в Холоне, где мы жили вшестером, мы еще давали приют новым репатриантам-родственникам и друзьям из Киева. Мы ни на мгновение не позволяли себе расслабиться, впасть в уныние и депрессию, потому что понимали, что трудности абсорбции мы должны преодолеть сами. В семье трудились все, далеко не на престижных работах. Уже через два года мы вселились в купленный нами коттедж в Ган-Явне. Жизнь стала налаживаться, мы начали получать удовольствие от работы, от встреч с друзьями, обзаводились новыми знакомствами. Много ездили по стране, любовались ее красотами. Выросли и радуют нас внуки: Аллочка, студентка Еврейского университета в Иерусалиме, изучает классические науки; Вовочка, ныне Амир, — солдат ЦАХАЛа. У нас широкий круг общения и разносторонние интересы. Я много времени посвящаю добровольной работе в амуте, объединяющей бывших узников гетто и концлагерей, являясь связующим языковым звеном между амутой и государственными учреждениями.

Однако годы, проведенные мной в гетто, где я постоянно находился на грани жизни и смерти, — это кошмар, от которого невозможно избавиться. Дай Б-г, чтобы нынешнее и грядущие поколения народа Израиля никогда больше подобное не пережили.

ГЕТТО БАЛКИ

Давбер (Вайнберг) Циля

Родилась 23 июля 1940 г. в селе Клишковцы Хотинского района Черновицкой области.

С октября 1941 г. по март 1944 г. я вместе с родителями и их многочисленными родственниками оказалась в гетто Транснистрия в поселке Митки, а затем в Балках. Я сама ничего не помню, но моя покойная мама много рассказывала об этом кошмаре, который мы пережили, чудом выжив.

Когда началась война, я уже могла ходить. Когда нас освободили, я не могла ходить из-за перенесенных болезней и постоянного голода. «Жили» мы в бараках, спали на полу, каждое утро кто-то уже не поднимался с пола. В нескольких километрах от бараков находилось село, где родители иногда работали у богатых крестьян, за труд получали немного еды: картошку, хлеб, муку. Этого хватало на несколько дней. Иногда ночью взрослые ходили на поле собирать остатки мерзлой картошки, но это было смертельно опасно: румынские полицейские прочесывали местность. Многие погибали. Однажды мама пошла в лес, собрала грибы и чуть не умерла от ядовитых грибов. Чистой воды тоже не было, пили воду из канавы.

Я заболела дизентерией и еле выжила, лекарство негде было взять. В марте 1944 года наш лагерь освободили партизаны. Дорога домой была тяжелой и длинной. Однажды мы остановились отдохнуть недалеко от расположения армейской кухни наших солдат. Они принесли нам горячий суп, и в первый раз за долгие дни пути мы поели горячего. Но как ни была тяжела дорога, мы с родителями дошли до своего села, нашли свой пустой дом, где всё было разграблено «хорошими» соседями.

ГЕТТО БАЛТА

Герценштейн (Говштейн) Фаня

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОЕЙ ПОКОЙНОЙ МАМЫ

Мы родом из Молдавии, г. Фалешты. Когда началась война, мне было 9 месяцев, моей сестре — 3 года. Папу мобилизовали в армию, а мама, оставшись с двумя малолетними детьми, закрыла на замок двери нашего дома, надеясь вскоре вернуться. Мы взяли необходимые вещи, погрузили все это на подводу моего дедушки, отца мамы, и влились в общий поток беженцев, движущийся в неизвестном направлении. В деревне Митрофановка мы попали в плен к немецким десантникам. Оттуда нас погнали в г. Балта, где к тому времени немцы образовали гетто для евреев. Местным жителям под страхом смерти не разрешалось подходить близко к ограждению, передавать еду и одежду. Но всё же находились сердобольные люди, которые хоть издали пытались как-то облегчить нашу участь, перебрасывая нам еду.

Мы жили в маленькой комнатке по ул. Кузнечная, 1. В этой комнатке расположились несколько семей, каждая в своём углу. Голод, холод, болезни. Маму каждый день угоняли на работу. Мы с сестрой оставались с бабушкой, и никто не знал, вернётся ли мама и найдёт ли она нас живыми. В гетто каждый житель выживал, как мог. Многие умирали от голода, холода, болезней. И нас это не миновало — у нас был и сыпной тиф, и брюшной, и коклюш. Многих жителей гетто расстреляли, но, видимо, Богу было угодно оставить нас живыми. Мама была портнихой, и это спасало нас от голода, люди расплачивались продуктами. Маме приходилось стирать немцам одежду, и иногда ей удавалось приносить для нас обмылок, но всё равно это не спасало нас от вшей и других паразитов, которые переносили болезни от одного к другому. Незадолго до конца войны в нашей комнатке случился пожар: я нечаянно опрокинула на себя лампаду с бензином и — загорелась одежда. Левая рука и половина спины обгорели, следы этого ожога видны до сих пор. Кроме стрептоцида, никаких лекарств не было. Я смутно помню перевязки, от которых я убегала, так как тряпки (марли не было) прилипали к телу и их надо было отрывать, чтобы не загноились. Не заживало очень долго. И опять наш добрый Ангел-хранитель берег наши жизни, и мы дождались

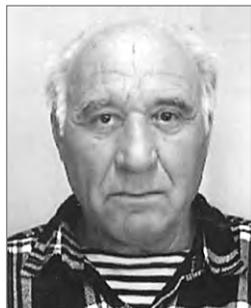

Победы. В марте 1944 г. Красная Армия освободила нас, и мы вернулись в свой родной город Фалешты. В нашем доме жили чужие люди, но они вернули нам наше жильё.

Мы с сестрой были такие истощённые, что наши соседи, местные молдаване, приносили нам еду и плакали, глядя, с какой жадностью мы поглощали её. Потом в жизни было ещё много сложного: и голод 1947 г., и болезни, но страшнее войны нет ничего. Пусть больше никогда не повторится фашизм в любом его облики.

Моя мама в возрасте 87 лет приехала вместе с моей семьёй в Израиль. Умерла она в возрасте 89 лет и похоронена в Ашдоде. Светлая ей память!

Гершер Хаим

Родился в Молдавии в городе Колараш в 1933 году. В начале июня 1941 г. мы с матерью и двумя сестрами, 1935 и 1936 годов рождения, выехали из города Колараш в гости на Украину в город Балта, где жила сестра моей мамы. Здесь и застала нас в 1941 г. война. Так мы попали в гетто. Не помню точно, в каком месяце прибыли немцы с румынами, и началась наша жизнь-кошмар. Мы прятались в одном доме, где жил ребе, и сидели всё время в подвале, а ночью выходили подышать воздухом. Румыны начали свои порядки наводить: за неповиновение — побой и расстрел. Кушать нам ничего не давали, кто как мог, так и выживал. Мы очень долго голодали. Мама моя работала в бане, а мы сидели в подвале. Там было холодно. Я с пацанами бегал в поле собирать свеклу и мороженую картошку. За пределы гетто запрещали выходить — расстрел на месте. Взрослых всё время гоняли на работы, а с работы обычно возвращалось меньше половины людей. Однажды меня поймали румыны и хотели расстрелять. Но меня спасло то, что я умел говорить на румынском языке.

Началась зима 1941 года. Было очень холодно. Часто румыны всё утаскивали из домов, а мы убегали в лес. К нам пригоняли новых людей, а от нас уводили в другие гетто. Местное население нам часто приносило продукты. Люди при этом рисковали жизнью.

В 1942 году мать заболела тифом, старшая сестра начала пухнуть от голода. А ей было всего 6 лет. Младшая сестра отморозила себе ноги, ей было 5 лет. Мама лежала с большой температурой и, казалось, умирала. Румыны боялись к ней подходить. Наши евреи ей помогали, чем могли. Она осталась жива. В гетто надо было носить повязки со Звездой Давида. Ходить по тротуару запрещали — только по дороге. Было очень тяжело. В конце 43 года немцы и румыны начали над нами еще больше издеваться, особенно когда начали отступать. Убили мамину сестру и двоих детей.

В марте месяце нас освободила Советская Армия. И всех из гетто решили отправить в Казахстан. Часть отказались, а мы с мамой поехали. Отец нас нашел и перевез в г.Чкалов. Из Чкалова мы переехали в Кишинев. В 1996 году мы приехали в Израиль. Сейчас мы проживаем в Бней-Айше.

Городиштер (Левертова) Клара

Родилась в г.Оргеев, Бессарабия в 1928 г. До войны училась в школе.

Мой отец, Левертов Абрам Израйлевич, родился в 1897 г. в Польше, затем переехал в Оргеев, где создал семью. У него был свой склад стройматериалов.

Мама — Левертова Ольга Григорьевна, 1897 г.рождения, домохозяйка.

Брат, Соломон Абрамович, родился в Оргееве в 1924 г. До войны учился в школе.

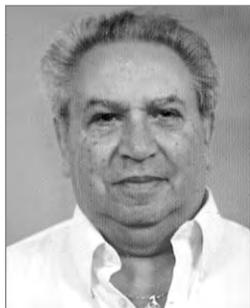
Всей семьёй мы пытались эвакуироваться, но фронт быстро приближался, и в августе 1941 года мы попали в гетто г. Балта. Папу и брата забрали на строительство аэропорта в Перелёте. От всех переживаний у мамы случился инсульт, и я осталась в возрасте 13 лет рядом с больной мамой под открытым небом. Без медицинской помощи, в муках, она скончалась 27 апреля 1942 г. на моих руках.

Вместе с другими женщинами я прошла 15 км. до барака, окруженного колючей проволокой, чтобы попросить разрешения отпустить папу похоронить маму. После похорон папа и брат вернулись обратно в Балту. Через пару недель из Балты угнали большую партию людей в лагерь г. Бершадь, в том числе и нас. Разместили всех в коровнике, спали на земле под охраной. В одном углу сарая выкопали глубокую яму, каждый день бросали туда трупы людей. Условия были невыносимые, сильный холод и голод привели нас к опасному решению.

В одну ночь, когда солдат заснул, папа, брат и я убежали из барака обратно в Балту. Брат и я заболели сыпным тифом, но мы выжили, а папа в Балте скончался. Брат и я остались круглыми сиротами и продолжили борьбу за выживание.

После войны я закончила среднюю школу и педагогический институт в Кишинёве, английское отделение. Проработала в школе почти 30 лет до выхода на пенсию.

Ройтзайд Лев

Родился 3 апреля 1928 года в Каменке, Молдавия.

Папу звали Давид Ройтзайд.

Мама — Голда, брат — Гедаль. Сестра Доцелэ. Когда началась война, мы не успели эвакуироваться и попали к немцам в плен.

7 ноября 1941 года нас начали гнать в лагеря в сторону Подаймица, Подоймы, Рашкова, Катериновки, Кодьма, Слободки, Борщи, Котовска. Из Котовска нас гнали на Доманевку.

В Доманевке узнали, что нас будут расселять. Решили убежать. Вернулись в Каменку, но нас поймали и погнали до Котовска, потом в Липецк, где 2 января нас и закрыли в премарии, где мы переночевали. К нам туда под утро запустили собаку, которая рвала людей на куски.

3 января 1942 года утром нас вывели и бросили с обрыва, начали расстреливать. Папу, брата и сестру убили. Маму ранили. Мне повезло, пуля до меня не дошла. Когда все стихло, я осмотрелся по сторонам и увидел, что все убиты. Услышав голоса, узнал голос мамы. Уговорил маму выбраться из-под обрыва. Мы вдвоем пошли в сторону Посицелы. Ходили из дома в дом, просились переночевать, и так мы перебивались месяц. Одна крестьянка сказала, что нас разыскивают и хотят убить. Мы узнали, что в Балте есть гетто, и убежали туда.

В гетто мы были до 29 апреля 1944 года. А потом вернулись в Каменку. В 1946 году я выехал с мамой в Одессу, в 1950 году женился. В Одессе я жил до 1990 года, затем я с семьей приехал в Израиль.

Ройтман Сара

Родилась в Молдавии в городе Сороки. В семье было пятеро детей: Брана, Бэрел, Сара, Поля (Перел), Фройка.

Отец Нафтули столярничал, мать Туба — домохозяйка.

Отец — участник Первой мировой войны.

22 июня 1941 г. началась война. На момент начала войны мой брат Бэрел находился в Одессе. Оттуда он был призван на войну. В 1944 г. он погиб.

Мы хотели эвакуироваться через реку Днестр, на пароме. Было очень много беженцев из разных мест. Паром (он был один) не справлялся с таким количеством людей. Когда я ступила ногой на паром, немецкие самолёты начали бомбить переправу. Многие люди погибли, а мы вернулись домой, т.к. переправа перестала работать. Через 2 дня в город вошли немцы. Так мы остались в Сороках. Было очень страшно. Немцы пришли в дом главного раввина города Нысыя Колкера с требованием, чтобы тот дал им список 40-50 самых уважаемых евреев-мужчин для расстрела. На второй день он передал им список с одним именем — Нысыя Колкер.

Немцам пришлось самим отбирать мужчин для расстрела. Впереди колонны они тащили за бороду самого раввина.

Всех расстреляли. Прошло несколько дней, и оставшихся евреев города переправили через Днестр в городок Ямполь (Украина), в 12 км. от Сорок. Там мы находились всего 3 дня, без еды, без воды. Потом немцы колонной погнали нас в Сороки. Домой никого не пустили, а всех собрали на площади возле синагоги, где мы просидели всю ночь. Утром всех погнали в Рубленицкий лес в 10 км. от Сорок. Там мы пробыли примерно месяц. Кто жил в шалашах из веток, кто под открытым небом. Питались только тем, что подбрасывали нам, рискуя жизнью, местные жители. Многие умерли. Из Рубленицкого леса нас погнали колонной в село Вортюжаны. Там мы расселились по пустующим домам. Нашей основной пищей были макуха и соя, найденные на крышах домов.

Там мы жили до сентября. В сентябре всех погнали на Украину колонной в 800 человек. Дорогой люди падали, умирали от голода, грязи, холода. Людей становилось все меньше и меньше...

На ночь останавливались в селах, в сараях, на ночлег. Небольшие группы людей уходили просить хлеб у местных жителей. Те, кто был пойман, получали 25 ударов кнутом. Один раз меня тоже поймали и избили. Я потеряла сознание. Многие после побоев не выживали.

В конце декабря оставшиеся в живых прибыли в гетто города Балта (Одесская область). Из 800 человек осталось не больше 50 человек.

В гетто нас встретили знакомые из Сорок — семья Цитман, которые дали нам жилье, помогли нам устроиться, сделали баню. Там мы все переболели. Лечились с помощью местных жителей. Через месяц немцы издали приказ: изгнать прибывших из гетто. Русская женщина, медсестра, пыталась помочь нам, так

как мы были больны. Она посоветовала нам лежать и не вставать, а немцам сообщила, что у нас температура. Таким образом она спасла нас от изгнания. Но через 2 недели вышел новый приказ о выселении. Нас, больных, голодных, подняли с постелей и погнали дальше, в лагерь беженцев недалеко от Балты — в село Балановка. Там нас загнали в свинарник недостроенный, без окон, без дверей, без крыши. И оставили умирать. Укрывались мы соломой. Чудом просуществовали с месяц и вместе с ещё одной семьёй решили попробовать вернуться в Балту — терять было нечего: или умереть здесь, или быть расстрелянными по дороге.

В одном из сел нам помогла местная жительница, дав нам возможность переночевать в сарае, накормила, обогрела. Утром показала нам дорогу. Был снег, идти было тяжело.

По дороге мы попали в село Еланец (Винницкая область, Бершадский район). Местные жители подсказали нам, что здесь есть небольшое еврейское гетто.

Мы пошли туда. Ночевали в свинарнике. Заболел и вскоре умер папа.

В гетто был закон: всех умерших собирали в сарае неподалеку, и, пока не соберется 200 человек, умерших не хоронили.

Мы не хотели бросать туда папу и три дня спали с покойным. Потом его тело забрали и похоронили в массовой могиле, мы даже не знали, где. Ему было всего 47 лет...

Мы остались в с. Еланец.

Прошло полгода — и умерла старшая сестра (ей было 19 лет), затем умер брат (ему было 13 лет).

С мамой и младшей сестрой мы оставались в этом гетто до 1944 года, пока советские войска не освободили село.

Цитман Анатолий

Родился в 1928 г. в Бессарабии (Молдавия), город Сороки. Семья наша состояла из 6-ти человек: родители и четверо детей. До 1940 г. учился в румынской школе и посещал хэдер. При советской власти учился в еврейской школе, которая была создана, и к началу войны я окончил 5-й класс.

22 июня 1941 г. началась война, и через очень короткое время пришлось оставить город. Помню, как мы и многие другие хотели переправиться через Днестр в с. Цекиновка (Ямпольский р-н, Винницкая область), но налетели немецкие самолеты и начали нас бомбить. Чтобы спасти свою жизнь, мы оставили все, что у нас было на берегу, и уехали в село Косоуцы. Благодаря усилиям отца, мы переправились в Ямполь, думая, что здесь, на Украине, будет наше спасение. Примерно через неделю начали нас бомбить, и мы узкоколейкой добрались до ст. Вапнярка, там пересели на товарный поезд (открытая площадка) и отправились на восток.

Доехали до ст. Балта, и отец нам говорит, что здесь в городе живет его старенькая мать и сестра, которых он не видел двадцать с лишним лет, а в городе спокойно. Мы согласились здесь остаться. Помню, как мы встретились с бабушкой и тетей. Но долго не пришлось радоваться, т.к. дней через 10 стали бомбить город, началась паника и эвакуация, прежде всего стариков и беременных женщин.

Мы на подводе добрались до местечка Ясинова, и там нас застали немцы. Сидели и ждали, что вот-вот придут к нам они и покончат с нами. Но нашлись люди, которые нам помогли (за ценные вещи) вернуться в г. Балту, где у тети была квартира. Каждый день полицейские нас гнали на работу, издевались, как только хотели. Вдруг отец исчез, и только через несколько дней мы узнали, что в г. Перелете был создан лагерь для военнопленных и евреев, которые строили узкоколейку под дулами автоматов и овчарок. Эта колея немцам нужна была для подвозки бомб и снарядов к военному аэродрому. Много людей там погибло.

Через небольшой промежуток времени всех евреев города загнали в гетто. Мы были лишены всех человеческих прав, нас гоняли на различные работы, избивали, насиловали и т.д., трудно все описать. Помню, как на станции Балта загнали в сарай несколько сот евреев, облили сарай бензином и подожгли, кто пробовал выскочить из этого ада, был расстрелян.

Помню также, как из Молдавии пригнали много евреев, и среди них были сорочане — грязные, больные, завшивленные. Мы с мамой мыли и стригли их, по возможности, накормили. Через несколько дней их погнали дальше в лагерь. Большинство из них погибло. Вот так в больших мучениях и страхе мы дотянули до 1944 г.

Под ударами Красной Армии немцы начали отступать. Первыми капитулировали итальянцы, а затем сбежали румыны. В городе остались одни немцы, которые подожгли город, грабили, насиловали и убивали.

И какова же была наша радость (со слезами на глазах), когда в марте 1944г. нас освободили бойцы Красной Армии. Не верилось, что остались живыми.

Отец сразу же ушел на фронт, а мы вернулись в наш родной город Сороки.

Время было тяжелое, пришлось всем работать и одновременно продолжать учебу, чтобы чего-то добиться в жизни. Я окончил 7 классов вечерней школы. К этому времени отец демобилизовался, я оставил работу и поступил в техникум, закончив его в 1949 году. Получив диплом техника-электронщика, проработал год. В это время открылся у нас в городе учительский институт, и я поступил на физико-математический факультет. Закончив его в 1952 году, был направлен работать в школу. Поработал всего 4 месяца и был призван в армию. К этому времени я уже был женат, имел маленького ребенка. Отслужил год и десять месяцев, получил звание младшего лейтенанта. Уже находясь в запасе, во время переподготовок дослужился до старшего лейтенанта. После армии работал воспитателем в одном из детских домов и учился заочно в Николаевском пединституте. 36 лет преподавал физику и математику в одной из престижных школ нашего города. В 1991 году старшая дочь со своей семьей уехала в Израиль. В 1996 году мы с младшей дочкой приехали в Израиль, живем в Ашдоде. Дети и внуки работают, младший внук служит в армии. Дай-то Бог, чтобы они не пережили то, что мы! Пусть небо над нашим государством будет всегда чистым!

ГЕТТО БЕРШАДЬ

Бершадь была занята немцами 29 июля 1941 года. Вскоре евреи были согнаны в гетто, которое было огорожено колючей проволокой.

Выход за его пределы карался смертью.

В гетто оказалось около 20000 депортированных из Румынии, Одесской области, а всего в 1941 году в гетто было около 25000 тыс. человек.

К августу 1942 года в гетто оставалось около 10000 человек. Умирало по 150-200 человек в день.

Только весной всех похоронили в 6 братских могилах. В марте 1943 года в Бершади оставалось 9200 евреев, из них 2250 местных.

Бершадь была освобождена 14 марта 1944 года.

Александровская (Куперман) Полина

Родилась в 1941 году в гетто Бершадь. Так как я была маленькой, то ничего не помню. Только со слов родителей. Конечно, очень издевались над ними, производили над ними опыты. Меня прятали, чтобы меня не убили и не издевались. Но и мне досталось. Отец, Куперман Лазарь, родился в Бельцах, в Молдавии, рабочий. После войны приехали обратно в Бельцы, где продолжал работать. Мать, Куперман Сара-Райбер, родилась в Бельцах, Молдавия. До войны работала портнихой, после войны продолжила эту работу.

После освобождения наша семья вернулась в Молдавию. В 1987 году приехали в Израиль. Здесь мои родители умерли и похоронены. Светлая им память!

Гральник Владимир

Родился в м. Сокиряны (до войны Хотинский уезд), Бессарабия.

До войны мне исполнилось 12 лет, я уже был достаточно взрослым, чтобы все запомнить: приход русских в 40 г., начало войны в 1941 г. До прихода русских мы были под властью румын. В июне 1941г. с началом войны всех евреев этого прекрасного местечка собрали на большую площадь.

Продержав почти сутки, погнали в местечко Бричаны, потом назад через Сокиряны в сторону Днестра и обратно в лагерь Вартыжены недалеко от Сороки. В этом лагере нас продержали 6 недель. Половина нашей семьи погибла. Через 6 недель оставшихся подняли и опять начали гнать в сторону Днестра на Ямполь. Помню, как на мосту стояли в 2 ряда солдаты румынские и били всех подряд. Кто не мог устоять на ногах, падал в Днестр и погибал. С той стороны реки стояли большие 2 грузовика: один с хлебом, а другой с луком. Каждый получал кусочек хлеба и луковицу. После короткого отдыха нас отправили дальше.

До перехода Днестра мы оказались в лесу Косоуцы. Помню большую жару и колодец с водой. Но воду никому не разрешали набирать. Надо было платить золотом и другими драгоценностями. В этом лесу забрали всех мужчин на работу, и они больше не вернулись. Моего отца не взяли, потому что он был инвалидом.

После перехода Днестра нас погнали в сторону Буга. Когда уже было холодно (это примерно в октябре-ноябре), мы оказались в деревне Кадиевка, около Бершади. Нас в этой деревне оставили за селом. Начались очень большие морозы и снега. Этой же зимой мне исполнилось 13 лет. Помню, как собралось несколько мужчин пожилых, и мне одели тфилин. В колхозе осталось очень мало людей, многие в эту зиму замерзли и похоронены на колхозном дворе. Те, кому удалось выжить, разбежались — нас уже в то время не охраняли. И мы, трое детей и родители, оказались в Бершади, где пробыли до конца 1943 года, когда здесь начался большой голод. Осенью родители нас увезли в село на Бондоровке, около Ободовки. В 1944 году после освобождения русскими, когда мы уже собирались вернуться домой, налетели немецкие самолеты. При бомбежке погибла моя сестра Бейле. После похорон уехали в Сокиряны. В 1945 году от тоски по сестре с отцом случился инфаркт, и он умер.

Дегтярева Софья

Родилась 25 июня 1925 года в Единцах в Молдавии. В семье нас было 9 человек. Папа работал столяром. Мама была домохозяйкой, семеро детей. В семье говорили на идиш и соблюдались еврейские традиции. У нас была дружная семья.

В 1941 г. в Единцы вошли румыны, затем немцы. Шел дождь, было холодно, нас вывели на площадь, приказали раздеться, поставили к стенке. Румыны приказали нас расстрелять, но подошёл немец и отменил приказ.

Собрали много людей и повели в концлагерь в селе Кадиевка Бершадского района, где мы находились с сентября 1941 по март 1944г. В лагере над нами сильно издевались, били, убили двух братьев у меня на глазах. Одному брату было 24, а другому — 27 лет.

Мама умерла в лагере от голода. Над нами издевались румыны, заставляя нас танцевать голыми, голодными под дождем. Немцы однажды загнали нас в воду голыми и забрали наши вещи. Мы чудом выжили. После освобождения мы вернулись в Единцы, затем переехали в г. Черновцы, откуда выехали в Израиль.

После пережитого в лагере у меня появился сахар в крови, высокое давление, заболевание печени. Не удивительно, ведь когда нас выгнали из дома, мы спали на кладбище. Желаю людям мира, здоровья, чтобы не было войны.

Коренман Бэлла

До начала войны я с родителями жила в селе Домбровски МССР. Отец был кузнецом, а мама — домашняя хозяйка. У нас была большая семья — пять сестер и один брат. Две старшие уже были замужем. Самая старшая Хава жила со своей семьей в г.Бельцы. Прошли слухи о том, что началась война. И каждый старался убежать куда-нибудь. Все соседи стали говорить моему отцу, что еще немного и сюда тоже придут немцы, и нас всех убьют. На это папа отвечал, что они нам ничего не сделают, мы старые люди, они не тронут никого. Сестра Рива и Клара стали настаивать на том, чтобы уехать. Но мои родители не хотели. Тогда сестры со своими семьями уехали в Сибирь. Я с ними ехать отказалась, не хотела оставлять старых родителей. Когда немцы стали подходить к городу Бельцы, то сестра Хава с семьей прибежала в деревню. Все думали, что ничего не случится. Но прошло мало времени, прибежал председатель сельсовета — он был молдованином — и сказал, чтобы мы спрятались. Тогда мой папа понял, что надо эвакуироваться.

Конечно, мы уже далеко не успели уйти. Немцы нас настигли возле реки Днестр. И начались наши мучения. Полгода они нас гнали пешком, не давая минуты отдыха. Тот запас еды, который мы взяли с собой, подходил к концу, одежда разорвалась, обувь тоже. Они гнали нас по высоким горам. Заставляли всех подниматься вверх, кто не мог, расстреливали сразу на месте. Поэтому старались, если кому-то становилось плохо, поддержать спиной. Если на пути встречались неевреи и давали кусок хлеба, то было на душе весело, но если немцы замечали, то их убивали.

Так нас пригнали в город Бершадь Винницкой области. Этот лагерь был очень страшным. У меня были длинные волосы, один немец хотел обрезать их. Но другой просто пожалел меня. Нас каждый день гнали на работу. В любую погоду. На поле собирать картошку. Еще на тяжелые работы. Немцы стояли с двух сторон. Кто пытался убежать, был также убит.

Так мы пробыли в этом лагере с 1941 по 1944 год. В муках, страхе, не зная, что нас ждет. Не думали даже о том, что мы останемся жить. Но в один прекрасный день пришла Советская Армия и нас освободила.

После войны мы вернулись домой. Конечно, было разрушено все. Я начала работать в ателье. Шила шинели военным офицерам, ремонтировала одежду. Так постепенно начали налаживать жизнь.

Лемашова (Шиндерман) Татьяна

Родилась 25 декабря 1939 года.

Когда началась Великая Отечественная война, наша семья жила в Умани. Отца в первые дни войны призвали в армию, а мы не смогли эвакуироваться, потому что мой дедушка был парализован и, вообще, говорил, что немцы — культурная нация и, если евреи заплатят им контрибуцию, то они никого не тронут.

Но когда 1 августа 1941 года немцы заняли Умань, то первым своим приказом заставили украинцев нарисовать на двери кресты, а евреям приказали носить нарукавники с желтыми шестиконечными звездами и желтые круги на груди и спине.

Немцы ходили по дворам, зашли и в наш дом с вопросом: «Юде? Юде?» Дедушка попытался с ними говорить, но автоматная очередь оборвала его жизнь. А потом мы прятались в подвале. На кухне стоял буфет, а под ним был вход в подвал. Там мама родила третью девочку. Однажды мама со мной и старшей сестрой пошла искать еду, в это время в дом зашли немцы, услышали плач, нашли подвал и расстреляли бабушку с ребенком.

В конце августа всех евреев переселили в гетто. Как тяжело и голодно там жили, я знаю по рассказам мамы, которая, говоря о гетто, всегда говорила, что дети, такие маленькие, никогда там не плакали и не просили кушать.

К нам в гетто приезжал на подводе наш бывший сосед — украинец. Он узнал, что евреев будут выводить и расстреливать у Сухого Яра. Такие расстрелы уже проводились, поэтому он спрятал маму с нами в подводе с сеном и вывез из гетто.

А семью моего дяди, жену и троих детей, расстреляли. В Яру была расстреляна мамина старшая сестра Роза с двумя детьми.

И начались наши скитания. Однажды, когда мама на поле рыла мерзлую землю, выкапывая бураки, подъехала подвода, а в ней другой мамин сосед, полицай с немцем. Они хотели отвести нас обратно в гетто. Мама стала просить соседа, чтобы отпустил её. Мама, зная, что это конец, сказала ему: «Вот придет советская власть, я скажу, что ты нас спас». Он стал смеяться, а потом говорит: «Ну, ладно, только идите в ту сторону», — и показал куда идти. И мама с нами пошла, а когда подвода уехала достаточно далеко, повернула в другую сторону.

Вот так и скитались, ночуя, где попало, и голодая.

Однажды к нам подошел мужчина и сказал маме: «Не бойся и иди за мной». И мы пошли за ним. Он привел нас в хату, где жил украинец по имени Иван, спрятал нас на печи, дал нам поесть и сказал маме, чтобы она никуда не уходила, он придет за нами.

На следующий день мама слышала, как зашел к Ивану мужик и сказал ему: «Чуешь, Иван, люди кажут, у тебя жида ховаются, як придут немцы, спалят тебя с жидами вместе».

Но мама решила никуда не уходить, пусть уж смерть будет здесь. Вечером появился этот же мужчина (как потом вспомнила мама — партизан) и забрал нас.

Шли очень быстро и пришли к берегу реки. Там было много людей, все предлагали ему золото, что у кого было. А у мамы не было ничего.

Но он сказал, что в первую очередь перевезет через реку маму с детьми. Посадил нас в лодку и перевез на другой берег в Бершадь. В Бершади немцев не было, они только навевывались время от времени, чтобы повесить пойманных партизан на углу улицы Ленина. Румыны не уничтожали евреев так, как немцы.

В Бершади нас поселили в гетто на улице Пролетарской, недалеко от синагоги. Это была маленькая клетушка, а из мебели — корыто.

Так началась наша жизнь в Бершади. 15 марта 1944 года гетто должно было быть ликвидировано, но 14 марта в Бершадь вошла Красная Армия, и мы были спасены. Отца с фронта мы не дождались, он погиб в ноябре 1944 года.

Любарская (Ратнер) Клара

Родилась 9 мая 1924 года в городе Сороки. Тогда это была Бессарабия — часть королевской Румынии, ныне городок входит в состав республики Молдавия.

Мои родители: отец, Ратнер Айзик Зусович, родился в гор. Сороки в 1894 году в мае месяце. По профессии отец был столяром-мебельщиком, он изготовлял очень красивую мебель.

Мать была домохозяйкой, она хорошо готовила и всегда пекла хлеб на всю неделю. Родом мама была из маленького городка Вад-Рашков. Это тоже Молдавия, ниже на 60 км. от м.Сороки по Днестру. Маму звали Ратнер Перла Ировна. В семье росли три девочки: я, Хая, была старшей, средней была Миния, младшей — Бася.

Когда мне исполнилось 4 года, меня отдали в детсадик. Там я научилась говорить по-румынски. Потом подросли сестрички, их тоже отдали в детсадик. Затем меня отдали в румынскую школу специально для девочек. Там учились дети богатых и знатных людей. Обязательно носили форму из черной ткани, белый воротничок и красный бант. Потом и мои сестрички тоже там учились. В школе я училась средне по всем предметам, набирала до восьми баллов и только по поведению (прилежанию) имела высший балл. Все четыре года я по всем предметам получала похвальный лист. После начальной школы меня отдали в гимназию. В Сороках была еврейская гимназия «Тарбут», там не платили за учебу так много, как в румынской школе. Проучилась первый год, с трудом уплатили, но на следующий год тоже пошла учиться. Но не успели закончить учебный год, как к власти пришла фашистская партия «Кузисты», и они еврейскую гимназию закрыли. Тогда отец решил меня отдать учиться на профессию. Папина младшая сестра была хорошей портнихой, и я пошла у нее учиться мастерству. Тетю звали Сурка, и она очень хорошо шила. Я успела проучиться один год, и началась война.

Об этом времени, когда началась война, как гнали нас по дорогам Украины, и про все страшные случаи я написала книгу. Это были очень тяжелые и страшные времена. Об одном лишь хочу рассказать.

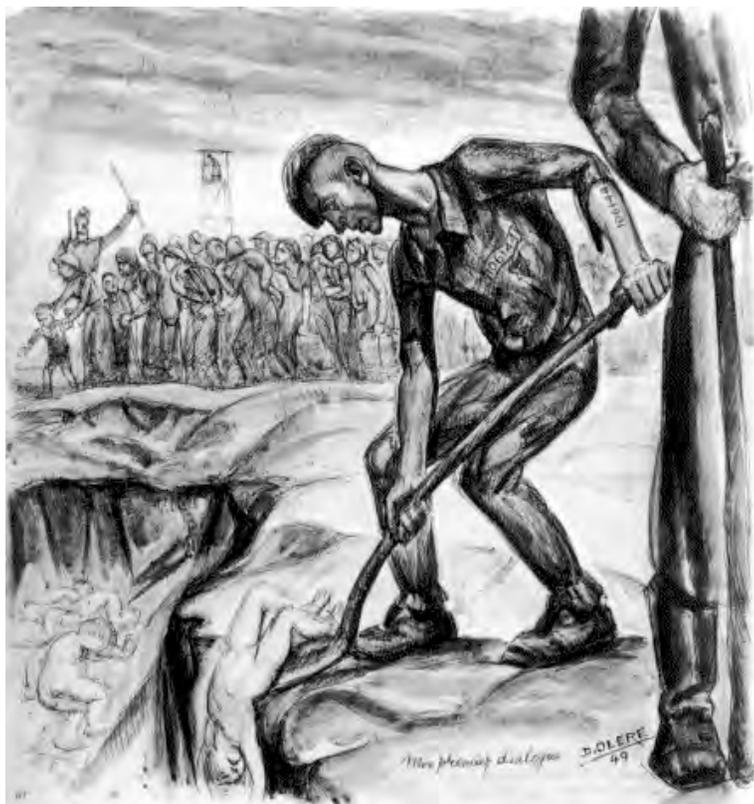
В селе Пятковка Бершадского района Винницкой области собралось много людей из разных мест. За селом, в свинарнике, находились люди без воды, еды. Каждое утро замечали, что умирали целые семейства. Мы просили Бога, чтобы мы тоже все вместе умерли, но не делается, как человек хочет. Сначала умер папин брат Нисель Ратнер и его трое детей. На следующий день умер мой отец. Через неделю умерла сестричка Бася, потом умерли папины три сестры и их семьи. Эти большие сараи опустели. Тогда те, которые смотрели за нами, взяли и перевели оставшихся людей в маленький сарайчик. Там еще был один большой сарай, в котором было много людей. В этом сарае лежали сестра и брат: Руца и Яша Шлейзер. У них была одна фуфайка и одна пара ботинок на двоих. Зато было ватное одеяло, под одеяло они взяли знакомых Симц и Мехела Райзман, они бы-

ли братом и сестрой. Лежали там три девочки-сестрички. У младшей отморозились ноги, и она умерла. Откуда они все были, я не помню. Возле другой стенки лежали две женщины— Чарна и Брана, затем я, моя сестра Минця, наша мама, а напротив двери лежал наш дедушка. Кто мог, уходил что-то выпросить.

Город Бершадь освободили 14 марта 1944 года. 15 апреля мы пошли пешком домой в Сороки. Прошло несколько лет, я вышла замуж, появились дети, и я начала думать, что надо посетить те места, где наши родные похоронены. В 1950 году я заказала такси, нашла пять человек, которые хотели тоже поехать. Там на поле мы узнали место и обкопали, как могилку, поставили свечи и таблички. Мы туда ездили все время до 1975 года. Потом останки погибших были перевезены по решению комиссии в Бершадь на еврейское кладбище и похоронены. Я собрала адреса, деньги и поставила памятник, на котором написаны имена 100 человек. В 2000 году я с мужем была на Украине в Бершади. Памятник стоит и хорошо сохранился.

D.Olere

Любман Михаил

Родился 10 февраля 1929 г. в г. Бершадь Винницкой области на Украине. До войны жили в с.Могильно Одесской области. Родители были рабочими. В 1941 году немцы угнали их в Транснистрию, а меня в гетто с. Хащевато Одесской области. На рассвете всех евреев погнали на расстрел. Выстроили надо рвом и начали стрелять из пулемета и автоматов. Кто падал в ров мертвым, кто раненым. Упал и я. Полицаи ходили вдоль рва и добивали живых.

Когда все утихло, ночью слышу кто-то тихо спрашивает: «Есть кто живой?» Мы с ним вылезли и побежали к реке Буг. Река уже начала замерзать, но мы кинулись в воду и поплыли. Доплыли уже до середины реки, когда немцы осветили нас прожекторами и начали стрелять, но мы доплыли до берега и скрылись в вырытом когда-то окопе. Тут только этот человек застонал и умер. В него попала пуля.

Родителей я нашел через 3 месяца в Саврани Одесской области. Наутро всех евреев выслали в г.Ободовка Винницкой области, поместили в недостроенной конюшне без крыши, окон и дверей. Кушать не давали. Румыны выстраивали евреев, и у кого были золотые зубы — выбивали их прикладами, заставляли помыться, обирали.

Мы с родителями и годовалой сестрой убежали в Бершадь, где и жили в гетто 3,5 года.

Жизнь была ужасной — ни одежды, ни постели, спали на полу по 20 человек в одной комнате. Я переболел сыпным тифом, без пищи, тепла, но выжил и на этот раз.

Ежедневно умирали сотни евреев. Однажды возле гетто повесили партизан на столбах. Люди смотрели с ужасом. Плакали. Пришел и я посмотреть. Вдруг налетел на мотоцикле комендант Григореску. Это был изверг, все разбежались, началась стрельба, а я остался, меня поймали. Он привязал меня к мотоциклу и на большой скорости поехал в комендатуру. Я бежал за мотоциклом сколько мог, а потом упал весь в крови. Меня кинули в подвал, где сидели партизаны. Их наутро повели на расстрел. Меня выпустил знакомый жандарм Гонта Семен (ныне покойный) и показал, как бежать в гетто. Отец умер в 1947 году (гетто оставило свой след). Мать умерла в 1990г.

Я окончил после войны Одесский университет, работал учителем, завучем, директором школы 47 лет. В 1948 году женился на учительнице, тоже узнице гетто. Есть двое детей, 4 внучки, 2 правнучки.

В Израиле с февраля 1997 года, онкобольные, но живем и будем жить, пока Бог даст.

Любман Зинаида

Родилась 14 ноября 1925 года в еврейском местечке Бершадь Винницкой области на Украине.

Отец, Кравец Исаак, в 1929 году уехал в Америку, чтобы потом забрать всю семью, но закрыли границу, и нас не выпустили. Его друзья после окончания войны написали нам, что он умер там в 1942 году.

Мать работала чернорабочей в Бершади и воспитала нас, троих детей, сама.

Мы учились в еврейской школе. Я закончила школу с отличием, с похвальной грамотой в 1941 году, подала документы в педучилище, но началась война, и мои документы пропали.

Мы не эвакуировались и находились в гетто в Бершадь почти 4 года. Эти годы вспоминаю, как страшный сон. Вспоминаю, как пригнали евреев из Буковины, Румынии, Бессарабии и других стран Запада. Их называли беженцами, это были полуживые люди, половину их перестреляли по дороге: голых, босых, а это было почти зимой, лютый мороз, снег. Их всю дорогу не кормили, они умирали. Бершадь — небольшой город, в нём нельзя было разместить столько людей. Началась эпидемия сыпного тифа. Беженцев поместили в заброшенных колхозных помещениях без окон, дверей, потолка. Люди умирали под открытым небом и в заброшенных пустых домах.

Мы прятались в погребах, на чердаках. Каждый раз приходили карательные отряды и пристреливали тех, кого находили. Помню такой случай. Это было уже в 1943 году, когда начали расстреливать всех подряд. Ночью к нам постучали в окно. Мы молчали: двое румын начали сильно стучать и кричать. Муж моей старшей сестры спросил, что им надо. Они ответили, что выбьют окна и нас всех перестреляют, попросили спички. Он открыл форточку, чтобы дать им спички, они через форточку пустили в дом овчарку и сами влезли. У них были румынские ботинки, они били ими по голове, начали выгонять на расстрел. Но муж сестры знал румынский язык и начал их просить, чтобы они нас не забирали. Он дал им денег. А у мамы было золотое кольцо — подарок бабушки, все им отдали и еле выпроводили из дома.

Ночами стучали в двери, окна. Мы прятались на чердаке, в погребе. Они отрывали двери и забирали все, что хотели. Били всех подряд, если не было что брать. Фашисты вылавливали людей на работу в Николаев, Балту и другие города. Оттуда никто не вернулся. В Николаеве был муж моей сестры. Он вернулся через год, босой, ободранный, больной желтухой и чесоткой. Он рассказывал, что заставляли копать ямы, расстреливали людей.

Когда немцы отступали, они заминировали Бершадь и хотели взорвать весь город, но не успели, нас освободили партизаны и Советская Армия. Среди партизан было много евреев местных. Перед уходом немцы успели расстрелять 500 человек. Их обнаружили в лесу возле села Бырловка, несколько километров от

Бершади в глинище, где выкапывали глину для изделий. Убитых забирали родственники, их уже нельзя было узнать, их узнавали только по одежде. Среди них был муж моей двоюродной сестры Славутер Лева.

Каждый день собирали на подводы мертвых, специально ездили и вывозили на кладбище. Мертвых собирали евреи, копали рвы и сбрасывали их, как бревна: за ноги, руки, волосы. Это был кошмар. Каждый день вывозили по 200-300 мертвых!

А как немцы гуляли! Наш дом был на окраине города, где рядом были украинские улицы. Гуляющие девушки села наводили фашистов на наш дом. Часто стучали в дверь, в окна, пьяные фашисты угрожали расстрелять. Рядом с нами жили беженцы. Старшая сестра выбежала через черный ход звать их на помощь. Парень Жук Шая пришел, они его схватили за шарфик и начали душить. Он выкрутился и побежал по дороге, потерял галоши, а фашисты в ярости забыли о нас. Есть о чем писать, но не хватит бумаги и здоровья.

В 1947 году я окончила Бершадское педучилище и работала учительницей младших классов. В марте 1948 года я вышла замуж за своего однокурсника Любмана Михаила. Он тоже был в Бершадском гетто.

В 1956 году я поступила в Одесский государственный институт романо-германских языков, факультет немецкого языка, и окончила его в 1960 году. Все годы я работала преподавателем немецкого языка в Одесской области, в Кодымском районе, потом вернулись мы на родину (в город Бершадь) и работали до развала Советского Союза. Всего я проработала 42 года без перерыва. У нас двое детей: сын Александр и дочь Светлана.

Марчак Семен

В июле 1941 года в Бершадь вошли венгры, потом итальянцы и немцы. Немцы оставались в Бершади несколько месяцев. Потом зашли румыны, и они оставались до нашего освобождения Советской Армией.

Румыны пригнали сюда евреев из Буковины и Бессарабии.

В Бершадском гетто я находился с первого до последнего дня. Я видел, как зимой 1941 и 1942 годов каждый день ездил по местечку повозка, и люди из «хеврат кадиша» собирали трупы. На кладбище стояла открытая могила, куда их складывали. Весной могила засыпалась. Каждый день отвозили на кладбище по 200-300 трупов. Это было следствием эпидемии сыпного и брюшного тифа, голода и холода. В этом кошмаре погиб мой младший брат Миша.

Мои родители, как и многие бершадчане, помогали этим несчастным, чем только можно было.

Мой отец, Марчак Эля Шаевич (Эля-шойхет — так звали его в Бершади), спас много жизней. Несколько людей, спасенных им, проживают сейчас в Израиле.

Когда в Бершади хозяйничали немцы, была образована украинская полиция. В один из дней украинские полицейские решили пограбить евреев. На нескольких арбах полицейские подъехали к еврейским домам «в долине» — ул. Набережная, стали выносить все имущество и грузить в арбы. Евреи не знали, что делать. Полиция очистила уже несколько домов, переходя от одного дома к другому. Тогда мой отец пошел к коменданту. Он свободно владел немецким языком. Объяснил коменданту ситуацию. Комендант прибежал на место ограбления с пистолетом в руках. Поймал одного полицейского, остальные успели разбежаться. Избил его и приказал все вернуть. Все было возвращено.

Мой отец пошел к коменданту, чтобы его отблагодарить. Тот отказался от подарка и произнес следующую фразу: «Ich bin ein немец». Слово немец он произнес по-русски. Этим поступком и фразой он хотел сказать, что среди фашистов, редкое исключение, есть порядочные люди.

В 1943 г. румыны отправляли евреев-мужчин на строительство моста через реку Ю.Буг в г. Николаев. Когда дошли слухи, что люди попадают практически в концлагерь, стали прятаться.

Помню, как румынский комендант вытащил из еврейских домов двух мужчин. В руках у коменданта была толстая палка. Этой палкой он стал избивать одного мужчину, пока не сломал на нем палку. Потом приказал местной украинке вырубить из дерева другую палку. Эту палку он сломал на втором человеке.

После этого он приказал связать их вместе и отправил в комендатуру.

В Бершадском районе действовал партизанский отряд им.И.Богуна. По заданию руководства отряда мой отец и с ним еще 6 человек собирали деньги у населения в помощь партизанам. Список собиравших и жертвовавших деньги для

партизан попал в руки гестапо. В начале февраля 1944 г. все люди были арестованы, а 11 февраля 1944 г. после страшных пыток — расстреляны. О том, что они расстреляны, никто не знал. По местечку шли слухи, что их видели то там, то там. Некоторые люди обратились к майору румынской армии, военврачу, еврейю по национальности, помочь в освобождении родных. Зная о том, что они погибли, тот ничего не сказал. Забрал драгоценности и исчез.

14 марта 1944 г. нас освободила Советская Армия.

Через некоторое время были пригнаны пленные немцы и власовцы. Они раскопали общую могилу, вытащили трупы и выложили для опознания.

После опознания каждая семья хоронила своих родных.

Мицель Абрам

Родился в 1931 году.

В первые дни Великой Отечественной войны моего отца призвали в ряды Красной Армии. Мы с мамой и сестрой остались жить в Бершади. Вскоре на подводе отчима мамы мы эвакуировались, но немцы нас настигли в местечке Израйловка Кировоградской области. Когда мы вернулись в Бершадь, там уже были немцы. Наш дом, где мы жили до начала войны, был разбомблен. Нас взяла к себе жить моя тетья — сестра мамы. Это была небольшая квартира. Вначале нас там жило 11 человек. А вскоре в Бершадь пригнали этапом из Бессарабии, Буковины и Румынии несчастных, измученных, голодных людей, которых стали размещать по квартирам местных жителей. Переполнение квартир, отсутствие надлежащей гигиены вызвало эпидемию сыпного и брюшного тифа. Медикаментов и врачей не было. Люди умирали от болезней, голода и холода. Я тоже болел брюшным тифом. Сестра и дети моей тети болели сыпняком. Как мы выжили — известно одному Богу. Вскоре после выздоровления, уже ближе к зиме, меня жестоко избил румын и нанес мне травму (правый глаз).

Немцы предписали узникам фашистского гетто носить на левой груди, спине и на руке Маген Давид. Выход за пределы гетто карался расстрелом. Так однажды немецкий комендант поймал «нарушителя порядка» за пределами гетто, привязал его к коню и, разогнав коня, поволок несчастного пленника в комендатуру. Конечно, притащил его мертвым.

В другой раз комендант застал парней нееврейской национальности в гетто. Те получили по 25 ударов шомполами по ладоням. На столбах и деревьях висели повешенные с табличками: «Нарушитель нового порядка».

В такой обстановке моя тетья рискнула: отпоролась знаки, переделалась в крестьянскую одежду сама и меня передела, и мы пошли в деревню. Там жил врач. Как потом оказалось, это был ветеринарный врач по фамилии Ладунчик. Посмотрел он мой изувеченный глаз, но помочь не смог. Не было медикаментов. Глаз зажил, но и сейчас едва вижу этим глазом.

За свой труд взрослые получали натурой (хлеб, овощи, фрукты и т.п.). Каждый день ждали смерти. Комендант вызывал старосту общины и грозил расправой: или он принесет собранные у людей драгоценности, или он сравняет гетто с землей и уничтожит всех. Часто менялись коменданты, часто ставились эти условия: выкуп — жизнь, нет — смерть.

Несмотря ни на что, местечко жило, и даже существовало подполье. Командиром подполья был мой двоюродный брат Мицель Нюнчик, а комиссаром был Талис Яша. Часто они обсуждали дела подполья в доме моей тети, где я жил. Собирали вещи для партизан.

В подполье оказался провокатор, который выдал Бузылэ — хранителя списков помогающих и сочувствующих партизанам. За несколько дней до освобождения

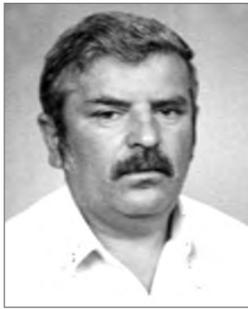

Бершади немецко-румынские захватчики уничтожили во рвах за городом около 400 человек. Убитых родные едва узнавали по отдельным приметам после того, как нашли место акции и откопали их тела.

Только освобождение города войсками Советской Армии спасло нас от поголовного истребления, о чем мы позже узнали из захваченных документов комендатуры.

Вот таким образом мы остались в живых.

Портной Михаил

Нет числа еврейским трагедиям прошлого века, да и не только прошлого. На протяжении двух тысяч лет его пребывания в галуте, где еврейский народ не по своей воле оказался в рассеянии, судьба не очень баловала нас. Но то, что произошло с нашим народом в середине двадцатого века, не имеет примеров в истории человечества. Нацистская Германия при молчаливом одобрении и даже при прямом участии других народов Европы задалась целью уничтожить еврейский народ, поставив это кровавое преступление на промышленную основу. Нацистам и их пособникам удалось уничтожить 6000000 наших единоверцев. Мне, еврейскому мальчику из еврейского местечка, пришлось стать свидетелем и на себе испытать все ужасы этого преступления. Об этом я хочу рассказать в своих воспоминаниях. Нас, узников концлагерей и гетто, в силу объективных и естественных причин, в живых остаётся все меньше и меньше, а в мире усиливаются антисемитские настроения, даже пытаются отрицать существование Холокоста.

Я родился 16 августа 1934 года в Бессарабии в еврейском местечке Згурица. У нас было свое хозяйство, родители мои занимались земледелием. Я помню, как июньским вечером отец сообщил нам, что началась война. Мать побледнела. Мы долго сидели, не проронив ни слова. В последующие дни через наше местечко проходили разрозненные группы отступавших красноармейцев. Многие еврейские семьи, в том числе и наша семья, начали готовиться к эвакуации. Нагрузив на подводу домашний скарб, мы поздним вечером двинулись в направлении г.Сорока с намерением переправиться через реку Днестр. В г.Сорока прибыли утром. Через реку Днестр моста не было, а паромы были переполнены отступавшими красноармейцами, и гражданским лицам воспользоваться ими не разрешили. Пришлось вернуться назад в Згурицу.

В конце июня или в начале июля 1941г. в наше местечко вступили немецко-румынские войска, и сразу же начались грабежи и избиения евреев. Наша семья и некоторые из наших родственников спрятались в зарослях кустарников на окраине местечка. Нас обнаружили и под конвоем пригнали на овчарню, которая находилась в поле недалеко от Згурицы. Вокруг овчарни лежали тела убитых евреев. Нас всех выстроили вдоль стен и перед нами легли солдаты с пулеметом с намерением нас расстрелять, но в последнюю минуту прискакал на коне румынский офицер и приказал солдатам отвести всех евреев в местечко. На следующий день всех евреев собрали на лугу возле реки Кайнар, протекавшей на окраине Згурицы, и на холмах вокруг нас расставили пулемёты. Здесь мы пробыли несколько дней, а затем под конвоем всех нас погнали в сторону города Сорока. По пути останавливались на несколько дней возле сёл Рублоница и Косоуцы. В этих местах я стал свидетелем расстрела евреев. Даже стоял рядом с расстрельщиками. Помню, как в лесу возле с. Рублоница был расстрелян один еврей,

предварительно зверски избитый дубинками. Не могу забыть кровавое зрелище, когда из с. Косоуцы привезли на повозке группу расстрелянных еврейских детей, и их кровь стекала на дорогу. Я до сих пор ясно помню лица расстрельщиков и расстреливаемых, как будто это было вчера. Часто эти кошмары приходят ко мне во сне по ночам и, наверно, до конца дней моих я это не забуду и не успокоюсь. В окрестностях упомянутых мною сёл осталось много могил умерших и убитых евреев.

Пробыв примерно неделю в этих местах под бдительной охраной солдат, немцы переправили нас через р. Днестр в г. Ямполь. Избиения и издевательства над нами продолжались беспрерывно всё время.

В г.Ямполье моя мать была избита до полусмерти.

Через некоторое время нас опять погнали назад в Згурицу. Это была изуверская тактика. Голодные, измученные и больные люди сотнями умирали при почти беспрерывных и бесконечных переходах. Но возвращение домой, возможно, спасло нашу семью. Дело в том, что мои родители перед самым приходом оккупантов закопали мешок со всевозможными вещами (одежда, полотенца, простыни), а сгоревший и обрушившийся дом скрыл все следы. Я забыл упомянуть, что на второй день оккупации наше местечко было подожжено со всех сторон и почти полностью сгорело. Уцелевшими нашими вещами мы спаслись, обменивая их в дальнейшем на продукты.

Вскоре нас опять погнали в лагерь. Из собранных в г.Вертужаны евреев были образованы две огромные колонны. В одной из колонн оказались многие из наших родных, а в другой — наша семья.

Много лет мы ничего не знали о судьбе наших родных, оказавшихся не в нашей колонне. Лишь несколько лет тому назад нам стало известно, что их всех расстреляли. Недолго нам здесь дали передохнуть, а потом обе колонны погнали в разных направлениях. Я запомнил, что среди них были мой дед по отцу Портной Ихиель, его дочь(моя тётя) Леа, её муж Герш, их пятилетний сын Шмулик и годовалый сынишка, имя которого я не запомнил. А также мой дядя, по матери Дунаевский Мени, его жена Роза, их трёхлетняя дочь Мириам и ещё одна дочь, которой ещё не исполнилось года, и имя которой я не помню.

Нашу колонну направили в так называемую Транснистрию, оккупированную румынскими войсками часть Украины. По пути по обочинам дорог лежали тела умерших и убитых евреев. Некоторые ещё были живы, и они сидя молились. Почти все они были окровавлены и раздеты.

Уже настала осень. Шли беспрерывные холодные дожди. Люди умирали десятками от голода, холода и болезней. Я тяжело заболел, и меня мать несла на своей спине; она сама еле двигалась. Нас пригнали в окрестности города Бершадь Винницкой области. Наступившая зима 1941 года была очень суровая. Нас загнали в какие-то разрушенные постройки. Мы мерзли и голодали. Через пару дней мы оказались в гетто г. Бершадь. После долгих мучений поселились в квартире, где проживали еще 7 семей. Квартира была двухкомнатная, разгороженная множеством перегородок. На улицах лежали тела умерших. Их не успевали со-

бирать и хоронить. На все гетто была одна лошадка с санями, на которые нагружали тела штабелями. Их вывозили за гетто на кладбище, где были вырыты огромные братские могилы.

Очень тяжелыми для узников гетто были 1941-1942 годы, первая половина 1943г. Люди массами умирали от голода и болезней. В 1943 году моего отца вместе с сотнями других узников гетто отправили на каторжные работы по постройке моста в городе Николаеве, откуда мало кто вернулся. В феврале 1944 года мой отец, однако, возвратился в гетто Бершадь. В конце февраля группа солдат и полицаев ворвалась в дом, где мы проживали.

Некоторые из находившихся в доме успели убежать, а остальные спрятались под нарами. Посреди дома я остался один, почти невменяемый от испуга. Солдаты поймали женщину и методично выбивали ей зубы рукоятками пистолетов. Я до сих пор ясно помню лица истязателей и истязаемой женщины, даже помню, чем были вооружены. Моя малолетняя сестренка Фаня умоляла их: «Дяденька, я маленькая девочка, не убивайте меня!» Ко мне, стоявшему посреди комнаты, подбежал полицай и велел мне помыть его окровавленные еврейской кровью руки. Я схватил жестяную банку с водой, стоявшей на железной печке-буржуйке и вылил ему на руки. Наверное, вода была горячеей, он взвыл и ударил меня рукояткой пистолета по голове. Кровь заливала мне лицо. Мать успела крикнуть мне на идиш: «Сынок, беги!» И я, полуголый, босиком, в февральскую стужу побежал, куда глаза глядят. Незнакомая женщина подобрала меня, обогрела и спрятала. К счастью, у нас обошлось без человеческих жертв.

Я обязан упомянуть о славном поведении еврейских женщин. Они были настоящими героинями. Даже выжить в тех страшных нечеловеческих условиях было подвигом; а ведь они еще ухитрились чем-то накормить и ободрить семью. Огромная тяжесть и страшные муки выпали на их долю. Еврейских несовершеннолетних девочек насиловали, а некоторых после этого пристреливали. Я лично был знаком с некоторыми из этих жертв и, по понятным причинам, не могу назвать их имена. Я с дрожью вспоминаю умирающих матерей. Они уже не могли двигаться от истощения. До последнего своего вздоха они неотрывно вглядывались в лица своих еще остающихся в живых детей. Кто не видел эти прощальные взгляды умирающих еврейских матерей, тот не может понять, что такое настоящий ужас. Эти взгляды будут преследовать меня до конца дней моих.

ЕВРЕЙСКИМ ЖЕНЩИНАМ

*Все женщины мира пьянят меня в меру,
Но все же милей мне моисеевой веры.
Мерцают из прошлого те имена,
Что нас осеняют во все времена:
И Сара, и Лея, Рахель и Ревекка—
Мои героини двадцатого века!
Годами в немилых краях вы сидели,*

Но душу народа сберечь вы сумели.
 Достойными были и в годы страданий.
 Весь мир вас предал постыдным молчаньем.
 Ни злоба, ни ужасы вас не пугали.
 Телами своими детей закрывали.
 Ни бешеный фюрер, ни горец кавказский
 Не в силах убить были женскую ласку.
 Заветы любви вы свято хранили,
 И сердце, и душу семье вы дарили.
 И горькие складки, и пряди седые...
 Печаль и улыбка у вас неземные.
 Пусть вами гордятся народа сыны!
 Еврейские женщины! Нет вам цены!

В начале марта 1944г. уже чувствовалось, что освобождение близко. С каждым днем увеличивался поток отступающих частей немецкой и румынской армий. Я с утра до ночи сидел на крыше кузницы, находившейся недалеко от дороги, по которой шло отступление, все это наблюдал, и радости моей не было предела. Беспорядочно отступавшие солдаты были деморализованы, грязные, голодные, большинство из них были без оружия.

У всех узников гетто было приподнятое настроение, всеми овладело чувство скорого освобождения. И этот день настал! На рассвете 14 марта 1944 г. в гетто вошли красноармейцы. Но радость вызволения была омрачена. Перед самым отступлением оккупанты расстреляли 237 человек, среди которых были не только евреи. Несколько дней продолжались похоронные процессии.

Где-то в апреле несколько семей из Згурицы, вернее, то, что осталось от этих семей, двинулись из гетто домой в Бессарабию. Пешком, иногда на военных машинах и даже на танках, мы приблизились к Згурице, к родным пепелищам.

Я был свидетелем, как людей расстреливали, вешали, палками забивали насмерть. Людей привязывали к седлам лошадей или к мотоциклам и на большой скорости волокли по земле. Я видел еврейских детей с отморозенными и отваливающимися конечностями. Они не жаловались и не плакали; только в отрешенных глазах улавливался немой вопрос: «За что?» Я сутками лежал рядом с мертвецами потому, что не было сил их убраться. Это невозможно забыть, и это нельзя простить. Нелегко мне было написать эти воспоминания. Страшные картины всплывали в моей памяти, сердце сжималось до боли, а в глазах стояли слезы. Неугасаемо горят поминальные огни в наших сердцах, бередя душу случившимся с нашим народом. Я посчитал своим долгом рассказать о Катастрофе европейского еврейства, чтобы наши потомки знали и не забывали, что с нами произошло, чтобы они были бдительны и в будущем не допустили повторения нового Холокоста.

Возможно, что в моих воспоминаниях имеются небольшие неточности в хронологии, но все, что я описал, есть истинная правда.

Портная Фаня

Я родилась в местечке Згурица в Бессарабии. К началу войны мне исполнилось 4 года. Говорят, что в этом возрасте дети начинают запоминать события, происходящие с ними и вокруг них.

Я хорошо запомнила этот летний солнечный день 1941 года. Уже несколько недель в местечке ощущалась какая-то нервозность, возбужденность, страх, люди все время о чем-то перешептывались. В тот день в местечко вошли немецкие и румынские солдаты.

К нам в дом зашли два солдата, велели быстро собраться и покинуть дом. На сборы они дали нам 5 минут. Мои родители не были готовы к такому повороту и заранее ничего не собрали. Мама схватила мешок и лихорадочно стала в него бросать все, что было под рукой. Отцу и брату тоже дала по узелку. Мне мама сунула в руку чайник и треножник. Солдаты объявили, что наше время истекло, и стали прикладами от винтовок выпихивать нас на улицу. Они велели нам перейти улицу и ждать напротив. Там уже собралось почти все еврейское население местечка. Через несколько минут загорелся наш дом. Это солдаты после нашего ухода подожгли его.

Так сгорело все наше имущество, накопленное несколькими поколениями. Вместе с нашим домом сгорела добрая половина еврейских домов.

К месту, где мы стояли, все время подходили новые группы людей. Когда собралось все еврейское население местечка, солдаты построили нас в колонну и повели. Так начался наш долгий путь в гетто Бершадь. Правда, тогда никто не знал, куда нас ведут. Нас вывели из местечка. Колонна была довольно внушительная. По дороге к нам присоединялись евреи из других местечек и сел. Ночью устроили привал в открытом поле, утром шествие продолжалось.

Рядом с нами шли наши родственники: мамин брат (28 лет) с девочкой и беременной женой, папин отец и сестра с мужем и двумя детьми.

Мы старались держаться вместе. Я помню, что в один из дней мы подошли к какому-то лесу. Колонна, к тому времени довольно длинная, была остановлена. Один из солдат, охранявший нас, объявил, что мы сейчас будем медленно продвигаться, а он будет говорить, кому идти налево, а кому направо.

Так началась настоящая трагедия, разлучались семьи: отцов отрывали от семей, сестер от братьев, родителей от детей. Эта трагедия не обошла и нашу семью. Нас направили в одну сторону, а всех наших родственников в другую. По сей день мы не знаем, что с ними случилось. В живых не осталось ни одного из них.

Потом кто-то рассказывал, что всех евреев, что пошли направо расстреляли в том же лесу. Наша колонна заметно поредела. На опушке того леса нас оставили ночевать, а утром нас подняли и опять начали стрелять в колонну.

И тут произошел случай, который я не смогу забыть до конца жизни. Рядом с нами была семья: муж, жена и двое детей приблизительно моего возраста. От жары, жажды, голода дети сильно ослабели и не в состоянии были двигаться.

Муж сказал жене: «Все равно мы все погибнем, у нас нет сил нести их на руках, мы должны оставить их здесь». Мать начала плакать и заявила, что в таком случае она останется с детьми.

В это время подошел немец, оторвал мать от детей, и колонна двинулась дальше. Но еще долго вслед неслись вопли детей: «Мама, папа, не оставляйте нас здесь!»

Мы шли очень долго, недели, месяцы. На ночь мы оставались в открытом поле, и тогда начиналась охота за пищей. Люди выкапывали из земли картошку, буряки, морковку, разжигали небольшой костер из сухой травы и веток и пекли свои находки. Мой отец отправлялся на поиск ручья, речки, набирал чайник воды, и мы ее кипятили на треножнике. Люди подходили с кружками, стаканами, и мы им давали немного кипятка.

С этим чайником и треножником я прошла весь путь до Бершади. Если мне не изменяет память, то этот чайник я принесла после освобождения обратно в Згущицу.

Детям было тяжело, от голода они сильно слабели, и родителям приходилось носить их на руках.

Я помню, какой гордостью наполнялось моё сердце, когда какая-то мать говорила своему ребенку, указывая на меня: смотри, вот идёт девочка, она не старше тебя, но её не несут на руках. Она едет сама и ещё что-то несёт. Слушая эти «комплименты», я старалась шагать быстрее и бодрее.

Здесь я хочу немного отвлечься. До войны наша семья жила довольно скромно. Мы, конечно, не голодали, но родители не очень баловали нас. Я помню, что, несмотря на ранний возраст, у нас с братом были свои обязанности в семье. Я, например, кормила кур и собирала на огороде огурцы и помидоры. Физически мы были закалены. Мне кажется, что эта закалка в большой степени помогла нам выжить в этом аду.

Во время этого похода самым тяжелым испытанием для людей был голод. Люди слабели, и тех, кто не был в состоянии двигаться дальше — пристреливали.

Когда мы проходили мимо деревень, сердобольные крестьянки подходили к колонне с краяхами хлеба, крынкой молока, какими-то фруктами и пытались передать это нам.

Иногда это им удавалось, но чаще всего охранники их прогоняли, не допускали к колонне.

Я не стану описывать все наши муки и страдания, перенесенные в пути. В конце ноября или начала декабря мы, наконец, пришли в Бершадь.

Расстояние между бывшей Бессарабией и Украиной не очень большое. Но мы добирались туда 5 долгих месяцев. Помню, спустя много лет после войны, я как-то спросила отца, почему мы шли так долго, ведь это расстояние можно было спо-

койно пройти за месяц. Отец мне объяснил, что в той части Украины шли ожесточенные бои между немцами и Красной Армией. Поэтому вели нас обходными путями, пока немцы не взяли Бершадь.

В Бершадь мы пришли в начале зимы. Зима в том году наступила рано. Был сильный мороз. Нашу семью вместе с небольшой группой людей поместили временно в помещение церкви. Не знаю почему, но в церкви не было никакой мебели: ни стульев не скамеек. Был вечер, и все расположились прямо на голом и холодном полу. Мама к тому времени сильно заболела. У неё была высокая температура и сильные боли в животе. Кто-то поставил «диагноз» — брюшной тиф. Но к счастью, он оказался ошибочным. Она всё время бредила, но никто не мог ей помочь, лекарств ни у кого не было.

Утром кто-то сжалился над ней и дал ей варёную холодную картошку. Она не могла её есть без соли, а соли тоже ни у кого не было.

Рядом с церковью стоял дом, в котором жили бершадские евреи. Когда организовали гетто, им разрешили остаться в своем доме. Отец меня послал к ним попросить немного соли для мамы. Я постучалась в дверь, зашла — и вдруг слезы начали душить меня. Мне было безумно стыдно просить милостыню. Мне кажется, что такого унижения я больше ни разу в жизни не испытывала. Они долго пытались выяснить, что я хочу. Но из-за слез я не могла вымолвить ни слова. Они мне дали какой-то пряник, и я вернулась в церковь без соли.

На следующий день нас начали распределять по квартирам. Мы попали в квартиру, хозяева которой успели эвакуироваться. В квартире была маленькая гостиная и небольшая спальня, темная, без окна. В спальне стояли нары, занимавшие три четверти площади комнаты. На этих нарах спало 8-9 человек. А вообще в квартире нас было 14. Квартира не отапливалась, и было очень холодно.

В эту первую зиму в гетто умерло очень много людей. Каждое утро по территории гетто проезжала телега, запряженная лошадью.

В телеге сидело 2 человека. Они собирали трупы умерших за ночь. Трупы были заочевеншие, твердые, и они их забрасывали в телегу, как бревна. Когда телега была загружена до предела, трупы вывозили за город. В течение дня телега делала несколько рейсов.

За эту зиму я видела столько смертей, что иному взрослому не привиделось видеть за всю жизнь. Вполне понятно, что это оставило глубокий след в сознании ребенка.

Через несколько дней мама начала выздоравливать и думать, как раздобыть какие-то продукты. Кто-то ей сказал, что по утрам к гетто подходят крестьянки из соседних деревень и предлагают обменять продукты на одежду и другие вещи. И мама включилась в этот обмен. Она стала вытаскивать из мешка вещи и каждый день приносила что-то съестное: краюху хлеба, стакан муки, кусочек сала и пр. Я должна отметить, что мы довольно долго кормились таким путем. Мы никогда не наедались досыта. Чувство голода постоянно преследовало нас. Но все-таки мы не умерли с голоду. Здесь я должна отметить, что мама моя была женщиной незаурядной. Если бы не она, мы бы, наверное, не выжили. Когда ме-

шок опустел, и больше нечего было выменивать, какие-то женщины приносили ей одежду, старые тряпки (за деньги, конечно). Позднее нам кто-то рассказал, что эту одежду могильщики снимали с мертвых и продавали. Мама начала из этих вещей шить детские платяца, рубашечки, кофточки.

Она до этого никогда не занималась шитьем. Но начала, и дело пошло. Это было нелегкое занятие. Сначала надо было распороть вещь, очистить швы от полчищ вшей (это была моя обязанность). Затем она детали стирала и раскраивала их. Шить приходилось вручную, что занимало много времени.

Шила она, в основном, по ночам, забившись в угол, при свете керосиновой копилки или огарка свечи. Я долго не отправлялась спать, сидела возле нее. Чтобы не заснуть, мама все время тихо напевала песни на идиш. У нее был хороший голос. Песни, которые она пела, были очень грустными, и, слушая их, я все время плакала. Через некоторое время мама меня укладывала спать, а сама продолжала шить. Ведь утром надо было обменять готовое изделие на продукты. Иногда ей давали несколько марок.

Говорят, что евреи очень живучий народ и что они могут приспособиться к любым условиям. Не знаю, как принимать это: как антисемитский выпад или как комплимент. Но доля правды в этом есть.

К концу 1942 и началу 1943 года в гетто начала развиваться «легкая промышленность». Одна семья начала готовить пончики и продавать их по 1 марке за штуку. Кто-то начал продавать картофельные деруны. Они очень смешно рекламировали свою продукцию.

В один из летних дней мне страшно захотелось заполучить пончик. В комнате были я и папа. Попросить у него денег на пончик я не решалась. Тогда у меня созрел план. Я залезла на нары, укрылась одеялом с головой и начала усиленно дышать. Через некоторое время мне стало очень жарко. Папа спросил меня, почему я улеглась среди белого дня. Я высунула голову и слабым голосом сказала, что, кажется, я заболела. Он пощупал мой лоб и сказал, что он горячий, видимо, у меня температура. Он добавил, что мамы нет дома, а он не знает, как мне помочь. Я сказала, что думаю, что, если бы я съела пончик, у меня бы все прошло. Папа улыбнулся, вышел из комнаты и вскоре вернулся, держа в руке пончик. Я чуть с ума не сошла от счастья. Я не набросилась на пончик, а ела долго, небольшими кусочками, растягивая удовольствие. С тех пор я ела много пончиков, но тот был и остается для меня самым вкусным. Вспомнила еще один случай, довольно печальный. Недалеко от нашего дома устроили что-то наподобие офицерского клуба. При нем была столовая. Офицеры ели там, отдыхали, играли. В один из дней они начали ловить в гетто девушек, молодых женщин и приводить в этот клуб, чтобы те их обслуживали. Девушек этих не выпускали. Видимо, над ними порядочно издевались. Однажды одной из девушек удалось сбежать оттуда. За ней погнались немец и полицай (украинец). Она забежала к нам в дом и спряталась за дверью нашей темной спальни. Преследователи вскоре ворвались в дом вслед за ней, но буквально за минуту до этого кто-то из жильцов успел предупредить, что они бегут к нашему дому. Че-

рез несколько секунд все, кто были дома, оказались под нарами. С нами в комнате жила одинокая старая женщина. То ли для нее не хватило места под нарами, то ли она не успела туда залезть, но она улеглась на нары, укрылась какими-то тряпками и велела мне сесть на нее, что я и сделала.

Когда преследователи ворвались в спальню и осветили ее фонариком, то кроме меня, они никого не увидели. Немец о чем-то спросил меня, полицейский переводил, но я ничего не понимала. Мне было очень страшно. В какой-то момент немец вытащил револьвер и стал в меня целиться. Он был пьяный, рука у него дрожала, и он все время терял «цель». Я поняла, что сейчас он меня убьет. Я заплакала и начала его умолять: «Дяденька, не убивайте меня, я еще маленькая, я хочу жить!» К этому моменту мамино терпение кончилось, она вылезла из-под нар и стала между мной и солдатом. Видимо, его разозлило, что ему помешали, и он сильно ударил ее рукояткой револьвера по голове. Кровь, хлынувшая из раны, залила ей все лицо. Немец догадался, что под нарами она была не одна. Он осветил туда фонариком и велел всем выбраться отсюда.

Когда все вылезли из-под нар, он объявил, что несколько минут тому назад в наш дом вбежала девушка, и если ему не укажут, где она скрывается, он всех перестреляет. Я не знаю, видел ли кто-нибудь из нас эту девушку, или не хотели ее выдать, но никто ничего ему не сказал.

Здесь я должна сделать еще одно маленькое отступление. В нашей квартире жила еще одна пара, они с нами не общались. Говорили, что они из Закарпатья. Оба прекрасно владели немецким. Муж был врачом, где-то работал в гетто по специальности. У них в гетто родились близнецы, и они отгородили часть гостиной, устроили себе «отдельную комнату». Так эта женщина, боясь за судьбу своих малышей, подошла к немцу и показала ему, где пряталась эта несчастная. Немец и полицейский схватили ее и покинули наш дом. Я не знаю, что стало с этой девушкой, но в гетто я ее больше не видела.

Говорят, что гетто охраняли немецкие и румынские солдаты. Но я их не очень различала, поэтому пишу везде — немцы.

Однажды солдаты устроили в гетто облаву. Говорили, что кто-то откуда-то сбежал и прячется в гетто. Вместе с солдатами шел полицейский. Он указывал на какой-то дом, солдаты заходили туда и выводили всех, кто находился внутри. Они обошли много домов, собрали человек 70, так и не найдя того, которого искали. Рассказывали потом, что они вывели этих людей за город и всех расстреляли.

Осенью 1943 года папу с другими молодыми мужчинами отправили в г. Николаев на Украину. Недалеко от города они строили мост через реку Буг. У нас не было с ним никакой связи. Мы даже не знали, жив ли он.

Вернулся он только в феврале 1944 года. Он был очень худой и казался стариком. Снял фуфайку, помылся, мама накормила его, и он лег спать. Фуфайку он положил на пол. Перед тем, как лечь, он сказал мне и брату: «Я немного посплю, а вы посторожите мою фуфайку, чтобы вши ее не утащили». Чувство юмора никогда его не покидало.

Итак, начался 1944 год. Красная Армия успешно наступала. Большая часть Украины уже была освобождена. До нас уже доносились отдаленные пушечные выстрелы, разрывы бомб.

В один из таких дней к нам в дом вошли 2 немца. Вид у них был отнюдь не воинственный, завернутые в какие-то тряпки, одеяла, голодные, замерзшие, несчастные. Они попросили разрешения погреться возле плиты. Кто-то сжалился над ними и дал им 2 стакана чая и какую-то еду. На еду они сразу накинулись и мгновенно прикончили ее, а стаканами с чаем еще долго грели руки. Они все время повторяли: «Гитлер капут! Гитлер капут!».

Через 2 дня в Бершадь вошли части Красной Армии. Папу сразу же мобилизовали в трудармию и направили ремонтировать железные дороги на Украине. А мы начали собираться в обратный путь.

Мама была очень предусмотрительным человеком. Перед тем, как покинуть Бершадь, она несколько дней ходила в ближайшие села и выменивала жалкие остатки нашего имущества на четвертушки самогонки.

Мы собрались в путь и двинулись вслед за частями Красной Армии. Когда мы сильно уставали от ходьбы, то становились на обочине дороги, и, когда приближался грузовик с солдатами, мама заранее выставляла руку с чекушкой. Это действовало безотказно. Машина останавливалась, солдаты втягивали нас в кузов и везли несколько десятков километров. Затем это повторялось с другими машинами. Однажды мы даже проехали какое-то расстояние на танке. Кто-то в шутку назвал эти чекушки «стоп-сигналом».

Так мы добрались до Вапнярки. Там мы застряли на неделю. Это был очень важный железнодорожный узел, и немцы долго его удерживали.

В Згурицу мы добрались где-то в середине апреля. Обратный путь занял гораздо меньше времени. Нас встретило разрушенное, разграбленное местечко, и надо было все начинать с нуля. Но это уже другой рассказ. Главное, что мы были живы и свободны.

Рогатко Мордко (Муся)

До войны я проживал в местечке Сокиряны Черновицкой области (УССР) вместе с моими родителями: Рогатко Мошко Иосифовичем и Рогатко Гитой Мордковной. В июне 1941 г. мы были угнаны в гетто. Мне было тогда 7 лет.

Гнали нас по всей Винницкой области. Прогнали нас через город Могилёв-Подольский, но там нас оставили ненадолго.

Потом нас погнали в с. Павловка Винницкой обл. Бершадского р-на. Нас загнали в свинарник и морили нас холодом и голодом. Летом я заболел туберкулезом, а от скарлатины лишился обоих ушных перепонок. Здесь нас продержали долгое время.

От безвыходности, холода и голода мы решили бежать в Бершадское гетто. Тёмной ночью несколько семей двинулись в дорогу. Меня тогда отец вынес на плечах, ходить самостоятельно я уже не мог. В Бершади мы находились в синагоге, нас проживало там несколько сот евреев.

Я запомнил, как над нами издевались румыны, а потом немцы.

Были мы в Бершади по март 1944 г. до нашего освобождения.

26 августа 1990 г. наша семья репатрировалась в государство Израиль. Проживаю в г. Ашдоде.

Ромова (Фарфель) Лиза

Когда началась война, мне было 14 лет, и я окончила 7 классов. Жила я с мамой, папа умер в 1937г. Жили в м. Соболевка Винницкой обл. Теплицкого р-на.

Ворвались немцы и сразу начали брать людей на работу, а потом сделали гетто, где всех заставили жить по две-три семьи вместе в одном доме. Велели носить нам Маген Давид впереди и на плече, чтоб видели, что ты еврей. В клубе висели объявления, что собакам и жидам вход запрещен.

В апреле 1942 года нас, молодежь, забрали на работу в лагерь. Привезли нас в м. Райгород, где дома были окружены колючей проволокой, открыли ворота. Это был первый лагерь. Рано поднимали и гоняли на работу под охраной. Работала я на каменном карьере, тяжело, киркой очищали карьер от земли, а потом грузили камень в вагонетки и толкали на станцию, где нас охраняли, чтоб мы не удрали. Прошло некоторое время. Нас построили и велели детям, которым нет 17 лет, перейти на другую сторону. Я перешла на другую сторону, но в это время Люба Гендлер, с которой мы ушли из одного дома, перетянула меня и заслонила собой. Благодаря ей я осталась жива — всех, которые перешли, убили. А потом были другие лагеря. Сперва нас повезли в Брацлав, из Брацлава — в Михайловку, из Михайловки — в Теплик. Везде работали тяжело на дорогах, кормили один раз в сутки, ходили босые, тряпками завязывали ноги. В Михайловке мы жили в свинарнике, спали на голом полу, подстилая солому. А кто оставался в лагере, не мог идти на работу, того расстреливали. На работе, если ты вдруг села отдохнуть, тебя ждала та же судьба. В Теплике мы однажды работали на дороге. Шли украинцы с лопатами и на ходу сказали, что идут копать яму для жидов. Я с моими двоюродными сестрами убежали в тот же день из лагеря. Искали нас с собаками, но, видно, судьба была, чтоб я осталась жива благодаря моему дяде. Он нанял человека и переправил меня через Буг в Бершадь, где я дождалась освобождения Красной Армией. Это было в марте 1944г.

Вернувшись домой, нашла одни развалины. Немцы убили все местечко, в том числе и мою маму. Она лежит в братской могиле, а убита была в м.Соболевке 27 мая 1942 г.

Я с дядей, папиным братом, выехали в Баку. Он меня отдал замуж. С 1990г. — я в Израиле с мужем, дочкой, зятем и двумя внуками. Мы с мужем живем в хостеле. Желая своим детям и внукам, чтоб они жили счастливо и помнили то, что я пережила.

Россошер Александр

Родился в 1936 г. Когда началась война, мы жили в МССР, г. Фалешты. Оккупировали Молдавию румыны. Они велели всем евреям собраться на лошадином базаре. Я запомнил, как с этого лошадиного базара румыны нас погнали в неизвестном направлении. Запомнил страшную ночь в Косоуцком лесу. Были слышны душераздирающие крики. Там замёрзла моя сестричка у матери на руках. Помню, как отец разжёл костёр и нагревал казан, чтобы ото-

греть ее ноги, но, к сожалению, не помогло. А утром отец унёс сестру и похоронил в общей могиле.

По дороге в гетто мы на ночь останавливались в сараях. На дорогах потерялась мама, я остался с отцом.

В гетто отец сапожничал. В один из дней собрали всех мужчин и отправили на строительство моста в Николаев.

Я в это время остался без присмотра.

Отцу через некоторое время удалось вырваться из Николаева. Он рассказал, что трижды ему одевали петлю на шею, но, благодаря бригадиру-земляку, он остался жив.

После того, как отец вернулся в гетто, его взяли в монастырь пасти ночью скотину.

Я находился вместе с ним. Ночью отец клал меня рядом со скотиной. А с другой стороны сам меня согревал. Днем я пас гусей и помогал их откармливать. В монастыре жили два попа. Один из них был очень хорошим человеком, звали его Климентий.

Помню, как румынский комендант избивал евреев, а однажды он привязал мальчика к мотоциклу и волок по городу.

Каждый день вывозили подводу трупов.

Радость была велика, когда нас освободила Советская Армия. Через две недели отца взяли в армию. Освобождал Молдавию, Румынию, погиб в Венгрии под Будапештом.

Сельцер (Вольфензон) Нетта

Родилась в 1936 году в с. Згурицы, Молдавия.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 5 лет и 3 месяца.

Мои воспоминания переплетаются с рассказами о пережитом моей мамы Фриды Вольфензон. Наша семья состояла из 5-ти человек (папа Хаим (Ефим), мама Фрида, дедушка Ривн, бабушка Рахель и я).

Через некоторое время после начала войны немцы вторглись в пределы Молдавии. Эта страшная война докатилась и до нашего местечка Згурицы.

Немцы ворвались в местечко на мотоциклах, стреляя во все стороны. Появилось гетто. Не хватало ни воды, ни еды. В числе первых умерших — дедушка и бабушка. Оставшихся в живых, в том числе маму, папу и меня, этапом погнали в сторону Днестра. Гнали через Косоуцкий лес. Слышны были плач и крики. От голода и холода люди начали умирать. В лесу отобрали наиболее здоровых, молодых мужчин. Среди них был мой отец. Дали им лопаты, заставили рыть ямы, и у ям их расстреляли.

Страшные крики стояли в лесу. По мосту через Днестр оставшихся переправили в Ямполь, потом гнали по дороге в Ободовку, оставив часть людей там, остальных погнали дальше.

Люди шли, преодолевая боль, холод, падали, вставали, шли дальше, а тех, кто не мог встать, расстреливали, на дороге лежали замерзшие. В конце-концов нас пригнали в г. Бершадь. Та часть города, где жили евреи, была обнесена колючей проволокой. Это было еврейское гетто.

Охрану вели полицейские. Людей разместили в комнатах по 20-30 человек.

Спали на полу, на деревянных нарах. Работали в поле с утра до ночи, собирая свеклу, выполняли другие сельскохозяйственные работы, рыли канавы — всё это под охраной солдат.

Из-за скученности, голода, холода, антисанитарии начались болезни: педикулез, чесотка, сыпной тиф и другие инфекционные болезни, от которых люди умирали один за другим. И меня с мамой это не миновало. Лечил доктор Флейшман, который позже был убит и брошен в колодец.

После освобождения возвратились в марте 1944 г. в Згурицу. Дом был разрушен. Мама начала искать своих родных, которые жили в Фалештах. Но, к сожалению, никого в живых не осталось. Все (дедушка Шехтман Шай, бабушка Сура, братья Пинхас и Шломо) погибли. Я описала всё, что слышала от моей матери, умершей в январе 1991 года.

После войны переехали в г. Бельцы, где я окончила школу и медицинское училище.

Вышла замуж. У нас две дочери, внуки.

Смаргонер (Фельдман) Ева

Родилась 26 мая 1935 года в г. Бершадь Винницкой области. Когда пришли немцы, я попала в гетто. Мой отец в это время был на фронте, а мать умерла. И так как я была сиротой, мне чужие люди помогли выжить. Во время войны немцы пригнали бессарабских евреев, много умирало от тифа. Я очень болела.

После войны жила в Бершади до 1947 года, потом уехала. Репатрировалась в Израиль в 1993 году.

Тойбер Григорий

Когда началась война, я находился в Бершади Винницкой обл. Это был июнь 1941 года.

Сразу вошли мадьяры, потом румыны, потом немцы. В течение недели местечко было огорожено колючей проволокой, запрещено было выходить. Начали немцы ходить искать партизан, большевиков.

Помню, стояло несколько мальчиков. Приехал комендант, остановился, открыл двери машины и скомандовал своей собаке. Она схватила одного из ребят, покусала ему ногу и руку. Помню ещё: шёл дождь. Утром вышел на улицу — в переулке лежал убитый парень. Нас, ребят, собрали около общины. Там стояло повозок 25, возможно, больше — нас должны были везти в Балту. Я спрыгнул с подводы и убежал.

Собрали в парк стариков 60-50 лет, были 40 лет. Увезли в Балту, очень мало вернулось, большинство расстреляли, многие умерли. На еврейском базаре мало что было. Приходилось идти на украинский базар. Там нас ловили и били палками.

Моего друга и родного брата подняли с постелей и расстреляли. Мы нашли за местечком яму. Когда раскопали, там лежали 250 трупов мужчин и женщин.

За 2 месяца до прихода Советской Армии нас должны были расстрелять всех, все были в списке — от мала до велика, специально составляли списки уничтожения. Но, слава Богу, не успели. Я два раза болел тифом. Однажды я видел на 12 столбах висели повешенные. Много всего было, трудно об этом рассказывать.

Финкель (Трахтенбройт) Хайка

Когда началась война, мне было 11 лет. Мои родители, Малька и Сруль, хотели эвакуироваться, но уже было поздно. От Днестра мы вернулись назад и заехали к моей старшей сестре Розе. Румыны и немцы загнали нас всех в пустые дома. Там уже было много евреев. Мою сестру с семьей сильно избили.

Недалеко была речка. Сестра решила, что лучше умереть, и они бросились в речку. Но остался на берегу её сын Авраам. Крестьяне привели его к нам. Ему было 3-4 года. Когда нас гнали по дороге, он умер от голода. Это было наше первое горе. Мы шли дальше, дошли до какого-то леса. Там было очень много людей. Здесь мы были пару дней, и нас погнали за Днестр. По краю дороги лежали мертвые и ещё живые дети и старики. А мы шли и шли, пока не дошли до какого-то колхоза. Нас загнали в сарай, где были коровы. Мы были еле живые. Кушать ничего не было. Скоро после этого моя мама умерла от голода. Я спала возле нее, но не заметила этого. Утром отец забрал меня от мамы, а маму похоронили в общей могиле.

Мой отец таскал воду людям, и ему давали кусочек хлеба или картошку, немного лука. Мы варили жандру — это лук и вода — и это мы ели, чтобы хоть как-то утолить голод. Лично я была — ходячий скелет. Как я осталась жива, я не знаю. В 1944 советские войска нас освободили, и весь этот ад закончился.

Шехтман Ицхак

Родился в 1929 году в с.Бричево (Молдавия).

Когда началась война, нас выгнали всех в Косоуцкий лес. Было приблизительно 20000 человек. Всех хотели расстрелять, но в это время прискакали на лошадях 2 солдата, и нас вернули в лес. На следующий день нас погнали всех в Вортюжаны. Выгнали в поле и начали разделять семьи. Одну колонну куда-то отправили. И по сей день об этих людях ничего не слышно. Остальных отправили через Днестр на пароме. Перед этим немцы отобрали всех мужчин 16-35 лет на работу. Между ними были 3 мои брата, больше мы их не видели. Остальных гнали пешком до Бершади.

В первый год зимой очень многие умирали от болезней. Покойников складывали штабелями и хоронили в общих могилах. Мать умерла, остался я и 3 мои сестры. После этого я заболел тифом. Когда наступило лето, мы с сестрой пробрались тайком за гетто и просили милостыню.

Так мы протянули до освобождения в 1944 году.

Штейман Нахман

10 октября в 1941 г. началась война. Моего отца забрали на фронт. Мы с мамой, сестрой и бабушкой остались на оккупированной территории. Были потом в еврейском гетто, в котором находились до освобождения.

В гетто назначили старосту из евреев, он собирал дань для немцев. Наступили ограничения для евреев — не пускали в больницу, на базар, вечером выходить из дома. Когда нас полностью ограбили — начали убивать. На всех электрических столбах висели повешенные евреи. Когда уже не стало, что немцам давать, они брали красивую молодую еврейскую девушку, привязывали её длинные волосы к мотоциклу и волокли по улицам. Лилась кровь, она страшно кричала, пока не погибала.

Весной, когда капало с крыш, мама сказала старшей сестре пробить канавку, чтоб вода с крыши текла не в дом, а в огород, и она меня нечаянно ударила топором по голове. Получилась глубокая рана и начала нарывать. Мама пошла к врачу немцу и за каждый визит давала ему колечки, сережки, а мне становилось все хуже и хуже. Мама переделалась, сняла повязку, которую носили евреи в гетто, пошла в больницу. Украинцы начали кричать: «Пошла вон, жидовка!» Но врач-украинец Юрко был дружен с моим отцом. Завел нас в кабинет и сказал, что за один раз не поможет, надо лечить еще. Следующий раз мы пришли к нему домой, его жена хотела нас выгнать, но Юрко крикнул на нее и помог мне вылечиться. Я ему благодарен на всю жизнь.

Отец мой погиб на фронте в 1944г. Мы получили похоронку. В 1945 году я поступил в 1 класс Бершадской неполной средней школы №2.

В 1954г. мы выехали на Кавказ, где я всю жизнь проработал парикмахером. По семейным обстоятельствам в 1991 г. я эмигрировал со своей семьёй в Израиль.

ГЕТТО БОГДАНОВКА

В гетто села Богдановка было согнано из Одесской области и Молдавии около 54000 евреев. В период с 21 декабря 1941 года по 15 января 1942 года производился расстрел мирного еврейского населения. Было расстреляно и брошено в ямы около роши совхоза Богдановка 44 тысячи. Сжигали живыми в трех корпусах-свинарниках по 1000 человек в каждом.

Умирало от голода и холода по 500-700 человек в день. Трупы расстрелянных и умерших сжигали на костре. Туда же бросали и живых детей. Перед расстрелом отбирали у всех ценные вещи.

Эдельман Элла

Родилась 6 сентября 1938 года.

Когда началась война, мне было 2 года 10 месяцев. Мы жили в городе Первомайске Одесской области (ныне Николаевской). Со слов матери я знаю, что мы находились в гетто Богдановка. Лагерь был окружен проволочным забором. Мы жили в бараках. Было очень голодно. Чуть свет мамы уходили на работу (строительство, сельхозработы). Дети оставались и смотрели друг за другом. После гетто мы попали в концентрационный лагерь уже в самом Первомайске. Этот период я уже немного помню. У нас была большая площадь, огороженная забором, стояли складские помещения, в которых были нары в два ряда.

Детей в лагере было много. Мамы также чуть свет уходили на работу, моя мама работала штукатуром. Отец с первых дней ушел на фронт и вернулся в 1945 году.

10 марта 1944 года Первомайск освободили.

ГЕТТО БРАЦЛАВ

Брацлав был занят немцами 22 июля 1941 года. В декабре 1941 года в Брацлаве было 747 евреев, которых загнали в гетто. 1 января 1942 года большинство из них были отправлены в концлагерь Печора, около 50 утопили в Южном Буге. В августе 1942 года в Брацлаве были созданы два лагеря принудительного труда, куда были помещены около 1500 евреев, депортированных из Румынии и Украины. Режим в лагерях был строгим и своей конечной целью имел уничтожение всех заключенных. 23 сентября 1942 года около 400 человек были расстреляны в лесу. При освобождении Брацлава в марте 1944 года в живых осталось 230 человек.

Мазус (Гральник) Бетя

Родилась в местечке Теплик Винницкой области в 1930 году. В августе 1941 года немцы оккупировали местечко. Еврейского населения, в основном, женщин и подростков, насчитывалось несколько тысяч. В то время наша семья состояла из матери и троих детей. Я была старшей в семье. Был еще брат Рафаил, 1920 года рождения, он был в армии. Сестра Клара со своей семьей сумела эвакуироваться. С августа 1941 года мы оказались на оккупированной немцами территории. Немецкие солдаты первое время относились к населению, даже к евреям, довольно сносно. За любые услуги они платили продуктами, но это длилось недолго.

К концу года появились эсесовцы, их штаб находился в Гайсине, километрах в 20-30 от нас. С появлением эсесовцев все изменилось, особенно по отношению к евреям. Во-первых, мы были обязаны носить повязки с черным Маген Давидом. Нас принуждали выполнять самые тяжелые работы. Зима 1942 г. была очень холодная и снежная. Под охраной местных полицейских и немцев мы с

раннего утра до позднего вечера чистили снег с дорог, ведущих на фронт. И все это в холоде, голоде, и еще — розги.

В апреле 1942 года евреи были согнаны в гетто в нашем же местечке, а в начале мая 1942 года были уничтожены. Среди них — моя мать и 2 младших сестры. В то время я оказалась в селе Степановка у друзей моих родителей Рыбник.

Узнав об опасности, которая грозит их семье из-за меня, тетя Аня сдала меня в комендатуру, хотя при этом очень извинялась передо мной. Бежать было некуда. Вскоре подъехал грузовик, на нем уже были двое подростков, сумевших уцелеть. Меня поместили к ним и отвезли в Гайсин, а оттуда дальше, на станцию Шамшенцы, где был каменный карьер. Нас присоединили к евреям в гетто местечка Райгород. Всего нас было 300-400 человек. Мы работали в карьере: дробили камни, грузили вагонетки и толкали их на товарную станцию, где перегружали камень в вагоны. Камушками посыпали болотистые дороги, ведущие на фронт. Но и это длилось недолго. Когда установили дробилки, мы стали не нужны. Нас пересортировали, нетрудоспособных увели в лес и уничтожили, а остальных погнали берегом реки Буг до какого-то моста. Мост оказался германорумынской границей. Каждого в отдельности перевели через мост, погрузили на грузовик и отвезли в немецкое гетто в местечко Брацлав, недалеко от Печоры.

Гетто было на 400-500 человек. Работали на дорогах, в свинарнике, на конюшне. Пересчитывали нас 2 раза в день. Меня в счёт не принимали. Очень часто приезжали эсесовцы, уводили людей, которые уже не возвращались. Мне приходилось прятаться, где только удавалось: в бочке, в мешках с отрубями и даже в котле, в котором варили еду.

Так как я была не в счет, мне нетрудно было сбежать, и летом 1943 года с помощью крестьянина по фамилии Ситник меня увели в гетто, где властвовали румыны в г. Бершадь Винницкой области. Меня привели к красивой 18-летней девушке, которая была женой моего брата Рафаила. Он сбежал из плена, скрывался в лесах, присоединился к партизанам. Это он за мной послал Ситника. Я успела увидеть своего брата несколько раз, а в декабре 1943 года он погиб при выполнении задания. Меня поместили в приют для бездомных, который был создан в гетто. Я часто помогала бухгалтеру комендатуры.

В начале марта 1944 года гетто освободили. Люди торопились домой и разбежались, кто куда. Жена моего брата Соня тоже уехала в Молдавию — домой, а меня поместили в спецдетдом для детей погибших офицеров. Я знала, что где-то у меня есть еще сестра, и разыскала ее, а когда она вернулась из эвакуации, то забрала меня из детдома.

Летом 1946 года я поехала в Бершадь искать могилку брата, ничего не нашла, а когда обратилась в горсовет за помощью, там оказался один из бывших партизан — Хаим Штерн. Он успокоил меня, выписал мне справку и 30 рублей на билет к сестре. На основании справки, я получаю ренту из Германии.

Я выучилась, получила образование медсестры. В 1949 году вместе с Гральниковым Владимиром создали семью, жили в г. Черновцы. У нас двое детей и 8 внуков. Проживаем в г. Ашдод.

ГЕТТО ВАПНЯРКА

22 июля 1941 года немцы заняли Вапнярку. Оставшихся 30 евреев вывезли в Тульчин. В октябре 1941 года был организован концлагерь, в который были помещены около 1000 евреев из Одессы и украинцы-уголовники. К июню 1942 года около 200 евреев скончалось от холода, голода, болезней, а остальные были расстреляны. В сентябре 1942 года туда завезли 1200 евреев из Румынии, среди них много видных деятелей коммунистической и социалистической партий. В 1943 году лагерь расформировали. Вапнярка была освобождена 16 марта 1944 года.

Беккерман (Спивец) Бетя Исааковна

До войны отец работал слесарем, мама была домохозяйкой. Кроме меня, в семье были ещё дети: братья Гриша, Исаак и Лейб, а также сестры Файка и Женя. Перед войной я успела закончить семь классов еврейской школы, потом ее закрыли, а также закрыли все синагоги. Мой отец открыл ночью замок на одной из них и вынес оттуда Тору.

Когда фашисты вошли в наше местечко, они собрали мужчин, связали им руки по двое, отвели к Днестру и столкнули их туда живыми. Мой брат с сестрой где-то пропали на дорогах. Брат мой Исаак был на фронте, а его жена осталась с родителями. Брат Лейб погиб, где – никто не знает. Мы с мамой ходили по деревням и ночевали, где придется: в сараях, коровниках. Потом я заболела тифом. Мы встретили знакомых, и они сказали, что жена моего брата с родителями находятся в селе Рыбница. Мы пошли туда и нашли их. Они оказались в гетто, там нас приняли, поселили всех (8 человек) в одной комнате. Так мы и жили – ни тепла, ни света. Однажды собрали молодых женщин, мужья которых были на фронте, и расстреляли. Мы с мамой работали, куда посылали. Один раз нас всех

вывели на площадь, велели молодым выйти в одну сторону, старикам в другую. Объявили, что те, кто не будет работать, будет расстрелян. Они позвали одного бригадира и спросили, кто не выходит на работу. Тот ответил, что есть один ребенок, который сидит и молится. Его привели, он в глаза повторил немцам то же самое. Его расстреляли.

Нас послали на работу на железнодорожный вокзал выгружать вагоны. Когда в 1944 году нас освободили из гетто, мы с мамой вернулись домой, наш дом во время войны был разрушен, пришлось начинать все заново.

Талянский Григорий

Из воспоминаний 10-летнего мальчика.

Началась война, отца мобилизовали в армию. Дома остались мама, бабушка и четверо братьев, среди них я старший. Отец работал на сахарном заводе, дирекция завода выделила на две семьи повозку с лошадьми.

Мы доехали проселочными дорогами до железнодорожной станции Вапнярка.

Через некоторое время началась бомбежка. И мы разбежались в разные стороны.

После бомбежки мы собрались все вместе. Комендант станции сказал, что эшелоны дня эвакуации разбомблены, возвращайтесь домой, через час здесь будут немцы. Ни лошадей, ни повозки на месте не оказалось, и мы пешком вернулись домой в Томашполь. Через неделю мы пережили страшную трагедию. Немцы ходили по домам, забирали евреев. Расстреляли 200 человек, среди которых были соседи и знакомые. Помню, как нас сгоняли в гетто, где мы жили по 3-4 семьи в одном доме. Всех выгоняли на очистку дорог от снега и на разные другие работы.

ГЕТТО ВЕРХОВКА

Осенью 1941 года в Верховке было устроено гетто, куда поместили депортированных евреев из Бессарабии и Буковины. Всего в гетто насчитывалось около 1200 евреев. Гетто было ограждено колючей проволокой. Зимой 41/42 годов в гетто началась эпидемия тифа, от которой ежедневно умирало 20-30 человек. Хоронили всех в общей могиле. Село Верховка было освобождено 15 марта 1944 года.

Трупина (Броницер) Ита

Война началась, когда мне было четыре года. Жили мы в Единцах, бывшая Бессарабия. Всех евреев собрали и погнали, как скот, пешком без еды и воды. Гетто находилось на Украине в селе Верховка Винницкой области.

Многие погибали по дороге. От изнеможения люди падали или отставали, тогда их расстреливали на месте. Некоторые были застрелены при попытке добыть еду или воду.

Голод и холод, постоянные издевательства и смерть.

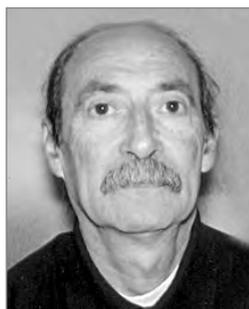
Я была совсем маленькой, но до сих пор помню это постоянное чувство страха, этот ужас, царивший в гетто. У нас была большая семья, но во время этого кошмара умерла бабушка Добрэш, сестричка Этл и маленький братик, который успел только родиться и умереть. Ему даже не успели дать имя.

Дядя Шмил был портным, его забрали немцы в мастерские, как и многих других евреев, чтобы они обшивали немецких солдат. Больше мы его не видели. Он к нам не вернулся. Мы только потом узнали, что перед отступлением немцы ликвидировали мастерские, а всех работавших там людей согнали в лес и расстреляли.

Нам повезло. В марте 1944 года Красная Армия в результате стремительного наступления освободила Верховку, и мы остались живы. Немцы не успели ликвидировать гетто. Я помню, что нас освободили молоденькие ребята (суворовцы, во всяком случае, на них была такая форма). Я была ребенком и многого не осознавала. Но даже то, что прошло перед моими глазами, нельзя вспомнить без содрогания. Обо всем пережитом очень тяжело вспоминать. Я надеюсь, что подобное никогда больше не повторится.

ГЕТТО ВОРОШИЛОВСК

Гидберг Михаил

Родился в 1941 году 25 мая в г.Киеве в семье, где все были евреи — и тем страшнее для нас прозвучало слово «война».

Сентябрь 1941 года — кровавая дата для всего человечества. Наша большая семья не была исключением. Трагедий в Киеве описано много, сердце разрывается переживать все снова и снова. От нашей большой семьи остался я на руках у бабушки, мама и тетя. Благодаря тому, что моя бабушка

Этя могла отлично говорить на украинском языке, она спасла нас. Она спрятала нас за сараем, который уже горел. А ночью фашисты устали жечь и убивать, и разрешили разойтись по домам. На наших глазах зверски расстреляли всю семью моей мамы: деда Шмулика, бабушку Чарну, сестру Бейлу с двумя детьми и младшую сестру Геню.

Мы убежали из Киева, но далеко не успели уйти: нас настигли фашисты в Ставропольском крае в городе Ворошиловск. Там мы пробыли 2 года — это был ад: холод, голод, страх. Взрослые работали на поле, а дети в подвалах.

Несчастья, которые постигли каждую еврейскую семью, не должны быть забыты. Эта катастрофа, которая называется Холокост, не вмещается в сухие сжатые строки моего рассказа. Это явление не должно повториться. Мы — дети войны — и после войны получали похоронки на отцов, матерей и близких. И от этого жизнь становилась безрадостной. На отца я получил похоронку в 1946 году с печальными строками: «Погиб под Ленинградом, деревня Дьяково».

Дети Холокоста — это отдельная страница войны. Это память войны. Это рассказы старшего поколения о войне.

Такое нельзя забыть.

Не дай, Бог, такое пережить!

Гринченко (Доктор) Шифра

До войны проживала в г.Киеве. У нас была большая семья: мама Чарна, папа Шмулик, две сестры Геня и Бела, брат Боря и я — самая младшая. Еще у меня была сестра Сима, которая жила в семье своего мужа.

Когда началась война, мужа моих троих сестер ушли на фронт, и никто из них не вернулся. Когда немцы подходили к Киеву, наши две семьи объединились и бежали из города, не зная куда. По дороге нас бомбили и обстреливали. Мы прятались в лесу, смогли добраться до города Ворошиловска, где мы прожили совсем немного, когда туда вошли немцы. Так мы оказались на оккупированной территории. Прошло немного времени, и появились листовки, которые сообщали, что все евреи должны собраться на площади, взять с собой все драгоценное и продуктов на два дня, их повезут на работу. Но все мы знали, что нас везут на смерть. Так мы со всей семьей попали на площадь. Нас окружили полицаи и немцы с собаками. На эту площадь приезжали машины-душегубки, в них грузили людей и, пока они доезжали до места, вываливали уже трупы. Нас постигла другая участь: нас повели к яме и велели раздеться догола. Тех, кто ослушался, сразу стреляли. Мы уже все были раздеты, и вдруг све-кровь моей сестры направилась к немцу (старшему) и говорит: «Я русская, я попала случайно. Я думала евреев везут работать, а это не так». Он ее спросил, с кем она? Она ответила, что с детьми. Тогда он сказал, чтобы она подошла к яме с другой стороны. Она взяла невестку с ребенком, а моя мама крикнула ей, чтобы она взяла Шифру. Она схватила меня за руку и потащила. Сидя с другой стороны ямы, мы видели, как у нас на глазах расстреляли наших родных.

После массового расстрела 4200 человек нам приказали одеваться, вещей вокруг лежали горы. Мы оделись кто во что, на мне было длинное платье и ботинки. Посадили в машину и повезли в комендатуру. Посадили в камеру. Утром нас выгнали во двор, куда свезли все вещи. Мы под присмотром немцев работали, разбирая вещи: обувь, платья, зубы и т.д. Все складывали отдельно, затем это грузили на машины и увозили. Нас запирали в камеры, давали нам воду и немного хлеба. Я не помню, сколько мы там пробыли.

Хочу рассказать один случай. Когда я разбирала вещи, мне попала консервная банка, я ее спрятала и принесла в камеру, мы думали, что это консервы, но это оказалось копилка с копеечками. Разочарованию не было конца. Я плакала, хотела кушать. В эту же ночь нас подняли и снова посадили в грузовую машину. Мы думали, что все, сейчас нас точно везут на расстрел. Но когда нам поставили ведро воды и куски хлеба, у нас затеплилась надежда. Ехали мы долго и приехали в город Сальск. Там нас опять привезли в комендатуру, где мы работали. Во дворе комендатуры были подвалы, там держали партизан. В одном из таких подвалов поселили нас. Я и мама Этя (Анна) так звали женщину, которая меня спасла, каждый день отмечались и там же работали. Пробыли мы там до самого освобождения. Когда немцы отступали, мы прятались в глубоком погребе до тех пор, когда пришли первые партизаны и сказали, что мы свободны. То, что я перенесла, не описать. Потеряла я там 11 человек.

ГЕТТО ГЛУСК

Брум Григорий

ЛИШЁННЫЕ ДЕТСТВА

Мне ещё не было семи лет (я родился 18 июля 1934 г. в гор. Глуске в Белоруссии), когда 22 июня 1941 года по радио с правительственным заявлением выступил министр иностранных дел СССР. В.М.Молотов. Этот момент я очень хорошо помню. Он говорил, слегка заикаясь, и мы с сестрой (она на год с лишним моложе меня) слушали его очень внимательно, не пропуская мимо ушей ни одного слова. Мы узнали, что началась война. Никто не мог в тот момент сказать, что это будет очень длительная, тяжёлая война. Люди думали, что долго она не продлится, и надо только ждать, пока она закончится. Так рассуждали и мои родственники. Никто из Глуска не уезжал. У многих сложилось такое мнение, что даже если и появятся немцы в Глуске, то никого они не тронут. Вообще-то в начале так оно и было. Когда немецкие солдаты ворвались в Глуск, то в течение месяца было спокойно. Помню, я с сестрой Цылей сидели на скамейке возле дома, и мимо нас проходил немецкий патруль; солдаты стали возле нас, начали смеяться, наставив на нас автоматы. Страх охватил нас, но мы были тогда в таком возрасте, что не могли осознать, чем всё это может закончиться. Потом всё пошло по другому. Началось избиение евреев, заставляли работать на самых тяжёлых работах. Папа тоже работал. Однажды он не пришёл с работы, и мама не знала, что случилось. Оказалось, что его поместили вместе с пленными советскими солдатами в сарай, который находился около комендатуры. Утром туда пошла мама и понесла пищу. Я тоже был с ней. И там мы увидели папу. Когда пленные увидели пищу, то стали хватать ее из рук, так как в течение нескольких дней люди ничего не ели. Через несколько дней папу отпустили домой.

Помню ещё один эпизод.

Мы жили в доме моего деда Рафаила (Рифол). Возле дома был колодец, и там остановилась походная немецкая кухня. Через несколько дней в дом заходит немец и говорит, что хозяин этого дома выбросил мясо около колодца, и оно заво-

нялось. Неизвестно, кто это сделал, но деда Рафаила хотели расстрелять. Мать за него заступилась, умоляла, сказала, что он не виноват. И его отпустили.

Затем появился приказ: всем евреям с вещами явиться на центральную площадь. Родителям было ясно, что это означает. В тот же день, долго не собираясь, я, сестра, родители с маленьким ребёнком (его звали Эфраим) вышли из дому, оставив всё имущество в доме и взяв только необходимое. Прошли мимо патруля, который нас не задержал. И вот мы оказались у дома нашей хорошей знакомой Софьи. Прекрасно зная, в каком положении находятся евреи (она была не еврейка), решила спрятать нас в погребе. Кроме нас там ещё были люди, но мы их не видели, так как было темно. Ночью мать выходила наружу кормить ребёнка.

Софья прятала также людей на чердаке. Надо заметить, что её внук служил в полиции.

С целью конспирации хозяйка дома (Софья) закрыла крышку погреба мешком. Когда пришли полицейские и стали спрашивать у неё, прячет ли она в своём доме жидов, то последовал ответ: «Траццу хворобу, буду я іх хаваць». Тем временем папа поддерживал крышку от погреба, чтобы она не прогибалась. Полицаи ушли. Хозяйка попросила мать оставить дом, так как крик ребёнка может всех выдать и хозяйку могут расстрелять. Мать с ребёнком ушла ночью раньше нас на 4 дня. Ребёнку было семь месяцев, и он замёрз у неё на руках около деревни Хвастовичи Глуского района. Оттуда мама пришла ночью в деревню Клетное. Полицейские её заметили, но ночью решили её не брать, так как в ночное время было запрещено стрелять.

Через четыре дня мы вышли из погреба. Это было в декабре 1941 года, и направились в деревню Лучки. Зима была суровая. Я шёл пешком, а сестру Цылю папа нёс на руках. Как только мы встречали немецкие машины, мы отходили в сторону, в снежные сугробы, и затем продолжали идти дальше.

И вдруг нас догоняет телега, на которой сидели два извозчика — довоенные папины знакомые. Они до войны часто нас навещали. Мы сели на телегу и едем дальше. Внезапно нас догоняет телега с немцами и полицейскими. Отец с кучером поменялись шапками-ушанками. Нас остановили. Мне и сестре возчики приказали лечь. Подошёл к телеге немец в каске и спросил: «Кого везёте?». Кучер ответил, что эти дети больны тифом и везут их в больницу. Вероятно, немец очень боялся заразиться тифом, и он сразу отпрянул от телеги. Но эту каску, которая наклонилась надо мной, я никогда не забуду.

А лошадь потихоньку шла, оба кучера, выскочив из телеги, разговаривали с немцами и полицейскими. Затем они возвратились, обняли отца, целовали и сказали, что это счастье, что он остался в живых с детьми.

Довезли нас до деревни Клетное. Там мы встретили мать. Оттуда пришли в деревню Славковичи. В каждом доме ночевали по одной-две ночи. И так провели там дней десять, затем ушли в лес. Первое время были одни в лесу. Папа сделал землянку. Когда немцы стали бомбить деревню, то люди побежали в лес и тоже строили землянки. Мы жили около партизанского отряда, но в отряд родители не вступали.

Папа помогал партизанам: делал печки в землянке, занимался строительством землянок.

Но не все партизаны относились к нам одинаково, были и такие, которые нас не терпели, но папа всегда находил к ним подход, и всё налаживалось. Например, был Гриша Бабок — партизан, которого боялись даже его близкие; он мог кого угодно пристрелить, если с ним не во всём соглашались. А к нам он относился прекрасно, старался даже в чём-то помочь. Часто привозил нам картошку из деревни, за что мы были ему очень благодарны. После войны он часто нас навещал, и мы сердечно его принимали.

Когда немцы выявили место расположения партизан, то пришлось уйти в Полесские болота. Папа тоже хотел уйти с ними, но один партизан сказал, что он у них не числится, поэтому его туда не возьмут. Мама плакала, говорила, что нас здесь уничтожат, а отец сказал так: «Что должно быть, то и будет». Потом мы узнали страшную новость. Около реки Арэса немцы окружили партизанский отряд, и мало кто вышел из окружения. Но тот партизан, который не разрешил пойти вместе с ними, остался жив. У него были обморожены ноги. Они встретились с папой в лесу. Он сказал папе, что какая-то неведомая сила заставила его не пустить папу пойти с ними. И добавил, что Всевышний есть на свете.

«Прости меня,» — сказал он на прощанье. Отец ответил, что Всевышний ему простит. Своим отказом он нас спас. До войны он был председателем исполкома в городе Осиповичи.

Было много разных эпизодов. Но один из них я запомнил навсегда. Немцы устроили облаву в лесу, и все вынуждены были бежать. И вот пришлось бежать через топкое болото. Идти было очень тяжело. У сестры Цыли была палка, и она проверяла, где можно пройти, а где нет. Я нашёл пенёк, сел и говорю, что дальше идти не могу. Тогда мать ударила меня хворостиной, и я пошёл. А люди, чтобы легче было идти, бросали разные вещи, и, самое страшное, даже были отдельные случаи, что бросали своих младенцев. Когда мы прошли этот брод, то были очень усталые, мокрые, голодные.

И вот помню, люди развели большой костер, чтобы обсушиться, согреться. Мгновенно налетели немецкие самолёты и стали стрелять. Не успев даже одеться, мать посадила меня на плечи и убежала.

И так три года мы провели в лесу.

В 1944 году освободили Глуск от немецких захватчиков, и мы вернулись домой. Отца на второй день забрали на фронт. Очень хорошо помню сборный пункт у церкви, мы с ним прощались — поцеловались через щель в заборе.

В том же году я пошёл в первый класс, а сестра в детсад. У меня оказался единственный букварь на весь класс (не знаю, каким образом), и все читали по нему по слогам. Писали на газетной бумаге — расчерчивали линии и писали буквы, слова.

В 1945 году отец демобилизовался, награждён правительственными медалями. За медаль «За боевые заслуги» получал определённую денежную сумму. Работал плотником — строил дома, делал колёса для подвод, работал стекольщи-

ком. За какую работу он бы ни брался, всегда делал добросовестно. Люди, с которыми он работал, всегда его уважали. Он постоянно говорил, что надо быть с людьми в хороших отношениях, быть честным и правдивым, и тогда люди будут тебя уважать. Благодаря ему мы узнали о наших еврейских корнях. Он был религиозным человеком. Отец всегда мечтал об Израиле. Мечта его сбылась. Он прожил здесь шесть лет и умер на Земле Обетованной в возрасте 92-х лет.

Заканчивая эту повесть, я вспомнил о том, что не всё написал о нашем дедушке Рафаиле. Его и бабушку расстреляли в Глуске на Мыслотянской горе.

Вот такова история нашей семьи.

Я в 1970 году закончил медицинский институт, работал врачом. В Израиле получил диплом, немного работал по специальности; сейчас на пенсии.

Сестра Цыля окончила технологический институт, работала микробиологом на молочном заводе; сейчас на пенсии.

Состав нашей семьи:

Отец — Брум Хема Рафаилович, 1905 г. р.

Мать — Брум Хана Гершевна, 1904 г. р.

Сын — Брум Григорий Хемович, 1934 г. р.

Дочь — Нодельман (Брум) Цыля Хемовна, 1936 г. р.

Ещё раз хотелось бы отметить, что благодаря Всевышнему мы остались живы.

*Земля чудес, земля пророков —
Всем сердцем я к тебе проник.
И образ твой в душе возник,
Когда я был в стране далёкой.
И вот мечта моя сбылась —
Духовным ветром был овеян,
Когда на землю я ступил
Оттуда, где еврей рассеян.*

ГЕТТО ГОРЫШКОВКА

**Село в 8-10 км от Томашполя.
В конце 1941 года всех евреев согнали на край
села, оградили колючей проволокой и организова-
ли гетто. Там проживало около 100 человек.
В гетто не расстреливали.**

Бродская (Меламуд) Этя

В период 2-ой мировой войны я вместе с родителями и двумя сёстрами находилась в своём родном селе Горышковка Томашпольского района Винницкой области. В июле 1941 года фашисты оккупировали наше село. На второй день оккупации солдаты (это были венгры или румыны) начали врываться в еврейские дома и избивать евреев. К нам ворвалась группа солдат в касках и с винтовками.

Один высокий смуглый солдат сапогом ударил моего отца в лицо. Он выбил ему два зуба и проткнул ему нижнюю губу. Папа со стоном упал на пол. Я упала вместе с ним и плача вытирала кровь на его лице. Другой солдат бил маму. Она с криком выбежала на улицу, упала, и её продолжали избивать прикладом. Третий занялся моей старшей сестрой. Он ей ломал руки и бил по лицу. Мама нашла в себе силы, поднялась, схватила нас за руки и крикнула: «Кимт, киндер, анк-лойфт». И мы все впятером побежали за дом, на огород и спрятались в кустах картофеля. Фашисты нам вслед не стреляли. Видимо, их целью было пока поиздеваться. Через три дня всех евреев стали сгонять в один большой дом, окружённый вооружённой охраной. Не было ни еды, ни воды. Мы не знали, что нас ждёт. Дети плакали. Было тесно и душно. Никого не выпускали. Вошёл немецкий офицер и сказал, что нас не убьют, а отправят на работу. Одна женщина в знак благодарности попыталась поцеловать его руку, на что он ответил ей громкой пощёчиной. Спустя два дня женщин и детей выпустили, а мужчин и мальчиков-подростков оставили. А ещё через день их всех построили по 4 человека в ряд, дали в руки лопаты и повели на расстрел. С двух сторон шли шеренги солдат с пулемётами.

Но случилось чудо. Навстречу им ехала немецкая машина. Она остановилась. Из неё вышел офицер высокого ранга и, дав какие-то указания, уехал.

После этого всех мужчин отпустили. Говорили, что этот офицер был переодетым партизаном.

Потом было гетто, издевательства, голод, нищета и вши. Вся наша семья переболела тифом. Нас гоняли на работу на Галяву (бывший совхоз) в 4-х км от дома. Работали мы в поле от зари до зари. Сзади стоял надзиратель с плёткой и не давал разогнуться. Мне было 12 лет, и я выполняла норму взрослого.

Каждую неделю евреев выгоняли на площадь и проверяли их наличие по списку. Потом комендант давал команду своей овчарке: «Мушка, пли». И она с лаем бросалась на толпу евреев.

Освободили нас советские войска 16 марта 1944 года.

Гингольд Нина

Родилась 11 октября 1934 г. в с. Дерепчин Шаргородского р-на Винницкой обл. В августе 1940 года вместе с родителями переехала в г. Владимир–Волынский Волынской обл., Украина. Отец заведовал аптекой. Там застала нас война. Город находился в 7-ми км от границы с немцами. Немцы могли занять город за считанные часы, но вошли только к вечеру. Это благодаря умело организованной обороне начальника заставы. Об этом писал маршал Жуков в

«Известиях» в честь 20-тилетия Победы.

В половине четвёртого ночи 22-го июня 1941 г. в соседний дом попал снаряд, нас всех спустили в подвал, шла бомбёжка и артиллерийский обстрел. Папа побежал сдавать аптеку заместителю-поляку. Позвонил в горком, дежурный ответил, что в горкоме партии никого нет, но что на вокзале стоят три товарных вагона, к ним в 9.30 утра прицепят паровоз и поедут на восток. Разрешали выехать семьям советских и партийных работников, семьям военнослужащих и советских специалистов. Можно было взять родственников. Мама просила наших хозяев, прекрасную семью польских евреев, где было три мальчика, ехать с нами под видом маминой сестры. Но они отказались, сказали: «Мы к вам в Россию умирать с голода не поедём». И все погибли.

Когда мы бежали на вокзал, местные жители кричали вслед, что напрасно убегаете, если вас не догонят немецкие пули, вас догонят наши ножи. Папа посадил нас в этот поезд, а сам вернулся в аптеку. Поезд шёл через станцию Вапнярка, что в нескольких километрах от местечка Томашполь, Винницкой обл., родины папы. Там жили две его сестры. Так как мы уехали, фактически, в чём стояли, без вещей и денег, то мама, считая, что война продлится не более трёх недель, решила сойти в Вапнярке, чтобы переждать это у папиных сестёр. Когда же началось массовое отступление и немцы стали приближаться, мама как медицинский работник просила, чтобы отступающие части взяли нас с собой. Они не отказывали, но сказали, что сами не знают, куда идут, что окружены, и не советовали идти с ними. Так мы остались в оккупации.

В нескольких километрах от Томашполя, в селе Горышковка, жили тётини сваты (её дочь была замужем за парнем из Горышковки). Тётя и мама решили уйти в это село, т.к. оно было глухое, с труднодоступными дорогами.

Папа, сдав аптеку, во второй половине дня 22-го июня 1941 г., когда немцы уже входили в город, ушёл пешком до станции Ковель, сел там на поезд и добрался до Киева. Там он пробыл две недели, разыскивая нас. Тётя получила две телеграммы с запросом, не у неё ли мы, мама ответила, но папа эти ответы не получил. Решил, что мы уехали на восток страны в эвакуацию, и тоже стал добираться на восток. Так мы потерялись на три года.

1 августа 1941 г. в Горышковку вошли немцы и румыны. Всех евреев загнали в три дома — мужчин, женщин и девушек заперли, поставили часовых. Держа-

ли три дня, не давали ни пить, ни есть. Ходили страшные слухи, что нас сожгут или убьют. Но через три дня выпустили. Одну улицу огородили проволокой, туда всех согнали, сделали гетто. Немцы из села ушли, остались румыны. Была румынская жандармерия, над евреями назначили старосту, бывшего аптекаря. И потекли три страшных года. Мы были единственной приезжей семьёй, не имели знакомых. К чести сказать, местные жители села, украинцы, не высказывали агрессивности, помогали продуктами своим знакомым евреям. А наша семья первое время очень голодала. Мама, вечная ей память, что только ни делала, чтобы спасти нас от голода. Обмывала покойников, дежурила у больных тифом, обрабатывала огороды у крестьян, варила еду румынам. Сестру вместе со всей молодёжью с ранней весны до поздней осени держали в поле, кормили впроголодь, заставляли тяжело работать от зари до зари. Румыны один раз в несколько месяцев сгоняли евреев на площадь, окружали солдатами с собаками, держали помногу часов в любую погоду — дождь, снег. Собаки кидались на людей, румыны грозили расстрелом. Староста собирал у людей всё, что можно было — деньги, вещи, давал румынам, начальнику жандармерии, и на некоторое время евреев оставляли в покое. После разгрома немцев под Москвой, а особенно после Сталинграда, отношение румын и населения украинского к евреям менялось в лучшую сторону. Забыла написать, что нас, детей, заставляли работать на кухне у румын и в саду бывшего совхоза.

О наступлениях Красной Армии узнавали от крестьян, которые ездили на базар, привозили устные новости, а потом и листовки.

16-го марта 1944 г. в Горьшковку пришла Красная Армия.

Папа, попав в эвакуацию, разослал несколько десятков запросов в эвакупункты, разыскивая нас, не нашёл и понял, что мы остались на оккупированных территориях. По мере освобождения Украины стал писать письма туда, где были родные и знакомые. Естественно, одно из первых писем отправил к своим сёстрам, спрашивал, где мы и живы ли. Это письмо передали маме. Так нашёл нас отец. В августе 1944 г. он приехал и забрал нас. Судьбой было предназначено нам выжить.

Гурфинкель Дани

Любимой игрой у нас, десятилетних мальчишек, была игра в войну между «белыми» и «красными». Конечно, с трудом приходилось товарищей убеждать играть в роли «белых». Никто из нас и не представлял себе, что такое настоящая война. Но очень быстро мы узнали и значение этого слова, и его последствия. Местечко Горишковка Томашпольского р-на было небольшое. Лежит оно вдали от центральных дорог. Это обстоятельство продлило сроки знакомства с завоевателями. Но они успели сделать своё чёрное дело.

Но они успели сделать своё чёрное дело.

Всех евреев согнали на окраину местечка, оградил колючей проволокой и организовали гетто. Наш дом находился на окраине, поэтому мы остались в своём доме. К нам подселелись ещё четыре семьи. Наша семья состояла из 5 человек: мама, бабушка, тётя, моя сестра и я. Так что в семье я был единственным мужчиной, и, естественно, я старался по мере возможностей выполнять мужскую работу. Жизнь в гетто была тяжёлой. Выход из гетто запрещался. Один час в день можно было через проволоку обменять вещи у приходивших крестьян на продукты. Мы были лишены медицинской помощи. Каждый день нас выстраивали на площади, проверяли, отбирали трудоспособных и под конвоем гнали на работу в близлежащий колхоз. Но тот факт, что у нас не расстреливали, придавал нам дополнительные силы и помогал выжить.

Отчётливо помню два момента.

Первый, когда впервые появились румыны в местечке. Форма у них была близка к цвету хаки. Я увидел такого солдата на лошади и решил по закону вежливости поздороваться, в ответ я получил удар плёткой. Долго не проходила эта отметина и не только на теле, но и в душе.

Второе событие произошло 16 марта 1944 года. В местечко вошли солдаты Красной Армии, и нас освободили.

Эти страшные дни в гетто никогда не забудутся. О них я рассказываю родным. Хочется, чтобы они знали обо всём только по рассказам.

Портная (Чашка) Анна

В июле 1941 г. немецкие оккупанты захватили наше село. Оккупация длилась с 1941 по 1944 г.г.

Было сделано ограждение, в которое вошли несколько домов, бывшая синагога, часть базарной площади. Так мы оказались в гетто.

Всех евреев переписали, составили списки на немецком языке. И с той минуты никто не имел права уйти или отлучаться.

Немцы, а потом румыны растаскивали из домов ценные вещи, скот и т. д.

Нас заставили нашить на одежду жёлтые шестиконечные звёзды.

Над нами издевались, били, держали в голоде, холоде. Гнили открытые раны. Мы, узники, болели разными болезнями. В результате тяжёлых условий жизни началась эпидемия тифа.

Для проверки нас выгоняли на площадь гетто утром, днём и ночью. Нам говорили, что нас погонят в лагерь смерти, который находится в Печоре.

Помню, как папу (инвалида) избивали за то, что он плохо истопил баню для них. Он чудом остался жив.

Детей и взрослых гнали на работу в совхоз.

Помню: мы шли на работу. Мама брала сестру и меня, шестилетнюю, мы выполняли сельскохозяйственные работы, лутили фасоль, горох, пшеницу... За это мы получали похлёбку.

Несмотря на тяжёлые, нечеловеческие условия, мы, малолетние и взрослые узники гетто, работали до изнеможения.

Большое спасибо советским войскам за освобождение. Нам помогали выжить местные жители. Помогали одеждой, продуктами, приносили изношенную обувь и т. д.

В 1957 г. окончила 10 классов. В 1959 окончила техникум. Затем поступила в Киевский торгово-экономический институт. 36 лет работала в должности товароведа.

В 1996 г. из Винницы с семьёй репатрировалась в Израиль.

Спектор (Горбата) Фира

Родилась 18 августа 1927 года в местечке Горышковка.

Через месяц после начала войны в наше местечко со стороны станции Юрковка на мотоциклах приехали немцы. В местечке они остановились, постояли недолго. Ночью, въехав на цыганских повозках, всю площадь и всё местечко заполнили румыны. Утром румыны стали выгонять из домов всех евреев. Люди были загнаны в два дома. В местечке были одни старики, женщины и дети. Все мужчины были мобилизованы.

Трое суток нас держали под присмотром румын, без воды, пищи. Оба дома облили керосином и грозили, что нас подожгут. Как этого не случилось, никто не знает. За эти дни жители села разграбили все дома.

Каждое утро всех жителей местечка, здоровых и парализованных, выгоняли на площадь под присмотром румын с овчарками для счёта. Через короткое время в село приехало 18 жандармов с комендантом. С ними приехал румынский староста. Всё местечко огородили колючей проволокой. В каждом доме поселили несколько семей. Все три года оккупации нас каждый день рано утром румыны с резиновыми дубинками гоняли в совхоз Галява на работу. Летом я от зари до зари работала в поле под присмотром румын. Зимой работала на морозе, у веялки, у молотилки. Кормили нас один раз в день гороховым супом. Гороха не видно было, плавали одни чёрные мошки. Спала зимой и летом в заброшенном коровнике на холодной земле. В субботу вечером, как стадо овец, нас пригоняли домой до понедельника. От грязи, вшей, недоедания вся молодёжь местечка в 1942 г. заболела сыпным тифом. Остались старшая сестра, я, брат, 1931-го года рождения. Мамину сестру с маленьким ребёнком убили немцы, у нас жили две её девочки. Все пятеро мы лежали с высокой температурой безо всякого лечения. Опять вопрос, как мы выжили? Чудом. Того, кто оставался дома по какой-либо причине, полицейские гоняли на работу в жандармерию. Была очень холодная, снежная зима. Меня заставили чистить снег вокруг жандармерии. Я поскользнулась и упала. Вмиг на меня набросились овчарки. Благо, на мне было много лохмотьев — это меня спасло.

16 марта 1944 г. рано утром нас освободили. К этому времени у нас погиб в плену отец. Мать умерла от рака. Я осталась с братом. До 1949 г. я работала в школе. В 1949 г. я вышла замуж за москвича. Прожила 48 лет с инвалидом войны 1-ой группы. В 1991 г. приехали в Израиль с двумя сыновьями и внучками. Сыновья получили в Москве высшее образование. Старшая внучка служит в израильской армии.

ГЕТТО ДЖУРИН

Немцы заняли Джуриин 22 июля 1941 года. Евреи получили распоряжение обозначить свои дома шестиконечной звездой и носить специальную повязку на рукаве.

В Джуриин были депортированы около 3,5 тыс. евреев из Буковины, Румынии, Хотина.

В 1943 г. в Джуриинском гетто находилось около 4 тыс. евреев, из них около тысячи — местных.

За годы войны в Джуриине погибло около 500 человек — наименьшее число жертв среди всех гетто. 19 марта 1944 года Красная Армия освободила Джуриин.

Бронштейн (Аксельрод) Светлана

Наша семья жила в местечке Джуриин Винницкой области на Украине. Когда началась война, мой отец ушёл на фронт. Мы (мама, я и две мои сестры Лена и Фаина) остались на оккупированной немцами территории. Мне было 3 года, сестре Лене 8 лет, а Фаине 11 лет. Мама была беременна и, когда немцы уже были в местечке, родила мальчика.

Немцы загнали нас в гетто и ушли, а вместо них пришли румыны. В местечке появилось очень много беженцев. Это были евреи из Бессарабии, Буковины и Румынии. Мы жили в доме дедушки. Кроме нас, дедушки, бабушки и тёти (папиной сестры) тут жили ещё три семьи беженцев. Всего 24 человека в четырёхкомнатной квартире.

В Джуриине находилась жандармерия и полиция из местных жителей- украинцев, а также еврейский комитет самоуправления — юденрат. У нас не расстреливали, но люди умирали ежедневно из-за скученности, антисанитарии и голода.

Моя сестра Лена заболела тифом, и её спас доктор Сабат. Он был беженцем из Румынии и вместе со своей дочерью Дитой жил в доме моего дедушки. Несмотря на опасность заразиться, он сам стал её лечить и не отправил в больницу, так как из больницы живыми не возвращались. И вылечил мою сестру. Через 6 лет,

когда моя тётя Аня со своей семьёй приехала в Израиль, Дита Сабат разыскала её и очень радушно встретила.

Мы жили в гетто, а это означало, что за пределы местечка запрещалось выходить. Но крестьяне из близлежащих деревень приходили к нам и в обмен на какие-то вещи приносили немного муки и другие продукты. Мама пекла из этой муки хлеб и продавала его на рынке. Продавать можно было только до 10 часов утра, поэтому хлеб приходилось печь ночью, чтобы он был свежим. Когда не стало вещей для обмена, мои сёстры вязали свитера из ниток, которые приносили крестьяне, а взамен получали что-то из продуктов. Несмотря на то, что я была совсем маленькой, я тоже помогала сёстрам вязать. Мы вязали и мечтали, что придет Красная Армия и освободит нас. И однажды самолёты со звёздами на крыльях начали бомбить наше местечко. Хотя это было страшно, мы радовались, что Красная Армия есть и скоро наступит Победа.

Нас освободили партизаны 20 марта 1944 г.

Бурд Леонид

Родился в 1940 году в местечке Джурин. И, конечно, всё, о чём я расскажу, основано на рассказах матери и моих родственников. Жили мы с мамой. Отец ушёл на фронт. Но все дни мы проводили у бабушки и дедушки. Там было много людей: родственников и беженцев из Румынии и Буковины. При любом слухе о высылке или расстреле мама хватала меня на руки, и мы убегали к бабушке. А такие слухи распространялись по местечку часто.

Иногда мы оставались ночевать. Помню, в одну из ночей нас разбудили, собрали всех вместе и заставили громко кричать, а тётя Молка и беженец из Румынии Файнд (я запомнил эту фамилию, т.к. он часто угощал меня конфеткой) вооружились палками и вышли в ночь с криками о помощи. Они сумели задержать вора, который решил обогатиться остатками еврейского добра.

Помню, как все забеспокоились, когда убили румынского жандарма. Это сделал партизан Радецкий. Гораздо позже я понял, что значит слово «партизан».

Мама мне рассказывала, как было трудно выживать всем, особенно семьям, где были маленькие дети: голод, холод, эпидемия и постоянный страх.

И вот в один прекрасный день всё стало по-другому! Мне объяснили, что румын выгнали. Можно было играть во дворе без всяких опасений.

Всё это я рассказываю своим детям и внукам.

Надеюсь, что это больше не повторится.

Бурд Фаина

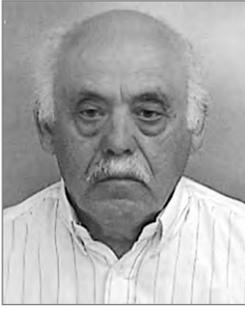
Учитывая то, что я родилась в 1941 году, все мои воспоминания основаны на рассказах матери.

Война застала нас — моих родителей и троих детей (я была младшей, а старшей сестре было 4 года) — в местечке Томашполь Винницкой области. После того, как отца забрали на фронт, мама собрала нас, и мы убежали ночью в с.Джуриин (в 20-ти километрах) к бабушке и дедушке. Там на жилой площади в 30 кв.м. нас оказалось более 10-ти человек. Но это пугало меньше, нежели постоянные слухи о том, что скоро нас расстреляют.

В гетто условия были более или менее сносными — в том плане, что не расстреливали. Но голод, скученность и болезни систематически делали своё дело. Нужно было добывать хлеб, чтобы нас накормить. А из мужчин среди нас был только семидесятилетний дедушка.

А вот день освобождения Джурина мне запомнился. Мы с матерью пошли к перекрёстку (уже можно было ходить, куда хочешь), где проходили войска. Очень красиво шли лошади. А когда пошли танки, страшно стало. Но все радовались и плакали от счастья.

Винокур Люсик

Родился 14 ноября 1937 года.

Когда началась война, мне было 4 года. Хотя я был очень мал, но такое тяжёлое время на всю жизнь остаётся в памяти ребёнка. Когда пришли немцы с румынами, они всех евреев согнали на одну улицу. Дома огородили колючей проволокой. Евреев заставили нашить шестиконечные звезды на одежду.

Нам сказали, что это гетто. У нас был старый домик из двух комнат, в нём жило 18 человек.

Нас у мамы было трое: старшая сестра, я и меньший братишка, тогда ему было всего 2 года.

Мы спали почти на голом полу. В доме болели тифом, это было страшно.

Маму с сестрой гнали на работу в колхоз. Они работали с утра до ночи. Немцы над ними издевались.

А я оставался с братом, мне приходилось кормить и смотреть за ним. Помню, когда маме удавалось принести немного зерна для нас, это был праздник.

Немцы приходили и заставляли отдавать одежду, кто не давал, того застреливали. Кричали: «Яйко-милко». Мы с братом прятались под кровать и боялись дышать от страха.

Был у меня дедушка, он имел связь с партизанами. Когда немцы узнали, его поймали и хотели расстрелять. Только случайно он остался в живых. Его спас сын батюшки.

Помню, что со стороны Рахны пришли партизаны и выгнали оставшихся немцев.

Потом пришли русские, к нам зашёл один офицер и увидел нас, несчастных, полураздетых. Он снял с себя плащ и отдал нам. Тогда мама нам пошила одежду.

Вот, что я запомнил в свои 4 года о жизни в гетто Джурин.

Забудкина Фаина

Сердце радовалось июньскому солнцу, на душе было легко. Но тут налетели фашисты, заняли наш город, и в 1941 году загнали евреев в гетто. Бесчинствам фашистов не было предела. Многие были спасены знакомыми, друзьями, партизанами. Однако основная масса населения гетто погибла.

Много времени прошло с того радостного дня (март 1944 года), когда было освобождено наше местечко Джуриин. Радость была бесконечна: можно было громко говорить, смеяться, ходить повсюду. Но счастье было омрачено бомбёжкой городка 28 немецкими бомбардировщиками. Все эти события так запали в душу, что до сих пор не дают заснуть. Всё это осталось в памяти у шестилетней девчонки.

Каганская (Барштейн) Лиза

Родилась 12 апреля 1927 года на Украине в м.Джурин Винницкой области. Училась в школе, в июне 1941 года закончила семь классов.

В воскресенье 22 июня 1941 г. объявили войну. У нас воскресенье — базарный день. Мы в этот день на базар не пошли, денег не было. Все мои: мать, сестра, брат — работали на сахарном заводе. 3 месяца нам не давали зарплату, а когда достали немного денег, пошли на базар, а там украинцы кричали: «Жидам не продавайте!» И в тот же день начали немцы бомбить. Хоть местечко было маленькое, но оно стояло на центральной дороге в Молдавию, на Винницу. Было очень страшно, у всех повыбивало стекла, пошли трещины, ведь дома были деревянные, и в этот день уже были жертвы.

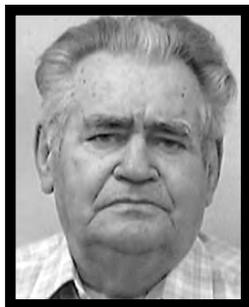
В домах мы уже не спали — в погребках, сараях. И долгие годы, также и сейчас, когда я ложусь спать, говорю своим детям — человек должен благодарить Бога, что можно лечь спать в своей кровати и раздеться.

23 июля 1941 года пришли немцы. Они остановились в местечке, там была церковь, и на эту территорию они заехали на мотоциклах, на лошадях. Они ходили по местечку, заходили в дома, никто дверь не закрывал. Брели, что им нравилось. У нас было много верующих евреев, и был у нас рав Карельник. Они их всех собрали, отрезали бороды, играли на губных гармошках и заставили их танцевать. А молодые ребята надели старую одежду и сидели в погребках. Начались погромы, карательные отряды убивали кругом в местечках, а нас Бог миловал, это было на Йом Кипур в этом же году. Люди были в синагоге, и им сообщили, что пришёл карательный отряд. Все ждали смерти, но отряд уехал, и мы живы.

Потом стало холодно, нас выгнали на работы. В том году выпал сильный снег. От нас дорога идёт на ст.Рахны, и нас погнали чистить снег и нести его к полю, делать снегозадержание, делали, как шахматную доску. А когда было уже почти темно, шли пешком домой. А из Молдавии, Румынии гнали очень много евреев, и многие из них остались в нашем местечке. И вот в домах без отопления, без воды поселилось 5-6 семей и жили, не спорили, поддерживали друг друга.

В Ямполе у меня жил брат с женой и четверо его детей (четыре девочки). Они погибли в Печорском лагере, а брат — на фронте. В Хмельницкой области в м.Минковцы жила сестра с мальчиком, немцы убили их. Брату был 17-18-й год, ушёл на фронт и не вернулся. У моей мамы убили двоих братьев с семьями, сестру с семьёй. А потом меня взяли на работу. Был совхоз в с.Садковцы, 7 км. от нашего местечка. И начиная с весны до первого снега, я работала на всех полевых работах, а домой мы шли, когда начались заморозки, почти босиком. А зимой там, где в ноге была колючка, открылась рана, а лечить нечем было. Сейчас ноги сильно болят, а я думаю, они железные, что выдержали это всё. А зимой снова на работу.

Можно было очень много написать, целой книги не хватит!

Кривошей Семён

Родился в 1928 году в местечке Джури́н Винницкой области. С началом войны в местечке остались одни старики, женщины и маленькие дети. Всё мужское население было мобилизовано в армию. Почти 200 еврейских семей оказалось на оккупированной территории. На третий день оккупации был убит мой дед Берман Лейб. Немцы, венгры, румыны и местные полицейские грабили, насиловали женщин. Через две недели умерла моя бабушка. Начали свирепствовать карательные отряды, задачей которых было уничтожение евреев.

Некоторым удавалось бежать с места расстрела. Раввин Герш Гуральник и Рувин Молдован с помощью денег и золота, собранных у населения, спасали людей от расстрелов. Мой соученик, Лёня Сорокопуд, потребовал у меня коньки, угрожая смертью. Пришлось отдать. Потом он мне их вернул.

Организованная украинская примария (сельсовет) заставляла евреев носить Маген Давид впереди и на спине, запретила выходить за пределы гетто, организованного в границах еврейского проживания. Вокруг появилась колючая проволока. Мы были обречены на голодную смерть. Но в центре гетто сохранился базар. Благодаря кустарному производству у узников гетто появилась возможность выжить. Так, объединившись, евреи спасали друг друга.

Осенью 1941 года прибыли евреи из Бессарбии и Северной Буковины, и население местечка увеличилось в 5-6 раз. А как обеспечить людей едой, квартирами и создать более или менее сносные санитарные условия? Были дополнительно созданы румынская жандармерия и еврейский комитет с полицией. Репрессии усилились. Местные евреи делились всем, чем могли, с пригнанными евреями.

Скученность, грязь, вши вызывали инфекционные заболевания. Ежедневно умирало по 20-25 человек. Хоронили их в общих ямах. К нам присоединились узники лагерей смерти из Печоры, Дзыговки, которым удалось избежать гибели.

С прибытием людей оживилась торговля на базаре. Я продавал сигареты, был пойман жандармами и избит нагайкой так, что и сегодня врачи не в состоянии вылечить ухо. В другой раз, спасаясь, я прыгнул в туалет и попал на оставленную кем-то лестницу. Так и спасся.

Никогда не забуду нашу соседку-украинку, у которой мы спасались в дни облав. К концу пребывания в гетто я заболел тифом. Благодаря семье Бондарчук меня выкрали из тифозного отделения. Утром немцы взорвали это отделение, чтобы эпидемия не распространялась на отступающие немецкие части. Мне после тифа очень хотелось есть. Тётя Аня ежечасно приносила мне еду в ущерб своей семье. Можно ли забыть таких людей?! Большой вклад в моё выздоровление внёс мой друг Александр Черней. Он всё время приходил в гетто и помогал, чем только мог. Активную роль в спасении узников гетто сыграли украинские партизаны. Среди них был еврей Илья Кобылянский.

Весной 1944 года нас освободила Красная Армия.

Мильман (Бендерская) Фейга

Родилась в 1928 году.

Трудно описать, каким чудом я осталась жива и попала в Джуриновское гетто. Мне было 13 лет. Я хорошо помню, как много беженцев было из Буковины, Молдовы, Кишинева, Бельц и из Черновиц. Люди размещались у местных жильцов, их принимали как родных. Пока были продукты, люди делились каждым кусочком. А потом начался голод, холод, болезни, и люди умирали опухшие. И тогда началась

эпидемия тифа. Фашистам не удалось об этом узнать. Многим людям пришлось жить в помещении сахарного завода, спать просто на земле. Синагога была переполнена, люди лежали на полу и уже не могли встать. В Джурине был один колодец, воду раздавали только по средам, один раз в неделю. В 1942 г. была очень холодная зима, нас выгоняли на улицу чистить снег, и многие просто замерзали на улицах. Посылали убирать в жандармерию, это был ужас, страх. Из Джуриновского гетто выбирали людей, которые были ещё здоровы, их посылали на работу в город Николаев, они оттуда уже не возвращались. Какие слышала крики, ужасно было это слушать. Мне это очень запомнилось.

Весной люди стали выходить в поле и выбирать старую картошку. Это было около сахарного завода. Я видела, как убили выстрелом в спину молодого парня, ему было 17 лет. Он лежал 3 дня, пока его не похоронили. Некоторых людей брали на работу в бывший совхоз с.Садковцы. Нам давали несколько штук свеклы, это был большой праздник, но пронести в гетто было нелегко.

Страх, голод и ужасы болезни, тиф я запомнила на всю оставшуюся жизнь.

12 августа 1941 г. в селе Моевка Винницкой области в 10 часов утра фашисты расстреляли 62 еврея, в том числе мою мать Риву Мильман, ей было 36 лет, сестру Таню, ей было 11 лет, и братика Элю, ему было 6 лет.

Мирочник (Сойфер) Броня

Родилась в 1938 году в м. Джурин Винницкой обл., во время войны была в гетто Джурин до 1944 г.

Родители мои: Сойфер Яков Бенцеонович, мой отец, до войны был председателем сельсовета в м. Мурафа, погиб смертью храбрых. Мать, Сойфер Маня Шмулевна, до войны работала заведующей библиотекой и умерла в 1955 году. Когда началась война, отец ушёл на фронт, а маму с тремя детьми отправил к бабушке в м.Джурин. По дороге немцы нас бомбили. Я помню повозки, разорванные бомбами, валялись колёса от них, убитые люди, руки и ноги оторванные, раненные лошади. Мне было тогда 3 года.

В Израиле с 1972 года.

Розенцвит Лазарь

Родился в 1930 году 15 июня в местечке Джурин Винницкой области. Отец мой был портным, мать — домохозяйка, воспитывала пятерых детей.

Когда началась Великая Отечественная война, отца и трех братьев забрали на фронт. В первый же день, когда немцы вошли в Джурин, они начали грабить еврейские дома, ломать все, что попадало им под руку.

В наш дом немцы вошли, когда дед Шлойме молился. Они сорвали с него тфилин и начали сильно избивать, вырвали бороду. Вскоре от побоев дед скончался.

Незадолго до появления немцев в Джурине к нам начали гнать беженцев из Бессарабии, Хотина, Румынии. Часть из них расселили по домам, а остальных поселили в синагоге. Синагога была последним прибежищем, оттуда живым никто уже не выходил. Мы жили рядом с синагогой, и все происходящее там видели своими глазами. Потом беженцы из Буковины, Германии создали комитет. Председателем комитета был Буксбойм. Но для нас, жителей местечка Джурин, он был нехорошим человеком.

В наш дом подселили шесть семейств, а нас: маму, меня и маленькую сестру — загнали в маленькую кухню с тремя женщинами. Мать пошла жаловаться на то, что в такой маленькой кухоньке невозможно повернуться, шестерым очень тесно. Буксбойм ответил, что если будете много говорить, то пойдете жить в синагогу.

Первое время, когда еще было что выменять на продукты, было терпимо, а когда вещи кончились, стало совсем плохо. Мы стали помогать людям копать картошку, за это нас кормили и давали немного картошки.

Наступившая зима была очень суровой, топить было нечем. Я ходил в лес и приносил дрова. Нельзя было выходить за пределы гетто, но я был маленький, незаметный. Маген Давид я не одевал, чтобы думали, что я украинец. В нашем доме жил один мужчина из Румынии. Видя, как бедно мы живем, он сказал, что хочет нам помочь. Он стал моим гарантом: хозяин давал мне газеты и спички. Каждый день я отчитывался перед ним, сколько продано, а остальной товар он забирал обратно. Немного повеселело в доме, каждый день я приносил в дом копейку. Можно было купить молоко и хлеб.

Но эта радость была недолгой. В одно прекрасное воскресенье я набрал много газет и спичек для продажи. И вдруг ощутил сильный удар плеткой. Это был главный плутонэр Костика. Он тянул меня за собой и при этом бил. Но мне удалось удрасть от него. Вся спина у меня была порезана плеткой, но о боли я не думал. Я думал только об одном, — где газеты и спички. Но мир не без добрых людей, я вернулся на место через два часа, и мне все отдали.

Пошли слухи: горят немецкие склады с обмундированием. Однако попасть туда невозможно, так как склады находились за территорией гетто. Собралось не-

сколько мальчиков, и мы решили обойти мост и добраться до складов. Добравшись до места, мы увидели очень много людей, конечно, не евреев. Мне удалось пробраться внутрь склада, и, схватив пару ботинок, я выбежал — было трудно дышать.

Вдруг подошли два немца и немка, и она спросила: «Что тут делает юда?» Немец тут же застрелил одного мальчика. Началась паника, все разбежались, кто куда.

Я схватил ботинки и через речку вброд, весь мокрый, замерзший добрался домой. Но ботинки я не бросил.

Немцы отступали больше ночью, чем днем. Мы все прятались в погребах, квартиры были пустые. Не было воды, и я решил пойти принести воду. Только вышел на улицу, прошел метров 20 и слышу, что немец зовет меня: «Ком, ком!». Немец, сидящий на лошади, показывал на мои ботинки. Он хотел, чтобы я отдал ему ботинки. Но я, долго не думая, давай бежать. Тогда он снял винтовку и начал стрелять в меня. Домой я не побежал, а побежал в синагогу. Немец преследовал меня и продолжал стрелять. Пока я бежал, я вспомнил, что сзади синагоги есть окно и решил запрыгнуть в него. Я влетел вместе с рамой и потерял сознание. Сколько я там пролежал, не знаю. Когда я пришел в себя, было уже темно и жутко холодно. Очень много трупов, и я лежу на них. После того, как я выбрался из синагоги, домой я не пошел. Рядом жил дед Лернер, и он меня впустил в свою квартиру и спрятал под кровать. Я попросил его сообщить моей маме, что я жив, ибо поползли слухи, что меня убили.

Настоящая радость пришла к нам 19 марта 1944 года. Мы долго не могли поверить, что не нужно больше прятаться, что на тебя не нацелено дуло винтовки, что никому не дано право тебя бить.

Мы радовались, наслаждались свободой.

Скляр Полина

Родилась 28 августа 1935 года в местечке Джурин.

Когда немцы захватили Джурин, все евреи могли ходить к колодцу, к речке, а через мост переходить было нельзя. Нас загнали в гетто. Ещё в начале войны все мужчины ушли на фронт. Остались лишь женщины и старики. Немцы всех гнали на работу, били, издевались. Я запомнила момент, когда дедушку Шимона забрали мыть немецкие мотоциклы. Три дня его не отпускали. Мы уже не надеялись его увидеть. Когда он вернулся домой, он был неузнаваем. Весь избит, голова в шишках, даже его длинную бороду изуродовали. Немцы никого не щадили. Как только они появлялись в местечке, все прятались, куда могли. Оккупанты устраивали погромы: всё в квартирах ломали, забирали вещи. Моя сестра Рая пряталась на чердаке, чтобы её не угнали в Германию на принудительные работы. Ей было 13 лет. Иногда она пряталась в погребе, поэтому заболела ревматизмом, что дало осложнение на сердце.

Вечером нельзя было зажигать свечку или лампу. Окна приходилось завешивать одеялами. Если немцы замечали свет в окнах вечером, они сразу же стреляли. Самое страшное было, когда карательный отряд эсэсовцев появлялся в местечке. Люди убегали из своих домов и прятались на кладбище, в погребках. Кто попадался — расстреливали на месте.

Жили мы впроголодь. Дедушка и бабушка меняли вещи на продукты у крестьян из окрестных сел. Чтобы не умереть с голоду, моя сестра таскала воду за кусочек хлеба, мама и тётки соглашались на любые работы. Люди умирали от голода, болезней. Свиристествовали тиф, холера. Я и моя сестра очень болели, чудом остались живы.

Ещё мне запомнился один эпизод. В воскресенье, когда был базарный день, крестьяне приходили продавать продукты. Вокруг гетто было много лесов, в которых прятались и жили партизаны. Над базаром пролетел очень низко немецкий самолёт. Один партизан выстрелил и убил лётчика. Самолёт упал на поле недалеко от базара. Немцы окружили базар и согнали всех людей на площадь. Партизан скрылся. Я с мамой тоже была там. Немцы всех били, грозили расстрелять, но пригнанные из Буковины евреи сумели откупиться от палачей, и мы чудом остались живы.

Ещё помню, когда в марте 1944 года оккупанты отступали, вокруг Джурина были выкопаны окопы. Немцы решили здесь обороняться. К нам поселили двух немцев. Один рассказывал, как он расстреливал евреев в Бабьем Яру, в Киеве, а другой был относительно хороший. Он взял меня на руки и подарил бусы. Маме он дал мыло, одеяло и сказал: «Гитлер капут! Я уже свою дочку никогда не увижу». Ночью немцев подняли по тревоге. Это напали на них партизаны и взяли всех в плен. Утром их провели по улице, а все жители местечка бежали смотреть на пленных немцев. Все радовались, ведь пришли свои! Среди них был немец, который подарил мне бусы. Я дала ему кусочек хлеба.

Когда я попала в гетто, мне было 6 лет, но в моей памяти всё сохранилось. Когда я вспоминаю войну, эти страшные дни стоят у меня перед глазами.

Хельмер Яков

Бывший узник гетто Брацлав, Джурин и концлагеря Печора

Война застала меня, шестилетнего мальчишку, в местечке Джурин Винницкой области (я гостил у бабушки).

Когда взрослые суетились и паниковали, часто повторяя слово «война», то для нас, детей, оно ни о чем не говорило. Но когда первые бомбы упали на местечко и появились первые разрушенные дома, пролилась первая кровь и появились первые жертвы, мы очень быстро поняли, что значит война! Мы быстро повзрослели. Наш детский мир сразу разделился на две части: первая — довоенная, а настоящая — тяжкая, голодная, страшная и ненавистная.

Вскоре родители забрали меня домой в Брацлав, где мы постоянно проживали. По словам матери, уже в июле местечко захватили немцы. До сих пор удивляюсь тому, как детская память сохранила и воспроизводит сегодня то один эпизод, то другой из «той жизни»...

У нас возле дома был погреб, дверь которого выходила на улицу. Брацлав поначалу подвергся артобстрелу, и почему-то многие считали, что в погребе можно найти убежище. Поэтому многие наши соседи прятались у нас в погребе. На ступеньках у двери постоянно сидел юноша. Он смотрел в щель и информировал всех, что происходит на улице. День клонился к вечеру, когда мы услышали рёв моторов и возглас «смотрящего»:

— Они уже здесь!

Мы бросились к щели, тут я увидел много мотоциклов и сытые надменные морды немецких солдат в касках. Но это продолжалось недолго, так как они рассыпались по местечку, ведя огонь из автоматов, кричали: «Выходите все!» Мы, конечно, вмиг отпрянули от двери, и, дождавшись темноты, разбежались по домам. Дома началось сжигание компрометирующих документов, вещей и т.д. В огонь полетели почётные грамоты отца с портретами Ленина-Сталина, книги, благодарности. Но больше всего мне было жалко сжигать свой костюм. Незадолго до войны мне сшили военный костюм-галифе и гимнастёрку с «крылышками». Костюм был предметом зависти всех мальчишек, потому что в игре я уже был экипирован как командир. Все мои просьбы и доводы сочли неубедительными и напрасными, и мой костюм полетел в огонь.

Спустя несколько дней в местечке определили несколько улиц, обнесли их колючей проволокой, и гетто было готово! Всех евреев сразу же согнали туда. Страшная скученность, голод, болезни и смерть — вот что там было. Мне всё было понятно — почему мы ушли из своего дома, почему нельзя было выходить за колючую проволоку на другую улицу, почему не всегда есть еда и почему по ночам стреляют по нашим окнам.

Вскоре немцы ушли, охрану гетто поручили румынам и полицаям. Вот когда начался для нас настоящий кошмар, а для охраны — прекрасная, развесёлая

жизнь. Цельными днями они отбирали остатки «еврейского добра», а по ночам устраивали знатные пьянки и прогулки по гетто со стрельбой по окнам. Свою звериную сущность они продемонстрировали в ночь на 7 ноября — после очередной пьянки устроили «праздничный салют» по окнам. Мама меня разбудила и уложила на пол — так было безопасней. Для многих евреев эта ночь стала последней.

Но покоя не было и днём. Слухи о расстрелах евреев всё нарастали и ширились. Оказалось, что небезосновательно. Однажды утром (уже был снег), после бессонной ночи, мы увидели, что гетто окружено румынами и полицией. Нас всех с вещами стали выгонять из домов на площадь, а тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, убивали на месте. На площади стояло несколько конных саней и охранники на лошадях. Когда всех выгнали, была дана команда: детей и вещи разместить на саях — и колонна двинулась. Шли долго и тяжело. Как потом

выяснилось, гнали нас в печально известную Печору, концлагерь, позже получивший название «Мёртвая петля». В дороге нельзя было отставать, падать: тотчас подъезжал конный охранник, и после удара плёткой необходимо было быстро вставать — иначе пуля! Весь наш путь был усыпан трупами. Так мы оказались в концлагере. Тысячи людей были брошены за колючую проволоку без пищи, без тепла, без медицинской помощи — на полное вымирание. Люди умирали сотнями. Трупы складывали в сарай, а затем «похоронная команда» запрягалась в сани и увозила их за пределы лагеря. Я видел, как сбрасывали полузамёрзшие трупы в сани, видел, как из руки умершего вырывает сухарь другой, ещё живой человек, видел, как полицейский-зверь убил юношу, который, стоя на заборе, обменял какую-то вещь на ведро вишен, этот «полёт» юноши мне запомнился на всю жизнь. Парень, раскинув руки, словно птица крылья, падает на землю, ведро с вишнями падает на эту же сторону, вишни рассыпаются вокруг него, словно капли крови, а палач стоит и надменно улыбается. Кто-то побежал за матерью. Она прибежала и, поняв, что произошло, стала истерически плакать, а затем смеяться.

Только чудо помогло мне остаться в живых. Это благодаря матери, родственникам и другим людям, благословенна их память, спасибо всем им! Две попытки бегства с помощью немецкого офицера (теперь я знаю его имя — Вили Арем, благословенна его память) оказались безуспешными. Третья попытка оказалась успешной, и мы в Джурине!

Да, в Джурине было гетто, но по сравнению с Брацлавом, не говоря уже о Печоре, это был просто рай! Не было колючей проволоки, все жили в своих домах. Конечно, были ограничения и запреты. Нельзя было выходить за пределы местечка, большая скученность (в местечке разместили около 3000 беженцев из Буковины, Бессарабии, Румынии), голод, эпидемии. Немцы, часто проезжавшие по трассе, рвались в местечко поиздеваться над евреями, но находились ангелы-хранители в лице священника местной церкви, старосты, некоторых полицейских, руководителей комитета еврейского самоуправления, которые всё делали, чтобы спасти местечко. И местечко выжило!

Мне хочется рассказать и о каких-то светлых, радостных минутах памяти. Это те мгновения, когда объявлялся «отбой» всем слухам об очередном расстреле, это неожиданная бомбардировка советского самолета или убийство жандарма партизаном Радецким и, конечно, два памятных события.

Первое произошло 19 марта 1944 года — День освобождения гетто Джурин от фашистов. Накануне вечером по местечку прошел слух, что завтра нас освободят. Мы не знали: радоваться или опасаться — по двум причинам. За неделю до этого немецкое командование решило организовать линию обороны в местечке, используя гористую местность, и тот факт, что из верхней точки местечка (район ветлечебницы) хорошо просматривалась дорога Москва-Кишинев. Через местечко проследовала немецкая артиллерийская часть. Мы, мальчишки, успели незаметно, с большим интересом кое-что разглядеть (немцам было не до нас). Орудия проследовали дальше местечка, но в местечке разместилось немецкое подразделение, которое захотело поселиться только среди евреев (очевидно, опасаясь партизан). У нас поселились три немца. Среди них один немного разговаривал по-русски, а другой — член фашистской партии. Это были уже не немцы образца 1941 года. Они были жалкие и четко представляли себе всю дальнейшую перспективу. Днем они уходили рыть окопы, а вечером приходили ночевать. В угол ставили автоматы, гранаты, что представляло для нас, мальчишек, предмет зависти. Один из немцев взял на руки мою сестру Полину и, прослезившись, сказал, что у него в Германии осталась жена и двое детей, и вряд ли он их еще увидит; подарил ей бусы, которые «заготовил» для своих дочерей. Он просил нас быть осторожными с тем рыжим немцем, который, вздыхая, люто ненавидел евреев. Они ушли утром 18 марта, объяснив, что офицер покинул их, обещал вернуться с танками. Кстати, они недалеко ушли. 20 марта 1944 года их, уже плененных, пригнали и разместили в конюшне. Мой брат Миша прибежал радостный и сообщил: «Мама, я видел, как вели пленных, и среди них был тот «хороший немец»!» Он схватил кусок хлеба и побежал передать тому немцу.

Вторая причина, сдерживающая нашу радость — это боязнь провокации. Были случаи, когда в других местечках распускались такие слухи, и, когда начиналось, прибегали румыны и полиция и уничтожали ликующих.

Однако у нас все прошло нормально. Ночь прошла спокойно. Тем не менее утром люди стали «вылезать» из своих жилищ, осторожно оглядываясь и прислушиваясь. День был пасмурным. Снега уже не было, но было холодновато. Люди стали собираться на «пяточке», в центре местечка, ожидая чуда. И вот появились наши освободители! Это была группа из 10-12 человек плохо одетых (во что попало — от фуфаяк до немецких шинелей), грязных, измученных — партизаны близлежащего отряда и одна полуслепая лошадь. Мы поначалу опешили. Особенно хорошо это было видно на лицах румынских евреев-беженцев. Они не могли понять, от кого бежала до зубов вооруженная немецкая армия. И только когда по дороге на Кишинев пошли регулярные части Красной Армии — сомнений и вопросов уже не возникало. Ну, а местечко ликovalo! Все поздравляли друг друга, обнимались, целовались, радовались счастливому освобождению, со слеза-

ми на глазах благодарили освободителей. И хотя день был пасмурным, для меня он был самым светлым, теплым, радостным и незабываемым. Считаю его своим вторым Днем рождения!

Не обошлось и без курьезов. Партизаны поймали итальянца (мы их различали по шинелям — она была светлее немецкой) и вели его в свой символический штаб. Прибежавшая бабушка, не разобравшись, кто есть кто, бросилась на шею пленного и стала его благодарить. Тогда настоящий партизан сказал ей: «Бабушка, это ведь немец!» — «Да?!» — и тогда, размахнувшись, под гогот толпы, она отвесила ему сильную оплеуху. Дальнейшую расправу остановил партизан, объяснив, что это уже военнопленный и устраивать самосуд нельзя.

Многим хотелось выйти за границы местечка, что раньше под страхом смерти сделать было невозможно, и они ринулись (и я в том числе) через мост. Но этот порыв быстро закончился, так как в небе появились 28 самолетов. Многие не стали обращать внимание на этот факт и говорили, это наши самолеты. Но интуиция и некоторый опыт (мы, пацаны, научились различать самолеты) заставили многих повернуть обратно. И не зря! Самолеты, развернувшись над местечком, выстроились в ряд и стали пикировать на заводскую трубу и заводские постройки действующего до войны сахарного завода. Я четко видел, как у первого самолета раскрылось «брюхо» и что-то стало вываливаться, кувыркаясь (красивое зрелище до момента касания бомбы с землей), а затем — мощный грохот, столб пыли и дыма. Я уткнулся лицом в землю и весь дрожал от страха. Самолеты отбомбились и улетели, так и не попав в трубу. Во время бомбежки погиб один человек. Позже мы узнали, что бомбили нас по ошибке вместо действующего завода, находящегося в 12 км, который немцы не успели взорвать при отступлении.

Через несколько дней началось передвижение войск — готовилась Яско-Кишиневская операция. Это было грандиозное зрелище! Ни у кого уже не возникало вопросов: «От кого бежала немецкая армия?» Мы, пацаны, дневали и ночевали у трассы. С гордостью наблюдали за передвижением войск. Походным маршем шла пехота, с грохотом проходили танки и артиллерия, величественно двигались «Катюши», закрытые брезентом. Остановок и привалов не было. Войска шли днем и ночью. У нас не было что подарить солдатам, но мы махали руками и кричали «ура» каждому подразделению. У одной из «Катюш» что-то сломалось. Они заехали во двор у дороги и стали ремонтировать. Кто-то из наших взрослых «унюхал», что командир «Катюши» еврей, а так как наступил Пейсах, то мы его пригласили к седеру. Он рассказал нам о своем боевом пути. Благодарил за приглашение, сказал, что оно скрасило его боевые будни и он почувствовал себя, как дома. К сожалению, память не сохранила ни имени, ни фамилии этого офицера.

А до окончательной Победы оставалось чуть больше года! В местечке стала налаживаться жизнь. Каждый день почта приносила то радостные весточки, а то — грустные. Стали возвращаться раненые. Все местечко потряс следующий случай. В Джурине жила семья Герман. Дочь Роза до войны вышла замуж за Арте-

ма (украинца). Это, как всегда, шокировало местечковых. Но чувство молодых было глубоким и искренним, и они не обращали внимания на мнения окружающих. Жили они в большой любви и согласии, и родилось у них трое детей. В 1941 году Артем ушел на фронт, и никаких известий от него не было. Когда освободили местечко, пришло письмо от Артема без обратного адреса. В нем он описал некоторые подробности последнего боя. Его танк подорвался на mine, и экипаж с большими трудностями спас своего командира. Но лицо и он весь были сильно изуродованы. Поэтому он не хочет быть для семьи обузой и просит его не ждать и не искать его. Но нужно было знать Розу — красавицу и энергичного человека, да еще глубоко любящего. Она нашла адрес госпиталя, где находился Артем, привезла его домой и выходила. Он начал работать, и они счастливо зажили. Их уже давно нет с нами — светлая им память, но их любовь и жизнь стали примером для многих поколений.

Полного спокойствия в местечке еще долго не было. Джури́н находится в 40 км от станции Жмеринка и в 30 км от станции Вапнярка. Это узловые станции, и там всегда скапливались воинские эшелоны. Немцы постоянно бомбили эти станции, и зарево пожара было видно в местечке часами. Но гораздо хуже было другое испытание. В темные, пасмурные ночи они перед бомбежкой спускали на парашютах осветительные ракеты, иногда, в зависимости от направления ветра, они начинали их запускать над местечком. Представьте себе такой кошмар: ночь, и вдруг становится светло, как днем, над тобой гудят самолеты, но их не видно, и ты не знаешь, что произойдет в следующую минуту. Первоначально мы очень пугались и убегали из домов подальше в поле — а затем привыкли и оставались дома.

Постепенно фронт уходил все дальше и дальше, и становилось спокойнее, но каждый день напоминал, что идет война. Мы с большим волнением и вниманием слушали сводки с фронтов, которые читал Левитан (у нас появилось радио), а затем передавали их содержание соседям. И вот наступил этот радостный, долгожданный День. Он стал второй памятной датой в моей жизни. Это 9 мая 1945 года! Утром Левитан объявил о капитуляции Германии и об окончании войны. Мы все припали к репродуктору и старались запомнить каждое слово, но в ушах звучало главное — Победа! Победа! Победа! Затем мы побежали к соседям поделиться радостной вестью. День был теплый, солнечный. Расцвела сирень, которая придавала этому дню особую радость и красоту. А местечко ликовало. Все поздравляли друг друга. Мы уже были школьниками. В школе прошла торжественная линейка. Какие уроки? Победа!!!

Вскоре стали возвращаться победители. Мы снова «оккупировали» трассу. У дороги остановился полковой оркестр, и кавалерия торжественно и величественно прошагала. Пехота возвращалась на машинах. Мы бросали им цветы и провожали их возгласами, а солдаты бросали нам конфеты, карандаши, ручки. Это торжество продолжалось долго-долго.

Много событий, судеб прошло перед моими глазами за мою жизнь, но эти два Дня — 19 марта 1944 года и 9 мая 1945 года навсегда останутся в моей памяти.

Эльгурт (Ройтман) Сура

Родилась в 1931 году. В 1941 году мы жили в городе Хотин Черновицкой области. В первые дни войны немцы сожгли полгорода, в том числе, и наш дом. Мы прятались за городом. Пожарища и дым были везде. Так мы остались без ничего, в чём были. В июле по приказу немцев надо было явиться на какой-то пункт, а 9 июля в Хотине мой отец был расстрелян и с ним ещё двести человек. Их раздели и велели рыть яму. Сейчас на том месте братская могила. И ещё очень многие были убиты, а трупы валялись везде. 1 августа 1941 года нас выгнали из домов и гнали по разным дорогам. Нас били и убивали тех, кто оставал от колонны. Много смертей и побоев сопровождали нас всю дорогу. Это продолжалось до конца ноября или начала декабря — я уже точно не помню. Я с мамой попала в гетто местечка Джурин Шаргородского района Винницкой области. Мы сразу попали в какую-то семью. Я помню, это было рядом с базаром, где нас поселили. Там было несколько семей из Румынии. Так мы жили вместе, голод, холод, и рады были коже от картошки. Жандармы гнали нас улицы убирать и в лес, где унижали. Однажды мы вышли из гетто, хотели что-то заработать, но нас поймали. Я уже не помню — это был конец 1942 года или начало 1943 года — нас этапом повезли в Тирасполь. Там был румынский суд, и нас судили. Я тогда ещё умела говорить на румынском языке, плакала и просила нас освободить. Нас освободили и опять этапом отвезли в Джурин, где мы были до освобождения. Но сколько раз по дороге били мою мать! Вот так в гетто от побоев, голода и холода умерли моя бабушка, тётя и дядя — это с папиной стороны, а с маминой стороны все родственники были убиты. Брат мой пропал, до войны он учился в Кишинёвском университете.

Можно писать очень много о прожитом и пережитом, но мне очень трудно описывать это — моё сердце не выдерживает эти воспоминания.

ГЕТТО ДЗЫГОВКА

Дзыговка была оккупирована в конце июля 1941 года. В местечке были размещены около ста евреев, депортированных из Румынии. Было создано гетто. Евреев использовали на принудительных полевых работах, большую группу угнали в Николаев на строительство моста. После освобождения Дзыговки весной 1944 года в общине оставалось несколько сотен человек.

Бурштейн Лазар

Во время войны я находился в Дзыговском гетто, которое было ограждено колючей проволокой. Никто из евреев не имел права выходить или приближаться к забору. За непослушание полицаи жестоко избивали плёткой.

Однажды мы, играючи, незаметно приблизились к проволочному забору. Это заметил полицаи и стал нас отгонять, избивая. В момент, когда он хотел меня ударить, я резко отскочил в сторону забора и напоролся на колючую проволоку. Три штыря проволоки вонзились мне в лицо и вырвали кусок мяса ниже правого глаза. Естественно, я испугался, т.к. было много крови, но я успел добежать до дома. Мать и другие взрослые стали оказывать мне помощь, прикладывая примочки из рваных простыней, листьев каких-то трав, кое-как остановили кровотечение. Понятно, не всё было стерильно, т.к. никаких лекарств не было, поэтому я пролежал несколько дней с высокой температурой и чуть не получил заражение крови. Меня спасло то, что рана была неглубокой, однако в течение нескольких месяцев я ходил с опухшим, воспалённым лицом. А под глазом так и остался шрам.

Вспоминаются такие моменты. Вначале наше село захватили немцы, которые создали гетто, затем власть перешла к румынам. Жандармерия часто забирала взрослых и детей на различные работы.

Однажды нас, мальчиков в возрасте восьми-двенадцати лет, собрали в жандармерию и заставили песком чистить патроны, покрытые медным налётом. Во время чистки головка одного из патронов отлетела, и порох высыпался, и чтобы

скрыть это, мы заполнили патрон этим же порохом, смешанным с песком и вставили головку обратно.

В дальнейшем в таких случаях, а их было достаточно много, мы, не сознавая, что нам грозит, продолжали заполнять патроны порохом пополам с песком.

Получился как бы неосознанный протест. Так мы проработали несколько дней, но этот факт на наше счастье не был обнаружен.

Только наши родители, узнав об этом, разъяснили нам, какая опасность грозила всем нам.

Бурштейн Софья

С началом войны наша семья решила уехать из нашего села Дзыговка в более отдалённое место. Этим местом было село Томашпольского р-на, где жила семья маминой сестры. По дороге мы попали под бомбёжку, но, еле уцелев, добрались до места. На следующий же день в село вошли немцы, собрали всех евреев на площади возле сельсовета. Мы, дети, не понимали, что происходит, но взрослые уже знали, что нам грозит, тем более, услышав приказ:

«Шисн!» (а идиш они знали) поняли, что нас расстреляют.

Родители накрыли детей платками, чтобы мы не видели, как будут расстреливать. Нас окружили всадники-полицаи. Помню, как я вырвалась из рук матери, схватилась за уздечку одной лошади и стала кричать по-украински всаднику: «Не убивайте мене, я ще молода, хочу жыты!».

Так мы просидели на земле несколько часов. Затем нас загнали в небольшую хату и, как мы потом узнали, хотели нас сжечь. Спас нас сельский священник, который хорошо говорил на идиш. Ему каким-то образом удалось уговорить командование. Как потом рассказал этот священник, немцы получили срочный приказ уехать. И на этот раз беда нас миновала. Ещё один случай, когда нам через некоторое время по разрешению жандармерии удалось вернуться в наше село Дзыговку. Здесь уже было гетто. Время от времени разрешали выходить из гетто за водой, которой пользовались, набирая её в роднике.

Однажды моя мама пошла с ведром, чтобы принести воды. Долго её не было, я очень боялась. И вот она пришла вся избитая, искалеченная. Это мальчик указал стоящему невдалеке румыну, что идёт «жидовка», и тот принялся её избивать прикладом. В течение целой недели мне, восьмилетнему ребёнку, пришлось спасать мать. Она еле выжила после этих побоев.

Таких случаев было за время войны очень много. Но, слава Богу, мы выстояли, и я очень хочу, чтобы такое больше не повторилось.

Гейбух Семен

Родился 2.11.1932г. в селе Дзыговка Ямпольского района Винницкой обл., Украина. Когда началась война, отца (по состоянию здоровья и возраста) забрали на оборонные работы, и с конца 1941 по 1945 годы отец находился в Свердловской области, где работал на оборонном заводе.

В конце июля к нам пришли немецкие войска. Проходящие немецкие части евреев не убивали, но солдаты и офицеры занимались мародерством. Они забирали продукты питания, постельное белье, носильные вещи, советские деньги и золотые украшения: сережки, обручальные кольца и т.д.

В селе был выбран староста, появилась местная полиция. В сентябре 1941 года в нашей округе появился карательный отряд, который занимался массовым уничтожением евреев. В радиусе 25 км все еврейское население было ими расстреляно и закопано в ямах.

В один из дней сентября карательный отряд появился в нашем селе. Спасти было невозможно.

Люди молили Бога, начались часы ужаса и страха. Солдаты бесчинствовали и издевались над людьми: били до полусмерти, невзирая на возраст и пол, старикам жгли бороды. На второй день утром у нашего дома мы увидели толпу человек в 30-40 из местных крестьян. Они стояли, как стая шакалов, и ждали сигнала. Вскоре сигнал последовал. Кто-то бросил камень в окно, и толпа хлынула к нам в дом. Они унесли все, что еще осталось у нас. И самое ценное, что у нас было, это швейную машинку, на которой дедушка и мама шили и могли заработать, чтобы прокормить нашу семью: меня, сестренку 5-ти лет и старую бабушку. Мы остались без средств к существованию.

Немцы ушли, и через некоторое время у нас появилась румынская комендатура. Евреям велели пришить на одежду желтую Звезду Давида. Местечко, где жили только евреи, окружили колючей проволокой, и мы оказались в гетто. Подробности я уже не помню. Это было примерно в октябре 1941 года.

На базар мы выходили в определенное время. Нас выгоняли на разные работы. Мужчин угоняли в другие места на строительные работы.

Мне было примерно 10 лет, но я работал наравне со взрослыми. Работал в поле. У румын помогал на кухне, колот дрова, носил воду и т.д. У оккупантов был большой участок земли, где выращивали овощи и картошку. Каждый день нас водили туда на работу. Все, что там росло, мы могли кушать, а иногда удавалось и принести домой.

Каждый месяц все еврейское население выгоняли на плац перед комендатурой. И каждый раз мы прощались с домом и жизнью.

При таких акциях солдаты и местная полиция избивали нас шомполами, прикладами, нагайками, а если человек падал, били ногами.

Как мы существовали? В основном все местное население, украинцы и поляки, относились к нам с сочувствием, поддерживали морально и оказывали всякую помощь. Были случаи, когда евреи прятались в крестьянских домах. Мы ходили к знакомым крестьянам помогать при посадке и уборке урожая. Дедушка и мама портняжничали вручную.

В одну из ночей мы услышали выстрелы у наших соседей, а через какое-то время к нам стали стучаться. Пришли местные полицаи забирать то, что еще осталось.

Мне было 11 лет, два жандарма повели меня в жандармерию. По дороге мы встретили румынского офицера, он спросил, что я сделал и куда меня ведут? И тогда в ответ я узнал, что ведут в подвалы жандармерии. Я очень испугался и побледнел, так как там избивали людей до полусмерти. Офицер, видимо, меня пожалел и махнул рукой, мол, беги.

Мы жили в вечном страхе, страдали от холода и скудного питания. Медицинской помощи никакой не было. Многие не выдерживали, сходили с ума, кончали жизнь самоубийством. Но нас никогда не покидала надежда.

И в марте 1944 года нас освободила Красная Армия, и наши мучения кончились. Я учился в школе, служил в армии. С 1957 года и по 2004 год жил в Ленинграде. По образованию я инженер-технолог, 44 года проработал в хлебопекарной промышленности.

Вскоре после войны умерли дедушка и бабушка. От перенесенных побоев у моей матери до конца ее дней болела спина. В гетто я поранил левую ногу. Несколько месяцев нога не заживала, так как это была трофическая язва. Мне пришлось перенести сложную операцию.

20 октября 2004 года я и моя жена приехали на постоянное место жительства в Израиль.

Ингель (Штеренберг) Полина

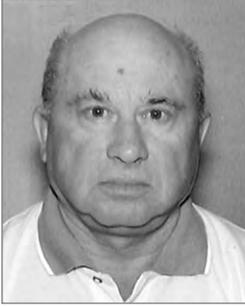
Когда началась война в 1941 г., мне ещё не было 10 лет. Мама, брат, бабушка и я жили в Дзыговке Ямпольского р-на Винницкой обл. За 2-3 дня до прихода немцев приехал по пути на фронт мамин брат попрощаться с нами и сказал: «Прощайте, навряд ли доведётся увидеться». Отца моего посадили в 1937 г. Эвакуироваться не имели возможности, но взяли с собой, что могли в котомки и пошли пешком 10 км. до села Филициановки, где когда-то жила бабушка со своей семьёй. Петлюровцы в 1917 г. повесили дедушку между 2-мя деревьями на глазах всей семьи. В это время бабушка всё вспомнила и сказала нам: «Будь, что будет, нам надо вернуться обратно домой, ибо пеши далеко не уйдёшь, и нас всё равно убьют». Немцы вокруг бомбили. По дороге домой мы прятались на полях, где росла кукуруза, и так добрались домой.

В этот же день зашли немцы, всё было разграблено. Помню, как рвали подушки и перины, и перья летели, как снег. Вокруг ничего не было видно. Немцы были недолго, зашли итальянцы, которые тоже быстро убрались, и вошли румыны, которые были до освобождения. У нас дом сгорел, это было зимой 1942 г., мы, голые и босые, выбежали на улицу, после этого мы все заболели. В нечеловеческих условиях жили: я ходила босой, голодной, разные грызуны были, вши съедали нас живьём. В это время я научилась вязать вещи (перчатки, носки, кофточка), и нам разрешали один раз в неделю пойти на базар — там были знакомые крестьяне, которые давали мне шерстяные нитки, и я вязала, что заказывали. За это давали немного фасоли, картошку, кукурузу, семечки. Нас каждый раз переписывал представитель волости и румын. Ждали смерти ежечасно и ежедневно. Выгоняли взрослых и детей работать на кухне, чистить снег и разные подсобные работы выполнять.

Это было в марте 1944 г., нам объявили, что надо выйти всем на центральную площадь где-то к вечеру. Все, конечно, ждали, что это последние минуты нашей жизни, но есть что-то на свете (Бог, везение и т.д.). В это время зашли партизаны и войска советские в Дзыговку, и нас освободили. Пол ночи был бой.

Я желаю всем еврейским детям больше не знать такого детства, как у меня. Мы должны благодарить советские войска, в которых воевало много евреев, за освобождение народов от фашистского ига. Благодаря им мы сейчас находимся в нашей стране. Большое спасибо Израильскому Государству, что нас приняло и обеспечило нашу старость. Я приехала в Израиль в 1990 г. У меня здесь внук и внучка отслужили армию. Внук закончил Тель-авивский университет, теоретик-физик и электронщик (2 диплома), внучка учится на 2-ом курсе университета — юридическое отделение.

Желаю всем евреям Израиля безопасности, процветания нашей любимой страны.

Клапаух Леонид и Цап (Клапаух) Роза

Детство прошло в украинском селе Дзыговка Винницкой области Ямпольского района. Страшным оно было наше детство.

Почувствовали весь страх и ужас войны. Я, две мои сестры и брат жили с матерью в гетто. Помню я мало. Кушать хотелось, а мама не могла что-то дать. Помню, что не выпускали на улицу играть, боялись, чтобы нас не убили.

В селе сначала были немцы, а потом они уехали в Ямполь, а у нас были румыны. По рассказам матери, я знаю, как наших евреев — женщин, девушек, стариков — гнали на работу, на самую тяжёлую. Мальчишкам в зимнюю стужу велели рыбу в проруби ловить румынам на обед. За работу маме ничего не платили. Жили мы только на ту пищу, которую маме удавалось выменять на одежду, предметы домашней утвари у местных украинцев. Мама рассказывала, что даже на базар, чтобы что-то выменять, евреям не давали идти, всё говорили, что ещё рано, нет 12-ти дня, нам только в 12 часов днем разрешали идти на базар.

Немцы наезжали в Дзыговку часто, ходили по домам, собирали яйца, а если не было, то били. Когда темнело, то никто не зажигал свечу в доме, все сидели в темноте.

Я даже запомнил полицаю, который работал на немцев и румын. Мама о нём говорила. Он часто бил плёткой, когда гнал на работу, и пугал — стрелял выше головы. Ещё очень много мама мне рассказывала о нашей жизни в гетто — воспоминания жуткие.

Главное то, что здоровье, утерянное во время войны, даже у нас, детей, было подорвано, и эхом откликается и теперь.

Райнер Циля

Родилась в Молдавии в г. Сороки в 1923 году. Во время войны я с семьей находилась в гетто Дзыговка в течение месяца-двух. После этого собрали всю молодежь и отправили на работу недалеко от Одессы, на железную дорогу. Там я находилась до мая месяца 1944 года. Это место было похоже на концлагерь. На железной дороге мы работали в тяжелейших условиях, многие умирали от голода и холода. В 1944 году мы вернулись опять в Дзыговку и там находи-

лись до конца войны.

Ройф Беня

Родился в еврейском местечке с.Дзыговка Ямпольского района Винницкой области 2 сентября 1927 г. У нас в местечке до войны было около 5000 тыс. евреев. Был еврейский колхоз «Арбайн», где работали мои родители. Мама работала в поле, а отец плотником. У нас был еврейский театр, где моя мама играла все свои роли на еврейском языке, а также была еврейская школа, но грянул гром — и началась война. Немцы приближались к нашему местечку,

и мои родители решили уехать.

Мой отец Золман сделал сам подводу, купил лошадь в воинской части, и мы двинулись в путь в сторону Тульчина. С нами поехали мамина сестра Шпрынца и две ее дочери. Одна из них родилась 6 июня 1941 г.(сейчас живет в Ашкелоне) — это Роза Сапожник, их отец погиб на войне. В Тульчине нас встретили немцы, и мы были вынуждены остаться. Жили мы в Тульчине около месяца, и, когда начались расстрелы, то родители решили вернуться в Дзыговку. Отец сказал, что лучше умереть в своей квартире, и мы решили вернуться домой, но, увы. Наш дом был уже занят украинцами, которые не хотели его освобождать. Мы поселились в полуподвале, где жили 7 человек. Немцы приходили и уходили, а румынская жандармерия выполняла свои функции. Все, от детей до взрослых, носили желтый знак Маген Давид.

Румыны устанавливали свои порядки. За все они требовали контрибуцию, за каждый нарушенный шаг. Пострадало от них много красивых женщин. Будучи ребенком, я ходил на работу в жандармерию, и если им что-то не нравилось, жандармы били резиновой плеткой или прикладом. Не раз я получал такие удары, могу сказать одно: у румын — бить — это была болезнь. Помню, когда стали собирать детей, чтобы вывезти в лагерь смерти, то за солидный выкуп, который дали мои родители, им подсказали время и дату. Мой отец тайком вывез меня в лес — это было зимой, и я там отсиживался, а моего друга Аркадия Меерсона успели вывезти в лагерь смерти. Он чудом выжил, конечно, за выкуп, и, когда привезли его домой, несли на руках, как мертвеца.

Пребывание в гетто в 1941-1944 гг. бесследно не прошло, повлияло на здоровье всех моих друзей и лично мое. Когда нас освободили, меня призвали в армию.

Мое единственное желание, чтобы мои внуки и наши еврейские дети не знали этих бед, и знак Маген Давид был их гордостью, а не страхом жизни.

Тойберман (Водовоз) Любовь

Родилась в 1935 году в Винницкой области Ямпольского района с.Дзыговка. В 1941 году началась Великая Отечественная война, и мы все три года войны находились на оккупированной территории. С начала войны у нас были немцы, они отгородили улицы колючей проволокой. Не имели права мы выйти на улицу, так длилось несколько месяцев. Каждый раз гнали всех на площадь, стариков, женщин и детей держали на площади часами, потом отпускали домой. После немцев в наше село пришли эсэсовцы, стали убивать, брать людей в Германию, ходили по квартирам грабить. Нас стали прятать люди, ногами мы ползли к сельским жителям, чтобы нас никто не увидел. Рядом с нашим селом слышны были выстрелы, убивали людей или живыми закапывали в яму, там поднималась земля три дня.

В конце войны пришли в деревню румыны, началась для нас новая каторга. Готовили ямы, чтобы нас убить. Был староста, он пошел на переговоры, чтоб нас не трогали. Ходили собирать у людей, что было ценное, золото, ковры, и так мы выжили. Было очень тяжело, голод, холод, и не знаю, каким чудом остались живы. Нас все об этом спрашивали. Думаю, что просто повезло, кругом всех убивали. Наша деревня была счастливой. В 1944 году нашу деревню освободили, я пошла в первый класс, окончила семь классов. Потом училась в педагогическом училище. В 1955 году вышла замуж и жила в Кишиневе Молдавской ССР, а сейчас я приехала на свою Родину, чтобы пожить с детьми спокойно на своей земле.

Шварц Фейга

Родилась в Дзыговке Ямпольского района в начале войны. Жила с мамой и сестрой младшей.

Когда немцы вошли в наше село, нам удалось убежать, и пешком мы дошли до города Ямполь. От Дзыговки это 20-25 км. Там не было железной дороги, добирались по полям и лесам, но нам не удалось убежать дальше. Мы остались в Ямполье. Когда Ямполь был оккупирован, начались преследования, и мы попали в гетто, жили у чужих людей, если это можно назвать жизнью: голод, нужда, а потом нас угнали в Печору. Холодно, в страхе — это были муки ада, и с помощью проводников нам удалось бежать, и мы попали в гетто Могилев-Подольский. Там жили до марта месяца 1944 г. Гетто было расположено по улице Ставинской, все евреи носили желтую звезду на левой стороне.

ГЕТТО ДМИТРИЕВ

Архангородская (Ходос) Рита

Родилась 7 ноября 1939 года в г. Ленинграде (сейчас это Санкт-Петербург). В мае 1941 года моя мама Рахиль Ходос (в девичестве Каспина) отвезла меня на лето к дедушке и бабушке Каспиным Айзику и Саре в город Дмитриев-Льговский Курской области России.

Но вскоре началась война, и уже в октябре в город вошли немецкие войска, а еще через несколько дней всех евреев этого небольшого городка согнали в гетто, запретили из него выходить, всячески унижали и наказывали за малейшее непослушание.

Мы спаслись чудом, так как накануне так называемой «акции» (немцы должны были уничтожить всех находившихся в гетто евреев, что они и сделали) дедушку предупредил врач, хорошо знавший нашу семью, и меня в мешке вынесли ночью из гетто, и мы бежали в лес к партизанам.

Когда город был освобожден от немцев, нас нашел мой папа Ходос Арон, написавший в горсовет подробное письмо с Ленинградского фронта и указавший в нем адрес мамы, эвакуированной из блокадного Ленинграда по «Дороге жизни» в город Омск.

Мы вернулись в Ленинград в 1945 году, здесь я училась, стала врачом, вырастила сына Валерия и в 1997 году выехала в Израиль, где сейчас и живу.

И, слава Богу, мы живы и здоровы и не боимся ужасов войны и Холокоста.

ГЕТТО ДОМАНЕВКА

В Доманевке разместился пересыльный лагерь. Туда согнали евреев из Одесской области и Молдавии. Они прибывали отдельными колоннами от 1500 до 5000 чел. Невзирая на суровую зиму 1941-1942 годов, людей размещали в свинарниках и летних палатках, а то и просто под открытым небом. Всего там было около 120 тыс. человек. В свинарнике, где раньше помещалось около 200 свиней, находилось свыше 2000 человек. Они были полностью лишены пищи, воды.

Занвелевич Мария

Родилась 27 декабря 1925 г. в селе Малая Багачовка Кривоозерского района Одесской области (ныне Николаевской). Вся семья работала в колхозе. Я занималась в начальной школе.

22 июня 1941 года пронеслось страшное известие — война. Но мы тогда еще не знали, какие мучения, голод, холод, побои, издевательства и мучительные смерти ждут нас впереди. И вот 10 октября наше село было окружено с трех сторон, и начались гонения, убийства. Многих убивали на месте, а некоторым удалось скрыться. Я убежала в сторону села Секретарка. Там я у одних людей на огороде лежала до вечера, а вечером хозяйка меня пустила домой, напоила, накормила, и я у них просидела два дня в погребе, а на вторую ночь она велела мне уйти. В селе началась облава, и она меня отправила через лес в другое село — Богачовка. Рассказала, где живут хорошие люди. Это были семьи Ткачуков, Пшленных. Там я встретила со своей сестрой и узнала, что маму и еще одну сестру с двумя детьми угнали в сторону Доманевки, и больше мы их не видели, их убили. Из Ахмечетки мы с сестрой шесть раз убегали. В очередной раз, когда мы убежали, попали в семью Горгуни Авраама, жена и дочь которого прятали маленького мальчика, которого нашли в леднике у школы. Они его прятали 8 дней, но, когда начались облавы и

убийства, его нашли, хозяев Горгуни — мать, дочь и мужа — побили и бросили между тифозными. Мать и дочь выжили, а Авраам заразился и умер.

Нас угнали на Доманевку, голодных, обращались, как со скотом. Гнали в Доманевку на работы, мы носили камни, укладывали мостовую. Оттуда угнали в Ахмечетку. Начались массовые расстрелы над обрывом, люди толкали друг друга, а пулемет все строчил. Мы с сестрой упали между убитыми. Ночью, когда убийцы ушли — вылезли, убежали, шли, не зная дороги. Зашли в небольшое село Копани, постучали, нам ответили: «Заходите, двери видкрити» (укр.). Не успели мы переступить порог, как увидели, что в углу стоит винтовка. Человек, увидев наше замешательство и испуг, сказал: «Девочки, заходите, винтовка сама не стреляет». Он нас накормил, и мы с ним не успели поговорить, услышали возле дома ругань, это пришли звать его на работу. Нас он спрятал под нарами, а им сказал, что болен, наверное, тифом, и они тут же ушли. Он нас держал до вечера, а потом через все село под дулом винтовки отправил в другое место. Женщина нас приняла, держала несколько дней, а потом отправила в лес, потому что в селе была облава.

Мы попали в Богдановку, там нас избили и кинули в клетки, где когда-то были свиньи. Потом мы попали в село Семихатки, нас туда гнали на работу, и там мы были до 28 марта 1944 г. Там руководил Григоренко. Большое спасибо всем добрым людям, которые нас спасали и рисковали своей жизнью.

Это все написано вкратце, если писать подробно, то всей оставшейся жизни не хватит. Люди, особенно молодые, будьте добры друг к другу и читайте это, не забывая нас. И пусть наши правнуки читают это как легенду, как страшный сон. После войны мы с сестрой и еще несколько узников за свой счет поставили памятник убитым и замученным на месте бывшего села Малая Богачевка. Я каждый год еду туда на могилу. Боже, не допускай, чтобы подобное повторилось.

Сухер Аня

Воспоминания, воспоминания, воспоминания... Сколько их? Сколько лет прошло?

Это было давно. Бессарабия. На берегу Днестра старая крепость, вокруг нее раскинулся город Сорока, тихий, уютный, очень чистый, окруженный садами и виноградниками, лесами и живописным спуском к Бекировскому мосту. А какие здесь родники! Вода в них холодная, чистая, как слеза. Воздух пьянящий. Жили здесь и трудились люди разных национальностей: молдаване и русские, евреи и украинцы, цыгане и болгары. Многие называли город еврейским. Большая еврейская община была заметна, уважаема. Среди этих людей заслуженным уважением пользовалась молодая семья Бориса и Леи Экслер, у которого в апреле 1936 года родилась девочка. Родные, друзья и знакомые звали девочку Энуца, Нуца, Нуцика. Молодые родители счастливы.

И все рушится в один день — 22 июня 1941 года. Отца моего и других мужчин нашей семьи мобилизовали в Красную Армию. Папа служил на переправе через реку Днестр, по которой шла эвакуация жителей города. На берегу Днестра сотни людей: женщины, старики, дети — с котомками, мешками, в которых собрано самое необходимое на первое время. Кругом крики, плач. Всюду паника, хаос. Люди безутешны, не знают, что делать. А в небе вражеские самолеты — на землю падают бомбы и достигают цели: переправа разбита. Самое страшное воспоминание детства — огромные бомбардировщики, пролетавшие над нами и сеявшие смерть. Папа только успел нам сказать, чтоб в городе не задержались, выбегали, как сможем. И вот 4 женщины: моя мама, ее сестры Скупинская Люба и Дора, папина сестра Роза, мой двоюродный братик Могильнер Аврум, круглый сирота, и я на телеге, запряженной лошадьми, уезжаем из родного города в сторону Рыбницы. Когда мы приблизились к рыбницкому мосту, солдаты лошадей у нас забрали (лошади нужнее были армии в этой обстановке). Перейдя мост, минуя Рыбницу, добрались до колхоза «Дер Штерн». Это был еврейский колхоз. Люди не верили, что фашисты перейдут Днестр. Нас приютила семья стариков, и мы здесь задержались, не успели эвакуироваться. Через село отступали войска Красной Армии, среди солдат находился и брат моей мамы Мойше. Встреча была неожиданной. Дядя успел только крикнуть: «Спасайте ребенка. Бегите!» Но было уже поздно. Начались бомбежки. Помню, как мы прятались в погребе, помню пожары. Разрывы бомб не забыть до сих пор.

Так мы оказались в оккупации. Нас постигла участь миллионов евреев: выгнали из села, погнали по этапу в с. Доманевку (бывш. Николаевской обл.) Одесской области. Толпу несчастных конвоировали румынские солдаты, позади толпы ехали полицаи. На телегу можно было посадить больных, стариков, детей, но это был для них приговор: полицаи их расстреливали, как балласт. Днем нас гнали из одного пункта в другой, многие погибли в дороге от болезней, голода; мучила жаж-

да: часто конвоиры у колодцев не давали воды напиться. Ночевали в полуразрушенных помещениях без окон и дверей, в сараях, куда пробирались местные жители, приносили тайком кто что мог: несколько картофелин, сырую свеклу, кусок мамалыги. Правда, среди местных жителей были и мародеры, и те, кто за кусок мамалыги снимали с беззащитного еврея пальто, платье или ботинки.

На одной остановке на ночь (не помню название села) собрали всех мужчин, в том числе и моего двоюродного братика Аврума (ему было только 15 лет), увели на окраину деревни рыть канаву, затем всех расстреляли. Путь наш до Доманевки был долгим и длинным — через Балту, Кодыму, Ананьев.

Никто из нас не знал, что будет с нами в Доманевке. Поселили в комнате, люди лежали на полу, как сельди в бочке. И тут-то произошло невероятное: тетя Люба на территории гетто встретила нашего земляка Шимилехиса Мойшу, который здесь находился со своей дочерью Ентале (ей было лет 10). Его назначили бригадиром. Эта встреча для нашей семьи имела большое значение: Шимилехис, когда мог, подсказывал, что будет чистка-расстрел. Часто в гетто проводили сортировку людей: ремесленников, специалистов оставляли в Доманевке, остальных постепенно уводили в никуда или отправляли в другие гетто, чаще всего в Карловку, Богдановку, Ахмичетку. Моя мама швея — это фактически нас и спасло. Жизнь была очень тяжелой: холод, голод, болезни, педикулез, грязь. Мама считала большим счастьем, если Ентале Шимилехис занесет нам кружку кипятка, чтоб немножко отогреться. Эта маленькая, худенькая, до войны постоянно болевшая женщина, стойчески переносила тяготы жизни в гетто: она не только работала, ее иногда тайно выводили за проволоку гетто местные жители, которых она обшивала, а они ее обогревали и подкармливали. Поддерживала маму также и женщина-врач из больницы (фамилию ее мама, к сожалению, не помнит), она была подпольщицей. Выгоняли из гетто людей на разборку полуразрушенных домов, на строительство дороги. Основной инструмент — носилки. Даже тогда, когда тело мамы почти полностью покрылось фурункулами, она выходила на работу в любую погоду — иначе смерть. Она была моей защитой, единственной надеждой, спасением. Тяжела борьба за жизнь, а жить хотелось — и дожить до свободы.

Ну, а дети, малолетки, такие, как я? Мы уходили в свой мир. Мы не могли оценить всю опасность и угрозу смерти. Страх не покидал нас, голод и холод постоянно были с нами. Обмороженные ноги остались на всю жизнь. Жизнь ребенка, видевшего ужасы войны, нельзя сравнивать с жизнью ребенка, который видел войну только на экране телевизора или в кинотеатре.

Хлебнули горя полной мерой. Только забота друг о друге, вера и надежда в освобождение помогла нам выжить в невероятно трудных условиях. Чудом выжили.

Еврейские гетто в Транснистрии раскрыли многие истины, проявились лица настоящих и мнимых друзей. Местные жители были свидетелями операций по «очистке» еврейских гетто. Они видели малолетних детей, которые пытались спастись от жандармов и полицаев, они видели, как полицаи Казакевич жесто-

ко избил мою тетю Любу только за то, что она попросила немножко соли; они видели, как насиловали беззащитных девушек и молодых женщин. Казакевич отличался особой ненавистью и жестокостью по отношению к узникам гетто. Он не щадил ни стариков, ни женщин, ни детей, с плетью никогда не расставался, с ее помощью «разговаривал» с евреями. Многие из сельчан сочувствовали евреям из гетто, потрясенные нечеловеческим обращением нацистов с узниками. С риском для своей жизни они выкрадывали детей из гетто, переправляли людей в безопасные места.

Середина марта 1944 г. В гетто все чаще разносятся слухи о конце оккупации. В панике отступают румынские войска, с ними убегает группа полицаев, те, кто грабил, избивал, убивал.

16 марта 1944 г. Под окном комнаты, где мы находились, остановился молоденький всадник на лошади, он спрыгнул на землю. Это был советский разведчик, первый принесший радость: «Свобода!» Евреи гетто Доманевки освобождены. Бывшие узники боятся проявить свою радость: страх, в котором они жили около 3 лет, велик.

Куда теперь? Конечно, каждому хочется домой. Но мы идем в Кривое Озеро, еще несколько месяцев живем там, у евреев, с которыми были в гетто, так как в Молдавии в это время еще шли бои (Кишинев освободили 24 августа 1944 г.). Только в первых числах октября мы, наконец, дома. На улице, где мы жили до войны, ни одного даже полуразрушенного дома. У нас ни квартиры, ни одежды, ни тарелки, ни чашки. Но это не важно. Мы живы, значит, будем жить.

Несмотря на болезни, жизненные передряги мама все-таки прожила 91 год (сегодня ее день рождения). Это, конечно, большое счастье, что судьба сохранила ее, что она дождалась возвращения мужа с трудового фронта, что они вместе вырастили свою единственную дочь, помогли ей получить высшее образование и создать хорошую, красивую семью. Мы могли остаться в одной из канав вдоль дорог, по которым нас гнали в гетто, могли умереть от голода или быть расстрелянными в Доманевке, остаться там навечно молодыми (маме в 1944 г. было только 30 лет).

Накануне 60-летия Великой Победы мы, бывшие узники гетто и концлагерей, испытываем чувство необыкновенной радости: нас в марте 1944 г. освободили солдаты Красной Армии. И судьба помогла нам дожить до этого светлого праздника.

«Это нужно не мертвым, это нужно живым»

*... Я выжила — подстреленная птица,
Израненная детская душа
До старости не в силах исцелиться.
Тамара Ростовская.*

ГЕТТО ЖАБОКРИЧ

В гетто было уничтожено 435 человек,
среди них — 61 ребенок.

Зальцман Михаил

До начала В.О.В. наша семья жила в местечке Жабокрич Крыжопольского района, Украина.

Вечером 23 июля 1941 года немцы зашли в Жабокрич.

27 июля 1941 года немцы ушли и пришли румыны. Через день румыны загнали жителей еврейской национальности в четыре погреба. Среди этих людей были жители Жабокрича и беженцы из Бессарабии, и начался расстрел.

Стоял ужасный крик. Но варвары не обращали на это внимания. Расстрел продолжался долгих два дня. Румынские солдаты ходили по местечку и вылавливали евреев на улицах, бросали их в 4 погреба и расстреливали.

Вечером, к концу второго дня расстрела, румыны ушли на отдых, а люди, которые чудом остались в живых, но были тяжело ранены, начали по трупам выбираться из погребов. Среди этих выживших людей была моя двоюродная сестра Хана, которая сейчас живет в Израиле.

Нашей семье еще до расстрела удалось уйти в Крыжополь. Так мы остались живы. Через две недели после расстрела наша семья вернулась в Жабокрич. Дом был разграблен. Румыны не разрешали хоронить убитых, стояла сильная жара, и запах разлагающихся тел заполнил все улицы. В местечке был фельдшер Воскобойник, и он дал распоряжение начать захоронение трупов. Еще в довоенное время в сельпо был ледник, а после расстрела людей использовали этот ледник для захоронения убитых. На этом месте уже после войны оставшиеся в живых евреи сделали надгробие, и так как всех имен погибших людей не знали, это место стало самой большой братской могилой.

Через месяц всех оставшихся в живых евреев загнали в гетто, оградив это ме-

Мемориал жертвам фашизма на месте братских могил в местечке Жабокрич.

сто колючей проволокой. Один раз в неделю нас выпускали на два часа из гетто, чтобы мы имели возможность купить еду у крестьян. Каждый день работоспособных детей и взрослых из гетто забирали на работу. Летом работали на полевых работах, зимой чистили снег на дорогах.

В марте 1944 года Красная Армия освободила нас от оккупации. Мы вернулись в свой дом. Постепенно жизнь начала налаживаться.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех жабокричан, которые в настоящее время проживают в США, Израиле, Германии и Австралии за собранные средства на создание мемориала жертвам на месте братских могил. Все бывшие жители местечка Жабокрич выражают особую благодарность Вильшаницкому Марату и Шмулевичу Григорию за личное участие и заботу в создании Мемориала жертвам фашизма.

ГЕТТО ЖИТОМИР

9 июля 1941 года немцы заняли Житомир. Сразу же было организовано гетто. Оно расположилось в центре города и было обнесено колючей проволокой. Вначале можно было выходить из гетто свободно, но затем стали выпускать все реже.

Начались расстрелы.

В гетто находилось около 35 тысяч человек.

Было принято решение всех уничтожить.

Уничтожали поблизости от хутора Довжик. Детей бросали живыми в яму, раненых бросали вместе с убитыми. Там было убито около 20 тысяч человек.

Земля еще долго шевелилась после расстрела.

Освободили Житомир 31 декабря 1943 года.

Грипс Леонид

Как кошмарный сон, я долгие годы силой воли отгонял от себя воспоминания, связанные с первыми месяцами войны и теми ужасами, свидетелем которых мне пришлось быть и которые пришлось перенести. Но коль написаны первые строчки, то надо попытаться довести все до конца.

Родился я в Житомире 5 ноября 1936 г. Моя мама, Грипс (девичья фамилия Каменир) Татьяна (по рождению наречена Гитля) Абрамовна (Аврумовна), родилась в Житомире 15 ноября 1913 г. в семье столяра-краснодеревщика Каменира Аврума Ароновича, коренного житомирянина. Мой папа, Грипс Григорий (Герш) Абрамович, родился в местечке Троянов (20 км от Житомира) 15 июня 1907 г. в простой рабочей еврейской семье, где был 14-м, самым младшим ребенком. Мои родители поженились в феврале 1936 г. и жили в одной квартире с родителями моей мамы на ул.К.Маркса, 58. Это маленький домик, бывший флигель особняка генерала царской армии Минченко. Соседями моих родителей в близлежащих домах были люди разных национальностей. Все жили очень дружно и уважали моего деда, человека на-

божного, умевшего свободно говорить на нескольких европейских языках и знавшего нравы и обычаи людей других вероисповеданий. С детьми соседей, своими ровесниками, мама моя была в прекрасных отношениях. В 1941 году папа работал начальником цеха авторемонтного завода, мама — в одной из организаций города бухгалтером.

23 июня 1941 г. мой отец ушел добровольцем на фронт с уверенностью в скорой победе, а мама со мной и больной бабушкой осталась дома. Обстоятельства сложились так, в основном из-за болезни бабушки, что эвакуироваться мы не успели.

9 июля 1941 г. немцы уже были в Житомире. Как и что происходило после вступления фашистов в город, всем хорошо известно. Бабушка, мама и я были взяты на учет, и нам было приказано переселиться в гетто. Оно было организовано в центре города, сразу же обнесено колючей проволокой. Днем можно было почти свободно уходить в город (но с повязкой на рукаве) за вещами, едой, так как распространялись слухи, что всех евреев будут отправлять с вокзала поездом в Одессу, а оттуда — в Палестину. Все это было представлено, как наше спасение, так как, по слухам, украинцы были намерены перебить всех евреев. Наши соседи настаивали, чтобы мама и я туда не ходили, а жили дома и ждали, что будет дальше. Но мама все время ходила за проволоку со мной — там осталась наша не ходячая бабушка.

Через несколько недель евреев из гетто стали выпускать все реже. В это время уже было выбрано место для расстрелов, и те евреи, которые копали за городом на Богунию (так называлось предместье) рвы для могил, первыми были там убиты.

И вот наступил день, когда было принято решение убить тысячи и тысячи евреев. Мы уже голодали, пожилые люди умирали, уже полицаи били людей в гетто «просто так», уже начали грабить, издеваться над людьми — они уже знали, что наша судьба решена, и мы приговорены. Были повешены невинные. Мама не разрешала мне смотреть на синие ноги и вывалившиеся языки повешенных.

Но много людей из-за проволоки кидали в гетто еду, хлеб, искали знакомых. В тот день, когда людей повели на расстрел, я с мамой были вне гетто. Ей удалось упросить полицая выпустить нас в город за якобы спрятанным дома золотом, а на самом деле она шла искать у знакомых лекарство для бабушки. Когда мы возвращались в гетто, навстречу нам бежали две девочки 12-14 лет. Им удалось убежать из колонны идущих на убой евреев и затеряться в толпе людей, стоящих на тротуаре. Они были в изодранных платьях, с окровавленными лицами. В руках у одной из них был клочок волос, а голова вся в крови. Мама побежала со мной, искала мою бабушку, но найти ее мы уже не смогли. Людей, способных двигаться, немцы строили в колонны и вели за город, а немощных, больных, старых бросали в машины и увозили. Когда мы пришли на Богунию, почти стемнело. От центра города до места расстрела — 6-7 км. Вся дорога была под охраной немцев и полицаяев. Задолго до подхода к лесу слышались непрерывные выстрелы. Когда нас с мамой завели в лес, сразу же стало ясно, что нас ожидают. За малейшее сопротивление или неповиновение расстреливали тут же.

Мы подходили ко рвам, ожидая очереди, когда нас подведут к месту расстрела. Мама посадила меня к себе на спину. Потом она неоднократно объясняла мне, что сделала это для того, чтобы, если убьют меня, то и ей жить не надо, а если ее, а не меня, то чтобы я не мучился один. Место расстрела освещали фарами автомобилей. Когда вокруг нас стали падать убитые, мама со мной, живая, прыгнула в могилу и придавила меня своим телом, чтобы я не кричал (мою ногу зацепила пуля, шрам остался до сих пор). На нас падали расстрелянные. Когда всё или почти всё закончилось, нас присыпали землей. Стало тихо, никто не стрелял и не кричал, но стоял стон — умирали раненые.

Мама, физически очень сильная женщина, выбралась со мной из могилы, и мы уползли из леса в поле. Весь день мы пролежали в кустах в болоте, слышали, как немцы и полицаи «работали» в лесу, продолжая расстреливать людей. Ночью мы пошли в местечко Троянов, на папину родину — надеялись, что там можно будет спрятаться. Шли две ночи, а день провели в кустах. В Троянове живых евреев уже не было — все они, мертвые, лежали в могиле на окраине. Люди дали маме для меня немного еды и посоветовали, как можно скорее добираться до Житомира, где, им казалось, легче спрятаться.

Через день мы под вечер (уже был введен комендантский час) пришли к нашим соседям. Наши дома стояли недалеко от церквушки, в так называемом монастырском саду, рядом с глубокими оврагами, поросшими кустарниками, и кладбищем. Соседи — Майеры А.И. и В.И. — не поверили, что мы живы. Приказом фашистских властей, лица, скрывавшие у себя командиров Красной Армии, политработников и евреев, подлежали расстрелу или повешению. Соседи наши хорошо об этом знали и, тем не менее, приняли нас, накормили, помыли, привели в порядок мою раненую ногу и спрятали нас на чердаке. Анастасия Ивановна с мужем очень боялись, чтобы о нашем спасении не узнала Минченко, но другим соседям — Пилецким — рассказали о нас. Майеры прятали у себя дома партизан и еще одного еврея, Киршона, но об этом я узнал уже после войны.

Это были страшные дни. Мы жили то на чердаке у Пилецких, то в подвале у Анастасии Ивановны, то проводили целые дни в курятниках и в овраге. Там было много курятников и крольчатников. Дни шли, Красная Армия отступала на восток, — все опаснее для наших соседей становилось прятать нас, да и с продуктами становилось все напряженнее. И вот, когда немцы заняли Киев, соседи приняли решение, что мы должны уходить, догонять фронт. Нашли мамину подругу Аллу Шварц. Отец у нее был немец, мать украинка, муж — военврач, с которым она разошлась до войны. Очень красивая женщина и близкий маме человек. Она была знакома с людьми, которые смогли подделать мамин паспорт — в паспорте 1-ЯЗ № 50429 вместо «Грипс Гитля Аврумовна» было написано «Грепсунова Нина Андреевна», о чем у нас хранится справка НКВД от января 1942 года (об изъятии поддельного паспорта у мамы). Паспорт был подделан мастерски, так как при неоднократных проверках и немцами, и полицаями он не вызывал ни малейшего подозрения.

Оставалась еще одна проблема, но и она была решена умными людьми. В младенчестве дедушка и бабушка без спроса отца, но при молчаливом его согласии (он был сочувствующим ВКП(б), и его затем еще принимали в ряды ВКП(б), сделали мне то, что делают родившимся еврейским мальчикам... И чтобы скрыть мою принадлежность к племени иудейскому, переодели меня девочкой и заставляли оправляться, как девочку. Молитву «Отче наш...» знал лучше многих теперешних верующих христиан, волосики были длинные, русые. Я ни разу не вызвал сомнения у окружающих в том, что я девочка, а не мальчик. Малейшая ошибка в моем поведении стоила бы жизни. А «дурная» привычка оправляться (извините за откровенность) вышеназванным способом преследовала меня до 2-3 класса. С тех времен осталось мне на всю жизнь частое моргание в критических ситуациях (частота моргания соответствовала частоте выстрелов при нашем расстреле) да еще шрам на правой ноге. В дальнейшем при тщательных медицинских осмотрах (в ВВС Советской Армии прослужил около 30 лет) любопытные и внимательные врачи интересовались происхождением шрама и причиной моргания, но все обходилось.

Дали мне имя Алла (в честь Аллы Шварц, организатора подделки маминого паспорта), и мы отправились в путь.

Мама шла пешком, а я то у нее на руках, то «на баранках», иногда тоже пешком. Бывало нас подвозили крестьяне, иногда — полицаи (но мама садилась только в ту подводку, где ехал один человек), даже немцы подвозили. Шли мы проселочными дорогами, как можно дальше от «большаков» — центральных дорог, как можно дальше от мало-мальски крупных населенных пунктов, полностью избегая железнодорожных станций.

Мама прекрасно говорила по-русски и по-украински, но чувство самосохранения заставляло ее строить свою речь так, чтобы в словах не было буквы «р» — боялась, что ее произношение выдаст национальность. Она говорила, что идет «з-попид Киева», а не из «Житомира», что она из «семьи вчителив» и т.п. Очень долго после войны в ее речи не было слов с буквой «р». Мама была необыкновенно умной, наблюдательной, осторожной, проницательной, молниеносно анализирующей любую ситуацию, неприхотливой в быту, физически крепкой, выносливой, терпеливой женщиной. Она никого и ничего не боялась, у нее вызывал улыбку визг взрослого человека, испугавшегося мышки. Ночуя в подвалах, в стогах сена, на полях, уже покрытых снегом, сбрасывая с себя мышь или огромную крысу, она не издавала ни звука — это могло стоить нам жизни. Она безумно любила солнце, даже в преклонном возрасте не пряталась в тень, уж очень намерзлась в молодости в подвалах, лесах, землянках, блиндажах, поездах. На всю жизнь сохранила неприязнь к «большой воде», не любила плавать на лодках, судах, что объяснялось одним случаем. Глубокой осенью 1941 г., когда нас перевозили через Днепр, я чуть толкнул ее, глазами показал на высунувшийся из-под тряпок в лодке ствол винтовки. Стало ясно, что перевозчик солдат, неизвестно пока чей, но — солдат, и уже одно это — смертельно опасно. Его на левом берегу ждали 2 или 3 человека, был конец дня, и они очень торопились назад, на пра-

вый берег. Нас отпустили, предварительно о чем-то поговорив между собой и проверив у мамы паспорт. Когда мы остались одни, а они отплыли, мы каждое мгновение ожидали выстрелов в нашу сторону. Но были уже «опытными» и долго не маячили, а сразу — на землю и ползком подальше от воды. А тут вокруг таблички «Achtung! Minen!» — «Внимание, мины!». Вот и уходи быстрее, если берег заминирован, а на дворе — октябрь или ноябрь. Мама — меня к себе поближе, греет своим телом, ветер принимает на себя и думает, как выбраться. «Переночевали» на берегу, а утром по следам тех людей, что уплыли на противоположный берег, дошли до проселочной дороги, а это уже снова жизнь.

Когда нам случалось ночевать в хатах, люди, как правило, что-нибудь давали маме для меня — кто несколько картошек, кусочек сала, кто хлеб, кто печеный буряк. Моим любимым местом для сна было сено в хлеву рядом с коровой. От коровы шло тепло, никто на тебя не смотрит, и можно пошептаться с мамой. А мама в тысячный раз рассказывает, что я должен говорить, что делать в той или иной ситуации.

Я боялся, когда сердобольные люди укладывали нас на печь: если в хату врываются немцы или полицаи, первым делом они лезли смотреть, что делается на чердаке, в погребе, а потом выбрасывали всех с печки, куда сами мостились спать. Всякие были люди — одни и на порог не пускали, другие грозились, что побегут к старосте и скажут, что шатаются чужие. Спасибо им, хоть предупреждали, а были и такие, что пускали, говорили «посидите, отдохните», а сами — за дверь и к полицаю. Мама, как правило, заходила в село в густые сумерки и просилась на ночлег в крайние хаты, на околице села и непременно ближе к лесу, роще, чтобы, чуть что, можно было уйти. Как только мы определяли, что кто-то, таясь, выходит из хаты, мама немедленно собиралась отвести меня на минуту в туалет, и мы — бегом в поле, в лес, подальше от этой хаты, от этого села.

Гораздо больше было добрых, милосердных, порядочных людей, и это нам очень помогало. Встречались люди, которые были готовы оставить нас у себя, у них мы набиралась сил день, самое большее два, и — дальше на восток. Ни мама, ни я в то время ни разу не болели (это уже потом, когда я был в 4-5 классах, у меня так болели суставы ног, что я не мог ходить, встать со стула и излечился, лишь когда меня папа два года подряд возил в Одессу на грязи). В дороге мама хоть кусочком хлеба, но кормила меня три раза в день. Водичку из лужицы или болотца для меня испить в то время было нормальным явлением, главное — не взболтать, чтобы грязь не поднялась, и я научился делать это безукоризненно. Немцы травили колодцы, и пить из них было опасно.

Было много жутких явлений, но самыми страшными для меня были повешенные, разложившиеся трупы коров, лошадей и объявления, что разыскиваются «юды» — евреи. А голод, холод, грязь переносились, как должное. Не спать ночь в лесочке или кошне, в сгоревшем советском танке и слушать, слушать, слушать малейший шорох — это было нормальным явлением.

Рассвет мы, как правило, встречали в пути. Немцы не обращали внимания на одинокую бедно одетую женщину с девочкой на руках. Опасность представляли

полицай. Они в любом чужом человеке искали источник наживы. Но мама вела себя мудро. Она изучила их повадки и не давала повода для ненужных расспросов, заранее выдавая информацию.

Страшный случай произошел на перекрестке дорог. Лил жуткий дождь. Было много машин, немцев и полиции. Они отлавливали сбежавших военнопленных и тех, кого находили, расстреливали тут же на месте. Гора трупов была очень большой. «Работали» полицай, а немцы сидели в кузовах машин под брезентом. И вот, когда полицай проверял мамин паспорт, капля с капюшона его плаща попала на паспорт в то место, где была написана фамилия. Он сложил паспорт, отдал его маме, нас пожалели, посадили в машину к немцам и повезли, доездили до очередного села, и я стал проситься в туалет. Нас высадили, машина ушла — слишком долго я сидел из-за «болезни» живота. А когда мама посмотрела паспорт — ужаснулась. Фамилия была размазана. Паспорт больше у мамы не проверяли.

Первый раз в жизни я увидел, что мама заплакала, когда мы очень четко услышали грохот орудий и поняли, что подошли к линии фронта. Гражданских людей почти не было, еды тоже не было, а военных очень много, днем спали в пустых хатах, а ночью мама двигалась все ближе к фронту.

Это позже, через десятки лет, я, будучи уже кадровым офицером и немало повидав в жизни, понял, каким самообладанием, мужеством, умом нужно было обладать, чтобы пережить лишения наших странствий, потеряв мать, выйдя из могилы живой, найти единственно верный путь через две линии фронта, через минные поля, через проволочные заграждения, найти тропинку к спасению, к жизни.

Наш путь был на Бердичев, Белую Церковь, Кременчуг, где «форсировали Днепр», на Харьков. В районе Харькова мама догнала фронт, а линию фронта переползла со мной в районе железнодорожной станции Валуйки, где наши приняли ее за фашистского лазутчика-разведчика и хотели расстрелять. Лишь когда мама показала, что я мальчик, а не девочка, чуть-чуть сжалились, но долго меня допрашивали, отдельно от мамы, действительно ли это моя мама или чужая тетя. Ей не поверили советские контрразведчики, тянули ее на передовую, чтобы она показала, как прошла. По ее рассказу разведчики ходили в тыл к немцам, вернулись, и лишь тогда ее со мной отправили в Воронеж на эвакуационный пункт.

Дальше — почти все буднично. Не успели мы добраться до Воронежа, как немцы разгромили наши войска под Харьковом и подошли к Воронежу. Мама не стала долго ждать и в теплушках, в пустых вагонах добралась со мной в Астрахань. А там — тиф, дизентерия, горы трупов на пересыльных пунктах. Мама бежала оттуда со мной в Немчеповолжье. Там ее, оборванную, полуживую, на почте, куда мама зашла отправить письмо в Бугуруслан для розысков папы, встретил военный и узнал в ней жену своего двоюродного брата. Грайпель, мой дядя Гриша, видел маму один раз в жизни в 1938–1939 гг., когда был на родине, в Троянове, в отпуске и гостил у моих родителей. Он был офицером ВВС. Через Бугуруслан нам удалось найти на фронте моего отца.

**Леонид Грипс с мамой Татьяной
Абрамовной.**

**Отец — Грипс
Григорий Абрамович.**

Мы снова оказались в прифронтовой полосе. Жили в семье моего дяди. Он, его жена Роза, двое их детей жили в землянке. Дядя служил в летном училище, которое когда-то находилось в глубоком тылу, а теперь стало прифронтовой зоной. Военная часть, где мама работала вольнонаемной, как я узнал из ответа на свой запрос в 1985 г., была в списке частей, находившихся в то время в полосе боевых действий, и мама получила удостоверение участника Великой Отечественной войны и много наград. Отец прибыл на неделю в отпуск, и дядя, пользуясь своим положением, определил его в свою часть. Но папа сказал, что если он пережил кошмар первого года войны, то разделит до конца судьбу своих фронтовых товарищей.

Он вернулся домой в ноябре 1945 г. живым и здоровым, а погиб нелепо в 1973 г., в марте, сбитый пьяным водителем. Маму мы похоронили 6 ноября 1994 г. Она не дожила 9 дней до 81 года. Оба похоронены в Житомире. Папа — на еврейском кладбище, мама — на «Дружбе». Они в мире и согласии прожили совместную жизнь, никогда громко не рассказывали о прожитых жутких годах войны, но очень уважали друг в друге мужество и стойкость, верность и преданность.

В 1944 г. мы вернулись в Житомир, и там я закончил 10 классов, военно-морское авиационное училище. Мой курсовой командир — добрейший человек — рекомендовал мне в личном деле записать национальность «русский». Я на это не пошел и не жалею до сего дня: хотя пятый пункт мне стоил очень много в моей офицерской карьере, но совестью я не поступился.

Нас спасали благородные люди, рисковавшие ежеминутно своей жизнью. Они делали это не из-за материальной выгоды, а по велению совести. Мы дружно жили и после войны, помогая друг другу. Их уже нет в живых. Живы их потомки.

ГЕТТО ЖМЕРИНКА

В июле 1941 года немцы захватили местечко, в котором находилось около 1200 евреев. Всем евреям было предписано носить отличительные знаки на груди и на руке. В конце октября 1941 года в Жмеринку прибыло большое количество беженцев из Буковины и Бессарабии. В ноябре 1941 года гетто было оцеплено колючей проволокой. В гетто были организованы цеха: мыловаренный, кожевенный, гвоздильный, веревочный и другие. Была открыта столовая для бездомных, больница, дом для инвалидов. В гетто находилось около 3000 евреев. В августе 1942 года было взято из гетто 286 человек, которых завезли в Браилов и там расстреляли. В марте 1944 года гетто освободили.

Зельцер Семен

Жмеринка — город и одна из крупнейших на Украине железнодорожных станций — находится, примерно в 200 км от столицы Украины — Киева. Это небольшой городок, в котором до 1941 г. проживало около 5000 евреев, что составляло, примерно, 18% от общего числа жителей.

В начале войны в 1941 г. многие евреи эвакуировались, и осталось 1200 человек. Во время войны число евреев увеличилось, и в 1943 году их уже было 3300 человек. (Указанные выше цифры — довольно примерные).

С самых первых дней войны немцы начали бомбить Житомир. В июле 1941 года Жмеринку тоже бомбили. Сторонники немцев (их было, к сожалению, довольно много), их агенты, сумели проникнуть в службу МПВО.

Когда немецкие самолеты прилетали бомбить, зенитки молчали, а когда прилетали наши истребители — они открывали по ним огонь. Был даже случай, когда нашими зенитками был сбит наш истребитель.

В первых числах июля месяца 1941 года советские войска покинули город, а через несколько дней немцы заняли его без боя. Немцы триумфальным маршем проехали на мотоциклах, машинах и бронетехнике по городу.

Еще до прихода немцев и в первые дни захвата города начались грабежи. Больше всех страдали евреи, которых грабили и немцы, и украинцы.

Когда немцы заняли Жмеринку, появилась сразу немецкая комендатура. Комендант издал приказ. По этому приказу:

1. Была организована местная полиция из украинцев.
2. Были запрещены грабежи советских организаций, грабежи евреев продолжались.
3. За сокрытие советских государственных служащих, партизан, подпольщиков и евреев — смерть.
4. Всем евреям было предписано носить отличительные знаки на груди, на руке (желтая Звезда Давида на белой повязке).
5. Евреям запрещалось выходить на улицу в вечернее, ночное время и утром до 8 часов. Запрещалось посещать общественные места; базары, магазины и т.п.
6. За нарушение хотя бы одного из этих пунктов — смерть.

Было много и других пунктов и обращений к жителям, носивших характер сотрудничества с немцами. Грабежи евреев некоторыми местными жителями, немцами и полицией продолжались. Особенно тщательно смотрела украинская полиция за тем, чтобы все евреи носили отличительные знаки не только на улицах, дворах, а даже в квартирах. За нарушение избивали до смерти.

Несколько позже, по указанию немецких властей, были образованы управа из украинцев и правление еврейской общины из числа местных евреев. В начале августа 1941 года все евреи города получили предписание — перебраться в квартал, прилегающий к базару. Это несколько улиц и переулков. Так было образовано Жмеринское гетто. В конце августа месяца немецкая администрация Жмеринки начала передавать свои полномочия румынской жандармерии, во главе которой был Ионеску.

Таким образом, город Жмеринка был включен в Транснистрию. Железнодорожный узел вместе со станцией — остались у немцев.

При румынах евреи должны были носить уже не повязки на левой руке и груди, а отличительный знак на левой стороне груди в виде черного кружка с шестиконечной звездой из желтой ткани. В конце октября месяца в Жмеринку пришло много изгнанников из Буковины и Бессарабии. В ноябре 1941 года гетто было оцеплено колючей проволокой, входить и выходить из него можно было только по пропускам, через охраняемые полицейскими ворота.

Жизнь становилась все хуже и хуже. Холода в 1941 году начались рано. Холод, голод, бесконечные грабежи доводили людей до отчаяния.

Мы с двоюродным братом Зельцер Яшей решили пойти пешком в местечко Станиславчик (8 км от Жмеринки), там он со своей мамой проживал раньше, и у них в погребе сохранилось много картошки. Вот за ней мы и пошли. Возвращаясь с ценным грузом (сколько 2 подростка могли принести на себе картош-

ки?), на входных воротах в гетто мы увидели висящего на колючей проволоке мертвого человека, и рядом с ним табличку: «Так будет с каждым, кто попытается войти на территорию гетто!» Как я уже писал, в Жмеринку прибыло много изгнанников из Бессарабии и Буковины.

Во главе администрации гетто стал юрист из Черновцов доктор Гершман, владеющий румынским, немецким, французским, английским, русским языками.

Многие считают, что благодаря доктору Гершману евреи Жмеринки остались живы. Дело в том, что он и начальник жандармерии Ионеску жили до войны в городе Черновцы, и Гершман как адвокат спас его от тюрьмы за взяточничество в довольно крупных размерах.

Ионеску не забыл этой услуги. Кроме того, Гершман обладал хорошими организаторскими способностями. Вместе с тем, он был довольно деспотичным. Того, кто не выполнял его приказы, он мог забить до смерти.

Так, по его указанию, был повешен бывший начальник полиции (в гетто была своя полиция), который пожаловался жандармерии на произвол Гершмана. За несколько дней до этого он заставил его пройти по улицам гетто с дощечкой на груди, где было написано: «Их бин а ид а мусер».

Маму моей будущей жены, Дони, он посадил в тюрьму только за то, что, возвращаясь с работы очень уставшей, не зашла в общину и не отметилась о возвращении с работы. Папу моего избил до полусмерти за то, что, возвращаясь с работы, он прошел не через ворота, а в другом месте, где была прорвана проволока.

На евреев гетто была наложена дань. Регулярно Ионеску спускал списки требуемого. Требовалось все, вплоть до гуталина. Полиция, которая входила в состав общины, ходила по домам и собирала все, что можно. Однако долго продолжаться это не могло. После неоднократных ограблений, у евреев нечего было отнимать. Тогда доктор Гершман договорился с Ионеску о следующем: мы открываем цеха по изготовлению и переработке, нам отпускается сырье, как для евреев, а выручку от реализации, львиную долю, будем отдавать Ионеску и немного оставлять себе.

Так были организованы цеха мыловаренный, кожевенный, гвоздильный, веревочный, по производству газовой воды и другие. Та часть доходов, которая оставалась в гетто, делилась еще с доктором Гершманом, однако это дало возможность содержать небольшую столовую, больницу, дом для инвалидов.

В гетто прибывало много людей из мест поголовного истребления, дети-сироты, больные и инвалиды. Не каждого из них доктор принимал. Многих не пускали даже на территорию гетто, некоторых отправляли на все четыре стороны.

С большим трудом удалось уговорить доктора Гершмана принять моего двоюродного брата Сему Гофермана, 1927 г. рождения, который чудом остался жив после массового расстрела в городе Бар. Он еще до расстрела упал в яму. Как это произошло, не помнит, ночью, когда пришел в себя, выбрался из ямы, и еще с одним подростком ночами добрались в Жмеринку.

Чудом осталась жива моя двоюродная сестра Маня Гоферман, которая также с большим трудом перебралась в Жмеринку. Сема работал на железной дороге, связался с подпольной организацией и отрезал тормозные шланги между вагона-

ми. Были случаи крушения поездов, немцы начали тщательно следить и поймали (их было 2 человека). Немцы передали их после пыток в румынскую жандармерию, и у самых ворот гетто их расстреляли. Из рассказа Семы мы узнали подробности гибели наших родственников в Баре, где проживали три маминых брата с их большими семьями.

Моя двоюродная сестра Дуня на расстрел шла с грудным ребенком. По дороге она бросила сверток с ребенком в рожь. Заметили это украинские полицейские, подбежали к этому свертку с собаками, подбросили его и на лету начали стрелять в него, а затем немцы разодрали этого ребенка за ноги и бросили ребенка собакам. Мать, на глазах которой все это происходило, сразу поседела и сошла с ума. Одна из моих двоюродных сестер, Этя, хотела спрятаться у своей невестки (жены брата украинки, брат был на фронте), она ее не приняла. В отчаянии она пошла на смерть со всеми.

В 7 км от Жмеринки находится небольшое местечко Браилов. В марте 1942 года евреев местечка расстреляли, оставили, как обычно немцы делали, немного ремесленников, которых расстреляли позже. 300 человек спаслись и разными путями добрались до Жмеринки. Доктор Гершман сжалился над ними и принял их. Расселили их среди местных жителей.

Среди беглецов была Броня — пожилая женщина, которая занималась тем, что перепродавала вещи на базаре. Она покупала для этой цели пропуск за 2 марки в правлении общины. Имея такой пропуск, можно было выйти с территории гетто и перемещаться только по пути, указанному в этом пропуске.

Как-то на базаре Броню окликнул знакомый голос. «Ой, Параско!», — обрадовалась Броня, узнав свою соседку по Браилову. Броня рассказала соседке, как она и многие их знакомые спаслись от смерти и как оказались в Жмеринке. Броня попросила Параску вынуть из тайника ее дома, где она жила раньше в Браилове, серебряную утварь, продать ее и поделиться с ней.

Параска вернулась в Браилов и сообщила обо всем немецким властям, которые направили гневное письмо в Жмеринскую комендатуру Ионеску, требуя немедленно вернуть всех беглецов.

Всех беглецов вызвали на медосмотр, который оказался западней. Их продержали в бывшем здании инкубатора несколько часов, затем их выгнали, выстроили в колонну и погнали в Браилов, где в тот же день расстреляли.

Крики, стоны, мольбы и обращения к Богу не могли заглушить лай собак, крики жандармов и полицейских. Вели на расстрел поседевших на глазах женщин, детей и стариков. Многие в отчаянии рвали на себе одежду, волосы, многие сошли с ума. Чудом удалось спастись только нескольким. Двое детей спрятались на стропилах здания инкубатора. Можно понять, насколько они были худыми, если могли остаться незамеченными на стропилах. Один мальчишка вырвался из колонны, когда она проходила по улице Урицкого, спрятался в ящике с перьями во дворе, где проживал резник (шойхет) Эзри.

В начале лета 1943 года, почти год после угона Браиловских евреев, была объявлена обязательная явка всех жителей гетто для перерегистрации.

С утра все гетто было оцеплено румынскими жандармами и полицейскими. Группа жандармов во главе с претором Ионеску вошли в гетто. Ходили из дома в дом, выгоняли буквально всех на перерегистрацию и выстраивали в колонну. Колонна медленно ползла вниз по улице Горького до пересечения с улицей Тимирязева.

Здесь за столом сидели Ионеску, Гершман, Тефлер (заместитель Гершмана) и начальник еврейской полиции. Проходя мимо стола, люди высоко над головой поднимали свое удостоверение личности и выкрикивали свою фамилию. У кого было удостоверение, записывали в один список, у кого не было удостоверения — в другой. Одни выстраивались в колонну налево, другие — направо, тут же и тех и других окружали жандармы.

Мы уже знали, чем обычно заканчиваются такие мероприятия, удрать было невозможно. Атмосфера была жуткая.

Вдруг к Ионеску на мотоцикле с большой скоростью подъехал гонец. Он что-то сказал и передал депешу. Тот ее прочитал и показал доктору Гершману, который с облегчением вздохнул, довольно улыбнулся и приказал всем разойтись по домам. Люди стояли в оцепенении и не верили своим ушам, пока начальник полиции прокричал в рупор: «Разойтись!» Мысленно каждый из нас уже простился с жизнью. До этого случая нас несколько раз собирали то на медицинский осмотр, то на проверку документов, то на перерегистрацию, но, слава Богу, все обходилось. Дело в том, что несовершеннолетний король Румынии Михай энергично протестовал против уничтожения евреев, но премьер-министр Румынии Антонеску мало считался с ним. А относительно евреев Могилевского округа, куда входила Жмеринка, он дал такое указание: евреи живут, пока они способны приносить пользу физическим трудом и не саботируют приказы румынской администрации, в противном случае их ждет участь своих соплеменников из Южной Транснистрии.

Евреи Жмеринского гетто работали на объектах, находящихся в румынском, немецком или украинском владении. Работа была тяжелая, нередко сопровождалась издевательствами, побоями и смертельными исходами.

За работу иногда получали похлебку, редко мизерную плату марками. Особыми издевательствами сопровождалась работа в украинских учреждениях и полиции. Полиция уж издевалась над евреями, как только могла. Очень тяжелые работы были на восстановлении железнодорожных мостов. Много евреев работало на железной дороге. Работали почти все, включая и малолетних детей. Маленькие дети работали в подсобных хозяйствах, например, по сбору гусениц. Помню такой случай. После тщательной проверки на сборе гусениц, за каждую оставленную гусеницу мальчишки получали удар плетью, а девочек «жалели» — заставляли глотать оставшуюся гусеницу. Одним словом, отношение к работающим зависело от тех людей, где они работали. На работу выходили по разнарядке правления общины, и горе тому, кто опоздал или не выходил на работу. Доктор Гершман ходил всегда с тростью, которая, как говорили, была полностью набита золотом.

Его помощник Тефлер — с резиновой дубинкой, которая неоднократно ходила по спине, голове жителей гетто.

В январе 1944 года советские танки подошли почти к Жмеринке (Седово), но, не имея пехотной поддержки, вынуждены были отойти.

Началось повальное бегство румын, вместе с ними бежал Гершман. Затем всех их вернули, а в феврале румыны передали власть в городе немцам.

Многие жители гетто, у которых были друзья-украинцы, стали прятаться у них до прихода советских войск, остальные прятались в погребах, секретах и т.п.

Картина в гетто была ужасающая. Представьте себе, если это можно только представить, пустынные улицы, пустые дома и — мертвая тишина.

Во второй декаде марта, буквально за несколько дней до освобождения, немцы развесили по всему городу приказ, предписывающий под угрозой расстрела мужчинам определенного возраста наутро явиться к зданию немецкой комендатуры, напротив бывшего памятника Ленина. Многие думали — на работу, и явились. Немцы их расстреляли. Весь сквер был усеян трупами, а после прихода Советской Армии, через 2 дня, над трупами толпились рыдающие люди, пытавшиеся найти родных и близких.

В середине марта немцы решили покончить с евреями гетто. Были мобилизованы украинские полицейские для рытья траншей в районе Пеньки. Там предполагалось расстрелять всех евреев. Быстрое продвижение советских войск внесло свои коррективы в планы немцев, надо было быстро убираться, и они расстреляли полицейских, рывших траншеи. Итак, благодаря быстрому продвижению советской армии, большой панике среди немцев 18-20 марта Жмеринку освободили, а жители гетто остались живы, а я — живой свидетель тех событий.

975-дневная жизнь, если ее можно назвать жизнью, в гетто закончилась. 975 дней и ночей, которые только звери в образе людей могли придумать, остались позади. А впереди нас ожидала новая жизнь, жизнь еврея, о которой уже совсем другой рассказ.

Можно еще о многом вспомнить, тяжелые воспоминания останутся на всю оставшуюся жизнь. Не дай бог, мои дорогие читатели, вам, вашим детям, внукам, правнукам пережить то, что пережили мы. Хочу, чтобы вы все были живы и здоровы, беды, болезни и невзгоды пусть проходят мимо, и ночью пусть вам снятся только хорошие сны. Счастья вам, успехов на радость нам и назло всем нашим врагам.

Окончил после войны 10 классов. В 1947 году поступил учиться в Киевский политехнический институт на горный факультет и окончил его в 1952 году.

26 июля 1952 года женился. Жена моя, Доня Зельцер, пережившая «прелести жизни» Жмеринского гетто вместе со мной, после войны окончила 10 классов средней школы, поступила и закончила Винницкий мединститут. У нас двое детей, сын и дочь, 4 внучки и один правнук. В 1999 году мы приехали в Израиль. Здесь живут наши дети, внучки и правнук.

Ковалева (Маламуд) Нина

Родилась 19 августа 1927 года в городе Жмеринка Винницкой области. Четырнадцатилетней девочкой застала меня война.

Где-то через месяц–полтора после начала войны в город вошли немецкие войска. Мы, евреи, в это время на улицу не выходили, но через окно видели, как украинцы, наши жители города, собираются в большие группы, и стоит немецкий офицер с переводчиком, который объяснял, что будут расстреливать евреев, коммунистов и комсомольцев. Так продолжалось несколько дней, и меня, как мало похожую на еврейку, просили выйти послушать, это я и слышала своими ушами.

Через некоторое время нас, четырёх девочек, послали в немецкую столовую, где мы чистили картошку, и туда приходили кушать немцы. Поваром там был пожилой немец, звали его Юн. Очистки картофеля он нам отдавал, мы их пекли и ели. Где-то через месяц нас загнали в гетто. Отгородили пару улиц колючей проволокой, отсюда мы не имели права выходить. Носили на руках белые повязки с шестиконечными жёлтыми звёздами. Помню, как из гетто один мужчина пытался выйти, его поймали, прислонили к проволоке и расстреляли. В нашем гетто образовалась община, куда приходили на работу. Работали от темна до темна, в зной и лютые морозы. В гетто, если так можно выразиться, усыновили мальчика шести лет, с которым я после долгих лет встретилась в Америке и привезла выписку из книги, где он описывает моего отца Яшу, маму Розу и меня, Нину.

В 1946 году вышла замуж и уехала в г. Львов. До приезда в Израиль, 4 года жила у дочери в Москве, где похоронила мужа.

Локшина (Дикая) Рахиль

Родилась в мае 1940 г. в г.Жмеринка Винницкой обл. на Украине в еврейской рабочей семье. Когда началась война, отец был призван в армию.

А в июне 1941 г. наш город был оккупирован немцами. Всех евреев загнали в гетто, которое обнесли колючей проволокой, выпускали только по пропускам. На территории была тюрьма и жандармерия. Я находилась в гетто с мамой и сестрой. Маму принуждали работать на железнодорожной станции, а мы оставались голодные, в холоде, было очень страшно, везде была охрана, были смотровые собаки. Одна собака погналась за мной, я упала и сильно разбилась, шрам остался на всю жизнь. Я росла болезненным ребёнком, долгое время заикалась. Почти 3 года мы были в гетто, до марта 1944 г.

Много испытаний мы прошли за это время, но остались жить в нашем городе без средств, была разруха, не было жилья. Отец мой погиб на фронте в 1942 г. Мама осталась без помощи, её родители тоже погибли в гетто в г.Браилов на Украине. Я окончила среднюю школу, училась на швею в профучилище в Одессе. Эта профессия долгие годы поддерживала меня и мою семью. После замужества с 1961 по 1989 г. проживала и работала в г.Рига. В 1989 г. моя мама умерла от рака.

Я репатрировалась с семьёй в Израиль в январе 1990 г. Много лет работала. Сейчас на пенсии, проживаю с мужем в г. Ашдод.

Машкет (Кильшток) Ева

В начале ноября 1941 года в Жмеринке было образовано гетто. С тех пор евреи, оставшиеся в гетто, превратились в бесправных и всеми унижаемых узников. Чтобы выйти за территорию гетто, нужно было получить специальный пропуск. Нашей семье было очень тяжело из-за того, что наш отец был на фронте, и у нас не было средств к существованию.

Для того, чтобы выжить, моя мать ходила работать на немецкую фирму «Глек» и также на фирму «Вальтер Шихлер». Она там разгружала вручную открытые платформы с песком, гравием, углем, щебенкой. Работала моя мать очень тяжело, но нам все равно не хватало даже на еду. Я, тогда еще маленькая девочка, чем могла, помогала маме, на руках у которой была еще моя младшая сестра и бабушка.

Уже в таком возрасте я ходила мыть полы в румынских учреждениях и носила воду, естественно, даром.

Для того, чтобы как-то прокормиться, я вынуждена была ходить на русскую территорию просить помощи у семей школьных подруг Славинских и других. Это было рискованно, как для меня, так и для помогавших. Так были расстреляны зубной врач Меламуд и доктор Люлькин.

На момент организации гетто его руководителем был назначен доктор Гершман, выходец из Румынии. Он был в числе пригнанных из Румынии 500 евреев. Еще до прибытия Гершмана в гетто была создана для наведения порядка еврейская полиция. В ее состав входили: Очаковский — начальник полиции до приезда Гершмана, Беликовецкий Матвей — начальник при Гершмане. Были и другие: Адлер Миша, Бухбиндер, Глузман, которые издевались над узниками гетто почти также, как румыны.

Так в страхе, голоде и холоде мы промучились до освобождения.

Молотковский Арон

Родился 8 ноября 1931 г. в с. Корделёвка Калиновского района, Винницкой обл.

В семье нас было трое детей: старший — Сёма, средний — Гедалий и я. Наше село, как и много других на Винничине, утопало в зелени фруктовых садов. Лес, сахарный завод, парк, пруды и проходящая через село автомобильная трасса, соединяющая Винницу и Киев, придавали селу весомое значение и известность на Украине.

Потомственными сельчанами были мои прадед, дед и отец, которых знали не только односельчане, но и жители во всей округе, благодаря их доброте и отзывчивости по отношению к людям. Наша семья всегда ощущала уважение и доброжелательность окружающих людей. Первое тяжёлое испытание мы встретили, когда в 1939 г. умер мой отец, мне тогда ещё не исполнилось и 8 лет, старший брат Сёма был курсантом Киевского военного училища связи, средний стал работать на сахарном заводе, а мама вынуждена была работать, чтобы содержать семью.

О начале войны мы узнали в то самое роковое утро 22 июня 1941 г. Вой немецких самолётов в небе, разрывы бомб слышались со стороны военного аэродрома за селом, крик и паника среди соседей — первые вестники великой беды, надвигавшейся на мирных, ни в чём не повинных людей. Через несколько дней завод начал готовиться к эвакуации людей и оборудования на восток, списки эвакуируемых готовились в секрете и, когда мы узнали об этом — было уже поздно. Мама приняла решение самостоятельно готовить семью к побегу на восток, но брат Гидалий записался добровольно в армию, хотя ему ещё не исполнилось 18 лет. И мы с мамой остались вдвоём. Старшего брата война застала в Харькове на железнодорожном вокзале по пути следования в часть после окончания военного училища. Уже потом, забегая вперёд скажу, мы узнали о его гибели от тяжёлых ран, полученных в первом бою с фашистами. Мама купила лошадь и повозку, погрузила самое необходимое, и мы, влившись в общий поток беженцев и отступавших солдат, поехали навстречу надежде на спасение.

Стар и мал, все, у кого оставалось хоть немного сил, старались днём и ночью уйти подальше от надвигавшейся чумы.

Через два дня пути мы вынуждены были прекратить своё передвижение, поползли слухи, что впереди в населённых пунктах отравлены все колодцы питьевой воды, якобы появляются группы немцев, которые расстреливают всех, кто движется на восток. Дороги были заняты группами и одиночками отступающих, измученных и раненых солдат Красной Армии, вокруг царил паника.

Название населённого пункта, где мы остановились — я уже не помню, это была ещё Винницкая область и, как оказалось позже, мы проехали всего 25-30 км. пути. Чётко слышались разрывы бомб, гул артиллерийской канонады, всё реже становились ряды убегающих на восток, а вскоре появились первые разведчики врага — мотоциклисты. На улицах селения появились танки, автома-

шины с фашистами. Чужая речь, хохот вражеских солдат, сопровождаемые выстрелами из автоматов — всё это говорило о том, что враг занял селение, а все, кто не смог убежать, оказались в плену. Вскоре враг показал своё звериное лицо. Через два дня на домах были развешаны объявления, в которых говорилось, что все мужчины и мальчики — евреи в возрасте старше 14 лет — обязаны к определённом часу прибыть на площадь около церкви. За невыполнение приказа немецкого коменданта — расстрел, то же грозило и тем, кто попытается скрыть мужчин евреев. За короткое время на площади собралось много людей, здесь были так же крестьяне из окрестных сёл, привезённые на машинах, готовилось что-то страшное. То, что творилось на площади невозможно передать, и по прошествии многих десятков лет — больно и очень трудно даже вспоминать. Дай Бог, чтобы подобного никогда больше не повторилось в мире. Долг памяти обязывает меня поведать будущему поколению о тех зверствах фашистов, свидетелем которых мне пришлось быть в возрасте восьмилетнего ребёнка. На подводах на площадь было завезено много глинистой земли, бой стекла был перемешан с глиной, а затем вся эта масса залита водой. Евреев мужчин и детей раздели догола, построили в затылок друг другу и погнали сквозь строй вооружённых дубинками полицаев и жандармов. Глина, по которой гнали босых людей, смешалась с кровью измученных сынов еврейского народа. Удары дубинок и прикладов автоматов по спине и головам окровавленных людей заставляли их двигаться всё быстрее и быстрее вперёд, а тех, кто падал — пристреливали на месте.

Среди присутствующих на площади были люди, которые от увиденного падали в обморок, редко можно было увидеть кого-нибудь, кто бы безразлично отнесся к увиденному. Обречённых на унижение, но выживших на площади — в конце дня расстреляли на окраине селения. Долго ещё были слышны автоматные и одиночные выстрелы. Во время происходящего на площади, мама, ухватив меня за руку, быстро собрав в мешочек кое-что из еды, — побежала в поле в надежде спрятаться в пшенице. Справа и слева бежали такие же, как и мы. В погоню убегавшим мчались на мотоциклах жандармы и полицаи, стреляя и уничтожая всех, кто бежал. Мы упали и лежали, прижавшись к земле лицом, стараясь не шевелиться, чтобы не выдать себя. К нашему счастью нас не заметили, а если и заметили — возможно, посчитали мёртвыми. Нам посчастливилось остаться в живых. До поздней ночи мы лежали в поле, высокая пшеница скрывала нас от врагов. Когда стало темно, мы встали и пошли подальше от места, где были расстреляны многие сотни людей. Какая-то неведомая сила вела нас к родному дому в надежде, что там нас ждёт спасение, днём мы прятались в лесах и полях, а по ночам снова двигались в родные места. Иногда, разведав, что вокруг нет ничего подозрительного, я заходил в какой-нибудь дом на окраине села, выдавал себя за сироту, бежавшего из разгромленного детдома и выпрашивал немного еды у крестьян. Мама издали наблюдала за каждым шагом моим. Измученные, мы пришли, наконец, к родному селу Корделёвка. Соседи поведали нам, что немцев в селе нет, хозяйничают только полицаи из местных жителей. В селе живут семьи врача, парного, сапожника, парикмахера и других специалистов. В районном

центре Калиновка создано для евреев гетто, но расстрелов и издевательств в Калиновке не было, ширились слухи, что военный комендант доброжелательно относится к евреям. Неоднократно прибывали карательные отряды для проведения акций уничтожения всех евреев, но военный комендант не давал разрешения. Кто-то из родственников коменданта был влиятельной особой в ставке Гитлера, поэтому он, отдавая распоряжения, пользовался поддержкой из Берлина. Мы с мамой остались жить в селе — в своём же доме. Вернулся так же домой мой (средний) брат Гидалий, бежавший из окружения, и через несколько дней он опять пошёл работать на сахзавод. Рассказывали, что комендант до войны работал в Ленинграде, поэтому он доброжелательно относился к людям. Всё это было до тех пор, пока не пришёл приказ о предоставлении отпуска коменданту для поездки в Берлин к семье. В первую же ночь всех евреев согнали в определённое место, и утром готовилась акция их уничтожения. К этому времени на Украине были уже уничтожены все гетто, Калиновка была в числе последних. Пытавшегося бежать переводчика старого коменданта повесили, и в подвешенном состоянии у него отрезали уши, нос и выкололи глаза, на нём согнали злость за то, что акции долгое время отменялись прежним комендантом. О случившемся в Калиновке нам поведала убежавшая девочка-подросток, у которой вся семья была в гетто уничтожена. О судьбе этой девочки я ничего не знаю.

Мама сообщила брату на завод, чтобы он срочно пришёл домой, а затем было принято решение всем убегать, т.к. каждую минуту могли приехать и за нами. Сборы в дорогу были недолгими, брат, попрощавшись с нами, направился к своему товарищу в соседнее село Гуливцы. Много лет спустя мы узнали, что товарищ брата подарил ему своё свидетельство о рождении. На основании этого документа он стал украинцем, остался жив, прошел войну в партизанском отряде и на полях сражения до Дня Победы над врагом. Мама решила попросить убежища у старосты местной полиции, семью которого мой отец в довоенные годы неоднократно спасал от голода. Это было верное решение, хотя и очень рискованное. Староста села (его фамилия Марусич) несколько дней держал нас у себя в доме, рискуя своей семьёй, но так долго не могло продолжаться. У Марусичей часто гостили полицаи и немцы, приезжавшие в село из района. Через какое-то время он отправил нас в другое село к своим родственникам. Мы вынуждены были опять прятаться и спасаться самостоятельно, изредка оставаясь на ночлег у родственников Марусича. Я был переодет в одежду девочки, мама притворялась глухонемой — всё это было предпринято, чтобы как-то немножко обезопасить себя. Однажды нас пригласили в дом родственников Марусича и сообщили, что они не могут больше рисковать своей семьёй. Вокруг было очень опасно, многие были схвачены, а тех, кто скрывал евреев, расстреливали. Нам поведали, что за Браиловым, за рекой Южный Буг в Жмеринке живут в гетто евреи, и их никто не будет уничтожать, т.к. эта территория контролируется румынами, которые евреев не убивают. Другого выхода не было, и мы решили пешком направиться в направлении Жмеринки, хотя впереди было около 3-х дней пути. Мы взяли с собой еду, влившись в поток людей, следующих в выходной день

на базар, пошли вперёд в надежде, что Всевышний спасёт нас, и дойдём невредимыми до спасительного места.

Годы берут своё, и многое уже не осталось в памяти, но один эпизод запомнился мне хорошо. Солнце уже близилось к закату, впереди была холодная и тёмная ночь, не было уже больше сил двигаться дальше, и мы решили попроситься на ночлег в доме на окраине села, за которым начинался лес. Говорил только я, т.к. мама была «глухонемая» (она картавила раньше). Была придумана история, что мы ищем брата, который бежал из плена и скрывается где-то в ближнем селе. От хозяйки дома мы узнали, что её муж работает в полиции и, если у нас есть документы, мы можем его подождать и тогда остаться ночевать. Мама сделала вид, что обиделась на безжалостность хозяйки к измученным людям и решила побыстрее удалиться от этого дома (ведь мы могли бы быть арестованы полицаем). Мы ушли. Через несколько минут нас позвал голос хозяина, предупреждая, что впереди лес, а в лесу бандиты и партизаны, но мы шли всё вперёд подальше от беды. Так ещё раз мы были спасены от ареста. За нами сзади ехала повозка, на которой сидели мужчины, ехавшие на смену пастухам, пасущим впереди стада коров. Нас пригласили в повозку. Приехав на место, мы поели около костра и легли спать в палатке. Ночью, один из опьяневших пастухов, пытался изнасиловать мать, но мама, прижав меня к себе, оттолкнула пастуха. На рассвете мы убежали, когда все вокруг ещё спали. Через 3 дня пути мы пришли в м.Браилов, где чисто случайно мы встретили девочку, мою бывшую одноклассницу. Семья этой девочки — Козырские — переехала в Браилов из Корделёвки перед началом войны. Звали девочку Гельца, она привела нас в дом к своим родителям. Семья Козырских была нашими приятелями, поэтому они любезно пригласили нас в дом, накормили, дали помыться и переодеться. Тут же было принято решение переправить нас в Жмеринку, где действительно жили евреи и никто их не убивал. В дом пришла приятельница Козырских, которая согласилась показать нам дорогу, по которой мы могли бы через реку перейти на сторону, где территорию контролировали румыны. Мы узнали, что участок так называемой границы во время смены караула был не охраняем, и в это время можно перейти речку вброд никем не замеченным. Так из Браилова в Жмеринку с немецкой стороны на румынскую переходили некоторые жители Браилова, занимаясь мелкой торговлей, зарабатывая на пропитание. Наша провожатая шла впереди нас в нескольких метрах, каждый раз движением руки давая знать о предстоящем повороте. На противоположном берегу, недалеко от места, где мы должны были перейти реку, располагалось какое-то село, жители которого часто проходили по дороге вдоль реки на рынок в г.Жмеринку. Перейдя вброд речку, мы становились (якобы) жителями этого села и, встретившись с румынским солдатом, должны были по-румынски поздороваться. Обычно в месте перехода реки было мелко, но в этот раз прорвало плотину, и я чуть не утонул. Чьи-то сильные руки подхватили меня и вытащили из воды на противоположный берег. Мы с мамой пошли по дороге, ведущей в направлении г.Жмеринки, и через некоторое время встретили румынского охранника, следующего на границу. Благодаря жаркой погоде одежда на

мне высохла к моменту встречи с румыном, мы поздоровались и, не вызвав подозрения, проследовали дальше. На территории рынка мы увидели людей, у которых на руке были повязки с жёлтыми шестиконечными звёздами — это были евреи. Как потом оказалось, из гетто можно было выйти на рынок — периодически выдавали пропуска.

Жизнь продолжалась, и никого в гетто не расстреливали. Я, выбрав момент, чтобы никто не заметил, прошёл к еврейке, торгующей какими-то домашними вещами, и сообщил ей, что мы с мамой тоже евреи и только что пришли сюда с немецкой стороны. Женщина собрала свои вещи и быстро провела нас через замаскированный проход в проволочном ограждении на территорию гетто. Нас завели в помещение еврейского управления, предложили маме раздеть девочку и пройти обеим проверку на вшивость и инфекционные заболевания. Каково же было удивление, а затем слёзы и жалость, когда все узнали, что я мальчик, и все восхищались сообразительностью мамы. Нас проверили, накормили и одели в чистую одежду, а затем поселили в какой-то дом. Мы получили на 10 суток разрешение находиться в гетто, а затем мы должны были покинуть гетто и уйти подальше вглубь территории, оккупированной румынами, ибо действовал приказ властей не скрывать беглецов с немецкой стороны. Какое счастье! Мы были спасены и находились среди евреев. Судьба была к нам благосклонна, и мы были в гетто до дня освобождения Красной Армией. Жизнь в гетто была очень тяжёлой. Болезни: тиф, воспаление лёгких и некоторые другие инфекционные заболевания — неоднократно ставили нас на грань жизни и смерти. Нужно было бороться, чтобы выжить. Мама иногда попадала на работу в пекарню, мы в числе других убирали помещения дорожного вокзала, разносили еду наёмным работникам. Нам приходилось быть особенно осторожными, никому не рассказывать, как мы попали в гетто, так как в любой момент нас могли вернуть туда, откуда мы прибыли. Главное было то, что мы выжили и ожидали дня, когда нас освободят.

И этот счастливый день настал, мы были спасены, Украина была освобождена от фашистов. Настал день, и мы возвратились домой в с.Корделёвку, а через несколько месяцев мы узнали о том, что старший брат погиб, а средний — через некоторое время вернулся раненный в родной дом.

Счастье было безмерное, что Бог нам подарил второе рождение на свет!

Рипус (Дикая) Клара

Родилась 12 октября 1937 г. в г.Жмеринка Винницкой обл. на Украине. Отец работал столяром, мать — бухгалтером. Когда началась война, отца призвали в армию. В июле 1941 года наш город был оккупирован немцами. Всех евреев города согнали на отдельную территорию, которую обнесли колючей проволокой. Меня, маму и сестру поместили в подвальное помещение, сырое и тёмное. Маму гнали на рассвете на принудительные работы. За любую провинность били нагайками и сажали в карцер, на территории гетто была тюрьма. Мы, маленькие дети, оставались без присмотра, голодные, без тёплой одежды. Трудно сказать, как мы остались жить в таких условиях.

Только в марте 1944 г. всех освободили из гетто. Много горестей пришлось ещё испытать моей семье. Отец погиб на войне в 1942 г., мы остались без кормильца. Родители мамы погибли в гетто в г.Браилов. Мы были ещё маленькими детьми у мамы на руках, кругом был голод, разруха, без всяких средств, жили у чужих людей на съёме. Окончив школу, я в 14 лет поступила учиться в текстильный техникум в г.Ленинграде и работала мастером. Мама умерла от рака в 1989 г. Наше голодное детство сказалось на нашем здоровье, мама часто болела, мы росли слабыми.

В 1999 г. эмигрировала с семьёй в Израиль.

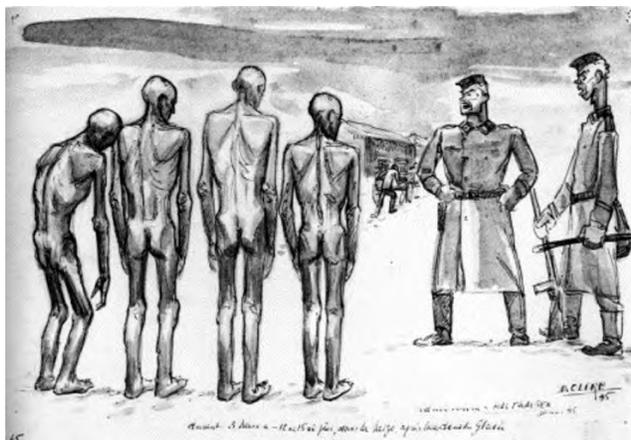
Спивак Мария и Штельман Софья

Всех евреев собрали в отведённое место — гетто, оградили колючей проволокой. Из гетто было несколько выходов, которые охранялись немецкими и румынскими солдатами.

Была организована еврейская община, которая занималась отправкой людей на тяжёлые принудительные работы и наведением порядка в гетто. Людей отправляли на работу, и после работы — все под конвоем немецких солдат.

Наша семья состояла из семи человек. Отец, старшая сестра и брат работали на очень тяжёлых дорожных работах. Мать и нас двое, я и младшая сестра Софья, работали также на разных работах.

Один из страшных случаев запомнился нам на всю жизнь: Из Браиловского гетто во время расстрела евреев к нам в наше гетто прибежали спасаться от гибели много детей и взрослых. Спустя некоторое время им приказали явиться к общине, а затем под конвоем их вывели за пределы гетто и расстреляли. Ещё об одном случае хочется рассказать. Всем жителям гетто было приказано явиться с документами. Когда все явились, нас строем под конвоем немцев повели за город рыть траншеи, и мы поняли, что пришла наша смерть. В это время, когда мы начали рыть эти траншеи, вдруг налетели советские самолёты и начали бомбить. Немецкие солдаты нас покинули и убежали, а мы, кто остался жив после бомбёжки, так же разбежались, кто куда, и так мы остались в живых и вернулись в гетто, и вскоре нас освободили советские войска.

D. Ojete

Токмакова (Шац) Мария

Родилась 29 марта 1934 г. в пос. Красилон Хмельницкой (бывшей Каменец—Подольской) области. Родилась в семье рабочего-ремесленника. Отец, Шац Пинхас Менделевич, работал в меховой мастерской, а потом на меховой фабрике по пошиву тулупов в г. Жмеринке Винницкой обл. Мама, Шац Дора, домохозяйка. Отец в 1939 году был призван на переподготовку, воевал на финской войне, затем был призван воевать с фашистами и погиб на фронте. По воле судь-

бы я в мае 1941 года гостила у папы, и началась война.

В июне 1941 мама хотела меня забрать, но движения в сторону Жмеринки не было, и поезд, в котором ехала мама, был направлен на Россию, где она оказалась. Это была Саратовская обл., где мама и прожила всю войну.

Мама с папой были в разводе, и я была то у мамы, то у папы. Так я оказалась в гетто в городе Жмеринка, Винницкой обл. с августа 1941 г. по март 1944 г.

Вторая семья отца была большая — со мной четверо детей. Таким образом, я оказалась среди чужих людей, круглой сиротой. На меня никто не обращал внимания. И я вечно голодная и холодная бродила по территории гетто, со всех сторон огороженного проволокой и с охраной немецких солдат и местных полицаев у ворот.

Жили мы в доме 3 семьи, у всех было много детей. Мы теснились в одной комнате. Было тесно, холодно и голодно — без хлеба, без тепла. Я была самая старшая, мне было 7 лет и 4 мес. Меня отправляли на украинскую территорию, повязав платочком, как сельскую девочку. Перелезала я через проволоку с противоположной стороны от центральных ворот, шла на базар и стояла с протянутой рукой, прося подавание. Люди не проходили мимо и часто давали хлеба кусочек, картошку или 1 марку. Были и такие случаи, когда приближались немцы или полиция подходила. Женщина-украинка отводила меня подальше, чтоб не узнали, что я еврейка. Я со своей «ношей» — с едой — обратно возвращалась в гетто, прикрепляла жёлтую звёздочку и шла домой, где ждали хлеба дети и взрослые. Они жадно набрасывались на мешок, и маленькие даже хватались грызть сырую картошку. Так продолжалось 3,5 года.

Я жила без присмотра и ходила по улицам гетто, и много видела ужасных, страшных случаев. Однажды видела и слышала крики девушек, которых фашисты в касках с рожками, автоматами и собаками сгоняли (девушек-девочек лет 15-16) и уводили за территорию. Стоял страшный крик и плач, так как больше этих девушек никто не видел, они не возвращались.

Хочу рассказать несколько страшных случаев, которые мне запомнились. Однажды мы с группой ребят разных возрастов бегали на окраине улиц гетто, и вдруг в одном разваленном доме услышали стон. Стонал человек в подвале. Мы подкрались к окну подвала и увидели: человек с разбитым лицом, по пояс стоял в воде, и у него были прикованны поднятые руки. Мы испугались, хотели убежать, но он жалостным голосом попросил пить и хоть кусочек хлеба. Часть ребят

побежали домой и принесли еду. Но покормить его было невозможно, и было еще и страшно. И один из старших мальчиков взял доску, положил на нее еду, спрыгнул в воду и побрел по воде (ему вода была по грудь), покормил и напоил прикованного, как мог. Мы в течение недели ходили, в тайне от взрослых (иначе они нас не пустили бы), и поддерживали этого человека. Я не помню, что он нам рассказывал, о чем просил. Но мы очень боялись, чтобы нас не поймали немцы или полицаи. Как-то вечером я услышала, как сосед по квартире рассказал, что сегодня на площади расстреляли партизана, который был прикован в подвале.

...В доме, где мы жили, была семья Гитис и четверо его детей. Их отец был парикмахер. На войну его не взяли по состоянию здоровья. Однажды пришел немец и полицай и забрали его. Но под вечер привезли избитого обратно. Вся спина была в полосах от шомпола (шомпол — это резиновая дубина, переплетенная проволокой). Мы своими маленькими пальчиками вытаскивали кусочки застрявшей проволоки. Избили его за то, что он не мог стричь полумертвецов, избитых в подвале тюрьмы.

Мы всегда жили в страхе, что вот придут и кого-то из взрослых уведут, и будут бить или расстреляют. Часто от старосты Гершмана поступал приказ явиться на площадь (большая длинная улица) с вещами и документами. Все выстраивались, и нас охраняли немцы со злыми страшными собаками. Стояли долго, а потом приказывали идти домой. Потом стало известно, что румынские власти не дали свое согласие на расстрел всех евреев гетто.

...Недалеко от Жмеринки есть село Брайловка, на нее власть румын не распространялась, и мы видели, как евреев из этого села вели немцы на расстрел. У меня до сих пор перед глазами картина идущих на смерть — дети пешком, дети на руках у старших, женщины, мужчины и старики в накинутых талесах на голову и с книгами молитв в руках...

Многое можно вспомнить, о многом говорить и рассказывать. Но это невозможно. Сразу начинает болеть голова и ныть душа, и болеть сердце...

Окончилась война. В марте 1945 г. меня разыскала моя мама, и мы уехали в пос. Красилов Хмельницкой области, где я пошла в школу — мне шел 12-й год. Вот так прошло мое «счастливое детство».

В 22 года я окончила школу, в эти годы кончают институт. Потом окончила техникум, вышла замуж. Я поддерживала связь со своими сводными братьями и сестрой.

У меня есть дочь и внучка. Для своей дочки я делала все, чтоб она не испытывала нужды и невзгод. Роскоши не было, но жили нормально. Дочь моя окончила мединститут. Она врач.

В 1996 году приехали мы в Израиль и живем в городе Ашдоде. Дочь защитила свой диплом врача и работает по специальности. Внучка окончила колледж на экономиста, работает.

Прошу у Бога, чтобы в нашей маленькой стране был мир, благополучие, радость и счастье.

Фельдман Меир

Родился в 1929 году в г. Жмеринка Винницкой области.

В 1929 г. переехали в м.Орынин Каменец-Подольской обл. (ныне Хмельницкой обл.). Орынин находится в 20 км западнее Каменец-Подольска.

Мой отец, Фельдман Моисей Шиманович, 1903 г.рождения, мать — Фельдман Эстер Меернутовна, 1904 г.рождения. Нас три брата: Меир, Анатолий, Александр. Мои детские годы прошли в м.Орынин. У нас протекала река

Збруч, которая огибала местечко, будто мы жили на полуострове, там летом купались. В сарае у нас была корова, мы также кормили свинью. Отец работал в колхозе, а я как старший сын готовил корм корове, насыпал полосу и натирал бураки, перемешивал и давал ей кушать, вычищал в сарае и отвозил на тачке нечистоты на свалку. В школе я учился хорошо, несмотря на то, что я больше был занят хозяйством.

До войны 1941-1945 г. у меня было много друзей: Блом Толя, Крайдман Толя, Клейнер Иосиф, Лейзер (фамилию не помню), Гитлер Кося, Куперман Нюня, Креймер Леля (с 1939 г. он учился в Одессе у Столярского по музыке), Гройсер Рахель, Рехтман Оля, Купер Фейга и др. Все мои друзья и одноклассники погибли от рук немецких фашистов и украинских полицаев, ни один из моих друзей и одноклассников не остался в живых.

В местечке (штейтл) Орынин жили в основном евреи, а на окраине около реки и леса жили украинцы. До войны я окончил 6 классов средней школы. В декабре месяце 1940 года дирекция школы выдала мне путёвку на один месяц в детский оздоровительный санаторий в с.Куява, Ярмолинецкого района Каменец-Подольской области.

В первый день войны отца мобилизовали в армию, все мобилизованные находились у нас в лесу. Отец заболел малярией, и был помещён в больницу.

3 июля 1941 г. мы выехали из м.Орынин, ехали просёлочными дорогами, чтобы миновать города, где проводились бомбёжки. Проезжали населённые пункты: Дунаевцы, Новая Ушица, Ялтушков, Бор. На ст.Бор мы погрузились на открытые железнодорожные платформы и, проехав 15 км, попали под бомбежку на ж.д.станции Матейново, и еле-еле доехали до крупного железнодорожного узла г.Жмеринка. В Жмеринку мы приехали 7 июня 1941 года и выгрузились у железнодорожного полотна возле локомотивного депо.

На вокзале отец встретил девушку по имени Мина Штернберг, которая пригласила нас переночевать у них.

Штернберг Яков, его жена Этя и их дети Мина, Полина, Давид и Фирочка нас приняли, и мы уже решили вместе с ними эвакуироваться.

12 июля отец явился в Жмеринский военкомат и был мобилизован в армию.

Осталась мама, я и ещё два младших брата в Жмеринке.

17 июля немцы оккупировали Жмеринку.

ЖИЗНЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

С первых дней уже стали брать евреев на работу. Мыли автомобили и мотоциклы, убрали помещения, занятые немцами для создания своих организаций и учреждений по руководству городом. Через несколько дней была учреждена городская комендатура.

Во время отступления советские войска взорвали железнодорожный мост, ведущий в направлении Вапнярки и Одессы. Уже начали брать евреев на строительство моста, люди носили тяжелые камни на насыпь высотой 15 метров и выше, камни тяжелые, люди падали, камни падали на головы людей, работающих внизу, и они погибали. Через несколько дней после оккупации немцы расстреляли двух евреев по фамилии Бараш и Колесник. С начала оккупации была создана еврейская община, которая организовала людей по посылке на работу и выплат контрибуции немцам. Председателем общины был человек по фамилии Юкелис. Так как в первые дни оккупации у людей не было денег, имеется в виду оккупационные немецкие марки, люди стали обменивать вещи на продукты питания у крестьян из близлежащих сел. Меняли продукты на соль, мыло, посуду, одежду и др.

Была создана украинская полиция, появилось объявление такого содержания: «Всем жидам, чоловикам и жинкам, носить на рукавах одежды белые повязки, где в середине должны быть изображены синим цветом шестиконечная звезда Давида, Маген Давид (щит Давида)», — а со временем было указание носить на груди шестиугольные звезды желтого цвета.

В октябре-ноябре месяце 1941 года были выделены несколько улиц для перевода жителей города в еврейское гетто. Улицы, выделенные для еврейского гетто, были ограждены столбами и колючей проволокой по всему периметру, на табличках было написано «Юден гетто», вход в гетто и выход воспрещен.

Много евреев было изгнано из Бессарабии и Буковины, они прибыли в Жмеринку и расселены в гетто по несколько семей в квартире. Со временем было создано руководство новой еврейской общины во главе с бывшим офицером румынской армии, которого звали доктором Гершманом. Доктор Гершман был человеком строгим и требовал соблюдение дисциплины. За нарушение дисциплины, за симулирование люди наказывались 25 розгами, били плетками резиновыми по спине, надолго оставались у людей полосы после избияния, были приняты и другие методы взыскания. Членами общины были: Юкелис, Поляк, Тефнер, Бухбиндер, Беликовецкий.

Была создана еврейская полиция во главе с Беликовецким. С территории гетто нельзя было выходить без специального пропуска. Чтобы пойти на рынок, надо было уплатить определенную сумму денег на 1 час. Нашей семье было очень трудно жить в гетто. Во-первых, мы были в Жмеринке чужие, мы приехали в дни войны, знакомых и родных у нас не было.

В гетто была построена баня, мыловаренный цех, цех безалкогольных напитков, аптека, небольшая больница в помещении бывшего дома культуры, была открыта школа, я учился в школе примерно 2 месяца, затем оставил учебу в школе в связи с тяжелым материальным положением.

Все, что мы успели захватить с собой, что составляло какую-то ценность, было обменено на продукты питания. Мы начали голодать, остались без денег и без одежды и обуви. Начали пухнуть от голода, наша мама осталась с тремя детьми, самому младшему брату было 2 года. Она начала ходить к людям мыть полы, оплата была очень ничтожной, впоследствии вынуждена была идти к людям, которые выпекали хлеб на продажу, нанималась месить тесто за кусочек хлеба. Я, как старший, оставил школу, ходил пилить и колоть дрова, начал зарабатывать. Затем в 1942 году нанялся к кожевнику на работу, носил воду целыми днями вручную ведрами (для выделки кожи нужно очень много воды), затем я чистил шкуры, сбивал шерсть со шкур, невыносимый смрад был, это работа с вредными условиями труда. За работу мне платили 30 марок в месяц без выходных дней. За 30 марок я мог купить 15 буханок хлеба. Немножко мама, немножко я стал зарабатывать, так что мы уже перестали голодать. Один раз в день мы получали обед в столовой для бедных. Был организован кожевенный цех, сапожная мастерская. Иногда бедным выдавали ботинки. Одежды у нас не было, из отцовского нижнего белья мне сшили штанишки и рубашку, мама их покрасила в черный цвет, и я носил этот костюм.

В 1943 году меня стали брать на работу. Сначала я убирал на путях всякий мусор и подметал, затем выгружал из вагонов разные товары и изделия. Потом работал на выгрузке угля из вагонов, нагружали уголь в вагонетки, и толкали к эстакаде, перекидывали уголь в ковш, и на подъемнике поднимали вверх, и высыпали уголь в тендер паровоза. Работал в две смены. С 7 утра до 3-х часов дня — первая смена, вторая смена работала с 3-х до 12-ти ночи.

Так как г.Жмеринка — это крупный железнодорожный узел, и нужна была огромная рабочая сила, то из Жмеринки никуда не посылали в другие места, а только работали на месте. Много случаев убийств на работе. Немцы избивали евреев на работе и спрашивали: «Почему ты еврей?» В гетто были врачи Люлюкин, Дробнер, Лапскер Евсей и его жена Эсфира Борисовна, медсестра Зейфман, Мац и др., которые оказывали помощь больным.

В гетто были организованы кожевенный цех, сапожная мастерская и мыловаренный завод. Варили мыло и следили, чтобы в гетто не допускали заражения тифом. Комиссия ходила по домам проверять, чтоб уничтожали насекомых — переносчиков тифа. В гетто была построена баня.

Была в гетто подпольная группа, работавшая против фашистов. Арик Гефтер был заключен в тюрьму и расстрелян в тюрьме Тирасполя. Макс Фарбер был выпущен из тюрьмы.

ОСВОБОЖДЕНИЕ. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД.

18-20 марта 1944 года — освобождение г.Жмеринки от немецко-фашистских захватчиков и крупного железнодорожного узла. Снята граница гетто, колючая проволока свернута и отброшена. Люди ликовали, радовались своему освобождению, увидели пленных немцев и власовцев — прихвостней фашистов, их повели в Сидовский лес на расстрел. Я видел, как из орудия, осколочными снарядами вы-

куривали немцев из здания школы, что находилась по ул.Училищной, еще продолжались бои за ж. д. вокзал и товарную станцию.

Люди почувствовали себя свободно, стали ходить по местам, где два с лишним года не разрешали им ходить. Через 2 месяца, 20 мая 1944 года начались массивные налеты немецкой авиации, они совершали бомбардировки города и ж. д. узла. Бомбежки продолжались до 5 августа 1944 г.

С 1 сентября 1944 года поступил на работу в кожцех ОРСа ДН-3 в качестве рабочего кожцеха. В 1952 г. меня послали в Киев на курсы нормировщиков. По окончании курсов работал нормировщиком кожзавода до 1 февраля 1959 года. С 1 февраля 1959 года — работал начальником кожцеха до ликвидации кожзавода в 1964 году 1 января месяца. С 1 января 1964 года работал мастером красильного цеха меховой фабрики. В 1971 году окончил Казанский техникум легкой промышленности. Уволился с работы в 1989 году в связи с уходом на пенсию.

В 1945 году после окончания войны 1941-1945 года с 1 июля по 10 июля 1945 года взял отпуск и вместе с мамой поехал в м.Орынин. Мы приехали в Каменец-Подольский, город был разбит, а старый город был вообще полностью разрушен, страшно было пройти. К вечеру мы заехали в м.Орынин, 80% домов были полностью разрушены, в том числе, и наш дом.

Весь тротуар был устелен плитами, снятыми с могил памятников. Я стал читать фамилии и имена умерших, страшно было. Отец мой с войны не вернулся, и мы решили остаться жить в Жмеринке.

В августе — сентябре месяце 1942 года все евреи местечка Орынин были убиты. В живых остался один еврей, Гольдфарб, прятавшийся у украинца. Из моих друзей одноклассников не остался никто. Многие эвакуировались и через пару дней возвращались домой, и все погибли.

В 1980 году моя мама и братья уехали в США. В 1984 году моя мама умерла. Братья со своими жёнами устроились на работу и проживают в г.Бруклине.

В 1956 году я женился. Жена — Фельдман Елизавета. В 1957 родился сын Илья. В январе 1980 г. женился сын Илья. Жена его Фельдман Розалия.

18 ноября 1990 года я с женой, сын с женой и тремя внуками приехали в Израиль на постоянное место жительства. 18 декабря 1995 года умерла моя жена. Сын окончил школу программистов и работает в Тель-Авиве в учреждении сигнализации и стандартизации. Невестка работает фармацевтом в аптеке при больничной кассе в Ашдоде. Внук отслужил в армии Израиля, два внука-близнеца учатся в школе в 10 классе.

Шлейфман Михаил

Родился в 1927 году.

До войны я проживал в гор. Винница с матерью и младшей сестрой. Отец умер в 1938 году. Мне было 14 лет, а сестре 4 года. Во второй половине июля 1941 года немецкие войска вошли в город. Первое мое знакомство с немцами состоялось на следующий день, когда я пошел посмотреть на них. Проходя мимо немецких машин, я получил удар стеком по руке от немецкого офицера.

В городе был создан юденрат, который направлял на работу евреев. Всех евреев обязали носить на одежде желтую шестиконечную звезду.

Первая массовая акция по уничтожению евреев состоялась в пятницу, 19 сентября 1941 г. Евреев выводили из домов и хватали на улицах, увозили на расстрел. Их расстреливали в Пятничанском лесу, на окраине города. Был расстрелян и мамин брат, который шел на работу. Сейчас в том месте, где были расстреляны евреи, 3 братских могилы.

В конце 1941 г. нас выселили из нашей квартиры и поселили в одну квартиру несколько семей.

16 апреля 1942 года всех евреев города согнали на стадион. Отсюда большую часть, в том числе и детей, уводили пешком в Пятничанский лес, где их расстреливали. В этом принимали участие немцы, украинские полицейские, команда литовцев, которых привезли из Литвы. В настоящее время на месте расстрела 2 братских могилы. В одной из них лежат дети.

Я со стадиона попал в группу мужчин, которых отобрали на работу. Нас погрузили в машину и отвезли в г.Житомир. Там было огороженное 2-х этажное здание, где уже размещались евреи из разных мест. Нас поместили в это помещение.

Старшим был польский еврей, который издевался над нами больше, чем немцы. Водили нас на разборку домов, которые раньше принадлежали евреям. Я пробыл в этой зоне несколько дней, а затем сбежал и пошел пешком в г.Винницу. Это 120 км. Я дошел до райцентра Калиновка, а там сел на поезд узкоколейки. На полпути между Калиновкой и Винницей строилась ставка Гитлера. Я этого не знал. Меня спасла интуиция. На поезде я объехал это место.

В Виннице я узнал, что всех евреев расстреляли. Я зашел к знакомой моей матери, которая училась с мамой в медучилище. Мать у них оставила кое-какие вещи и документы. Она мне сказала, что получила записку от мамы, что она в Летичеве. Это Хмельницкая обл. Город Летичев находился в 70 км от Винницы. Я шел туда 2 дня. На окраине Летичева стояла кузня и дом, в котором жил кузнец-еврей. Он рассказал, что в Летичеве есть гетто, и объяснил, как туда попасть. Ночью я туда пробрался под проволокой. Там я узнал, что к ним в гетто никого не приводили. В ту же ночь я покинул гетто и ушел назад в Винницу. Я понял, что эта женщина просто хотела от меня избавиться.

В Виннице я ночевал на чердаках, в пустующих домах, в развалинах, постепенно привыкая к скитаниям. Потом я примкнул к компании беспризорников. На первое время у меня были деньги, которые мама разделила между нами. Потом пришлось жить по-всякому. С ребятами я ездил по железной дороге от Казатина до Одессы. Научился переходить границу между немцами и румынами.

В Жмеринке было гетто. Я пошел в гетто, пробыл там неделю, но, зная, что немцы каждый день могут устроить акцию по уничтожению евреев, я оттуда ушел. Во время оккупации я жил в Виннице, Казатине, Жмеринке, Одессе, Слободке, Котовске и многих других населенных пунктах. Несколько раз меня задерживали. Два раза сидел в гестапо, несколько раз в украинской полиции и в румынской жандармерии. Два раза проверяли или я обрезанный. Обрезание мне делал брат моего дедушки. Но он, очевидно, не смог хорошо это сделать, и мне удалось их обмануть. Это спасло мне жизнь. В моей книге судеб было записано, что я должен жить. В этом мне повезло.

Обо всем пережитом неудобно писать и не хочется вспоминать. Об этом можно написать книгу.

Могу еще добавить, что в Житомире был отец моего знакомого. Когда я возвращался в Винницу через пару месяцев, я встретил его сына и рассказал ему, где его отец. Мы с ним поехали в Житомир. Пришли на то место, где держали евреев. Там уже никого не было. Их всех расстреляли. В этом лагере был и мамин двоюродный брат, который тоже погиб. Из Житомира мы вернулись в Винницу. Этот парень, который со мной ехал, потом погиб.

Два года, с апреля 1942 г. по март 1944 г., мне пришлось много пережить, пришлось много ездить. Я исколесил всю Одесскую и Винницкую область. Это были трудные годы, но я верил, что немцы будут разгромлены, верил в победу. И в марте 1944 года Красная Армия нас освободила. Я вернулся в город Винницу. Вернулись наши соседи из эвакуации, и я жил у них. В июле 1944 года я случайно встретил моего родственника, и он забрал меня к себе. У них я прожил до призыва в армию.

В армии я поступил в военное училище, которое закончил в 1951 году. В армии я закончил 10 классов и поступил в Политехнический институт, который окончил в 1968 г. Уволился из армии в 1962 году. Работал инженером на заводе.

У меня есть 2 дочери, 2 внучки и 2 внука. В настоящее время живем с женой в Ашдоде. Приехали всей семьей в 1990 году.

ГЕТТО ИЛЬИНЦЫ

Мельский Александр

Родился в 1937 г. в г.Ильинцы Винницкой области в семье служащих.

В 1941 г., когда началась война, отец мой ушёл на фронт. Мы: мама, сестра, мамина сестра и моя бабушка остались в оккупированных Ильинцах.

В 1941 г. было организовано гетто, мы оказались в нём одними из первых.

Жили по 3-4 семьи в одной квартире. Нас поселили с двумя семьями.

Гетто находилось на берегу реки, каждый день полиция и немцы выгоняли людей на работы: уборку улиц и сельхозработы, а зимой — на очистку улиц. Однажды утром отобрали 42-х мужчин и заставили копать ямы, как ров, недалеко от леса, а через 2 дня они выкопали отдельно большую яму, в которой их же расстреляли. Это было первое «крещение» в гетто. Началась паника, готовились секретеры, где прятаться. В один из дней моя мама проснулась в 4 часа утра и увидела, что за окном стояли вооружённые немцы. Мама сразу разбудила тётю Рая, и тут было принято решение спрятаться в секрет. Рая сказала, что она не может лезть в секрет, так как её маленькие дети будут плакать и выдадут нас всех. Мы залезли в этот подвал, человек 10-15.

Тетя Рая приставила шкафчик с посудой у входа. У шкафчика легла моя мама. Она слышала, как вошли в дом и приказали тете Рае собираться.

Она сказала, что муж у неё русский, но они настояли. Моя мама слышала, как плакали дети, как она попрощалась секретно, и их увели.

Потом люди рассказывали, что маленького ребенка полицейай вырвал из рук и бросил живым в яму. Так в этот роковой день было расстреляно много людей.

После этого те, что остались в гетто, разбежались по селам.

Мы с семьёй ушли в село Неманка. Мама меня оставила у одного крестьянина по фамилии Муравский. Она ему подарила кожаное пальто. Сколько я у него пробыл, не помню, но после очередной пьянки он меня прогнал в жгучий мороз, полураздетого выставил на улицу.

Я ходил по дворам, и никто не хотел меня впустить в дом. Я сел на камень и начал уже замерзать. В это время проходил один мужчина, забрал меня к себе домой. Семьи у него не было, и он оставил меня у себя.

Через некоторое время пришли мама, сестра и тетя, и было нужно выкопать яму под печкой. Мы залезли туда и просидели там 13 месяцев.

Однажды этот мужчина пришел и рассказал: убили бабушку, её выдал хозяин того места, где она находилась. Полицаи мучили её, чтобы она сказала, где мы, она знала, но ничего не сказала. Они связали проволокой её ноги и тащили за собой до раннего утра. Так она и скончалась, ничего не сказав.

Эта часть пережитого мной. Чтобы описать всё, надо писать книгу. Это очень тяжело вспоминать и описывать.

В 1944 г. после освобождения мы вернулись в Ильинцы, люди жили в полуразрушенных домах. Мы поселились в нашей довоенной квартире, голые и босые. Я пошел в первый класс.

Получили извещение о гибели отца. Мама работала одна и воспитала нас двоих. В 1954г. я окончил школу и пошел на работу учеником столяра. В 1962 г. я поступил заочно в институт и в 1967 г. его окончил.

Работал в Молдавии начальником участка и в 1991 г. репатрировался в Государство Израиль, где и проживаю до настоящего времени.

Хусидман Лиза

Родилась на пятый день войны в Винницкой обл., в с. Ильинцы.

Излагаю вам всё, что помню из рассказов матери, отца и моих спасителей. Плохотник Мотря Ефимовна унесла меня в корзине в село, в котором она проживала, и спрятала у соседа Савчука Семёна, в дальнейшем переправили меня в другое село к Наталье Ефимовне, где меня прятали и относились как к своему ребенку.

Родители мои находились в партизанских отрядах.

В 1992г. репатрировались в Израиль со всей своей семьей.

ГЕТТО КАЦМАЗОВ

Стельмахер (Гелерман) Сара

До начала войны я с родителями и братом жили в селе Паладия Окницкого р-на, а когда началась война, мы оставили все и уехали в Бричаны. Там жили дедушка с бабушкой. Когда пришли немцы, собрали всех евреев и погнали нас на Украину, дедушка не мог идти — ему было 96 лет, и его расстреляли. Когда мы пришли в Секуряны, с нами была бабушка, мамина сестра с мужем и двумя детьми. В Секурянах умерла бабушка и затем муж сестры. Нас погнали дальше к Днестру. На берегу нас держали 3 дня, пока не построили понтонный мост и переправили нас через Днестр. Мы шли до Жмеринки. Тут мы были несколько дней, голодные и измученные; после этого нас разделили на группы и погнали дальше, в село Кацмазов. Поселили нас в бараках, в которых жили и зимой. Холодно, печек не было. Мы начали строить печки; в одной комнате было 4 семьи; утепляли стены глиной. Кушать нечего было, люди умирали от голода, в село не пускали, а если шли, люди нам подавали, и этим мы жили. Рядом с нами было поле, где убрали картошку. Мелкую из-под снега ее выкапывали замерзшую и кушали. Очень много умерло, когда мы пришли в Кацмазов. В 1944 году в марте месяце пришли советские войска и освободили нас, но мы были такие перепуганные и больные, что не могли поверить, что мы свободны. Через неделю нас отправили домой, но мои родители не поехали в Бричаны, а поехали в село, где мы родились.

В 1991 году мы выехали в Израиль.

ГЕТТО КОПАЙГОРОД

В гетто находилось около 5000 человек.
За период 1942-1942 гг. в гетто было уничтожено
2808 человек.
Гетто освободили в марте 1944 года.

Акерман Моисей

Родился в с. Клишковцы, Хотинского р-на, где проживало около 150 семей евреев. Все сохраняли еврейские традиции.

К началу войны мне было 3 года. Воспоминаний раннего детства немного, большинство — из рассказов мамы, которые ярко мне запомнились.

В начале войны моего отца и его брата забрали в армию. Отец пропал без вести, брат его дошёл до Венгрии. Оба не вернулись. Когда Советы отступили, в село вошли немецкие и румынские войска, всех евреев выгнали из их домов, согнали на большой поляне. Всё ценное, что у них было, варварски забрали.

И гнали куда-то, как скот, долго. У кого не было сил, убивали по дороге.

Мне сейчас трудно вспоминать, когда нас выгнали — осенью или с начала зимы.

Некоторых детей посадили на подводой. Мама бежала за подводой, чтобы не потерять меня. На тонком льду подвода перевернулась, и я оказался в ледяной воде. Мы оторвались, зашли в чащу, одна женщина пригрела нас, накормила, но утром просила нас уйти. И меня больного несла мама, присоединилась к другой группе. Под конвоем шли очень долго, некоторые, обессиленные, оставили своих детей на дороге. В конце-концов оказались в Винницкой обл., местечке Копайгород. Мама и тетя болели тифом, их чуть не расстреляли в одной группе из десяти человек. Надо было жить, и мама, чтобы достать пропитание, стала гадалкой. В 1944 возвратились домой, в хате было всё разрушено.

Беленький Илья

Родился 23 февраля 1940 года в местечке Копайгород Винницкой области УССР в семье рабочего, Беленького Давида Бен Герша, и домохозяйки, Беленькой (Килимник — девичья) Сони Мойсеевны. Я четвертый сын, в 1949 году родилась сестра. Старший брат Михаил, 1934 г.р., проживает в США с детьми. Арон, 1937 г.р., умер в 1999 году в городе Хедера, Израиль. Семен, 1938 года, проживает в городе Акко, Израиль. Отец умер в 1992 году и похоронен

в Акко, мать умерла в 1995 году и похоронена там же.

Незадолго до смерти мать решила рассказать мне о периоде нашей жизни от начала Великой Отечественной войны до возвращения отца с войны.

Где-то в конце августа 1941 года через месяц после призыва отца в действующую армию в Копайгороде появились немецкие войска. Семья проживала на съемной квартире у сапожника Хоскеля. Здесь же в Копайгороде жила очень большая родня отца, наверняка, семей 10 из фамилии Беленьких и других семей, связанных семейными узами. Невзирая на такую большую родню, мать осталась одна с четырьмя малыши детьми на руках без поддержки, не считая помощи мужа младшей сестры отца Гицилевича Михаила Яковлевича, по версии мамы он был оставлен для работы в тылу. Через некоторое время, возможно, сентябрь-октябрь месяц 1941 года, немцы при поддержке местных полицейав собрали все население Копайгорода и пешим этапом погнали их на станцию Копай. В лесу, примыкающем к станции, был создан лагерь, огражденный со всех сторон, охраняемый немцами и полицией. Так как наступала осень, то погода была дождливая, ночью холодно. Взрослые стали сооружать шалаши из того, что было. Мы остались без одежды и питания, и это приводило мать в отчаяние. Похлебка, которую раздавали узникам, больше подходила для свиней, приводила к различным заболеваниям.

Однако мир не без добрых людей. Молва дошла до православного священника, что немцы согнали всех евреев Копайгорода и неизвестно, что ждет их. Деревня, где жил священник, находилась приблизительно от станции 5-6 километров. Слава и низкий поклон ему и всем, кто не побоялся собрать все, что было пригодно для пищи, и одежду. Станционные служащие передали священнику, что евреи будут отправлены на шахты. Немцы устраивались основательно, можно было судить, что лагерь они сооружают тоже надолго.

Слякоть, холод, первый снег без огня и теплой одежды — все это очень тревожило жителей лагеря. Так продолжалось по январь 1941 года. Тогда немцы приняли решение: отправить всех назад в Копайгород и создать там гетто. Данное известие очень быстро распространилось среди узников лагеря и местного населения.

Нашу семью родные отца не взяли с собой из-за отсутствия питания и жилья. Об этом узнал дядя Гицилевич Миша и попросил жителя Копайгорода Лещука (по сведениям мамы он был подпольщиком) совместно со священником тайно

вывести из лагеря нашу семью и переправить в село Лучинец к родным матери. Особая история этой операции, по словам мамы, достойна уважения. Было подготовлено углубление, через которое мама должна была с одним из детей проползти под ограждением, а потом вернуться назад за следующим, пока все мы не оказались по ту сторону. В это время Лещук стоял на расстоянии за деревом с целью помочь в случае провала данной акции. Но бог был милостив к нам, и мы все оказались по ту сторону забора.

Лещук посмотрел, что мы в нерешительности, не зная, куда идти, вышел из-за дерева и показал знаками — следовать за ним, мама взяла малых на руки, а большие, держась за подол платья, побрели за Лещуком, который шел на расстоянии, имея возможность просматривать путь движения до телеги с запряженными лошадьми, где вместо ездового восседал священник, который помогал выжить узникам лагеря Копай. Радости мамы не было предела, когда батюшка посадил всех нас в телегу с соломой и раздал вареную картошку в мундире и куски хлеба, с этой радостью в руках мы уснули. Так как нас накрыли рядом, а сверху соломой и было тепло, больше половины пути мы проспали, чему был рад батюшка, так как мы проезжали по местам, занятым или немцами, или полицаями. Такое расстояние я так больше и не проезжал, ни сам, ни с отцом. Но мама рассказала, что они съезжали с дорог, по которым двигались войска, и продолжали путь по малознакомым дорогами только днем, во избежание столкновения с враждебно настроенными прихвостнями немцев. К вечеру мы прибыли к дому бабушки Мени Дорфман и приемному деду Ашлейб Дорфман – портному. Когда бабушка увидела повозку и с нее спрыгнула мама, то первое, что она спросила: «Где дети?» — и заплакала от страха потери. Но батюшка лукаво усмехнулся в бороду и поднял рядом, а мы, обнявшись, лежим и смотрим на свет, а все радуются вокруг.

После войны отец и вся наша семья встречалась со своим спасителем, долгое время поддерживали с ним связь. Лещук по доносу в 1943 году был расстрелян. Так кончилась первая часть — начало войны и освобождение из временного концлагеря станции Копай, а впереди нас ждала неизвестность в гетто села Лучинец.

В центре села Лучинец была площадь, а вокруг нее дома, заселенные евреями. Там жила сестра моей баушки. Так как они боялись за нас, то приняли решение в подвале дома вырыть яму и там прятаться от нежелательных гостей в случае необходимости. Это убежище на первом этапе пригодились потому, что мы никого не знали. В это время Лучинец находился под надзором румынских войск и гетто также. Имея большую родню, мама считалась своя, а благодаря таким же внукам, как и мы, что жили в Лучинце (бабушка приводила их к нам знакомиться) — и это был выход из добровольного заточения. Бабушкина смекалка сработала, и мы влились в когарту своих сверстников, братьев, сестер, разных родственников, соседских ребят. Это Килимники — Миша, Нюся, Боря, Спектор Гриша и Лева, Бронштейн Сема, Збаровский Володя, Палатник Гриша, Шмуклер Эдик и много других. Пищей почти для всех жителей была вареная сахарная

свекла, гарбузы (пищевые) — не путать с красными, картошка (та, что оставалась после сбора для немцев), а зимой — жареная картофельная шелуха, выжимка из подсолнечного масла — макуха, а уж если повезет, то шелуха от круп. Эту шелуху нам давал хозяин круподерки за работу — мы, малыши, гоняли слепых лошадей по кругу. Как немцы, так и румыны нас не гнали из круподерки, когда хозяин давал нам шелуху.

Трагедия произошла в 1942-1943 годы, за точность дат не ручаюсь. Немцы решали еврейский вопрос следующим методом, собирали всех евреев и заставляли копать большую яму. Затем спиной к яме выстраивали людей и расстреливали. Эта участь ожидала и семью Рехтман: мужа, жену, Михаила, сестру и годичного братика.

Во время расстрела отец Миши, будучи человеком недюжинной силы, рост под 2 метра, толкнул Мишу в яму, так он оказался под расстрелянным отцом. Ночью с невероятными сложностями сумел выбраться из-под убитого отца и после скитаний, прячась от всех, пробраться незамеченным в Лучинец к бабушке. От нервного перенапряжения начал терять зрение и в настоящее время ослеп, проживает с детьми, внуками и правнуками в США. В израильском городе Акко в одном доме с братом проживал бывший румынский солдат, который был в Лучинце, и по приезду родителей в Израиль он узнал мою маму и просил у нее прощения за все. В Ашкелоне проживает русская семья, которая была в Лучинском гетто, и помнит многих жителей, я с этой семьей дружу. Моя жизнь на исторической родине относительно благополучна. В Израиле признан инвалидом, вырастил детей, являюсь дедушкой. Провожу общественную работу среди бывших узников гетто.

Пророков Б. «У Бабьего Яра»

Биншток Зуня

Родился 21 января 1929 года в м. Копайгород Винницкой обл.

В самом начале войны, когда немцы вошли в наше местечко, нас собрали всех в лес, что возле ст.Копай.

Здесь, в бывшем летнем лагере Советской Армии, пробыли около 2 месяцев.

Мне, молодому тогда парню, врезался в память один из первых дней в лагере.

Из жилых помещений была только небольшая казарма, поэтому мы решили построить легкие шалаши из веток и деревьев в надежде, что в грозу будет где спрятаться.

И вот, когда было все построено, в одну из пятниц вдруг хлынул дождь с ураганным ветром, и все наши шалаши были разрушены, нам оставалось прятаться только под деревьями.

Жизнь в лагере была тяжелая и опасная, под открытым небом и без еды.

Мы пробирались в местечко за едой, рискуя жизнью.

Однажды при возвращении в лагерь местные жители предупредили нас, чтобы мы не шли туда, так как немцы готовят расстрел. И действительно, приблизившись к лагерю, мы услышали выстрелы.

Как потом мы узнали, были расстреляны мужчина и маленькая девочка, в дальнейшем здесь погибло еще немало людей.

Когда же из концлагеря нас перевели в гетто м. Капайгород, мы обнаружили, что наш дом разрушен, нам пришлось поселиться с несколькими семьями в одном доме. Здесь в гетто умерла одна из сестер.

После освобождения нашего местечка ушел в армию мой отец. Затем пришла похоронка, что он погиб.

Герман Ефим

Не забыть эти страшные годы...

Моё детство прошло в местечке Копайгород, еврейское население которого составляло более 70%.

Мне было 9 лет, но я хорошо помню эти страшные дни, когда в местечко вступили фашисты. Было дано указание всем евреям в обязательном порядке носить желтые шести-конечные звезды. В пяти км. от местечка в лесу был организован концлагерь, и большинство евреев местечка переместили туда. В массовом порядке стали пригонять евреев из Буковины и Бессарабии. Концлагерь был обнесен колючей проволокой, сторожили жандармерия и украинские полицаи. Жили в срубленных шалашах, питались, чем бог пошлёт (меняли на продукты вещи и всё, что можно было поменять). Мужчин заставляли рубить дрова, чистить дороги. Что запомнилось навечно в моей памяти — расстрел 12-летней девочки охранниками лагеря. Умирали от голода, холода, болезней и систематических побоев.

В конце 1941 г. родился мой брат, к счастью, в лагере оказался доктор Койфман из Бессарабии, который принял роды. С доктором Койфманом мы встретились спустя 30 лет. Лагерь просуществовал до поздней осени 1942 г., затем всех нас согнали в гетто, которое было расположено в местечке Копайгород. Гетто также было ограждено колючей проволокой. В маленьких комнатах находилось по 20-30 человек. Часто приезжали спецкоманды. Они издевались, избивали, насиловали... Расстреливали всех, кто самовольно выходил за пределы гетто.

В самом начале оккупации на еврейском кладбище были вырыты три огромных ямы, куда свозили убиенных и умерших евреев на подводах, запряженных вместо лошадей — евреями. В настоящее время это три братских могилы. Некоторые жители местечка — украинцы, рискуя жизнью, спасали еврейские семьи от гибели. Это семья Анастасии Горбульской, Праведницы Мира, дети которой приняли иудаизм и живут в Израиле.

Все в гетто с нетерпением ждали «ишуа», которое наступило 18 марта 1944 года. В соседнем местечке Снитков погибли все наши родственники.

Много лет спустя, когда в «идыш штейталы» Копайгород фактически не осталось ни одного еврея, память о евреях, живших в местечке, хранится на могилах еврейского кладбища. Бывшие копайгорчане, ныне жители государств Израиль, США, Германии, Канады и Австралии, организовали сбор средств для сооружения памятника-монумента в память о жителях Копайгорода.

Инициативная группа: Руля Зусь, Давид Гелин, Семен Вассерман, Лида Койфман, Ефим Герман, Хаюня Голобородько (Израиль); Рум Фирер, Рая Гельман (США); Александр Койфман (Германия) — собрали необходимые средства для этой благородной цели. Памятник-монумент был изготовлен и установлен на городском кладбище г. Беер-Шевы. Открытие памятника состоялось 30 апреля 1998 года. Под памятником покоится урна с землей братских могил Копайгорода.

Кордит Клара

Родилась в красивом местечке Копайгород Винницкой области на Украине 28 февраля 1934 года. Жили мы хорошо, дружно. Папа Абрам, мама Эстер-Руха, брат Яков, сестры Роза, Циля, тетя Злота, двоюродная сестра Рахилия и я.

В 1941 году умерла бабушка Мирьям.

В июле месяце 1941 года появились у нас немецкие мотоциклеты. Начался грабеж, избиение людей. Забрали все самое ценное, остальное разграбили местные жители, когда нас отправили в гетто на станцию Копай, что в 5 км. от местечка. Жили за колючей проволокой под открытым небом. Украинское население относилось к нам по-разному: кто бросит через ограду пару картофелин, а кто камни. Иногда кто-нибудь пробирался домой, чтобы взять что-нибудь из еды, одежды. Охраняли нас полицаи. Немцы приезжали только карать. И в один из таких наездов были убиты отец и дочь — наши соседи — на глазах у матери. Маму этой девочки, которая на этой почве немного помешалась, мои родители забрали к нам в дом, когда мы перебрались из гетто. Нам очень помогли друзья отца — семья Крук.

Пришла холодная, дождливая осень. Было очень холодно и голодно. Ближе к зиме мы начали пробираться в свои дома. В местечке устроили гетто. Но у нас стояла уже румынская власть, что и спасло нам жизнь.

Дорога домой была очень страшной и опасной, кругом немцы. Дорогой я повторяла слово «кукуруза», чтобы хорошо выговаривать букву «р». Пришли в разоренную избу. Начали обживать. Мама моя была модисткой. Машину швейную забрали, тогда мама и сестра Роза начали шить вручную, чтобы заработать на скудное пропитание.

Спустя какое-то время в наш дом подселили беженцев из Бессарабии. Перед нашим домом был небольшой базарчик, где кто чем мог, тем зарабатывал на скудное пропитание. Однажды приехали полицаи из соседних местечек (там уже евреев не было, все были убиты). Устроили настоящий погром. Люди кинулись врассыпную в панике, многие забежали к нам в дом. Полицаи начали ломиться к нам. Страх обуял людей. Тогда я с младшим сыном соседей вылезли через форточку, побежали звать на помощь. Прибежали местные полицаи и румынские солдаты, разогнали пришлых, и мы в очередной раз были спасены. Но нас спасли не от жалости, а только потому, что на их территорию пришли чужие.

Не помню, в каком это было году, ночью началась страшная стрельба. Мы все легли на пол. Я залезла под кровать. Вдруг в дверь начали стучать, взломали дверь. С криком: «Где пулемет?» — ворвались полицаи. Отца сильно избили и увели. В заложники было взято много молодых парней, которые еще не достигли призывного возраста, и стариков. Потребовали за них выкуп, иначе они будут расстреляны. Нужно отдать должное нашим землякам-украинцам.

Под руководством одного, если не ошибаюсь, его фамилия Кушнир, была собрана необходимая сумма, и избитых людей выпустили.

Еще помню случай, когда к нам ворвались два немецких солдата (Это было уже почти перед освобождением), мне и моим сестрам пришлось спасаться бегством, и мы спрятались у соседей.

В марте месяце 1944 нас освободили советские войска.

Сестра Циля ушла добровольцем на фронт. Брат мой Яков ушел на фронт в самом начале войны и погиб в районе Днепра. Мама моя всю жизнь просила у Бога хоть за час до смерти увидеть сына, но не довелось. Как мы выживали после Победы — это другая история. Но очень долго самым страшным сном для меня был сон, что меня догоняют немцы, а я не могу убежать. Эти сны меня преследовали десятки лет.

Поэтому сейчас всегда прошу у Бога, чтоб он помог моим внукам и правнукам (а их у меня четверо: одна внучка, три внука и один правнук) не знать никогда слово «гетто» и уберег их от ужасов войны. Да будет с нами мир!

Крел (Гликина) Фира

Родилась 5 апреля 1939 года в поселке городского типа Копайгород Винницкой области. Отец, Гликин Исаак, уроженец города Киева с 1932-1933 работал директором хлебо-завода, а до начала Великой Отечественной войны был директором лесного хозяйства Винницкой и Киевской областей. В начале войны отец нас привез в город Могилев-Подольский, где жил отец моей матери. Мать, мол, уроженка этого города, работала на этом заводе. Отец уехал на

фронт, и больше мы его не видели. Он погиб в 1944 году в Латвии и похоронен в городе Добеле.

Когда начались расстрелы, погибла семья маминого брата (убежал на дороге от расстрела старший сын 12 лет), дед решил перебраться со старшей дочерью в Копайгород.

Так мы очутились в Копайгороде, где и жили до конца войны. Мне запомнился эпизод, когда советские войска вошли в поселок, и тут пошел слух, что в лесу поймали петлюровца. Все население вышло на улицу и увидело, что небольшой солдат вел здорового мужика. Произошел взрыв негодования людей, и все, что накопилось за все годы войны, они вылили на него. Они бросали и били его во все длину дороги, и никто из солдат не мешал. Это запомнилось мне на всю жизнь.

Лермонт (Лерман) Игорь

Что я помню и что мне рассказали знакомые моих родителей. Я нашёл этих знакомых в 1955-56 годах.

Жили мы в районном местечке Немиров Винницкой области. Семья: отец, мать, я, сестричка и новорождённый братик, недалеко от нас жила моя тётя, папина сестра.

Когда началась война в 1941 году, я помню, что нас вытащили из подвала, где мы прятались, и много людей согнали за колючую проволоку в гетто. Папу и тётю забрали в рабочий лагерь. Помню, они ещё с немцем приходили к нам и приносили кушать и кое-что из одежды.

Папа мой до войны работал в сапожной мастерской, а тётя — в портняжной мастерской швейей. В один из дней пришло много немцев с собаками, и нас вывели из гетто и повели в центр, это было недалеко, какая-то церковь. Там что-то оформляли долго. Помню, как у нас на глазах во дворе расстреляли двух стариков, которые сопротивлялись. После этого я стал сильно бояться немцев. Потом нас этапом, женщин, детей, стариков, повели на расстрел. Помню, нас проводили по улице, где мы жили. Рядом с нашим домом была пекарня, там стояли подводы с будками, что хлеб развозили. Когда мы проходили мимо нашего дома, а на обочинах стояло очень много народа (не евреев, конечно), мама меня толкнула к людям и сказала: «Беги, Израйлик, я тебя найду!». Я забрался в какой-то сарай, там было полно мешков от муки, я долго плакал и заснул. Проснулся ночью, кто-то тихо звал: «Израйлик». Я вылез и узнал Павлика — это мальчик лет 15-16, он учился у моего отца сапожному делу. Он меня посадил в мешок и вынес за город в кукурузное поле. Он сказал мне, что надо лежать и ждать его. Утром он пришёл ко мне и сказал, что отец знает, что я убежал, и принёс мне узелок с едой и одежду. Потом он повёл меня через какой-то лесок и сказал: в сёла не заходить, смотреть на телеграфные столбы и идти подальше от дороги. Сказал, что нужно уходить, как можно дальше, там румыны меня спасут, отец меня найдёт. Я шёл долго, в одном овраге я встретил мальчика, он пас коз. Он меня позвал с собой, определил меня на ночлег в кустарнике, там было сено. Он сказал, что утром он принесёт мне кушать и покажет, куда дальше идти. Когда я расстался с Павликом, он мне сказал, чтобы я всем говорил, что я Коля молдаван, потому что я плохо говорил по-русски, а говорил по-польски и идиш. Рано утром меня за ногу из кустов вытащил полицей. Я сильно плакал и говорил, что я Коля-молдаванчик, а они сняли с меня штанишки и сказали — «Жидёнок». Бросили меня в какую-то комнату, там были ещё две женщины с детьми, тоже еврейки. Потом приехали немцы, нас вывели, посадили на подводу, и два полицей нас повезли в лагерь. Это была тоже колючая проволока, какой-то лес, полно людей. Я сначала обрадовался, подумал, что там моя мама и все мои. А потом я долго ходил по лагерю и плакал. Меня стала опекать одна из женщин, с которыми меня привезли, её звали Фа-

ня или Фира, я уже не помню, а девочку её, года три ей было, звали Сонечка. Через какое-то время нас перевели из лагеря Копай, что был возле станции, в местечко Копайгород. Там помню сначала какие-то сараи или коровники, там очень воняло. Зима прошла очень тяжёлая, я обморозил ноги, помню, обматывал в разные тряпки. Спали в соломе, в листьях. Помню, что кто-то умер, и мне дали старое, тяжёлое, но очень тёплое чёрное пальто. Много что по мелочи помню, какие травы съедобные ели, какие помои ели. Так дожили до весны 44 года. Когда нас освободили, я сразу хотел убежать искать родных. Но тётя, с которой я был в лагере, мне сказала, что меня заберут в детдом и увезут далеко-далеко. Уговорила, чтобы я остался с ней, и мы найдём моих. Я уехал с ней и Сонечкой. Помню, недалеко от Копайгорода поселились, и там мы начали обживать. Я ей надоедал, что она мне обещала помочь найти родных, а она не могла этого сделать.

Наступила осень, начало холодать. В один из дней, когда она вывешивала мои тряпки сушить, она сказала: “Цурыс мане, что я с тобой зимой буду делать?».

Дело в том, что я уписывался, но в лагере я не слышал этих слов. В один из дней я оделся хорошо, тепло и удрал. Сначала хотел попасть в Немиров, искать родных, потом познакомился с такими же сиротами, как сам, находили себе на пропитание то в подвалах у людей, то на чердаках. Спали в скирдах, в сеновалах. Когда началась зима, решили добираться до Одессы, говорили, там тепло и на базарах можно прожить. Мы добрались до какой-то станции, но уже падал снег, в вокзал войти нельзя — зацапает милиция, и мы забрались в кучу паровозного шлага, там было тепло, высунули головы и уснули. Но утром несколько милиционеров затащили нас, закопченных, грязных, в детскую комнату. Нас было трое. Один сказал, что мы из Одессы — вот мы вас туда и отправим. Нас завезли в одесский детприёмник. Не знаю, сколько мы там были, но в феврале 1945 года меня отправили в Лиманский детский дом, Одесская обл., Разделянский р-н, село Лишанское. Там я пробыл до лета 1946 года. Проболел дизентерией, потом брюшной тиф и был очень ослаблен, находился длительное время в изоляторе. Потом меня и ещё некоторых больных детей отправили в Широковский детский дом тоже Одесской области. Там я тоже долго не пробыл, заболел малярией в тяжёлой форме. И в 1947 году меня отправили в Дубчанский детский дом, расположенный в красивом дубовом лесу. В 1949 году я заболел трахомой, меня отправили лечиться в Первомайский трахоматозный детский дом № 3. Я так лечился два года, потом отправили в профилакторий под наблюдение врачей из института Филатова. Это была Одесская обл., Оводнопольский р-н, село Маренталь, а потом Йосифсталь.

В 1952 году, после длительного лечения я вернулся в Дубчанский детдом, где в 1954 году закончил семилетку и поступил в Одесское железнодорожное училище № 1. Я пробыл в детдомах много времени из-за того, что много болел и не мог закончить учёбу. Метрику и остальные данные мне записали по последнему детскому дому.

Теперь то, что я узнал о своей семье и о себе от людей, знавших моих родителей. В 1955 г. я готовился поехать на поиски родных и после занятий ходил

носить уголь, рубить дрова. Работал, где угодно, чтобы собрать деньги и на зимние каникулы поехал с одним парнем, Гришей Кушнир из нашего училища. Приехали в Немиров, я сразу по памяти прошёл от бывшего гетто до могил погибших моих. Потом пошёл спрашивать старожилков. Сложность была в том, что мы до войны очень мало прожили в Немирове. Но мне сказали, что там-то и там-то живёт бывший сапожник, может, он что-то знает. Фамилия этого сапожника Винницкий Шуня. Я его нашёл, он меня хорошо принял у себя. Он мне сказал, что помнит, перед войной приехала семья польских евреев из местечка Черневцы — недалеко от Немирова, тётя до этого работала в Немирове в швейной мастерской и вызвала брата с семьёй к себе в Немиров. Я ему сказал, что это была наша семья. Брат потом уехал на фронт и вернулся после войны. Он знает, что всех евреев, которые оставались, расстреляли. Только люди говорили, что удрал один мальчик, это я, одна девушка и несколько человек из рабочего лагеря. Одного человека — поляка, сапожника — он встречал на братских могилах. Он живёт в Виннице. И дал мне адрес. Я подумал, что это был мой отец и был ошарашен. Дядя Шуня достал адрес и назвал фамилию Гейзнер-Лейзнер, и я понял, что это не то. Но сразу же поехал в Винницу. Нашёл я дядю Лейзера, у него уже была новая семья, 6 детей, 3 из них сейчас в Израиле. В ближайшее время все будут здесь, и жена тётя Сара. Только дядя Лейзер умер. Мы целый вечер с ним проплакали, когда я приехал. Вот что он мне рассказал.

Я родом из Польши, Люблинского воеводства. Фамилия моя Лерман. Отец — Самуил, мать — Сара, тётя — Голда, меня запомнил Израйликом, потому что я часто забегал к ним в мастерскую. Он рассказал мне, как все погибли. Он сказал, что отец знал, что я убежал из-под расстрела, а всех остальных расстреляли и семью дяди Лейзера тоже. Тётю мою убили на месте, пришли немцы, хотели насилловать, и она топором убила одного немца, и её тут же убили. Поэтому имя её высечено на общем мемориальном памятнике погибшим воинам.

Дядя Лейзер рассказал, что после гибели сестры, отец и ещё трое решили бежать к партизанам, но их поймали и в машине-душегубке увезли в овраг.

Дядя Лейзер чудом убежал к румынам и остался жив. Он рассказал мне про Павлика, что меня спас. Он пропал без вести в 1947 году.

Что я ещё вспомнил.

Мои родители были верующие. Отец и мать соблюдали все религиозные обычаи. Отец ходил в шляпе, а мне одевали кипу.

Когда мы с семьёй остались на Украине, то родственников, кроме тётки, всех отправили за Урал. Помню, у меня в 40 или в 41 году родился братик, и у них на Урале тоже родился сын, помню, об этом было много разговоров, и родители мои отправляли туда посылки. Мне сказали, когда я уже был взрослым, что евреи с Урала уехали в Израиль.

Я за 60 лет никого не нашёл, не зная ни имён и ничего о них.

В последнем детдоме мне выдали метрику и паспорт.

Вот, как они были оформлены в 1954 году.

Место рождения — неизвестно
Год рождения — 1936, дата неизвестна
Национальность — неизвестно
Родители — неизвестно
Фамилия — Лермонт
Имя — Изя
Отчество — нет

Потом при обмене паспорта у меня возникли большие неприятности. И только при помощи КГБ мне удалось получить повторные документы. При тех документах я был никто. И выписали документы со всеми данными.

Фамилия — Лермонт
Имя — Игорь
Отчество — Михайлович
Национальность — украинец
Дата рождения — 12 мая 1936 год
Место рождения — детский дом, где я воспитывался

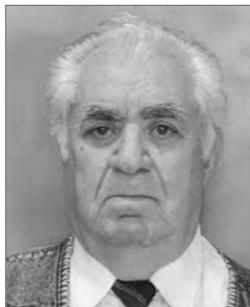
В то время, когда моя фамилия Лерман, имя Израиль, место рождения Польша Люблинское воеводство.

В Израиль я с женой приехал 8 ноября 1990 года.

Старший сын Александр с семьёй женат, 2-е детей, проживает в Америке.

Младший сын Владимир с женой и 2 детьми проживает в Израиле — Рамат Ган. Я с женой работали, купили квартиру в Ашдоде, где сейчас проживаем.

Москальник Аркадий

Родился в 1927 году.

Моя семья:

Мать, Москальник Хая, 1908 г. рожд.

Отец был в Советской Армии, 1907г. рожд.

Брат Москальник Шуня, 1935г. рожд.

Сестра Москальник Циля, 1929г. рожд.

Навсегда в моей памяти осталось, как весело, озорно мы, мальчишки, проводили лето 1941 года. Этот наш безмятежный рай в одночасье нарушила война, которая ворвалась к нам в местечко Копайгород Винницкой области.

Немцы немного похозяйничали в местечке, передали нас румынам, а сами обосновались в 5 км на станции Копай и организовали там концлагерь для евреев. С 3 июля моя семья находилась в лагере-гетто.

Потом наша семья была возвращена в гетто Копайгород, где в это время были румынские войска. Меня, как и других, находившихся в лагере-гетто, записали в книгу регистрации, а маминого брата и двух сыновей немцы расстреляли на станции Копай. Старостой еврейской общины был некто Горенштейн – житель Румынии, а переводчиком в жандармерии — человек по фамилии Абеш.

Мы голодали, подвергались лишениям. Запрягали, нас, мальчишек в повозку и так гоняли три раза в день, а когда приезжали немцы, нас прятали в ямках и засыпали ветками. Немцы выбирали по несколько десятков человек и увозили, эти люди больше не возвращались. Это был ад.

В гетто поселились беженцы из Румынии и Бессарабии. Они и объявили еврейский комитет самоуправления. Это в какой-то степени способствовало тому, что местечко выжило.

Чудом нам удалось оттуда убежать. Но горькая участь не минула мою семью: дядю и двух его сыновей немцы успели расстрелять.

Весной 1944 г. нас освободила Красная Армия. Радости не было конца! Мне хочется, чтобы молодое поколение помнило, через что мы прошли, и делало всё, чтобы такое никогда не повторилось!

Райф (Намц) Любовь

Родилась 1 мая 1936 года в с.Мурованные Куриловцы Винницкой области, где и застигла нас в 1941 году Великая Отечественная война.

Перед первым погромом нас выселили из своих домов и поместили в гетто. Со мной был отец, мать и два брата. В наш дом вселился секретарь управы, бывший учитель Беланчук, который и помог нам бежать перед вторым погромом. Возможно, я так предполагаю, Беланчук был связан с

партизанами.

У моего отца было 5 братьев и 3 сестры. И в каждой семье было по 5-6 детей. Братья моего отца и он сам погибли на фронте, а все 7 семей были жестоко убиты (даже грудные дети) во время первого погрома.

Мы уцелели, т.к. в нашей семье были трудоспособные. Через месяц-два был второй погром, после которого не осталось камня на камне.

О начале второго погрома нас предупредил Беланчук и помог бежать. Его отец сопровождал мою маму, меня — его сестра, братья и отец бежали каждый в отдельности. Помню, мы шли лесом, когда сели покушать, женщина развернула узелок и вынула хлеб, когда она его разломала из него вылился клей, но для меня он был такой вкусный, что после войны я долго просила мать испечь такой.

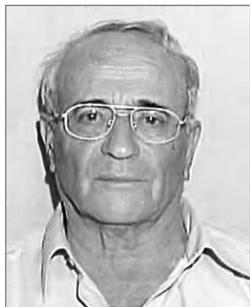
Ещё помню, чтобы пересечь немецко-румынскую границу, нужно было перейти речку, а я боялась воды, тогда эта женщина крикнула: « Иди, бо немцы убьют ». И я пошла. Встретились мы все в Копайгороде. Жили в сарае — голод, холера, тиф. В 1944 году освободили нашу территорию, и мы вернулись к себе домой. Отца забрали на фронт, и в этом же году он погиб. Брат, 1926 года, также был призван на фронт и служил с 1944 по 1950 год.

Младший брат присутствовал на раскопках могил. Земля ещё долго дышала кровью. У одной из сестер моего отца было трое огненно-рыжих детей.

Фашисты детей бросали в ямы отдельно от родителей, но три рыжие головки лежали со взрослыми.

У войны не женское лицо.

Шмуклер Семен

Пользуюсь предоставленной мне возможностью поделиться грустными и радостными воспоминаниями о том, что пришлось пережить евреям Копайгорода в период гитлеровской оккупации.

Мои воспоминания основаны на детских впечатлениях.

Если оглянуться лет на 60 и более, Копайгород Винницкой области славился достатком, добрыми и порядочными людьми. Это был настоящий райский уголок, окруженный лесами и плодовыми садами. Воду пили только родниковую, которая текла из-под скалы бесконечным потоком. Ближайшая железнодорожная станция в 5 км от центра.

Дом, в котором мы жили, достался моему отцу по наследству от деда, потомственного кузнеца, у которого было 9 дочерей 2 сына. Все дети разъехались. Папа — младший сын — остался продолжателем династии. Семья наша состояла из 8-ми человек. Мои родители, да будет благословенна память о них, были людьми ответственными перед людьми, перед Богом.

Мама и её сестра Этя воспитывались в религиозной семье и соблюдали еврейские традиции. В нашей семье всегда присутствовало взаимопонимание, участие и сочувствие к близким и окружающим. 30 мая 1941 года наша семья пополнилась, родилась сестричка Фаня. Радости не было границ, родители были уже в возрасте. Но не очень долгой была радость.

Кончилась мирная жизнь.

22 июня 1941 года объявили о начале Великой Отечественной войны. В сообщении говорили, что враг силен и коварен. Были развешаны плакаты, извещающие о кровавых злодеяниях захватчиков с изображением Гитлера с топором в руках, «Родина-мать зовёт!» с изображением матери, призывающей защищать Отечество и т.д. Формировались воинские подразделения, их отправляли на фронт с песней «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой». С фашистских самолетов разбрасывали листовки с призывом не оказывать сопротивления.

Из уст в уста передавали слухи о приближающейся беде.

20 июня в полдень пришел немецкий разведчик с автоматами, уверенно чекая коваными сапогами по мостовой центральной улицы. За ними пошли регулярные части. В этот же день были разграблены магазины и учреждения.

До поздней ночи размещали офицеров по квартирам. К нам поселили двоих. Мне запомнилось, как они сидят за большим столом в салоне. К потолку подвешена большая керосиновая лампа. Открыли консервы, едят, беседуют. Пригласили папу к столу. Вели себя мирно, располагающе. Сожалели о начавшейся войне.

В этот день мама пекла хлеб, вечером зашли 3 эсесовца. Один зашел — отдал честь офицерам и спросил, как устроились. Остальные направились на кухню и забрали весь хлеб.

Мне трудно соблюсти точную хронологию событий, не все факты достоверны, но остались в моей памяти на всю жизнь. Все пережитое невозможно пересказать. С первых дней введен немецкий порядок, назначается староста. Формируется полиция из числа украинцев. Возглавил полицию бывший член коммунистической партии, начальник финансового отдела Крушинский. Объявлен комендантский час. Ограничено передвижение. Евреи с опаской выходят на улицу.

Приказано всем евреям пришить желтые звезды Маген Давида и на домах таблички с тем же изображением. Дан приказ еврейской общине собрать контрибуцию. До ночи собирали неоднократно.

Приказали сделать идеальную уборку улиц. Убрать и побелить дома, очистить чердаки. Однажды в местечко прибыли казаки на подводах. Врывались в дома, грабили и избивали. В другой день немцы приказали вынести все архивные документы, все книги из библиотеки и устроили большой костер. В этот же костер бросили Тору, которую взяли у раввина, и заставили его смотреть, как все это горит.

Вот еще один эпизод. Начальник полиции и его партийный единомышленник Василишин, который имел опыт погрома в других районах области, придумали новую акцию. Устроили стрельбу из пулемета и винтовок по окнам. Это было ночью. До утра мы сидели в тревоге, в ожидании непредсказуемого. Наутро — аресты мужчин. За моим папой пришел еврейский полицейский. При обыске ему подложили патроны и забрали в комендатуру. Папу допрашивали, избивали, принуждали сдать оружие, которого у него, естественно, не было; за выкуп его отпустили.

Наступили осенние праздники. В отдельных домах на молитву собрались верующие. Это случайно заметил патруль и стал избивать молящихся, срывать тфилин, срезать бороды у верующих.

В конце сентября того же года на смену немцам вошли румыны.

Община Копайгорода была предупреждена о прибытии румынских евреев по этапу. Мне запомнился первый этап. Община организовала сбор продуктов у населения, чтобы как-то поддержать несчастных.

Мои родители решили сами приготовить еду. На коромысле старший брат Хаим вынес 2 ведра супа. Ему тогда было 14 лет. Сестра Сара несла ведро каши. Я им помогал. Зрелище, о котором трудно рассказывать. Под проливным дождем многотысячная толпа, шум, крики, оклики. Кто-то потерялся, кого-то звали. Стон, плач. Но недолгим был привал. Жандармы погнали людей дальше. Так они шли: этап за этапом.

Настали холода, и последующих стали размещать по квартирам. Население местечка потеснилось и делилось с этими людьми, чем было возможно. Людей было больше, чем квартир, и остальным пришлось занимать здания учреждений. Там были ужасные, невыносимые условия. Это была суровая зима 1941-1942 годов. Началась эпидемия тифа. Наша семья переболела, и чудом папа с мамой нас выходили. В бреду моя тетья Этя кричала: «Да здравствует Советская Армия! Победа будет за нами!» Мы очень переживали, чтобы никто это не услышал и не уз-

нал, что мы болеем тифом. Многие умерли от холода, голода и тифа. Спасаясь, люди теряли человеческое достоинство. Снимали одежду с покойников, чтобы самим согреться. Была организована похоронная бригада. На санях вывозили небрежно брошенные трупы и хоронили в братской могиле.

В августе 1942 года все еврейское население согнали на площадь. Под знойным солнцем в окружении полицаев ожидали немецкого коменданта. Из его речи стало известно, что всем надо в короткое время собрать необходимые вещи и нас поведут этапом неизвестно куда. В растерянности собрали кое-какие пожитки, то, что можно было нести. Фактически для жизни ничего не взяли. Мама неслась на руках грудного ребенка.

5 километров до станции «Копай» мы шли очень долго, хотелось пить и есть. К вечеру пришли на территорию лесхоза. Это был лагерь, обнесенный в два ряда колючей проволокой. Разместились под открытым небом. Соорудили на скорую руку из веток подобие шалаша. Знойный день предвещал дождь. Прошел ливень. Утром вокруг было много трупов. Я узнал мальчика-сироту (у него умерли родители от тифа), который лежал лицом в луже в предсмертных судорогах.

На территории лагеря воды не было. Колодец находился далеко за пределами лагеря. Чтобы выйти к колодцу, надо было выстоять огромную очередь у ворот. Выпускали по 10 человек и впускали столько же.

Нужда, голод принуждали рисковать, преодолевать заграждение и идти в местечко, чтобы доставать продукты.

Наше внимание привлекли однажды окрики немцев, выстрелы. Отец с дочкой двенадцати лет по фамилии Нахман оказались за пределами лагеря, и их убили.

В этот день брат Хаим с товарищем тоже вышли из лагеря. Их долго не было. Мы очень переживали, но к вечеру они благополучно вернулись.

Не забыть нам и окружающих сел, которые сочувствовали нам, разделяли нашу горе, рискуя быть презируемыми своими же односельчанами. Они оказывали нам помощь, поддержку, приносили продукты, хотя самим было непросто. Среди них была тетя Параска (сын ее был полицай).

Тем временем на территории лагеря выкопали большую яму для очередной акции, которая, к счастью, не состоялась.

Постепенно небольшими группами за деньги, по усмотрению общины, стали возвращать людей из лагеря в гетто. Наш дом снесли, и мы остались без жилья. Поселились в ничейный дом без окон и дверей. Окна заложили досками с другого разрушенного дома, и стали там жить. Без теплой одежды, спали на полу, на топчанах, укрываться было нечем. Голодные, мы перебивались, чем попало. Обогревались печкой-буржуйкой.

Осень 1943 года. Облава. Вылавливают трудоспособных для работы в городе Николаеве. Надо отметить, что наша еврейская община выполняла свои обязанности не хуже украинских полицаев. Наш односельчанин Нюньчик очень эффективно выглядел с нагайкой в руках. В Беер-Шеве при открытии памятника невинно замученных земляков некий Давид поведал нам, что он также был пойман для отправки на работу в город Николаев. Но за взятку Нюньчик ему помог

бежать. У этой истории есть печальное продолжение. В ту же ночь пришел Нюньчик и забрал моего братика, которому еще не исполнилось 17 лет на ка-торжные работы вместо Давида. Я бесконечно благодарен родителям, что они спасли нас и смогли сохранить свое человеческое достоинство.

Освобождение. Румыны поспешно бегут. В Копайгороде безвластие. Мужчины вооружаются дубинками, топорами. Организовано дежурство на случай нападе-ния мародеров. Так было несколько дней. И вот пришли освободители. Радость.

Через шесть месяцев после ранения приехал старший брат Йосиф в звании майора в отпуск. Второй брат — Абраша, сапер, пропал без вести.

Победа: 8 мая 1945 года по местному радиовещанию передали, что в 4 утра бу-дет важное сообщение. Нам было не до сна. Ровно в 4 ноль-ноль каждый мог ус-лышать об окончании войны. Мы, босоногие пацаны, окунув намотанные на палку тряпки в нефть, с зажженными факелами понесли оповещать об этой ра-достной вести. Я с тремя товарищами побежал к тете Параске и постучал в окно с криком: «Конец войны!» Она вышла, дала каждому по вареной картошке. Ры-дала. Ведь ее сын полицай был осужден.

Помню многое. Не держу зла. Важно, чтобы это никогда не повторилось. Дай Бог, чтобы нашим детям и грядущим поколениям никогда не пришлось пере-жить подобное. Моим рассказом я выполнил завещание моих родителей и всех, кого нет с нами.

ГЕТТО КОСНИЦА

Ялонецкий Аркадий

Родился 14 ноября 1938 года.

Только один Бог знает, как я остался в живых. Из 4-х братьев я остался один у матери.

Родился в селе Косница Винницкой области Ямпольского района в семье служащего. В городе Ямполье проживала моя бабушка, и я у нее гостил в момент прихода немцев в город. Я спрятался на чердаке и оттуда видел все, как они

ходили по домам и уводили евреев на площадь. Бульдозер, который уже вырыл котлован, стоял и ждал следующую команду. На этой площади выстроили евреев в две шеренги, облили бензином. Рев собак было слышно очень далеко. Затем подожгли факелом, и дана команда бульдозеристу — засыпать.

Увидев это, я быстро уехал из города Ямполь через паром в город Сороки, а затем в Косницу к маме. Через некоторое время к нам в село приехали немцы. Мы оставили свой дом и приехали к деду. Он жил с бабушкой в селе, где в этот момент свирепствовала дизентерия, малярия, туберкулез. Немцы вместе с украинцами грабили дома: в моем доме забрали корову, лошадь и все, что было внутри.

Затем в доме организовали инкубатор, то есть разводили кур. Русские им помогали. Через некоторый период немцы создали гетто Косница. Гетто небольшое, это была так называемая жандармерия, потому что евреев в этом селе было немного. Мы должны были обслуживать жандармерию. Моя мать была истопницей, а я был посыльным. Для того, чтобы выжить, пришлось выполнять все их указы, за кусок хлеба надо было тяжело работать. За несвоевременное выполнение заданий они били плеткой. У меня есть знак на лице — шрам длиной в 2 см.

Я хочу пожелать нашей молодежи, чтобы им не пришлось пережить того, что мы пережили, поэтому они должны все знать и помнить.

ГЕТТО КРАСНОЕ

Фукс Семен

Я был еще маленьким, когда наши войска оставили местечко Красное Тывровского района Винницкой области, и начались бомбежки. Моя мама с младшей сестрой на руках тащила нас в подвал. Там было убежище. По дороге я потерял башмачок. В подвал все время прибывали люди. Улучив момент, я сбежал оттуда, чтобы найти свой ботинок. Найдя его, я спустился к мосту, где был родник, чтобы на-

питься. Помню — под мостом один наш односельчанин стягивал с раненого хромовые сапоги. Это был полицей Денис.

А в гетто, образованном в 1941 году, было тяжело. Вокруг колючая проволока, выход запрещен. Несмотря на суровые условия существования весной 1942 года, когда гнали через наше местечко военнопленных, мы с мамой бросали им вареную картошку. Один из полицей так ударил маму по голове, что она потеряла сознание и через несколько месяцев умерла. Ей было всего 37 лет.

Отца принудили работать на машинно-тракторной станции слесарем-жестянщиком. Там он работал до войны. В гетто было холодно и голодно. Я через заграждение пробирался к отцу на работу, чтобы что-то поесть и еще принести домой. Украинцы и поляки из ближайших сел, бывшие сотрудники отца, угощали меня хлебом, иногда молоком и куском колбасы, яйцами. Там же я прихватывал разные железки, которые служили нам, малолеткам, игрушками.

Весной 1944 год пришли советские солдаты. Во главе их был тот раненый, с которого полицей стянул хромовые сапоги в 1941 году. Это был майор, который привлек к ответственности негодяя.

ГЕТТО КРИВОЕ ОЗЕРО

Шнайдер Михаил

Родился в фашистском еврейском гетто Кривое Озеро префектуры Галтского уезда в 1943 г. До войны это село относилось к Одесской области, а после В.О.В. относится к Николаевской области — Украина.

Мои родители: Шнайдер Арон, 1915 г.р., и мать, Шнайдер Любовь, 1924 г.р. (девичья — Сирота). Отец был призван в ряды Красной Армии и под Одессой попал в окружение. Мама с жителями села двигалась на подводах к станции Любошевка Одесской области, чтобы эвакуироваться. Там на этой железнодорожной станции они попали под бомбежку немецких самолетов. Оставшихся в живых немцы захватили в плен и погнали в с. Кривое Озеро. В этом селе было организовано еврейское гетто. Там мои родители и познакомились. Отец матери — Сирота Исаак был призван в ряды Красной Армии в 1939 году на белофинскую кампанию и прослужил в армии до 1945 года.

В селе Кривое Озеро у моей мамы остались ее братья и сестры, до войны у нее была очень большая семья.

Я был очень маленьким и, естественно, не могу помнить все события того жуткого времени, но, со слов моей мамы, кое-что могу описать. Отца я практически не помню, его сразу же после нашего освобождения в 1944 году забрали в армию. На фронт.

Отец погиб 16 апреля 1945 года на территории Германии. Многие письма отца с фронта я хорошо помню по сей день. В этих письмах он писал о своих тяжелых буднях и очень надеялся, что останется живым после всех лагерных ужасов. Просил, чтобы мама смотрела за мной, просил прислать ему наши фотографии. В этих письмах он вспоминал, как он меня пеленал и согревал в гетто, в мерзлой земле они искали какие-то мерзлые овощи, чтобы можно было что-то приготовить поесть. Как окружали меня заботой изможденные соседи по гетто, когда я болел.

Он писал маме: «Любочка, я обязательно должен вернуться домой живым после всего того, что мы пережили и перенесли в этом гетто и вырастили нашего сына». К моему большому сожалению, мы его не дождались. Проклятая война помешала этому. Как вы все знаете, что после Великой Отечественной войны нельзя было нигде писать и никому говорить, что ты был в концлагере, гетто или в плену.

Поэтому долгое время мама мне ничего не рассказывала. Тем более, что она работала после войны в воинской части — парикмахером.

В одном из писем отец пишет, что его наградили за мужество в боях медалью «За отвагу».

Но у нас, к сожалению, нет ни его медали, ни наградного листа. Я очень берегу его фронтовые треугольники, часто их перечитываю, и невольно у меня перед глазами встают картины этой жизни, которая пришлось на то военное время!

Да и по состоянию здоровья мама просто не могла вспоминать об этих страшных событиях. Она никогда не смотрела фильмы о войне, потому что все эти воспоминания вызывали у неё сердечные приступы, повышенное давление и истерические крики. Поэтому все дома старались оберегать её от лишних воспоминаний.

Когда немцы вошли в с.Кривое Озеро (это было практически еврейское село: там была еврейская школа, в которую ходила моя мама, и все жители соблюдали еврейские традиции), начался массовый расстрел евреев. У мамы на глазах немцы расстреляли всю её семью, а самую маленькую сестричку закололи штыками и бросили в колодец с водой. Имена её погибших родственников находятся в музее Яд-ва-Шем.

Вот ещё пару эпизодов из её лагерной жизни, которые она мне рассказала, уже когда ей было за 60 лет.

Немцы и румыны гнали всех узников на работу, мама была беременной, не могла быстро идти, ей было очень тяжело. Один из полицаев и ударил её ботинком в живот. У моего отца не выдержали нервы, и он набросился на полицаев и стал душить его за горло. Отца еле оторвали от полицаев, его тут же хотели расстрелять. Мама успешно начала наступать на полицаев и спрятала моего отца у себя за спиной. К счастью, все обошлось.

...Маму и многих других евреев из ближайших сел: Кривое Озеро, Доманевка, Голты — вели на расстрел. Когда их подвели к траншее и немцы начали в них стрелять, она бросилась в эту траншею и лежала между мертвыми телами. После расстрела немцы подошли к траншее и начали добывать тех, кто еще дышал. Невозможно представить её состояние в тот момент. Ночью, когда немцы ушли, она выбралась из-под тел расстрелянных узников и, прячась, пошла пешком в Доманевку. Там она длительное время пряталась в погребах, на чердаках.

После освобождения из гетто мы некоторое время жили там же, в Кривом Озере. Потом переехали в город Николаев. Мама очень часто после войны ездила на могилы своих близких и односельчан. Жители Кривого Озера собрали деньги и

на кладбище сделали братскую могилу всем узникам еврейского гетто, поставили монумент из бетона в виде меноры. А всем односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, в центре села — гранитную стелу с высеченными на ней именами погибших. Последние годы перед отъездом в Израиль я часто ездил на свою родину, и мама показывала мне места страшных событий. Я старался найти оставшихся в живых бывших узников гетто и чем-то им помочь.

Через Николаевскую синагогу, общество еврейской культуры и общество бывших узников возил туда продукты питания, одежду, литературу.

Некоторым помог оформить и получить пенсию из Германии, по Швейцарскому фонду, по Украинскому фонду «Примирение».

Некоторые из оставшихся в живых узников гетто со своими семьями выехали в США, Германию, Израиль. В Кривом Озере остались лишь одинокие старушки, и жизнь у них там не простая.

К себе на родину, где я родился, я возил жену и детей. Моя мама умерла в 1996 году. Она тяжело болела, у нее было два инфаркта. Мы все тяжело перенесли эту утрату. Нам не хватает материнской ласковой руки, ее жизненного опыта, ее опеки.

Мы хотим, чтобы наши дети и внуки не знали, что такое война, фашизм, гетто — вернее, не испытали это на себе. Но ни в коем случае нельзя забывать все то, через что пришлось пройти нашим дедам, матерям, отцам.

Имя и фамилия отца внесены в Книгу Памяти о погибших евреях, изданную в России.

г. Николаев,
ул.Басялева,8, кв.84.
Шнайдер М.А.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Госархив Николаевской области сообщает, что в документах периода временной немецко-фашистской оккупации области в 1941–1944г.г. которые сохранились частично, имеются сведения о пребывании Шнайдер Арона (отчество не указано), Шнайдер Лмбы (отчество не указано) в гетто на территории префектуры Голтского уезда в 1943 году.

Других сведений в госархиве не имеется.

Основание: Ф.Р-2178, оп.1, л.374, к.123.

Директор госархива *[подпись]* Л.И.Огорокова
Архивист А.А.Зерницкий

ГЕТТО КРЫЖОПОЛЬ

22 июля 1941 года германские войска заняли Крыжополь. Евреев переселили в квартал на улице Будгос, где было организовано гетто. В гетто проживало 1200 местных евреев и 74 депортированных из Румынии. Их использовали на принудительных работах. Крыжополь также служил пересыльным пунктом для многих тысяч румынских евреев. Крыжополь освободили 17 марта 1944 года.

Бурд (Маркман) Ева

1923 года рождения. Наша семья жила на Украине в Винницкой области, поселок городского типа Крыжополь.

Через месяц после начала войны немцы уже были у нас. Из-за отсутствия транспорта мы поздно эвакуировались и успели доехать лишь до ст. Жабокрич в 12 км. от нас. В Жабокриче скопилось много евреев из Румынии, Молдавии. У всех отобрали повозки и лошадей. Немцы не поняли, что мы евреи, и разрешили вернуться на занятые ими территории. Наша семья пешком добралась в Крыжополь. «Доброжелатели» подсказали немцам, что это евреи, и на второй день уже никого не выпускали. Всех согнали в винные подвалы и из пушек расстреляли 400 человек. Уцелели единицы: 4-летняя девочка Таня, которую мать спрятала в бочку, мой старый дядя (оглох), моя подруга Рая с раздробленной ногой и некоторые другие.

В Крыжополе всех согнали в гетто. Наша семья жила в маленькой комнатке, рядом — другие семьи. Еврейскому старосте ежедневно заказывали людей на разные, самые трудные, грязные работы. Мужчины заготавливали в яму дрова, пилили и рубили их. Сестра работала в бригаде грузчиков по погрузке кукурузы, приносила в кармане зерно, и мы мололи его на самодельной крупорушке и варили. У крестьян меняли разные вещи на картошку, на муку. Некоторые крестьяне передавали нам продукты. Зимой в мороз всех выгоняли чистить снег.

Все три года мы ждали освобождения, не могли понять, как мы останемся в живых, ведь при отступлении немцы жгли дома, убивали людей. Но Бог нас уберег. У реки Буг немцы потерпели поражение и отступили до Днестра. 16 марта 1944 года был освобожден Крыжополь. Нашему счастью не было границ.

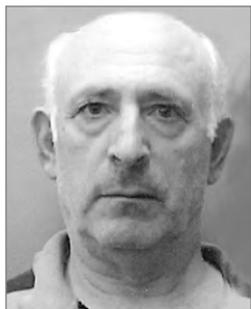

Зальцман Сося

Бывшая узница гетто, проживаю с 1997 года в Израиле, город Ашдод. До выезда в Израиль проживала на Украине, Винницкая область, поселок городского типа Крыжополь.

В начале Великой Отечественной войны мне было 3 года, поэтому воспоминания мои скудные. Но со слов матери я знаю, что в Крыжополе находились румыны, поэтому мы остались живы. Маму и старшую сестру гнали на работу, я оставалась одна дома. Маму часто били за то, что выходила на рынок не в определенные часы. Были облавы, и в один день появились у нас, начали что-то искать и нашли в комодке советские деньги. И снова маму жестоко избили. А вот когда мне было лет 5, запомнила на всю жизнь то, что увидела. Снова мама пошла на рынок в неразрешенные часы и взяла меня с собой. На этот раз нас загнали в какой-то сарай вблизи рынка. Там находились люди, лиц у них не было видно — сплошная кровь. Позже мне мама говорила, что это были евреи из Румынии.

Вот в таком страхе за жизнь мы прожили до весны 1944 года, когда советские войска освободили Крыжополь от фашистов.

Ладзыженский Борис

Родился 15 сентября 1938 года в Мясковке Крыжопольского района Винницкой области. В семье было четыре человека. В доме говорили на идыш и соблюдали традиции. В 1941 году в Мясковку вошли румыны, а затем немцы. Было очень холодно, нас выгнали на площадь. Собрали много людей и повели этапом под конвоем в концлагерь Песчанка. Когда мы пришли в Песчанку, нас загнали в бараки.

Напротив бараков стояли немцы и румыны. На высоте — пулеметы, кругом собаки. Следили за каждым нашим шагом. С других бараків слышались выстрелы. В концлагере над нами издевались, не было еды. Полицаи, немцы забирали у нас вещи. В Песчанке мы находились с сентября 1941 года по 1944 год. Однажды мы чудом убежали из концлагеря, ночью добрались до Мясковки. Шли голодные, холодные, без питья и еды.

Когда пришли в Мясковку, то увидели, что у нас не было дома. Были только развалины, и мы жили на улице возле разбитого дома.

После освобождения жили какое-то время там же.

Шлейферман (Мильштейн) Евгения

Родилась ровно через два месяца после начала войны, 21 августа 1941 года, в местечке Крыжополь Винницкой области на Украине. Наша семья состояла из родителей и 5 детей. Старший брат прямо из Одесского мединститута ушел на фронт. Две сестры и брат были подросткового возраста от 12 до 16 лет.

О годах оккупации я узнала из рассказов членов моей семьи. Мы жили еще с 3-мя многодетными семьями в одной комнате в гетто рядом с железнодорожной станцией. Там же работали на погрузке вагонов все члены семьи. Меня брали с собой и, завернутый в одеяло комочек, оставляли на лавочке. Мама разжевывала зерно, и это была для меня еда вместо материнского молока.

Окна нашего дома в гетто выходили прямо на станцию, на доме была нарисована желтой краской шестиконечная звезда. Когда приближались эшелоны с немцами, а это было несколько раз в день и даже ночью, все прятались, потому что немцы стреляли по окнам.

Я, будучи годовалым ребенком, услышав гудок паровоза, сама пряталась под стол. Ребенок в годик или в два года уже понимает и чувствует страх.

Я была самой маленькой в доме, поэтому очень много историй люди вспоминают обо мне. Недавно на встрече с земляками в Ашдоде я услышала такую историю.

Загружая зерно в вагоны, старшие дети набивали его в карманы, это была наша единственная еда. Я же выбегала к ним навстречу, когда они приходили домой с ситом, чтобы они его высыпали. Староста, украинец по национальности, заметил это и предупредил, если это увидит кто-то из оккупантов, то расстреляют всех и даже ребенка.

Уже перед самым концом оккупации, где-то в 1944 году, арестовали моего брата. Кто-то донес, что он связан с партизанами. Ему присудили 100 ударов розгами. Отцу удалось уговорить румына, которому поручили это сделать, чтобы это наказание дали ему. Я ли это запомнила или рассказы об этом так на меня повлияли, но до сих пор мне снится окровавленный отец, которого поливают водой, чтобы привести в чувство.

Тяжелые годы оккупации не прошли бесследно. После войны отец и мать все время болели и даже не дожили до своего 50-летия. Из детей осталась я одна и тоже всю жизнь болею.

Ребенок, лишенный в первые годы всего, даже еды и чистой воды, и познавший все страхи военного времени, порабощение и издевательства оккупационного режима, не может вырасти здоровым человеком.

Единственное наше желание, бывших малолетних узников гетто и концлагерей, чтобы наши дети никогда не испытали того, что довелось испытать нам.

ЛАГЕРЯ СМЕРТИ: Маутхаузен, Треблинка, «Адмирал Бром» — концлагерь в г. Бремен

Виткун Сергей

Среди юбиляров, которых чествовали в амуре «Зикарон» в январе этого года, был и 80-летний Сергей Виткун. С большим волнением и слезами на глазах он поведал собравшимся трагическую сагу о том, как он уцелел, будучи узником фашистских лагерей. Уроженец города Сквиры, что на Киевщине, к началу войны он закончил 8 классов и мечтал стать лётчиком.

Но грянула война, и его планам не суждено было сбыться. Начались для Сергея и его семьи, как и для всех евреев, подвергшихся немецкой оккупации, невероятные страдания. Поначалу ученики рыли оборонительные окопы. Затем военкомат мобилизовал ребят 1923-1925 гг. рождения рыть противотанковые рвы в Попельянском районе на Житомирщине. 6 июля 1941 г. под сильными бомбёжками и обстрелами их пешим ходом эвакуировали к Днепру, а затем поездом — в Сталинскую (ныне Донецкую) область, где он и ещё трое ребят — Исак Кац и двое украинцев Анатолий Верпаховский и Иван Ольшанский были определены для работы в колхоз. Спустя несколько месяцев они вместе с колхозной бригадой были направлены в Запорожскую область на сооружение оборонительных объектов. Под напором немецких войск им пришлось вернуться обратно в колхоз. Здесь располагался кавалерийский полк.

— Мы попросили зачислить нас добровольцами на службу, — рассказывает Виткун. — И нас приняли. С сентября по декабрь 1941 г. постоянно принимали участие в боевых действиях. В конце декабря наша дивизия, неся тяжёлые потери, отступила в район города Чистяково. В этих боях пропал мой друг Исак. Но, как оказалось, его вынесли с поля боя, он остался жив, пролечившись полтора года в госпиталях Пятигорска. В дивизию прибыло пополнение, и из-за нехватки лошадей и оружия нас — добровольцев — направили в село Беловодск Воро-

шиловградской области для работы в колхозе. В июне 1942 г. при приближении немецких войск колхоз пытался нас троих вместе с группой колхозников эвакуировать со скотом в тыл. Успели добраться до города Миллерово Ростовской области. Немцы нас настигли, и мы стали свидетелями нечеловеческой жестокости фашистов. На глазах окруженных людей выявляли командиров, комиссаров, евреев, которых избивали и расстреливали. Меня не заподозрили в принадлежности к еврейскому народу, а мои товарищи меня не выдали. Вместе с остальными захваченными солдатами, семьями эвакуированных нас заперли в грязном загоне для скота. Ночью за несколько часов мы вырыли в песке проход, и незаметно для охраны нам удалось бежать.

Шесть суток мы добирались в Беловодск: там нас знали, и мы рассчитывали на помощь. Четыре месяца мы втроем прятались от немцев, кое-что зарабатывали. Ночью 26 октября 1942 года мы были схвачены немцами и русскими полициями. На следующий день вместе со многими юношами нас загнали в товарные вагоны без света, воды, без туалета. Через день эшелон тронулся в неизвестном нам направлении.

В пути следования многие от голода, холода, воздержания от отправления естественных надобностей теряли сознание, умирали. Нас привезли в Германию, город Бремен. Разместили в лагере — здесь я пробыл два месяца. На разработках в каменных карьерах от голода и издевательств я потерял сознание, и в лагере был помещён в барак для агонизирующих. В этом лагере мне посчастливилось встретить своего одноклассника Чикиринду. Мы обрадовались друг другу, но у меня затаился страх — а вдруг он меня выдаст. Но этого не случилось.

Через какое-то время ночью по тревоге всех лагерников выгнали на площадь, отсчитали 25 человек, туда попал и я. Той же ночью нас привезли в большой лагерь «Адмирал Бром». Здесь нас поместили в барак длиной 100 м без потолка, с четырьмя рядами двухъярусных нар. Условия жизни бесчеловечные. Свирепствовали немецкие и русские полиция. Вооруженные огнестрельным оружием и резиновыми дубинками с железными наконечниками, от ударов которых у людей лопалась кожа, они наказывали за малейшую провинность — не поклонился, не поздоровался, не уступил дорогу полицая с собакой. Устраивали прилюдную экзекуцию — посередине барака сидел начальник лагеря Мартин с двумя овчарками по бокам и полицай. Жертву заставляли передвигаться вприсядку по кругу, засыпанному толстым слоем песка, до изнеможения. Подгоняли прикладами и нагайками, пока несчастные не теряли сознание.

Кормили впроголодь — суп-баланда, 200 г неизвестно из чего сделанного хлеба-суррогата, стакан чая. Подъём — в 6 часов, на работу — в 7 часов утра. Работы каторжные — разработка каменных карьеров, строительство дорог, погрузка и выгрузка вагонов, пароходов. Престижной считалась работа по расчистке развалин целых кварталов, разбомблённых англо-американской авиацией, в развалинах часто находили остатки пищи, одежду. При разгрузке вагонов с мукой мы обволакивали в неё свои одежды, в лагере стряхивали остатки, размешивали с водой, а лепёшки сушили на своих телах в течение ночи. Утром съедали почти сырое тесто, от чего часто болели желудки.

Наибольшей пыткой для меня была баня, периодические осмотры нагишом, дезинфекция тела, так как я мог быть разоблачён как еврей. По рассказам, в этой бане однажды обнаружили еврея — его крюками выволокли в вестибюль, облили бензином и подожгли. Меня окружали хорошие ребята — русские и украинцы, я говорил на обоих языках, немного владел немецким. Это позволило мне познакомиться с немцем — кочегаром Отто Бойтлером, который всегда передавал мне сведения о победах советских войск на фронтах. Это становилось достоянием таких же, как и я, узников. На вопрос, не является ли он коммунистом, Отто отмалчивался. После освобождения лагеря англо-американскими войсками Отто пригласил меня домой, угощал всякими яствами и подарил мне свою фотографию с адресом. Он просил меня ходатайствовать перед властями о его переезде в Союз. Но в органах госбезопасности мне посоветовали не думать об этом и запретили вести с ним переписку.

За время пребывания в лагере «Адмирал Бром» я потерял своих друзей — Гордей Твердохлеб был застрелен при погрузке вагонов, ещё двое друзей с голода объелись пресованным тёплым рисом и умерли. На нарах Гордея в его подушечке я нашёл патриотическое стихотворение (см. стр. 473), вероятно, им написанное. Впоследствии я связался с семьёй Гордея, передал кое-что из его личных вещей, меня приглашали в гости в память о сыне.

Город, где размещался лагерь, подвергался сильному обстрелу, а 26 апреля 1945 г. англо-американские войска освободили нас. Встреча с освободителями была дружественной — нас обнимали, угощали всякими лакомствами, сигаретами, просили на память открытки, фото, звёздочку — но ничего этого у нас не было. Два месяца американцы держали нас в оборудованном лагере в городе Нинбург — откормили, подлечили, поставили на ноги, так что я даже был в состоянии играть в футбол с ними. Затем нас перевезли в зону оккупации советских войск. Здесь мы проходили госпроверку и работали на уборке урожая, демонтаже заводов и фабрик, оборудование которых вагонами отправляли в Союз.

В конце 1945 г. нас перевезли в СССР в город Брест-Литовск, зачислили в 17-й отдельный рабочий батальон, и меня, как наиболее грамотного, назначили писарем роты. В середине 1946 г. я вернулся домой, в город Сквиру. Тут я узнал, что моих родителей и более 20 родственников моей семьи в сентябре 1941 года немцы расстреляли. В живых осталась моя сестра Шева — врач, жена генерал-майора, всю войну находившаяся на фронте. Она жила в Ровно, к ней я и переехал. Только при получении паспорта я указал, что по национальности я еврей.

Моя дальнейшая жизнь проходила благополучно — получил образование, создал семью, работал добросовестно и получил общественное признание. В октябре 1995 года вместе с семьёй репатриировался в Израиль. Здесь мои дети, внуки и правнуки. Однако годы, проведённые в фашистских лагерях, на грани жизни и смерти — это кошмары, от которых невозможно избавиться. Дай Бог, чтобы нынешние и грядущие поколения народа Израиля никогда их не переживали.

**Записал пресс-секретарь амуты «Зикарон»
Борис БЕНЕХИС, бывший узник гетто.**

ЛАГЕРЬ «МАУТХАУЗЕН»

Ускач Семен

1921 года рождения, находился в концлагере «Мauthausen» с февраля 1943 года по май 1945 года.

В октябре 1942 года под Харьковом 16-й ремонтный батальон, в котором я состоял на учете, попал в окружение немецких войск. Чтобы не попасть в плен, я присоединился к беженцам, с которыми добрался до города Хорола Полтавской области. Город был оккупирован. С ноября 1942 го-

да по февраль 1943 жил и работал в местном колхозе, где нас, беженцев, брали на временный учет. Я назвался татаринoм.

В феврале 1943 года группу молодых мужчин, в число которых попал и я, вывезли в Германию на принудительные работы. Так я оказался в концлагере «Mauthausen». Работал под конвоем фашистов.

В мае 1945 года советскими войсками лагерь был освобожден. Чудом я остался в живых.

ТРЕБЛИНКА

Галина Мордехай

Родился 15 февраля 1920 года в городе Пултуск, 30 километров севернее Варшавы. В 1927 году наша семья переехала в Варшаву. Отец Моше Галина был купцом, мать – домохозяйкой.

К началу войны мне было восемнадцать с половиной лет. В течение 7 дней Варшава была окружена немецкими войсками. 12 сентября 1939 года правительство Польши покинуло город и сбежало в Лондон. Началась эпоха эмиграционного правительства.

17 сентября 1939 года Красная Армия вместе с армией Гитлера поделили Польшу. Центральная Польша осталась за немцами. Гитлеровцы 30 сентября заняли Варшаву, армия Польши сдалась. Почти 30 дней город бомбили беспорядочно. Особенно доставалось еврейским кварталам города.

В середине 1940 года немцы начали думать, как физически уничтожить евреев из Варшавы. В городе было около 5000 евреев. Их согнали в гетто. Отделили еврейские и польские кварталы, запретили покидать пределы гетто. Тех, кто нарушал приказ, убивали. Было очень тесно, так как собрали в гетто очень много людей. Евреев обманом увозили в лагерь Понятов, которым руководил Доменюк. Поехала моя тетя, сестры матери, братья (6 сестер и 4 брата), и немцы неплохо их устроили с тем, чтобы они написали остальным, как хорошо здесь евреям живется.

В 1942 году был построен лагерь «Треблинка» — место уничтожения евреев из Варшавы. Там погибло 80 тысяч человек. Для этого в Варшаве специально был создан юденрат, который был обязан доставить от 5 до 10 тысяч евреев для уничтожения.

Мы с папой уходили из гетто на работы: строительство железной дороги недалеко от Варшавы.

Утром нас гнали туда под конвоем эсесовцев и собак, а вечером пригоняли обратно. Когда нас с отцом не было немцы вошли в гетто, где жила моя семья. Они угнали мою маму (ей было сорок лет), брата Зелика (13 лет), сестру (16 лет) и повезли в Треблинку (90 километров от Варшавы). В этот день людей загоняли в душегубки, по дороге в лагерь они умирали, а трупы сжигали.

Когда мы вернулись с работы, их уже не было в живых. У отца были связи с поляками (он до войны вел с ними торговые дела). Отец сказал мне: «Нас

уничтожат. — Ему было тогда 50 лет, а мне 21 год. — Ты знаешь польский язык, надо пробраться на польскую сторону, там тебе помогут выжить». Мне удалось пролезть сквозь дыру в заборе. Ходил по деревням как поляк, работал, выживал. Так продолжалось до освобождения Варшавы в 1945 году Красной Армией.

Папа остался в гетто, пережил восстание. Попал в другой лагерь смерти Майданек, где строил аэродром для немцев. Перед самым концом войны погиб. Светлая память всем погибшим в Варшаве! Пусть такое никогда не повторится!

ГЕТТО ЛАХВА

Айзенберг Григорий

Родился 1 июня 1929 года в городе Влодава Люблинско-го воеводства (области) Польши. Город Влодава и сейчас территория Польши. В 1939 году наш город был оккупирован немцами, а железная дорога — русскими. А так как лесопильный завод, который принадлежал компании, где отец был одним из компаньонов, то компания решила, чтобы сохранить все это богатство, наша семья должна пере-

ехать на ту сторону, туда, где завод. Ведь тогда думали, что это ненадолго, что скоро все наладится. Мы переехали, но в скором времени Советы забрали у нас все и выслали. Наша семья не имела права жить ближе, чем за 100 километров от границы. Мы переехали в город Лахва Лунинецкого района (тогда это было Пинской области, сейчас — Брестской). Отец работал, а мы — дети — пошли в школу. Нас было четверо детей, я пошел в четвертый класс.

В 1941 году наш город Лахва был захвачен немцами, мы не успели эвакуироваться. (Все знают, что первое время после войны обо всем этом не только писать, но и думать нельзя было). Гоняли на работу, на постройку железнодорожного моста. Через г.Лахва протекает река Смердь. Когда Советы отступали, они этот мост взорвали. Нас гоняли на работы для постройки нового моста. В скором времени всех евреев загнали в гетто. Туда же загнали евреев из окрестных деревень.

Первое время я работал вместе со взрослыми, а потом меня заставили смотреть за людьми. В гетто был голод, очень много людей, детей, стариков умирали от голода. Многие пухли. Каждый день кого-нибудь убивали, грабили, особенно полицейца, которые заходили в гетто и брали все, что им хотелось. Им надо было шить полицейский костюм черного цвета, для этого подходили капоты, которые носили религиозные евреи, а в Лахве их было много. В скором времени была организована еврейская полиция, то есть юденрат. Начальником был очень известный человек в городе — Лопатин. Тогда полицейца или немцы в гетто мало ходили, они давали заказ, и заказ выполняли, ведь ребята были местные, особенно Лопатин, они знали, что у кого есть, что брать. Ребята из еврейской полиции иногда выходили из гетто. Они узнали, что во многих местах уже гетто уничтожили и что на окраине города, в лесу, копают яму для расстрела евреев нашего гетто. Командир юденрата Лопатин, а также многие жители гетто решили, что, когда немцы и по-

лица войдут в гетто для того, чтобы гнать людей на расстрел, в это время должны поджигать дома, по возможности бросаться на немцев или полицаев. Если даже удастся убежать хотя бы одному человеку, и это будет хорошо. Так и сделали. Поджигали дома, получилась временная неразбериха, немцы и полицаи растерялись, ведь полицаи и немцы шли, чтобы грабить, а тут все горит. В это время люди кинулись к воротам, убили двух немцев и стали выбегать из гетто. Однако немцам вскоре удалось закрыть ворота, и они начали людей гнать к яме для расстрела. Из гетто удалось убежать только 100-120 человекам, в основном тем, которые стояли близко к воротам. Они бежали к реке Припять, это 9 км от города. После того, как немцы расстреляли всех оставшихся людей в гетто, они бросились ловить тех, которые убежали. Многие успели переправиться на другой берег. Я хорошо помню, как четыре взрослых человека и я, мальчик, в то время подошли к одному крестьянину, который косил траву, ведь это было время сенокоса, 3 сентября 1942 года. Он нас посадил в лодку и перевез на другой берег, а также отдал нам всю еду, что он взял с собой. Пожелал нам добраться до партизан. Это был очень хороший человек, ведь он рисковал не только своей жизнью, но и жизнью всей семьи. Через девять дней мы добрались до партизан, там я встретил отца, братьев и сестру. Они тоже успели выбежать из гетто. Все бежали отдельно, и никто не знал, кто смог убежать, пока не встретились в партизанском отряде.

Партизаны нас не могли принять, в то время только начиналось партизанское движение в Западной Белоруссии. Партизаны дали нам направление идти в Минскую область, Любаньский район, там уже хорошо действовало партизанское движение. Мы добрались туда только через полтора месяца, но и там нас тоже не приняли. Однако можно было жить возле партизан. Немцы туда не показывались. Мы жили вместе с местными жителями, я был пастухом.

В конце 1943 года, когда фронт подошел близко к Белоруссии, партизаны не давали немцам отступать. Подрывали железные дороги, устраивали засады на дорогах. Немцы начали облаву на партизан, ночью обстреливают участок леса или болото, а днем туда наступают. Многие партизаны тогда погибли, а также местные жители, ведь все тогда убежали в леса или в болота. Бежали и мы. В апреле 1944 года нас немцы выловили, тогда погиб наш отец и брат. Я также попался, но я был одет как крестьянский мальчик — в самодельных штанах, в лаптях. Это меня спасло. Нас повели в деревню Лясковичи, и там нас держали два дня. Немцы в скором времени ушли из этой деревни, и мы все вернулись обратно в лес.

В конце июня 1944 года Любаньский район был освобожден Красной Армией. После освобождения мы пошли в г. Любань Минской области. Я устроился работать при столовой, чистить картошку — за это меня кормили. В скором времени в Любани открылась сапожная мастерская, и меня взяли туда учеником сапожника, там я и проработал до февраля 1946 года. В феврале 1946 года я поступил учиться в школу ФЗУ на токаря. Меня послали работать на завод имени Шмидта. В 1951 году меня призвали в армию. После демобилизации я поехал в Минск и поступил работать на МАЗ (Минский автомобильный завод). В 1957 году женился. Имею троих детей: два сына и дочь. В 1990 году приехали в Израиль.

Хейфец Роман

Лахва — местечко в Брестской области, Белоруссия.

Заняв Белоруссию, фашисты превратили этот небольшой городок в крошечный ад. Они оградили три улочки, согнав туда несколько тысяч евреев. Люди погибали от голода, рабского труда, побоев, болезней.

Но человеческому терпению приходит конец. Пленники подняли восстание. Они подожгли со всех сторон укрепления, и те рухнули. Тысячи людей бросились бежать к лесу.

Растерявшиеся немцы опомнились не сразу. Но вскоре начался расстрел тех, кого удалось поймать, и тех, кто остался в горящем гетто.

Оказавшись в лесу, Роман (единственный уцелевший из своей семьи) с товарищем стали искать партизан. И нашли!

Роман Хейфец стал бойцом-автоматчиком в партизанском отряде и воевал там более года. Он участвовал в проведении взрывов вражеских эшелонов, разгроме складов оружия, нападении на полицейские участки.

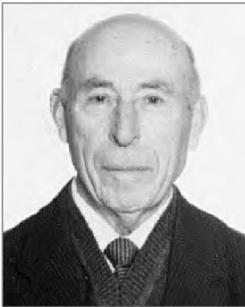
В 1944 году партизан Роман Хейфец стал рядовым Советской Армии и был направлен на фронт. После нескольких ранений он был демобилизован.

После войны Роман вместе с женой на свои скромные сбережения создали в местечке Лахва, на месте бывшего гетто, памятник — Мемориал жертвам фашизма и героическим борцам.

ГЕТТО СОВХОЗА «ЛЕНИН»

Гинзбург Борис

НАЧАЛО БЕДЫ

22-го июня 1941 г. выступил Молотов и объявил, что немцы ночью бомбили Брест, Киев, другие города, одним словом, внезапно напали на СССР.

23-го числа с утра наехало много людей (беженцев) на автомашинах из Бреста, Пинска, Лунинца, все хотели перейти границу у погранзаставы и мост через р. Случь, которые находились в нашем местечке. Начальник пограничной заставы Аристов никого не пропускал, только по пропускам. В последующие дни в центре местечка стали появляться, кроме беженцев, также солдаты и офицеры Красной Армии, которые уже отступали. 26 июня они же взорвали оба моста на границе и большой мост в местечке, в близлежащих домах все стекла были выбиты. Это помнится. Мы, пацаны, сбежались посмотреть тогда, что случилось.

27-го числа появились немцы, и тут же солтыс Кузьма начал ходить по домам и призывать евреев срочно выходить на работу к мостам. Подъехали немцы и стали кричать: «Быстрее, проклятые евреи!». Тогда уже стало понятно, какие муки ждут нас впереди. Об этом рассказал мне отец, пришедший к вечеру с работы у моста.

Вначале евреи местечка думали, что немцы будут разыскивать и наказывать только большевиков и комсомольцев, но все оказалось не так.

Руководил работами по восстановлению мостов старый строитель Янкл Кравец, на работу евреи местечка являлись к 6-ти утра, немцы приходили позже. За четыре дня деревянные мосты были восстановлены, и по ним пошли немецкие танки и автомобили с военными.

В какой-то день идет солтыс Кузьма по середине улицы и кричит, чтобы все евреи местечка собирались у гмины. Все быстро собрались целыми семьями, с детьми, стоят напуганные. Выходит из дома Зарецких комендант, самый главный бандит, поднялся на стул, чтобы его хорошо видели, и громко объявил: «Евреи с сегодняшнего дня по приказу Гитлера будут жить по правилам гетто:

1. Мужчины в возрасте 13-60 лет должны являться каждый день на работу (неявка — расстрел).
2. На левой руке внизу белый пояс, на нем — «Маген Давид» желтого цвета (невыполнение — расстрел).

3. По тротуарам не ходить (невыполнение– расстрел).
4. Чуть стемнеет, на улицы не выходить (невыполнение — расстрел).
5. Вечером в домах должно быть темно (невыполнение — расстрел).
6. На работу являться на эту площадь к гмине, кто вздумает не работать, тут же будет расстрелян.

Он же приказал выбрать юденрат. Сами вышли из числа собравшихся геройские парни-красавцы: Арон Мильнер, Ицхак Колпаницкий, Янкл Лазебник, Иосиф Рубинштейн, Мойше Галенсон. Через них теперь будут передаваться все распоряжения к исполнению.

В местечке был швейно-сапожный кооператив. Немец послал позвать сюда председателя Мордехая Кравец. Взломали дверь от склада, и тут же местные жители разграбили все: кожи, материалы и мануфактуру, оборудование.

На второй день юденрату было приказано вывести на работу 125 человек мужчин с лопатами и граблями — ремонтировать дорогу на Микашевичи, еще одна называлась Лысья дорога; 15 человек работали в больнице за местечком, несколько человек потребовали убирать вокруг гмины и окружающие участки улиц.

Тех, кто чуть расслаблялся при работе на ремонте дорог, немцы били нагайками.

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

В одну из ночей фашисты во дворе гмины расстреляли трех молодых ребят-комсомольцев: А.Плит, Шимона Галенсона, Айзика Бередецкого.

Бандиты разбудили ночью членов юденрата Арона Мильнера, Ицхака Шустермана, Шимона Шустермана и строителя Янкла Кравца, велели им взять у мужика повозку без коня и везти по песку на Стиблевическую дорогу (около двух километров от местечка), чтобы там захоронить трупы. На еврейском кладбище их хоронить не разрешили.

Когда они вернулись, бандиты накричали на них, что так долго хоронили, позвали Шимона Шустермана, избивали его до полусмерти, вывели окровавленного во двор и на глазах у его родных и близких расстреляли, приказав отвезти убитого этой же повозке на место, где похоронили его друзей, и там же похоронить.

Как я затем уточнил у наших ленинцев про Айзика Бередецкого, когда его привели и показали убитых товарищей, он кинулся бежать к мосту. Навстречу кто-то шел, ему некуда было свернуть, и он кинулся с моста в реку. Через несколько дней тело всплыло, из юденкрата пошли к главному голове-резу-коменданту за разрешением достать его, он разрешил, и удалось его похоронить.

Гитлеровцы поставили руководить местечком Макса (он был немец), его зятя Ольшевского и известного местного бандита Гергелихэс; в полиции было много парней из нашего местечка и близлежащих деревень, их немцы одели в черную униформу. Несмотря на то, что евреи ежедневно сотнями выходили на работу, положение их не улучшалось.

Кстати, Макс, молодой немец, прибыл в наше местечко неизвестно откуда, он работал землемером у помещика Агаркова. Немцы ему присвоили звание генерала, одели в специальную униформу, которую ему сшил портной Мордехай Кравец. Он, надо признать, помогал юденрату избежать многих бед от прибывших гитлеровцев и местных полицаев. Когда в совхоз прибыл первый карательный батальон, ему удалось уговорить их не делать неприятностей евреям, так как они добросовестно выполняют все приказы коменданта. Он же сообщил юденрату, что они на второй день к вечеру уезжают от нас. Надо понимать, что в знак благодарности за его добрые деяния ему еврейского добра досталось немало.

Второй руководитель — Ольшевский (зять Макса) при Польше работал в гмине, а теперь стал чуть ли не самый большой бестолковый руководитель, евреям он не помогал, был двуличным; однако требовать мзду у евреев он умел. Его дочь вдруг захотела занять шубу из лучшего меха, и он потребовал ее у юденрата. Пришлось последним походить по еврейским семьям и поискать, пока нашли, что этой дряни понравилось; это один из примеров ограбления несчастного народа.

Третьим руководителем был Борис Гергелихэс (это не фамилия, а прозвище по его бабушке), он был старшим над всей полицией, что хотел, то и творил.

Ежедневно он собирал по 5-6 беглецов любой национальности, тех, кто спасался от немцев и попадал в местечко; если стрижена голова — причислял к польшевицам, давал лопаты в руки, отправлял на Полустевичскую горку копать яму, и там их расстреливал. Ходил он, как я помню, с большой курительной трубкой и с палкой в руках. Когда ему вздумывалось, заходил в дома к евреям, требовал водку, табак. Награбит упаковки лучших вещей и приказывает молчать, иначе грозился стрелять. Чтобы унести награбленное, брал с собой одного-двух человек из крестьян, но чаще приходил в дома евреев с двумя немцами.

Особенно мародерством и грабежами немцы и их пособники полицаи занимались по пятницам и субботам (реже в воскресенье), хотя из домов никто не выходил, ибо боялись. Зашли как-то два немца к Хайе Крейне и стали требовать мзду, она начала кричать. Тогда они выстрелом в шею ранили ее мужа. На второй день она пошла в гмину просить доктора оказать мужу помощь; туда же пришли эти два немца и убили её выстрелом в голову.

Жил у нас в местечке зажиточный еврей Юдул Левин. Кое-что из лучших вещей, золотых украшений он решил припрятать у своего лучшего друга белоруса, жившего на одной улице с ним (Денис Шошкес). Жена брата Дениса это заметила (а они между собой враждовали), подсказала полицаяу Бориско. Пришли немцы, забрали этого крестьянина и на Полустевичской горке расстреляли. Через короткое время в тот же день эти же немцы арестовали Левина, привели в комендатуру и так избивали, что крики были далеко слышны. Затем подошел автобус, в него кинули полумертвого Левина, завезли на горку и там расстреляли.

Это у них, фашистов, была такая система: кого приводили в комендатуру, сперва избивали до полусмерти, да так, что крики были слышны на все местечко, а затем увозили и расстреливали. От безысходности евреи, будь то мужчины или женщины, сами кидались с большого моста в реку, чтобы утопиться.

Дают юденрату команду срочно собрать по 50 молодежных мужских и женских самых нарядных костюмов, а также чулок и туфель для того, чтобы одеть группу молодежи, которую набрали из деревень для отправки в Германию. Выхода не было, ходили по домам, упрашивали, уговаривали отдать самое лучшее, иначе было известно, чем все могло кончиться.

Из окружения из-под Бреста бежали бывшие армейцы сын Хаима Шустера Юдке и их зять Вадзес. Они явились в юденрат, руководители доложили в комендатуру, что эти мужчины не хотели воевать против немецкой армии и приехали домой. Комендант сказал, что это очень хорошо, все родственники радовались. Через пару дней их обоих вызвали в комендатуру, два немца усадили их в автобус. Работавшие в поле крестьяне видели, как они копали себе яму, просились у фашистов, целовали им ноги — ничего не помогло, их расстреляли.

Как я уже ранее упоминал, всех мужчин-евреев гоняли на самые тяжелые работы, хлеба давали по 300 грамм.

В один из дней в конце сентября 1941 г. немцы организовали обоз из подвод крестьян. Так как у нас также была лошадь, Солтыс и отца предупредил явиться с подводой в обоз. Отец уже был стар, и мы решили дома, что я его заменю.

Загрузили все 20 подвод награбленным зерном, засыпанным в мешки, и двинулись на станцию Лахва к железной дороге (около 30 км). По дороге один из сопровождающих — молодой фашист-эсесовец узнал, что в обозе есть юде, т.е. я, еврей, и пересел на мою подводку. Мой полуголодный конь стал уставать, ибо дорога была тяжелая — глубокая песчаная колея. Тогда фашист стал бить меня кнутом, это длилось всю дорогу. На хуторе вблизи местечка Синковичи я увидел женщину, пасшую коня, слезно упросил ее подменить лошадей на время, пока будем ехать, и она меня выручила. Это еще не главное. Прибыв на станцию Лахва (уже стало немного смеркаться), подводы с зерном стали разгружать. Этот же фашист стал бегать среди подвод — искал меня, кричал: «Во юде!» Рядом с моей подводой стояла подвода Марьи Царикевич, женщины с нашей улицы, она крикнула: «Берко, прячься под моей юбкой!». Она меня спасла от верной мучительной гибели. Когда уже стемнело, разгрузившись, обоз в темпе, без немцев двинулся в обратный путь.

В конце сентября 1941 года поступает приказ в течение одного дня евреям согнать на площадь и во двор гмины всю живность, имевшуюся у них, т.е. коров, лошадей, коз, гусей, кур. Короче говоря, фашисты решили уморить всех голодом, и малых детей, в частности. Кроме того, стали гнать быстрее переселяться в гетто, которое было определено в домах между Главной и Глухой улицами, в основном, в еврейских домах. Селили по 2-3 семьи в одной комнате, своими силами делали нары в три-четыре ряда. Имущество, кто что захватил с собой, не давали перевозить, только таскать на себе. Территория гетто была огорожена высоким деревянным забором, который сверху был обтянут колючей проволокой в несколько рядов.

Перед тем, как поступила команда перебираться в гетто, один крестьянин вез воз дров для продажи. Этл Рыжая (по кличке мужа) купила эти дрова. Это уви-

дел местный бандит Хилькевич, который работал в гмине при поляках, а также и теперь, рассказал об этом немцам. Когда уже стемнело, пришли к Этл несколько головорезов. У ее дочери Хай было двое мальчиков-близнецов по 3 годика, у Этл был ещё мальчик 15 лет. Всех троих детей вывели во двор и расстреляли. Мать и дочь вывели на середину улицы и напротив дома Пейсаха (печника) также расстреляли. Наутро, узнав об этой трагедии, из юденрата пошли просить разрешение убрать трупы, но не разрешили, сказали, что будут лежать три дня. За это время тела детей растерзали мыши и коты. Женщин разрешили убрать после того, как захоронили останки детей. Фамилия Хай по мужу — Городецкая.

Наступила холодная и очень снежная зима 1941- 42 года. Нас гоняли на работы, что потяжелее, заставляли чистить снег во дворах гмины, больницы, у гебитскомиссара, в полиции, а также чистить крыши этих домов. Было очень тяжело работать полуголодным. В сутки получали 200-300 грамм хлеба и несколько ложек баланды из картофельных очисток и воды, кое-кому удавалось, будучи на подневольной работе, выменять у местных крестьян какую-нибудь тряпку на кусок хлеба, и то нужно было это проделывать весьма скрытно от охраны.

Однажды по главной улице проезжал санный обоз. На санях сидело по 3 немца, и они ехали в сторону леса. Через несколько часов обоз вернулся обратно, а на санях лежали перевязанные бинтами люди. Было похоже, что немцы попали в засаду партизан. На второе утро после происшедшего поступил приказ всему юденрату явиться к госпиталю. Люди долго стояли на морозе в ожидании. Вышел главарь с двумя немцами и заявил, что вчера евреи напали на обоз, обстреляли его, и за это в наказание все евреи местечка сегодня будут расстреляны вместе с юденратом. Арон Мильнер набрался смелости и просил высказать пару слов в защиту.

Сначала ему не разрешили, тогда он попытался еще раз, и когда главарь все-таки разрешил говорить, Арон сказал: «У вас списки всех евреев гетто, проверьте, если хоть одного человека не хватает, выполняйте свой приказ». Благодаря смелости этого человека удалось на некоторое время предотвратить нависшую угрозу.

В одно утро из деревни Вулька вблизи Лунинца пригнали 60 женщин с маленькими детьми. Босые, голодные, и их надо было разместить среди обреченных жителей гетто. Для юденрата это была тяжелейшая проблема, ибо свои жили на полуголодном пайке. Мужей этих женщин со старшими ребятами погнали в Луницкое гетто.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ ГАНЦЕВИЧИ

Накануне пасхи 1942 года, т.е. к концу марта месяца, немцы отправили 60 молодых ребят в концлагерь г. Ганцевичи, через некоторое время еще группу специалистов; в апреле месяце на праздник Шавуот всех трудоспособных мужчин до 60 лет (всего 150 человек) отправили в тот же концлагерь. Сбор был у клуба на Лаховской улице, оттуда шли пешком 18 км. до железнодорожной станции Микашевичи. Там нас загнали на скотный двор под открытым небом, а к утру погрузили в два вагона-телятника, везли до Лунинца. Здесь нас поместили в гетто,

где жили одни женщины и дети, мужчин давно погнали в неизвестном направлении и, видимо, уничтожили. Затем нас опять погнали на станцию, погрузили в товарные вагоны и повезли в Ганцевичи.

Конечно, возникает вопрос, почему же, когда вели 150 человек из «Ленина» в Микашевичи, не убрать охрану из 10 немцев и стольких же полицейских и бежать?

Здесь все ясно, с такой силой можно было уничтожить охрану и в несколько раз большую, и такие разговоры по пути следования были. Но перед нами стоял вопрос, что мы были завязаны на наших родных, которые остались в гетто, наши действия сразу принесли бы им горе. Это и есть главная причина, которая сдерживала нас от более активных действий. Мы почему-то верили, что эти мучения, выпавшие на долю еврейского народа, вскоре закончатся. Судьба же распорядилась иначе, для нас все закончилось трагично.

Концентрационный лагерь в Ганцевичах находился в старом здании гостиницы и в близлежащих домах. Внутри своими силами были сделаны трехъярусные нары, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, подосланные деревянными стружками. Лагерь снаружи был огорожен высоким деревянным забором, сверху в несколько рядов — колючая проволока. Охранялся круглосуточно полицейскими и немцами.

Хлеба давали на день по 300 гр., в обед давали по порции суповой баланды, готовилась она на кухне поваром из числа лагерников. Комендантом лагеря был еврей по фамилии Гринбаум, беженец из Польши, хорошо владевший немецким языком. Через него передавались все распоряжения и команды главарей немцев. На работу ежедневно водили под охраной; строители строили казармы, часть людей гоняли строить дорогу-греблю с деревянным настилом, группу молодых ребят, в которую входил я, водили на кирпичный завод за городом. Здесь мы на одноколесных деревянных тачках таскали глину с карьера в гору к формовочному прессу. Уставали страшно, т.к. работали полуголодные.

Все это длилось с марта по 14-ое августа 1942 года. В лагере велась работа по подготовке побега с одновременным нападением на ганцевичский гарнизон для его разгрома и захвата оружия. Все лагерники помоложе были разбиты по спискам на десятки, на каждую группу был назначен старший.

Каждый вечер после возвращения с работ немцы всех выстраивали и производили переключку. Не дай бог, кто-то не явился бы. Понятно, чем бы это могло кончиться.

Но осуществить наш план разгрома гарнизона не удалось, т.к. мы были ответственны за судьбу наших родных, оставшихся в гетто. Узнав 14 августа 1942 года к вечеру, что убили утром всех родных, оставшихся в местечке Ленин, в тот же день после возвращения с работ был совершен побег всего лагеря, так как было ясно, что в ближайшие часы либо дни фашисты возьмутся за нас, мы будем расстреляны. Бежали группами, куда глаза глядят, и, естественно, многие в первые же часы попали в руки к немцам и полицаям, многие погибли, перебегая через железную дорогу, которая усиленно охранялась. Оставшиеся в лагере люди старшего возраста (человек 60-70) были на второй день расстреляны. Изю всех

500 человек евреев Ганцевичского концлагеря, бежавших в тот день, половина погибла при разных обстоятельствах, около 300 человек спаслось, вступив в партизанские отряды. Они боролись с фашистами вместе со всеми патриотами Великой страны.

Так получилось, что, перебравшись через железную дорогу, я оказался в одной группе с Иссером Григорием, одноклассником (ныне проживающим в Израиле), его младшим братом и зятем строителя Кравца, фамилии которого не помню. Когда мы в тот период времени добежали до леса, уже стемнело, и стрельба, которая все время нас сопровождала, поутихла, мы поняли, что уже на свободе, и нам нужно добираться в леса поближе к Ленинскому району в поисках партизан, дабы присоединиться к ним, воевать и мстить фашистам за злодеяния, совершенные ими над нашими родными и всем белорусским народом.

Двигались мы лесными стежками, болотами, в основном по ночам, на рассвете заходили на хутора, окраины деревень, и люди указывали нам направление движения, давали с собой еду. На 8-ой день, дойдя до Хворостовских лесов, мы встретились с отделением партизан отряда им. Н.Т. Шиша, которые пришли с заданием к именьям Хоростово и Пузичи узнать, какие силы их охраняют с целью последующего их разгрома. Меня и Иссерса послали идти с опушки леса через поле полтора километра к этим именьям, узнать все об их охране, количестве немцев и полицаев. Все это было среди белого дня. Мы пошли, и здесь получили первое крещение; немцы и полицейские не допустили нас к имению метров за 50, открыли стрельбу — на наше счастье, т.к. могли подпустить поближе и взять живьем. Ринулись мы перебежками обратно, партизаны открыли встречный огонь, нам удалось вернуться живыми.

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД ИМ. Н.Т. ШИША

Итак, в августе месяце 1942 года я был зачислен в вышеуказанный отряд. На второй день, будучи уже ознакомлен с обстановкой в отряде, на задание по разгрому охраны и самих имений была послана целая рота, в ней и я, получивший две немецкие гранаты с деревянными ручками. Пробрались мы поближе, ударили со всех сторон по именьям. Строения, стога соломы подожгли, хлеб погрузили на подводы, скот выгнали. По дороге в партизанский отряд много раздали населению, часть скота, муки и зерна доставили в лагерь отряда, пополнив запасы продовольствия. Немцы и полицейские разбежались в панике, бросив несколько винтовок и гранат, здесь я и добыл свою первую винтовку.

В сентябре месяце 1942 года нашим партизанским отрядом, который, кстати, состоял из бывших окруженцев, солдат и офицеров Красной Армии, вырвавшихся из плена (в районах Кобрин и Бреста), было совершено нападение на крупный немецкий гарнизон в местечке «Ленин». По данным разведки, немцев и полицейских здесь было около 100 человек, 5-7 пулеметов, автоматы, винтовки и гранаты. Здесь же, на Лаховской улице, где я жил, была резиденция гебитскомиссара и его зама. Руководить этой операцией было поручено зам. командира

отряда Петру Паталаху. Для ее проведения было выделено 100 партизан. Действовали по плану бывшего председателя с/совета Чопчица, представившего в отряд данные о расположении СС, СД, полиции и гебитскомиссара. Я, как местный житель, принял активное участие в разводе подразделений к объектам фашистов.

Бой начался на рассвете по сигналу красной ракеты. Я в составе отделения Василия Тихомирова численностью в 9 человек ползком подобрался к дому на Лаховской улице, где находилась резиденция гебитскомиссара Гросмана и его помощника. Задача по их уничтожению была выполнена. Сам главарь пытался через окно выпрыгнуть во двор, но тут же был подстрелен. Затем я перескочил через забор в соседний двор, где жила семья Чопчиц Сидора, их невестка Лидия Степановна преподавала нам в школе русский язык и литературу. Вся семья спряталась от стрельбы. Увидев меня, они пришли в замешательство, потому что считали меня давно погибшим. Я спросил, знают ли они, где находится зам. гебитскомиссара. Они ответили, что вчера он уезжал в воеводский центр, в Ганцевичи, а вернулся или нет — не знают. Оказалось, что помощник, так называемый «бельгийский немец», здоровый, высокого роста, спрятался в спальне под кроватью. Вскочив через окно в дом, из полуавтоматической винтовки прочесал комнаты и тут заметил, как из-под кровати с пистолетом в руке вылезает здоровый немец. Я мигом подскочил, ногой выбил у него пистолет. Схватились мы с ним в рукопашную, и с помощью вбежавшего Василия Тихомирова мне удалось его уложить. Кстати, Чопчиц и его жена сегодня живут в г. Гродно.

Остальные партизаны нашего отделения в это время занимались погрузкой на подводы награбленного этими палачами имущества, а также оружия и боеприпасов. В результате боя, который длился до 10 часов утра, было убито 3 офицера, 12 полицейских, гебитскомиссар и его помощник, остальные разбежались.

Итогом этой операции было освобождение 30-ти евреев — специалистов, ремесленников, которых немцы оставили в живых для своего обслуживания, уничтожены были все немецкие объекты и учреждения.

Итак, воевал я в этом партизанском отряде с августа месяца 1942 года по апрель месяц 1944 года — до соединения с наступающими частями Красной Армии. После соединения нашего партизанского соединения Тинщины с Красной Армией я добровольно вступил в её ряды, где воевал на фронтах до Дня Победы 9-ого мая 1945 года.

При взятии гор. Риги в октябре 1944 года был тяжело ранен, лечился в разных госпиталях 5 месяцев до полного выздоровления. И опять на фронт, в марте месяце 45-го года попал на 3 Украинский фронт и с 22-го апреля со своей 20-ой дивизией участвовал 19 дней в штурме и взятии Берлина 2-го мая 1945 года.

После Великой Победы дослуживал в армии по годам и был демобилизован из её рядов в феврале месяце 1947 года.

Награжден 22 орденами и медалями, в том числе и двумя медалями государства Израиль.

ГЕТТО ЛУЧИНЕЦ

Вольдман (Портная) Мария

1925 года рождения, родилась в Сниткове Мур-Кириловского района Винницкой области.

В 1927 году мои родители переехали в Херсонскую область. В 1932 году переехали в город Бар Винницкой области, в 1932 году мой отец умер от брюшного тифа. Мать осталась с 2-мя детьми. До войны мы жили с мамой и сестричкой в очень тяжелых материальных условиях. Эвакуироваться мы не смогли из-за болезни сестрички и матери-

альных условий. Немцы пришли к нам 16 мая 1941 года. Мы прятались, где могли, особенно оберегала мама меня, очень за меня переживала.

Я помню, было уже холодно, нас выгнали из наших домов и поселили за городом в гетто. Этот участок был огражден колючей проволокой, и были ворота, через которые нас гоняли на работу и обратно. На воротах дежурил шущман, и, если кто не возвратился вовремя, он приказывал вытягивать руки и шомполом бил до тех пор, пока руки не превращались в подушки. Мы работали на поле в еврейском колхозе. Зимой мы работали в шущкамендатуре на разных работах. 19 августа 1942 года на рассвете нас стали выгонять из квартир и всех собрали на стадионе. Началась страшная бойня, отбирали отдельно мужчин молодых.

Меня оторвали от мамы с сестричкой и погнали в сторону, а затем за город, там были брошенные казармы, где нас держали трое суток, а потом ночью погрузили на машины и увезли. Три дня пытки без еды, без воды. Утром мы приехали на место. Это были старые бараки с трехэтажными нарами. Нары были покрыты соломой, которая шевелилась от нечисти, которая там кишела. Вокруг было проволочное ограждение, и немцы с огромными овчарками шныряли везде. Потом мы узнали, что это село Якушенцы возле Винницы. Работали мы на шоссе на дороге, которую прокладывали от Каменец-Подольска на Киев. Кормили дохлой кониной и чем попало. В лагере я долго не задержалась и убежала одна. Как это получилось, по сей день мне это непонятно. Как я добиралась обратно, я тоже не могу объяснить: через лес, через поля, незнакомые места.

Спала в поле, ела неизвестно что, но через два дня я оказалась на окраине города Бара, на территории колхоза, где я работала. Там я встретила людей, и они мне рассказали обо всем случившемся. О том, что мою маму и сестричку и ещё 300 ев-

реев убили в тот день, когда нас собрали на стадионе. Никто не плакал по погибшим, все им завидовали, что они уже прошли этот этап, а нам это еще предстоит.

С этими людьми, которых я встретила в колхозе, я пошла обратно в гетто и решила: что будет со всеми, то будет и со мной. Где я жила, что ела — этот отрезок времени совершенно выпал из памяти.

Помню, я как-то шла по улице гетто и встретила группу людей, которых гнали откуда-то. Один из них подозвал меня и спросил, не дочь ли я Портного (я очень похожа на своего отца). Я ответила, что да, и он мне сказал, что он из тех мест, где когда-то жил мой отец с матерью и что он знал всю нашу родню.

Случилось так, что я встретила свою соседку по нашему дому. Она меня пригласила помочь ей копать картошку. На другой день я после работы пошла к ней, чтобы переночевать, а утром поехать с ними в поле. Когда вечером я сидела на сундуке с её дочкой, моей ровесницей, к ним пришел их знакомый, который работал кучером у коменданта. Он рассказал хозяйке о том, что он сегодня ездил с немцами подбирать место для убийства остальных евреев — после первого погрома оставили ремесленников. Вот их и собирались завтра убивать. После того, как он ушел, я очень плакала, не знала, что мне делать. И тогда они мне в своем сарае, где было сено, сделали нору. И я там ночевала, а они знали, что если у них найдут еврея, их убьют. Они мне сказали, что всё неправда, и я могу пойти на работу в колхоз, что они сегодня не будут копать картошку. Я пошла, но возле колхоза появился наш знакомый, который, наверно, прятался на территории и который сказал мне, чтобы я удирала, что будет погром, и скрылся. Потом я узнала, что у него там был секрет, в который он меня не мог взять, но спасибо, что предупредил. Я не знала, куда мне деться, и пошла обратно к моей знакомой. Она мне сказала что боится за свою семью и держать меня у себя не может, чтобы я пошла за завод, там часто переходят границу.

Дело в том, что за заводом проходила речушка, которая служила границей между немцами и румынами. Получилось так, что город Бар был у немцев, а станция Бар — у румын.

Я пошла за завод, стала возле речушки и не знала, где мелко, чтобы перейти её. На станции жили кацапы. Они узнали, что в городе погром, и бросились в город с большими мешками, чтобы грабить. Я увидела, где они переходят речку, и пошла им навстречу. Так я оказалась на станции, на румынской стороне. О том, что мой дядя и брат были в Лученцах, я знала и начала расспрашивать, как туда добраться. Мне указали сёла, через которые я должна была пройти, и я пошла. В Лученцах я встретила своих и с ними была в Тульчине. Там мы копали торф по колени в воде, а если надзирателям становилось скучно, нас выгоняли наверх, ставили в строй, и каждый получал по три-четыре шомпола, затем загоняли обратно. Ели мы ту же дохлую конину и лепешку из кочанов кукурузы.

В таких условиях мы прожили лето, а осенью нас целую ночь продержали в сарае и били, а утром погрузили в телятники и отправили в Могилев. Здесь мой брат заболел тифом, а меня отправили обратно в Лученцы, где я дожила до освобождения 19 марта 1944 года.

Гонта (Токарь) Роза

Мне тогда было всего пять лет, естественно, я была вместе с мамой, сестрой и братиком. Он был грудным ребенком. В гетто мы находились с 1941 года по 1944 год. Когда немцы оккупировали наше село, первое, что они сделали, собрали всех евреев в центре села и прочитали приказ: «Все лица еврейской национальности обязаны носить повязку с еврейской звездой». Этот знак надо было носить на спине, груди и руке. Всем пришлось на черном материале

желтыми нитками вышить еврейскую шестиконечную звезду. Это нужно было для того, чтобы нас можно было выделить, ибо нас за нормальных людей не считали. Нас выгнали из нашего дома, все забрали, даже ключи. Нас определили всех с другими евреями. Спали на полу, прижимаясь друг к другу. Тряпками, которые были у нас, старались укрыть маленького братика. Маму, как и всех, погнали на сельхозработы, а мы, дети, шли вместе с ней, боялись остаться одни, ибо были очень голодные, а также боялись, что мама наша не вернется домой.

Евреев истязали за малейший невыполненный приказ. Помню, мама пошла на работу, спешила, ведь с нею дети, она забыла надеть на руку повязку, а везде одела. Когда же возвращалась домой, ее за это начали бить резиновой дубинкой. Я прижалась к ней, мне было больно, что маму бьют. Мне тоже досталось.

Кушать было нечего, питались крапивой, картофельными очистками — и то был праздник, когда нам их дарили. Хлеба вообще не было. Украинские крестьяне, которые работали на своих участках, очень жалели нас. И находясь недалеко от нас, подкармливали, боясь наказания, ибо за нами наблюдали надзиратели. Я была очень опухшая, ходила босиком до глубокой осени. Из пятки сочилась кровь. Все говорили моей маме, что твоя Роза скоро умрет. Были дни, что вообще не было еды и пили целый день кипяток. Наверное, Богу было угодно подарить мне жизнь, и я выжила. Еще хорошо запомнился такой случай. Немец хотел забрать мою сестру. Она была очень красивая, ей было 16 лет. И тут мама начала его просить не трогать ее, я очень плакала, и чудом сестре удалось убежать. От злости он наставил на маму и меня винтовку и готов был нас убить. Но, наверное, тоже произошло еврейское чудо, немецкий офицер срочно позвал его, и мы остались живы.

Разве можно на бумаге изложить все муки ада, которые нам пришлось пройти. И только в марте 1944 года нас Красная Армия освободила. От счастья все люди плакали, обнимались. И слава Богу, что мои дети и внуки знают это только от меня. И дай Бог, чтобы эта черная чума не повторилась никогда.

ГЕТТО МАРКУЛЕШТИ

Фридман Александр

Малолетний узник гетто, 1932 года рождения. Родился в г.Единцы МССР. В июне месяце 1941 года у нас гостили моя тетья и дядя с детьми из поселка Маркулешты. В начале июля они собрались ехать домой, и я тоже поехал погостить к ним. И тут объявили войну, и начали всех евреев собирать около старой румынской тюрьмы. Евреев там жило очень много. К концу месяца собрали всех евреев из этого поселка и окружающих городов и сел. Так начались наши

муки. Каждый день нас гнали на работу на каменный карьер, огороды, и много других работ они заставляли нас делать. Для меня все это продолжалось до августа 1942 года. Мой дядя устроил мне и еще одному мальчику побег. И мы с ним много месяцев пробирались мимо городов и поселков. Так продолжалось до января 1943 года. Нашим мучениям и голоду не было предела.

Мы часто вспоминали это гетто в Маркулештах. Там был один староста по имени Мендель, который все доносил немцам, что было и чего не было. В 1943 году мы находились больше месяца в г.Сталинграде. Оттуда после освобождения отправили поездом в Алтайский край — г.Бийск. Потом нам снова люди помогли и отправили в райцентр в Марушенскую больницу, потому что мы заболели тифом. Через месяц друг мой умер, а меня отправили в детдом. Там же помогли найти моих родных. В 1944 году в Средней Азии я нашел своих маму и брата. Лишь в 1944 году мы вернулись на родину, в г. Единцы МССР.

Дома нашего не было — его разбомбили. Мы уехали в Бельцы, где прожили до 1990 года, пока не уехали в Израиль. Я один из немногих узников, которым не удалось получить ренту и пицуим из Германии.

МИНСКОЕ ГЕТТО

С первых дней захвата города Минска (27.06.41 года) было отведено место для гетто. Все евреи, согласно распоряжению немецкой комендатуры, должны были переселиться туда. 7 ноября 1941 года прошла первая волна расстрелов, а 2 марта 1942 года — вторая. Погибло свыше 5 тысяч человек. Все были зарыты в общей могиле на Юбилейной площади города Минска. В мае немцы решили расправиться с оставшимися в живых, но в Тростянце, подальше от Минска.

Верницкий Арон

Проходят годы, но память моя сохранила суровые испытания, что уготовила мне жизнь в детские годы.

В 1941 г мне, еврейскому мальчику, было всего 5 лет, и было всё у меня — мама, папа, сестра, родственники.

Родился я 21 июня 1936 г в еврейской семье, в Минске, Белоруссия. Отец — Давыд Аронович Верницкий, 1905 г.р., по специальности инженер; мама — Сара Абрамовна Верницкая (в дев. Банковская), 1907 г.р., по специальности учительница; старшая сестра — Маша Верницкая.

21 июня 1941 г отмечали мой день рождения, мой последний праздник и последний день моего счастливого и беззаботного детства. На рассвете 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, которая сразу пришла в наш дом. В первые же дни войны немецкие фашисты бомбили Минск. Весь город был в огне и дыму, горели дома, сгорел и дом, где мы жили. Мы переселились к родственникам. Моего папу забрали на фронт, и вскоре пришла весть о его гибели. Я же вместе с мамой и старшей сестрой оказались в оккупации.

27 июня 1941г. немцы вошли в Минск, и сразу был введён новый порядок, новый уклад жизни. А чуть позже образовано Минское гетто. С каждым днём жизнь становилась тревожнее, опаснее и голоднее. Оказавшись в гетто под властью фашистов, мама и сестра работали как подсобные рабочие у немцев, в частности, в немецкой солдатской столовой. Но была в этом и доля удачи. В этой

столовой работал один немецкий повар, который помогал нам выжить, помогая продуктами питания. К сожалению, я не помню имени и подробностей об этом человеке, но благодаря ему участь первых погромов для нас была отсрочена.

Однако вскоре после Нового, 1942 года, немецкого повара отправили на другое место службы. И когда 2 марта 1942 г произошёл второй массовый расстрел евреев, то на этот раз мы не смогли избежать печальной участи. Во время облавы мама услышала шаги, топот немецких сапог во дворе дома, где мы проживали. Мама и сестра понимали, что это уже и за нами пришли. В мою куртку мама зашила медальон с моими данными. Вместе с другими людьми еврейской национальности нас согнали в колонну и повели. Куда нас гнали, никто не знал, но никто не питал иллюзий. Я спрашивал у мамы: «Куда нас ведут?» А она, украдкой вытирая слёзы, прижимала меня к себе и говорила, что все будет хорошо, чтобы я не боялся и помнил о медальоне. Когда мы все оказались у кромки рва, выстрелы не заставили себя ждать. При первых же выстрелах мама толкнула меня вниз, в ров. Я упал и потерял сознание, ударившись, по всей видимости, головой. Сколько времени я пролежал под трупами, я не знаю.

Но когда пришёл в сознание, это был поздний вечер, я, видимо, начал плакать, и мои всхлипы слышала пожилая женщина. Она искала то ли своих родственников, то ли знакомых. Она и вытащила меня из-под трупов, привела в какое-то село, но в дом меня не пустила, так как узнала, что я еврейский мальчик. Она спрятала меня в сарае. Через некоторое время она дала мне хлеба, картошки и сказала, чтобы я уходил в лес, так как здесь немцы и полицаи, и из-за меня её могут расстрелять. Так началась моя бродячая жизнь.

Шестилетним ребенком я скитался, укрываясь в лесу, прячась в сараях, скирдах сена, курятниках, воровал картошку, кур, находясь в постоянном страхе, избегая как немцев, полицаев, так и простых селян. Не раз селяне, к которым я залазил в огороды, сараи, ловили, били и прогоняли меня. Одним словом, многое пришлось испытать и пережить.

Мне повезло, спустя некоторое время после начала моих скитаний я встретил в лесу такого же сироту, русского мальчика Мишу, которому было лет 12-13. Мы стали скитаться вместе, держась друг друга, и Миша стал для меня старшим братом. Что только нам ни приходилось есть: собирали колоски, картофель, свеклу, ловили птиц, ели мясо убитых коров и лошадей. Наступали холода, и выживать становилось все тяжелее. Обессиленные, голодные, завшивленные, мы наверняка бы погибли, не пережили зиму, если бы одной холодной декабрьской ночью 1943 года нас не обнаружили. Это были солдаты роты связи 75-й Гвардейской стрелковой дивизии, которые брали сено для лошадей и в одном стогу нашли нас. Привели в часть и в первую очередь отмывали в больших солдатских котлах. Всю одежду сожгли, постригли наголо, потому что были настолько завшивлены, что волосы были покрыты, как воском, накормили, переодели. Началась новая жизнь.

Мне и Мише «светила» отправка в тыл, в детский дом. Но для меня это могло означать смерть, так как был я очень слаб и не смог бы постоять за себя, бороться за кусок хлеба при тогдашних, далеко не дружеских нравах, царивших в детских домах, когда выживали сильнейшие. Да и помывка в бане вместе с другими мальчишками

ничего хорошего не сулила бы мне, еврейскому мальчику. На мое счастье, мы с Мишей остались при части, в роте связи. И с января 1944 года мы с Мишей стали воспитанниками дивизии.

Оба получили обмундирование, перешитое из солдатской одежды, окружили нас заботой и любовью, относились к нам, как своим сыновьям, ведь у многих остались семьи, дети за линией фронта, в тылу. Мы же, в свою очередь, старались, чем могли, тем и помогали. Были посыльными, носили еду и чай в окопы, помогали восстанавливать связь, крутили бинты в медсанбате, чистили снаряды, работали на кухне, все в меру своих возможностей.

Мне повезло, что в дивизии, в командном составе служило много офицеров еврейской национальности, которые понимали, что могло бы ждать меня «на воле». Так особую заботу и внимание оказали начальник политотдела дивизии Борис Пакин, инструктор политотдела Борис Мильнер и многие другие.

В перерывах между боями меня учили читать и писать, ведь я был неграмотный. Учебников, тетрадей не было. Учили по газетам, на газетах и писал.

Война катилась на запад. Белоруссия, Прибалтика, Польша. В одном из боев на польской земле в январе 1945 года погиб Миша. Немецкий снаряд угодил в блиндаж, в котором находились бойцы, и среди них был Миша. Я находился снаружи блиндажа, что и спасло меня. Я отделался контузией, на время потеряв слух и зрение.

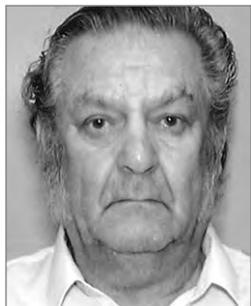
А потом была Германия, уличные жестокие бои в апреле. Долгожданная Победа, Знамя Победы над рейхстагом и моя надпись, сделанная корявым детским почерком на стене здания рейхстага: «Мама, мы отомстили!». 24 июня 1945 года мне довелось издали наблюдать Парад Победы на Красной площади со своими однополчанами. 20 июля 1945 года приказом по дивизии меня зачислили воспитанником музыкального взвода дивизии, и одновременно я учился в дневной школе.

В 1949 году меня направили учиться в Воронежское военное музыкальное училище, которое окончил в 1953 году. В 1956 по состоянию здоровья меня демобилизовали из армии, и я был направлен на постоянное жительство в Крым.

Свою трудовую деятельность в Крыму начал отрядным вожатым пионерского лагеря «Артек». Позже был направлен в Ленинский район Крыма, где работал старшим вожатым районной школы, с 1958 года — директором районного Дома пионеров и школьников.

Шли годы, налаживалась мирная жизнь. Продолжая работать, я учился, повышал квалификацию в сфере организации работы с детьми, организации отдыха и досуга, в том числе, по оздоровлению детей и взрослых. С 1962 года был назначен начальником районного пионерского лагеря, с 1977 года — директором семейного пансионата, где работал до 1997 года, до репатриации в Израиль.

Имею удостоверение участника боевых действий, награды, медали, в том числе — орден Отечественной войны 2-й степени, удостоверение и медаль борца с нацизмом и статус ветерана 2-й мировой войны, удостоверение малолетнего узника гетто. Приказом по дивизии и Советом ветеранов В.О.В. занесен в летопись дивизии как сын дивизии. Прошел боевой путь с 75-й Гвардейской Бахмачской дважды Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии от Минска до Берлина.

Галерштейн Лев

Родился в Белоруссии в городе Минске в 1903 г.

До начала В.О.В. проживал в этом городе вместе со своими родителями, сестрой Соней, 1925 года рождения, и братом Давидом, 1933 года рождения.

Семья у меня была простая. Отец — кузнец, мать — домохозяйка.

До занятия Минска немцами эвакуироваться мы не успели и остались в осажденном городе. Отец мой погиб сразу же через несколько дней после прихода немцев, а я, мама, сестра, брат, бабушка и многочисленные родственники попали в гетто. Мне на тот момент было 10 с половиной лет, но все ужасы и страхи до сих пор живут в моей памяти.

О некоторых эпизодах из этой жизни я хочу рассказать.

С июня месяца по ноябрь месяц 1942 года было переселение евреев на территорию гетто.

Первый погром, в который я попал, пришелся на октябрьские праздники. Маму с сестрой и братом я спрятал на чердаке дома, в котором мы жили, а сам попал в этот погром, т.к. мне пришлось нести маленькую двоюродную сестру, ей было 5 месяцев. Но все-таки мне удалось убежать. Я шел в конце колонны, нас охраняли литовцы, и я предложил одному из них золотые вещи.

Люди, которые шли на расстрел, отдавали мне кольца, часы, кто что имел. Я отдал все ему, он ударил меня прикладом винтовки, и я остался лежать на земле, пока не прошла вся колонна. Потом я вернулся в гетто.

Когда погром кончился, я забрал маму, сестру и брата и мы вернулись домой.

Я ходил вместе с мамой на работу, на тачках подвозил песок, приходилось ходить в «русский» район и менять какие-то вещи на еду.

В один из таких походов меня поймали дети полицейских — это было зимой, был сильный мороз. Они меня затолкали в мусорный ящик, обмочили и часа полтора продержали в этом ящике мокрого. Потом, когда они разошлись, я опять убежал в гетто, но еду они у меня отобрали.

Следующий погром был в январе месяце. В этот погром вели людей на расстрел. Была вырыта большая яма, а вокруг стояли голые люди, и их из автомата расстреляли.

Я не раздевался, скатился в эту яму и оказался под трупами, так я пролежал до ночи. Ночью немцы, полицейские ходили и достреливали тех людей, которые еще были живы.

На рассвете они разошлись, я и еще один мальчик выбрались из ямы и решили убежать в лес, но так как в гетто остались мама, сестра и брат, я решил вернуться туда.

Когда я вернулся в гетто, то младшего братика уже не было. Он с кем-то ушел, и больше мы его не видели. Сестра настаивала уйти в партизаны, но т.к. не было связных, то я сказал, что идти пока некуда. Она меня не послушалась и на рас-

свете вышла из гетто, пошла в «русский» район, и там начался обстрел, больше мы её не видели. Остались мы с мамой вдвоём. Потом я заболел тифом и попал в больницу, которая находилась на территории гетто. Мне непонятно до сих пор, что там со мной произошло. Врач, немецкая женщина, выхаживала меня, подкармливала в то время, когда больные умирали с голоду. Так я выжил в третий раз. Можно много рассказывать, это все хранится в памяти, но трудно переживать все это заново.

Был еще случай, когда нас везли на немецкой грузовой машине, кузов был закрыт плотно брезентом. Туда они впустили отработанный газ, чтобы люди задохнулись, и опять меня кто-то вытолкнул из машины, так как я сидел у борта.

Это самые страшные эпизоды, а если описывать все подряд, что с нами происходило, не хватит сил и здоровья.

В результате мне с мамой удалось бежать в партизаны. Там было много всяких случаев, когда нас хотели уничтожить, но уже свои люди — полицейские.

Но все же мы выжили.

Мы попали в партизанский отряд, которым руководил Зорин.

Там мы ходили в разведку, сено косили для партизанских лошадей, дрова пилили, в общем, выполняли всю работу только для того, чтобы выжить. Там мы находились до прихода Советской Армии.

Клеорин Михаил

Родился 28-го августа 1929 в городе Минске, Беларуссия, где и проживал вместе с родителями.

22 июня 1941 началась Великая Отечественная война. По указанию немецкого коменданта города Минска все лица еврейской национальности должны были находиться в специальных районах города Минска. Этот указ находится в музее Великой Отечественной войны города Минска.

В гетто находился с 20 июля 1941 по май 1943. Лагерь был обнесен колючей проволокой, по которой проходил ток.

В ноябре 1941 года был сильный погром, и после этого кошмара я остался с отцом, мать, брат и сестра погибли. На протяжении всего времени продолжались погромы.

2-го марта 1942 года был очередной большой погром, в котором погибло свыше 5 тысяч человек, в том числе и мой отец. Все они были зарыты в общей яме, которая находится на Юбилейной площади города Минска. В настоящее время на этом месте воздвигнут памятник.

Таким образом, я остался один. Пытался много раз бежать: ловили, травили собаками, избивали и возвращали назад в гетто.

7 мая 1943 года нас загрузили в машину «душегубку» и повезли на расстрел в Тростянец под Минском.

Там уже были приготовлены ямы.

Нам приказали раздеться и стать на краю ямы, началась стрельба. Я упал в яму, но по счастливой случайности остался жив. Поздно ночью, когда закончилась стрельба, я очнулся в груде трупов, выбрался с трудом из ямы и пустился бежать. По дороге встретил еще несколько подростков, уцелевших от расстрела. От людей мы узнали, что где-то рядом находились партизанские отряды. Мы попали в один из них.

Это был 106-ой отдельно действующий отряд, состоящий из 2-х групп — боевой и семейной. Командиром отряда был С.М Зорин. Этот отряд находился на территории Ивенецко-Налибоцкой пуци в Барановической области. В обязанности отряда входил вывод людей из гетто и участие в боевых операциях.

После освобождения Белоруссии и гор. Минска от немецко-фашистских захватчиков я вместе с отрядом вернулся в гор Минск.

Палес Семен

Родился 24 марта 1935 года в Белорусской ССР.

Три года я воспитывался дома под присмотром мамы, бабушки с папиной стороны. Напротив нашего дома был детский сад. Туда меня родители и отдали. Утром, я помню, как с одной калитки выходил, осмотрюсь — и бегом через дорогу в комнатку детского сада. Там мне было весело и хорошо, я забывал обо всем. Так прошло мое довоенное детство. Первые счастливые шесть лет. А потом начался этот кошмар в Минском гетто.

Когда началась война, Минск одним из первых городов попал под бомбовый удар. В Белоруссии ожидали прибытия вагонов с зерном, но из этих вагонов высадились отборные войска СС, отборные головорезы. Они были до зубов вооружены. Они сразу начали стрелять из пулеметов и автоматов. Это было так внезапно, что в течение дня они практически заняли весь город.

Часть людей успела убежать, но большинство людей осталось в Минске. Многие из тех, кто бежал, вынуждены были возвратиться.

Немцы тут же стали устанавливать свои порядки. Взались сразу за еврейское население. Начали создавать территорию для гетто. Высылали русских, татар, белорусов с Юбилейной площади, с улицы Танковой, Республиканской и с перулков. Эту территорию обносят колючей проволокой, а евреев с этой территории вначале переселяли к еврейскому кладбищу, а после по специальностям отбирали и отправляли под Минск. Часть отправили в 1-ю клиническую больницу в Минске, куда я с родителями и попал. Там мы пробыли недолго, точно не могу сказать, так как уже не помню. Родители там работали. И только когда была готова территория гетто, нас всех туда собрали со всех мест Минска. Разместили так, что всем было очень тесно. Деревянные одноэтажные и двухэтажные дома были забиты людьми. Начались болезни.

Одновременно надо было придумать, как построить малины (так назывались места, где мы прятались во время облав и погромов). В тех домах, где были русские печки, погреба, чердаки, делали в стенах шкафы и т.д. Конечно, чтобы понять это, надо видеть своими глазами.

Потом немцы пропустили электрический ток через проволочное ограждение, и тогда с едой стало совсем плохо. До этого люди могли свои вещи поменять хоть на какую-то еду. На территории Юбилейного рынка были построены виселицы. В гетто была биржа труда, полиция. За городом Минском была выстроена печь, в которой сжигали людей. Часто к бирже труда подъезжали 2-3 машины, загоняли туда людей и везли, а в машинах пускали отравляющий газ. А затем сжигали трупы. Это место называется Тростянец. Там сейчас стоит памятник, правда, не на том месте, а в стороне.

Теперь немного расскажу о погромах. Всегда погром начинался внезапно. Завывание сирены. Немцы спускали собак, специально обученных, и начинали

стрелять по всем, кто попадался на улицах. Кроме того, ходили по домам и, кто не успевал спрятаться, был или убит, или растерзан собакой, или посажен в машину и отвезен в Тростянец, где и был сожжен.

Самый страшный погром произошел, когда люди живыми были сброшены в яму, расстреляны из пулеметов и автоматов. Их засыпали почти живыми. В расстреле принимали участие полицаи и немцы. Я этот расстрел видел своими глазами.

После освобождения Белоруссии и Минска 3 летчика — Герои Советского Союза, и население Белоруссии внесли средства, кто сколько мог, и установили памятник. Затем с помощью правительства Белоруссии позже был установлен другой, очень красивый памятник.

Облавы — это почти то же, что и погром. Только здесь принимало участие больше полицейских, которые зачастую зверствовали больше, чем немцы. Особенно доставалось женщинам и детям, потому что большинство мужчин были с утра на работе. Когда вешали людей, причастных к партизанам, тогда всех сгоняли посмотреть, а кто сопротивлялся, избивали или убивали. Для них не было важно, женщина это или ребенок. На человека вешали вывеску: за связь с партизанами, и набрасывали петлю. Читали приказ и тут же вешали. Приказ обычно заканчивался такими словами: такая участь ждет каждого, кто будет помогать партизанам.

В апреле 1943 года отец поднял нас рано утром и сказал, что нам надо троим быть у биржи труда, а было 6 часов утра. Там была выстроена колонна — 50-60 человек. Она двинулась в сторону 2-го кирпичного завода. Охраняемую полицейскими колонну свободно выпустили из города. Мы прошли поле и лес. Нам сказали, что нас должен в лесу ждать проводник. Но оказалось, что нашего проводника убили, а в лесу была засада. По колонне был открыт огонь из пулеметов и автоматов. Все бросились врассыпную, кто куда, многих убили. Мы с родными потеряли друг друга. Я свалился в воронку, оставшуюся от взрыва бомбы, в ней я провел весь день и ночь. Утром стало тихо, я почти целый день пытался выбраться из ямы, но не получалось... Наконец получилось, я дождался сумерек и выбрался из лесу. Было темно, но вдруг я увидел свет недалеко от леса. Подошел — и вижу хату, где в маленьком окне горит керосиновая лампа. Я подобрался к окну и заглянул внутрь. Увидел там нашего соседа и еще одного мужчину. Тогда я смело постучал в окно. Заметил, как они схватились за оружие, а хозяйка открыла дверь. К счастью, сосед наш Янкель Думский узнал меня и закричал: «Да это ж Сема!» Я был весь грязный, хозяйка меня помыла, передела, накормила. Я рассказал им обо всем, что случилось. И утром мы ушли в отряд Пархоменко, где я пробыл до 1944 года. В мае 1944 года я попал в отряд имени Зорина в Налибоцкой пуще Ивенецкого района.

Нашел меня отец, когда он шел с задания и остановился на привал. Так нас вновь свела судьба. Родные считали меня погибшим, и я был уверен, что они все тоже погибли.

Партизанский отряд Пархоменко — это был боевой отряд, который выполнял самые сложные, ответственные задания центра партизанского движения. В этом отряде я был пастушонком. Пас коров — а их было пятеро, все делал, чтобы 20

коней были всегда в строю. Меня все взрослые любили. Возвращаясь с боевого задания, они всегда приносили гостинец — то конфету, то кусочек сахара и т.д. В отряде Пархоменко я пережил блокаду, когда 2-е суток пришлось просидеть по горло в болоте. Немцы окончательно хотели разделаться с партизанами. Партизаны им очень-очень мешали как в тылу, так и на фронте. Даже во время блокады боевые группы отряда Пархоменко были на заданиях далеко от отряда. Этот отряд нападал и громил целые немецкие гарнизоны, ну, а рельсовая война была их первейшей работой.

В этом отряде я пробыл до апреля 1944 года. В апреле группа подрывников возвращалась с задания и в отряде Пархоменко сделала привал. В этой группе и оказался мой отец. Я шел по партизанской целине, смотрю — идут люди, и вдруг слышу: «Сема!» Оглядываюсь — и вижу отца, я бросился к нему. Можете себе представить, какая это была встреча. Эта радостная весть пронеслась по всему отряду, все пришли нас поздравить. Через несколько часов мы покинули отряд Пархоменко, а еще через 4 часа я встретился с сестрой. Я пробыл у Зорина 1,5 месяца до освобождения Минска. Там же поступил в школу, где одна тетрадь и один карандаш были на пять человек.

После освобождения Минска я поступил в 1 класс. Моей учительницей оказалась та, которая учила нас в партизанах. Проучился я 2 недели, и меня перевели во второй класс. По окончании средней школы поступил в Политехнический институт на ПГС, вечернее отделение, и одновременно работал на стройках города Минска до 1990 года. 7 июня 1990 года мы покинули Советский Союз и улетели из Киева в Израиль.

Я хочу пожелать моим детям, будущим внукам и всей молодежи, чтобы она никогда не знала, что такое война. Чтобы им никогда не пришлось пережить все те унижения, трудности, издевательства, ужасы, которые пришлось перенести всему европейскому народу, который находился под немецкой оккупацией.

Желаю вам проявлять побольше уважения друг к другу, заботы, оказывать помощь, побольше доброты, сердечности. Всегда отзываться на любой зов о помощи, и тогда вам всегда будет светить солнце и небо.

Третьякова Ася

Родилась в 1918 году в городе Минске в Белоруссии в рабочей семье. Отец, Казакевич Моисей Ерохмеевич, был по специальности военным портным и работал в воинской части. Мама работала портнихой-модельером и обслуживала артистов оперного театра в Минске.

В семье было шестеро детей. Когда началась война, мой старший брат, 1914 года рождения, был кадровым военным в чине майора, а два брата-близнеца служили в армии. Нас было 3 сестры. Остались мы с родителями. Минск стали бомбить в первые дни войны, и мы с маленькими детьми ушли из дома, но ушли в какую-то деревню и вернулись домой, ибо нас остановили немцы.

Они гнали нас обратно, благо нашу квартиру охраняли соседи.

В июне был взят Минск, и в августе 1941 года немцы стали выгонять всех евреев и согнали в гетто.

В августе был первый погром, в котором был убит отец, в феврале 1942 года в душегубке была удушена моя сестра, 1916 года рождения, с двумя детьми — 5 и 2 лет.

2 марта 1942 года в страшном погроме была расстреляна моя мама, и прах ее покоится в так называемой «яме», а это была действительно яма, в которую сливали фекалии из туалетов и все отходы: краску, обои и всякое дерьмо, ибо напротив «ямы» находилась обойная фабрика.

Я, чудом уцелевшая в этом страшном погроме 2 марта 1942, была с 3-летним сыном. Мы были спрятаны в погребе, заваленном мусором, и к вечеру, когда кончился этот кошмар, выжившие наши родственники вытащили нас из этого погреба. Жили мы рядом с этой «ямой». Из ямы раздавались крики и стоны недострелянных людей. Уже была ночь, и некоторые из этой ямы спаслись, ибо она еще была не закопана. Я жила по чужому паспорту, который принесла мне в гетто, пока оно еще не было окружено колючей проволокой, наша соседка, с которой мы жили долгие годы дружно. Паспорт был ее убитой дочери, к сожалению, их уже давно нет в живых. Этот паспорт практически спас мне жизнь.

Я родилась блондинкой, и мой сын был блондином, мы прекрасно знали русский и белорусский язык. А для немцев это было главным фактором: блондин — значит не «юда».

После страшного погрома 2 марта 1942 года я с помощью родственников решила совершить побег, имея русский паспорт. 22 июня 1942 года мой дядя со своим братом шли в рабочей колонне на работу без конвоя. Они специально шли в последнем ряду, сняли чуть пристегнутые желтые «леты» и пошли на встречу с довоенной подругой Людмилы Магуленко, которая жила до войны в районе гетто.

Там нас прятали сутки в сарае, а на утро следующего дня меня проводили за город, где можно было дойти до белорусских деревень. Наконец, с мозолями на

ногах, уставшие и измученные, добрались до поля, на котором работали женщины и дети. Мужчин не было. Мы к ним подошли, они спросили, кто мы и откуда, я сказала, что в городе дом сгорел от бомбежки.

Они мне предложили остаться работать, и я, конечно же, сразу согласилась. Они нас накормили. Там я пасла коров, убирала на полях урожай, делала возможное и невозможное для женщины, лишь бы я смогла спасти от голода сына, хотя у них самих было не густо. Но жила под постоянным страхом, сын, как увидит немца, сразу начинал плакать, а это было очень страшно.

И так я работала в деревне до апреля 1944 года и работала бы дальше. Но вдруг в один из дней апреля 1944 года немцы окружили деревню и всех без исключения, и взрослых и детей, погрузили в товарные вагоны, устланные соломой. Мы думали, что нас везут на расстрел, а нас увезли в Германию на принудительные работы. Если бы немцы знали, что везут в Германию женщину-еврейку и еще с сыном, можно себе представить, какую расправу над нами устроили.

Нас привезли в Германию. В этот же день пригнали ночью в деревню, где была фабрика. Там из боксита (такой песок) плавился металл. Жара невыносимая, разгружали вагоны с бокситом, отделяли железо от песка. Об окончании войны мы узнали рано утром на этой же фабрике, и 22 апреля 1945 года были освобождены союзными войсками. После этого мы были переданы советским властям, и 1 сентября 1945 года нас увезли на родину, в Минск.

До приезда из Германии оставшиеся в живых родственники и друзья считали нас погибшими.

ГЕТТО МОГИЛЁВ

Казарновская (Кредо) Зинаида

Родилась и до Великой Отечественной войны жила в Белоруссии, в городе Могилёв. Эвакуироваться не успели, поэтому, когда город заняли немцы, мы жили там же.

Когда начались первые облавы, гестаповцы забрали моих родителей и 2-х сестёр. Родителям и одной сестре удалось каким-то образом убежать, а старшую сестру расстреляли.

Жить дома мы уже не могли, так как боялись, что нас выдадут соседи. Жили в пустующих домах, часто меняя их, но это не спасло. Через какое-то время снова начались облавы, нас согнали в гетто. Нужно было нашить на одежду желтые Звезды Давида, и за территорию гетто выходить не разрешалось, родителей днем водили куда-то на работу, а вечером они возвращались. Через какое-то время пошли слухи, что часть людей с работы не вернулась, следовательно, снова начались расстрелы, и родители решили, что нужно бежать из гетто.

Как мы оттуда выбрались, уже не помню, но помню, что скрывались мы в каких-то развалинах, т.е. в домах, которые были разрушены бомбежками. Питались мороженой картошкой, свеклой, которую удавалось выкопать на пустующих огородах.

Однажды ночью мы услышали близко лай собак, и тут же появились гестаповцы. Нас забрали в гестапо и начали допрашивать родителей, кто мы и что делали в пустом доме. Отец сказал, что он нас не знает, что встретились мы там случайно. Мама назвала нас под другой фамилией, сказала, что наша фамилия Граблевская, и что этого мужчину мы видим в первый раз. Отца сразу увели, а нас бросили в подвал гестапо, где уже находились другие арестованные, продержали несколько дней ипустили.

В гестапо было очень страшно, мы слышали крики и стоны людей, которых пытали, но кто они, мы не знали, т.к. после допросов в нашу камеру их не приводили. Когда нас отпустили, было уже холодно, жить было негде. Тёплой одежды тоже не было. Откуда-то мы узнали, что в городе есть приют, и мы сестрой пошли туда. Где в то время жила мама, я не помню, но помню, что мы встречались на городском кладбище. Потом мама перестала приходить, и мы поняли, что её тоже расстреляли.

Однажды в начале лета в приют пришли немцы, согнали нас всех в одну комнату и стали по одному вызывать. Потом ставили в разные стороны: мы с сестрой оказались в разных группах. Сестра всё поняла и стала глазами меня подзывать, чтоб я перешла в их группу. Я потихоньку, маленькими шажками стала передвигаться и стала позади сестры.

Когда кончилась проверка, нас отвели в другую комнату и закрыли на ключ. Остальных посадили в фургон грузовика и увезли. Говорили, что это была машина-душегубка.

После этого оставаться в приюте мы уже боялись, и сестра с ещё одной девочкой (она тоже была еврейка, но непохожа, как и моя сестра) решили уйти в другой город, где нас никто не знает. Пошли мы в город Гомель. Шли много дней, на ночь заходили в деревни, где просились переночевать.

Заходить в деревню тоже было опасно, так как могли нарваться на старосту или полиция, но мы старались заходить в маленькие дома или подходили к огородам, где копалась какая-нибудь бабушка. В деревне нас кормили и ещё давали продуктов на дорогу.

В Гомеле мы тоже попали в какой-то приют, где на питание зарабатывали сами дети, если находили где-то работу, или же ходили просили милостыню.

Когда Красная Армия начала бомбить Гомель, в наш дом попала бомба. Никто не пострадал, но жить там было невозможно. Было тепло, и дети разошлись, кто куда. Мы с сестрой ходили по деревням, и в одном посёлке Уваровичи нас оставила у себя женщина, и у неё мы жили до прихода Красной Армии. Нас с сестрой взяли в часть командиры, пошили нам шинели, сапоги, так как у нас совсем не было одежды, и мы ездили вместе с этой частью. А когда часть отправили на передовую, меня сдали в открывшийся в Гомеле детприемник, а сестра осталась служить в армии. Их часть дошла до Германии. А я воспитывалась в спецдетдоме в местечке Добрянко Гомельской области, где жила до августа 1949 года.

ГЕТТО МОГИЛЁВ-ПОДОЛЬСКИЙ

В июле 1941 года фашисты захватили Могилев-Подольский. Вскоре оккупанты начали «решать» еврейский вопрос. Всех евреев переселили в отведенные улицы, обнеся их колючей проволокой. Затем сюда загнали мучеников из Буковины и Бессарабии. Особенно тяжело было зимой: ни поест, ни погреться. Голод и болезни привели к печальному исходу: массовой гибели людей. Кроме того, были облавы. Часть евреев отправляли на работу, а часть — в лагерь Печора. В марте 1944 года Могилев-Подольский был освобожден. В гетто находилось 5000 человек, из них было уничтожено 4394 человека.

Айзингер Эрнестина

Родилась в городе Черновцы (Румыния до 1940 города) 28 апреля 1919 г. В 1940 году закончила Черновицкую гимназию и должна была поступить в университет, но пришла советская власть. При советской власти работала учительницей в румынской школе.

В 1941 году, когда румыны вернулись, все мои родственники были расстреляны недалеко от г. Черновцы.

Меня с родителями отправили в лагерь-гетто в г. Могилёв-Подольский (Украина), где я находилась до апреля месяца 1944 года. Ровно через год после моего пребывания в лагере родители умерли от голода и болезней.

Я осталась одна и просто чудом выжила. Голод, холод и болезни все время сопровождали меня. Чтобы выжить, мне приходилось по ночам рыться в мусорниках, чтобы найти какую-то пищу: картофельные очистки и др.

Вспоминаю один эпизод из моей жизни в гетто, я его никогда не забуду. Зима 1942 года, папы уже нет, мама очень больна, дома ни крошки хлеба. Недалеко от Могилева есть местечко Яруга. Туда многие, рискуя жизнью, шли искать кусок

хлеба. И я решила это сделать. Собрались несколько женщин и отправились в дорогу вечером, чтобы не встретить никого. Только прошли км 2-3, навстречу нам шли 3 румынских жандарма. Мы очень испугались и бросились бежать. Но не удалось. Первый вопрос был, куда мы идем, а второй вопрос, имеем ли мы пропуск для выхода из гетто. Так как пропуска у нас не было, они сказали, что будут в нас стрелять.

Кругом ни одного дома не видно. Мы очень испугались, стали плакать и кричать. Я им объяснила на румынском языке, что у меня очень-очень больная и голодная мама. Они нас бросили на землю, начали бить сильно винтовками и топтали нас ногами, очень долго били кнутами. Мы вернулись домой без продуктов, в крови и в синяках. Мама очень испугалась, когда меня увидела, а через несколько дней она умерла.

После войны я окончила педагогический институт и работала преподавателем. Преподавала румынский и немецкий языки в старших классах недалеко от г.Черновцы.

В 1994 г. мы репатриировались в Израиль и поселились в городе Реховот. В 2000 г мы переехали в Бней-Айш, где живем до настоящего времени.

**Мемориал жертвам фашизма
в городе Могилев-Подольский**

Бродский Самуил

Светлой памяти моих родителей от благодарных детей.

В середине июля 1941 года немцы уже бомбили железнодорожный мост через Днестр и вошли в Могилев. Нет слов, чтобы описать тот ужас, панику, которые охватили всех евреев города. Немцы сразу же создали гетто и оградил колючей проволокой территорию от железнодорожного вокзала до городского рынка, включая ул.Ставискую, Рыбную и др. районы. Именно здесь и находился наш дом, так что мы сразу оказались в

центре гетто и всех последующих событий, происходивших там.

Немецкие самолеты в первые дни войны часто бомбили наш городок, взрывая жизненно-важные объекты, отступающие войска. В одной из таких воздушных атак и была ранена моя мама в ногу, и всю свою жизнь прожила с пулей, страдая от болей.

С тяжелыми боями наши войска отступали на восток, оказывая немецким оккупантам сопротивление. Помню, будучи 3-4-летним мальчиком, как у нас во дворе стояли четыре зенитные батареи, вкопанные в землю, и обстреливали немецкие самолеты, летевшие на такой низкой высоте, что и сейчас я ощущаю грохот зенитных снарядов и вой самолетов, сеющих разрушение и смерть. Не задерживаясь долго в городке, немцы рвались все дальше и дальше, поскорее захватить всю Украину. Наводить «новый порядок» на захваченных территориях отдали своим верным союзникам – румынским войскам, которые по жестокости и преданности немцам ничуть не отличались от них.

Румынская администрация во главе с комендантом Барбалеску начала с мародерства, избиения по любому поводу. Вызывали в комендатуру каждого еврея, путем пыток и издевательств румыны требовали деньги, ценные вещи и документы, золото. В один из таких тяжелых дней был вызван в комендатуру и мой отец – Шлойме Бродский. Зверскими пытками и издевательствами, продолжавшихся несколько суток, румынские живодеры требовали у него золото, которого не было, и добились отца до такой степени, что после этого он болел и умер в январе 1942 года.

Вся тяжесть и боль утраты, весь ужас того времени легли на слабые хрупкие плечи моей мамы, которая осталась одна с 4-мя маленькими детьми в такое страшное время без малейших средств существования и помощи. Старшему брату было 12 лет, сестрам 7 и 6, а мне 3-4 года. Издевательствам румын не было предела. При помощи еврейских холуев, которые старались всячески угодить своим хозяевам, они обирали все еврейские семьи до ниточки, обманом забирая все возможное, зимой босыми и раздетыми выгоняли на тяжелые работы с утра до позднего вечера. В нашем доме, который состоял из 3-х комнат, в двух румыны сделали конюшню, где разместили 8-10 лошадей. А мы, четверо детей, ютились в одной маленькой комнатушке. Страдая от холода, голода, тесноты и болезней, с утра до вечера мы ждали прихода с тяжелых работ мамы, которая приносила нам остатки своего рабочего пайка. Мы ели хлеб, пили кипяток с кусочком сахара, разделенным на четыре части. Так проходили долгие дни, недели, месяцы... Как-то осенью 1942 года было объявлено, что завтра всем еврейским семьям

с вещами собраться возле колхозного рынка и оттуда этапом прошагали к вокзалу, где всех посадили в товарные вагоны и повезли до села Печора. После разгрузки длинной колонной в окружении местных полицаев завели в ворота, на которых вверху было написано по-немецки: «Каждому свое». Это были ворота большого концлагеря, известного многим под названием «Мертвая петля». Загнали всех в большое каменное помещение, и каждая семья должна была расположиться на холодном каменном полу. Эти маленькие кусочки пола и были постоянным местом проживания каждой семьи. Ни о каком питании не было и речи. Местные крестьяне приносили к заборам жалкие крохи еды (картошку, свеклу, отруби) в обмен на одежду, обувь и др. вещи, которые сохранились у евреев. И, несмотря на то, что румыны и полицаи отгоняли крестьян, не разрешая передавать эти крохи, это был единственный способ как-то выжить. А в целом лагерь был предназначен для медленного умерщвления всех проживающих в нем. Нередко приезжали немцы с машинами, отбирали молодых и сильных... и увозили на расстрел. Так увезли навсегда моих двоюродных сестер Маню и Аду.

Местных крестьян заставляли рыть канавы для захоронения убитых, они и сообщали, когда будут расстрелы. И вот в одну из ночей люди решили бежать. Побег не всем удался, но мы убежали вместе с другими.

Ночью ходили босыми по мерзлому грунту, по полям и оврагам, днем прятались от полицаев, которые усердно разыскивали беглецов. Очень тяжело было моей матери, которая была босая глубокой осенью. От мерзлой земли у нее кровоточили ноги. Со мной, самым маленьким, на руках, трое других — мои брат и сестры — держались тоже за мамину юбку, ночами добирались до Могилева-Подольского.

Но и там тоже приходилось прятаться, чтобы местные полицаи не выдали румынам наше пребывание в городе. Но и это не помогло. В одной из многочисленных облав по городу мы были схвачены и со многими другими вновь отправлены уже в другой концлагерь, в Одесскую область, Ананьевский район, с. Дружелюбовка. Это произошло летом 1943 года.

Все повторилось опять: этапы, издевательства, побои, жизнь в бараках, болезни и расстрелы. И все же удача улыбнулась нам еще раз. Нам удалось бежать из этого страшного места. И опять ночами проходили много километров, стараясь добраться в такой дорогой свой угол, свой дом. В одну из ночей мы случайно встретились с немцем, который выпустил целую обойму из пистолета, но только ранил маму в ногу.

Вскоре мы забрели во двор, где местная украинка впустила нас к себе домой. Перевязала матери ногу, дала нам кое-какие вещи, накормила и уложила нас, детей, на большую русскую печь. Этот радостный момент я хорошо помню. Прощаясь с этой милой женщиной, мы поблагодарили ее и пошли дальше. Добрая хозяйка очень хотела оставить себе мою очень ослабленную сестру Соню, но мама ни на какие уговоры не соглашалась. С большими трудностями добрались до станции Вапнярка, а оттуда уже в товарном вагоне добрались до Могилев-Подольского, где и дождались окончания войны.

19 марта 1944 года город Могилев-Подольский был освобожден.

Жизнь продолжается, и очень хочется надеяться, что все эти тяжелые воспоминания так и останутся только воспоминаниями о том далеком прошлом.

Бродские Семен и Петр

Я, Бродский Семен, родился 15 февраля 1932 г, по памяти своей и рассказам матери хочу рассказать о Второй мировой войне. В канун войны наша семья проживала в городе Могилев-Подольском Винницкой области в

составе семьи из восьми человек: отец, мать, две сестры (Маня — 16лет, Ада — 14 лет), 2 брата (Моня — 7лет, Петя — 4года), с нами проживала бабушка Хана — 57 лет.

Перед войной город Могилев-Подольский — зеленый и уютный — находился на границе Молдавии и Украины. Там были предприятия легкой и пищевой промышленности.

Протекает в городе река Днестр, через которую проложены 2 моста стратегического назначения. Один мост — железнодорожный, второй — для других видов транспорта. Немецкая авиация подвергала частым бомбардировкам мосты, а заодно и город. Когда немцы заняли Могилев-Подольский, нас согнали из нашего дома в гетто. Через несколько месяцев нашу семью погнали в концлагерь «Печора» под городом Винница. Нам велели идти на вокзал, а кто уклонится — расстрел, так предупредили в румынской комендатуре.

На вокзале поместили в товарные вагоны и повезли, а затем выгрузили из поезда и повели со своими вещами этапом до лагеря.

В лагере жили в больших бараках, где каждая семья занимала на своих чемоданах и узлах место, где спало 4 человека.

В лагере не кормили (это был лагерь смерти). Люди со своими вещами шли к каменному забору (лагерь был обнесен каменным забором и колючей проволокой), за забором был ров, а с противоположной стороны — река Южный Буг. У ворот лагеря стояли часовые, вокруг лагеря ходили охранники, а внутри лагеря старшие барачков, типа полицаяев, с повязками на руке и с нагайками.

У забора узники обменивали у проходящих крестьян вещи на продукты, и это была еда. Охранники отгоняли крестьян от забора. Люди жили до тех пор, пока были вещи, которые меняли на продукты.

Умирили в бараках от голода и болезней, никого не лечили, чтобы быстрее умирали. Травили в лагере воду, после чего, кто послабее, умирал от кровавого поноса. Умерших загружали ежедневно на полную с верхом повозку, как дрова, один на другом, увозили из лагеря, где-то закапывали. Там умерла от кровавого поноса и моя бабушка Хана 57лет.

Потом решили расстрелять всех. Крестьяне нам говорили: «Бегите, кто может. Нас заставляют копать рвы, где вас будут расстреливать».

Скоро приехали в лагерь немцы с грузовиками. Выгнали всех из барачков.

Вещей сказали не брать, они, мол, вам больше не нужны.

Работоспособных усадили на машины и увезли в другие фашистские лагеря, а старых и нетрудоспособных оставили для расстрела. В лагере погибли отец и 2 старшие сестры. Мать моя и трое малых детей, в том числе и я, были оставлены для расстрела. Старые евреи одели талесы и молились.

Загрузили людьми 2 машины и отвезли на расстрел, через полчаса машины вернулись обратно с людьми. Это поспорили немцы с румынами о расстреле лагеря (так сказали приехавшие). Нас отпустили в бараки.

Через пару недель мы ночью бежали из лагеря. Шли ночами, жили без документов и средств, добрались обратно в гетто Могилев-Подольск. Пока мы были в лагере, дом наш разобрали до фундамента на топливо, все было разграблено.

Жили в сарае, затем в чужой комнате с глиняным полом у знакомых до освобождения города.

Город был освобожден Красной Армией 19 марта 1944 г.

Вайншток (Гримберг) Полина

Это пишет вам бывшая узница концлагеря и гетто, которое находилось на оккупированной территории.

Когда вошли немцы в наш город Могилев-Подольский, Украина, точной даты я не помню, ведь я была ребенком. Нас, евреев, всех собрали и погнали в концлагерь в местечко Печора, говорили, что нас гонят на курорт. И там мы пробыли до лета 1942 года. Потом мы оттуда смогли вы-

браться. Нам помог выбраться из концлагеря Герман Моталы, ныне покойный, пусть земля ему будет пухом.

Когда мы вернулись в наш город, в наш дом нас не пустили. Там жили русские, хозяина звали Демко. И наша семья осталась без крыши над головой. Мы жили на улице. Потом нас пожалела соседка-еврейка и забрала нас к себе, хотя сама жила в одной маленькой комнате. Там мы все: я, мама, папа и все остальные — прожили до освобождения нашего города советскими войсками. Жили мы в городе Могилев-Подольск, улица Шолом Алейхем, 4 с родителями. И еще я хочу сообщить имена моих родителей, и братьев, и сестер. Отец — Иосиф, мать — Рахель, старший брат — Абраша, сестры — Рива и Маня.

Вассерштейн Маня

Я хочу рассказать о моей семье. До войны это была красивая и дружная семья. Мама и папа очень любили своих трёх дочек.

Жили очень счастливо, но вскоре это окончилось. Началась война. Мы покинули свой дом в городе Бельцы МССР. Но успели доехать только до Могилева-Подольска, где нас вместе с остальными евреями согнали в гетто. В первые дни войны папу вместе с 27 молодыми мужчинами расстреляли. Мама с детьми присутствовала при этом. Там она поклялась, что несмотря ни на что вырастит детей, спасёт от голодной смерти. Всех похоронили в братской могиле в селе Озаринцы. После карательной операции немцы ушли, гетто охраняли румыны, начались страшные и голодные времена. Было холодно, очень голодно. Мама работала с утра до вечера. Очень рано выросли дети, моя 10-летняя сестра и 5-летний брат вязали с утра да вечера. Помню, что благодаря мужеству сестры Раи мы остались живы. Она следила за нами, не давая замёрзнуть, кормила.

Мама была очень смелой женщиной. Переодевшись украинкой, она сумела добраться до концлагеря, подкупить охрану, забрать бабушку и дедушку, они там умирали от голода. И все эти годы мы были вместе. После войны мы вернулись назад в свой город Бельцы. Была разруха, был голод, холод, но мама сумела вырастить детей, дать всем образование. Мечтой всей её жизни было поехать в Израиль и встретиться с братьями, уехавшими в Израиль в 1945 году. До последнего дня она была полна оптимизма, любила детей, внуков и правнуков. Всегда нас поддерживала в трудную минуту.

Внуки и правнуки просто обожали свою бабушку. Но, к сожалению, 30 мая 1990 года она умерла. Пусть светлой будет память о ней. Маму звали Хардак Геня Пинкасовна.

Венгерик Ицхак

Родился в 1926 году в местечке Поповцы, Копайгородского района Винницкой области. Отец — Венгерик Абрам Соломонович — 1890 года, родился в гор. Закавале, Польша. До войны работал главным бухгалтером книгокультурного города Могилев-Подольский. Мать — Венгерик Рахель Хаймовна, 1893 года рождения, местечко Поповцы, была домохозяйкой.

Были в гетто в городе Могилев-Подольский. Я после войны работал главным механиком Черновицкого перчаточно-трикотажного объединения.

Нелегко спустя много лет после Второй Мировой войны восстанавливать в памяти события, пережитые нашей семьей в гетто города Могилев-Подольский. Я родился 1.10.1926 года и до 1932 года проживал в Харькове, а затем переехал в город Могилев-Подольский. Отец мой, Венгерик Абрам Соломонович, умер 19.7.45 года. Во время нахождения в гетто, в жарком августе месяце 1941 года, когда большую группу мужчин и подростков согнали на ремонтные работы дороги у спиртозавода, немцы со звериной жестокостью избивали нас всех и фотографировали, как евреи работают на востоке. Отцу в тот день отбили легкие. Всего было ему 55 лет. Родился он в Польше в 1890 году и был для того времени образованным человеком. Очень дорожил своим именем и фамилией. Пока всем сотрудникам не была вручена зарплата, отец не хотел покидать город. В начале июля месяца мы сумели добраться до города Шаргород, где немцы и мадьяры в первой половине июня уже хозяйничали (за точность времени не ручаюсь). Мое первое знакомство с немцем состоялось, когда немец входил в дом, где нас приютили в Шаргороде знакомые матери, и, увидев стоящий велосипед (марки «Торпедо» Харьковского тракторного завода), тогда это была роскошь, взял его и собирался выходить. В этот момент я схватился за него, и тут же получил пинком сапога, немец вытащили из-за голенища сапога пистолет, и если бы мать меня не оторвала от велосипеда, навеки остался бы лежать.

Добирались различными окольными путями обратно в г.Могилев-Подольский, а там застали разграбленную квартиру с битыми патефонными пластинками на полу. (Кстати, родной сестре удалось получить архивную справку из Винницкого госархива о нанесенном нам ущербе в сумме 79,200 рублей. Сам факт этой справки интересен сам по себе. Вряд ли кто-либо смог что-нибудь получить). Особенно свирепствовал в городе бывший преподаватель рисования и черчения нашей 2-ой школы, в которой я закончил 7 классов, Старожук Алексей Васильевич.

Мне пришлось видеть его в комендатуре, куда нас привели избитыми в августе 1941 года. Жили мы по ул.Ермана 14, на втором этаже. Дом был каменный, сумевший выстоять и выдержать наводнения весной 1942 года, когда река Днестр вышла из берегов, причинив много дополнительных бед.

Хорошо запомнил напротив нашего дома гостиницу «Червона зирка».

В начале 1942 года в город начали прибывать евреи из северной Буковины, бывшая Румыния. Улица Ершана еще не входила в черту гетто, которое впоследствии было организовано в бывшей казарме по улице Пушкинской и прилегающим к ней улицам. И вот в нашей квартире в 2-х комнатках нас оказалось 17 человек. Доктор Готлиб с семьёй, благороднейший человек, бескорыстный врач, умер от сыпного тифа. Его брат с женой и двумя сыновьями Хаим и Зиги. Семья из Родэуцы — Риглер, религиозный человек, крупный коммерсант, семья Гандельман. Язык нашего общения был идиш. Но какие были отношения между людьми! К сожалению, вряд ли можно было бы найти сегодня достойный пример.

Интересна деталь моего собеседования в Тель-Авиве на Грузенберг 18 июня 1996 года с главным израильским представителем (подтверждающим, действительно ли ты был в гетто). Этот человек, имени его не запомнил, после целого ряда вопросов (в частности, как называлась гостиница), услышав фамилию, доктор Готлиб, узнав о его семье и смерти, вспомнил, что он знал его еще по Вене. Мир тесен.

Пришлось мне поработать на строительстве моста через реку Днестр, в кессонах, утрамбовывать бетон, из которого меня однажды с трудом вытащили и еле спасли.

Строительством моста занималась немецкая организация «Год», на работу нас забирали румынские солдаты и украинские полицаи во главе с румынским лейтенантом Барбулеску.

Многое можно было бы еще описать о вылавливании евреев для этапов, о расколоте черепа моей матери украинским бандитом из села Серебряя, который, вырвав узелок с солью из её рук, хотел её добить, о затыкании дымоходов тряпьем, чтоб люди задохнулись, о голоде и различных изощренных видах издевательств.

Потомки, и не только наши, должны знать и помнить о той катастрофе, постигшей наш народ.

Гельман Александр

Родился в 1926 году в городе Могилев-Подольский. В июне 1941 года нашу местность заняли немцы и румыны. Из города еврейское население эвакуировалось в местечки Черновцы, Шаргород и др.

В город вошли оккупанты, убивали и грабили евреев. На моих глазах немцы расстреливали евреев. Осенью в городе устроили гетто. Ограждения, забор складывали из камней разрушенных домов. Евреев из Буковины и Бессарабии гнали по улицам в наши края, в гетто, которое назвали Транснистрия (Заднепровье). Ежедневно нас, детей, а мне было 15 лет, заставляли носить звезду Magen Давид. Встретил немец меня и спросил, где мой «юдышер шбери», пришлось его обмануть и назваться украинцем. Перед другим румынским солдатом я перекрестился. Прятались в тайниках, облавы, тиф. Наша семья приютила 8 человек из Буковины.

19 марта 1944 года освободила Красная Армия.

Гершензон Лев

Началась война. На наш город Могилев-Подольский налетали немецкие самолеты и бомбили железнодорожные и пешеходные мосты. Мы прятались в глубоком погребе. Утром ребята ходили собирать осколки по дороге. Потом был приказ, разрешающий эвакуироваться в Россию. Мы наняли подводу, погрузили вещи и отправились в путь. Было много таких подвод, и все они двигались в направлении Шаргорода. По дороге налетели немецкие самолеты. Мы побежали в кювет, и уже были убитые, тогда мы поняли, что это все серьезно. Приехали в Шаргород и сняли комнату. Но наутро немцы нас догнали, и наш путь дальше прекратился. На улице ни души не было. Немцы разбили все магазины, выгнали людей грабить магазины. Когда установилась немецкая власть, полицейские загнали нас в тюрьму. Я был маленьким, и папа через форточку вытолкнул меня, я пошел домой, но дом был ограблен. На другой день выпустили родителей и сказали, чтобы за 24 часа все уехали туда, откуда приехали. И вот мы продали вещи, купили подводу с конем, погрузились и отправились назад в Могилев-Подольский. По дороге у нас поломалось колесо. И местные сельские не сказали, что, если вы будете спать в поле, вас убьют. И мы договорились с одним человеком, отдали ему подводу и коня, и он нас отвез в Могилев-Подольский. Только спустились в город, и нас ограбила местная полиция. Заехали домой, дом ограбили, все поломано. Кушать нечего. Папа был сапожником, сел на улице возле дома и ремонтировал обувь за продукты, так и жили. Но прошло некоторое время, и нас снова погнали в лагерь Печора.

Там было очень тяжело, жили в бараке. Были хлопцы, которые ночью выводили людей домой, мы договорились, и нас вывели. Это были Герман Мотали и Штаркман Аркадий. Прибыли в Могилев-Подольский, а там нас загнали в гетто, где мы жили 3 семьи в одной комнате. Была очень тяжелая жизнь. Отец работал сапожником, мама убирала в бане, а я с товарищем Моне Штаркманом ходил с топором и мешком, вырубали пеньки деревьев, продавали людям, и на эти средства мы жили. В гетто люди болели тифом, поэтому было очень много трупов. В нашем доме жил украинец. Когда кончилась война, мы перебрались в наш дом. В 1953 году поступил в техникум, на физкультурное отделение. Служил в армии с 1950 по 1953 год на Камчатке.

В 1990 году приехал в Израиль.

Гольштейн (Радман) Геня

Родилась в Могилеве-Подольском в 1927 году, 27 июля. Находилась в оккупации при немцах с 1941 по 1943 годы.

В 1942 году меня и моих родителей выслали в лагерь г. Печора, там мы были два месяца, я без родителей убежала в Джурин, Мурафа, Шаргород и оказалась в Могилеве-Подольском.

Там я работала, убирала квартиры у немцев, казармы, терпела страшные издевательства.

Так же я работала на строительстве моста (организация «Тод»). Один раз меня просто засыпали цементом, чудом осталась жива. Терпела побои, били ногами, палками.

В 1944 году нас освободили советские войска.

Дерен Зёма

Родился 12 апреля 1940-го года в городе Могилёв-Подольский, Винницкой области.

Отец, Дерен Миша Дронович, родился в Могилеве-Подольском в 1907 году.

Мать, Дерен (Голда) Ойзеровна, родилась в городе Могилев-Подольский в 1909 году. Мы все вместе жили всё время в Могилеве-Подольском Винницкой области.

Отец Миша в 1939 году пошёл на войну с Финляндией.

По окончании войны с финнами возвратился обратно в Могилев-Подольский, а в 1941-м году добровольно пошёл в Красную Армию на войну с фашистами.

В 1941-м году, когда вошли в Могилев-Подольский немцы, мы с братом и матерью попали в Могилев-Подольское гетто, где пробыли до 1944 года. В гетто маме было очень тяжело с нами. Кормить нас было нечем, и мы с братом очень плакали и, не понимая, просили у мамы кушать, так как были очень голодны.

Мама рассказывала нам, что иногда хорошие украинские семьи помогали нам и бросали под проволочное ограждение хлеба немножко, варили нам из картофельной кожуры суп.

В гетто пить и есть нам редко давали, и то помои, а пить мы иногда пили из дождевой лужи. Мать всегда нам говорила, что ей было очень тяжело в гетто, она вынуждена была стирать немцам и смотреть за нами.

В гетто ещё приходили немцы в белых халатах и проводили испытания медицинские над детьми и над взрослыми, и эти уколы были очень болезненными.

Мама всегда переживала за нас, чтобы нас не убили. Там возле гетто была яма, где расстреливали евреев, взрослых и детей. Если оставалось немного живых, то их заживо закидывали землёй. В 1944 году, когда пришла Красная Армия, нас освободили, и так закончились наши страдания. И мы начали жить счастливо.

Зац (Шетман) Хана

Мама, Шетман Двойна Мордковна, была очень хорошей хозяйкой. Дети всегда были чисто одеты, готовила она все возможные еврейские блюда, особенно с курицей, заливную рыбу, кисло-сладкое жаркое, флуднлейких.

Всегда на праздниках, на свадьбах ее так и называли «мать-героиня», т.к. она была душой компании, хорошо танцевала и пела. В Могилеве — Подольском её хорошо знали. Мама умерла в 1982 году. Папа, Шетман Мотель

Беркович, родился в 1899, умер в 1975. Был очень работящим человеком, работал дровосеком. Вместе со старшим братом Гришей, а потом и Яшей, кормил всю нашу семью. Очень много времени уделял детям, то есть нам. Воспитывал нас, как настоящих граждан, а сыновей — как настоящих мужчин. Сестра Белла родилась в 1922 г., и в гетто вместе с мамой работала в прачечной. После войны родила 6 детей и воспитала их настоящими людьми, которыми мы гордимся. Они живут в США. Белла умерла в 1966г. Брат Григорий (Гидаля) родился в 1924 г., помогал отцу. И в гетто они были вместе, кололи, пилили дрова. Сестра Белла чудом вырвала их из толпы, которую вели в Печорский концлагерь. В настоящее время живет в Израиле (в г.Натании), уже имеет правнуков.

Сестра Евгения родилась в 1926 г. Помогала в гетто маме. В настоящее время живет в Израиле, в г.Ашдод.

Брат Яков родился в 1928 г., был помощником отца. Всю жизнь был дровосеком и очень хорошим человеком, простым и душевным. Умер в Израиле, похоронен в Хайфе.

Сестра Татьяна родилась в 1930 г. Всю жизнь работала медсестрой в детском санатории. В настоящее время живет в Хайфе (Израиль).

Брат Борис родился в 1932 г., тоже прошел ад гетто. Служил в армии, работал сварщиком на заводе. В настоящее время живет в г. Бруклине (США).

Брат Семен родился в 1937 г., узник гетто. Работал начальником снабжения на заводе им.Кирова в г.Могилев-Подольском. В настоящее время живет в г.Хайфе.

Сестра Роза родилась в 1940 г., была в гетто при маме, после войны закончила Львовский политехнический институт, работала главным инженером в г.Батуми на заводе медицинских препаратов. И очень хорошо! Пользовалась авторитетом. В настоящее время живет в Хайфе (Израиль).

Сестра Нюся (Хана) родилась в 1942 г., работала в Москве мастером на швейной фабрике. В настоящее время живет в г.Ашдод (Израиль).

Алексей (Арон), родился в 1943 г., жил в г.Винница, 30 лет проработал заведующим мебельным магазином фирмы «Мебель».

Перед смертью мама отдала свою награду — орден «Мать-Героиня» — мне. Я храню как семейную реликвию. Ведь я десятый ребенок. Я горжусь своими родителями-героями, братьями и сестрами!

Израилова (Шехтман) Евгения

Родилась 1 марта 1933 года.

До начала войны мы жили в Молдавии, поселок Атаки Окницкого района.

Атаки и Могилев-Подольский разделяла река Днестр. Когда началась война, отца сразу забрали в армию, а я с мамой и тетей убежали в Могилев-Подольский Винницкой области. Через Днестр был железнодорожный мост, по этому мосту многие люди, и в том числе мы с мамой и тетей убежали. Так мы оказались в Могилев-Подольском.

С этого момента начались наши мучения. Мы не знали, где спать, ночевали, где попало: на улице, в сараях, не имели что кушать. Когда мы убежали, мы захватили немного вещей, это нам помогло недолго. Мы выменивали вещи на еду, затем они закончились. Но свет не без добрых людей, они нам немного помогали, кормили, прятали нас.

Когда в Могилеве-Подольском образовалось гетто, нас всех загнали туда. Там был высокий забор. Многие хотели убежать, но тех, кого ловили, сильно избивали.

Над евреями очень издевались, еды не было. Заставляли нас работать. Мы с мамой и тетей тоже работали. Мы выполняли разные работы, ещё стояли немцы с нагайками и били, угрожали. Много людей болели и умерли. Там я заболела тифом и желтухой. Чудом я выжила.

В гетто мы мучались, пока не освободили Могилев-Подольский 19 апреля 1944 года.

Мы вернулись в поселок Атаки. Через Днестр построили понтонный мост, и по нему мы прошли в поселок, но и там тоже негде было жить.

Все дома были уничтожены. Мы нашли какой-то сарайчик, отремонтировали его и так жили. Это всё, что я помню.

В 1995 году я переехала жить в Израиль.

Кишенёвская Эня

Когда началась война, мне было 3 года. В памяти моей остались единичные эпизоды. И всё, что я знаю, это со слов родных. Я со своей семьёй жила на Украине, Винницкая область, в городе Могилев-Подольском. Состав семьи — бабушка и дедушка, родители и сестра. Накануне войны к нам в гости приехал двоюродный брат из Кишинёва, ему было 9 лет, из-за начала войны он остался с нами.

В начале войны мы все ушли в местечко Черновцы, так как Могилев-Подольский немцы уже обстреливали. Там мы были пару недель. Потом пришли немцы, и мы вернулись в отчий дом в Могилев-Подольский. Дедушка ушел раньше, чтобы посмотреть, можно ли возвратиться домой к семье, по дороге его убили. В нашем доме жили полицейские, которые освободили нам половину дома. Мы жили там до марта 1942 года. Потом нас выслали в концлагерь Печора.

В Печоре никого не кормили, мама меняла вещи на продукты у местных крестьян. Я помню, что она сняла золотые коронки (для обмена на продукты). В концлагере мы находились 3-4 месяца. Немцы забирали трудоспособных мужчин для строительства дороги в Виннице. Больше папу я не видела. Не помню его лица, помню только, как он махал рукой с машины, прощаясь.

Выбраться из концлагеря нам помог наш родственник, по профессии врач, он лечил румынского коменданта. Он помог нам организовать побег из Печоры. Естественно, с ведома коменданта. После того, как нам удалось бежать, мы попали в гетто Могилев-Подольский, где находились до освобождения.

Дом наш, большая его часть, была разрушена, всё имущество разграблено — мебель, посуда, драгоценности.

Крел Абрам

Родился 23 мая 1937 года в городе Могилев-Подольский Винницкой области на Украине. Отец был инвалидом (слепой), работал в обществе слепых.

Мать, Крел Брана, была домохозяйкой.

Когда началась Великая Отечественная война в 1941 году, в июне месяце, мы очутились в гетто города Могилев-Подольский. Помню расстрелы людей, которые не могли работать, и после этого мы бежали оттуда.

Пизман Давид

Казалось бы, что может помнить ребёнок в возрасте 2-6 лет?

Когда началась война, мне было 2 с небольшим года. По рассказам моей мамы, 23.06.42 года мой отец был призван в ряды Красной Армии, отправлен на Западный фронт. Родом он из местечка Черневцы Могилев-Подольского района Винницкой области, Украина. Туда после мобилизации отца отправилась наша семья в составе моей мамы, бабушки, старшего брата, и меня, в надежде, что в маленьком местечке легче будет сохранить жизнь.

Наши войска стремительно отступали, и часть, в которой служил отец, отступая, проходила мимо м. Черневцы. Отец отпросился у командира на несколько часов и навестил нас. Ни отдохнуть, не искупаться у него времени не было. Мы пошли провожать его на околицу местечка, прощаясь, отец взял меня на руки. Вот что врезалось в мою память на всю жизнь! Я с папой, мне так хорошо у него на груди, почему его так долго не было? Я никогда не был так долго без него, как хорошо, что он со мной.

Он, прижимая меня к себе, целует, колет его борода, мешая запах, исходящий от гимнастёрки, но мне хорошо, а вокруг все почему-то плачут — мама, бабушка, брат и все пятеро отцовских сестёр. Глупые, почему они плачут? Ведь папа с нами». Я не знал, что они были правы. Это была последняя встреча с отцом. Он погиб 06.08.43 года на околице с. Семёновка Ржевского района Калининской области. Похоронка пришла в 1944 году после освобождения города Могилев-Подольского от фашистов.

В местечко вошли немцы, в первые же дни оккупации они показали свои намерения. Сгнав группы евреев на мост через речку Мурафа, они расстреляли их на глазах наблюдавших с чердаков жителей. Люди падали с моста, а те, кто был только ранен, разбивались о камни. Ужас был непередаваемый. И тогда мама и бабушка решили: если умереть, так уж лучше дома, в Могилев-Подольском. И в числе нескольких групп таких же беженцев пешком отправились домой. Расстояние составляло 30 км.

Мама несла меня на плечах, на руках были сумки, бабушка и брат так же несли сумки. Когда мы проходили мимо застав, мама просила меня читать «Кри-Шма». Эту молитву, как и «Моди-Аки», я знал, так как мои родители ежедневно молились. Получалось само собой, что немцы не обращали на нас внимания.

Шли полями, однако вскоре мы отстали от основной группы, не выдержав темпа. У меня очень болели ноги, натиравшиеся об одежду мамы. На одной из лужаек на моего отставшего, плетущегося брата, а ему было 10 лет, напали четверо пастушков, нанося ему удары сапогами по ногам. Получив удар по одной ноге, он резко поднимал её, корчась от боли, когда они ударяли по второй. Эта «пляска» привела их в дикий восторг, а он, прикусив губы до крови, не произнося ни

звука, старался увернуться от ударов. Бабушка, оглянувшись, увидела эту экзекуцию и бросилась на выручку с ужасным криком: «Бойтесь Бога!». Этот леденящий крик до сих пор звенит в ушах. Я не знал, что моя тихая, ласковая, любящая бабушка может так кричать. В это время из-за пригорка показалась группа селян, разогнавшая пастушков.

Вернувшись, мы застали свою квартиру полностью разграбленной: пол был полностью усыпан толстым слоем пуха от разрезанных подушек и перин — грабители: соседи-украинцы — искали золото. Остался лишь поломанный дубовый шкаф, который не проходил в двери и из-за габаритов и тяжести.

В Могилев-Подольском вскоре было создано гетто. Нам «повезло» — наш дом оказался в черте гетто, и нам не надо было искать прибежище у кого-то. Наоборот, к нам стали подселяться люди, дома которых оказались за чертой гетто. Это были, в основном родственники или подруги моей мамы. Все приносили с собой что-то: кто стол, кто топчан, а кто просто доски, из которых на стенах делались нары. Кроме них подселились несколько семей из Бессарабии и Буковины.

Одна семья из Буковины носила фамилию Дорфман, кого-то звали Пепи, один — Адольф, был парикмахером. Он очень помог мне. Дело в том, что во время перехода я сидел у мамы на плечах, и на внутренних сторонах обеих ног натёрлись огромные волдыри. Парикмахер на огне обжег остроконечные кривые ножнички и аккуратно обрезал всю кожу волдырей, смазав после этого какой-то мазью. Боль была дикая, такую боль невозможно не запомнить.

Через некоторое время в гетто начались облавы. Тех из евреев, кто не успел спрятаться, ловили и отправляли в лагерь «Печора». Наш дом был собственностью трех семей-владельцев и имел «г»-образную форму: Первая часть принадлежала нам. Вторая часть — Шалия Гитл с сыновьями Лёней и Срулом. Третья часть — Альтман Мойше с женой Маней и дочерьми Идой, Женей и Симой.

У нас сохранялась купчая, датированная 1938 годом. Такая конструкция нашего дома позволяла замуровать две комнатухи — 2х2 — «секреты». Вход в них был только через чердак. Вот эти 2 «секрета» и спасли нас от облав.

Заслышав оглушительно-громкий лай огромной немецкой овчарки, с которой всегда шел на облаву платанер-румын Барбулеску, все бросались к нашей части дома, поднимались по лестнице на чердак, бежали к секретам и спускались в них. Стояли там буквально друг на друге, места не хватало. Мама, держа меня на плечах, умоляла не кашлять. Овчарка лаяла на стены, солдаты обходили все комнаты, но они были пусты. «Отловив» необходимое количество евреев, Барбулеску на несколько недель прекращал облаву.

Наступали голодные будни с тревожными ожиданиями облав. Евреи не имели права выходить за территорию гетто, ослушников румыны жестоко избивали нагайками и прикладами. Украинцам разрешалось ходить везде, даже в гетто, но не разрешалось продавать евреям еду. Евреи были обречены на голодную смерть. В 1942 году в довершение бед разлился Днестр от тяжких могучих снегов в Карпатах после суровейшей зимы 1941 года. В результате наводнения наша часть дома очень пострадала, нас приняла на жительство семья Альтман на время ремонта.

В гетто из-за скученности и антисанитарии вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Мы все четверо слегли с высочайшей температурой: 39,9-40,0 градусов. Мы благодарны семьям Альтман и Шамис, которые ухаживали за нами.

Бабушка не смогла справиться с болезнью и тихо скончалась.

Спустя несколько недель, когда мама смогла двигаться, она вынесла на улицу свое последнее нарядное платье в надежде обменять его на молоко. Мимо проходила селянка, неся на перевеслах молоко.

— Не дадите ли вы мне за это платье молока? - обратилась мама к селянке.

— Добре, — ответила та, налила маме 4-х литровую банку молока и со словами:

— Я еще подивлюсь плаття, — стала внимательно осматривать его, нет ли дырочек. В это время мимо проходила украинка, жительница ул.Полтавская, и со словами:

— Що це ти даєш жидівці молока, ты що, не знаєшь указу, от я зараз пійду у платанерію...

С этими словами она толкнула ногой стоявшую на траве банку и быстрым шагом направилась дальше...

Молоко, булькая, вылилось на траву... Когда женщина скрылась за поворотом, мама быстро подняла банку, в ней еще на дне оставалось немного молока. Заплавав, мама пошла домой. Платье, разумеется, осталось в руках селянки. Подходя к двери, услышала тихое: «Жіночко, жіночко, зачикай, бэ я ще доллю молока до половини». Разные люди были.

Надо отметить, что после наводнения была властями оказана одноразовая «помощь» в виде 6-7 кг «лынты» (чечевицы). Мой брат Арон получал этот «паёк» у старосты Иванова. Арон в 11 лет был так истощён и слаб, что не мог дотащить это «сокровище» домой. Ценой огромных усилий дотащил ношу, был горд тем, что сумел накормить семью. Ему предстояло еще одно испытание.

Теперь надо было восстанавливать разрушенный дом. Мама заменила отца, а Арон занял её место и место бабушки. Приходилось изготавливать «вальки», т.е. самодельные огромные «кирпичи» из глины, песка, соломы и навоза. Именно навоз ему пришлось собирать, а брал он его в конюшне на ул.Пушкинской.

Несколько дней он беспрепятственно собирал навоз из-под коней, при этом находившийся при лошадях румынский солдат молча наблюдал, не вмешивался.

Арон уверовал, что ничего противозаконного не делал.

Но однажды на месте знакомого солдата оказался другой. Арон спокойно стал собирать из-под коней «ценное сырьё». Как вдруг со словами, из которых Арон понял лишь «жиданэ», румын нагайкой стал хлестать брата по спине. От неожиданной боли Арон упал, ведро откатилось, а солдат стал полосовать несчастного. На счастье, появился первый солдат и остановил экзекуцию. Не имея сил идти, Арон полз на коленях, еле добрался домой. Больше он не ходил за этим строительным материалом, обошлись соломой. Из валеков мама клала стены и потолок, они, вальки, клались меж бревен.

В мои функции входило вынимать из песка и глины осколки стекла, а их была уйма, и я не очень справлялся со своей задачей. Как-то мама «тинковала» (штукатурила), размазывая глину рукой по «вашкам» потолка. Стоя на лестнице, она размазывала огромную порцию раствора и глубоко поранила ладонь об осколок стекла. Я стоял внизу, наблюдая за её быстрыми точными движениями. Вдруг я увидел, что по руке течет кровь, капая с локтя на пол. «Момы,— вскрикнул я, — сы рынт финдер понт бые блыт!» («Мама, с руки у тебя течёт кровь») — «Эйх вейс», — (я знаю) — ответила мама. «Сыз гурнут» (это ничего), — продолжила она, пытаюсь скрыть от меня стекающие по щекам слёзы, не прекращая работу. До сих пор не могу простить себе — забыть эту кровь и слёзы!

Наконец квартира была отремонтирована, и стали возвращаться старые бывшие бесплатные квартиранты. Наша семья занимала одну комнатку 6 метров, спали на топчане втроем. Остальные комнаты были полны народу.

До войны нам постоянно носила молоко молочница из какого-то близлежащего села. Фамилии её мы не знали, а имя я забыл. Зная о тяжелом положении евреев, она решила проведать нас. Она принесла немного молока, немного творога в тряпочке и кусочек масла меж двух «бабьих» листьев. Я не смог скрыть своего голода и с жадностью набросился на творог, мама забрала у меня творог, боясь моего резкого насыщения.

Позже я понял почему, но тогда! Увидев наше состояние, помня, в каком достатке мы жили до войны и как тепло мама прежде её принимала и угощала, она сказала: « Я еще приду!» И действительно, недельки через две она пришла, принесла, кроме молочных продуктов, в узелках немного пшена, кукурузной муки и кукурузной крупы. Какое это было для нас подспорье! Когда закончились молочные продукты, мама варила «жондру» — это несколько литров кипятка, заправленных 2-мя столовыми ложками муки — дневная норма на нашу семью в будний день. На субботу выделялись три ложки крупы.

Суббота! Суббота соблюдалась и в войну, не зажигался огонь. В пятницу вечером, а вечерами облавы не проводились, люди чувствовали себя более спокойно. Читали и пели молитвы: «Леха доди..» — все: и мужчины, и женщины.

Шмил Васффирер — муж сестры моей мамы, тети Раи, был кантором — обладал прекрасным голосом, мастерство его исполнения было поразительным, он пел лучше Лемешева и Козловского. Среди жильцов была семья Рейзи-Снитман с двумя сыновьями — Давидкой и Люстиком. Давид был 16-летним юношей: высоким, светловолосым, голубоглазым, но главное, у него был прекрасный лирический тенор, ровный во всех регистрах. Мы с наслаждением слушали «амиду» в исполнении Шмила — его «Симшалан» трогал до слёз, женщины не всегда сдерживались. Но когда пели «Адон — Олай», то голос Давила выделялся, покрывал наши голоса. Пели очень красиво: тетя Рося, мама и мой брат, я бурчал себе под нос. Давида стали приглашать на вечеринки, устраиваемые румынскими офицерами. После вечеринки он приносил то хлеб, то конфеты, то фрукты. Он был щедр.

После освобождения Могилева-Подольского он был отправлен в числе сверстников на фронт. Под Ясами они все были посланы в бой без оружия — погибли.

Освободили наш город 19.03.1944 года. Как велика была радость! Окончился трехлетний сплошной голодный кошмар, страх выйти на улицу, страх перед об-лавами, Бортлеску с его громадиной — овчаркой, перед каждым румыном и ук-раинским полицаем.

Наши танки медленно двигались по дороге вдоль Днестра. Все оставшиеся в живых вышли приветствовать родных освободителей. Бойцы облепили танки и улыбались нам в ответ на приветствия. Один из солдат кинул мне шоколадку. После стольких дней голода особенно мучили сновидения — в снах виделись раз-ные яства, но дотянуться до них не получалось, и просыпаешься с чувством страшного неутоленного голода. И вдруг — шоколад! Ничего вкуснее его я боль-ше не ел!

И вот второй день после освобождения.

Мы с мамой на улице возле дома, наслаждаемся тишиной, ясным солнечным мартовским днем. Через дорогу напротив стоял 2-х этажный дом с балконом. Внезапно откуда-то появилась группа из четырех немцев с поднятыми руками, под дулом автомата ведомых каким-то мужчиной. Он выстроил их под балко-ном...

В первые дни оккупации города перед передачей власти немцами румынско-му командованию первые очень лютовали. Они заходили в дома, выводили евреев и тут же расстреливали. Так произошло с семьей одного нашего соседа. Всю его семью в составе отца, матери, жены и двоих детей расстреляли на его глазах, он в это время был в туалете, во дворе и через щели в досках видел всё происхо-дящее. Выйти из туалета самостоятельно он после этого не смог.

Его потом никто не видел. Поговаривали, что он с ума сошел, погиб. Это был он. Мама узнала его и поняла его намерения, окликнула и сказала: « Что ты де-лаешь, разве еще должна литься кровь, может, у них есть дети?»

Он повернулся к нам всем корпусом, направил автомат в нашу сторону и с ис-каженным яростью лицом воскликнул: «А у меня что, детей не было, ты забыла, что они мне сделали? Я сейчас начну с тебя!»

Глаза его сверкали недобрый светом.

Мама, закрыв меня собой, подхватила и заскочила со мной в дом.

Прозвучали выстрелы...

Находятся умники, упрекающие евреев в том, что они безропотно шли на смерть, как стадо на бойню.

Я свидетель тому, как немецкие солдаты вместо того, чтобы молниеносно обе-зоружить повернувшегося к ним спиной еврея, стояли в оцепенении под балко-ном, покорно ожидая своей участи.

И это были воины немецкой хваленной армии!

Рахлина (Резник) Любовь

Место рождения Могилев-Подольский, Винницкой области, Украина, 7.11.1930 года.

В июле 1941 года начались бомбежки, и наша семья (я, сестра, мать, отец) вместе с другими семьями бежала из города в сторону села Черновцы. После занятия Могилева немцами и румынами мы вернулись домой. Дом наш был разрушен, и нас приютила семья Штаркман. Был 1942 год, было уже создано гетто, сделан большой забор. Мы не имели права выходить в город, над нами издевались. Люди голодали, свирепствовал тиф, умирали. От тифа умер мой отец. Я осталась с мамой и сестрой, брат погиб на фронте.

В гетто мы жили с 1942 до 1944 года. В 1944 году нас освободили советские солдаты. В гетто въехали два советских танка, молодые солдаты кричали: «Победа!».

В Могилеве мы жили до 1946 года. В 1946 году мы переехали в город Черновцы, а в 1990 году мы выехали всей семьей в Израиль, г. Ашдод, где мы живем и сейчас. Мы очень довольны, только чтобы был мир на Земле и все были здоровы.

Розенберг Лиза

Родилась в гетто, город Могилев-Подольский Винницкой области 12 сентября 1941 года.

Со слов матери я помню, что вся базарная площадь была оцеплена колючей проволокой. Жили они, и я в том числе, в бараках, в голоде и холоде. Была ужасная антисанитария. Спали прямо на полу. Забрали у них все вещи, которые они прихватили собой.

Заставляли их работать, а кто не мог работать, страшно избивали. И вот несмотря на то, что у нее на руках был грудной ребенок, она вынуждена была оставлять меня с бабушкой или дедушкой для того, чтоб их не били, ибо они были сильно истощенные и больные и не могли работать. Бабушка моя там и умерла. Над ними сильно издевались. Не было даже во что одеться. Я чудом осталась жива, была вся в гнойных ранах. Каждый, кто жил в этом бараке, старался хоть чем-то помочь, лишь бы спасти меня.

Тененбойм Борис

Родился 12 мая 1928 года в местечке Ялтушков Барского района Винницкой области. В настоящее время проживаю в Израиле, г.Ашдод.

До войны я учился в школе и жил с родителями в Ялтушкове. Отец, мать, сестра, брат были расстреляны в период оккупации Ялтушкова немцами.

Немцы оккупировали Ялтушков в августе 1941 года. Сразу же было создано гетто, где нам приходилось жить.

Всех способных работать, включая детей, гоняли из гетто на тяжелые работы: обслуживание, строительство и уборку территорий и дорог. В гетто собирались налоги (контрибуции) за то, чтобы нас не расстреливали. Но в августе 1942 года начались первые расстрелы. Были расстреляны моя мать, Тененбойм Роза Моисеевна, и сестра, Люся Ароновна, 1923 года рождения.

Мой отец был угнан на строительство дорог в с.Якущенцы Винницкой области. Всю зиму 1941-1942 гг. я работал на очистке дорог, ведущих в районный центр — Бар, а потом в августе 1942 года, когда немцы начали подготовку к массовым расстрелам и до нас дошли об этом слухи, мы с братом Изей бежали и скрывались в украинской семье Дземчик. Кирилл Дземчик был очень дружен с нашей семьей, и благодаря ему мне удалось остаться в живых.

К зиме, когда стал готовиться второй расстрел, мы с помощью Кирилла Дземчика опять бежали. Ночами шли в сторону Копайгорода. Весной 1943 года брата Изю поймали полицаи. Его расстреляли, но место и время расстрела мне неизвестны.

В апреле 1944 года я был освобожден советскими войсками в Могилеве-Подольском, после чего я вернулся в Ялтушков. В сельсовете мне помогли устроиться на работу на сахарный завод, где я проработал до сентября. А потом я получил письмо от сестры, которая разыскала меня, и выехал в сторону Москвы. Я нашел сестру, после чего оформился на работу.

В Москве я прожил до Дня Победы, а потом уехал жить в Днепропетровск и прожил там до апреля 1997 года, пока не выехал в государство Израиль, где и проживаю по настоящее время.

Тубис (Гольденберг) Соня

Родилась в городе Могилев-Подольском Винницкой области 17 ноября 1935 года. Жили мы по улице Покровская, 41 или 44, а потом переименовали в улицу Селянина, 54.

В 1941 году город оккупировали немцы, в сентябре 1941 года ночью сделали облаву в городе. Нас выгнали без вещей, еды на улицу, куда со всех домов сходились люди, и погнали в гетто вместе с родителями (Герш Давыдович и Роза) и братиком Димой, родившимся 17 ноября 1937 года.

В сентябре 1941 года всю нашу семью загнали в гетто, и там мы пробыли до освобождения города Могилев-Подольска от немецко-фашистских захватчиков по март 1944 года. После освобождения города мы вернулись домой.

Дом был разрушен и разгромлен, вся мебель была забрана соседями, были сорваны доски с полов, ими топили печки зимой, выбиты стекла в окнах, сорваны с петель двери и сожжены. Полный хаос, погром и нищета, голод и холод царил в доме. Все ограбили соседи-украинцы. Гетто находилось на улице Ставинской, где сейчас новая гостиница «Колос», на Комсомольском, на Полтавской, Пушкинской, огорожено каменным и колючим проволочными забором. Выход был возле гостиницы. Базар был там, где пожарная, возле улицы Ленина. В гетто с 1941 года мы жили в сарае, в нищете до конца войны. Во главе префектуры был румын. Румыны не убивали евреев. Полицейскими были евреи и украинцы: Гельман, Данилов, Кунис Шухмахстер, Барбулеску, который ходил с палкой. В июне вошли немцы в город Могилев-Подольский, взорвали шлюзы. В 1941 году осенью было большое наводнение, затопило город.

Мужчин гнали на тяжелую изнурительную работу. Женщин, девушек и детей — в немецкие госпитали. Стариков — на сельхозработы в поле собирать урожай, детей убирать колоски. В Могилеве-Подольском жили бессарабские евреи. В 1943 году была эпидемия тифа. Мы всей семьёй переболели тифом, работали с высокой температурой. Всех лечил доктор Бланк. Мы все голодали, были обморожены руки, ноги, все тело было опухшее от голода.

В гетто приносили к забору картошку, муку, крупу овощи фрукты, меняли еду на вещи, драгоценности, посуду.

Собирали мешки, зажигали костер, грелись. Когда немцы отступали, сильно бомбили мост через Днестр. 19 марта 1944 года освободили Могилев-Подольский.

В 1944 году в апреле мы с Димой пошли в школу №2. Учительницей была Раиса Николаевна, директор Цирульник ходил с палочкой, жена Нина была математиком. Учились мы с детьми из детдома. В детдоме жила воспитатель Нина Бурштейн с сыном Вилей.

В настоящем время я живу в Ашдоде(Израиль). Моему здоровью был нанесен непоправимый ущерб. С тех пор я болею хронической гипертонией, сахарным диабетом, страдаю депрессией, заболеванием сосудов ног, прошла центур — заболевание сосудов сердца.

**Шлюфман
(Гебель) Карла —
Сара**

**Шехтман (Гебель)
Рая — Рут**

В связи с тем, что, когда началась война, мне было 9 лет, моей сестре 4 года, я мало, что помню. До начала войны мы жили в городе Черновцы, недалеко от аэродрома. Наш дом был сразу разрушен, и мы были вынуждены переехать к тете (мамина сестра). Через некоторое время нас всех загнали в гетто. Потом нас загрузили в товарные вагоны. Доехали до Атаки. Помню, был очень большой дождь и грязь. Было очень много людей. Ходили под конвоем военных. Дошли до Днестра, и нас перевезли на пароме через реку, и мы оказались в Могилеве-Подольском. Сначала нас загнали в разрушенные дома без окон и дверей. Помню, было очень холодно, и мы были голодные. Папа, Гебель Берл, 1902 года, работал на стройке, пока не заболел и умер 30 мая 1942.

Моя мама, Гебель Ева (Френкель), 1906 года, работала в прачечной. Фотография нашего отца находится в Яд-Вашем.

Недалеко от нас жил начальник гетто, его фамилия была Мирошник. Он очень издевался над евреями. Когда начала наступать Советская Армия, немецкие и румынские войска начали отступать. Между ними было много предателей, была большая перестрелка. Мы прятались в подвалах. Ночью подорвали 2 моста через Днестр.

А утром, когда мы вышли, уже стояли 3 танка русских.

Начальник гетто не успел убежать, его сразу взяли в плен.

Вспомнила я, что мы там болели тифом. Так как моей сестре Шлюфман Карла-Сара (Гебел) было 4 года, и она ничего не помнит, мы решили написать вместе.

Шиф (Ройтман) Сарра

Родилась 12 марта 1932 года в городе Могилев-Подольский Винницкой области, Украина.

В начале войны 22 июня 1941 года я находилась там же. Жила вместе с родителями, братом и сестрой. В первые дни войны наш город бомбили, и поэтому мы бежали всей семьёй в село Озаринцы Могилев-Подольского района Винницкой области. В начале июля месяца в село Озаринцы вошли немецкие и румынские войска. Они нас всех выгнали из домов, много мужчин расстреляли, а над остальными издевались. Примерно во второй половине августа мы всей семьёй вернулись в Могилёв-Подольский. Конечно, нам жилось очень плохо, бедствовали, голодали, болели. Вся семья наша переболела брюшным тифом, я ещё, кроме тифа, переболела желтухой. В нашем городе немцы, румыны организовывали гетто, куда согнали всех евреев, в том числе и нашу семью.

Так мы промучились на оккупированной территории до освобождения города.

30 июня 1990 года вместе с мужем, детьми и внуками мы переехали на постоянное место жительства в государство Израиль, где и живём в настоящее время.

Школьник Анатолий

Родился 21 ноября 1941 года в Могилев-Подольском в гетто, где я находился с матерью и старшей сестрой, Школьник Идой, которой было 4 года и 6 месяцев. Я лично не помню ничего, так как я был младенцем.

По словам матери, мы находились в гетто до 1942 года, оттуда нас перевели всех в концлагерь Печора.

Там мы находились до 1944 года, нас вывел из лагеря, бывший узник, Герман Моталы, который, к сожалению, умер здесь в Израиле.

ГЕТТО МУРАФА

Мурафу заняли немцы 20 июля 1941 года. В местечке оставалось около 800 евреев. Осенью и зимой 41-42 года сюда было депортировано около 4000 румынских евреев. В начале 1942 года в Мурафе был создан совет общины (из румынских евреев) и еврейская полиция. На присылаемые из Румынии деньги и средства были организованы бесплатная кухня, больница на 25 коек, аптека, школа и детский сад, а так же детдом на 300 мест. 19 марта 1944 года Мурафа была занята партизанским отрядом, возглавляемым двумя местными евреями.

Окинъ (Калишер) Фаина

Родилась 18 ноября 1932 года в селе Ефимовка Шаргородского района Винницкой области.

Отец: Калишер Наум Исаакович родился 1924 году в селе Ефимовка. Мать, Калишер Аделя Ефимовна (в девичестве — Гасс), родилась 1902 году.

Отца забрали в концлагерь, где погиб (повесили) в 1943 году в районе Пятихатки. Мама умерла в 1979 году.

До войны отец работал в торговле, а мама была домохозяйкой.

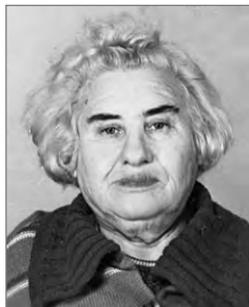
Сначала нас (в селе Ефимовка было 5 семей еврейских) согнали в дом бабушки, и каждый понедельник приезжали из жандармерии.

Выводили нас всех (21 чел), мы жили в двух комнатах, выстраивали по росту и проверяли по списку на глазах у сельчан. Никому не было известно, вернёмся мы в дом или нет.

Потом нас перевели в Мурафское гетто, где мы были до освобождения (до 20 марта 1944 года).

После войны пошла в школу. Окончила техникум советской торговли. Работала заведущей магазином, старшим продавцом.

В 1995 году репатрировалась в государство Израиль.

Томашпольская Дора

Родилась в 1918 году, проживаю в городе Ашход. Жила в местечке Мурафа, Шаргородский район, Винницкой области, Украина.

Семья моя — отец, мать, четверо сестер и один брат. Началась война. Я вышла на улицу и увидела, как вошли немцы, мотоциклы, без боя захватили местечко. Началась страшная, невыносимая жизнь. Голод, холод, издевательства, немцы ночевали в нашем доме.

Мы были страшно напуганы, пришлось всё терпеть, нечеловечески тяжелые условия. Издевались, кричали: «Юден капут!», гнали на работу, руками заставляли копать картофель, убирать казармы, мыть туалет под ногайками фашистов. Сестра моя Татьяна была похожа на русскую и могла выйти на улицу, а мы находились в погребках, и только вечером выходили на улицу. В один прекрасный вечер постучался к нам староста по имени Микита и забрал отца и сестру в полицию. Сестра взяла свою 3-х летнюю дочь и пошла в полицию. Полицай начал бить её плеткой по руке. Ребенок начал плакать, сестру отпустили домой, она оставила ребёнка, и её снова забрали в полицию. Страшно избили, она вся была чёрная от побоев, и в таком же состоянии был мой отец. Но все обошлось. К нам присоединились евреи из Буковины с детьми и румынские евреи. Когда немцы отступали, то румыны тоже издевались над нами, они своё не упустили. Мы с сестрой собрали детей, их было 30 человек, помыли их, переодели. Одежду нам приносили крестьяне из ближайших сёл, приносили еду. Очень много людей умирало от голода и холода. Не было дня, чтобы не хоронили. Наступил долгожданный день, март 1944 года, нас освободили, но ещё больше года шла война. И когда пришел День Победы, все радовались, ликовали со слезами на глазах. Пусть никогда больше не повторится страшная трагедия. Пусть всегда будет мир!

ГЕТТО МЯСКОВКА

В июле 1941г. немцы заняли Мясковку после активной перестрелки. Затем передали власть румынам, и начался кошмар. Облавы, вылавливали евреев и отправляли на работы, издевались над ними. В марте 1944 года местечко освободили.

Дерен (Поповская) Поля

Родилась 12.04.41 года в местечке Мясковка (Городновка) Винницкой области Крыжопольского района. Отец, Поповский Ангель Мошкович, родился в 1894 году там же.

Мать, Поповская Лейка, родилась в 1895 году там же.

Сестра, Поповская Фейга Ангеловна, родилась в 1926 году 18 июня.

Сестра, Сима Ангеловна, родилась в 1932 году 5 марта.

Брат, Борис Ангелович, родился в 1935 году 10 февраля.

Брат, Фима Ангелович, родился 1939 года 11 марта.

Все мы находились с 1941 по 1944 годы в гетто м.Мясковка Крыжопольского района Винницкой области. Отец и мать, по их рассказу, очень тяжело работали там.

Над ними издевались, забрали детей, над которыми тоже издевались, и проводили разные медицинские эксперименты, делали уколы и всякое другое. Есть и пить почти не давали, а если что-то давали, то это было «помойная» еда. Каждый раз были расстрелы и пытки. Многие украинцы работали у немцев надсмотрщиками и выдавали евреев. Многие еврейские семьи отправили в Германию.

Когда же вошла в 1944 году Красная Армия и освободила нас, у нас началась новая и счастливая жизнь.

Лозвер (Лехтер) Сура

Родилась 9 января 1930 года в районе Сынжирей, Молдавия.

Когда началась война, мы стали убегать, шли долго пешком, попали в гетто Мясковка, Крыжопольский район Винницкой области.

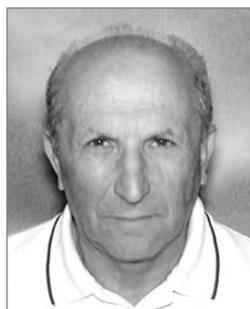
С 1941 по 1944 годы со мной были мои родители, брат, сестра с мужем. Отец, Лехтер Ютка Исаакович, 1898 года, мать, Лехтер Неся (девичья фамилия Зекирович) Лейловна, 1905 года рождения, брат, Лехтер Ицък Юмпович, 1925 года рождения. Были еще бабушка с дедушкой и тетя с детьми, но их убили немцы. Выгоняли нас на работу, мы были голодные, раздетые, босые на снегу. Мне в то время было 9 лет. Мужчин забирали и гоняли строить мост, били, издевались. Нас выгоняли на поле. Пололи, собирали урожай кукурузы, подсолнухов. Загнали нас на склад, где хранили пшеницу, и хотели нас всех сжечь. Часто собирали мужчин в комендатуре, избивали и отпускали, и папу тоже сильно избивали. Он пришел домой весь в крови, и так всё это продолжалось до 1944 года, пока не пришли русские и не сказали, чтобы все семьями шли домой, наладить все дома, а потом мужчины все ушли на фронт.

ГЕТТО ОБОДОВКА

28 июля 1941 года в Ободовку вошла немецкая танковая часть, а в августе 1941 года было установлено румынское управление. Еврейский квартал был превращен в гетто и обнесен колючей проволокой. В ноябре 1941 года в Ободовку прибыло около 10000 депортированных евреев из Румынии, которых разместили в коровниках и свинарниках. Зимой 1941-1942 годов несколько тысяч узников гетто умерло от эпидемии тифа. В гетто была создана бесплатная столовая и больница на 12 человек. Жителей гетто принудительно использовали на строительных и сельхоз работах. В гетто содержалось около 11000 человек, 5 тысяч было уничтожено. Ободовку освободили 14 марта 1944 года.

Балановский Филипп

Родился 3 октября 1938 года в местечке Ободовка Троснецкого района Винницкой области.

До начала Великой Отечественной войны мои родители работали разнорабочими на Ободовском сахарном заводе. В начале войны в 1941 году мой отец Балановский Моисей был мобилизован на фронт, где в 1944 году пропал без вести.

Я, мать и сестра (1934 года рождения), дедушка и бабушка не успели эвакуироваться и остались на оккупированной немцами и румынами территории.

Сразу же после прихода оккупантов в Ободовке был создан лагерь — гетто, куда были согнаны евреи из Буковины, Бессарабии и местные жители.

Гетто находилось на территории бывших коровников, воловни.

Территорию гетто обнесли колючей проволокой.

Все евреи, даже дети, обязаны были носить на одежде желтые звезды. Еврея без такой желтой звезды сразу расстреливали.

Мать вместе с теми, кто ещё мог стоять на ногах, ежедневно выгоняли на работу в бывший совхоз «Дубина», который находился в 7 км. от гетто.

Условия в гетто были ужасные: все лежали на соломе, было постоянно холодно и голодно. От таких невыносимых условий свирепствовал тиф, люди умирали сотнями. Больные и умершие лежали рядом со здоровыми.

14 марта 1944 года стало для евреев Ободовки самым счастливым днём:

Красная Армия окружила немецкие и румынские войска, дислоцированные в нашем местечке.

Фашисты не успели расправиться с нами, а в соседних местечках, когда стали приближаться советские войска, все евреи были уничтожены.

Гейман Семен

Родился в городишке Балта Одесской области в 1927 году в семье рабочего. Отец мой, Гейман Иосиф, работал стекольщиком в промкомбинате Мама, Гейман Соня, была домохозяйкой. В семье нашей было 5 братьев и сестра. Семья наша жила в достатке, и дома всегда был покой и уют.

Когда нагрянула война, в середине июля немецкие и итальянские десантники появились в Балте.

Сразу же была создана комендатура и развешаны приказы о сборе всех евреев на площади рядом с комендатурой. Люди стали прятаться, кто, где мог, зная, что скоро начнутся репрессии. Начались дни, когда не было еды, болезни преследовали всех. Из-за голода и болезней я и брат Саша попали в больницу. А в это время мою мать и остальных моих братьев, и сестру этапом отправили в Ободовку Винницкой области, где было создано гетто.

После больницы мы с братом пешком пробрались из Балты в Ободовку, чтобы присоединиться к нашей семье.

Много горя мы познали в гетто.

Работали с раннего утра до глубокой ночи. Не было еды, меняли у местных крестьян все, что можно было. Надо было выбираться из гетто, пока не погибнем от голода и непосильного труда. Ночью нам удалось выбраться из Ободовки и, прячась, добраться обратно в Балту.

В 1944 году меня призвали в армию. Там я пробыл до окончания войны.

В 1951 году женился, и уже 52 года мы с женой вместе, воспитали двух детей и 5 внуков.

Есть уже и правнуки в Израиле.

Мы с женой и одной дочкой живем в Ашдоде. Другая дочка живет в Беер-Шеве. Жизнь наша протекает хорошо.

Мы благодарны судьбе, что Бог подарил нам благополучные и счастливые годы старости.

Мир и счастье всему народу Израиля!

Гельман (Герман) Молка

Родилась 7 ноября 1939 года в селе Друиторы Рышканского района в Молдавии. Сама я не помню начала войны и пребывания в гетто, но знаю немного из рассказов своих родителей. Мой отец, Герман Хаим Ицкович, 1910 года рождения, мать, Герман Голда Моисеевна, 1916 года рождения.

Когда началась война, моя семья жила в селе Друиторы, это 4 км от границы с Румынией.

В этом селе было 12 еврейских семей, это были все родные моего отца.

5 семей, в этом числе и мы, пытались убежать на подводе, взяли даже корову. Мне был год, мама была беременна. Мы успели отъехать от села на расстояние около 30-35 км. Добрались до села Бричева (это было чисто еврейское село). Там собралось очень много евреев (более 100 человек). И здесь нас догнала немецкая армия. Всех евреев выгнали за деревню, и поступил приказ: «Всех расстрелять!», солдаты уже приготовили винтовки, но тут на лошади прискакал немец и закричал: «Прекратить, всех домой!». Это было первое везение.

Мы вернулись. По дороге жители села Боробой ограбили нас. Шли уже пешком, старались идти через поля, мимо сёл.

Когда мы были на расстоянии около 20 км от нашего села, ночью крестьянин побежал в полицию села Заиканы и выдал, что идут «жиды». Нас всех забрали в полицию. Но нам снова повезло. Мой дядя Тойва Винкельштейн (муж папиной сестры) дал шефу полиции золото, и тот нас отпустил. И мы продолжили свой путь. В селе Воротик нас закрыли в каком-то доме, и снова был приказ «расстрелять», но, видимо, судьба наша была — выжить, шеф полиции хорошо знал моих родителей и не хотел расстреливать, как он выразился, хороших людей. И вот, наконец, мы добрались в своё родное село.

Там всех мужчин-евреев согнали в дом моего дяди Тойво, а женщин в другой дом (это были самые большие дома). Охраняли нас румынские полицейские. Там мы были около 10-12 дней. И снова нас спас от расстрела шеф полиции, румын по национальности. К сожалению, я не помню его фамилии, но он спас очень много евреев в Друиторах и других окрестных деревнях. Он праведник, и в его честь посажено дерево на алее праведников в Иерусалиме.

А потом пришел приказ отправить нас из села. Шеф полиции нас предупредил, чтобы мы взяли с собой еду и одежду, но у нас уже ничего не было. Мой отец пошёл к офицеру-молдаванину, он забрал из нашего дома всю пшеницу, кукурузу и всё, что было, жил в доме папиной сестры Суры. Когда папа пришел к нему и попросил дать что-то поесть для ребенка (т.е для меня), тот ответил на молдавском: «Жидок, видишь винтовка, я тебя сейчас застрелю».

Папа вышел, сел на землю и заплакал, его увидел другой молдаванин - дядя Еремей Цуркон. Он взял отца к себе и дал ему целую сумку продуктов.

В общем, нас в один день собрали и погнали. Дошли мы до посёлка Рышканы, и нас поселили в бывшем имении. Туда согнали всех евреев района, которые не успели эвакуироваться. Нас было около 500-600 человек. Жили в одной комнате по 30-40 человек, спали так, что даже невозможно было повернуться. В этом имении мы прожили около 3-4 недель. И каждые 2-3 дня из нашего села приезжали 2 крестьянина и привозили нам еду, которую собирали все жители деревни.

А когда нас погнали из Рышкан, нам привезли одежду, какие-то чашки, тарелки, продукты. Эти крестьяне Иреня Куляк и Владимир Цуркан. Они нас спасли от голодной смерти. Из Рышкан нас гнали через Бельцы. И вот в Бельцах — мама рассказывала — выдавали нам кипяток, стояла длинная очередь, моя мама, с животом, и я у неё на руках, протянула кружку, и румын-полицай вместо кипятка неожиданно сильно хлестнул её кнутом по лицу, по животу. Мать от испуга выронила меня, и счастье, что отец стоял сзади, подхватил меня. Таких случаев было много.

И вот дошли мы до Косоуцкого леса (это в Молдавии). Сюда согнали несколько тысяч евреев со всей Молдавии.

И начались массовые расстрелы. Папа рассказывал, как это было. Всех нас разделили на партии (группы): мужчины выкопали ямы, и всех поставили на краю. И мужчин из следующей группы заставили стрелять, а потом закапывать всех, живых и мёртвых. Люди падали штабелями.

Наши родные попали в 4-ю группу. И папе пришлось, копать, стрелять и закапывать живых людей. Когда нашу группу собирались расстрелять, пришёл приказ: отменить расстрел. Снова (в 5-й раз) нам повезло.

Мы остались живы. Спаслось много людей, сколько — я не знаю. И нас погнали дальше. По дороге нам попадались хорошие добрые люди, крестьянки из деревень выносили нам пищу, им не разрешали нас кормить. Они бросали нам хлеб, и кто-то ловил, кто-то поднимал его с земли, ведь мы голодали. Наконец, дошли мы до села Ободовка Винницкой области, где было гетто. Там мы и жили до освобождения в страшных условиях. Родился мой братик, который прожил всего 3 дня. Роды у мамы принимала жена папиного отца на печке дома. Как только успел братик родиться, так начали обстреливать дом. Печка спасла маму и тётю. Братика задушили ночью, кто-то, видимо, нечаянно наступил на него, ведь спали все на полу, тесно друг к другу.

О жизни в гетто я мало знаю. Знаю, что папу гнали на работу, знаю, что среди наших евреев тоже было предатели.

Меня спас от голодной смерти отец моего дяди Тойвы, муж папиной сестры, я его называла дедушка Авраам. У него были золотые вещи, и ему удавалось их менять на еду, и он меня кормил. О гетто Ободовка, наверно, многие написали, т.к там много людей остались живыми.

В нашей семье умерли бабушка, дедушка, братик, тётя с сыном, тётя и дядя отца, и ещё несколько человек. Мамина семья было в другом гетто, и они почти все погибли.

Мама вспоминала, что мы носили желтые звезды. Она работала в разных домах у украинцев, её и других выпускали за пределы гетто под конвоем. Когда нас освободила Советская Армия, мы пошли пешком домой.

И снова по дороге домой мы встречали и злых, и добрых людей. Это уже мои воспоминания: мне уже было около 5 лет, мы шли по украинской деревне, одежды мы были в тряпье, худые, страшные, я была почти голая, вся в прыщах и ранах. Одна старушка, она тоже была бедной, сняла коврик с пола, сшила мне подобие платья, чем-то смазала мои раны, с большой теплотой накормила нас. Ещё помню в другом селе богатый двор, и я с двоюродным братом подошла попросить еду, хозяйка натравила на нас собак.

Я была ещё маленькой, когда поняла, что нет плохой или хорошей нации, а просто есть плохие и хорошие люди. Хороших больше, ведь румын - шеф полиции спас нас от смерти, и тоже румын — ударил маму плеткой. Молдаванин Демьян, обокравший нас, чуть не расстрелял отца только за то, что он попросил еду для ребенка. Также молдаванин Иврения Владимир и ещё многие односельчане не дали мне умереть голодной смертью.

А когда после войны мы вернулись в свой пустой дом, и у нас ничего не было, снова нам помогли добрые люди. Очень хорошо помню, как наша соседка, тётя Ефтиния Бригач (родная сестра злодея Демьяна, о котором я писала) подкармливала меня всё время, хотя сама жила бедно, и у неё тоже было двое детей. Когда у них появлялась еда, она меня звала к себе и садила за стол, назвала она меня ласково «Молкушоара». Ещё соседка, тётя Елена. Женщина из соседнего села, звали её тётя Войничха, фамилия Янцеловская (это была деревня, в которой жили поляки), у неё были две дочки Мила и Оля, они брали меня к себе, кормили, давали одежду и подарили поросёнка. Не могу забыть доброту тёти Килины Куляк и тёти Наташи Цуркон (жены крестьян, привозивших нам пищу в Рышканы в начале войны).

Я им всем очень благодарна.

И когда я, уже став взрослой, училась в институте, а потом работала учительницей в г.Рышканы, я каждое лето ездила к ним (пока они были живы) и привозила им подарки. А потом посещала их могилы. Даже, живя уже в Израиле, я в прошлом году ездила в Молдавию, и, конечно, была в Друиторах на могилах своих дорогих молдаванок, встречалась с их детьми и внуками.

Люди должны помнить добро, а зло, конечно, трудно забыть, но мне кажется, что зло потом наказывается кем-то свыше, Богом.

В начале своих воспоминаний я написала о крестьянине из села Боробой, ограбившем нас. В 1997 году я разговаривала со стариком из этого села (он 1929 года рождения), который вспомнил об этих событиях, и рассказывал, что эти люди, которые ограбили нас, грабили много евреев, сначала они, конечно, разбогатели, но все закончили свою жизнь плохо. Они были наказаны за зло.

Я всегда себя спрашиваю, как нам удалось выжить в этом аду?

Видимо, таково было предназначение судьбы. И слава Богу!

Дубирный Михаил

Родился 3 января 1926 года в местечке Ободовка Винницкой области на Украине.

До 1941 года я окончил 8 классов Ободовской средней школы. В 1941 году 22-ого июня началась война с Германией. Мы эвакуироваться не успели и остались в Ободовке. Семья большая: четверо детей при больном отце остались.

Первые вошли к нам немцы, но никого не тронули. Потом заменили их румыны. Нас согнали в определенное место по 5 семей в один дом и окружили проволокой, и назвали «гетто». Выходить без разрешения никто не имел права, а на работу гнали в колхоз на уборку гороха, причем, у каждого должна быть из материала большая звезда на груди и на спине.

Я часто вырывался из гетто на мельницу, колоть дрова в локомобиль, и ребята давали бутылку масла, немного муки — и так мы перебивались. Однажды нас собрали и отправили на станцию Жеребково на работу. Работа была тяжелая, и человек 5 сбежали. Прошло несколько дней, нас поймали, и полицаи гнали нас, как скот, бегом. Пригнали в Жеребково в полицию, а на ночь загнали в баню и налили воду по пояс, чтоб не спали. Поработали некоторое время, и я с товарищем опять убежал.

В 1943 году нас из гетто взяли на работу в совхоз «Дубина» для уборки урожая, и меня как молодого прикрепили к одной косилке, косить хлеб, водить волов. А я был босой, и, бегая по скошенной пшенице, резал ноги до крови, а вечером ноги становились, как колоды.

Один человек из партизанского отряда пришел в гетто и шестерых нас забрал в лес для охраны мостов, мельниц, пекарни, где я пробыл 6 дней. Затем мы соединились с частями Красной Армии.

Надлер Шика

Родился в 1921 году, жил в 1941 году в пос. Рышканы в Молдавии, граница с Румынией очень близко. Через неделю после начала войны немцы и румыны оккупировали Рышканы. Все евреи были собраны в одном месте и отправили нас в Маркулешты, откуда нас гнали в лес Косоуцкий. Потом погнали нас в Украину. Я попал в гетто Ободовка. Это было примерно в октябре 1941 года, оттуда нас гнали в Бершадь и в другие места, и, наконец, в коровниках Ободовки мы остановились.

В этом гетто мы были до апреля 1944 года. Я вспоминаю, как мы жили, а верней, существовали, голодали, замерзали и болели долгое время. Евреи от болезни и голода умирали десятками в день. Когда начались дожди и морозы, мы ночью ушли из коровников и перешли в поселок Ободовка туда, где было огорожено проволокой. Мы просили жителей Ободовки нас принять. Помню — одна пожилая женщина Молка — ее сын парикмахер был мобилизован — нас приняла на несколько дней. Потом снова стали нас гнать, и мы ходили по домам просить хлеба, ибо все голодали и болели. Я временами работал и выжил.

В марте 1944 года нас освободила Советская Армия, и мы вернулись в Молдавию, где жили до войны.

ГЕТТО ОЗАРИНЦЫ

С первых дней оккупации всех евреев загнали в синагогу и держали продолжительное время без воды и пищи. В первый день расстреляли 20 мужчин, а через неделю резали ещё 28 человек.

Людей заставляли работать на полях и карьерах. Они умирали от тяжелого труда, голода и болезней. Освободили гетто в марте 1944 года.

Боровский Лазарь

Родился в 1935 году в селе Озаринцы Винницкой области, Украина. Это было очень красивое местечко. Там проживали только еврейские семьи, а рядом было украинское село. Жили до войны очень дружно. Вместе играли, купались в реке.

Но в 1941 году началась война. Евреев согнали в гетто, и закончилось счастливое детство. Голод, холод, издевательства. Украинец Яким привел румын, началось убийство молодых ребят. Почти в каждой семье был убитый. Потом пришли немцы из спецкоманды, они расстреливали всех активистов, комиссаров и евреев.

Нас детей заставляли работать. Побои, унижения, голод — это запомнилось нам, бывшим узникам гетто.

В 1990 году репатриировался в Израиль с семьей. Живу в Ашдоде, тяжело болен. Этот ужас никогда больше не должен возвратиться.

ГЕТТО ОЛЬГОПОЛЬ

Оккупация Ольгополя продолжалась с 26 июля 1941 года по 22 марта 1944 года.

Румынские власти превратили еврейский квартал в гетто, где жили 100-150 местных семей, а также несколько семей евреев, депортированных из Бессарбии, Балты. Многие обитатели гетто погибли в ноябре-декабре 1941 года от тифа.

В мае 1943 года в Ольгополь привезли около ста румынских евреев-патриотов из «политического» лагеря Вапнярка. Созданный ими совет гетто организовал уход за детьми, открыл бесплатную столовую, баню, больницу. По данным румынской статистики в 1943 году в гетто было около 700 евреев, из них около 500 местных. Освободили гетто в марте 1944 года.

Мейльгендер (Вишкауцам) Фаня

Родилась в местечке Вад-Рашков Котюжанского района, Молдова.

В 1941 году в июне месяце началась война.

Первые бомбы упали на Молдову. Наша семья: отец, мать и четверо детей - в 4 часа утра сели на подводу и через Днестр перебрались в Каменку. Утром мы попали в

ПЛЕН К РУМЫНАМ.

Нас всех построили, так как я была самая маленькая, мать держала меня на руках. И в это время один из румын выстрелил, и пуля пролетела возле меня. Мама начала кричать, на что румын ответил: « На одну жидовку будет меньше».

А через несколько дней меня и мою сестру забрали у родителей, отвезли в какое-то село и оставили в каком-то сарае. Там уже было много детей.

Через несколько часов мы слышали голоса своих родителей. Мы начали кричать: «Мама, мама!» Так они нас нашли.

На второй день мы ушли оттуда и ходили из села в село, ночевали на улице в стогах села. В каком-то селе одна местная жительница, украинка, забрала нас к себе, накупала, накормила и оставила ночевать.

А ночью кто-то постучал в дверь, и она открыла. Зашёл мужчина с автоматом. Женщина нас успокоила сказав, что это её сын.

Оказывается, он был партизаном. Он сказал, чтобы мы сейчас же уходили, ибо румыны узнали, что мы здесь.

И мы ушли, а ночью нас нагнали румыны. Забрали у нас все, что у нас было. Мы начали плакать, и они наспустили. Так мы дошли до Ольгополя. Нас встретил мужчина и спросил, откуда мы. Мы ответили, что из Вад-Рашкова. Тогда он нам сказал, что староста гетто тоже из Вад-Рашкова. И он, Яша Пельтце, принял нас в это гетто и сказал, что здесь вы будете жить и работать, но надо «подмазать» хозяев: шефа поста и шефа отделения. Надо немного золота и одолжите вашу старшую дочку на ночь для шефа отделения. Моя мама начала рвать на себе волосы, и мы убежали. Яша рассмеялся, сказав, что мы сумасшедшие люди. «Идите, чтоб вашей ноги здесь не было!» Мы шли и вдруг увидели человека в черных очках. Он позвал нас, расспросив, что случилось. Папа всё ему рассказал, и тогда он направил нас обратно в гетто, сказав, чтобы Яша не смел нас трогать, иначе, он будет иметь дело с партизанами!

И мы оставались в гетто до конца войны.

Когда кончилась война, румыны забрали нашего отца и всех мужчин с собой. А, мы, все женщины с детьми, дошли до Молдовы в местечко Вад-Рашков.

Дом наш сторел, нашли какой-то домик, где и жили.

Через год отец вернулся из Румынии.

Я окончила среднюю школу, медицинское училище в городе Бельцы. Потом вышла замуж в городе Флорешты.

В 1982 году муж умер, и я осталась с двумя сыновьями.

В 1991 году мы приехали в Израиль и живем в городе Ашдод.

Шварц (Перельберт) Ева

Родилась в селе Ольгополь Винницкой области (Украина) 18 марта 1930 года.

Отец, Меер Фателевич Перельберг, до войны работал сапожником, мать, Фейга Мортковна, работала портнихой. До начала войны, до 1941 года, я успела окончить 4 класса, на этом моё образования прервалось. В первые же дни войны отца забрали на фронт, и мать с 3-мя детьми на руках осталась в селе.

Когда в Ольгополе образовалось гетто, нас туда и определили. Много я помнить не могу, и не только по причине детского возраста, но и потому, что мама меня постоянно прятала от немцев и полицаев. Она специально одевала меня неряшливо, да и одеть то нечего было, не расчесывала, насколько можно было, пачкала моё лицо и т.д. Может быть, благодаря этому при насилии и зверствах, царивших в гетто, я осталась нетронутой. Мать вначале работала на кухне у полицаев, она была хорошей стряпухой, а я мыла там же посуду, подметала полы, скоблила столы и т.д. Поздней осенью нас выгнали собирать свеклу на полях. Затем прошёл слух о том, что мама прекрасная портниха, и она начала всех обшивать, это нас и спасло.

После войны я окончила 7 классов и пошла работать, и т.к. отец вернулся с фронта инвалидом 2-ой группы.

В 1951 году я вышла замуж, муж — Зинович Шварц, родила двоих детей и в 1990 году репатрировалась в Израиль. Муж умер в 1989 году, и с тех пор я живу одна.

ГЕТТО ПЕСЧАНА

В августе 1941 года было образовано гетто. Всех евреев заставили носить шестиугольные звёзды. В январе 1942 года сюда были согнаны беженцы из Буковины и Бессарабии. Евреев использовали на разных работах, немного подкармливали. Это дало возможность выжить. Освободили гетто в марте 1944 года.

Верожинская (Гройсман) Рахиль

Родилась 4 января 1931 года в селе Котюжаны, Бессарабия.

Когда началась война, я со своими родителями — отцом, Гройсман Хаимом, и матерью, Гройсман Фейгой, сестрой Тубой, братьями Шмилем, Лейви и сестрой Молкой эвакуировались. Доехали до местечка Рашков (Украина) и попали

в плен к немцам.

Нас погнали до местечка Зенитково (Украина), поселили нашу семью и еще несколько семей в 3-х комнатную квартиру. Ночью пришли трое немцев и стали выгонять мужчин на расстрел. Выгнали и нашего отца, но мы, дети, сообразили и положили его на землю, и все пятеро детей на него сели. Таким образом, спасли его от расстрела.

В ту же ночь изнасиловали в нашем доме в присутствии всех глухонемую девушку. Она кричала таким голосом, я никогда не забуду этот крик.

Потом нас погнали дальше.

Прошли пешком много деревень, много километров на протяжении нескольких месяцев, затем нас всех поселили в поле. Местом нашего жительства стала конюшня с грязной подстилкой, стойло для коров. Увозили людей прямо в крематорий.

Название этого села не помню, но это было на Украине в Одесской области. Среди угнанных была и моя бабушка Шлафтон Злота, которую сожгли в крематории. Нас в этой конюшне осталось мало в ожидании своей очереди. Но однаж-

ды ночью к нам неожиданно зашли 3 мужчин и сказали нам, чтобы мы убежали, ибо тех людей, которых раньше увезли, сожгли. Эти мужчины назвали села, где нет немцев, а только румыны. Той же ночью все пошли, кто куда.

Моя семья прошла много сел, пока добралась до села Пужонково Одесской области. Нашу семью приютила семья Живочь Дмитрий и Мария. Они нас прятали на русской печи. Но скоро мы все заболели тифом, и староста села проверял каждый дом, предполагая, что кто-то сбежал из гетто (километров 4-5 от села Пужонково находилось гетто Песчана). Нас обнаружили, и тут же отправили в гетто Песчана Одесской области, где наша семья находилась с 1941 года до марта — апреля 1944 года, т.е. пока гетто было освобождено Красной Армией.

После освобождения мы вернулись в село Котюжаны, Бессарабия. Там я окончила школу, затем юридическую школу в городе Кишиневе. Работала в суде, затем переехала в город Бельцы, где прожила до репатриации в Израиль, т.е. до 1991 года. Я вдова, имею одного сына Верожинского Ефима. В настоящее время живу в Ашдоде.

Я желаю всему миру не пережить то, что пережили мы — узники гетто.

Сигал Иосиф

Родился в 1928 году в селе Песчана Савранского района Одесской области. Наша семья была большая, многодетная. Отец был портным, мать — домохозяйкой. В нашем селе до 1937 года была еврейская школа, еврейских семей в селе было около двадцати. Была и синагога.

Великая Отечественная война застала нас в этом селе. Семеро детей, родители, родственники — мы не успели эвакуироваться.

В августе 1941 года, сразу же по приходу фашистов, в селе образовали гетто. Всех евреев заставили носить шестиконечные звезды. Жизнь стала невыносимой. Зимой 1941 года всю нашу семью выгнали на площадь. Там в лютый мороз вместе с другими евреями мы простояли до утра. А потом еще и день. Не разрешалось уйти с площади даже по надобности. Люди замерзали от холода.

Затем всех нас погрузили на подводы и повезли. Куда? Никто не знал.

С нами был младший брат Абрам, 1941 года рождения. Он был еще грудным ребенком (8 месяцев). Нас везли двое суток в сопровождении полицаев. По дороге многие замерзли. Вокруг валялись трупы людей. У сестры Бети отморозились пальцы на ногах, и она осталась калекой на всю жизнь.

Привезли куда-то нас глубокой ночью и бросили в бараки. Вернее, в недостроенные свинарники. Бараки находились далеко от населенного пункта Ободовка (Винницкая область), поэтому у нас не было даже воды. В бараке лежали все вместе — живые и мертвые. Страшно свирепствовал тиф. В первую же ночь к нам в бараки пришли местные полицаи, которые стали избивать нас, требуя золота, драгоценности. Даже не помню, сколько времени мы находились в таких нечеловеческих условиях. Сестра Рая (3 годика) умерла от голода. У мамы пропало молоко, нужно было как-то кормить ребенка.

Питались мы тем, что могли достать ночью на поле: мерзлой картошкой, бураком. Через месяц мы решили бежать во чтобы то ни стало. Иначе всех нас ждала гибель. Старшая сестра Поля нашла знакомого старика — украинца, и ночью он вывез нас до местечка Бершадь. Там нас временно спрятали, приютила учительница. Мы находились в маленькой комнатухе.

Мы никуда не выходили, потому что кругом были фашисты и полицаи.

Учительница приносила нам, что могла из продуктов. В школе мы пробыли несколько дней. Далее мы решили не рисковать. Ведь по первому доносу она могла лишиться жизни. Наша семья решила самостоятельно добираться до своего дома в Песчанах. Шли мы только по ночам. Старшие дети несли маленьких. По дороге были люди, которые жалели нас, давали что-то поесть. Но обычно в дом переночевать не пускали — боялись.

Дом, в котором мы жили, был разграблен. Мы сразу попали в гетто. Я стал работать у немцев в конторе. Чистил лошадей, выполняя самую тяжелую работу. За это получал объедки.

Все, что давали, я приносил домой, чтобы как-то спасти от голода семью. Старшая сестра Поля стирала белье у румын. Однажды по дороге домой меня встретил полицейский и хотел расстрелять. Но я чудом ушел. Все в нашей семье переболело тифом.

В 1943 году фашисты забрали отца на строительство моста в селе Варваровка Николаевской области. На этих работах он отморозил ноги. Вернулся уже инвалидом. Долго не мог ходить.

Освободила нас Красная Армия в 1944 году. А на следующий год я поехал учиться в Одессу в профессионально-технического училище, где и получил специальность маляра-штукатур.

В настоящее время проживаю в Ашдоде вместе с супругой Идой.

Прошло немало времени, но детские воспоминания всегда со мной. Много раз я был на грани гибели — от расстрела, от голода, холода, болезней. Но моя жизнь сложилась так, что я прошел сквозь все смертельные испытания и остался жив.

Сойбельман Рива

Родилась 28 августа 1928 года в Вад-Рашков, Котюжанский уезд Бессарабии.

Во время бомбардировок летом 1941 года был разрушен наш дом, и наша семья: мама, папа и нас трое детей - переправились на лодках через Днестр.

Дошли до Рашкова, оттуда — до Каменки, где нас ограбили, всё имущество было забрано грабителями.

Отступающие румыны под конвоем вели нас по селам и запрещали брать у местных жителей воду и хлеб, при попытках взять хлеб били нагайками. На дорогах валялись трупы детей и взрослых. Дошли до украинского села Саврань.

В Саврани еврейская женщина предупредила, чтобы быстрее вошли в её дом, т.к. немцы забирают с улиц мужчин и уводят в неизвестном направлении. Мы зашли к ней на ночь, а утром в 4-5 утра мы ушли и дошли до с.Песчана — там было гетто. Мы остановились в разрушенном доме, а мой отец нашел солому, постелил нам на полу. Еды и воды не было. Отец надеялся у кого-то поработать, чтоб заработать, однако ему это не удалось, мы остались без еды, без постели. Через пол месяца 4 января 1942 года умер отец от холода и голода.

Ещё через 2 недели умерла мама, ей было 38 лет, папе — 42 года.

Через 3 месяца умерла 7-летняя сестра — обмороженные ноги.

Летом мы с братом просили подаяние в окрестных селах, но люди боялись тифа и не пускали нас в дом.

Через пару месяцев мы стали жить в доме в одной комнате.

Ночью немцы искали девочек.

Мне удавалось прятаться.

3 раза нас готовили к расстрелу, отделив детей от взрослых. И все 3 раза расстрел отменяли.

Летом немцы заставляли нас работать в поле, мы складывали тюки с сеном. Работала у людей в домах.

В 1944 году немцы отступили, нас освободили, и я с братом вернулась на родину. Дом был разрушен.

КОНЦЛАГЕРЬ ПЕЧОРА

В селе Рогизна был лагерь, затем в августе 1943 года его перевели в Печору, где уничтожили 539 человек, из них 166 детей. В Печоре находились 11000 евреев. Уничтожено 9450 человек. Около 1200 евреев остались в живых и были освобождены частями Красной Армии в марте.

Беккер (Мугерман) Соня

Родилась я в местечке Шпиков Тульчинского района Винницкой области. Наша семья состояла из шести человек: отец, мать, брат, старшая сестра и я, самая младшая. Жили мы, дети, беззаботной, безоблачной жизнью.

Началась война. Эвакуироваться мы не успели, хоть всё было готово к отъезду. Война сама дошла к нам. Мы сразу это почувствовали. Начался сильный шум мотоциклов, выкрики на немецком языке. Это вошли немцы, захватывая тротуары, улицы, наполнив их треском и дымом. Много их было. Началась перестрелка. Немцы сразу начали искать коммунистов, комсомольцев и, конечно, евреев. Кто не успел спрятаться, забирали тут же. Многим, в том числе моему брату и старшей сестре, удалось спастись, благодаря моему дяде (брату отца). Он их спрятал в одной из комнат его большого дома, закрыв дверь шкафом. Спасло их ещё и то, что у дяди не было взрослых детей, и никто не мог указать на этот дом. Отец мой спрятался на чердаке нашего дома.

Очень многих забрали, что с ними стало, не знаю. Вдруг стало тихо. Родители рассказывали, что вошли мадьяры. Они были недолго. Они никого не трогали.

Затем вошли румыны. Они уже обосновались надолго. Они не убивали, но и не жаловали. Через какое-то время они собрали всех евреев на площади и этапом погнали. Кто не мог идти, били дубинками, снимали с людей всё, что приглянулось из обуви, одежды. С моего брата, помню, сняли тёплый тулуп. Сколько шли не знаю, но привели в с.Рогижны.

Там было всего два здания: бывший клуб и аптека, ну, и погреб. Тут разбили наш лагерь. Он и стал нашим пристанищем. Тот лагерь был на какой-то возвышенности. Нам, моей семье, особенно «повезло». Мы поселились в погребе без

дверей. Как пришлось существовать в этих условиях, никакая бумага, не выдержит, а вот мы — выдержали. Как? — это уже другой вопрос. Вокруг лагеря стояли полицейские с винтовками, дубинками.

Люди умирали от голода. Перед моими глазами до сих пор стоят лица этих людей. Страшно было смотреть на этот вид, на подобие человека. Когда эти несчастные выгребали дохлую конину из земли и хотели сварить, (на улице) полицаи разбивали ногами это «варево», издевались, как могли.

Сколько людей там осталось навечно?!

Отец мой, рискуя жизнью ради своих детей, несколько раз выбирался в село, приносил продукты, чтобы нас немного поддержать, но его обнаружили, сильно избили. Больше он этого не мог делать. А, как я писала выше, я была самой младшей и самой ловкой. А выбраться можно было только, скатившись вниз, чтобы полицаи не заметили, а там протекала речка, и по мостику можно было попасть в село.

Я думала, если попадусь, они ребенка не тронут, но это я так думала. Мне не раз удавалось попасть в село. Крестьяне мне все давали и хлеб, и картошку, и яички, пока я не попала в лапы к полицаям. Мой дядя (мамин брат) меня защитил, но больше таких выходов не было. Не помню, как, но нам удалось бежать. Ночью шли, днём прятались. Мы добрались в еврейское местечко Красное Тывровского района. Евреи местные жили в своих домах, никто их не тревожил. Наша семья разделилась на три группы: отец с братом, (они пошли за похоронной процессией, чтобы их не поймали), мама со старшей сестрой и я со средней. В дом нас никто не пускал. Спали мы (без отца и брата) на чердаке школы, которая начала строиться до войны, там были только крыша и стены, но и здесь мы не задержались, т.к. нас обнаружил сторож.

Он сказал отпустить ему старшую дочь.

Мама стукнула его большой плёткой. Он ушел, но больше мы там не могли ночевать. Где мы только ни спали: в густых камышах, в поле, в стогах сена, еще и голод. Мы со средней сестрой работали у евреев. Я убиралась, а сестра носила воду. За это нам давали кусок хлеба. Мы и у резника (шойхета) работали. Они нас накормили овсянкой, но не овес там был, а солома, еда для лошадей больше подходила. А они в субботу ели то, что едят обычно евреи: бульон и всякие деликатесы. А как-то мы с сестрой попали в облаву. Искали тех, кто бежал из лагеря. Проверяли документы, а у нас их не было. Все местные держались семьями, да им и ничего не угрожало, а мы с сестрой беззащитные, кому мы нужны были. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы не увидели подвал, и мы с сестрой ползком спрятались там. На этот раз нас миновал возврат в лагерь. Голодали страшно.

Евреи торговали на базаре всем. Я просила у них хоть кусочек хлеба, меня гнали, как прокаженную. Что пришлось пережить, всего не опишешь. А брата с отцом поймали и отправили назад в лагерь. (Об их судьбе мы ничего не знали).

Когда их привезли, каждый из них получил по 25 шомполов (по словам отца). Когда брат пошел взять удары отца на себя, его так избивали, так пинали ногами, что забили насмерть. Отцу даже не разрешили его похоронить.

Зарыли, наверное, как собаку. Мы так и не узнали, где, в каком месте он нашел свой последний приют. Он много не успел в своей короткой жизни. Биографии нет в его неполных 19 лет. Обычная довоенная жизнь: учительский институт (физика), друзья, купался в речке, ездил на велосипеде, на лошадке, играл в футбол, любил свою семью, гордился ею. Никто не предполагал, что будет такой трагический финал.

И когда мама узнала, что её любимца нет в живых, она просто помешалась, поврвала на себе всё, и, не думая о нас троих, несовершеннолетних, безродных, голодных, вернулась в лагерь, где тоже получила свою порцию шомполов и была брошена на чердаке с жестяной крышей. А нам никто не помог, не посочувствовал. Что нам оставалось делать?

И мы решили сами вернуться в лагерь. Мы ничем не рисковали. Остаться в Красном? Умирать от голода и холода. Убьют по дороге? Так убьют, у нас не было выхода. И мы вернулись. Сколько времени мы шли, как пришли обратно, не знаю. Когда мы вернулись, нас уже не били, некого было бить: дистрофиков.

А наша мама нас не признала. Она сидела на земле и причитала: «Мойше Гершалы, Мойше Гершалы». По возвращению в лагерь, мы все втроем заболели тифом. Как мы выжили, не знаю.

Мама постепенно стала приходить в себя. Через какое-то время нас отправили в другой концлагерь Печора. Лагерь смерти. Нас поселили в трехэтажном здании. До войны это был военный санаторий. Высокий бетонный забор. Полицай у двух ворот.

Крестьяне приходили к воротам, бросали хлеб, фрукты, и счастлив был тот, кому хоть что-нибудь досталось, т.к. полицай их разгоняли. Отсюда выбраться не было никакой возможности. Мы голодали страшно. Мы с сестрой ходили по территории лагеря и собирали косточки от слив. Разбивали их. Это было наша вся еда, пока не начались у нас голодные обмороки. Однажды я увидела плачущих мужчин, женщин. Они обнимались, прощались. Оказывалось, что на территории лагеря были уже вырыты ямы, чтобы всех обитателей этого лагеря бросить туда живьём, как в Бабьем Яру.

Подъехали машины, и они уехали. А я стояла, ничего не понимала. И через какое-то время слышен шум, смех, они вернулись. Как рассказывали, Антонеску не отдавал своих людей. Это нас и спасло, нам суждено было выжить, не умереть такой страшной смертью. Здесь находилась вся моя родня, кроме одной моей тети и троих её детей. Они жили в Немирове. Тётя стала первой жертвой, её годовалую девочку бросили в Бут, а мои два брата (8-10 лет) хотели перейти к нам, но их догнали пули на мосте.

Румыны не убивали, но создавали такие условия, что не каждый мог выжить. Во 2-ом концлагере рассчитывать на что-то не было никакой возможности, никаких надежд. У людей из первого лагеря (Могилев, Тульчин) были ещё силы, средства, благодаря которым они могли выйти отсюда, уплатив полицаям, стоявшим у ворот. Что было делать нам без сил, без средств? И мой отец, чтобы спасти свою семью, вызвался этих людей переводить в Могилев, Тульчин, Брацлав,

естественно, за плату. Это был нелегкий труд, тяжелый, рискованный. И благодаря нескольким таким переходам нам, незадолго до освобождения, тоже удалось уйти из концлагеря, но нас уже было пятеро, без брата.

Опять эти мучения, ночные переходы, побитые ноги все в крови, ночью шли, днем прятались.

Как сердцу высказать себя?

Другому — как понять тебя?

Поймет ли кто, как ты жила?

Ф. Тютчев.

Теперь же мы забрели в другое еврейское местечко — Мурафу Шаргородского района.

В Мурафе та же нищета, голод, холод.

И здесь никто не пускал в дом. Приютил нас некий Адилоко (украинец). Его жена работала у евреев, так что здесь в наших услугах не нуждались. Еврейская община давала какую-то похлебку, но не каждый день. Мы с сестрой ходили в поле, находили свеклу, кое-где картошку, ели мы их сырыми, т.к. негде было варить.

И здесь нам никто не подал руку помощи, наоборот, унижали.

Родители пошли в близлежащие села на заработок. Мама шила, вязала, отец работал по дереву. На выходные дни мама приходила, приносила кое-какие продукты, но надолго их не хватало. Муку приносила, но спечь негде было. Мама в сковородке напечет нам хлебцов, оставит на неделю, но мы не сдерживались.

Щипали, щипали по кусочку, так что до конца недели нечего было есть.

Помогли нам украинские крестьяне. Отец устроился в соседнем селе Деречин. Это был рабочий поселок, красивый, зеленый. Однажды меня взял с собой. Он был отличный специалист-краснодеревщик.

Сколько лет прошло, а голос хозяйки, её вопрос, звенит в моих ушах!: «Доня, що будеш исти: макарон з молоком, чи макарон з салом, а може яйце?» Что я могла ответить этой чудесной женщине (а она была не одна), если я на протяжении 4-х лет голодала. Итак, благодаря этим людям, мы выжили. Мы здесь и остались. Возвращаться в Шпиков, где всё напоминает о брате, мы не хотели, да и дом наш был разрушен. Мы сначала жили на съемных квартирах. Помню первую съемную комнату. Часть комнаты занимает печь и кровать, сбита из досок. И это было для нас раем. Это были, какая бы она ни была, но крыша над головой, где никто тебя не гонит.

Отец работал у некого Черненька, который дал нам, можно сказать, дом из 6-ти комнат. Отец его отработывал, хозяин не торопил его, работал на семью и на него.

А мы росли, учились. Постепенно стали на ноги. Все вышли замуж. У каждого своя семья, свой дом. Старшая сестра работала воспитательницей в детском саду. Средняя — бухгалтером

А я пошла по стопам брата — стала педагогом.

В настоящее время осталось нас двое. Сестра, очень больная, и я.

Богуславский Абрам

Когда началась война, хотели эвакуироваться, на машине выехали с семьей (отец, мать, брат и я), проехали 60 км до села Шаргород. Из-за бомбежки остались в этом местечке на месяц и вернулись обратно в город Могилев-Подольский.

Вселились в нашу квартиру, где прожили до сентября 1941 года. Там начались наши гонения. Евреев города согнали на территорию, где было создано гетто. Одни ворота поставили по улице Рыбной (довоенной Ермака), вход с улицы Красная площадь. Вторые ворота были поставлены по улице Ставиской (ныне Дзержинской) до войны возле Плодовоща, недалеко от Центрального базара.

В июне 1942 года нашу семью отправили в концлагерь.

Пришел полицай Гельман Исаак с помощниками и заявил, чтобы мы собрали некоторые вещи, и отправил нас в село. Там стояли вагоны, нас туда погрузили и доехали до станции Рахны.

По приезде вещи всего этапа погрузили на подводы, а мы пешком прошли в село Печора до концлагеря, где полицай били нас, издевались. Когда мы подошли к воротам лагеря, на них было написано «Добро пожаловать!» Когда нас загнали, разместили в бараках, началась наша лагерная жизнь. Мы пытались бежать. Старший полицай Сметанский Саша выпускал нас, делал засады, избивал и гнал обратно.

В это время приезжали немцы, забирали на работу. Тогда забрали моего отца, но случилось чудо: мать смогла его из толпы выхватить, забрать его обратно. После этого мы снова бежали, и нас поймал полицай, завел в другой концлагерь, т.к. мы не были партизанами, нас погнали обратно в лагерь под присмотром полицая. По пути он каждый раз требовал у матери деньги, обыскивал нас, бил нас, и, когда я заболел паратифом, он сказал моей матери: «Давай я его расстреляю или возьми его на руки, мы быстрее дойдем».

После возвращения в лагерь через 2 дня немцы приехали нас расстреливать.

Были приготовлены 3 ямы (могилы), и немцы приехали на 13 машинах, чтоб всех вывезти на кладбище. Но комендант лагеря не разрешил нас расстрелять, дал телеграмму Антонеску в Румынию, а через 2-3 дня мы сбежали. Отец скончался в лагере от голода.

Босиком пришли в декабре в Могилев-Подольский. Там мы проголодали до конца войны.

Биншток (Кройтман) Соня

Родилась 4 мая 1931 года в городе Могилев–Подольский Винницкой области.

В самом начале войны нас жителей города Могилев—Подольского собрали в вагоны и отправили в Печору. И сейчас перед глазами стоят казармы, то ли конюшни для лошадей, где на земляном полу пришлось нам жить. От холода и голода умирало много людей.

Здесь в концлагере умерли 2 мои сестрички (6 и 8 лет).

Мать, видя такое положение, решила бежать из лагеря. Взяв на руки моего братика (3 года) и меня, выбралась из лагеря. Однако все наши попытки убежать, оканчивались неудачно. Нас ловили, били и возвращали в лагерь.

При очередной попытке бегства, нас вернули в то место, где работал столяром отец.

Здесь нам стало жить немного легче, была еда, так как отец работал, но очень большое опасение за жизнь детей заставило маму вновь бежать. Попытка удалась, и мы долго добирались домой в город Могилев–Подольский.

Не зная дороги, мы часто попадали на военные дозоры, но с помощью местных жителей нам все-таки удалось добраться до нашего дома.

Здесь в гетто жизнь была не из легких, от голода умер братик. Мать долго искала работу, наконец, ей удалось устроиться на уборку туалетов.

За эту работу она получала 0,5 кг. хлеба, ей пришлось взять на эту работу так же и меня, десятилетнюю девочку, чтобы хоть как-то прокормиться.

Так нам удалось дожить до освобождения города.

Из всех детей я выжила одна. До сих пор вспоминаются мне те голодные годы, когда приходилось питаться отходами.

Будянская Маня

Родилась 1 марта 1929 года в местечке Тростянец Тростянецкого района Винницкой области, Украина.

В 1936 году пошла в 1-й класс Тростянецкой средней школы и закончила 5 классов до 1941 года, когда началась Великая Отечественная война.

Мать, Будянская Сима Яковлевна, 1907 года рождения, работала корректором районной газеты «Коллективне життя».

Отец, Будянский Григорий Израилевич, 1904 года рождения, работал технологом в «Заготзерно».

Когда началась В.О.В. отец был мобилизован в ряды Красной Армии, а мы с мамой и живущей с нами бабушкой собрались эвакуироваться в Россию, однако далеко уехать не успели, т.к. уже бомбили мосты, железные дороги, и отступающие войска вернули нас обратно. Мы вернулись в Тростянец, застав разграбленную квартиру мародерами. В августе Тростянец был оккупирован немцами, румынами, мадьярами. Началось насилие, издевательство над коммунистами и евреями местечка. Недалеко от местечка Тростянец в городе Лодыжене собрали всех живущих там евреев и расстреляли. Каждую минуту мы тоже ждали этой участи. Люди разбрелись по лесам, оврагам, прятались от расправы, издевательств и насилия.

Начались холодные осенние погоды, и мы на ночь стали возвращаться в наши дома, собирались несколько семейств вместе. Часто местные полицаи вместе с румынами совершали ночные ограбления, насилия, убийства в этих домах. А в одно осеннее холодное утро все местечко было окружено полицией, нас согнали на базарную площадь, и, как скот, погнали в местечко Ладыши, где для нас сделали гетто. Каждое утро отбирали здоровых людей и гнали на сельхоз. работы под конвоем, и еще заставляли цеплять на рукав шестиугольную звезду желтого цвета.

Выжить от голода удалось за счет попрошайничества, украденной на поле свеклы, картошки и других продуктов.

Много стариков и детей умерло от голода и холода. В одно холодное дождевое утро собрали оставшихся в живых евреев и под конвоем полицаев и румын погнали в Печору, расстреливая по дороге, как собак. Многих молодых женщин, девушек насиловали, потом их добивали на глазах у людей, это был кромешный ад. Нас гнали несколько дней, а на ночь загоняли в конюшни села Магета, Паланка и др. Местные люди, жалея нас, бросали через окошки конюшен картошку, свеклу, кто, что мог. В Печоре разбрелись по подвалам, котельным, где только могли найти маленькое место, чтобы переждать, а в это время в Печоре был большой концлагерь, куда были согнаны евреи из местечек Тульчин, Шпиков Брацлав, Рогижна. Продолжались еще более тяжелые дни нашего существования, ибо жизнью это не назовешь: без еды, одежды, постели, под угрозой голодной смерти. Начался брюшной и сыпной тиф.

Целую зиму я проболела тифом, мама меня спасала только снегом, как я выжила — это чудо, очевидно, есть судьба. Я совершенно не могла ходить, благодаря двум девушкам из Тульчина Рае и Майе Спивак, которые меня брали под руки и переставляли мне ноги, я начала немного ходить и выкарабкалась. Уже весной 1942 года приехали немцы и стали отбирать молодых мужчин, женщин на строительство в какое-то село под городом Гайсин. Мы с мамой уже тоже были на машине, но пронеслись слухи, что детей будут убивать и выбрасывать по дороге, а мама моя была очень смелая и решительная, она меня схватила за руку, и мы спрыгнули с машины и влились в толпу. Немцы начали стрелять в нас, но пули нас не достали.

Летом 1942 года местное население Печоры было собрано, чтобы вырыть в лесу канавы для расстрела евреев. Слухи пошли по всему лагерю. В одно красивое теплое утро немцы подогнали машину под ворота здания, заставили часть людей влезть на машину, остальные должны были идти вслед за машиной к месту расстрела. Мы с мамой тоже были на этой машине, чтобы раньше принять смерть, не видя издевательств над другими. Этот день мне запомнился на всю жизнь, ибо очень хотелось жить, кушать и дожидаться свободы. Замысел немецких карателей не осуществился, говорили, что нас спасли от смерти румынские власти. Так мы промучались до освобождения из концлагеря воинами-освободителями в марте 1944 года. Много было тяжелых моментов в оккупации, но все описать невозможно, остались живы действительно чудом.

В 1944 году мы вернулись с мамой в Тростянец, я закончила школу, затем Одесский институт народного хозяйства.

В Израиле я живу с мужем с декабря 1994 года.

У нас сын Фенорман Аркадий Михайлович, 1954 года рождения, два внука, живем в Ашдоде.

Я осталась на девичьей фамилии.

После войны я работала экономистом в автопарке в городе Тульчин Винницкой области.

Бурбан Фрида

1932 года рождения, бывшая малолетняя узница концлагеря смерти «Мертвая петля» с. Печора Винницкой области, Украина. До Великой Отечественной войны жила в поселке городского типа Шпиков Шпиковского района Винницкой области.

В июне 1941 года в Шпиков вошли немецкие захватчики. Они врываются в дома, грабят, гнали на работу, избивали людей до полусмерти.

7 декабря 1941 года всему еврейскому населению Шпикова приказали собраться возле комендатуры с вещами. Целый день нас гнали в сопровождении полицаев и собак и пригнали в с.Печора. Нас поместили в неотапливаемом помещении с цементными полами. Мы лежали на голом холодном полу. В помещении было очень много людей из Винницкой области, из Молдавии. Территория была ограждена высоким каменным забором и хорошо охранялась фашистами и собаками.

Сразу начал свирепствовать брюшной тиф, дизентерия, чесотка, люди начали умирать. Нас никуда не выпускали, не кормили, только издевались. Сначала погибли мои бабушка и дедушка от брюшной тифа.

Зимой 1942 года умер мой отец Вильгер Пиня Моисеевич от сердечного приступа. Спустя месяц моя мама Вильгер Рива Юрьевна пыталась выйти с территории концлагеря, чтобы найти нам с сестрой что-то покушать, и была зверски избита румынами, пособниками фашистов, и спустя два дня скончалась.

И мы со старшей сестрой Вильгер Фримой остались одни. Есть ничего не было, зима была холодная. Вскоре сестра заболела дизентерией и умерла в марте 1942 года. Я осталась совершенно одна. От голода и холода я заболела ревматизмом и язвой желудка.

Каждый день в концлагере умирали люди. Трупы людей лежали прямо в помещении. Затем за ними приходили погребальщики, раздевали их, сбрасывали на подводу и отвозили в лес, где были вырыты большие канавы, в которые сбрасывали останки этих несчастных людей.

От смерти спасла меня моя тетя Манепис Геня Яловаевна, которая меня там случайно нашла. Она в концлагере потеряла двухлетнего сына и осталась с дочерью. И так мы втроем были в концлагере «Мертвая петля». Погибла также моя тетя Вильгер Хэйвэд Моисеевна.

Перед освобождением концлагерь «Мертвая петля» был окружен фашистами, и нас никуда не выпускали. Они хотели всех оставшихся в живых людей расстрелять, чтобы замести следы своих преступлений, но не успели.

Ко дню освобождения в концлагере «Мертвая петля» осталось человек 200 из тех тысяч, которые были согнаны туда зимой 1941 года.

После освобождения из концлагеря нам одна женщина из Шпикова сказала, что наш дом в Шпикове развалили, и на месте дома осталась большая яма. Имущество наше было разграблено, и нам некуда было идти.

С нами в концлагере была знакомая женщина из города Тульчин Ярошевер Рива Исаковна, которая согласилась нас троих: меня, тетю Геню и ее дочь Манелис Лию Самойловну - приютить в своем доме, который уцелел во время войны. У неё в концлагере погибли два сына и муж. Она осталась с девочкой 9 лет.

И мы пошли в Тульчин пешком. В течение 3-х дней мы добирались туда по грязи, холоду, слякоти. По дороге в селах мы останавливались, и люди нам давали поесть и переночевать.

В настоящее время в лесу с.Печора стоит мемориал — памятник жертвам, погибшим в Печорском концлагере «Мертвая петля», он создан на благотворительные средства.

Виноградская Раиса

Родилась 13 ноября 1937 года в городе Могилев-Подольский Винницкой области, УССР. Я вместе с матерью, бабушкой, тетей с тремя детьми находилась в гетто города Могилева-Подольского с июля месяца 1941 года по январь 1941 года, затем нас отправили конвоем в концлагерь Печора.

Описывать наши мучения тяжело.

В лагере умерла моя бабушка Школьник Фейга, мы находились в холодных бараках, голодные, без пищи и воды. Когда мы чудом убежали из лагеря, то ночью пробирались в посёлки, а днем отсиживались в лесу без еды и воды.

Мы чудом выжили, терпя унижения, издевательства холод и голод. Хотя я была маленькой, но в моей памяти остался момент, когда мы дошли до села Журик и нам дали местные жители попить, поесть, а у меня в горле так пересохло, что я не могла пить и глотать.

Со слов моих родителей, осенью нам сделали инъекцию, и несколько дней мы находились под принудительными наблюдениями. Затем нас отпустили, и вскоре мы почувствовали высокую температуру и сильное недомогание — это оказалось брюшным тифом с осложнениями.

Моему здоровью был нанесён непоправимый ущерб, но, несмотря на это, мы выжили и дожили до тех дней, когда приехали в Израиль.

Доляр (Драгобецкая) Хая

Уроженка города Могилев-Подольского Винницкой области. В 1941 году наш город начали бомбить в первых числах войны. Мы всей семьей уходили из города, дошли до Озарницы, там нам дали подводу, и мы доехали до местечка Шаргород. И сразу туда зашли немцы. И они сообщили, чтобы все иногородние возвращались в Могилёв-Подольский. И мы пешком возвратились в Могилев-Подольский.

И там нас отправили в лагерь Печора. Посадили в товарные вагоны и довели до какой-то станции, оттуда нас погнали этапом до Печоры. Когда вошли во двор, увидели страшное зрелище, измученные люди лежали на земле, по ним лазили вши. Поселили в сарай, нас было очень много, и морили нас голодом. В один день приехали немцы и стали отбирать людей, и мой папа попал в их число, повезли их в Ананьев, и там отца расстреляли.

Через некоторое время опять приехали немцы отбирать людей. И мы с сестрой сели в эту машину, ибо мама сказала, может быть, вы хоть останетесь живыми.

И вот нас вывезли из лагеря, и перед нами были немцы в белых перчатках с автоматами. Они должны были нас расстрелять. Я была в истерике, а сестра, которая была старше меня на 5 лет, меня утешала. Одна женщина меня тоже утешала и сказала: час к ночи, еще не ночь.

И к нашей машине подошёл Стуман и сказал, что нас спас румынский комендант, что нас вернут в лагерь. После этого мы приняли решение бежать из лагеря. По дороге были большие приключения. Мы ночью ходили, а днем прятались в лесу. Вернулись в Могилев-Подольский и стали прятаться по подвалам грязным, вонючим. Ибо разыскивали всех, кто бежал из лагеря. Когда перестали нас искать, мы поселились в гетто, в разрушенном доме без окон и полов, и там мы прожили с 1942 года по 1944 год, пока нас не освободили.

В гетто голодали, собирали у людей шкурки от картошек, отруби и делали лепёшки, и этим питались. Однажды я вышла за пределы гетто и пошла к русской знакомой за шкурками от картофеля. И меня увидел румынский комендант и спустил на меня овчарку. Не могу понять, где у меня взяли силы, чтобы убежать. И я, как птичка, долетела до гетто и была спасена.

В 1943 году меня с сестрой стали брать на сельхоз. работы. Работала я на картофеле, на семечках. Иногда удавалось спрятать картошку и немного семечек. И это нас немного поддержало. В 1943 году начали строить железнодорожный мост через реку Днестр. Нам, подросткам, пришлось разгружать вагоны с цементом, газовыми баллонами и балки. У реки тоже работали. Нам платили 2 марки в день. И мы уже покупали кукурузную муку и варили бондаревку. И этим немного себя поддерживали. В гетто проводили медицинские эксперименты, и нам привили брюшной тиф. Вообще, если описывать всё пережитое, можно книгу написать.

Извините, что очень плохо написала, ибо у меня правая кисть была поломана, и я с трудом пишу.

Желязко (Ярошевер) Валентина

1936 года, родилась в городе Тульчине Винницкой области.

Когда началась война, отца мобилизовали в армию. На руках у мамы — трое детей: моя старшая сестра Песя (1925), мой брат Лева (1928) и я, пятилетняя Валентина, кроме нас была еще бабушка Элка и младшая сестра отца,

Молка. А маме было только 38. Эвакуироваться мы не успели.

Город Тульчин расположен вдали от железной дороги, надо было добираться до станции Вапнярка.

Для мамы это было невыполнимо. Да ещё казалось, что Красная Армия быстро разгромит немцев, и не придется бросать дом и всё нажитое таким нелегким трудом.

Но уже в июле 1941 года немцы и румыны оккупировали Тульчин и согнали всех евреев в гетто. А в декабре 1941 года нас этапом, пешком погнали в с.Печора Шпиковского района, где на территории костно-туберкулезного санатория был создан лагерь смерти «Мертвая петля».

От Тульчина до с.Печора км 45-50. Был жуткий холод, снег, мороз. Мы шли двое суток, ночевали на морозе в открытом поле.

Кто не выдерживал, остался навечно на мерзлом снегу.

В санаторий, рассчитанный на 200 коек, согнали свыше 10 тысяч человек. Лагерь был огорожен 2-х метровым кирпичным забором.

Охрану несли румыны и украинские полицаи. Навсегда в мою детскую память врезался вход в лагерь: ворота, 2 арки и длинная дорожка, ведущая к зданию санатория. Может быть, потому, что окна палаты (на 2 этаже), где мы занимали место на полу, смотрели на этот вход. И забегая вперед, скажу, что это спасло нам жизнь, мы первыми видели, когда во двор въезжали грузовики с немцами. Они увозили людей навсегда. А мы успевали спрятаться то в зарослях крапивы, то в скалах на берегу Буга, то еще где-то, всего уже не помню.

Людей не кормили, помещения не отапливались, свирепствовал тиф.

Первой из нашей семьи умерла бабушка, это было в январе 42 года, а в апреле от тифа умер мой брат Лёвочка, ему было 14 лет. Трупы валялись всюду: в комнатах, коридорах, на лестнице, во дворе, внутри фонтана. Было очень страшно.

Время от времени приезжали телеги, и сами узники собирали трупы, грузили штабелями, вывозили в яр. Спустя много лет, примерно на том месте, где сбрасывали умерших, на собранные людьми деньги поставили памятник. Вечная им память!

Посетив в 1995 году музей Яд-Вашем, заполнила анкету, чтобы увековечить память о погибших в Печоре бабушке, брате и тёте.

Мы с сестрой и мамой остались живыми, благодаря маме и просто чуду.

Мамочка, рискуя жизнью, подкупала полицаев и пробиралась в село, где обменивала кольца, какие-то вещи на продукты, а часто получала их от селян по доброты душевной и просто из жалости.

Не раз была они бита плетьюми.

Однажды была избита особенно жестоко полицаем Сметанским (фамилия полицаев может быть не совсем точна). Мы едва её выходили. До самой смерти маму мучили боли в спине и пояснице, а умерла она в 1981 году от инфаркта.

Перед отъездом в Израиль я с сестрой посетили с.Печора и, конечно, бывший лагерь. Там опять санаторий, красивый парк, все те же арки у входа, дорожка и спуск к Бугу. Я только тогда узнала, что это были владения графа Потоцкого, что территория охраняется государством. Но в моей памяти это место связано с ужасом, голодом и холодом, и, поднимаясь по гроыхающей лестнице на 2 этаж, чтобы заглянуть в «нашу» палату (а сестра точно знала, какая она), я шла, сжавшись в комок, казалось, сейчас наступлю на мертвеца.

Память — вещь живучая.

И пусть не только мы, пережившие этот кошмар, но все люди земли помнят то страшное время и никогда не допустят его повторения.

Каршенбойм Маня

Война застала меня в Липканах. Мы: отец, мать, две сестры и бабушка переехали из Липкан в Бричаны. Спаслись от снарядов и пуль, но, увы, на несколько дней.

В первые дни войны румыны оккупировали Молдавию, и начались наши мытарства. Нас гнали, как скот, грабили. Кто не мог идти — убивали. В 1941 г. умерла моя бабушка и маленькая сестричка, которой было 2 года. Бабушку румыны застрелили, а сестричка умерла от болезни.

Гнали нас по городам Молдавии. Мне запомнился такой эпизод: после Сокирян есть лес, который, если мне память не изменяет, называется Дублен. Я увидела там, как лежали тысячи трупов, а рядом лужи, из которых мы пили воду, если еще разрешали остановиться. Следующий эпизод я запомнила: в Ямполе кровавые стены, море крови на полу. Там издевались над евреями.

Следующий маршрут был г.Могилев. Мы шли днем и ночью. Только и слышно было, как грабят, убивают. В открытом поле все это происходило в сопровождении румынских солдат.

В конце 1941 г. мы попали в Винницкую область, в село, названия не помню. Были мы там до весны. Как только начал таять снег, собаки вытаскивали из него то ногу, то руку, то кусок головы погибших.

Корсун (Мучник) Любовь

Может ли еврей пробыть в фашистском концлагере свыше 4-х лет и остаться живым?

Конечно, нет, скажет каждый здравомыслящий человек, этого не может быть.

Но бывают на свете и чудеса: человек пробыл в лагере 4 года и остался жив!

«Как это было» — есть такая передача московского телевидения, в которой выступали очевидцы, рассказывающие об интересных, большей частью трагических, событиях прошлого. В нашем случае свидетелей и очевидцев нет и быть, вероятно, не может, но есть официальная справка, выданная 15.05.1994 года за номером №06-3720 государственным Винницким областным архивом Украины гр. Корсун Любовь Владимировне (Мучник).

В небольшом городке Брацлаве, расположенном на реке Южный Буг вблизи Винницы, 70 процентов жителей составляли евреи. Антисемитизма перед войной не наблюдалось. Соседи — евреи, украинцы, русские — жили дружно. Евреи свободно говорили на украинском, а украинцы хорошо знали и понимали идиш. В этом городке в семье жестянщика родилась вторая дочь, названная Любой. Дети росли весёлыми, крепкими.

В 1941 году немцы начали войну с СССР и захватили Винницу. Неподалеку от городка позже обосновалась ставка Гитлера на восточном фронте, названная «Волчьим логовом». На поверхности земли до сих пор видны несколько бетонных шарообразных куполов. Убежище Гитлера уходило глубоко в землю. К этому времени семья Мучника Владимира, ему самому было тогда 29 лет, состояла из жены Мучник Гени (29 лет), сына Миши (5 лет) и дочки Любы (2 года), дочери Сары — грудной, инвалида дедушки Мучника Гриши и бабушки Мучник Хаи. Многие еврейские семьи Брацлава сумели эвакуироваться из города, уехав на восток. Они остались живы. Другие не могли уехать, а некоторые даже сознательно решили остаться. Этим ждала трагическая судьба.

В Брацлав немцы зашли в августе. Сначала ворвались мотоциклисты с автоматами, затем прибыло несколько штабных автомашин, а потом грузовики с пехотой. На второй или третий день после прихода немцев появился приказ коменданта: всем евреям нашить на верхнюю одежду желтую шестиконечную звезду из плотного материала, а на шестой день был вывешен приказ и объявлено о создании еврейского гетто. Условия жизни в гетто были такими: на базар разрешалось ходить только по утрам с 9 утра до 10, вечером свет не зажигали, а после 9 вечера на улицах не появлялись. В гетто было согнано примерно 60-70 семей. Мужчин возили работать в город Тульчин, добывать торф. 30 декабря 1941 года был объявлен приказ: всем жителям гетто, всем евреям собраться на центральной площади городка с вещами. Утром 31 декабря, построив всех в колонну, объявили: евреи направляются в лагерь Печора. Колонна человек 200-

300 под конвоем тронулась в долгий пеший путь, по дороге покрытой слоем свежеснежавшего снега.

Шли почти по колено в снегу, кто падал, полицаи добивали.

Впереди и сзади эскорт украинских полицаев с одной стороны — несколько немцев с собаками с другой, несколько румынских солдат. Где и кому тут было думать о побеге. И куда? Шли долго, пришли только к вечеру, преодолев километров 15-20.

Что же представлял собой концлагерь Печора, названный «Мертвой петлёй»? Это была обширная территория бывшего советского то ли дома отдыха, то ли санатория, с одной стороны она доходила до Южного Буга, с другой был парадный въезд с красивой оградой. Охрану несли румынские солдаты, ибо территория правобережья Южного Буга была великодушно «подарена» Гитлером верному соратнику правителю Румынии маршалу Иону Антонеску.

По периметру лагерь — кроме побережья Южного Буга — был обнесен несколькими рядами колючей проволоки.

В центре территории стоял трёхэтажный дом — бывший санаторий, но когда колонна из Брацлава прибыла на место назначения, этот дом был переполнен жильцами. Брацлавских евреев разместили в большом сарае, недостроенном здании кинотеатра. Пол в нём сделать ещё не успели, рамы в нескольких окнах вставлены не были, двери отсутствовали.

И на ночь глядя пришлось первым делом как-то утепляться.

В лагере не расстреливали, не сжигали в печах. Люди интенсивно умирали собственной смертью — от голода и холода. Румынская администрация лагеря не кормила его обитателей, предоставляя эти проблемы решать каждому самостоятельно. Ежедневно от голода умирали 40-50 человек. От холода и голода, от сквозняков моего братика разбил детский паралич.

Была бригада, которая подбирала трупы на подводу и под охраной вывозила в лес, там были огромные ямы, где их закапывали. До сих пор стоит одна яма пустая. Когда мой папа сопротивлялся, его немцы избили, и в течение 30 лет у него не было ни одного зуба, все кости на теле были разбиты. Новые партии узников прибывали в лагерь каждые 2-3 недели. Узников пригоняли из Молдавии, Польши, Украины, из Западной Европы. Жили в лагере очень недолго: не привыкшие к местным условиям люди умирали очень-очень быстро. Большинство обитателей лагеря Печора до самой гибели жили тем, что меняли свои вещи или деньги (если еще остались) через колючую проволоку на картошку, хлеб и любые другие продукты у жителей близлежащих деревень, приходивших с этой целью в лагерь. В семье Мучник кормильцем был папа, он возле помойки собирал отходы и нас кормил. В палате, где сидели люди, было грязно, воняло, а клопы целыми стаями падали на голову и сосали кровь.

К концу войны резко возрос антисемитизм, особенно среди молодежи и детей. Наверно, сказывалась немецкая пропаганда.

Это были опасные «экспедиции» — часто тех, кто пытался выбраться из лагеря, расстреливали, но к ребенку румынские солдаты относились снисходитель-

нее. Вот украинские полицаи — те были злее. Население лагеря «обновлялось» непрерывно. Одни умирали (хоронила похоронная команда из евреев). На их место присылали новые партии. В марте 1944 года в лагере распространились слухи о грядущих переменах. Все чаще звучала артиллерийская канонада.

Приехали немецкие солдаты. Все ждали расстрела, но немцы вдруг неожиданно уехали, никого не расстреляв. Следующей ночью куда-то испарилась и румынская охрана.

Потом стрельба прекратилась, и появились несколько легковых автомашин, к концлагерю подошли партизаны и сказали: «Не бойтесь выходить, вы освобождены». Через концлагерь Печора за годы войны прошли и погибли примерно 30000 человек из разных стран. В момент освобождения в нём было только 300 обитателей.

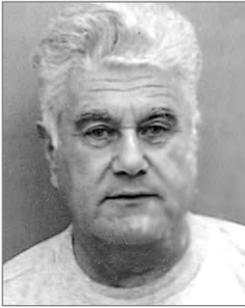
Моего дедушку и бабушку убили немцы, папину сестру Мучник Хову кинули в Южный Буг, её ребенка Фимочку, ему было 9 месяцев, он полз по льду, его немцы штыком прокололи насквозь и тоже кинули в полынью под лёд.

Папа мой, инвалид Мучник Владимир Григорьевич, глухонемой, умер 14 января 1992 года, похоронен в Брацлаве на еврейской кладбище.

Мама, Мучник Геня, похоронена в Израиле в городе Ашдод.

Я, Корсун Любовь Владимировна, инвалид, живу в Ашдоде.

Куперман Григорий

Родился 10 мая 1930 года. Местечко Шпиков Винницкой области, Украина.

В 1941 года началась В.О.В., которая нас коснулась почти через месяц.

Перед приходом оккупантов моего отца, как и всех остальных мужчин, забрали на фронт, где он и погиб. Я остался с мамой и старшей сестрой. Сначала к нам зашли в местечко немцы и сразу же прихватили с собой пару машин с людьми, чтобы с ними расправиться в пути. Потом на смену им пришли румыны. Сразу со всех улиц согнали всех евреев на одну большую улицу и приказали носить Маген Давид, а также не выходить оттуда. Через некоторое время потребовали взять с собой кое-какие вещи и продукты и выстроиться возле забора по одному. Все, конечно, думали, что будут расстреливать. Даже специально по брусчатке около забора пронеслась повозка, запряженная старыми евреями и погоняемая полицаем. После этого нас пересчитали, колонной погнали в неизвестном направлении. Только лишь к вечеру мы поняли, что нас привели в лагерь возле Печоры в с.Рогижна. По дороге со многих людей мародеры-украинцы срывали последние крохи, мешочки, говоря при этом, что вас всё равно ведут расстреливать, и оно вам не нужно. Охрана, которая вела колону, стреляла вверх, но мародеры не прислушивались, они делали своё грязное дело.

По пути в лагерь падали старые женщины и старики, дети плакали, но их били и заставляли идти дальше.

По прибытию в Рогижну нас загнали в большой сельский клуб, огражденный большим каменным забором. Кушать никому не давали, от холода и голода начали умирать люди. Иногда подкидывали дохлых колхозных лошадей. Единственное, что могло людей ещё спасти, это прихваченное что-то из вещичек, можно было ещё свободно выйти в село и поменять на продукты. Потом многие узнали, что есть районы, где были высланные из Румынии евреи, и там не трогали местных евреев. Так как стали люди разбегаться, румыны решили поставить на следующий день усиленную охрану.

Мы об этом узнали и к вечеру начали собираться, чтобы сбежать из лагеря.

Уже был декабрь месяц и выпал большой снег. Только мы вышли к забору, где была небольшая щель — нас поймали полицаи. Мама стала их умолять, говоря, что мы никуда не убегаем, а идём в село менять вещи на продукты.

В общем, она их упростила, ещё оставались небольшие деньги, и они нас отпустили.

Думая о том, что нас могут скоро догнать и возвратить обратно, мы побежали через поле по рыхлому снегу, добежали до стога сена или соломы, стали немного отдыхать, не замечая за собой погони.

Мама болела сердцем, и ей стало очень плохо, она нас просила оставить её умирать, а самим бежать дальше. Всю ночь мы шли до своего родного местечка, где было небезопасно появиться.

Где-то на 10-15 дней раньше там, таким же образом удирали евреи, их поймали и жестоко избили. Мы постучали в первый же попавшийся дом на краю Шпикова, и нас впустила женщина-украинка, не спрашивая, откуда мы, накормила нас, напоила молоком и просила быстрее перейти местечко, пока не станет светло.

С болью в сердце проходили родные места, где видели пустые дома, разграбленные мародерами. Уже почти на рассвете мы добрались до села, где родилась моя мама и её сестры. У нас была до войны хорошая и близкая женщина украинка, она нас оставила на целый день в доме, а сама ушла на работу. Потом нам передали, что приходили из жандармерии и избили эту женщину. Видимо, кто-то заметил меня, мне было 11 лет, как я вышел через окно и стал во дворе играть.

Вечером мы уехали на повозке в местечко Джурин, где проживали совместно с нашими евреями и румынские. Всё местечко считалось гетто, но всё же это уже был рай по сравнению с тем, что было у нас.

Освобожденные Советскими войсками в 1944 году, мы вернулись в родные места, застали голые стены, мама моя от всех этих переживаний вскоре умерла, и я остался сиротой, отец так с фронта и не вернулся.

В 1996 году я и моя жена, два сына с детьми приехали в Израиль и очень довольны судьбой.

Лозовский Арон

Родился 15 мая 1928 года в городе Могилев — Подольский Винницкой области на Украине. До войны я окончил начальную школу. Всю войну я жил вместе с матерью. Нас было четверо детей. Когда пришли немцы, нас погнали в лагерь Печора, который находился в Шпиковском районе. В Каменец-Подольском гетто в 1941 году погибла моя сестра, а в 1942 году в лагере убили брата, 1926 года рождения. Я остался с матерью и младшим братом, 1938 года рождения.

В 1944 году нас освободила Советская Армия.

Луцкер Лев

До войны мои родители проживали в г.Тульчине Винницкой области. Отец, Луцер Эль Хаскелевич, работал в ДКО печником, а мать, Луцкер Эстер Нусиковна, была домохозяйкой. Я, Луцкер Лейб Эликович, родился в г.Тульчине 25 марта 1931 года.

Рука, которая привыкла держать молоток и зубило, дрожит, сердце сжимается и давит от попытки вернуться в прошлое, в детство.

Чувствую, как резко поднялось давление, горит все тело. Тяжело, очень тяжело описать то, что всю жизнь сидит в твоей душе, что ты пережил вместе со своими родными и близкими. С первых дней войны встал вопрос об эвакуации. Все родные, кто не был в армию призван, собрались у нашей бабушки для обсуждения этого вопроса, Она была главным авторитетом для семьи и родственников. Настаивал на эвакуации Ицык Бурбан, брат моего дедушки Нусика Бурбана. К сожалению, ко всем доводам, которые он приводил, не прислушались. Он и его семья уехали, мы остались, И только, когда немцы начали бомбить город (в городе стояли две воинские части), бабушка решила ехать. Срочно занялись покупкой лошадей и телеги, этим занимался Берл Ярмолинский (родственник). Наконец он сумел в той ужасной неразберихе купить двух лошадей и телегу. Было решено, что он отвезет родственников к бабушке, и оказалось, что нас тринадцать человек, шесть взрослых и семеро детей, не считая вещей. Было ясно, что на одну телегу можно положить только необходимое. Взяли кое-что из вещей, продукты, бочку воды и тронулись в путь, предварительно заколотив дома. Думали, что война через месяц-два окончится. Мы попали в поток отступающих войск и двигались вместе с ними. Немецкие самолеты постоянно бомбили и расстреливали войска и нас. На нашу телегу положили раненых солдат. С большими трудностями мы добрались до города Тростянец. Остановились на квартире в одной семье. Во время бомбардировки погибли наши лошади, мы были вынуждены остаться в этом городе. Через 2-3 дня город был обстрелян. Все выбежали на улицу. Город горел, мы побежали в овраг, который находился между домом и сахарным заводом, который тоже горел. Обстрел продолжался. Когда все утихло, мы вышли из оврага и вернулись в дом. Через некоторое время в город вошли немцы. Все сразу изменилось: люди боялись выйти на улицу, все прятались по подвалам.

Часто в дома врывались немцы, румыны, мадьяры и грабили все, что попадалось им под руки. Со временем люди стали выходить на улицу, нужно было доставать продукты, воду. Нам детям было строго наказано, что если в дом войдет кто-то из солдат, сразу выбегать из дома и бежать прятаться в овраг. Однажды я стоял возле дома, и ко мне подошел мадьяр. Я испугался и хотел убежать, как вдруг услышал на идыш: «Ингэлэ ди быст Аид» (Мальчик, ты еврей?), у меня чуть язык не отнялся, пока я выдавил из себя: «Е» (да), тогда он попросил вызвать кого-нибудь из старших. Я пошел в дом и сказал хозяину, что его просит

выйти солдат, что тот говорит на идыш. Он вышел, они беседовали долго. Вечером к нам пришли несколько солдат, и они рассказали, что они венгерские евреи, они очень горевали, что немцы их мобилизовали в армию, и они должны служить у немцев. Они говорили, что были предупреждены, что если они дезертируют, их семьи будут расстреляны, но они были убеждены, что тех уже нет в живых. Приходя молиться, они из-под одежды вынимали талесы. Они нам приносили продукты. Предупреждали лишний раз не выходить на улицу. Вскоре они объявили, что их часть уходит на передовую, попрощались, плакали. Больше мы их не видели. Родители попросили хозяина купить для нас лошадей. Наконец, лошади были куплены, и мы стали собираться домой. Старались ехать по ночам, так как на дорогах было большое движение немецких войск. В дороге не хватило продуктов и решили заехать в село, чтоб купить. В момент выезда из села к нам подскочил какой-то мужик и со словами «Жидовские морды, вы много моей крови попили», — стал распрягать лошадь. К нему подскочил дядя Берл и стал драться с ним, мы заплакали, женщины стали кричать.

В это время недалеко от нас проезжала колонна немцев, и эта сволочь говорит, что сейчас позовет немцев, и с этими словами забрал лошадь. Нам пришлось помогать тащить телегу. С большим трудом мы добрались до Тульчина. Наша квартира была занята бывшим нашим соседом Тереховым. Мы поселились в доме у бабушки по ул. Пестеля №7. Дом был полностью разграблен. Ежедневно солдаты врываются в дом, требуя драгоценности. Жили в постоянном страхе. На улицу без нашитого Маген Давида выходить было нельзя, центр города для евреев был закрыт. В октябре по домам ходили представители еврейской общины, требуя драгоценности для коменданта города, чтобы нас не трогали. Вскоре стали поговаривать, что соберут всех евреев в одном районе, где они будут жить. В ноябре поступило указание: всем евреям, кто живет в районе еврейской школы, явиться туда с вещами. Мы туда попали одни из первых. В школе нас продержали неделю, и когда собралось много людей, нас построили в колонну и повели через весь город в сторону русского кладбища. Все испугались, стали плакать, кричать, думали, что нас ведут на расстрел. Некоторые пытались убежать, их тут же ловили и избивали до полусмерти. Нас повели дальше в поле. Было очень холодно, шел снег с дождем. Так нас гнали целый день. Многих пожилых людей, которые не смогли идти, расстреливали. Людей охватила паника, к вечеру нас пригнали к какому-то сараю, который стоял в поле. Мы были без сил от такого перехода, и тут же упали на мерзлую землю. Утром нас построили и снова гнали целый день. К ночи нас пригнали в город Печору, открыли ворота и загнали в лагерь.

Здание было почти пустое, мы поселились на втором этаже, день-два было свободно, но потом стали пригонять каждый день все новых людей, и постепенно в каждой комнате жило по 15-20 человек, это на месте, где когда-то стояло 4 кровати. Говорили, что тут был санаторий для высших чинов Красной Армии. Напротив ворот лагеря, через дорогу была румынская комендатура. Они охраняли лагерь и страшно избивали всех, кто попадался. Румыны брали людей из лагеря для расчистки дорог от снега. После работы не все возвращались в лагерь.

В декабре появились еще и полицаи, с этого момента лагерь стал адом, не проходил ни один день, чтоб они не убили несколько человек. Для них не существовали ни старик, ни женщина, ни ребенок. Кто попадался — тот был обречен. Счастьем было, когда они убивали из винтовки, но они любили сначала изувечить до смерти. В руках у них были металлические прутья с набалдашниками. Можете себе представить, с какой силой эти изверги избивали. Если кто-то пытался убежать от них — они эти прутья бросали вдогонку по ногам. Жертвы падали, как подкошенные — потом их добивали. Мою тетю Ярмолинскую Гиту поймали румыны, когда она просила подаяние в селе, ее привезли к лагерю, и там они вместе с полицаями Сметанским и Семеренко избили. Когда она упала и потеряла сознание, у нее плоскогубцами вырвали золотые зубы. Убийство людей полицаями стало системой. Вот они эти изверги.

Сметанский — убийца, насильник, бандит — страшнее его не было.

Семеренко — убийца, насильник, бандит.

Рожило — убийца, изверг.

Мишка в кубанке (фамилию никто не знал) — бандит, изверг, насильник.

В лагере не было ни воды, ни света, за водой ходили на Буг, но не просто было набрать из Буга воду. Дело в том, что напротив через Буг, который был шириной 60-100 метров — находились немцы в селе Соколец. Как только кто-нибудь подходил брать воду, они тут же стреляли и чаще всего убивали. Люди пухли от голода, холода. Появились заболевания, вшивость, тиф. Я заболел чесоткой, на голове был один сплошной гнойный пласт, на лице и руках не было живого места, я расчесал все тело до крови, особенно под коленями. Люди в палате боялись заразиться от меня. Я всегда сидел в углу на корточках. Вследствие этого у меня срослись коленки, встать и выпрямиться не мог. Когда людей уводили на работу, я имел возможность на корточках, как обезьянка, попрыгать. Люди меня опасались, но и жалели. Я до болезни снабжал палату дровами, водой. Когда бывала облава и полицаи, румыны шныряли по палатам, меня всегда прятали, набрасывая на меня всякие тряпки. Были случаи, когда больных уничтожали. В лагере был врач из Тульчина Вишневский, к нему обратились за помощью. Он, увидев меня, был испуган, в таком я был состоянии. Бабушка, мама просили его помочь мне, он стал говорить, что мне уже ничто не поможет, так как у меня все тело гниет, и что меня нужно изолировать. Мама стала плакать, кричать: «Что вы говорите, вы же врач», на что он ответил: «Я не врач, я палач». После войны его судили. Возможно, что он был причастен к тому, что однажды в палату ворвались два полицая, они схватили меня и пытались сунуть в мешок. Моя мама кинулась ко мне, обхватила меня руками, и как они ее ни били по рукам, не отпускала меня. В палате поднялся крик, плач, кто-то выбежал в коридор и стал звать на помощь. Сбежались люди и стали меня вырывать из рук полицейских, и им это удалось. Уходя полицейский сказал: «Мы его все равно утопим». Мама лежала на полу с перебитыми руками и разбитой головой, она бедная до конца дней своих ничего не могла делать. В связи с болезнью я не выходил из палаты. Но слышал разговоры, как много людей умирают, и они лежат в коридоре.

В лагере была группа мужчин, которые были обязаны выносить мертвецов из здания в сарай, и, когда скапливалось 15-20 трупов, они их вывозили хоронить. Однажды моего дедушку повели в комендатуру, чтоб он починил там печь. Дедушка был печником. Он все сделал, но когда он собрался уходить, к нему подошла женщина (она работала при комендатуре) и сказала, что у нее дома плохо горит печь, и она просит его починить. Когда он все сделал, она хотела его покормить. Он обратился к ней с просьбой: можно я это возьму с собой в лагерь, не могу сам это кушать, у меня семья и внук тяжело болен. Тогда она спросила, а что с внуком? Он ей все рассказал и о чесотке, и о ногах, которые срослись, и что полицейские хотели меня утопить. Она его успокоила, дала продукты и сказала, что через 2-3 дня я тебя найду, а насчет полицейских не бойся, они его не тронут. И через пару дней дедушку позвали к воротам лагеря, эта женщина принесла мазь, свежее подсолнечное масло, она объяснила, что нужно неделю мазать тело мазью, неделю маслом. Через месяц, полтора все сошло. Я начал выпрыгивать в коридор, ведь я столько времени прятался в палате. Однажды я выскочил во двор, на улице лежал снег, воздух был морозный, от первого глотка воздуха я задохнулся. Меня подобрал какой-то мужчина и понес к себе в подвал.

Оказалось, что там живут трое мужчин. С тех пор я стал к ним приходить. Однажды они говорят: «Лева, мы написали песню о том, как нас гнали сюда, попробуй ее спеть». Я спел, они говорят: нужно ее петь людям. Несмотря на все ужасы этой страшной жизни, на трагедию, в какой мы оказались, люди старались помочь друг другу по мере возможности. На этаже был вестибюль. Иногда там собирались женщины и вспоминали прошлую жизнь. Вот тогда я спел эту песню.

*Цу зэйт ын цышпрейт зэнын ды идн ви мы гейт
Фартрыбыны фун енарзайт тах фархойшерт ынфарбрэнт
мыды пэклах ын ди энт гэйн инг ын олти лат
Их блонгзех мир арым ын ди лагэре ымыдым
мыт цурыс ын мыт вейтык унгзарт вер сы оцах
нышт фартрахт ын Печерь ойф дейм нахт ви ейнэр
цу дейм цвейтн рэт. Ой ызбейнкцах мир аейм ой
ызбеянкцах мир аейм, цудейм клейным штейталэ
цудейм ви фрай зех гыфилт мыды кындэрлах
гышпилт гит ызнор базех ын дрейм.
Фын дейм орт ви майн штиб ист шойн ецт
атифер гриб их волт аводы ныдаркэнт дус орт
но сытицэх мех атин фын цервайт акик цэтин
ви их об майне юрн фарбрахт.
Ой ызбейнкцах мир аейм ой ызбейнкцах мир аейм
цудейм клейным штейталэ цудейм, ви фрай зех
гыфилт мыды кындэрлах гышпилт гит аз нор
базех ын дрейм.*

После этого я часто пел им еврейские песни. Ведь жизнь, какой бы страшной ни была, продолжалась, никто тогда не знал, что нас ждет еще более страшное время.

Однажды в палату пришли мои новые знакомые и еще двое мужчин. Они принесли с собой две жерди и веревки. Я ничего не понял и продолжал сидеть в углу. Один говорит: «Лева, иди сюда, мы принесли тебе покушать». Он поставил на пол посреди палаты миску с чем-то, и ничего не подозревая, я выпрыгнул к ним. И вдруг они на меня навалились, двое схватили меня за туловище, двое за ноги и со всей силы растянули. Ту боль я чувствую еще сейчас. Они привязали меня к этим жердям, чем-то смазали раны в местах разрыва. В таком положении я пролежал несколько дней. Потом они принесли самодельные костыли и говорят, хватит лежать. Развязали меня и помогли встать, но ноги не слушались, я не мог стоять, я их не чувствовал. Много дней прошло, пока я при помощи родных стал передвигаться, сначала по палате, потом по коридору. Вскоре я стал выходить во двор лагеря. Сразу бросилось в глаза, как резко люди изменились, похудели, осунулись, особенно пожилые, передвигались они с большим трудом. Зима была суровая: очень холодная. Люди старались сидеть по палатам, это привело к тому, что они очень ослабли. Питание было очень скудным.

Хочу рассказать о месторасположении лагеря и что он собой представлял. От ворот шла широкая дорога-аллея к корпусу. Перед корпусом был фонтан с фигурой девочки в центре на постаменте. По бокам аллеи были деревья, от ворот влево и вправо шел ажурный металлический забор с квадратными столбами из кирпича. С правой стороны ворот стояла проходная будка, от которой металлический забор тянулся метров на 50-70 и переходил под углом в забор, сложенный из грат, который тянулся до самого Буга. Слева от корпуса была кухня-столовая, а немного в стороне был колхоз. Впереди колхоза и столовой близко к углу парка стоял старинный дом с башнями в купеческом стиле, в нем в то время жил комендант г.Печоры, претор Лев (так его называли). Сам корпус при советской власти был как санаторий и работал только летом. В нем не было ни печек, ни парового отопления. С тыльной стороны к Бугу спускалась лестница под большим углом наклона, ступенек на сто. С правой стороны колхоза был родник, где мы брали воду. Через некоторое время я тайком начал забираться в ближайшие села, просить, еду. Было очень страшно, так как в данном селе была полиция, поймав еврея, его тут же расстреливали. Но, несмотря на все страхи, нужно было рисковать, иначе семья умрет от голода. Счастье было для тех семей, где были дети восьми-четырнадцати лет. Они были основными кормильцами. Никто не мог так пробраться через ограду, как дети. Им легче было убежать от полиции. Не раз меня избивали, заставляли кушать землю. Девочкам было особенно опасно, их насиловали, травили собаками.

Сколько их погибло — пусть земля им будет пухом. В лагерь приехала делегация в составе трех человек из Тульчина. Они объяснили, что приехали посмотреть, в каких условиях мы живем и желают помочь, а помощь заключается в том, что кто хочет поехать в гетто, может это сделать. Многие умоляли взять их, многие записывались, некоторые платили деньги. Взяли в основном крепких и здо-

ровых. У многих остались в лагере родители, им обещали, что скоро их заберут. Уехали человек 110-200. А потом дошли слухи, что их всех отправили на торфопереработку, и в дальнейшем они были уничтожены. После войны этих троих судили. В лагерь каждый раз пригоняли новых людей. Были из Молдавии, Румынии, Польши. Запомнились два брата поляка. Они никогда не унывали, всем всегда помогали. И вот случилась трагедия. Возле забора стояло много людей, одни меняли что-то, другие просили милостыню. Стояли и эти два разговаривали с теми, кто находился по ту сторону забора. В момент разговора один из братьев залез на кирпичный столб и уселся на нем, тут же из будки выскочил полицейский Рожило с ружьем, раздался выстрел, и тот упал замертво. Ежедневно умирали люди, но эта смерть потрясла всех. По этому случаю была написана песня.

*Ой а найэ лид вэлихах мэнчн зингэн
Ой а найэ лид фын Печерар лагер алейн
Ой-ой-ои алейн ой цынойфгытрыбн
отмын ынз алэ идн ын Гечеры афн
фарвистн плац.
Ой азмыот цыдейм айзэрдыкн толяр цигылоост
ыз аройс Рожило мыт а гройсэр' быкс
Ой-ойой а быкс ыз им унгыкымэн цвэй
им шылдыкы идн отэр зэй гышосэн фарымзыст
ОЙ амул ом дь: идн гылейпт гит ын глыклах
ын дыслейбн ыз гывэйн базэй барит ой-ой-ой барит
ызах унгыкымэн ер дер шварцэр койлэр ой-ой-ой
ын эр от ынзэр лейбн штарк фарвист.*

Забегая вперед, скажу, что когда красные освободили лагерь, второй брат попросил у солдата автомат и расстрелял Рожило.

Однажды я пробрался в село Вольшки, километрах в пяти от лагеря и переходил от дома к дому. Подойдя к одному дому, я стал просить подаяние. Вышла женщина, держа что-то в руках и, когда она подошла, испуганно шепнула: «Полицейский идет, убегай!» Я не успел глянуть, с какой стороны полицейский, как получил удар. Женщина стала на него кричать: «Что ты делаешь это же ребенок, отпусти его!» Она еще больше его разозлила. Он начал меня еще сильнее бить прикладом в спину, а ей говорит: «Молчи старая, а то и тебя отведу в полицию, ты кормишь жидов». Он привел меня в полицию, где были еще полицаи. И каждый старался ударить. Потом один говорит, отведи его в яр и кончай. Я плакал, кричал, молил, чтобы меня отпустили и что я больше не буду ходить просить. Тот, который меня привел, говорит, иди сюда, и сам пошел в сторону двери. Я обрадовался думая, что он меня отпускает, а он говорит дай руку, я дал, и вдруг он мои пальцы зажал в дверях. Кровь брызнула из пальцев. Очнулся я от того, что меня обливали водой. Подняли меня палками, когда я встал, эта сволочь го-

ворит, пошли и взял винтовку. Когда он меня вел по селу, навстречу шел небольшого роста старичок, в руках у него была бутылка с чем-то. Когда мы поравнялись, он спрашивает у полицейского: «Куда ты его ведёшь?» Тот ответил, что в яр. Старичок заволновался и говорит, пошли назад, я несу самогон, сначала выпьем. Полицейский с радостью согласился. И вот мы снова в полиции, и я слышу, как старичок спрашивает, сколько хотите самогона за него. Сошлись на двух штофах, и меня забрал старичок. Он привел меня к себе домой, обмыл, покормил, уложил в постель. Через некоторое время он стал меня расспрашивать, кто я и кто у меня есть из родных и где? Я ответил, что у меня есть мама, два брата, бабушка и бабушка, и что они в лагере Печора, он попросил назвать свою фамилию. Я ответил Луцкер Лева, он подумал и говорит, если у тебя кто-то спросит фамилию скажи Лучкин Леша. Он стал меня обучать молиться, креститься и объяснил, что это нужно для моего спасения. Он сказал, что когда ты все усвоишь, я поговорю с батюшкой, может он согласится тебя крестить, и тогда тебя запишут в церковную книгу, что ты крещен, и тебе будет легче помогать родным, а там видно будет. Он мне сказал, что я субботник и хочу тебя спасти потому, что евреи, богоизбранный народ, и вы у Бога на ладони правой руки.

Я жил у него уже дней 20. Однажды я услышал, что кто-то просит милостыню возле калитки. Обычно, когда хозяин был дома, он сам выносил просящему, а меня строго предупредил, чтобы я не смел выходить, и не дай Бог кого-то пускать в дом, когда его нет.

Я взял хлеба, чтобы отдать просящему, и, выйдя, увидел, что это мой дальний родственник Флейшман Шуля. Его мать учила нас петь жалостные песни, которые мы пели по селам. Я его повел во двор, покормил, расспросил о моих родителях. Он сказал, что они переживают, думают, что меня уже нет в живых, так как прошло уже много дней, а я не появлялся в лагере. Я его повел в сарай и предупредил, чтобы до утра, пока я его не позову, он не показывался.

Но получилось так, что дед рано утром зашел в сарай и увидел его. На вопрос, как ты сюда попал? Он ответил, что Лева меня впустил. На этом закончилось мое пребывание у деда. Я ему очень благодарен, он меня спас от верной смерти.

Второй случай, который для меня мог закончиться трагически, это когда меня поймала полевая жандармерия. Я уже почти подходил к лагерю, оставалось километра два. Их было трое. Один был изверг, он только хотел меня убить, другой сидел на земле и проверял, что у меня в мешке, а третий не давал, чтобы тот направил на меня винтовку. Он ему все время что-то доказывал и вырывал у него винтовку. Наконец, они о чем-то договорились, и добрый подошел ко мне. Я дрожал от испуга. Он мимикой показывает, что ты беги только вот так, я понял зигзагами, а он будет стрелять: пах-пах. И он схватился одной рукой за ствол винтовки, не давая тому стрелять, а другой сильно толкнул меня в спину, и я полетел в пшеницу. Вскоре раздался выстрел — дзынь — и пуля пролетела возле головы. Снова выстрел, и пуля снова пролетела. Я упал, сердце выпрыгнуло из груди, а мне казалось, что это земля подо мной дрожит. Так я пролежал до вечера, боясь подняться. Потом вернулся на то место, где меня поймали. Про-

дукты валялись на земле, я собрал их и побрел в лагерь. Вылазка из лагеря и возвращение всегда были сопряжены с риском для жизни. Каждый раз нужно было искать лазейку, чтобы выбраться и не попасть на глаза полицейского, он тут же стрелял. Я часто пользовался деревом, которое росло возле гранитного забора и ветви которого простирались над забором на ту сторону. Я просиживал полдня в ветвях дерева, и когда полицейский уходил метров на 40-50 или заворачивал за угол забора, я спрыгивал и прятался за валунами, а потом нужно было отбежать метров 30, и он меня уже не мог видеть из-за насыпи. Возвращение было трудным и опасным, ибо на тебе мешок с продуктами, которые ты выпросил, и весил он 10-15кг. Приходилось ползти метров 100 между валунами и спускаться к Бугу, где есть заводь, зайдя в которую ты мог добраться до лагеря, пройдя 30-40м по стоячей воде, но в воде тебя сразу окружали водяные змеи, водяные ужи и головастики. Нужно было так двигаться, чтобы вода не шелохнулась, иначе тебя тут же ужалит змея. Страшно было видеть рядом с собой эти извивающиеся тела. В этот момент ты забывал, что с того берега мог тебя увидеть немец и тут же оборвать твою жизнь. Этим местом-заводью я пользовался только тогда, когда нельзя было пролезть в другом месте. Дело в том, что недалеко находился мост, который соединял Соколец и Печору и который охраняли немцы. Нужно было проходить рядом, что было смертельно опасным и, перебегая дорогу, ты попадал на еврейское кладбище, которое находилось на горе, рядом был лес, который тебя спасал. Ну, а дальше, как повезет. Наступила осень, пошли дожди, все труднее стало выбираться из лагеря, одежда промокала до нитки, и так шел по 5-10 км. по полям, увязая в грязи. Хлеба были убраны, кусты и деревья сбросили листья и ходить приходилось, как можно дальше от дорог, избегая встреч с кем-либо. В полях стояли скирды соломы, проделывая в скирде проход, забирался, как можно глубже и таким образом просушивался и согревался, там же и ночевал.

Осенью приходилось чаще делать попытки выбраться в село, от этого зависела жизнь семьи. В селах был убран урожай, и люди были немного добрей, и по мере возможности помогали. Спасибо им всем, благодаря их помощи мы остались живы.

Пришла страшная пора года — зима 1942-1943гг. Летом люди как-то перебивались, было тепло, подходили к забору, что-то меняли на продукты, другие просили подаяние, а теперь зима всех снова загнала по палатам, снова теснота, грязь, проблемы с дровами, с водой.

В эту зиму нашу семью постигло горе. Пришли румыны и объявили, что наша бабушка комсомолка и партизанка, и увели ее. Куда, зачем, какая комсомолка? Бабушке было 65 лет, а ее увели такую маленькую, щупленькую, в мороз, в неизвестность. Никто не надеялся, что мы увидимся. Смерть ежедневно уносила десятки людей. Умирили от голода, холода, болезней. Умирили пожилые, которые остались без детей, без помощи. Умирили дети, оставшиеся без родителей. Они лежали опухшие, потерявшие рассудок, не знали, кто они и что с ними. Разве можно забыть то, что ты пережил в свои одиннадцать лет?!

Зима была суровая, стояли трескучие морозы. По селам почти не ходили, не хватало сил. Многие дети замерзали в пути. Пришлось по ночам пробираться в поле к буртам с бураками, разгрести мерзлую землю и воровать бураки, пока наберешь штук десять бураков, а они уже замерзли и звенят, как камушки. На бураках мы прожили часть зимы. При возвращении многие уставали и садились отдохнуть, они засыпали, и это был конец, они замерзали. Прошел месяц — полтора с момента, как увели бабушку, и вот однажды раздался возглас «Рейзеле ведут!» Мы выбежали во двор и увидели, как ведут нашу бабушку. После того, как она пришла в себя, она рассказала свою историю. Оказалось, что разыскивали какую-то Бурбан Розу, молодую 20-летнюю, которая была комсомолка, а бабушка Бурбан Рейзл. Ее повели в Тульчин. Из Тульчина ее отправили в Тирасполь. В Тирасполе увидели, что это не та. Ищут молодую, а привели старуху. Видно та Роза была из этих мест. Бабушку снова отправили в Печору, привели ее измученную, обмороженную, еле живую.

Тяжело заканчивалась зима, унося сотни людей. Были дни, когда вывозили 3-4 телеги трупов. Несмотря на тяжелейшие условия, в которых мы находились, избиения и убийства, голод, холод и болезни, борьба за жизнь продолжалась. Пришла весна с ее теплым солнцем, и люди стали выходить из корпуса во двор подышать воздухом. Многие еле держались на ногах, надеялись что летом будет легче. До лагеря доходили слухи, что Красная Армия наступает. Все ждали и надеялись, что скоро придет освобождение. Всем так хотелось дожить до этого часа.

Но пришло страшное горе. Это случилось в канун русской пасхи. Мы стояли у забора и увидели, что ведут колонну людей с лопатами, из колонны раздался женский крик: «Люди! Убегайте, нас ведут ямы копать, вас будут расстреливать». Я об этом рассказал в палате, но что можно было сделать в тех условиях.

Утром в лагерь заехали машины, из них выскочили немцы и окружили внутреннюю территорию лагеря, другая группа немцев ворвалась в корпус, и стали выгонять мужчин во двор, и сажать в машины. Когда машины были загружены, они уехали. После этого полиция объявила, чтобы все, кто остался, выходили во двор. При выходе из корпуса всех строили в колонну. Возле фонтана стояла группа немецких офицеров. Колонну направили к этой группе, и тут немцы начали сортировать людей. Молодых в одну сторону, стариков и детей в другую. Поднялся крик, плач, истерика. Автоматчики стояли в две шеренги, и через них пропускали людей как по коридору, и никто не мог вырваться. Еще не выйдя во двор, мы услышали выстрелы, крики, плач и раздирающую душу истерику. И когда мы вышли из корпуса, увидели, что немцы вырывали из рук матерей младенцев и, схватив за ножку, раскручивали над головой и разбивали об стацию, стоящую в фонтане. Других детей они подкидывали в воздух и расстреливали из пистолетов, фонтан был набит трупиками и залит кровью. Матери рвали на себе волосы, сходили с ума, теряли сознание, некоторые тут же были убиты. Рядом с нами шли: бабушкин брат Сирота Кива, его жена Молка, сын Шая он был глухонемой и дочь Фаня с ребенком на руках. Когда они увидели этот ужас, они ре-

шили спрятать ребенка у Фани на груди под одеждой. Это увидел убийца-фашист, который подбрасывал детей и, когда Фаня поравнялась с ним, выхватил ребенка и разбил об фонтан, потом вытащил из ножен кинжал и вспорол Фане живот. Она упала вся в крови, ее брат Шая с мычанием бросился на немца, и тот, взмахнув кинжалом, рассек ему горло, и тут же отрезав голову, приподнял ее. Невозможно передать словами тот ужас, который охватил людей. Люди на секунду оцепенели. И в тот же миг раздался вопль всей массы людей. Этого передать невозможно. А эти убийцы-головорезы, смеясь, фотографировались на фоне отрезанной головы и фонтана с трупиками детей. Раньше немцы приезжали в лагерь и устраивали облавы, увозя десятки людей, но такого ужаса и разбоя еще не было.

В этот трагический страшный день были убиты наши родственники:

Фаня Сирота — Шамэс с ребенком и ее брат Сирота Шая. Угнаны и впоследствии расстреляны в Вороновицком лесу Винницкой области:

Мой старший брат— Луцкер Ося.

Родственники:

Сирота Кива.

Сирота Молка.

Сирота Аврум.

Бурбан Фейга.

Ярмолинский Берл.

Ярмолинский Абрам.

Ярмолинский Сема.

Рабинович Хая.

Флейшман Семен.

После того, как немцы произвели сортировку людей, отобранных мужчин и женщин отвели в правую сторону лагеря под усиленной охраной, а детей и пожилых в левую сторону. И тут мы увидели, как из корпуса волокут за руки, за ноги всех, кто не смог сам передвигаться, затаскивали за корпус, и оттуда раздавались выстрелы. Нам приказали снимать с себя верхнюю одежду и складывать в кучу. Когда мы все сняли одежду, они ее подожгли, и тут мы услышали, как некоторые немцы из охраны между собой говорят по-русски. Потом стало известно, что это были власовцы. Когда куча сгорела, они стали в золу искать золото. Заехали машины, на них погрузили отобранных людей и увезли. После этого стали нас усиленно охранять. Через некоторое время заехали еще машины и их стали загружать оставшимися. В это время появился комендант города Печоры с солдатами и стал что-то объяснять немцам, немцы долго на что-то не соглашались, а потом дали команду конвоирам и стали людей сгонять с машин и уехали. Лагерь опустел. Возле фонтана лежали трупы людей, в фонтане трупы детей, а за корпусом были расстреляны и сброшены в полуподвальные окна десятки людей. В лагере осталось человек 200-250. Люди разыскивали среди трупов своих близких и родных. Из шести полуподвальных окон стали вытаскивать трупы расстрелянных. По лагерю бродили дети остав-

шиеся сиротами. Еще долгое время слышался плач по убитым и угнанным. Даже полицаи после этого ужаса на несколько дней поутихли. Лагерь оплакивал и хоронил погибших. Потом были слухи, что комендант созвонился с королем Румынии, и тот запретил отдавать людей на расстрел. После этой трагедии кем-то была написана эта песня.

Соловейчик маленькой ди ост а голос а тоненькой штэй мир оф алы гонц фри ын батрахзах ойс фын майн гызынт.

Нышт каин футэр нышт каин мутэр ын ви их дрейзих кет мир битэр но афн фэлд арыф нет мир цыгейн эфшар взлих дортн майны элтарн зейн.

Дыс ганцэ фэлд бы них ойзгыгангэн ын майнэ элтэрн об их нь:шт гызейн нор айн клейн бежалэ цу ди дер штейн их гыденк их гыдейнк их обыс амул гызейн Беймэлэ беймэлэ бейзех ойс ын ди майн мытэр ким ароис ын ди майн мытэр ди штэйшойн оф ын ваз мир дым вейг айм цыгейн.

Их волт аводы гыволт ыфштейн мыт дир майн кынд азйм цыгейн нор дер цоом мы-ды азэрдыхы штейнар зэй брехн ыбар майны инге бейнар

Нор дер цоом мы-ды азэрдыхы штейнар зэй брехн ыбар майны инге бейнар.

Некоторым повезло, их не было в лагере в этот день, в том числе, и моему среднему брату Семе. Уже потом он рассказывал, что, подходя к лагерю, услышал выстрелы и страшные крики, он спрятался и увидел, как из лагеря выезжают машины с людьми, он понял, что лагерь уничтожают и убежал. Через некоторое время он решил вернуться и посмотреть, может, кто-то остался из родных, и когда он увидел, что лагерь охраняется, он понял что в лагере есть люди, и он вернулся. Шло время, как ни велико было горе, нужно было думать о пропитании. Снова вылазки, снова переходы от села к селу в постоянной опасности.

После той трагедии брат предложил мне пойти с ним в Тульчин, он хотел показать мне дорогу на случай если придется убежать из лагеря, а его не будет с нами. Таким образом, он мне показал пути перехода, они проходили вдалеке от населенных пунктов, по лесам, оврагам, долинами. После этого я сам мог ходить в Тульчин. Мы понимали, что до отступления, немцы уничтожат лагерь, поэтому мы готовились вырваться раньше. Однажды, когда я был в Тульчине, меня увидел Терехов (он жил теперь в нашей квартире), он пригласил меня к себе, покормил, расспросил о родных, дал несколько марок, и я ушел. И буквально тут же меня задержал полицейский. Я не уверен, был ли в этом виноват Терехов, но его дочь работала в комендатуре переводчицей, она нисколько не удивилась, увидев меня. Меня расспросили, откуда я пришел, потом, избив, бросили в подвал. Так продолжалось несколько дней, и каждый раз избивали, особенно зверствовал один: он бил плеткой, на которой были повязаны узлы.

Наконец, меня вывели, и вооруженный полицейский повел меня через город. То, что он был с винтовкою, ничего хорошего не предвещало, это мог быть расстрел. Когда мы прошли Нестеровку и вышли в поле, он мне говорит, а я тебя знаю, твой папа Эдик, я с ним работал, он был печником, и сказал, что, когда он узнал,

кто меня будет конвоировать, он решил сказать, что у него в Брацлаве живет сестра, и он вызвался меня конвоировать зная, что тот меня по дороге убьет. Насколько я помню, его фамилия была Пономаренко или Бондаренко. Прошли деревню Тарасовку, за ней деревня Крышницы, проходя ее мы увидели, как возле мостика местный полицейский сложил штабелем трех человек, двух мужчин и женщину, залез на бревно и приставил винтовку к голове женщины и, увидев нас, закричал: «Давай этого жидка сюда, я их прошью одной пулей, на жидов и пули жалко», — на что конвоир ответил: «Я веду его в тюрьму». Сзади раздался выстрел.

Уже было темно, когда мы подходили к большому зданию, которое было освещено вдоль забора. Мне оно показалось страшным, серым.

«Это Брацлавская тюрьма. Я должен тебя туда сдать», — добавив, что, возможно, тебя отсюда отправят в лагерь. Он дал мне краюху хлеба и завел на проходную, там он подал дежурному бумаги, тот прочел, расписался и отдал часть назад. Конвоир ушел. Дежурный снял трубку, куда-то позвонил, вскоре пришел полицейский и так глянул на меня, что я понял — отсюда я не выйду. Он подвел меня к какому-то зданию, открыл тяжелую дверь, вырвал из моих рук хлеб и втолкнул меня внутрь. Внутри было очень темно, я не видел, что это подвал, и полетел вниз по лестнице. Я пролежал до утра, боясь двигаться, чтоб куда-то не попасть. Мне казалось, что я слышал чье-то дыхание, но боялся заговорить, и те, кто тут был, по-видимому, тоже боялись не зная, кого бросили к ним. Когда рассвело, я увидел, что тут есть люди.

Помещение было очень большим. Одно небольшое окно под потолком, откуда падал свет, лестница слева от окна ступенек на двадцать.

В углу сидели двое мужчин заросших так, что лиц не было видно, у другой стены женщина, трое детей и мужчина, муж или родственник. Они все время шушукались. Я сел в стороне и так просидел весь день. Никто со мной не заговорил, молчал и я. За два года лагеря я приучился к молчанию и одиночеству, меня не спрашивали, кто я, и я хранил молчание. За весь день никто не заходил, мучил голод и жажда, и еще туалет. Я делал то, что все, тут же. Стало темнеть, слышался шум мотора возле двери.

Подумалось все, это за нами. Неожиданно над окном открылась металлическая решетка, в окно вставили желоб из досок, и в подвал стал падать бурак, высыпалась целая куча, видно, большая была машина.

Дети бросились к бурякам и стали их жадно грызть. Потом мужчины взяли по бураку, взял и я. Печеный бурак очень вкусный, а сырой — от него тошнит, но другого ничего не было, пришлось есть.

Прошлую зиму, благодаря бураку, мы спаслись от голода. На следующий день снова привезли бурак, и куча выросла до окна. Дети снова стали его есть, но уже не так алчно, а перебирали: надкусят и выбросят, и так валялось уже много бураков. Открылась дверь, на лестнице показался автоматчик, увидев, что дети грызут бурак, он дал очередь по стене и стал кричать, Мужчина, который был с этой женщиной, вскочил и в испуге, показывая на женщину, стал кричать, что это ее дети, смотрите, она прячет девочку под юбкой.

Немец ушел, а я очень сожалел, что ни одна пуля не попала в эту сволочь. К вечеру следующего дня снова привезли бурак, и когда его ссыпали, он часто застревал в желобе, потому что куча была уже большая. Нас заставили разгрести, я полез под самое окно и освобождал желоб от бурака.

В какой-то момент я вылез из окна. Возле машин никого не было, я обратил внимание, что под кузовом есть место, где можно спрятаться, с двух сторон стоят канистры, бак для горючего, место для колеса. Я спустился вниз к желобу и стал кидать вниз бураки, чтобы там в подвале знали я тут, но как только заурчал мотор машины, я был уже под кузовом. Машина тронулась и, проехав немного, остановилась. Мое сердце окаменело: все обнаружили. Но раздался скрип ворот, и мы проехали. Сколько мы ехали и куда, я не знал, было темно. Наконец машина остановилась, шофер вышел, справил нужду и поехал, но без меня я лежал на земле и целовал ее. Нужно было быстро отсюда уходить, зная, что если в тюрьме обнаружат, что я отсутствую они будут искать ту машину и будут прочесывать местность, не потому, что я им нужен, а из-за факта побега. Я прошагал всю ночь, дважды переходил какие-то речки, а возможно, одну и ту же, мостик искать боялся. С рассветом увидел лес. Спрятался и стал наблюдать, сразу входить в лес боялся. Пролежав довольно долго и ничего не заметив, вошел в лес. Мне важно было понять, где я, и главное, куда идти, чтобы попасть в лагерь. Я очень устал, хотелось спать, поэтому я углубился в лес, чтоб отдохнуть, и по возможности собрать ягоды, яблоки. В октябре в лесах всегда обильно. Наткнулся на родничок: вода холодная, вкусная. Быстро ушел, потому что к роднику могли приходить разные люди. Через некоторое время вышел на большую поляну. Еще недавно тут был баштан (участок), где растут арбузы, везде валялась ботва, сразу захотелось кушать, стал искать в надежде найти арбуз, но увы, все тщательно было убрано. Стал уходить и на краю поляны возле леса увидел высокий пенек весь обросший еще живой ботвой. Что-то меня остановило и как будто внутренний голос говорит: «Подойди, посмотри». Я подошел, раздвинул ботву, и о, радость, там лежал большой арбуз. Ножа нет, пришлось палкой его расколоть. Поел половину, а половину оставил про запас. Захотелось спать, а арбуз оставлять боялся. Подумал, если арбуз тут лежит, почему я не могу, залез под ботву и заснул. Проснулся от холода, была ночь, нужно было выходить из леса, так как днем в лесу сыро, а ночью очень холодно, а я был совершенно раздет, в поле можно было согреться в стогу соломы. Просидев до утра, поел арбуз и тронулся в путь. Через время услышал лай, значит, вблизи есть деревня, пошел на лай собаки, нужно было узнать, где я. Еще издали увидел дом лесника. Собака, почуяв чужого, разрывалась на цепи. Вышла хозяйка, посмотрела по сторонам, что-то сказала собаке и вернулась в дом. Я приблизился, но из леса не выходил. Собака сильнее стала гавкать, открылась дверь, и снова появилась женщина, для меня это означало, что мужчин в доме нет, иначе вторично вышел бы мужчина. Я вышел из леса и обратился к ней с просьбой дать мне что-нибудь покушать. Она подошла ко мне и спросила: «Откуда ты?», я ответил: «Из Тульчина». Она, конечно, поняла, что я еврей. Позвала в дом, я боялся заходить и попросил, чтоб она

вынесла мне что-нибудь сюда. Она глянула на меня и говорит: «Идем, не бойся, я тебе плохо не сделаю». Я зашел. Боже, как сытно и в тепле жили люди в то время, когда тысячи умирали в голоде и в холоде. Она меня покормила, дала одежду и собрала сумку с едой в дорогу. На вопрос, где я нахожусь, сказала: рядом город Немиров, но ты туда не заходи, там немцы. Она меня выпроводила, рассказав, как нужно идти дальше в сторону Вороновиц. Я добрался до Печоры.

Положение в лагере было ужасным. Крыша, доски и стропила правой стороны корпуса были сорваны полицияями, и дожди, шедшие осенью, залили оба этажа. А сейчас с началом заморозков все было во льду. Людям пришлось перебраться в левое крыло корпуса. В корпусе был страшный холод. Люди ходили, набросив на себя всякое тряпье, но это не спасало от холода. С мертвецов снимали все, что могло согреть живых. Людей ждала голодная и холодная смерть. Полицаи особенно жестоко зверствовали в этот период. Создавалось впечатление, что была поставлена цель, окончательно в эту зиму покончить с лагерем. С наступлением сильных морозов людей умерших от голода или замерзших затаскивали в правую часть корпуса, как в морг. Особенно много было детей. Хоронить их было некому. Такого голода, как в эту зиму, лагерь еще не знал.

В декабре произошел страшный случай. В коридоре лежал мужчина, и однажды, когда утром вышли из палат, увидели, что мужчина этот мертв, лежит в крови, и у него отрезаны мягкие части тела. Поднялся страшный крик вопли, испуг. Такого еще не было, несмотря на все страшные годы лагеря. Люди умирали с голоду, но до такого не доходило. Пошли слухи до коменданта. Он явился, увидев этот ужас, дал команду вывезти все трупы из корпуса. На следующий день из колхоза, который был рядом с лагерем привезли мамалыгу и каждому дали по куску. С этого дня мамалыгу привозили 2-3 раза в неделю. Мы решили вырваться из лагеря. В январе, когда был сильный снегопад, мы через пролом в заборе выбрались из лагеря и, обойдя Печору, полями двинулись в сторону Тульчина.

В марте 1944 года мы были освобождены Красной Армией.

Малинина Нюся

Наши страдания и унижения начались после того, как наша семья и другие жители, проживающие в городе Тульчине, были угнаны в концлагерь Печора. В сопровождении немцев, румын и полицаев с собаками нас всех загнали в школу №1. Затем нас, как врагов всего человечества, сопровождали в баню. Во дворе бани нам приказали снять с себя всю одежду, при этом присутствовал врач Белецкий, который после окончания войны был осужден за его эксперименты.

Нам были сделаны прививки двумя женщинами в белых халатах, одной иглой без всякой стерилизации.

Баня не работала, приказ одеться, и нас погнали в лагерь Печора. Врач Белецкий, который дал в свое время после окончания института клятву Гиппократу, выполнял свой долг. Его интересовало количество умерших узников.

Трое суток без воды и пищи мы добирались к месту назначения. По дороге очень много людей были расстреляны: старики, больные и не щадили маленьких детей. В лагере у нас отобрали одежду, искали драгоценности.

С первых дней пребывания в лагере каждый человек старался выжить, как мог, начались вспышки инфекционных заболеваний. В каждой комнате вместо 10-15 человек находилось более 40 человек. Вши — педикулез, чесотка уничтожали людей. Воды не было даже холодной, мыться было негде.

За лагерь протекала река Буг, но спуститься и набрать немного воды стоило тому или иному человеку жизни, смерть на месте без предупреждения. Я переболела сыпным тифом, брюшным тифом, аллергией, тяжелой формой чесотки.

Меня спасла одна женщина, фармацевт Циля Вайнер, с её помощью я избавилась частично от чесотки. Я ей благодарна. К сожалению, её уже тоже нет в живых. Жизнь моя держалась на волоске. Но надо было выжить, и я крепилась. Нашу семью в лагере разъединили, старшую сестру (1922 года рождения), её уже тоже нет в живых, забрали в немецкий лагерь.

Маму с младшей сестрой забрали на работу в другой лагерь, а я осталась одна. И в это время наступил перелом в моей жизни. Я дала себе клятву, что должна выжить. Я протягивала руку помощи, меня жалели, ибо я могла погибнуть. Я боролась за жизнь и начала помогать людям, старалась приносить воду с Буга, не думая о смерти, и это мне помогло.

Нас вывозили на повозках в село Рахны на работу, собирали урожай фруктов, за это нам платили только гнилыми яблоками.

По окончании работы не разрешали брать гнилое яблоко, проверяя и вытряхивая всю одежду. Я взрослым помогала убирать помещения, вынося грязь на свалку. Затем, как взрослый человек, выносила мертвых в коридор. Мне, конечно, помогали их родные, но мне не было страшно, но эта работа была борьбой за жизнь. До последних дней моей жизни не забуду судный день.

Все узники вышли в длинный коридор, пожилые, старые, больные люди взяли в руки Торы и целый день читали молитвы. Этот день остался в моей памяти. Я рыдала в месте со всеми, просила Бога о нашем спасении.

Но к великому сожалению, утром следующего дня вошли в лагерь немцы и выгнали всех во двор, отбирая молодых и еще крепких мужчин, увезли их в неизвестном направлении и расстреляли. В один из неблагоприятных дней я была избита фашистами в присутствии узников, избивали меня со всей жестокостью, несмотря на то, что я была еще ребенком.

Получила травму позвоночника и нижних конечностей, избивали, пока я не потеряла сознание. Но я снова боролась за жизнь, ибо жизнь в лагере продолжалась. При освобождении из этого ада я находилась в полном истощении. В лагере смерти я стала настоящим инвалидом.

На протяжении моей жизни, и трудового стажа 50 лет в медицинском учреждении города Тульчин, по своим заболеваниям вышла на 2 группу инвалидности. Это остаточные явления моего пребывания в немецком лагере смерти.

Это десятая доля того, что я смогла вспомнить.

Пенчевская (Фурер) Гелла

Родилась 1.01.38 года в городе Ямполь Винницкой области. Папа, Фурер Айзик, работал председателем сельского совета в городе Ямполь, мама была домохозяйкой. Нас было трое детей — старший брат Боря с 1933 года, средний брат с 1935 года, я была младшей.

Были дедушка Мойше Ярусский, бабушка Мадыр Яруская, тетя Хейвйд Яруская. В доме говорили на идиш, украинском. Соблюдались еврейские традиции. Мама болела и умерла в 1940 году. Перед смертью она взяла слово с тети Хецвйд, чтобы она нас сберегла и воспитала. Поэтому после смерти мамы мы жили у дедушки.

В 1941 году папа ушел на фронт и пропал безвести, мы получили извещение.

Когда немцы вошли в Ямполь, людей начали отправлять в лагерь. Но так как у нас с дедушкой были разные фамилии, их отправили в лагерь, а нас оставили в Ямполье. Земляки нам посоветовали обратиться за помощью к женщине, которая до войны нам приносила молоко. У нее был большой дом с подвалом. Мы думали, что переждем в подвале это тяжелое время. Но она нам отказала, так как боялась за свою семью. Когда мы шли от нее, нас заметили полицаи с немцами. Братья меня прижали к забору и просили, чтобы я молчала. Но было очень холодно, был мороз и падал снег, мы были плохо одеты, и я расплакалась. Немцы нас заметили, схватили и повели в барак, где находились люди, которых должны были отправить в лагерь. В лагерь мы шли голодные, замерзшие и полураздетые. Когда мы пришли в лагерь Печора, мы встретились с дедушкой, бабушкой, тетей, с сестрой папы Бренет Эстер ее детьми. От холода и голода много людей умерло, в том числе и дедушка. Я перенесла в лагере все болезни и брюшной тиф. Старший брат Боря заболел сыпным тифом, его поместили в отдельную, тесную комнату, и мы все время бегали смотреть, жив ли он. От голода и холода мы были сильно истощены и больны. У меня были отморожены и сильно отекли ноги.

Я помню, пришли немцы отбирать детей в Германию, и я попала в то число. Ночью мой средний брат Петя спрятал меня, но на следующий день нас нашли, за что брата сильно избили. Всю свою жизнь он был болезненным. В лагере мы находились с 1941 по 1944 годы.

После освобождения мы вернулись в Ямполь. В 1945 году меня удочерила семья Фримцис Бася и Абрам. Некоторое время мы жили в Кишиневе, где работала моя приемная мама. В 1947 году переехали в город Черновцы. Эта семья относилась ко мне как к родной дочери, поставили меня на ноги и дали дорогу в жизнь. Я окончила 10 классов и Черновицкий медицинский институт. В 1969 я вышла замуж и переехала жить в город Грозный, где проработала в больнице до 1991 года, затем приехали в Израиль. У меня прекрасная семья и два прекрасных сына. Они служили в армии Израиля, и каждый год проходят переподготовку. Я пожелала бы всем людям планеты мира, чтоб ничьи дети не знали того, что пережили мы, чтобы жили при живых родителях, всем чистого неба над головой.

Русовская Адель

Родилась 7 марта 1934 год в маленьком городке Тульчин на Винничине.

Предки мои Русовские и Штайбманы жили в этом городке с незапамятных времени. В нашей большой родне всегда царил дружба и любовь. Мои детские воспоминания самые радужные — в доме был покой, достаток, и ничто не предвещало беду.

В первые дни войны я еще не могла оценить степень беды, которая обрушилась на нас. Но вскоре все началось. Мы эвакуировались, доехали до Гатчина. Там впервые мы попали под бомбежку. Вблизи нас взорвалось бензохранилище, но чудом мы уцелели. Вскоре отец получил приказ военкомата вернуться в Тульчин для организации снабжения войск.

В начале августа 1941 года, когда немцы были уже вблизи Тульчина, мы пытались эвакуироваться вторично. Но смогли добраться лишь до Бершади, вступили немецкие войска. Гул моторов, сила, мощь наступавших войск повергли всех в ужас. Уже на следующий день моих родителей погнали на работу — маму заставили убирать у солдат, а отца погнали на Буг восстанавливать взорванный мост.

Они работали до поздней ночи по горло в воде, а когда их должны были поднять по крутому склону берега, немцы, издевались, не давали уцепиться за веревочные петли руками, а набрасывали им на шею. Для моих родителей это была первая встреча с фашистскими зверствами.

А дальше было еще хуже. Мы возвратились в Тульчин. Вскоре всех евреев заставили носить желтые шестиконечные звезды на спине и рукаве.

В октябре 1941 года нам приказали собраться в центре города с вещами. Пересчитали, как скот, и под конвоем румынских солдат и украинских полицаев погнали в неведомом нам направлении. Была страшная грязь, холод. В грязи тонет обувь, но поднять ее было невозможно — отставших от колонны избивали и расстреливали. В этот день я увидела первую кровь, первые трупы.

Из памяти стерлось, за какое время мы прошли 90 км. И оказались в селе Печора. На берегу Южного Буга находились корпуса бывшего туберкулезного санатория. Их к этому времени успели обнести колючей проволокой, и нас загнали на эту территорию.

Долгих два с половиной года, с октября 1941 года по март 1944 года, длился кошмар под названием печорский лагерь смерти «Мертвая петля». В нем находились десятки тысяч евреев из близлежащих районов Украины, Молдавии и Румынии. За колючей проволокой узники погибали от голода, холода и эпидемий. От брюшного тифа умерли мои две бабушки и дедушка. Наша семья (я, мама, папа, сестра, дедушка и тетя) тоже болели, но смогли продержаться. Голод был страшный, родители мои говорили, что были случаи трупоедения.

Выжили мы чудом. Маме удавалось через дыру в ограждении проникать в село и менять вещи, кольца на продукты. Папин сотрудник, украинец Мазуркевич, приезжал к лагерю и, крадучись, передавал папе кое-какие продукты. Летом на территории лагеря мы собирали щавель, траву и варили на кострах похлебку.

Запомнился один случай: целый день мы простояли у костра, ожидая похлебку, а в то время мимо прошел солдат и нарочно ногой опрокинул нашу кастрюлю. В этот день нам ничего не удалось поесть. В другой раз мимоходом солдат выбил отцу два зуба.

Каждое утро полицаи проводили «санитарный час» — это когда еще живые выносили из бараков трупы и вывозили их во рвы в поле около лагеря.

Периодически в лагере появлялись немцы. Они отбирали самых молодых и уводили на работу в немецкую зону оккупации. Доведенных до изнеможения людей сбрасывали во рвы, засыпали известью и пропускали электрический ток. Земля над ними несколько дней колебалась. Об этом рассказал спасшийся человек, имени которого я не знаю.

Весной или летом 1943 года по лагерю поползли слухи, что копают траншеи, в которых нас собираются уничтожить.

В один из дней полицаи и солдаты выгнали нас из бараков, велели бросить вещи и повели к воротам. До наших могил оставалось 300-400 метров. Люди шли в полном безмолвии, но вдруг случилось настоящее чудо. Нас остановили и велели возвращаться в бараки.

Мне кажется, что благодарственный молебен по поводу нашего спасения длился целую неделю. Даже румынские солдаты говорили, что Бог простер над нами руку.

Освободили нас советские войска в марте 1944 года, мы были так измождены, растоптаны морально и физически, что у людей не было сил ликовать, моя память не удержала этот судьбоносный для нас момент.

Вскоре мы снова оказались в Тульчине.

В 1948 году на месте захоронения более 8000 человек был сооружен памятник на пожертвования евреев Тульчина. Инициатором его сооружения был мой отец Русовский Самуил.

ГЕТТО ПЛИСКОВ

Рабинович (Житомирская) Циля

Родилась на Украине в местечке Плисков Винницкой области 10 января 1924 года. Наша семья состояла из пяти человек. Отца звали Давид. Маму — Соня. Нас было три сестры: я старшая, Гитл и Бася (8 лет). Накануне вступления немцев мы решили эвакуироваться, имея одну лошадь и повозку. Как только мы выехали, лошадь у нас забрали, и мы, впрягшись в повозку, кое-как продвигались вперед.

Когда мы добрались до Умани, немцы перерезали дорогу, и мы вернулись в Плисков, где нашли полностью разграбленный дом. Наступили черные дни.

Приехали немцы и объявили, что евреев будут высылать.

И вот 18 октября 1941 года полицаи-украинцы рано утром начали выгонять евреев из домов, не разрешая брать ничего. До 23 октября нас держали без воды и без еды. Затем погнали к выкопанным накануне рвам, заставили раздеться и расстреляли. Пали не только убитые, но и раненые. Вся моя семья погибла, я одна чудом выжила.

Немцы засыпали ямы, но еще несколько дней земля шевелилась, а место расстрела было залито кровью.

Из оставшихся в живых евреев образовали гетто. Нас выгоняли каждый день на работу, мы голодали, над нами глумились, как хотели, никуда не могли выходить без разрешения.

Прошло немного времени, немцы снова окружили гетто и погнали нас на смерть.

Из всего местечка в живых осталось шестеро, и я в том числе.

В конце 1943 года Красная Армия освободила нас, я ушла на фронт.

После войны уехала жить к тете в Москву. Там окончила заочно финансовый институт. Работала в системе госбанка. Вышла замуж, есть дочь и сын.

ГЕТТО ПОГРЕБИЩЕ

Гринбойм (Ревич) Анна

Погребище, Погребище. Как щемит сердце при воспоминании об этом родном местечке, где я родилась, где прошло мое детство, юность и страшные дни немецкой оккупации.

1941 год. Я заканчиваю среднюю школу № 1. В начале июня выпускной вечер. Сейчас вижу своих одноклассников. Какой был вечер! Всю ночь гуляли, прощались с любимыми учителями. Это фактически стало нашей последней встречей.

Прошла всего неделя после вечера: сколько надежд и планов. И вдруг война. О ужас! Мы успели проводить в армию наших мальчиков. Я увидела Сашу Сапожникова, Пиню Полищука, Шуру Герасимова, Ицика Брусилковского и других. Все они живые передо мной. Я стою у дороги и прощаюсь с ними, веря в то, что они скоро вернуться. Через несколько дней мы с мамой уезжаем в Киев. Я должна была подать документы в университет им.Т.Г.Шевченко. Там жила мамина сестра с семьей и ее братья с семьями. Мой отец тоже был в Киеве, он работал и был временно прописан.

«Ах, война, что ты сделала, подлая». Кто бы мог подумать, что через месяц фашисты оккупируют наше любимое красивое местечко?! Это случилось 21 июля 1941 года.

Мы недолго были в Киеве, поскольку мой братишка оставался у папиной сестры Клары. Еще до 21 июля директор школы нас предупреждал: «Не попадитесь немцам!». Но мы не верили в это, мы были убеждены, что «ни пяди нашей земли не отдадим никому».

Началась эвакуация. Мама решила поехать в Погребище, отец оставался в Киеве. Мы тоже решили эвакуироваться. Должны были уехать 10 июля, а 9-го пришли отец с бабушкой. У нее опухли ноги, машина швейная за спиной. Отец сказал: «Не может быть, чтобы власти так отнеслись к нам. Я не в силах сейчас ехать». Какую ошибку мы совершили!

Случилось самое страшное. Без единого выстрела фашисты оккупировали наше местечко. На мотоциклах они въехали как победители, убежать было поздно. И началось...

Грабежи, издевательства со стороны украинской полиции. Как грибы они появились из многих районов, нанялись служить немцам. Наступили черные дни. Люди прятались в погребах, некоторые удирали из местечка на окраину. Мы прожили в своих домах август, сентябрь. За это время фашисты расстреляли более 40 самых сильных мужчин, боясь сопротивления, и никто этого не знал. Местные жители утверждали, что они работают, мостят дорогу и просили передать им теплое белье, мыло, соль, деньги. Так служили немцам многие украинские провокаторы. Полиция не разрешала покупать в магазинах продукты. А если знакомые украинцы хотели что-то принести нам, они старались отобрать. Жили впроголодь, только из запасов, которые еще сохранились. Нам велели нашить на верхнюю одежду желтые знаки и преследовали на каждом шагу.

Несколько раз проходили слухи, что приедет гестапо и будут расстреливать евреев. Евреи разбежались по окраинам местечка или в села. В панике и страхе, с детьми на руках переживали эти дни и часы.

Однажды я стояла в очереди в магазине за овощами. Полицай, бывший активный комсомолец, друживший с двумя девушками, сестрами Фраерман Розой и Ривой, увидев меня, спросил, сколько классов я закончила и пошел за веником. Я поняла, что он заставит меня убирать магазин — и я тут же ушла.

Немцы стали ходить по домам. Однажды к нам в дом зашел здоровенный фашист. У меня была подруга Геня Лифшиц. Он закрыл комнату, подругу выгнал. Я осталась одна. Бабушка на кухне начала кричать, он подошел, приставил пистолет к ее виску и ушел. Пусть будет благословенна память моей погибшей бабушки Фейги. Она меня спасла. Такая «мирная» жизнь в своих домах продолжалась 2,5 месяца.

А 17 октября 1941 года свершилось самое страшное. Вечером прошли снова слухи, что будет погром. Не все верили. Мы вечером вчетвером: отец, мама, я и братишка, убежали к знакомым, с которыми заранее договорились.

Бабушка наотрез отказалась, не хотела с нами уходить, решила, что ее никто не тронет.

18, 19, 20 октября 1941 года продолжались поголовные расстрелы всего еврейского населения: детей, стариков, женщин. Все это происходило недалеко от сонового леса по дороге к станции Ржевская.

Мы спрятались у Кравченко Ивана, недалеко от леса на чердаке. До сих пор и до конца жизни я не забуду, не могу забыть этих страшных криков и выстрелов.

*Я слышу — не вижу, я слышу крики,
И сердце сжимается, чем помочь?
Там моя бабушка, тетя, сестры,
Там мои близкие падают в ночь.
В ночь не звездную, в ночь глухую,
В бездну мрачную, навсегда.*

*Под выстрелы вражьи, под крики невинных
Я задыхаюсь, какая беда...!*

Мы были готовы к тому, что и нас ждет эта участь. 3 дня мы там были, а затем нас переправили к Гаврину Ивану, соседу.

Когда стихли выстрелы, Мотря, жена Ивана, подошла к нам и велела нам уйти. «Це власть — ничего не зробиш».

Дождь лил как из ведра, небо плакало вместе с нами, не переставая. Мы шли к себе домой, понимая, что нас ждет. Но другого выхода не было.

Гестаповцы разъехались в другие местечки, продолжая зверства. Почти все евреи погибли, около 2-х тысяч, осталось только около двухсот жителей еврейской национальности. Очевидцы потом рассказывали о зверствах убийц. Детей отбирали у родителей и бросали живыми в этот малый Бабий Яр. Земля поднималась 2-е суток. Тем, кто остался жив, по приказу коменданта нужно было поселиться на маленькой улице Леккерта в нескольких домах, то есть в каждом небольшом домике жили по 25 человек. Велено было не выходить, под охраной полиции днем и ночью. Отцу разрешили работать, а я работала на уборке территории, на яичном складе. Так продолжалось 9-10 месяцев. Это была тяжелая жизнь в голоде, холоде, не помыться, как следует. Воду приходилось таскать со двора из колодца. Зимой она замерзала и приходилось собирать снег, чтобы получить немного воды. Так мы жили в гетто весь 42-й год.

В полиции были все же «наши» люди, которые сочувствовали нам и, чем могли, помогали. Это был Вадим, переводчик, полицейай Вася. В конце июня или в начале июля нас предупредили тайком, что будет погром снова, и все оставшиеся евреи будут уничтожены. Что делать? Куда идти?

Конечно, в такие тяжкие дни огромную роль сыграло то, что евреи жили в дружбе с украинцами. Мы учились вместе. Мой отец обслуживал заказчиков, они его очень уважали и любили. И нас приютили знакомые отца на несколько дней. Но вскоре нам пришлось уйти, люди боялись нас держать.

2 дня мы укрывались в густой темной роще. Отец затем пошел к знакомым, его поймали и отвели в полицию. Его отправили в концлагерь, где он работал. С отчаянием мы узнали, что он и другие погребчане погибли, их расстреляли гестаповцы. Мы даже не знаем, где его могила.

Из оставшихся в живых 180-190 человек после второго погрома осталось только 18-19 человек. Начались скитания. Полицейские-предатели выискивали тех, кто уцелел, и поодиночке убивали. Повторяюсь: осталось 18-19 человек. Наша семья Ревич (без отца): мама, я, братик. Семья Сигал (4чел.), семья Токарь (5 человек) и Дора Ханис. Семья Платициных (3), еще 5 человек. Четверо из них живут в Америке, я здесь.

Я мечтала достать справку и попасть к партизанам, но это была только мечта. Я неоднократно обращалась к влиятельным людям, вечерами ходила босая в платочке, но меня прогоняли. После пережитого я не боялась, ходила, как приبلудная овца, иногда мне давали продукты.

В школе я дружила с девочками: Марусей Черноус, Фросей Хоменко, сестрами Воловик Шурой и Милой и многими другими.

И я пошла к Марусе. Ее отец Федор Емельянович, служащий почты. Маруся очень добрая, отзывчивая. Они не могли мне отказать. Но я упростила приютить маму с братиком, иначе они попадут в руки полиции и погибнут. «Тебя одну, Хана, мы бы взяли, а всех, не знаю, что делать,» — сказала тетя Катя, очень порядочная, глубоко религиозная женщина. Все же они их оставили. Устроили в пристройке днем, а ночью на чердаке. Я побывала с ними несколько дней и ушла, куда глаза глядят. Приходилось скрываться в старых сараях, где никто не живет, бродила по лесам, пряталась в густых зарослях, даже в глубоком заброшенном колодце.

Темными вечерами я часто пробиралась к маме на чердак, побуду с ними, а на рассвете снова уходила и не знала, увидимся ли снова. Но главное, что я была относительно спокойна за маму и брата.

Как-то в августе был такой случай. Мне некуда было деваться. Зашла во двор и подошла к незнакомой женщине. Я слезно просила принять меня. У меня были 2 фланелевые кофточка (моя и мамина), я дала ей, и она меня приняла до вечера. Вдруг к ней зашел молодой человек, и она велела мне взобраться на печку.

Я быстро взобралась, сидела там несколько часов, и она велела уйти. Не знаю, кто это был, но ей ничего не стоило выдать меня. Я вышла, солнце немилосердно грело. Через дорогу раскинулось пшеничное или ржаное зрелое поле, перебежала туда и легла. Вдруг услышала немецкую речь и звук мотоциклов. Ну, думаю, все. Таких дней и ночей было много, их не счесть. Мне часто снится и сейчас, как я прячусь от немцев, за мной гонятся, перелезаю через узкую щель и задыхаюсь. Сейчас мне трудно понять, как можно было это все пережить. Но победила молодость и желание выжить. И, конечно же, помогли мои друзья школьные. Не могу не сказать в своих воспоминаниях о Фросе Хоменко и ее семье, которая очень мне помогла в зимние дни 1943 года. Это были очень трудные дни. Я проходила по замерзшей реке, притоке Росси и попросилась вечером к ним. Они меня впустили, обогрели. Это было недалеко от Черноусов. Это была очень бедная семья, но они делились со мной, чем могли, а когда я должна была скрыться, если кто-нибудь заходил, они открывали окно во времянке, и я вылезала через окно, а они тайком приносили мне картошку или хлеб. Моей дорогой соученицы и подруги Ефросиньи Ивановны уже нет в живых, пусть будет благословенна память о ней.

Около 9 месяцев с марта до конца декабря с частыми перерывами в часы опасности я скрывалась в семье Воловиков. Рядом с ними жил полицай Ладыженский. Это, конечно, был большой риск и для этой семьи и для меня. Я скрывалась на чердаке, в хлеву. В хлеву стояла корова с телянком, а я спала наверху. Антон Иванович Валовки, отец моих подруг по школе, был начальником почты и работал вместе с Черноусом. Они слушали советское радио и обнадеживали нас, особенно, когда фашисты были разбиты под Сталинградом. Это была ин-

телигентная семья. Чуткие, добрые люди. Я вспоминаю и буду всегда помнить о них, настоящих праведниках, которые, рискуя своей жизнью и жизнью детей, спасли нашу семью.

Мы пробыли после освобождения 30-31 декабря 1943 года в местечке Погребище еще 2 недели. Я добровольно обслуживала раненых в госпитале, чтобы хотя бы чем-то помочь нашей армии. Но вскоре мы уехали в Киев, так как в Виннице шли бои. Жить было очень тяжело. Дал о себе знать мой старший брат Ревич Борис, который прошел всю войну. Он стал присылать маме деньги по аттестату, отыскав нас. Мы ехали в Киев на подводах, в товарняках, и понемногу стали приходить в себя.

Киев был освобожден в ноябре 1943 года. Когда мы приехали туда, в январе 1944, шли бои за Западную Украину, и я добровольно ушла на фронт. По июль 1945 года я находилась в действующей армии. Наш полк прошел с боями Западную Украину, Польшу и Германию, где мы и встретили долгожданную Победу.

Я вернулась в Киев и поступила в университет, который закончила в 1950 году.

30 декабря 1990 года моя семья: я, муж и сыновья приехали в Израиль. Я поставила перед собой задачу: добиться, чтобы наши спасители получили заслуженное звание «Праведник мира». Это было нелегко. Я отправила материалы в Яд-ва-Шем и долго этого добивалась.

Всем нашим дорогим спасителям присвоили это звание, некоторым уже посмертно. А живые сестры Воловик, Черноус, Хоменко получают материальную помощь.

Я счастлива, что сумела хотя бы в какой-то степени отблагодарить моих спасителей.

Я обращаюсь к нынешним и будущим поколениям. Дорогие дети, внуки, правнуки! 64 года прошло с тех пор, с тех страшных дней, когда произошла катастрофа в Погребище и других местечках и городах. С тех пор, когда таких же, как вы детей, женщин и стариков безжалостно погубили фашисты возле соснового леса, недалеко от ст.Ржевусская.

Не забывайте этого! Пусть кровь и пепел невинных, загубленных, стучат в ваших сердцах! Помните женщин с грудными детьми, дедушек, бабушек, которые падали в яр под пулями нацистов! Помните!

ГЕТТО ПОЛОННОЕ

Трибун Маня

Родилась в 1921 году в городе Полонное Хмельницкой области.

Великая Отечественная война застала меня в городе Винница. Я была студенткой 2-го курса медицинского института. Была замужем. Мой муж, Залу Григорий Хаймович, был также студентом мединститута.

Мужа в первые дни войны призвали в армию, а я уехала к родителям в город Полонное, чтобы вместе эвакуироваться, но через 2 дня после моего приезда город был оккупирован немцами.

В сентябре 1941 года начались массовые погромы. Всех евреев немцы и полиция загнали в кинотеатр, а потом грузовыми машинами возили прямо к яме.

Это длилось всю неделю.

До этого, 25 июля карательный отряд забрал 50 мужчин, молодых и здоровых, как будто на работу, но, как после стало известно, их повезли к лесу, который находился недалеко от железной дороги, чтобы они копали рвы для будущих жертв. Когда были выкопаны ямы, туда машинами привозили евреев, их там раздевали и ставили надо рвом, и из пулеметов расстреливали, а на их место становились другие жертвы.

Грудных детей бросали туда живыми.

Очевидцы рассказывали, что земля надо рвом подымалась несколько дней, были слышны стоны.

В декабре месяце 1941 года всех евреев, которые остались в живых, забрали в гетто. Гетто — это бывшая советская тюрьма, которая была ограждена колючей проволокой и высоким забором. Нас охраняли украинские полицейские. Из гетто мы не имели права выходить без охраны.

Воды на территории лагеря не было, колодец находился не в лагере, и для того, чтобы принести воду, нас выводил полицейский за территорию гетто. Мы носили на груди и на спине зеленые круги. На работу водили строем.

Заставили сносить плиты с еврейского кладбища, а потом мы ими мостили дороги.

Один раз плита упала на ногу девушки и сильно поранила, и полицейский в присутствии мамы, папы и нас всех стрелял в нее и заставил нас выкопать яму, и полуживой мы ее закопали. В 1942 году в сентябре месяце я и моя сестра Трибун Женья Моисеевна сбежали из гетто и спрятались в с.Котемник, нас приютил и в разных местах прятал украинец Япюк Родион.

Один раз ночью, когда на улице был большой ливень, Родион привел ко мне мою сестру, и мы встретились в темном сарае, так как моя хозяйка Япюк Катя ничего не знала о моей сестре. Мы встретились, но посмотреть друг на друга мы не смогли из-за темноты, а только по голосу узнали друг друга.

Был случай, когда в село пришли партизаны, и их кто-то выдал, и в село приехало много немцев и полицейских. Началась в селе облава, чтобы меня не нашли, моя хозяйка замуровала меня в дымоходе, где я находилась 3 суток, пока не уехали немцы.

Был случай, когда моя хозяйка вышла из дому и сказала, чтобы, когда они постучат в дверь, я ей открыла. Когда постучали в дверь, я открыла, и вошла не хозяйка, а соседка, которая меня узнала, она обо мне никому не сказала, но мне срочно нужно было уйти с этой квартиры. Мой спаситель Япюк Родион нашел мне другую квартиру. Я уже пряталась у Япюк Василия, а брат жены был старостой села.

Пряталась у них на чердаке, а утром хозяйка дома полезла на чердак и нашла меня, она очень испугалась и стала кричать, я начала ее успокаивать и сказала, что меня спрятал ее муж, и ночью я ушла на другую квартиру к Япюк Кате, где я пряталась до освобождения села Красной Армией.

В 1942 году в сентябре месяце всех узников Полонского гетто убили, и еврейский вопрос в городе Полонное был решен.

Я и моя сестра остались в живых, в городе Полонном остались в живых лишь 5 человек. Их прятали их мужья-украинцы.

100 евреев убили. У меня в семье убили маму, папу, брата, дядю, тетю, двоюродных братьев и сестер — 50 человек. После окончания Великой Отечественной войны, я продолжила учебу в Винницком медицинском институте и окончила его в 1971 году.

Мой муж Залу Григорий Хаймович тоже был врачом.

Мы проработали 30 лет врачами в городе Ильинцы Винницкой области. Мой муж умер, а я вместе с дочерью приехала в Израиль и живу в городе Ашдоде.

Мой спаситель Япюк Родион погиб на фронте. Он и его семья записаны Праведниками Мира. У меня с этой семьей постоянная связь, и я им все время материально помогала и буду помогать до конца своей жизни.

ГЕТТО ПОПОВЦЫ

Гетто было организовано в августе 1941 года.
Туда были депортированы евреи из Бессарабии,
Буковины — около 1000 человек.
Погибло около 790.
В марте 1944 гетто освободили.

Стельмахер Йосиф

Когда началась Великая Отечественная война, мы жили в городе Бричаны Молдавия.

Приехали немцы, нас выгнали из своих домов и пешком гнали в Секуряны — Украина.

Собой мы взяли только вещевой мешок. Немного вещей и немного продуктов.

По дороге румыны сказали нам: «Кто не может идти пешком, оставайтесь, мы вас подвезём на подводах». Старики и больные остались. Через полтора-два часа ходьбы, мы услышали выстрелы.

Все оставшиеся, которые не могли идти пешком, были расстреляны и на месте зарыты.

В Секурянах мы прожили несколько дней, а потом нас гнали к реке Днестр. На берегу реки Днестр у города Могилева-Подольского нас держали 3-4 суток. Потом нас снова пешком до Винницкой области Копайгородского района поселка Поповцы. Там нас разместили в большой колхозной конюшне, нас тогда было больше ста человек. В поселке Поповцы был большой консервный завод. Нас гнали в фруктовые сады, где мы рвали и собирали фрукты для работы консервного завода. Там родственники наши умерли от голода и от холода.

После победы Красной Армии над фашистами мы возвратились в Бричаны, Молдавия.

Сейчас мы живем в Израиле. Только здоровье и только мир. Мы довольны.

ГЕТТО ПЯТКОВКА

Местер (Шварцман) Масия

Хочу рассказать о жизни моей жены.

По рассказам жены о детстве в период фашистской оккупации в гетто 1941-1944 годах в Винницкой области Бершадского района, село Пятковка. Она родилась в Молдавии с. Когуронны Флорештского района в 1928 году. Моя жена Масия вместе с отцом, матерью и сестрой были на оккупированной румынами территории в этом селе.

Их прятали от гибели семья молдаван, соседи. Затем они были переправлены в вышеуказанное гетто румынской полицией, где находились до 1944 года.

Она всю свою жизнь вспоминала и рассказывала, в каких нечеловеческих условиях они существовали.

Их поселили в бывших свинарниках, где воздух был пропитан навозом, крысы бегали и грызли ночью людей живыми, где у нее на спине были следы, прогрызенные крысами.

В помещении зажигали костры из соломы, и так подогревались от дыма.

Один раз в неделю брали их на разные работы: чистили снег, убирали двор около комендатуры, на кухне, за это получали мизерные продукты питания, каждый раз переписывали их и проверяли, все ли есть на своих местах.

Ежедневно ждали смерти, болели, голодали, ходили голые и босые.

Антисанитарные условия создали условия для болезней: простудные заболевания и тиф, не было чем мыться, вши грызли всех живыми, сильно размножились, ибо нечем было их уничтожать.

Благодаря Советской Армии, партизанам, в отрядах участвовало много евреев, они остались живы.

Мечта ее родителей (отца Сруля, матери Рухи), сестры Цили и ее попасть в Израиль — сбылась.

В 1973 году она уже со своей семьей, я, муж, двое сыновей прибыли на историческую Родину и прожили здесь 28 лет. Сыновья прослужили в израильской армии. Меня лично брали в милуим, где я с удовольствием служил нашей Родине. Участвовал в войнах Израиля.

Мительман Ента

Родилась в 1929 году 28 октября в Молдавии городе Сороки. Во время Великой Отечественной войны нас немцы гнали пешком на Украину в Винницкую область, Бершадский район село Пятковку.

В 1944 году сразу за освобождением Советской Армией, мы вернулись домой в Молдавию пешком.

Ратнер Сима

Родилась в 1924 году 15 января в Молдавии гор.Сороки. Во время Великой Отечественной войны нас гнали на Украину в Винницкую область, Бершадский район, село Пятковка. В 1944 году мы вернулись домой пешком.

ГЕТТО РАДОШКОВИЧИ

Заблоцкая (Гордон) София

Родилась в сентябре 1937 года. Я и наша семья жили в городе Радошковичи Минской области, Беларусь. Там же застала нас война.

Мы все и я, в том числе, были свидетелями воздушных боёв русских лётчиков. И одним из этих эпизодов был русский самолёт, который горел и падал на дорогу, по которой двигалась немецкая колонна. Уже после войны мы узнали, что это был самолёт с экипажем Гастелло.

Мы не успели уйти из города, как пришли немцы, и наступили чёрные дни для всех евреев.

Было проведено много разных унижительных акций. Для меня, ребёнка, всё было связано со страхом. Я всего боялась, идти по улице, просто гулять, и вообще, мне не хотелось даже играть в привычные детские игры.

Всем евреям было велено носить на верхней одежде Звезду Давида, если это не выполнялось, человека расстреливали. Немцы ходили по домам, выявляли работоспособных и угоняли на работу.

Многое из того, что тогда совершалось, проходило мимо моего внимания. Всё-таки я была ребёнком. Но вот, что я хорошо запомнила, и это воспоминание уйдёт вместе со мной, это то, что при первой акции немцы убили мою бабушку Хату и маминого брата Носела. Потом было очень много убитых, я всё слышала от взрослых. Мне было очень страшно по ночам, всё нехорошее совершалось ночью.

Евреев со всего города согнали в один переулок, там было несколько домов. Было очень тесно и жутко, жили впроголодь.

11-го марта 1942 года была проведена первая акция, во время которой были убиты 860 человек. После этого переулок, где жили евреи, был обнесён колючей

провоолокой, у ворот стояли часовые. Из гетто не выпускали никого. Каждое утро на площади выстраивались люди, все носили Звезду Давида. И не дай Бог, какой-то номер не отвечал. Держали людей до тех пор, пока не находили этого человека, будь то взрослый, немощный старик или грудной ребёнок.

У нас в семье случилась беда. Мой старший брат Ича с двоюродным братом Хаимом каким-то образом вышел за пределы гетто, и там его убили, а Хаим убежал. Ему было 11 лет.

В таком страхе и ужасе мы прожили до марта 1943, когда немцы провели ещё одну акцию.

Здесь я должна сказать, что мои родители уже готовились к этому заранее. Они в доме под полом вырыли яму, схрон, так это называлось. Куда девали песок, когда они это делали, я не знаю. Причём, это делалось тайком от детей и от постороннего глаза. И вот когда началась эта акция, когда немцы вместе с полицией начали сгонять всех на площадь, я с мамой, мамин родной брат и сестра, мальчик Миша (Искович) с тётёй Хаей спустились в эту яму. Бабушка моя с дедушкой поставили поверх этой ямы тяжёлый комод, и мы там сидели до тех пор, пока всё не утихло. Я помню, что мне очень хотелось пить, и мама мне давала кислое молоко из кувшина. Через фундамент просвечивались огни костров, в которых сжигали людей. Слышны были крики и плач детей, команды немцев. Было очень страшно. К нам в квартиру заходили немцы, искали спрятавшихся, но нас не нашли.

Когда всё успокоилось, взрослые с большим усилием отодвинули этот комод, и мы все вылезли наверх. Мы не знали, кто из близких остался в живых. Была ночь, мама на меня одела белую папину рубашку, и мы пошли с ней. Я не знала, куда она меня ведёт. Мы оказались в гражданском лагере на партизанской зоне. Там мы встретили бабушку и дедушку, тётю Цилю с Хаимом. Папа ушёл в действующий отряд им. Пономаренко, бригады «Народные мстители» им. Воронянского. Он погиб во время прорыва блокады в районе озера Палик 28 июня 1944 г. Так нам рассказывали свидетели этого события.

Все оставшиеся в живых дождались освобождения Радосшкович и вернулись туда. Там я окончила школу, поступила и окончила институт, и проработала 40 лет зубным врачом.

В 1997 году я со своей семьёй приехала в Израиль в г. Ашдод, где и теперь живу.

После войны в Радосшковичах поставили памятники евреям, погибшим во время войны. Один памятник 860 евреям, погибшим во время первой акции, второй памятник поставлен на месте расстрела 900 человек.

ГЕТТО РЫБНИЦА

В Рыбнице комендант города, симпатизировавший евреям, организовал гетто, дабы спасти часть еврейских семей, нашёл для них работу. Работа заключалась в том, чтобы снести дома двух улиц и создать парк имени Антонеску. И когда поступил приказ расстрелять, комендант, как мог, оттягивал это время, и как оказалось, не зря, приказ был отменен.

Бекерман Бетя Моисеевна

Родилась в 1924 году в селе Малая Богачёвка Криво-Озёрского района Одесской обл. (теперь Николаевской).

Там был еврейский колхоз «Пятилетка», где мои родители работали всю жизнь. И вот настало незабываемое 22 июня 1941 года. 10 октября наше местечко было окружено оккупантами. Собрали всех евреев, которые не успели убежать. Меня и ещё 13 человек поставили над ямой и стали стрелять. Там была одна женщина с ребёнком на руках, её заставили бросить ребёнка живым в яму, а когда она отказалась, застрелили ребёнка у неё на руках, а потом её. Это всё проделал бывший комсорг Кохановский Мытко и ещё Оргун Михаил. Когда дошла моя очередь, местный немец Арент — староста — стал совещаться с полицией, что меня надо оставить временно, как он выразился, чтоб я помогла вести колхозную документацию, потому что все были уничтожены, и так я осталась в живых. Маму с двумя детьми — мальчику 3 года, а девочке 8 месяцев угнали куда-то, видимо, они погибли, и мы их больше не видели.

Младшей сестре удалось скрыться где-то в другой деревне. На второй день сестра узнала, что произошло, она меня нашла у полиция дома. Он ей сначала сказал, что он меня давно убил, а потом сказал, что я нахожусь у него в сарае. Мы встретились, а ночью вдвоём сбежали искать своих родных, чтобы погибнуть с ними вместе. Нас поймали и отправили с другой партией в районный центр Кривое Озеро, где мы там долго таскали камни, расчищали места после бомбёжки разбитых домов. Потом нас отправили в Доманевку. Когда гнали этапом, я и ещё 5 человек отстали от этапа, полицаи хотели догнать и

стали стрелять в нас, убили 5 человек. И я встала и жду своей очереди, и вдруг слышу пьяную брань полиция: «А ты, падла, чего ждёшь?» А я ждала, чтобы быстрее убили, чтоб не издевались. И они говорят: «Сидай с нами на санках». И я села с ними, не понимая, что происходит. А сестра, как увидела меня вместе с полицияями, не верила своим глазам, что я живая. И вот мы ночью оказались в Доманевке. Загнали нас в разбитое после бомбежки здание. И позже объявили, что в 6 часов будет погром, будут палить и убивать. Сестра мне говорит, давай попросимся вместе, может, нам удастся уйти, где-то скрыться. И мы подошли к полицаяу и говорим: «Дайте нам выйти, воды напиться перед смертью», — и он нас выпустил. У меня была высокая температура и страшно мучила жажда, и я сразу села на снегу, без конца ела снег, а сестра меня все просит встать и уйти, а я не могла держаться на ногах. И не успели мы уйти подальше, как нас поймали. Когда расстреливали из пулемета, все дрожало, люди падали в яму, и нас столкнули, и мы упали между убитыми. Ночью, когда все стихло, мы еле выбрались из ямы в крови и стали искать убежище. Попали в деревню, прошли всю, и никто не пустил нас, только натравливали на нас собак. Остался последний дом, решили еще попытаться счастья, иначе замерзнем на улице. И мы только открыли дверь и увидели в кухне в углу стоит винтовка. Мы посмотрели друг на друга и расплакались, что смерть преследует нас. А хозяин дома посмотрел на нас и говорит: «В слезах не биться, девчата, винтовка сама не стреляет». Оказалось, что он был партизаном и специально стал полицаем. Хозяева сняли с нас замерзшую в крови одежду, помыли и накормили, и мы у них прожили 4 дня в погребе. Он не мог больше нас держать, чтобы не было подозрения, ночью отправил нас к своей сестре, она жила одна. Уходила на работу и закрывала нас на замок. Через 2 дня она сказала, что будет облава, чтобы мы ушли. И мы опять попали в руки полицаяев, и нас отправили в Семихатки в гетто. Каждое утро выстраивали людей на работу, больных и слабых отставляли в сторону на расстрел. Я сильно заболела, у меня образовался нарыв на боку, стоять не могла. Администратор (Фрижой его фамилия) это заметил и сказал переводчику, чтобы он узнал, в чем дело, и я показала свой нарыв, и вдруг случилось чудо. Администратор — зверь, убийца взялся меня лечить. Сказал переводчику, как составить мазь, и потом даже отправил меня в Доманевку в больницу.

Мне, видно, суждено было остаться в живых, и Бог каждый раз отводил от меня опасность. И так мы жили в Семихатках до прихода наших войск. Осталось 120 человек. Командир удивлялся, как мы уцелели. Только молодость помогла нам выжить, и еще благодаря старосте Григоренко, который при отступлении велел нам разбежаться, кто куда, чтобы нас не уничтожили. А так же хорошим людям, которые, рискуя жизнью, нас укрывали при каждом очередном побеге, кормили нас. Это семья Ткачука М., зять его Пшениный Максим и семья Оргуны Абрама. Никогда не забуду 3-х летнего кошмара, скитаний, голода, холода, в результате чего стала инвалидом.

Теперь прошу Бога, чтобы никогда и нигде это не повторилось.

Барабак (Беренштейн) Женя

Родилась 15 октября 1927 г. в местечке Рашков Каменского района. Состав семьи: отец Беренштейн Азрил, мать Целикман-Беренштейн. Оба родились в 1896 г. Началась война, мы не успели эвакуироваться. Сразу же ограбили нас, дом сожгли, отца моего немцы и румыны связали (их 40 мужчин), бросили в реку Днестр. Нас прогнали: мать моя, мне 11 лет, вторая сестра Ада, 7 лет, и маленькая на руках (1941 года рождения) 6 месяцев ей было. Так нача-

лись наши невыносимые мучения. Мы узнали, что в Кодыме есть железная дорога, можно попасть на поезд, но мы шли пешком, мучались голые, босые, голодные дошли до железной дороги. Там зверски немцы убивали всех евреев. Мужчин сразу согнали на площадь заставили рыть ямы, здесь же их расстреляли. Мы убежали ночью и попали в лагерь Бершадь. Согнали всех в недостроенное здание бани, слышны крики полуживых людей, дети умирали на руках родителей, и многие в этом ужасе рожали. Мама смогла подкупить румына, и мы убежали, но по дороге опять немцы нас вернули в другой лагерь. Я забыла название, мучили нас долго, и вдруг мы услышали, что в Рыбнице есть гетто, там можно пожить. Наша измученная мама с ребенком на руках чуть жива, ночью оттуда ушла, благодаря одной семье. Они договорились, и мы тоже: темно, холод, голод — и шли, эти евреи от нас ушли далеко, мы не могли идти так быстро. Мы одни шли через лес, и для того, чтобы немцы не узнали о маленькой, мама в мешке сделала дырки, и, когда навстречу шли немцы, я этот мешок несла на спине, чтобы немцы не догадались, что там ребенок. Ноги уже не выдерживали, средняя Ада все плакала, ножки болели, просила маму отдохнуть, но этого нельзя было. Рыбница еще далеко, кормили нас украинцы, или с поля бросали куски мамалыги, или другое. Но один момент, сколько еще буду жить, не забуду. Маленькая была уже чуть живая. Малышку кормить было нечем, сырую свеклу жала ей в ротик ложкой, и к нам подошла одна украинка и говорит: недалеко живет хорошая семья, у них детей нет, она хочет взять себе только девочку, чтобы никто не видел. Мама много говорила, давай Женя отдадим ее, она все равно умрет, если останусь жива — село знаю, я ее отберу. И я с мамой подошли с этой женщиной вместе отдать ее, а та ждала забрать, и только мама ее положила, она с таким криком заплакала, мол, не отдавайте меня. Мама, прижала ее к себе и сказала, нет, я не могу ее отдать, что будет с нами, то и с ней.

И так мы попали с трудом в Рыбницкое гетто. Когда мы пришли, нас никто не хотел пускать в дом. Евреев, у которых нет прописки, собирали опять в лагерь. Но вышел приказ отменить лагеря, гнать в Германию в газовые камеры. И нас уже оставили в гетто, жили мы две семьи в маленькой комнатке, меня сразу же вместе с мамой угнали на работу, таскали носилки с камнями, ибо строили памятник Антонеску. К одежде, рваной, грязной вынуждены были пришить белые заплатки, чтобы видно было, что идет еврей. Грузили мы лес в вагоны, пшеницу,

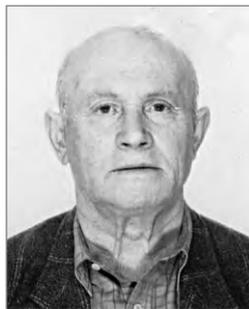

семечки и стоял румын, и не разрешал при уходе немного взять с собой. Часть года я работала на полях, осенью ноги красные, опухшие, норму надо выполнять, иначе убьют. Взяли меня две сестры — тетя Хиня и Сося: «Девочка, нам тебя жалко, будем вместе работать». Помню их фамилию — Бурье. Еще помню, как в колонию прибыл надзиратель за работающими. Одна женщина в это время хотела чуть отдохнуть. Он велел одному полицаю взять ее и кнутом дал ей 25 розг. Она была полумертвая. Потом в марте месяце 1943 г. нас партизаны освободили, и мы не верили, что это наши солдаты. Мама и я вязали носки для солдат и на полученные деньги покупали хлеб. И так росли и выжили. Мы все выучились: я — бухгалтер-экономист, обе сестры — медики, все имеют дипломы. Мама многому нас научила. Обе сестры работали в детской больнице г. Кишинева. Мама жила с нами до 95 лет. Мы ценим ее за заботу и преданность.

Мне в жизни не повезло: с мужем разошлись, когда сыну было 2 годика. Больше замуж не вышла, но всю жизнь посвятила маме, о себе не думала. Сын живет тоже в Ашдоде, хорошая жена и одна внучка. Сестра Ада болеет, живет с семьей в районе «Тэт» (Ашдод). Майя, которой было 6 мес., живет в Ришон-ле-Ционе с сыном вместе. У нее старший внук носит имя нашей мамы. Мой сын носит имя моего отца. Так что мы все выжили, живем на нашей Святой Земле, ждем здоровья от Бога, и, чтобы мир был в Израиле, никогда ничего плохого не повторилось. Могу еще много писать, ибо память у меня хорошая, Барух-ашем, пишу, читаю, сочиняю только на идиш — маме лошн.

Желаю всем евреям быть здоровыми и мирного неба!

Броннберг Хаим

Родился 6.7.1922 г. в городе Кишинёве. В начале войны нас призвали в армию, не успели переодеть в военную форму и повели на пункт сбора в г.Дубоссары.

Мы попали под бомбёжку, и нас повезли в колхоз на уборку урожая. Я на подводе возил зерно с тока на элеватор, но немцы подходили к колхозу, и началась эвакуация на восток. Однако колхозники начали возвращаться домой к своим семьям, а мне сказали — возьми подводу и уезжай,

и я добрался до города Бердянска на Азовском море, но там уже были немцы. Меня загнали в колонну к местным советским солдатам. Затем загнали нас в сарай, где нельзя было даже повернуться. Мы, 5 человек, решили бежать. Перелезли через колючую проволоку и побежали в убежище, а меня и ещё одного поймали и вернули назад. За это нас очень сильно били ручкой от нагана. Загнали в сарай, посадили лицом к стене на колени, хотели застрелить. Они нас не убили, а повели на кухню и сказали, чтобы нас не кормили и забрали котелки, но у меня из дома была кружка, я подошёл к кухне, вытер кровь с лица, подставил кружку, отвернул лицо, чтобы меня не узнал повар, и получил варёво и в кружку немного, и на руки.

Немцы начали нас фильтровать. Повесили большую карту, каждого спрашивали, откуда ты. Если назывался город, занятый немцами, они отводили в одну сторону, а если нет — в другую. Я сказал, что я из Котовска, и меня начали спрашивать, где я жил, а один крикнул на них — каждая душа хочет жить. Начали вызывать в комнату, где сидели немцы. Меня спросили, как зовут, фамилия. Я ответил — Бондаренко Петро. Мне дали пропуск, и я вышел. Нас отпустили.

Я попал в село, но надо зарегистрироваться. Переночевали, утром пошли забирать в сельсовете пропуска, и один понял, что я еврей, но второй заставил этого полица промолчать. Пришёл я в г. Николаев. Нас через мост не пропускали, но нашёлся человек, дал возможность переночевать и сказал, что рано утром его дочь на лодке перевезёт нас. Нам помог один поляк и румын. Дали буханку хлеба и отпустили. Со мной шёл раненый солдат. Добрался пешком до Кишинёва. Люди помогали, немножко кормили, но понимали, что я еврей. Скитался и попал в гетто г.Рыбница, там мы работали, строили шоссейную дорогу. У меня начали болеть ноги, начались нарывы на ногах.

Там нас освободила Красная Армия. Меня призвали в Красную Армию, где я служил до 1946 г.

Работал строителем.

Гринберг Семён

Родился 14 февраля 1928 г. в селе Изворы Оргеевского района в Молдавии.

В начале войны эвакуировался, но так как немцы стремительно наступали, мы оказались на оккупированной территории, полтора месяца скитались, прятались в лесах, посевах кукурузы, затем двинулись в сторону города Рыбницы (Украина). Здесь-то и попали в гетто (в сентябре 1941 г.). Было мне тогда 13 лет. Работал в гетто на разных работах: на железнодорожном вокзале, сахарном заводе, на строительстве парка.

8 марта 1942 г. всех жителей гетто вывели на площадь для расстрела, но в последнюю минуту пришёл приказ «свыше», эту акцию отменили, т.к. нужна была бесплатная рабочая сила.

В гетто потерял много близких родственников; к счастью, я, моя сестра и мои родители остались живы.

18 марта 1944 г. всех евреев Бессарабии и Буковины эвакуировали, нас колоннами погнали в сторону города Бельцы (Бессарабия), но нас отбили наступающие части Красной Армии, было это 26 марта 1944 г. Мы вернулись к себе на родину, в с.Изворы Оргеевского района.

В 1947 г. окончил среднюю школу и в этом же году поступил в Кишинёвский мединститут. Закончил, стал врачом-хирургом, затем долгие годы был главврачом. Работал до последнего дня, уже будучи пенсионером.

С 19 января 1995 живу в Израиле, все эти годы — в городе Ашдоде.

Грузмарг Александр

В сентябре 1943 года в гетто г.Рыбница прибыл приказ из жандармерии о том, чтобы собрать 100 узников мужчин для отправки в трудовые концлагеря. Было собрано 80 чел., которых сразу же отправили в концлагерь с.Варваровка Одесской области, а оттуда их перевезли в город для строительства моста через реку Буг. В счет остальных 20-ти были отловлены подростки, в число которых попал и я. Нас привезли в лагерь с.Варваровка Одесской обл., а оттуда в Николаев.

Помещением для лагеря служил барак, окруженный колючей проволокой, охраняемый власовцами. Недалеко от ул.Никольской, спускавшейся к переправе через р.Буг к селу Варваровка, с правой стороны этой переправы были расположены мастерские, лесопилка, бытовки и т.д. подъездные пути. К этому мосту сплавом были доставлены плоты. Их нас заставляли каждое утро выкатывать на берег. На бревно, отделенное от плота, накидывались 2 каната с обеих сторон. 2 группы из 10 человек тянули канат — мокрые, облепленные песком, в мороз, без рукавиц, выкатывали бревно на берег, затем на кучу бревен. 7 ноября 1943 года было воскресенье. В этот день нас на работы не повели. В 11 часов утра к лагерю подъехали 2 машины грузовые. 2 эсесовца, у которых на фуражке вместо кокарды были череп и две кости, потребовали построить всех с вещами.

Приказ — во дворе лагеря построиться в колонны по 5. Один эсесовец отсчитал с начала колонны — 14 рядов. Открылись ворота, и всех погрузили в кузова машин. Вскоре мы увидели, что машины нас привезли к тюрьме г.Николаева. Открылись борта машин, снова построение и подсчет. Оказалось 71 чел. Эсесовец говорит: «Один человек добавился», — и хохочет. Другой эсесовец говорит, что этого ему хватит как раз для одного рожка его автомата. Всех повели на второй этаж в одну камеру, велели ждать следующих распоряжений. Вечером открылась дверь камеры: «Выходи!», и все на улицу, и все бегом. На улице опять построение по 5. У одного узника по имени Миша (он родом из Каменки) — во время бега слетела на землю шапка. Возле шапки остановился один эсесовец с нагайкой: «Чья шапка?» Миша подбежал и схватил шапку, а эсесовец хлестал его нагайкой до самого строя.

Повели за ворота, где стояли те же два грузовика. Открыли задние борта: «Садись!» Все поднялись наверх, а я не мог выжаться наверх, так как был ростом мал. Эсесовец говорит: «Ах ты, вонючая собака, ты еще не наверху?» — и нагайкой меня по голове. В это время сверху меня ухватили два человека за руки и вытащили наверх. Вскоре мы увидели знакомую улицу Никольскую, остановились у ворот лагеря. «Слезай!» — открылись ворота, и все зашли назад в барак.

Часа через два начальник лагеря зашел в барак и говорит, что он сразу звонил к фронтфюреру, жаловался на то, что еще очень много работ, а у него забрали людей для расстрела. И что тот распорядился всех вернуть на место, что благодаря ему мы остались живы, поэтому он наш второй отец, и что мы должны молиться за его здоровье. Пусть такое никогда не повторится!

Кривой Ольга

Родилась в Рыбнице 26 марта 1930 г. родители: отец — Генипель Симхе Тойвович, до войны работал сапожником в Рыбнице, мать — Генипель Роза Берковна, проживала до войны там же, работала домохозяйкой.

Я после войны работала медсестрой.

Приближается знаменательная историческая дата — 60 лет окончания Второй мировой войны.

Мне и моему поколению с огромным волнением и душевной болью вспоминаются годы нечеловеческих страданий (с 12-тилетнего возраста), которые легли на наши хрупкие детские плечи.

У нас, узников гетто, была единственная вина в том, что мы родились евреями, и за это мы не имели права на жизнь и, в конечном итоге, были подвергнуты уничтожению.

Я могу привести массу примеров об издевательствах, которые применялись оккупационными властями к узникам гетто. Я хочу напомнить всем живущим, какие страдания мы, дети, перенесли в гетто под открытым небом, страдали от холода, голода и инфекционных заболеваний. За малейшее нарушение комендантского часа пострадавшие жестоко карались.

Такой случай: в лапы фашистов-извергов попались 12-15-летние подростки и были расстреляны.

Я с содроганием просыпаюсь от кошмарных снов, от переживаний, оставшихся с войны, и думаю, какой ценой досталась победа над злом, и придавать забвению ужасы войны нельзя никогда.

Мы постоянно должны воспитывать наших детей и внуков, правнуков.

Пусть светлая память о всех погибших в концлагерях, гетто на вечные времена сохранится в сердцах нынешних и будущих поколений!

Литвак Наум

Родился в г.Рыбнице МССР 23 июля 1937 г. Детство прошло, как и у всех моих сверстников, — в играх, любви и счастье.

Отец, Литвак Ефим Копелевич, был сапожником, мать, Литвак Ольга Наумовна — колхозница. В г. Рыбнице на окраине был колхоз, который назывался еврейским, т.к. в нём работало 90% еврейского населения г.Рыбница. Мама работала на животноводческой ферме, брат её, Шлойма,

был бригадиром виноградной бригады, муж маминой сестры был бухгалтером и т.д. Жили тихо и счастливо, как все евреи этого прекрасного городка.

1941 г. — грянула война! Для нас, мальчишек, это ознаменовалось тем, что в наших военных играх появились слова «фашисты» и «красные» или «советские», но игра продолжалась! И вот в один из дней августа месяца в городе появились немцы, румыны и итальянцы, которых мы определяли по перьям на головных уборах. Кончились игры, кончилось детство. Немцы поселились в нашем доме, а нас выдворили в сарай.

Мы, дети, восхищались тем, что мы видели у немцев: портативные примуса или горелки, супы в порошках, шипучие напитки, конфеты, шоколад и т.д. Помнится такой случай: мы с братом, ему было года полтора, вышли во двор. Во дворе было много немцев, они всё время что-то жевали, а мы смотрели на них голыми глазами. Один из них бросил брату конфету. Брат нагнулся, взял её — это оказалась пустая обвёртка и, естественно, заплакал. Немец развернулся и пнул брата сапогом в мягкое место.

Потом было гетто. Это было похуже. Голод, холод и постоянный страх. Из гетто выходить было разрешено 2 раза в неделю и до 11 часов. И люди шли и продавали, меняли всё, что успели прихватить с собой из дому. В один из дней, когда выходить из гетто нельзя было, двое мужчин незаметно вышли из гетто и направились на рынок — их тут же на наших глазах расстреляли.

Помнится борьба между детьми за гнилое яблоко, корку брошенного хлеба.

«Великий» Антонеску, правитель Румынии, решил поставить в г.Рыбнице себе памятник в виде высокой четырёхугольной колонны с портретами его со всех четырёх сторон. Женщин посадили тесать камни, а мужчин отправили в лагерь смерти «Варваровку», почти все они остались там навечно. А после войны, мы, мальчишки, с большим удовольствием стреляли из рогаток по портретам господина Антонеску.

Конец марта, незадолго до освобождения города Рыбница, в город ворвались калмыки, так их тогда называли. Кто они, мы не знали, но в городе начался грабёж, мордобой, насилие — гетто разбежалось в одночасье. Нас приютил молдаванин Георгий Плуگارь, жили мы в подполье летней кухни. 30 марта 1944 г. — день освобождения Рыбницы. Мы вышли на улицу. Брату приспичило сходить «по большому», и он побежал в дальний угол огорода. Как только он присел, ря-

дом с ним в землю врезался снаряд! Судьба жить — он не разорвался! Через некоторое время хозяин Георгий Плугарь решил посмотреть, что же там упало и, опять же судьба жить, не успел он отойти и пару шагов, как снаряд рванул, Георгий был легко ранен. На этом кончилась война для нас, но не кончилось детство и последствия войны. Война закончилась для меня воспалением лёгких, затемнением левого лёгкого и долгих лет лечений и мучений по сей день.

Далее школа, институт, работа. В 1990 г. я с семьёй репатриировался в Израиль, где и живём по сей день. Семья — жена, двое детей, трое внуков. Пережил 2 инфаркта, операцию на открытом сердце — вот и результат войны! А жить надо и жить будем!

Миллер Сара

Родилась 19.12.1926 г. в Молдавии (г. Фалешты) в семье рабочего.

Отец, Пинчевский Сруль, родился в 1897 году в г. Фалешты.

Мать, Пинчевская Хана, родилась в 1893 году в г. Фалешты, была домохозяйкой и воспитывала пятерых детей.

Вся наша семья проживала в г. Фалешты.

В 1934 году я пошла в школу.

В 1941 году началась война. В августе 1941 года при наступлении немцев мы все ушли из дома. Мы шли днём и ночью пешком. Во время обстрелов немцами с воздуха погибла моя мама и брат, мы остались с отцом, продолжая идти дальше.

Вскоре нас настиг враг, и погнали нас в гетто г. Рыбницы. Там мы прожили с 1941 г. по 1944 г. Мой отец работал. Я тоже работала на строительстве парка (та-скала камень) и на всяких других непосильных мне работах. Подвергалась большим унижениям и страдала.

Я была свидетелем одного страшного случая.

В 1944 году, когда немцы уже отступали, они подожгли один военный городок, все превратилось в пепел, уцелел лишь один человек, который спрятался в дымоходной трубе.

Чтобы такое не повторилось никогда.

Портной Владимир

До начала войны (22 июня 1941 г.) наша семья (я, мама, младший брат с сестрой и бабушка с дедушкой — родители мамы) жила в селе Цыбулёвка Дубосаровского района (Молдавская ССР). Отца к началу войны у меня не было. Он был расстрелян в 1938 году по приговору особой тройки в период сталинских репрессий. Когда началась война (22 июня 1941 г.), я находился у тётки (сестры отца) в г.Рыбница (Молдавская ССР). Где-то в середине июля 1941 г. мы: я, моя тётка

с маленьким ребёнком, бабушка с дедушкой (родители отца — так же жили в г.Рыбница) выехали на подводе из г.Рыбницы с целью эвакуации. Мы доехали до местечка Красные Окна Одесской области (Украинская ССР). Там мы попали под бомбёжку, во время которой была убита лошадь. Нам пришлось задержаться в Красных Окнах в поисках транспорта для дальнейшей эвакуации, там мы были захвачены фашистами в начале августа 1941 г. Недели две мы прятались в окрестностях Красных Окон, так как в это время шли массовые расстрелы евреев. Во второй половине августа мы вернулись в Рыбницу, так как узнали, что там создано еврейское гетто. Центр Рыбницы был сожжён. Евреев использовали на расчистке пепелища, на месте которого разбивали парк им.Антонеску.

В первых числах сентября из с.Цыбулёвка всех евреев (в том числе, маму с братом и сестрой, бабушку и дедушку) вывезли в городок Дубоссары и расстреляли, о чём я узнал от приехавших в Рыбницу односельчан. В эти же первые дни сентября в Рыбницкое гетто приехали ещё одна тётка (так же сестра отца) с дядей и двумя детьми из с.Жура Рыбницкого р-на. Дети остались с нами, а тётка с дядей решили вернуться в с.Жура за вещами. Больше мы их не видели. Как мы узнали потом, их тоже вывезли в Дубоссары и расстреляли. Было ещё начало сентября, когда пришёл приказ — всем старикам собраться на площади с вещами. Для чего, мы не знали. Мы (я, тётка с ребёнком и ещё двоюродные брат с сестрой) решили пойти вместе с бабушкой и дедушкой. В сопровождении жандармов нас (колонну евреев) погнали в неизвестном направлении. Тех, кто отставал, сразу расстреливали. Через несколько дней нас пригнали в с.Ясеново Ананьевского р-на Одесской области. В центре села была площадь (бывший колхозный двор) с колодцем, которую оградил колючей проволокой. На эту площадь нас загнали. Там уже было много евреев. Приказали всем сесть. Вставать никому не разрешали. Тех, кто пытался приблизиться к колодцу, расстреливали. Нас не кормили и не поили. Иногда пьяные офицеры, шутки ради, расстреливали людей в упор. Вскоре люди стали умирать от жажды, голода и холода (ночи становились холодные). Держались на том, что иногда ночью удавалось пролезть через колючую проволоку и принести из речушки, протекавшей рядом, немного воды. Изредка, тоже ночью, удавалось обменять у местных жителей (которые под покровом ночи приближались к ограде) вещи на пару картошек, буряк, кусок хлеба. Начались дожди. Спрятаться было негде. Сидели под открытым небом. Люди умира-

ли. Мёртвых раздевали догола, грузили на подводы и вывозили в танковые рвы (рядом с селом) и там закапывали.

Первым из нас умер дедушка. Остальные были сильно истощены. Где-то в конце октября 1941 г. какая-то местная жительница за обещанные вещи вывела под покровом ночи с охраняемой территории мою тётю и двоюродную сестру. Одни люди умирали, других на их место пригоняли. К началу декабря, нас уже почти не охраняли. А к концу декабря — охрану, вообще, сняли, так как охранять уже было некого. Оставались либо мёртвые, либо полумёртвые люди, которые уже двигаться не могли. В конце декабря рано утром по настоянию бабушки я ушёл (откуда нашлись силы, не знаю, так как почти месяц я лежал без движения) из лагеря, остальные подняться не смогли. Я решил пробираться в Рыбницкое гетто. Помогали местные жители, где кормили, где пускали погреться, переночевать. По дороге выдавал себя за молдаванина (молдавский язык знал хорошо). Добрался до Рыбницы. Там я нашёл тётю с двоюродной сестрой. К тому времени тётя получила известие, что её муж погиб на фронте. Она познакомилась в гетто с женщиной (Боярский Исул), который работал портным. Да, ни я, ни тётя с двоюродной сестрой в списках гетто уже не значились. Староста гетто требовал от нас золото или другие ценные вещи, иначе грозил сдать в жандармерию. Была реальная угроза попасть под расстрел. Боярский Исул фактически спас нас от смерти. Сначала он помогал нам материально, а потом приписал нас к Рыбницкому гетто под своей фамилией. Они с тётей поженились. А я с двоюродной сестрой считались их детьми. Так я временно, стал Боярским. Это было где-то в феврале 1942 года. Так мы просуществовали в Рыбницком гетто.

В 1944 г. румыны приняли решение — при отступлении увести с собой в Румынию бессарабских евреев. Боярский Исул был уроженцем Бессарабии (г.Резина — рядом с Рыбницей, но на правом берегу р.Днестр). Вместе с ним мы попали в число евреев, которых должны были отправить в Румынию.

28 марта 1944 г. нас, колонну евреев, под охраной переправили по льду через р.Днестр и направили пешком в сторону Румынии. В одну из ночей десятка два человек сбежали из-под охраны, в том числе, тётя, дядя и сестра. Мне это не удалось. И я попал в г. Лесы (Румыния), где меня определили в детдом для еврейских детей из Бессарабии под фамилией Боярский. Это было в начале апреля 1944 года. Красная Армия наступала, и через некоторое время детдом перевезли в г.Фокшаны, а затем в г.Бузэу с целью под знаком «Красного Креста» отправить нас в Палестину. Примерно в июне 1944 года одну партию детей через г.Констанца успели морем на трёх пароходах отправить в Палестину. Как я потом узнал из газет — два из трёх пароходов затонули. Остальных отправить уже не успели.

6 августа 1944 года Красная Армия освободила г.Бузэу. Я с товарищем сбежали из детдома и стали пробираться обратно в Рыбницу. 12 сентября 1944 г. я вернулся в Рыбницу, где нашёл свою тётю. Дядя в это время был в армии. В сентябре же я съездил в с.Цыбулёвка, взял справку в сельсовете, по которой, в Рыбнице восстановил свою фамилию Портной.

Резник (Римбойм) Раиса

Родилась 30 мая 1938 году в г. Рыбницы Молдавской ССР.

Отец: Римбойм Алексей Ефимович, родился 21 февраля 1914 г. в г. Рыбницы Молдавской ССР. Умер 5 января 1997 г. в Израиле.

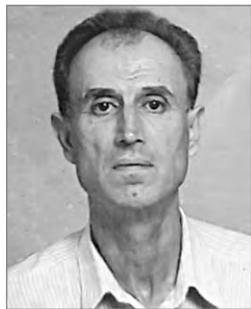
Мать: Римбойм — Гарбуз — Фаня Алтеровна, родилась 10 октября 1915 г. в г. Рыбницы Молдавской ССР. Умерла 15 декабря 1984 г. в г. Рыбницы.

Начало войны 1941 г. застало нас в г. Рыбницы, родители, родственники, земляки решили эвакуироваться. Отец был участником Финской войны, на которой был ранен и контужен. Сборы были недолгие, кто на повозках, кто пешком — лишь бы успеть, но, когда добрались до Ананьева, то там война уже была в полном разгаре. Бомбили, стреляли, убивали, была суматоха, люди не знали, как себя вести и куда податься. Реку Бук бомбили, мост был взорван. Родные и близкие растерялись, и тогда мои родители решили любыми возможностями вернуться назад в Рыбницу, но добираться было не так легко, кругом бомбили, убивали, валялись трупы. Когда стемнело, родители со мной на руках пустились в дорогу, шли полями, лесами. Шли долго без еды, воды, в суматохе мне надели на ноги битые валенки и летнее платье, в таком наряде в июне месяце мне было очень неудобно, я отставала, плакала, хотела есть, пить. Отец старался по утрам собирать росу, чтоб напоить меня, а кругом бомбили. Но вот однажды нас задержали румыны и отвели в свой участок, и издевались над моими родителями. Отцу велели снять с себя одежду и сапоги, и избивали до потери сознания, поливали холодной водой и продолжали бить, постоянно размахивая оружием перед глазами, угрожали убить. Потом велели матери взять меня и уйти, а отца оставить, но она этого не сделала, она посадила отца, сама села ему на колени, меня взяла впереди себя и велела стрелять в нас всех. Эта картина продолжалась целый день, я сильно плакала, тогда они решили оказать милость и дать мне какую-то еду, но я не хотела брать с их рук, тогда один румын взял меня за горло и говорит: «В ней есть сталинский дух», — и бросил меня на землю. В это время там появился мадьяр в немецкой форме, был ли он в каком-то звании или нет — не знаю, но он заступился за нас и сказал, что если румыны нас не отпустят, он будет жаловаться немецкой комендатуре. Угроза подействовала, и вечером нас оттуда выпустили. Люди, которые там недалеко жили, говорили, что такого ещё никогда не было, чтобы кто-то оттуда ушёл живым. Продолжая свой нелёгкий путь, мы добрались в Рыбницу, но там нас уже ждали новые приключения, т.е. немецкое гетто. Каждый день, прожитый в гетто — это целая история, которую не пересказать и не написать. Заборы, проволочное ограждение, по несколько раз в день выгоняли на площадь, и за каждым разом не досчитывались людей. За малейшую провинность людей убивали, бросали в Днестр, не щадили ни стариков, ни детей. Когда звонили в колокол, оповещая о сборе на площади, я ста-

ралась где-то спрятаться и лезла под кровать, думая, что это меня спасёт. В центре гетто строили памятник Антонеску, а к его приезду заставляли узников дробить большие камни на мелкие и выкладывать дорожки там, где будет проезжать карета Антонеску. Заставляли узников лезть на деревья и трусить листья, а другие, чтоб собирали по листочку. Так мы прожили все 4 года оккупации. Когда советские войска стали освобождать территории, и немцы отступали, мы прятались у одной русской семьи Бантыш. У них в доме был немецкий штаб, когда немцы слушали сводку с фронта, то мы подслушивали и знали, где наши войска. Отступая, немцы гнали военнопленных голодных, раздетых, обессиленных, и моя мать вместе хозяйкой по ночам варили картошку, свеклу, кукурузу и бросали военнопленным, чтоб они подхватывали, за это немцы стреляли в людей, помогавших военнопленным.

30 марта 1944 года нас освободили, и мы продолжали жить в Рыбнице. В 1991 году мы выехали в Израиль, где проживаем по сегодняшний день в г.Ашдод.

Рош Исаак

Родился 30 октября 1942 г. в г.Рыбница (Молдова), где с 1941 по март 1944 гг. находилось гетто. Я сам ничего не помню, но по рассказам моих родителей, многое могу рассказать. В 1941 году мои родители попали в гетто, кроме этого мой отец в течение 6-ти месяцев находился в концлагере Варваровка, откуда практически не возвращались. Там он работал на строительстве дорог и мостов, а также на других каторжных работах. Очень многих расстреляли. Чудом оставшись в живых, он добрался до гетто. Его трудно было узнать даже родным.

Мама работала на разных работах, а также на вокзале разгружала вагоны. Я родился в таких условиях, что шансы выжить практически были равны нулю. Я должен быть благодарен врачу Науменко (не еврею по национальности), который, рискуя своей жизнью, приходил по ночам в гетто лечить меня и приносил нужные лекарства. Огромные усилия прилагали мои родители. Мой отец брал бутылку, наполнял снегом и прикладывал к груди, для того чтобы дать мне пить. Многое я еще мог бы рассказать, к примеру, как 8-го марта 1942 года (по словам родителей) повели всех на расстрел, и моих родных тоже. Но в последний момент вышел какой-то высокопоставленный офицер, который решил даровать жизнь в связи с тем, что услышал об успехе немецких войск на фронте. Поэтому все последующие годы для моих родных 8-е марта считается вторым днем рождения.

26 марта 1944 г. советские войска освободили гетто.

Хаит (Трост) Хаюня

Находилась в Рыбницком гетто с родителями, у нас было кроме меня ещё трое детей. Вместе с нами жила семья Кацап с тремя детьми, из старших остался Кацап Александр и младший брат. С нами в этом же доме была сестра мамы с тремя детьми и два пожилых человека, родители Кацап. Жили очень скученно, каждый день боялись смерти. Мы пробыли от начала и до конца войны в гетто. Невозможно описать всего, что помню, но я хочу рассказать о

4-х днях отступления немцев.

День первый. Немцы отступали, мы всю ночь сидели без света, смотрели в окно, как движутся обозы. Вдруг ночью, примерно в 2 часа, раздался стук в дверь, мы боялись открыть, но не открыть нельзя было. Ворвались немцы, разъярённые, их было человека 3-4. Начали всех бить и скомандовали: все мужчины в одну комнату. Папе вставили пистолет в рот, а тут дед старый упал на колени, он немного говорил по-немецки и начал просить не стрелять, у него четверо детей. Если ты его не убьёшь, ты вернёшься к своим детям. И произошло чудо, он не выстрелил, но сказал: «Дверь не закрывайте, мы вернёмся». Они не вернулись. И отец сказал: «Надо перебраться в другое место, здесь опасно — эти не убили, другие убьют».

День второй. В нижней части Рыбницы жила наша родственница, и мы все тихонечко перебрались к ней, она была прикована к постели. Там была русская печь, туда влезли, сколько поместилось, папа себе сделал место под кроватью большой. Ночью опять раздался стук в дверь, открыли, это были эсэсовцы, узкоглазые, говорили, что они калмыки, продались немцам, они говорили по-русски. Всю ночь на глазах у всех они насиловали женщин. Один подошёл к маме, она начала щипать ребёнка, тот заплакал, и он её не тронул. Мне мама вымала лицо сажей и сказала на ухо: «Свернись клубочком, чтоб не бросилась им в глаза».

День третий. Папа решил, что и здесь опасно. Он нашёл русскую семью за пределами гетто, они согласились нас приютить. Хозяйка дома постелила нам всем в одной кровати поперёк: мама, папа, и четверо детей. Кацапы и сестра мамы нашли другое убежище. Ночью и здесь раздался стук. Ворвались немцы, они хотели погреться, пили шипучку, а потом заснули, кто, где сидел. Мама шёпотом сказала папе, чтобы он спрятался, пока они спят, он тихонько пробрался во двор, нашёл сарай там и просидел всю ночь. Утром, слава Богу, их обоз двинулся дальше, они нас покинули, никого не тронули. Мама была похожа на молдаванку, а нас убрали подальше.

День четвёртый. Папа нашёл русскую семью, они жили далеко от места, где двигались обозы, они нас приютили. Ночью послышалась стрельба. Оказалось, напротив этого дома, была тюрьма с политическими заключёнными, немцы облили тюрьму бензином, подожгли и кругом поставили пулемёты и стреляли, что-

бы люди не прыгали через окна. А мы всю ночь смотрели в окна, слышали крики людей, стрельбу и смотрели, как сгорают живые люди.

Утром на дорогах появились повозки, на них сидели люди с винтовками, одетые в фуфайки, это были партизаны.

Папа выскочил на улицу с криком: «Наши, наши!», мама побежала за ним криком: «Вернись, это провокация». Но, слава Богу, это оказались наши. Мы вернулись в свой дом, в каждом доме были солдаты, после партизан зашли русские войска. Слышны были русские песни, кое-где гармошка. С каждым солдатом целовались. Большого счастья нам не надо было.

Я рассказала только о 4-х днях, что мы пережили, а о 3-х годах одной книги не хватит.

Кацап Александр

Наши семьи:

Семья Трост: отец Зейлик, мать Роза, дети: Хаюня, Борис, Марик, Миша.

Семья Кацап: отец Борис, мать Дора, дети: Яков, Александр, Давид

Сестра — Цырульник Маня, дети: Исаак, Фима.

Эрлих (Беккер) Зина

Родилась в 1921 г. 20 августа в г.Рыбница Рыбницкого района Молдавской ССР.

В гетто я находилась с августа 1941 г. по март 1944 г. в г.Рыбница.

Гетто — это отдельный участок, где жили узники, он охранялся днём и ночью немецкими и румынскими солдатами. Узники гетто не имели права выходить за пределы этого участка, но один раз в неделю разрешали нам в течение

2-х часов выйти на рынок, но если узник просрочил 5 минут или больше, солдаты брали их и уводили, и больше мы их в пределах гетто не видели.

Был такой случай с 8-ми узниками, которые просрочили 5 минут и не вернулись в гетто.

Зазвонил колокол, а это значит, что все узники должны выйти на площадь. Когда все собрались, читают нам приказ, что надо ехать на временную работу. Сегодня едет одна партия людей, а завтра остальные, кто, когда хочет. Многие решили ехать сегодня для того, чтобы захватить лучшее место. Я и мои сёстры решили завтра ехать.

Люди собрались, взяли всё необходимое и под немецким конвоем вышли из гетто, их закрыли в сарай, а ночью всех выгнали из сарая, выгнали из города, шли по полю, по лесам, и постепенно всех уничтожили, ни один человек обратно не вернулся.

На второй день готовились две группы узников. Рано утром вышли все на площадь, выходит прамарь и объявляет, что приказ отменили.

Постоянно солдаты ходили проверять, все ли узники выходят на работу. В двух домах нашли женщин, их вывели на площадь, где люди работали, и дали им по 25 нагаек, после этого они не могли дойти домой.

В один день ранним утром зазвонил колокол, всем надо выходить на площадь старикам, молодым и детям, началась тревога среди узников — почему так рано и почему дети. Когда собрались все на площади, начался перебор. Старики отдельно, молодые отдельно и дети отдельно, средний возраст отдельно. В нашей семье было 3 сестры и мальчик 4 года, и нас всех разделили отдельно, все волновались, дети плакали, конвой возле каждой колонны, разговаривать между собой не разрешали, стоим с нетерпением ждём, думая, что нам всем уже конец. Пришло начальство и читает приказ, что в этот день всех узников гетто надо было уничтожить, но отменили приказ. Как видно, у нас было ещё немного счастья. От счастья все плакали, радовались. Представьте себе, что в этот день все пережили.

В гетто заболела я тифом. Это было в 1941 году, уже была глубокая осень, на полях уже лежал снег. Узников из гетто посылают в колхоз на очистку кукурузы. Я и одна из моих сестёр тоже попали в этот список. В первый день отработали на поле в холоде, одеться, обуться у нас тёплого ничего не было, сидели на холодной земле, и вот ночью поднялась высокая температура, появилась сыпь. И ещё

три женщины заболели. Утром пришлось нас отвести на подводе домой. Тиф сильно распространился. Больницы для евреев не существовало, медикаментов нет, в домах холодно. Для больных выделили отдельное помещение. Очень многие умерли, многие выжили, и я в том числе.

В один день послали узников из гетто выгрузить уголь. Все старались идти, потому что одновременно набрали и для себя ведёрко угля, я тоже взяла ведро и вышла. Не знаю почему, но конвоир не хотел меня взять, я выбежала вперёд, он гнался за мной, пока я упала, побила себе ноги и руки, и он дал мне ещё сверху нагайкой так, что я это ещё долго чувствовала, и пришлось мне вернуться домой, и долго я не могла успокоиться.

В Рыбнице была тюрьма для евреев — коммунистов и людей, которых прятались по сёлам у знакомых крестьян и явились в Рыбницу, когда гетто уже существовало.

В последнюю ночь, когда Красная Армия освободила Рыбницу, эту тюрьму сожгли вместе с людьми. Одному человеку удалось спастись, он выбросился через окно на улицу и успел спрятаться в туалет, таким образом, он остался жив и живёт ещё по сегодняшний день. На второй день я и мои сёстры шли к этой тюрьме, помогли собирать останки и ходили на похороны. Вот, что значит фашизм.

Во время войны в Рыбнице начали строить церковь, для этого развалили два ряда домов, чтобы был камень для стройки. Этот камень узники гетто должны были переносить на указанное место.

Я ещё с одной девушкой носили камень на носилках. Погрузили и носим, вдруг сзади конвоир догнал нас и, ничего не говоря, дал нам обеим нагайкой по ногам. Не поняли, откуда и за что, мы бросили носилки, а сзади стоит немец и смеётся, и кричит, что мы мало нагрузили камня.

Каждый прожитый день благодарю Бога, что живы остались. Каждый день меня ждала смерть, голод, холод, страх. Унижение, перед всеми стоять на коленях, всех бояться — это за то, что я еврейка.

И многое другое

Если написать всё, что мы пережили в гетто за период с 1941-1944 гг., можно писать и писать, целые книги написать. И сейчас, когда начинаю вспоминать о войне, мне не верится, что я могла выжить и пережить столько страхов, голода и страданий.

ГЕТТО САВРАНЬ

В гетто Саврань погибло около 100 человек.

Бляхер (Шильман) Шейндля

Родилась в местечке Саврань Одесской области. До войны в этом местечке жило много евреев.

Саврань находилась в очень живописном месте, между слиянием двух рек: Буга и реки Савранки. В километре от Саврани — леса. (О партизанской борьбе в Савранских лесах было написано в книге «Партизанская искра»). Недостатком города Саврани было отсутствие железной дороги.

Чтобы добраться до Одессы и в другие города, надо было 40 км ехать на подводах (лошадях) до станции Заплазы. С началом войны именно это оказалось для многих, и для нашей семьи, роковым.

Отец мой работал до войны в савранском промкомбинате кузнецом, мама была домохозяйкой. В семье, кроме меня, было ещё два старших брата. Когда отец пришёл к директору промкомбината (между прочим, еврею) просить лошадей, для того чтобы добраться до станции, тот велел отцу прийти на следующее утро, обещал дать ему для нашей семьи подводу. На следующее утро его и след простыл. В промкомбинате была одна машина — полуторка. Вот на этой машине ночью всё начальство со своими семьями уехало. А отца директор попросту обманул. Время было потеряно, мы решились идти до станции пешком. Но с пол дороги пришлось возвратиться, так как стало известно, что станция была уже занята фашистами. Немногие успели уехать из Саврани, большинство евреев осталось.

Первые недели войны запомнились мне бомбёжкой, от которой мы прятались в зарослях деревьев, подальше от дома.

В начале сентября 1941 года немцы вошли в Саврань. В это время прошёл дождь, было холодно. На центральной улице напротив кинотеатра и райкома партии образовалась большая лужа. Фашисты собрали 30 человек мужчин — евреев, в том числе моего старшего брата, погнали их к этой луже, заставили их, как свиней, кататься в луже, затем погнали их к реке Буг, загнали их в одежде в холодную воду. К счастью, потом их всех отпустили домой. В последствие эта «процедура» сказалась на здоровье брата.

К большому счастью фашисты из Саврани быстро ушли, передав власть румынским оккупационным властям. Так мы попали в румынскую зону оккупации, и это нас спасло от расстрела.

В конце сентября всех оставшихся евреев и нас, в том числе, согнали на одну улицу, огородили эту улицу проволокой, и за пределы этой улицы выходить никто не имел права, кроме тех, кого под конвоем гнали для выполнения разных работ. Так впервые я услышала слово «гетто». Все мы оказались в гетто, за колючей проволокой. Жили в страшной тесноте по 10 семей в каждом доме. Не хватало продуктов и воды. Но на этом наши испытания не закончились. По настоянию местного населения (многие стали полицаями, старостами), в начале декабря 1941 года, когда начались морозы и снега, всех евреев снова выгнали из домов, посадили на подводы и повезли в местечко Ободовку Винницкой области.

Запомнилось мне, как за подводами бежали люди (бывшие соседи, знакомые украинцы) и вырывали из рук и с подвод небольшие наши узлы, которые нам разрешили взять с собой. Ещё по дороге из сёл, мимо которых мы проезжали, выбегали люди с большими дрюками, били, в кого могли попасть.

В саму Ободовку нас не пустили, местное население было против. Пока решался вопрос — что с нами делать — мы ещё несколько дней и ночей сидели в поле на подводах. Было очень холодно, жгли костры, грелись, а еды не было. Местное румынское начальство долго не могло принять решение, так как на нас, украинских евреев, не было распоряжения.

На поле, далеко от местечка Ободовка, была колхозная ферма. Стояло два больших коровника с двух сторон без дверей. Между ними была силосная яма.

В этих коровниках находились румынские евреи, которых по приказу Антоне-ску выгнали из Румынии. Коровники были забиты людьми. Они очень страдали от холода и голода. Очень многие умирали, и их трупы выбрасывали в эту силосную яму. Ну, а раз нас привезли (не везти же обратно), один коровник освободили. Румынских евреев перегнали в один коровник, а нас загнали в другой. И что началось — страшно вспомнить. Холод страшный, ветер холодный по всему коровнику, на улице теплей. Грязь, вши и голод. Стали умирать савранские евреи. Началось бегство кто — куда. Отец отдал местному крестьянину своё обручальное кольцо, и тот нас отвёз в Бершадь. Когда мы ехали, страшно было смотреть по сторонам. По обе стороны дороги лежали трупы замёрзших людей.

В Бершадь мы приехали вечером. Мама нашла одного знакомого её брата, и он пустил нас переночевать. Помню, хозяйку звали Рухале, она пекла небольшие хлебushки и продавала на еврейском базаре. Марок, румынских денег у нас не было, и за буханочку хлеба мама отдала ей своё обручальное кольцо. В эту же ночь у меня поднялась температура, я заболела тифом. Какой не помню: брюшной или сыпной. Да и какая разница? Рухале стала нас выгонять. Она боялась заразиться и сказала, чтобы утром мы убирались. Наутро мама пошла искать жильё. Пожалела нас семья, у которой был большой дом. Но там уже жили евреи из других местечек, которые попали в немецкую зону оккупации и которые успели убежать. Кто не успел — тех расстреляли.

Нам выделили в доме угол, а я была без сознания, бредила. За то время, что я болела, умер мой старший брат. Сказалось купание в реке Буг и перенесённый холод, пока добирались до Бершади. Медицинской помощи не было, и умер он от воспаления лёгких. Я же ненадолго приходила в себя и всё просила лук, но маме негде было его взять: не было ни денег, ни вещей, чтобы его приобрести. Мой бред услышал сын хозяев Миша. Ночью он полез в подвал их дома и принёс мне несколько луковиц. С жадностью, без хлеба я съела весь лук, и утром у меня упала температура. Миша потом стал приносить мне то сухарик, то кусочек сахара. Так Миша спас меня от смерти, я стала поправляться. Я всегда это помню, не забываю своего спасителя. Пусть земля ему будет пухом (он погиб на фронте в 1944 году, был в семье единственным сыном).

В январе 1942 года от голода умер отец. Никому не нужен был кузнец, а ничего другого он делать не мог. Помню, как каждое утро к каждому дому подъезжали сани, и на них выносили из домов умерших людей. Трупы кидали друг на друга и увозили за город в общую яму. Так увезли моего брата, так увезли моего отца. И лежат они в Бершади в общей могиле.

Когда стало теплеть, мама оставляла нас со вторым братом одних, сама ночами, пешком, пробиралась в Саврань, где добрые люди давали маме деньги, продукты.

В Бершади мы прожили до сентября 1943 года. Из Саврани приехали представители румынской власти и стали отбирать савранских евреев, которые обладали каким-то ремеслом, для того чтобы вернуть их в Саврань. Так как мама умела шить, то в список возвращаемых попали и мы. В Саврани разместили нас жить не в своих домах, а за городом, через речку Савранка, и там нам снова загноили в гетто. Здесь мы находились до апреля 1944 года. За это время произошло много трагических событий, но описывать это всё не хватит бумаги.

24 апреля 1944 года Саврань освободили от оккупантов. Как это было — отдельная история. Все вернулись в свои дома. Правда, нашего дома уже не было. Нам рассказали соседи, что местный староста разобрал наш дом себе на дрова, а сам жил в доме соседнего еврея Зингермана. Позже его поймали, судили и дали 25 лет. Мы же остались у разбитого корыта — без семьи, без крыши над головой. Скитались мы ещё долго по чужим кварталам, пока мама заработала на небольшой домик.

В апреле второго моего брата мобилизовали в армию, и в декабре 1944 года он погиб на фронте.

Можно было бы много описывать нашу тяжёлую жизнь, голод на Украине уже после войны. О том, как соседи спасли меня снова от голодной смерти, хотя в то время тяжело было всем. Главное, мы были свободны.

В 1953 году закончила 10 классов в Саврани. Вышла замуж и уехала с мужем в Таджикистан, Душанбе. Сразу пошла работать и заочно закончила экономический факультет Душанбинского государственного университета. Мама умерла в 1982 году. Из большой семьи я осталась одна, стала создавать свою семью. У меня два сына, две внучки и два внука.

В Израиль мы приехали в 1993 году. 9 лет жили в Бат-Яме. Сейчас живём в Ашдоде. Получили хостель. Всё хорошо, главное — здоровье.

ГЕТТО СИМФЕРОПОЛЬ

**В Симферополе находились 10800 евреев.
Уничтожено 8000 тыс., 1200 сожжены живыми,
несколько сотен сброшены в колодцы.**

Карпова Анна

Родилась в марте 1935 года в г. Харькове и сразу родители переехали в Крым в г. Симферополь. В июне 1941 года началась война, а в октябре месяце немцы оккупировали Крым и были до 13 апреля 1944 года. Все это время я находилась на оккупированной территории. Отец ушел на фронт, а мама не смогла эвакуироваться. В марте 1942 года маму забрали в гестапо, а меня прятали все это время. Документы все уничтожили, пришлось все восстанавливать через архивы.

ГЕТТО СЛАВУТА

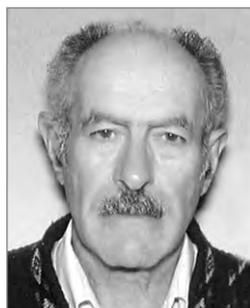
Блувштейн Мария

Когда началась война, мне было 13 лет. Я и мои родители остались на оккупированной территории. В конце 1941 года меня вместе с родителями забрали в гетто в г. Славу-та Хмельницкой области. Я и мои родители работали на каменном карьере. Отца расстреляли сразу, когда нас привезли в гетто. Я, мама и младшая сестра, которой было 9 лет, остались в гетто.

В 1942 году меня и маму перевели в местечко Берездов, а сестру младшую оставили в гетто. Когда мама не смогла работать в карьере, ее расстреляли. Благодаря моей школьной подруге, которая помогла мне бежать, я осталась жива. Скрывалась от немцев, пока наши войска не освободили Украину.

ГЕТТО СЛУЦК

Флейшер Наум

Мне было около полутора лет, когда на четвертый день войны в небольшой белорусский город Слуцк вошли немцы. Я не могу быть свидетелем тех страшных событий, но я был их участником, и шансов погибнуть у меня было ничуть не меньше, а в отдельных случаях и больше, чем у взрослых.

Нашей семье в полной мере пришлось пережить все ужасы гетто: издевательства, погромы и расстрелы.

Вот как моя мама рассказывала об одном из них. Холодный октябрьский день 1941 года. Разрывающие душу крики женщин, пулеметные очереди и отдельные выстрелы слышны на городской площади, где в оцеплении карательного отряда, полиции и рвущихся с поводков собак, в ожидании своей очереди умереть, стоят, пока ещё живые, жители гетто. Среди толпы, держа меня на руках, на дрожащих ногах, стоит моя мама. К маминым ногам, ища защиты, прижимаются трое моих старших братьев. От страха, голода и холода мы все плачем. Мама гладит свободной рукой головки братьев и приговаривает: «Плачьте, мои детки, плачьте. Скоро закроются ваши глазки, и, вы плакать больше не будете».

Ждать оставалось недолго. Но что-то сломалось в отлаженной немецкой машине смерти. Акцию, как называли нацисты убийство беззащитных евреев, временно отложили.

Спустя 55 лет, просматривая сборник документов, хранящихся в институте «Яд ва-Шем», изданный в 1991 году под названием «Евреи СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944 г.)», на страницах 145-147 я прочитал рапорт гебитскомиссара г.Слуцка Карля генеральному комиссару Белоруссии В.Кубе от 30 октября 1941 г. «Об акции по уничтожению евреев в г.Слуцке». В своём рапорте он пишет: «что

касается самой акции, я должен отметить, что она граничила с садизмом, ... и проводилась на окраине города...». Так вот оказывается, что нас спасло! Карль потребовал от карателей перенести убийство людей подальше от города. Пришлось копать новые траншеи, а это заняло время. К вечеру в гетто возвратили специально угнанных на разгрузку железнодорожных вагонов мужчин-ремесленников. Увидели они на улицах гетто трупы людей, разбросанные вещи, поломанные или раскрытые окна и двери домов, и поняли, что произошло самое страшное. Бросились мужчины к выходу из гетто, но от закрытых ворот отогнали их выстрелами и криками. Мой отец не побежал к воротам, а выбрался из гетто через дыру в ограждении. Не таясь, он пришёл на площадь, нашёл нас живыми в поредевшей толпе и обратился к жандармам с просьбой отпустить его жену и детей. Жандармы набросились на отца и стали заталкивать его самого в толпу.

На шум обратил внимание офицер, который приказал отцу подойти, брезгливо полистал его документы и неожиданно велел охранникам отпустить отца и всю нашу семью.

— Пусть пока поживут, — бросил он с усмешкой.

Чем было вызвано такое решение нациста? Возможно, палач пресытился еврейской кровью или ему понравилась отчаянная смелость отца, а может быть, у немца пробудилось что-то человеческое? Но об этом мои родители могли размышлять позже, а в тот момент, боясь, что офицер передумает, отец подхватил кого-то из детей на руки, взял второй рукой за руку жену, и мы, сопровождаемые лаем собак, побежали с той страшной площади.

Погромы в гетто повторялись с нарастающей частотой. Обитатели нашего дома спасались в т.н. «малине» — яме, выкопанной моим отцом под полом дома. А чтобы я своим криком или плачем не выдал людей, кто-то из нашей семьи по требованию соседей брал с собой подушку, чтобы в случае опасности меня задушить.

В начале лета 1942 г. по улицам гетто из дома в дом поползли слухи. Отвыкшие от хороших новостей, люди шёпотом передавали друг другу, что в болотистых лесах Налибокской пущи, в 80-100 км от Слуцка, есть партизанский отряд, и что в этот отряд принимают евреев, потому что комиссар там еврей. У обречённых людей впервые появилась надежда.

Вскоре из гетто стали исчезать люди. Некоторые отчаянные головы, связавшись с партизанами, возвращались, чтобы увести родных и друзей. Проходить через проволочное ограждение было опасно. Немцы в месте проходов устраивали заставы, убивали на месте или, повесив на грудь своих жертв табличку «Партизан», проводили показательную казнь.

Мой отец постоянно искал возможность связаться с партизанами. Каким образом ему это удалось, я не знаю, но в один из августовских дней 1942 г. на краю города нас ждал крестьянин с повозкой.

Перед побегом в ограждении отец проделал проход, но убежали мы с противоположной стороны гетто, там, где немцы не ожидали.

В соответствии с архивной справкой, выданной Национальным архивом Республики Беларусь, мой отец, Флейшер Иосиф Григорьевич, 1907 года рождения, с

15 сентября 1942 г. принят рядовым партизаном в отряд им. Комарова. Мы с мамой были отправлены в находящуюся в партизанской зоне деревню Тройчаны. (Название деревни часто слышал от родителей). Для нашей семьи начался новый этап за выживание.

Не успели мы привыкнуть к своему новому положению, как собрали немцы большие силы. Загнали партизан в непроходимые болота и все выходы закрыли. Немногим партизанам удалось из окружения живыми выйти.

После разгрома отряда пришлось нам в полуразвалившемся погребе прятаться. Немецкий офицер в доме поселился, хозяйку нашу с 13-летним сыном в сарай отправил, а мы по соседству в погребке были. Ночью сын хозяйки помог за деревню выйти и в лес убежать. Месяц под корнями упавшего дерева жили, клюквой и корнями болотных растений питались. ВЫЖИЛИ только благодаря сыну хозяйки, который несколько раз, рискуя своей жизнью, приносил нам что-то из еды и одежды. Он же и отца нашего привёл. Мы уже и не думали, что живым его увидим.

Было это осенью 1942 года. До освобождения Белоруссии от немцев нам предстояло прожить ещё двадцать долгих, наполненных драматическими событиями месяцев.

Спустя много лет нашёл я на карте Белоруссии деревню Тройчаны и разыскал того бывшего паренька. Он отца, маму и братьев моих Лёву, Фиму и Гришу по имени вспомнил. Его имя Сойко Николай. Узнал я и то, что крестьянин, который нас на телеге в партизаны привёз, его отец — Сойко Фёдор. Был он партизаном и погиб при выходе из окружения партизанского отряда. В июле 1998 г. в г. Минске, в торжественной обстановке посол Израиля в Белоруссии вручил жителю деревни Тройчаны Сойко Николаю Фёдоровичу и его матери Сойко Аксении Васильевне (посмертно) удостоверение Праведников Мира.

ГЕТТО СНИТКОВ

Вальдман Яков

Родился 28 марта 1929 года. В июле месяце немцы оккупировали наше местечко. Год и два месяца мы всей семьей были в оккупации. Немцы гоняли нас на работу. Всю зиму я работал на заготовке льда в селе Сыповка. Летом я помогал кормить свиней для немцев, которых они хотели забивать для себя. За это мне давали кишки, и этим мы питались всей семьей. Гоняли нас в колхозы на работу. Нас избивали и издевались над нами, так продолжалось до 20 августа 1942 года.

20 утром начали выгонять всех евреев и погнали в Муркуриловку, там нас распределили по еврейским домам.

21 августа 1941 года утром всех собрали, согнали на площадь, стали отделять мужчин и женщин. Нас погнали за пределы местечка, примерно 4 км, там были вырыты 4 ямы, раздели всех и стали туда бросать. Над ямой были толстые доски, как мостики, и на эти доски стали гонять по 10 человек, и их стали расстреливать. Когда немцы оккупировали нашу территорию, они пригнали беженцев с Западной Украины и Румынии. Во время расстрела я находился около отца. Рядом с нами на площади возле ямы стояли два взрослых парня с румынами, и они говорят друг другу, чтоб убежать, нас все равно убьют. Я сказал эти слова своему отцу, но отец отказался и сказал, что он семью не бросит, а мне он предложил убежать с ними и сказал, может, хоть ты останешься в живых.

Я с этими ребятами стал убежать, на дереве сидели пулеметчики и стали строчить. Отбежали метров 100, и один из наших ребят упал, а я со вторым попали в песочный карьер. Потом мы опять пришли в Куриловцы, там немцы оставили много молодых, сапожников, портных. Я там находился три дня. Встретил одного человека, который шел в местечко Копайгород. Я пошел с ними, т.к. там жила моя тетя (мамина сестра Ципа). Из Копайгорода я пошел на немецкую территорию. Рядом было село Долыняны, там у отца был очень хороший друг, его звали Казимир. Отец ему дал спрятать вещи, и так как я был почти голый, я решил пойти на немецкую территорию к этому Казимиру, чтобы забрать теплые вещи. Утром он мне дал полушубок, и я добрался до Копайгорода. Я продал полушубок и купил себе одежду. Из Копайгорода я пошел в Яругу, там тоже была мамина сестра. Я остался у нее, т.к. там были румыны, и все евреи работали в колхозе им.Петровского. Там я находился до прихода Красной Армии.

ГЕТТО СТАНИСЛАВЧИК

Пудинок (Ланцман) Перл

Родилась в 1928 году 18 мая в селе Станиславчик Жмеринского района Винницкой области. Отец, Ланцман Мейлах Гершкович, родился в м.Станиславчик в 1898 г., умер в г.Жмеринка в 1972 г. Мать, Ланцман Рава Шлемовна (девичья Кижнерман), родилась в 1904, в 1969, умерла и захоронена в г.Жмеринка Винницкой области. Сестра — Ланцман Шейва Мейлаховна, родилась в 1923

г. с. Станиславчик, умерла в 1991 г. в Жмеринке. Сестра — Неуделис Хова Мейлаховна, 1936 г. (девичья Ланцман), умерла в Израиле в 1995 г.

До второй мировой войны я окончила 6 классов Станиславецкой средней школы. Мы не успели эвакуироваться, попали в окружение немцев. Дом наш разрушился от бомбежки, так как немцы бомбили г. Жмеринку, а там узловая станция, и мы остались без крова. Во время войны в 1942 году мы были высланы, так как румыны нуждались в портных, нас увезли в Станиславчик, в гетто. Издевались над отцом, били его коромыслом — сломали руку, он долго не мог работать руками.

18 марта 1944 года нас освободили от немцев. В 1944 г. 1 сентября пошла в 7 класс. Мне было тяжело учиться. Голодная, раздетая, я оставила школу и пошла работать. Немного в воинской части — сортировала письма. 1945-1946 гг. работала в Доме культуры в м.Станиславчик.

Пудинок Михаил

Родился в 1929 году в м.Станиславчик Винницкой области. Учился в Станиславчинской средней школе, до войны окончил 5 классов. Началась война. 22 июня 1941 года самолеты бомбили г.Жмеринку, главную узловую железнодорожную станцию. Отец и мать, коренные жители м.Станиславчик, а брат — Игорь Пудинок (1943 г.р.) - родился, вырос и учился в средней школе м.Станиславчик. Отец умер и похоронен 1936 г. в м.Станиславчик .

В 1941 году к нам ворвались немцы. Я помню, как пришли регулярные войска на мотоциклах, на машинах. Сначала разведка, а потом очень много немцев приехали к нам в Станиславчик. Грабили магазины, дома, устроили в школе лазарет, завозили много раненых. Мать мою, Пудинок Бейлу Абрамовну, забрали к себе в лазарет работать. Там она стирала белье раненым, мыла туалеты, полы, еле живая приходила домой. Потом нас выслали в лагерь (Затишье), там, в бараках в лесу мы промучились, пока нас не освободила Красная Армия. Во время пребывания в лагере мы похоронили там бабушку и двоюродную сестричку. Я сам ходил по ближайшим селам, клеил галоши, копал у людей огороды, чтобы заработать картошку и прокормить больную мать и 7-летнего братика. При этом я должен был брать разрешение у начальника лагеря Штивельмана Левы, жителя Станиславчика. После войны его осудил военный трибунал сроком на 25 лет. Я помню, что ночью приехали немцы и забрали молодых ребят в Казачевку на работу. Мы поняли, что нас ведут на расстрел. Я потихонечку отстал и скрылся в одном из сараев у крестьянки. Я был в валенках, была сильная зима, мороз, и валенки примерзли к ногам, а в сарае был коровий помет, я ноги туда засунул, так и снял валенки вместе с кожей. Раны остались в памяти по сегодняшний день. Я убежал домой, по дороге меня избивали сельские ребята прутьями. Окровавленный, я добрался до Станиславчика, там у меня жила мамина сестра, она сейчас живет в городе Кривой Рог — Винокур Бася Абрамовна, ей уже 79 лет. Она меня накормила, и я хотел у нее переночевать, но зам. начальника гетто Базин избил меня до крови и тоже выгнал из гетто. По дороге из Станиславчика до Затишья (120 км) я шел еле-еле. Ребята по дороге избивали меня опять камнями и палками, и я еле живой добрался к маме, весь опухший. Я помню, как одну женщину из Румынии, некую Марту, сильно избивала румынская полиция — 25 шомполов. После этого она сошла с ума, оставила двухлетнего ребенка. В лагерь (Затишье) выслали очень много евреев со Станиславчика.

1. Спектор Юра
2. Спектор Саня
3. Спектор Поля
4. Зельцер Руня — Гряних
5. Беккер Рухля Абрамовна
6. Винокур Нина Шлемовна
7. Винокур Мима
8. Винокур Бося

9. Шяр Бетя Давидовна
10. Ланцман Маня Абрамовна
11. Ланцман Рая Абрамовна
12. Ланцман Мейлех
13. Ланцман Рива
14. Ланцман Шейва
15. Левич Рая
16. Бекер Лева
17. Ланцман Хона Абрамовна
18. Балкарей Лева

И много других, которые уже умерли.

В Затишье свирепствовал тиф, я и мои родные болели тифом — чудом остались живы. Я помню, мне было 12 лет, так я построил плиту из камней, глины и помета, на которой люди сумели сварить суп или картошку. Меня все благодарили за это. Я очень был болен, и по сегодняшний день у меня порок сердца.

Я случайно встретил в Израиле женщину, которая тоже тогда была в лагере Затишье, выслана из Румынии, а эта Марта (я рассказывал, как ее били шомполами) была ее племянница.

В 1943 году нашу семью перевезли обратно в Станиславчик в гетто, так как отец наш был портной, и немцы нуждались в портных. Я очень хорошо помню шефа гетто. Это был доктор Аккула, его жена работала у претора на кухне. Его помощник некий Базин, они выходцы из Румынии. Сам Базин был ужасный человек. Он избивал и издевался над людьми. Я помню, как моему отцу заявили, чтобы он явился на работу в Жмеринку. Он пришел не так скоро, там его очень избили, поломали на руке коромысло, он долго не мог ничего делать руками. У нас в Станиславчике осталось очень много молодежи, особенно ребят. Мой двоюродный брат Ланцман Миля, Мироник Зева, Мекатиль Йосиф и много других. Они были настоящие ребята, интересовались политикой, а отец мой был очень грамотный и начитанный человек. Они приходили к нему и поддерживали с ним связь. Еще я помню, к нам приходил парень, украинец, ученик 9 класса, его кто-то выдал, и забрали его в жандармерию, сильно избили, привязали цепью к машине и потянули в Жмеринку. По дороге он скончался, и там его зарыли, как собаку. После окончания войны перехоронили в братскую могилу в парке.

Помню, со мной учился соседский парень Тавурский Борис, он стал переводчиком у немцев, а потом у румын. Он с ними разъезжал по селам, по домам, грабил с ними, и не успел удрать, его судили, дали 25 лет за измену и издевательства.

Я помню первую разведку красноармейцев. Мы очень боялись, думали, что немцы их отгонят обратно и нас уничтожат. Но, слава Богу, пришли регулярные войска, было очень весело, все очень радовались, только немного беспокоились. Война еще не окончилась, начали призывать в армию, мы провожали в армию, и через месяц-два уже прибывали похоронки. Так погибло много ребят.

В Станиславчике начали работать учреждения, школы, и я пошел в 7 класс в 1944 г.. Я очень хорошо помню, как мы праздновали День Победы.

ГЕТТО ТОМАШПОЛЬ

20 июля 1941 года в Томашполь вошла немецкая пехотная часть, а 25 июля были расстреляны первые шесть евреев. В августе 1941 года было уничтожено 240 евреев. Затем Томашполь был включен в Транснистрию, и в декабре всех евреев заставили переселиться в гетто. Власти использовали евреев на тяжелых работах: строительстве дорог, в каменоломне, расчистке дорог от снега, колке дров, переноске угля. Обитатели гетто, собранные на маленькой территории и не имевшие права выхода за ее пределы, страдали от истощения и болезней. В 1943 году в гетто находилось 1128 евреев. Томашполь освободили 16 марта 1944 года.

Крамер Наум

Родился 12 июля 1938 года в местечке Томашполь Винницкой области на Украине. Мать — Крамер (Лехель) Ида — была бухгалтером, а отец — парикмахером.

С началом войны отец был призван на фронт, а мы — мать, брат Роман, 1930 года рождения, и я остались в м. Томашполь, не успев никуда эвакуироваться.

Мы добирались до Могилев-Подольского, а затем вернулись в Томашполь назад. Пока нас не было, в доме все было разграблено, вплоть до мебели, одежды. Мы вернулись в пустой дом, и надо было жить дальше. Я помню, что мы по ночам видели зарево пожаров и слышали, как бомбили узловую станцию Вапнярка, что находилась недалеко от Томашполя.

А потом пришли немцы и румыны, и нас всех, оставшихся евреев, загнали в гетто, оградил все дома и начали гнать людей на работу. Так как мать была с

двумя детьми и очень слабая, то ее брали на работу по уборке, стирке, мойке полов и туалетов в комендатуре, и мы с братом помогали ей.

Собирали отходы от столовой, где немцы и румыны кушали, и этим кормились, а также соседи помогали, чем могли.

От отца не было никаких вестей, и мать до конца войны не знала, жив ли он. Отец был ранен, награжден орденами и медалями и закончил войну в Берлине.

В конце войны в 1944 году перед уходом немцев и румын из Томашполя всех евреев из гетто начали гнать партиями в сторону кладбища, в том числе и нас — мать, брата и меня.

По дороге, проходя по переулкам местечка, я и брат очень плакали, как будто чувствуя конец, и молодой румынский солдат сжалился над нами и затолкал нас в подвал, где мы и спрятались. Мать закрывала нам рты, чтобы не был слышен плач. В подвале мы просидели 3 суток без еды и воды. Всех остальных расстреляли, и на этом месте в м.Томашполь есть братская могила и памятник. Часть этого рассказа я помню сам, а остальное — из рассказов моей покойной матери, которая от всего пережитого умерла в возрасте 62 лет после тяжелой и продолжительной болезни.

После войны отец вернулся домой и начал работать, отстраивать разбитый дом. В 1947 г. пережили голод. В 1945 я пошел в школу, которую закончил в 1955 году и поступил на учебу в Кемеровский химико-механический техникум, который окончил в 1958 г., получив специальность — техника-электрика.

Работал на Кузнецком металлургическом комбинате, а затем был призван в армию, служил в г. Бресте.

После армии приехал в г. Кишинев, работал и учился. По окончании учебы работал главным энергетиком УПК «Промстрой».

В 1977 г. я с женой и дочкой подали документы на выезд в Израиль, но получили отказ, и лишь в 1979 г. был разрешен выезд.

С 1979 г. по 2000 г. работал начальником смены в аэропорту Бен-Гурион в Лодде, а с 2002 г. нахожусь на пенсии.

Лихинина Раиса

Было лето 1941 года. Накануне весной мне исполнилось 11 лет. Ощущение человека в разное время бывает разное, также было у меня, но преобладало ощущение счастья и радости. Я закончила 4 класса с отличием. В большой комнате нашего дома у меня был свой уголок. Там красовались 4 мои грамоты за 4 года учебы в школе, альбом с открытками, альбом с фотографиями, коробочки с красками, графин (вместо кувшина) с живыми цветами и портрет Сталина, застекленный и с подставкой, купленный в магазине одной из подружек ко дню рождения. Мои родители были молоды и здоровы, работали, бабушка вела хозяйство в доме, мы с братом росли, и в общем, как мне кажется сегодня, все же больше радовали своих родителей, чем огорчали. Моему брату было 5,5 лет. Я его учила читать и считать, а потом уже писать. Он был очень способным учеником, что радовало всех нас.

Несмотря на то, что о войне постоянно говорили, война просто висела в воздухе, внезапное нападение Германии на нашу страну было неожиданностью. Для меня, для моей личной жизни, для моего самосознания — это было трагедией. Я понимала, что пришел конец радостным ожиданиям, надеждам.

Вся жизнь резко изменилась. Началась суматоха, предприятия стали эвакуировать, эвакуировалось начальство. Отца с первых же дней призвали в армию. Без него вся наша жизнь как-то сразу осиротела. Группа старых верующих евреев пошла к равну-даяну советоваться — обязательно эвакуироваться евреям или можно остаться, на что рав им ответил, что немцы — народ культурный, цивилизованный, это не банда какая-нибудь. Он, даян, не верит, что они станут убивать евреев. Но время шло быстро, немцы наступали. Вскоре они вошли в наше местечко, Томашполь. 22 июля 1941 года несколько солдат вошли в дом даяна. Его схватили за бороду, вытащили на улицу, всячески издевались над ним, били и волокли по улице до тех пор, пока он не скончался. Об этом стало известно всем евреям местечка. Конечно, мы жили в страхе. С 1-го же дня немцы стали грабить еврейские дома. В один день к нам вошли 3 молодых офицера, открыли дверцу буфета, там было все то, что мне подарили на день рождения. Они расставали по карманам красивые упаковки туалетного мыла, духи, одеколон, папины золотые часы, мамнины украшения. Мы в доме только ночевали, а, встав утром, сразу же выходили, бродили где-то за домами, где были пригорки и ложбины, где можно было спрятаться. Так мы прятались целыми днями. Мы видели, как солдаты открыли дверь нашего дома и выбросили на улицу наши вещи. По улице проходили люди. Немцы хватили за руки крестьянок и приказали им забирать наши вещи. Тут мы увидели скопление людей неподалёку. Подошли. Оказалось — евреев выгоняют на улицу и направляют сразу всех вниз по улице. Мы бежали вместе со всеми. Мы с мамой и с братом, и соседка Лея со своими тремя детьми. Ещё накануне мне мама сказала, чтобы я сегодня держала Яника

(брата) за руку. Я поняла, что это серьёзно. Всё больше и больше выгоняли людей, и бегущая в ужасе толпа становилась всё многочисленней. Все от мала до велика понимали, что происходит что-то ужасное. Кто-то произнёс: «Что, на работу?» Наша мама крикнула «Нас гонят убивать, нас на кладбище гонят!» Гнали так быстро, что невозможно было повернуть голову. Я отпустила руку брата, так было легче бежать и ему, и мне. Я подумала: «Палачи нас гонят на убийство, а мы выполняем их повеление, надо бежать, почему мы не разбегаемся». И подумала о том, где лучше будет сбежать. Я, конечно, не была уверена, что побег удастся, но стоило попытаться. И тут мама дала команду — у дома наших родственников есть улочка, по которой мы побежим, оттуда побежим в село. И как только мы добежали до указанного места, мама побежала вправо к тому переулку, за ней побежали мы с братом, потом тётя Лея с детьми. Мы побежали через реку, прошли по кладке, пробежали к сельскому домику, спрятались в пшенице. За нами была погоня. З солдата подошли к речке, остановились и стали нам кричать, чтобы мы к ним подошли. Мы не двигались, но понимали, что нас видно. Они стали стрелять, пули пролетали над нами. И мама сказала: «Надо идти, а то они нас тут перестреляют, как цыплят». И мы пошли, снова перешли кладку и стали лицом к лицу с немцами — две женщины и пятеро детей. Мы стали им говорить, что мы русские, и стали креститься. Один из них, видимо старший, показал, как надо креститься и, махнув резко рукой в сторону тропинки вдоль реки, произнёс: «Фить!» Это было спасение на время. Мы пошли по тропинке, слева от нас была речка, справа — огороды и дома украинских семей, дальше местечко. Мы шли тихо, очень осторожно, совершенно бесшумно и остановились, когда дорогу преградил нам забор огородный, который был до самой речки и даже вдавался в речку. В этом месте мы перешли речку и намеревались продолжить свой путь, по ту сторону речки в том же направлении, но внезапно остановились. На той стороне довольно гористой на высоких местах стояли вооружённые люди и стали нам кричать с угрозами, чтобы мы вернулись. Мы стояли, пробовали понемногу продвигаться, но те стали бросать в нас камни, кричали. Мама потихоньку пошла вперёд, но те не давали. И тут увидели, что нам на встречу идёт женщина, крестьянка, мама её узнала. Это была мамина знакомая. Её звали Таня. Мама сделала несколько шагов ей навстречу, и та остановилась. Женщины стали разговаривать вполголоса. Те, вооружённые, кричали, бусевали и остановились. Тётя Лея вошла в речку и стала мыть ноги, кто-то из детей последовал за ней. Обстановка была как бы мирная. Но для нас каждая секунда была вечность. Наконец, поговорив, Таня стала продолжать свой путь в сторону местечка, а мы, не спеша, как будто мы ничего не боимся, продолжили продвигаться в сторону села. Мы вышли в сторону с.Ярошевка и пошли в с.Яланец, где жили мамина сестра с мужем — единственная еврейская семья во всём огромном селе Яланец. Там у тёти Хайки и дяди Давида мы прятались 7 человек в течение нескольких суток. Потом женщины пошли пешком в Томашполь (20 км) и узнали, что тогда немцы с помощью их украинских сподвижников убили 1000 евреев, их расстреливали у заранее вырытой ямы большим четырёху-

гольником и стреляли так, что они сразу падали в яму. Те, кто остался, живёт каждый в своём доме, и уже несколько дней их не трогают. Услышав это, мама и тётя Лея вернулись за нами, и мы пришли в свой дом, который мы застали совершенно разграбленным и полуразрушенным. Мы стали жить, как могли. Мы голодали. В первые дни после возвращения мама ходила в село, завязывала платок по-крестьянски, обращалась к своим знакомым женщинам, к своим клиентам, и те ей кое-что давали. Кто жил в таких домах, которые не совсем подверглись ограблению — меняли вещи на пищу. В октябре — ноябре было создано гетто. Согнали всех евреев на небольшой участок — часть одной улицы и часть другой, параллельной. Оградили колючей проволокой. Создали еврейскую управу, и те осуществляли связь между евреями — узниками гетто — и румынской комендатурой. После убийства евреев, немцы ушли и оставили только румын. Грабили беспощадно. В комендатуру вызывали старосту еврейской управы и требовали денег и вещей. Он собирал со всех нас. Наша семья осталась совершенно нищей, и мы были абсолютно голые и босые. И всё равно почти каждый день власти приходили и что-то требовали. Кроме того, была ещё украинская управа, от которой тоже ходили по этим клетушкам гетто и находили что-то. Уносили кое у кого ещё оставшуюся мебель, у кого находили посуду. У нас, например, забрали диван, который мы купили перед самой войной. Не оставляли ничего. Уже, когда мы считали, что мебели никакой не осталось, и тогда совершал такой обход глава украинской управы и забрал садовую скамейку, которая служила нам и стульями, и кроватью. Во время создания гетто к нам в наши 2 комнаты с кухней вселили ещё две семьи. И жили мы и в тесноте, и в обиде. Мы не знали ничего о своём отце после того, как его призвали в армию. Папа вместе со всей войсковой частью попал в окружение под Днепропетровском, там их окружили немцы, все стали сдаваться в плен. Папа рассказывал, что им нечем было отбиваться от немцев, немцы шли на них танками, а наши отстреливались простыми ружьями. Попав в плен, папа увидел, что немцы отбирают отдельно евреев, это не предвещало ему ничего хорошего, и он не признался, что еврей. Отделив евреев, немцы их построили, заставили всех встать на корточки с поднятыми вверх руками и в таком положении идти в строю, издевались над ними, куда-то угнали, и больше их никто не видел. Назвавшись украинцем или русским, папа получил справку о том, что был в плену, и отпущен домой. Папа шёл по ночам пешком через всю Украину, и, когда пришёл к нам, мы уже были в гетто. Еврейская управа сразу же назначила папу на работу. Мы все очень тяжело переносили жизнь в гетто, но отцу пришлось хуже всех нас. Он в паре ещё с одним еврейским парнем работал на скотном дворе, целый день без перерыва, без обеда, их заставляли выполнять невыносимо тяжёлую работу. Наш отец всю жизнь тяжело работал, он был колхозником, работал целый день на солнцепёке. И когда мы переехали в Томашполь, отец работал на сахарном заводе грузчиком, потом, сдав на разряд, работал слесарем, но такую тяжёлую работу никогда не приходилось выполнять. Он ужасно похудел, кожа и кости. И однажды пришел с работы, когда управа еще работала — пошел жаловаться. На невыносимость такой работы. В управе тогда

сидел зам. председателя (не помню фамилию) и два его взрослых сына, они все переговаривались, щелкали семечки, в общем, отдыхали. Отец стал им говорить, как тяжела его работа, какие там тяжелые условия, а они вот трое мужчин проводят время в праздности в то время, как такие, как он, вынуждены день в день с утра до ночи выполнять такую тяжелую работу. Им это не понравилось, и они все трое стали его бить. «Ты не хочешь тяжело работать, — говорит тот заместитель, — ничего, ничего, ты у меня будешь полицаем, как миленький будешь полицаем». В гетто еврейской полиции не было, но были назначенные мужчины, которые охраняли гетто, они носили красные повязки и их называли полицаями. На следующий день папа пошел с красной повязкой, охранял большой участок ограждения. Это была работа нетрудная, но в конце недели всех этих стражей вызывали в комендатуру и жестоко били. Экзекуции проводились в конюшне. Всех их там раздевали догола и били пятками. После этих избиений папа приползал домой еле живой, окровавленный весь, он старался нам не показывать, какое у него красное в кровавых рубцах тело. Спасло его то обстоятельство, что украинскому старосте понадобился возница, он пришел в гетто, долго расспрашивал, долго выбирал и выбрал отца. Папа умел обращаться с лошадьми и долго у него работал. Этим начальникам было выгодно брать в работники еврея из гетто. Это был дармовой раб. Евреям не платили ни копейки и не кормили. Мама фактически кормила нас всех. Румынские власти старались не замечать, что евреи кормятся, как могут. На базар можно было пойти только в воскресенье и только на 2 часа с 12 до 14 часов. Продавали вещи, у кого еще что-то осталось, некоторые женщины покупали оптом какие-то красители для шерсти и другие красители, делали бумажные порошки и продавали их на рынке. Конечно, такой заработок — это сущие гроши, но другого ничего не было. Мама занималась шитьем одежды, это была ее специальность. Приходили те же клиенты, что и в мирное время. Не все. Многие боялись ходить в гетто. Те же, кто приходили, знали лаз в ограждении, приподнимали колючую проволоку и проходили. Мама работала, и мы дети выполняли разную нетрудную работу — подметали улицу, мыли окна в общественных зданиях, помогали на кухне — чистили картошку, мыли посуду.

Манусис Михаил

Родился в 1927 году в местечке Томашполь Винницкой области. Родители: отец — Манусис Давид Ильич, рожденный в Томашполе, работал кузнецом по найму. Мать — Манусис Итта Фроймовна, была домохозяйкой.

Я закончил 6 классов еврейской школы. В 1941 году оказался на оккупированной территории. Пробыл в оккупации 2 года 8 месяцев.

Немецко-фашистские войска проводили в отношении местного еврейского населения политику геноцида. Так осенью 1941 года было образовано еврейское гетто, куда было согнано все еврейское население нашего местечка с ужасными условиями проживания. Еврейское гетто охраняли как немецкие солдаты, так и украинские полицаи, служившие немецкому вермахту.

Так, уже в первые месяцы оккупации (август 1941 г.) было расстреляно около 200 жителей местечка Томашполь. В одной из партий людей, которых вели на расстрел, оказался и я. Проходя мимо пруда по дороге к месту расстрела, я прыгнул с небольшого мостика через реку и затерялся в камышах, присидел в воде до позднего вечера, пока не стемнело.

Во время дальнейшей оккупации пришлось испытать на себе все изощренные методы издевательств над местным еврейским населением.

После освобождения советскими войсками оккупированной территории был призван в ряды Красной Армии. В период с осени 1944 года и до Победы, 9 мая 1945 года, участвовал в боях по освобождению советской территории и территории стран Восточной Европы.

После демобилизации из рядов Вооруженных сил, в феврале 1952 года, поступил на работу, на обувную фабрику г.Тульчин, Винницкой области, где проработал до 24.09.1994 г. В этом же году репатриировался в государство Израиль.

Сандлер Ашер

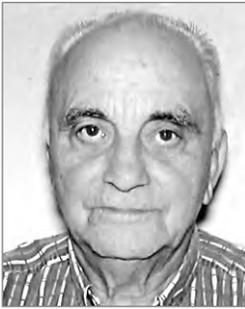
Родился 30 октября 1930 года в местечке Томашполь Винницкой области недалеко от Киева. В Томашполе до войны жило очень много евреев, которые работали в еврейском колхозе, на мебельной фабрике, дети учились в еврейских школах. Томашполь славился своей молодежью, которая дала стране много известных людей, таких как Исаак Зельцман. До войны директор Кировского завода в Ленинграде, во время войны директор Челябинского танкового завода, имел воинское звание генерал-полковник и Герой Соцтруда, а в 1944 году министр танковой промышленности. А также жил Михаил Жванецкий, отец которого был главным врачом Томашпольской больницы, а потом после войны уехал в Одессу.

В конце июня 1941 года немцы захватили Томашполь, в котором находилось 1200 евреев. Как потом стало известно, 4 августа немецкая зондеркоманда совершила массовое истребление евреев, погибло 242 человека, женщин, стариков, детей. В нашем доме пряталось много семей, дом был на два выхода, когда немцы заходили в одни двери, в другие люди выскакивали во двор. Когда вели моих родственников на расстрел, они звали нас с собой, но мы не пошли, прятались у нас в подвале, так они все погибли на еврейском кладбище во рву. Мы мальчишки по 10-12 лет бегали на кладбище, видели, как дышала земля. Один немец потом после казни хвастался, что он стрелял прямо в сердце, чтоб люди не мучались. Я бы его, этого, узнал бы и сейчас. В 1941 году в декабре месяце нас всех оставшихся в живых согнали в Томашполе в одно место и огородили железной проволокой, так образовалось Томашпольское гетто. Никого не выпускали, еды не было, люди пухли от голода и холода и умирали. Ночью я и еще ребята выходили из-за колючей проволоки и собирали еду, и передавали голодающим. Над нами издевались, били, мы ходили оборванные, голодные и ждали каждый день, когда нас отправят в печи. После Сталинградской битвы положение немного улучшилось, стали выпускать раз в неделю за колючую проволоку. С немцами были и румынские части, которые издевались не хуже немцев, ибо мы носили желтые звезды.

Кто бы мог подумать в то время, что мы можем оказаться в Израиле, оставшись в живых, и жить в свободной стране, где никто тебя не обзовет жидом. Спасибо, что занимаются узниками и не забывают нас.

ГЕТТО ТРОПОВО

Зингер Павел

Родился в селе Банилово, Сторожиницкого р-на Черновицкой области. Для нашей семьи война началась на два дня раньше — 20 июня 1941 года. Помню, это была пятница, мы сидели за столом, в окна полетели камни, посыпались осколки стекла.

На следующее утро местные националисты под руководством румынских жандармов, начали сгонять в центр села, в клуб всех евреев. В селе жило много евреев, было 3 синагоги. Картина была ужасная: плакали дети, старики и больные. Колонну погнали в районный центр, всё время шли пешком (брату было 3 года).

Собрали всех евреев со всего района, всех снова пешком гнали до села Атаки (Бессарабия), рядом с рекой Днестр. Почти половина людей осталась лежать по кюветам. Кто не мог идти — добивали на месте.

Нас загнали в Днестр, чудом спаслись лишь те, кто умел плавать. Оставшиеся в живых добирались до Могилев-Подольского. Колонна была направлена в село Тропово.

Там всех загнали в здание сельского клуба, вокруг — колючая проволока.

Зима 1942 год. Холод, голод, эпидемия тифа. Смерть косила людей десятками. О помощи нечего было думать. Мёртвых вывозили на подводах на край села, прикрыв соломой. На следующий день собаки таскали части тел мёртвых.

Кто мог стоять на ногах, тех забирали на работу.

После ремонта моста через Днестр, всех расстреляли, такая участь постигла и моего отца. Меня с матерью гоняли на работу на поля, на них собирали картошку, буряки, которые отправлялись немецким и румынским войскам.

Во время отступления немецких частей в 1944 году прятались все, кто остался жив.

Нас спасли партизаны и передовые части Красной Армии.

С трудом добрались до Черновцов, а потом в Сторожинец.

Это был октябрь 1944 года. Я в 14 лет начал работать в типографии, получил хлебную карточку, это в то время большая радость.

Прошло 60 лет со дня окончания войны. До сих пор я не могу забыть тех ужасов, которые мне иногда снятся.

Зингер Юрий

До начала Великой Отечественной войны наша семья жила в с.Банилов Сторожинецкого района Черновицкой области, где я и родился 22 июня 1938 г.

Как только оккупанты вошли в село в июне 1941 г. всех евреев согнали в центр села, кто в чём был. Через некоторое время всех погнали в направлении села Междуречье, а далее — в город Сторожинец. Дальше колонну погнали в направлении Могилев-Подольского, а потом разместили в здании клуба в центре с.Тропова. Территория была огорожена колючей проволокой, никто не знал, что его ждёт.

Начались болезни, появились мёртвые, которых собирали и вывозили на подводах.

Здоровых мужчин выводили на работы. После окончания ремонта моста через Днестр, большую группу мужчин, в том числе и моего отца, расстреляли.

Брали на работу и женщин, и моя мать брала меня с собой, так как не с кем было оставить. Я ей помогал в поле. Подходить к территории лагеря жителям села не разрешалось: могли пристрелить. Добрые люди всё же перебрасывали через проволоку хлеб, картошку и др.

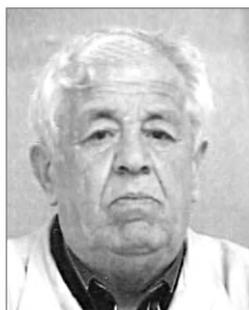
В с.Тропово мы находились до 1944 г., а после освобождения села частями Красной Армии с трудом добрались до Черновцов и г.Сторожинец.

ГЕТТО ТУЛЬЧИН

23 июля 1941 года немецкие части вошли в Тульчин. Они согнали всех евреев в несколько районов города, это и было гетто. Хозяиничали в городе румыны, мадьяры и местные полицаи. Они заставили евреев носить на груди чёрный круг и на нём жёлтую Звезду Давида. Тульчин стал центром уезда. В городе расположился штаб жандармского легиона. Губернатором был Алексяну. Согласно приказу губернатора 13 декабря 1941 года 3005 евреев были угнаны в Печору. В Тульчине оставалось 118 специалистов и депортированные из Буковины, Ямполья — всего 500 евреев. Большая группа евреев была размещена рядом с Тульчиным в пос.Нестерварка, в рабочем лагере. После освобождения Тульчина 15 марта 1944 года в живых осталось 227 евреев, в Нестерварке 1590.

Жорницкий Михаил

К началу войны 1941-45 гг. мы жили в г.Тульчине Винницкой обл. напротив старой еврейской школы. После установления румынской власти в один из вечеров к школе подъехали четверо человек, это были: комендант города, румын, префект, переводчик и доктор-педиатр Белецкий, который лечил детей. Они стали возле забора школы. Я в это время находился недалеко и из любопытства слушал их разговор.

Дословно пишу: Белецкий предложил собирать группами евреев в школу и отправлять тоже группами, но куда не сказал. Комендант предложил сделать гетто, чтобы была дармовая рабочая сила. Но Белецкий сказал: «Нет, их надо изолировать во избежание инфекции». Я побежал домой и рассказал маме и брату, на что мама сказала, подождём до утра.

Рано утром мы услышали стрельбу, крики, плач маленьких детей. Через некоторое время к нам, ломая двери, ворвались два полицейских и один румын. И вывели нас только в том, что было на нас, и повели через дорогу в школу. Там уже было много евреев, в основном, дети, женщины и старики.

Через час–полтора нас вывели из школы (человек 300) и в сопровождении полицейских и румын погнали, как сейчас говорят, «как овец пешком».

По дороге тех, кто отставал, расстреливали. Мы шли где-то более суток с ночёвкой на скотном дворе. И вот перед нами оказались красивые ворота, они были открыты, и мы вошли туда. Это был в прошлом санаторий с красивым парком и большим главным зданием, но уже с разбитыми стёклами и без многих дверей. Через некоторое время привели ещё несколько партий из Тульчина, Могилев-Подольского, Тростянца и других городков.

Печора — лагерь смерти, потому что люди были обречены на голодную смерть.

Нас охраняли полицаи. На работу не брали, никто во внутрь не заходил, а выйти наружу не было возможности, так как с трёх сторон был высокий забор, а с четвёртой река Буг и посёлок Соколец. Там уже находились немцы.

Время было осенне–зимнее, и началась массовая гибель людей от голода, от инфекции. Света, воды не было, пользовались водой из Буга, все листья и кору деревьев варили и ели, что привело к дизентерии, другим заболеваниям и смерти.

Надо было как-то выживать, и мы, пацаны, брали длинные палки и в конце забора у реки переходили на ту сторону, ходили по сёлам просить подаяние. Это был единственный способ добычи пищи. Однажды я попал в дом дьякона в Печоре. Он меня накормил, расспросил всё и предложил, он может давать мне глечик борща для матери и брата, а меня накормит у себя дома. Так продолжалось до весны. Однажды он мне сказал, что надо убежать, потому что немцы хотят забрать из лагеря евреев и расстрелять. Мы ночью с мамой и братом убежали и пришли к нему домой, он нас спрятал в хлеву, и мы там были двое суток. Когда он узнал, куда и как нам лучше уходить, дал нам в дорогу еду. Мы шли только ночью и через трое суток мы попали в Томашполь, где было гетто и еврейская община, которая выполняла заявки румын на работу. Румыны за работу давали продукты. Это уже был рай после ада.

Дьякона звали Иван, он был с одной деревянной ногой.

Земельштерн (Бурбан) Ривка

Родилась 28 февраля 1936 года. Хочу написать свои скудные воспоминания о войне. Я жила в г. Тульчине Винницкой области. Когда пришли немцы, первое, что они сделали, стали угонять людей в концлагерь. Я стояла у дороги и видела, как стариков, которые не могли идти, просто расстреливали. Людей с нашей улицы загнали в гетто.

Было очень холодно, шел дождь, нас поместили в пустой страшный дом.

Моих родителей забрали на работу, а я с маленьким братом осталась дома. И так каждый день.

Я стала сразу взрослой, а мне всего было 6 лет. Со мной остался 2-х летний брат. Мне пришлось заниматься хозяйством, топить печку. Еды практически не было, не помню, чем кормила брата. Мы голодали.

Нас окружали полицаи. Но хорошие люди, крестьяне приносили хлеб, картошку, немного муки, если бы не они, мы бы умерли с голода.

Однажды папу забрали на ферму работать, там два человека заболели тифом. Мама с трудом достала лекарство. Ей надо было перейти часть улицы, чтобы передать человеку, который приехал, чтобы забрать лекарство. Ее поймали полицаи и били весь день, и всю ночь. Когда они узнали, зачем она шла на площадь, ее отпустили. Они страшно боялись тифа. Маму скоро разбил паралич. Тогда мне стало еще трудней.

Я помню, что из лагеря тайком к нам приходили люди, я их прятала. Мы делились с ними продуктами, а я их выводила огородами, чтоб не попасться на глаза полицаям. Как мы выжили, я не знаю.

Но несмотря на то, что мы голодали, когда вели военнопленных, мама сказала, чтоб я отделила кусочек хлеба и спрятала под мышку, и отдала пленным. И так продолжалось много раз.

Я ухаживала за парализованной мамой десять лет. Мои старшие три брата были на войне. Вот все мои детские воспоминания.

Краснер Инна

С болью в сердце пишу эти воспоминания, проникнутые ужасом, о пребывании в гетто, хотя мне было 3,5 года, когда началась война. Об этом времени я знаю больше по рассказам моей покойной матери — Краснер Леи Меировны и других людей старшего поколения, которые были с нами в гетто.

В конце июля 1941 г. город Тульчин Винницкой области был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками.

Глубокой осенью в холодный дождливый день всех евреев выгнали из своих домов. Перед заключением в гетто мы с другими еврейскими семьями находились в так называемом «карантине». Нас поместили в полуразрушенное здание с выбитыми окнами. Спали на цементных полах. В маленьких комнатах было очень тесно, содержалось по 20-30 человек. Не было еды, тёплой одежды, вши заедали.

Наши друзья соседи — украинцы, как могли, спасали нас от голодной смерти, бросая через ограду что-то съестное.

После месячного «карантина» нас подняли тёмной ночью и, действуя прикладами, в сопровождении собак погнали в гетто. Для этой цели была отведена улица, которая раньше называлась имени Володарского. Посреди улицы горели костры. Все дома были открыты, разграблены. В темноте каждая семья находила себе убежище. Несколько семей находилось в маленьких комнатах. Гетто постоянно охраняли жандармы и полицаи. За пределы гетто никто не имел права выходить. За малейшую провинность грозила смертная казнь.

Оккупанты и их прислужники — полицейские заставляли евреев выполнять разные работы: рыли траншеи, мыли полы, убрали, выполняли погрузочно-разгрузочные работы, выгребали уборные. Если что-то не нравилось, доставались пинки и удары палкой по голове. За непосильный труд выдавали горох, чечевицу и хлеб из опилок.

Полицаи выслуживались перед оккупантами: зверски избивали людей. По ночам часто устраивали облавы, проверяли все ли на местах и нет ли сбежавших из Печорского лагеря.

Показывая следы ударов на теле, мать часто вспоминала полицаев по фамилии Щерб, Будея, Надаркин. Однажды один из них ударил мать в живот, удар пришёлся в область печени. Она всю жизнь страдала от нанесённого удара и рано ушла из жизни.

Отца моего Краснера Арона Мошковича немцы повели в комендатуру. Там его сильно избили. Сутки он пролежал в сыром подвале на цементном полу. Затем его приволокли, ходить самостоятельно он уже не мог, и бросили на территории гетто.

8 октября 1943 г. от побоев, тяжёлой физической работы и болезни мой отец умер. Хоронили его под надзором полиции. Тело отца покоится на Тульчинском еврейском кладбище.

Спасла нас от смерти украинская женщина. Мы называли её тётя Мария. Она надела нам на шею крестики, чтобы в нас не узнали еврейских детей, и увела в село, а маму спрятала в конюшне, где находились лошади немцев.

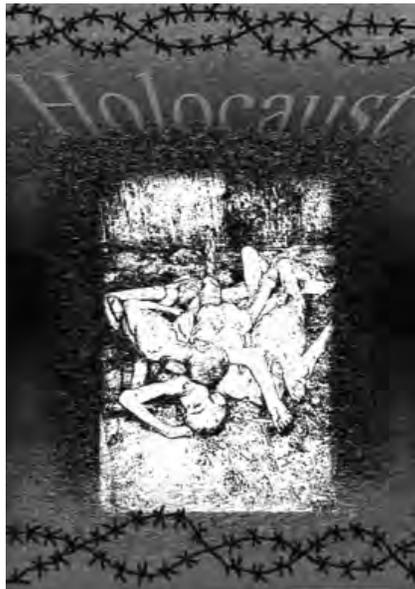
С огромной благодарностью я вспоминаю этих простых людей, которые, рискуя своей жизнью, делились с нами куском хлеба и прятали от врагов. Моё поколение, находившееся в гетто, было лишено детства. Пережитое отложило отпечаток на всю мою жизнь.

В марте 1944 г. г. Тульчин был освобождён от оккупантов.

После войны окончила среднюю школу, а затем получила средне-техническое образование.

В 1994 г. приехала в Израиль.

Голод, холод, страх, нечеловеческие условия, пережитые в гетто, привели к потере здоровья. Сейчас на пенсии. Болею, часто лежу в больнице, перенесла несколько операций.

ГЕТТО УМАНЬ

Богомогольная Анна

Родилась 8 декабря 1936 года в местечке Юстинград Маньковского района Киевской области. Юстинград был еврейским местечком. Когда пришли фашисты, то это уже было готовое гетто до 300 человек, и почти все они лежат в двух братских могилах. Юстинград умер, и сейчас даже нет такого географического названия. Все поселение именуется Соколовкой, а с 1954 года — Жашковский район Черкасской области.

Наша семья состояла из четырех человек:

Богомольный Давид Исаакович — отец;

Богомольная Ольга Вольковна — мать;

Богомольная Свира Давыдовна — сестра;

Богомольная Анна Давыдовна — это я.

Мое детство закончилось в 1941 году. Казалось бы, что может помнить ребенок в 4,5 года. Отца забрали на фронт, и мы перебрались жить к дедушке — Куперман Вольке, его дом стоял почти на окраине местечка Юстинград.

Июльским воскресным днем немцы вошли в местечко. Во время бомбежки мы прятались в доме у дедушки, там была не одна семья. Помню, как фашисты в этот день взломали дверь в нашем доме и с криком «Юден» ворвались. Прикладами автоматов они начали избивать всех.

Сразу всем евреям было приказано пришить на свою одежду желтые латы-нашивки на спине и груди. Это было так унижительно. Меня, маленькую девочку, никогда не покидало чувство тревоги, страха, но однажды пришлось встретиться со смертью. Маму без сознания, окровавленную, принесли домой. Ее избил полицейские за то, что она посмела что-то сказать в защиту одной женщины. Мама наша умирала. Мы с сестрой плакали и кричали: «Мамочка, не покидай нас, не умирай!» Мы так громко кричали, и нам с сестрой показалось, что она услышала нас. Всевышний помог ей, и она собрала последние силы и выжила.

Прошло несколько недель, мама с женщинами еще очень слабая возвращалась с работы. Навстречу им шла толпа пожилых мужчин и мальчишек, полицейские куда-то их вели. Среди идущих, мамочка увидела своего отца, нашего деда, красивого блондина с голубыми глазами. Мы с сестрой очень любили своего дедушку. Дедушка, увидев маму, спросил ее: «Олточка, куда нас ведут?» Мама с болью посмотрела на своего отца и попрощалась с ним глазами. Если бы вы знали, что эти изверги сделали. Они заставили стариков и мальчишек рыть яму-могилу себе. Потом всех столкнули в яму и закопали живыми. Долго слышен был стон. А наша мама, 23-летняя женщина, за одну ночь стала седой старушкой.

Так прошел год фашистской неволи, но мы не знали, что худшее еще ждет нас. Приснился маме сон, что пришел к ней отец и говорит: «Олточка, встанешь рано утром, оденешь детей и уходите. Ты должна спасти детей, моих внуков». — «А если кто-то увидит нас, что уходим?» — спросила мама. А дедушка ей в ответ: «Никто не увидит, Олточка!» И тут же она проснулась, было три часа ночи. Начала метаться: «Что делать, кто мы, если спросят?» Вдруг возникла мысль: «Мы беженцы!» Мама нас разбудила, одела, и мы все ушли в сторону леса. Когда стало темнеть, то мама нам сказала: «Говорить всем только по-украински, отныне тебя, Хала, зовут Ганна, а тебя Фира — Маруся. Здесь недалеко село Попивка, там жила тетя Мария, она нас спрятала на чердаке под соломой, так прошла ночь. А утром нагрянули полицаи. До нас донеслись крики: «У тебя спрятаны жида!»». А тетя Мария в ответ: «Вот вам лестница, лезьте и ищите». Полицаи поверили и ушли. Нам оставаться у тети Марии было опасно. Днем забежала знакомая тети Марии и сообщила страшную весть, что всех евреев нашего местечка вывели в лес Канеллы и расстреляли. Утром на рассвете мы ушли. В дорогу тетя Мария дала нам немного еды. И настали страшные дни скитаний. Убежищем нам служили заросли, скирды соломы, кусты. Мы пугались людей, да и собственной тени. Каждый день мог быть для нас последним. Наши силы были на исходе, от голода мы начали пухнуть. Мы вынуждены были зайти в ближайшую деревню и попросить хлеба. Мама представилась немой, чтобы не отвечать на вопросы. При людях мы маму больше понимали по глазам, чем по жестам немых. Мама постоянно твердила нам: «Ни в коем случае, дети, не признавайтесь, что вы евреи, получите первую пулю». И вот, однажды, мы находились в селе в доме одной хозяйки, мама перешивала ей пальто. Заходит полицейский с одной женщиной. Позвал мою сестру, она была старше меня, ей было около семи лет. Вдруг эта женщина обращается к моей сестре на идиш: «Если ты еврейка, то мы тебя не тронем, а если украинка — расстреляем!» Сестра сделала вид, что ничего не поняла. Когда эта женщина повторила вопрос на украинском языке, то сестра расплакалась. Затем полицейский грубо толкнул ее и сказал: «Иди!» Так моя сестра Фира спасла всех нас от расстрела. Остаться здесь было опасно, и мы вскоре это село покинули.

Скитались из одной деревни в другую и вдруг оказались в г.Умани, мама увидела Софиевский парк. В Умани жил родной брат мамы, очень уважаемый и состоятельный человек, дядя Ицхак. У него была большая семья: три сына и дочь.

Так мы попали в Уманское гетто. Находились мы там с июля по октябрь 1942 г. Наш дядя, его жена, три сына и дочь лежат в Сухом Яре. Нам помогли убежать, и мы опять начали скитаться.

У сестры очень опухали ноги, и мамочке, истощенной до предела, приходилось носить ее на спине. В полном отчаянии мама хотела броситься с моста в реку, в надежде, что нас детей подберут добрые люди, и мы спасемся. Мы умоляли маму не делать этого: «Мамочка, вот увидишь, нам поможет Всевышний и закончатся наши мучения». Пока мы маму уговаривали, приблизилась повозка и остановилась. Две женщины подошли к нам. Мы одно и тоже твердим: «Беженцы, документов нет» и т.д. Одна из женщин сказала: «Садитесь, поможем!». Мы долго у них оставались, мама их обшивала.

Помню, когда фашисты отступали, то свирепствовали страшно. Мы сидели в очень сыром подвале, дышать было тяжело, не хватало воздуха. Наступила тишина, и мы вышли на свежий воздух. Я подружилась с одной девочкой, ее звали Нюрой. Стояли мы с ней рядом, взявшись за ручки. Возле нее стоял ее дядя. Вдруг недалеко от нас разрывается снаряд, осколком убивает дядю, правая ручка Нюры отрывается, а моя левая опускается. Я была в шоке.

В памяти у меня сохранилась еще такая ужасная картина. Мы находились в доме у одной пожилой женщины. Ночью нас разбудил гул мотоциклов. Фашисты обходили все дома, что-то искали, всех выставляли на улицу, били прикладами автоматов. А когда забежал в дом нашей хозяйки очень высокий немец, приказал всем выйти, а мамочку нашу почему-то оставил. Мы с сестрой так кричали, так плакали. А мама кричать не могла, ведь она «немая». Нас спасло то, что забежал какой-то фриц и приказал немедленно уезжать. На прощанье он нас хорошо побил, меня по голове, я долго болела после этого.

Так и промучились мы оставшееся время до освобождения. В теплый период прятались в лесу, поле, а зимой у добрых людей. Когда в марте 1944 г. советские войска освободили Юстинград, мы вернулись домой. Сколько было радости и слез «Мы живы!» Дома нас ждало письмо от отца.

Какое счастье, что мы все остались живы после ужасов этой страшной войны. Наша семья была единственной еврейской семьей Юстинграда, где уцелели все ее члены. В 1944 г. мы с сестрой пошли учиться в 1-й класс и до окончания войны перешли во второй класс. Затем мы переехали в г.Умань, там мы закончили 2-й класс. В 1946 г. вся семья переехала в г.Челябинск.

Сколько пришлось пережить нашей мамочке. Почти всю войну играть роль «немой». Это удивительная женщина! Она сумела сохранить себя как личность, оставаясь доброй, терпимой и мужественной, а самое главное — не обозленной. Очень болела и рано ушла из жизни. Ее нет почти тридцать лет.

Мне до сих пор снятся одни и те же сны: «Меня убивают, и я тону в речке!». Я до сих пор боюсь купаться, боюсь воды, не могу перейти мост, теряю сознание.

Прошли годы, десятилетия, старики ушли из жизни, а мы, дети того лихолетья, стали уже пожилыми людьми. И наша память сохранила эти ужасы войны.

Очень хочется, чтобы все это никогда не повторилось.

ГЕТТО ЧЕРНЕВЦЫ

Оккупация Черневцов продолжалась с 21 июля 1941 года по 18 марта 1944 года.

24 июля 1941 года началась расправа над местными жителями. Их сбрасывали с моста высотой 12 м. на камни. 12 человек погибли.

27 июля немцы расстреляли 13 евреев. Затем было организовано гетто, в котором находились 1500 местных евреев и несколько сот депортированных. К концу 1943 года оставалось 170 бессарабских и 279 буковинских евреев. Оккупационные власти использовали евреев на сельхозработах и строительстве. Выход за пределы гетто был запрещён.

Коренблюм Изяслав

Родился 31 октября 1924 г. в м.Черневцы Винницкой области. Черневцы были районным центром. Местечко Черневцы было заселено евреями. С трёх сторон его обтекает река Мурафа. Местечко окружают украинские сёла — Гощулинка, Мазурилка и Хренивка.

Я до 7-го класса учился в еврейской школе. Сначала школа находилась за мостом реки, здание было очень маленькое, и где-то в середине 30-ых годов выстроили новую школу за польским костелом. Помню наших уважаемых учителей: Кваша Борис Абрамович — физик и математик. Я всегда получал отличные оценки. С 8-го по 10-й класс я учился в вечерней школе на украинском языке в с.Мазурилка возле почты, так как днём я работал на трикотажной фабрике в бухгалтерии счетоводом, т.е. рахивником. Директором фабрики был Мясковский Хаскел, его жена Буся, завпроизводством, был Фельдман — горбатенький, низенький, главный бухгалтер — Бурд Гедаля, зам гл. бухгалтера — Коренблит Миша (почти однофамилец), но не родственник. Кстати, он недоволен был, что директор принял меня на работу в бухгалтерию. Завхозом был Эля Димант, его отца звали Липа.

Начальник планового отдела был Мураковский Гриша, он жил буквально напротив фабрики — старый холостяк.

Отец мой умер в 1932 году, мне тогда было 7 лет. У меня сохранились фотокарточки отца, когда он служил в царской армии кавалеристом. В семье было четверо детей, мама сама нас вырастила. Еле-еле мы встали, как говорится на ноги, тут и война.

Меня мобилизовали не в армию, а собрали молодых ребят и отправили нас в глубокий тыл, т.е. вроде, резервисты, и всё пешком. И где-то в близи Ворошиловграда впереди нас оказались немецкие войска. Так мы и очутились на оккупированной территории. Тогда наша группа и распалась, кто куда. И все ребята подались домой. Это самое сделал и я. Вернулся домой, а в Черневцах никакой власти. Местечко мертво, улицы пусты. Потом появились немцы, а за ними и румыны. Все наши мобилизованные солдаты, многих из которых даже не успели одеть в военную форму, в первый же день войны сдались в плен, т.к. фактически никаких боёв не было. Немцы занимали города и сёла буквально маршем, т.е. без боя и без единого выстрела. Шли буквально, как на парад. Я помню разговоры среди мобилизованных украинцев: «Мы не боимся, мы у себя дома, мы на нашей земле, нехай жида бояться».

Первое моё крещение произошло, когда румынские жандармы схватили меня и погнали на работу по очистке костела. При советской власти костел был превращён в склад строительных материалов, всяких красок, алебастра, цемента и т.д. Представьте себе, здесь в течение многих лет находились вышеуказанные материалы, а тут надо было очистить от грязи пол, стены, потолок и т.д. без всяких приспособлений и воды, причём сзади стояли жандармы и избивали нас прикладами и шомполами винтовок. Мы эту грязь скребли ногтями в течение нескольких дней без пищи и воды, а это было уже в августе месяце, жара. Мало того, что мы были в таком положении, и домой нас не отпускали. А когда через несколько дней меня отпустили, так я уже не ходил, а ползал. В общем, выжил. Когда установилась власть румынская, в местечке так же создали совет, и старостой стал один еврей, прежде его никто и не знал. Жил он на улице, по которой ездили к мосту, буквально, второй дом от угла, кажется, напротив сапожника по фамилии Битлер. Вот этот староста показал себя, издевался над всеми евреями. Ходил он всегда с плёткой в руках. Помню, не один раз мне от него попадало. Иногда, когда случайно увидим, что навстречу идёт староста, искали любой угол, чтобы убежать. А если все-таки поймают, отпечатают тебя плёткой, и уже не вырвешься, обязательно найдёт для тебя работу и передаст тебя в руки румынской жандармерии. Необходимо отметить, что на протяжении всего периода оккупации меня использовали на принудительных работах. Летом я был постоянно направлен в село Боровка, где работал в колхозе на всех сельскохозяйственных и строительных работах. Мы копали землю, сеяли, пололи, убирали урожай, работали грузчиками, грузили зерно и отправляли в Германию. Углубляли котлован пруда до 4-х метров. Землю таскали на носилках и в плетёных корзинах. Осенью и зимой меня всегда использовали по ремонту шоссейной дороги Моги-

лев-Подольский — Винница. Это было от Черневцов до развилки, примерно 8-10 км, в любую погоду, т.к. по этой дороге постоянно шли немецкие войска, автомашины с боевой техникой. Вот так мы и трудились всегда голодные, ибо продукты негде было брать и не за что купить. Какие только вещи были, все выменяли у крестьян за немного картошки или кукурузы, муки. Иногда мне удавалось вырваться в село Гоцулилки на работу к крестьянам, причем, выполнял любую работу: копал огороды, убирал урожай, был строительным рабочим, строил заборы, подвалы. У граждан данного села Мартынюка Константина и Щербий Ивана работал плотником. У них была мастерская по изготовлению ободов для колёс, вот там я и работал, колол дубы, обрабатывал их топором, потом их парили и гнули, и получались круглые обода. Эта мастерская была во дворе Ивана Щербия. Хотя по соседству жил один полицай по фамилии тоже Щербий, но он меня не выдал румынским жандармам. Если бы он меня выдал, меня бы в живых не было. У меня даже имеется письмо от посольства Украины, что я работал во время оккупации в с.Гоцулилки в течение 2-х месяцев.

После освобождения советскими войсками я был мобилизован и отправлен на фронт. Служил во 2-ом украинском фронте 78 дивизии. Дошёл до Будапешта с боями. Участвовал в Яссо-Кишинёвской операции. 10 ноября 1944 г. меня тяжело ранило в левую ногу, левую руку и левый глаз. Лечился в военном госпитале, тогда назывался «НКВД-2», справка у меня сохранилась.

Вот вкратце то, что я пережил. Если описать всё, то можно создать целую книгу. Но я на это не способен. Каждый человек должен заниматься своим делом.

**Литвак
(Садецкая) Рая
и Финкель
(Снитман) Бетти**

из рассказов матери Гальперин-ной Полины и Садецкой Сарры.

Мы хотим рассказать о маленьком еврейском местечке Черневцы, что на Подолье, Винницкой области. Уже на второй день войны немцы бомбили Могилев-Подольский, одна из бомб попала в мост через реку Днестр. Пожар был виден в Черневцах.

21-го июля 1941 г. гитлеровцы вошли в местечко. Мотоциклы спустились по главной улице, она была пустынна, ни души не было. На следующий день были назначены полицаи. В Транснистрии формально хозяевами были румыны, но фактически кровавые расправы совершали немцы, так называемые «карательные отряды». Майор немецкой армии стал комендантом. Претером стал румын. Комендатура и жандармерия разработали совместно целый ряд унижительных для евреев запретов, установили черту гетто. Все обязаны носить нарукавные повязки с Маген Давидом, без которой нельзя было выйти на улицу.

13 местечковых активистов были расстреляны. А через несколько дней прибыл карательный отряд, и 12 евреев были сброшены с моста в речку Мурафу с 12-ти метровой высоты на камни, люди, падая, разбивались. Вода чистой речки окрасилась в красный цвет, фашисты стояли с автоматами на мосту и добивали тех, кто поднимал голову и ещё дышал. Среди этой группы был и старый раввин Авраам, они сначала вырвали его бороду, а потом расстреляли.

После войны погибшим поставили памятник, эту стелу поставили на берегу р.Мурафы возле моста. На граните навечно выгравированы слова: «27 июня 1941 г. гитлеровские каратели сбросили с моста в речку Мурафу 12 евреев и расстреляли их из автоматов.

*Их души светят нам, как звёзды,
И озаряют путь с небес.
Их дух не угас в пучине бездны
Судьбою в детях он воскрес.*

Инициаторами сооружения стелы стали наши земляки, а деньги посылали наши черневчане, живущие во многих странах мира.

Трудно жилось евреям оставшимся в местечке и попавшим в гетто. В местечке было много беженцев из Румынии, Молдавии, Буковины, Польши. Пришлось всем потесниться, жили по 8-10 человек вместе. Первая зима была ужасной. Люди голодали, в домах стоял страшный холод.

Ежедневно умирали десятки людей, их бросали, как брёвна, на подводу и вывозили. Жизнь в гетто становилась с каждым днём всё невыносимее.

Каждый день ранним утром всех взрослых румынские солдаты выгоняли на разные работы. Ходить полагалось строем. В руках солдат и полицаев были плетёные из кожи нагайки, которыми подгоняли людей, как скот. Особой жестокостью отличался румын, старший мажур (фамилию его никто не помнит), он привязывал длинную верёвку к еврею, гонял его вокруг себя, как лошадь и избивал нагайкой, пока человек не падал на землю. Не менее жестоким был румын Станчу. Этот человек-зверь бил несчастных евреев прикладом винтовки. И ещё родителей и детей выгоняли на улицу, где стояли подонки из числа украинцев, ожидая команды жандармов, и начиналась в домах «генеральная уборка». За несколько минут в доме ничего не оставалось, спали мы на полу, они всё выносили и забирали.

За малейшую провинность людей избивали, женщин насиловали.

В начале 1943 г. в местечке появилась подпольная организация, которая распространяла листовки со сводками Совинформбюро и помогала продуктами голодающим детям. Они собирались в нашем доме.

17-го марта 1944 г. советские войска освободили м. Черневцы. Советских солдат встречали восторженно, люди ликовали. Но радость омрачилась горем. Налетели самолёты со свастикой и подвергли местечко бомбардировке, оставив страшную картину. Везде лежали трупы солдат и офицеров, а рядом трупы детей и взрослых. Во время этой бомбёжки, не успев добежать до крыльца своего дома, осколком, попавшим прямо в сердце, был убит наш дедушка Садецкий Гершон. Прожить такую трудную, невыносимую оккупацию, потерять на войне двух сыновей: Шлойму и Иосифа, зятя — Снитмана Пинхаса и погибнуть в день, когда, казалось, что уже всё позади. Три дня черневчане хоронили своих односельчан и воинов, погибших во время вражеской бомбёжки. После войны им был воздвигнут памятник возле Павловской школы.

В эти дни через местечко проходила танковая колонна, и многие молодые ребята ушли с ними добровольцами на фронт, добывать фашистского врага. К сожалению, многие не вернулись с полей сражения и приходили «похоронки» в дома наших земляков. Погиб, погиб, погиб! Мы потеряли наших отцов, они ушли в первые дни на фронт и не вернулись. Это Садецкий Шлойма Гершенович, был секретарём сельсовета (отец Раи), ему было 30 лет. Снитман Пинхас (отец Бети), прошедший финскую войну, получивший ранения и, не долечившись от ран, ушедший на войну с фашистами. Наши отцы так и не узнали, что у них в 1941 г. родились в гетто дочери. Наши несчастные матери-вдовы с бабушками, потерявшими любимых сыновей, сумели пережить горе, выстоять, сохранить нам жизнь.

Мы родились в одном доме с разницей в полтора месяца. Под окнами стояли румыны и требовали тишины, чтоб роженицы не кричали и чтоб не было слышно плача детей, иначе всех расстреляют. И здесь наши мамы выдержали молча физическую боль, а родные своими телами прикрывали двери и окна, чтоб на

улицу не проник ни единый звук. В наших семьях погибли все мужчины, остались молодые вдовы с маленькими детьми на руках, несчастные матери, которые потеряли своих любимых сыновей. Да будет благословенна их память. Мы помним вас, наши родные, дорогие, любимые!!!

1. Дедушка — Садецкий Гершон
2. Его сын — Садецкий Шлойма (Соломон)
3. Его сын — Садецкий Иосиф
4. Его зять — Снитман Пинхас (муж Садецкой Сарры)
5. Брат Раиной мамы — Гальперин Наум, 1921 г.р.

И ещё многие близкие, родные, которых мы не помним и не можем назвать.

Финкель Бетя после окончания школы и медучилища работала медсестрой в гор.Тюмени.

Литвак Рая работала заведующей сберкассы в гор.Кишинёве.

Родители Бетти Финкель работали до войны в собственном магазине м.Черневцы.

Мама Раи работала бухгалтером, отец — секретарем сельсовета.

Шафир (Лехт) Фаина

Родилась в местечке Черневец Винницкой обл. в семье мастерового-артельщика быткомбината. Отец — Шафир Михаил, работал там портным. Мать Ита была домохозяйкой. Нас было двое детей — я и брат Борис. Жили в дружбе и достатке, как и все жители местечка. Местечко было на 90% еврейским. Было там ткацкое производство, клуб, где всегда было много веселья и проводились все местечковые мероприятия.

И когда грянула война, мы поняли, что горе придёт и в наш дом. Через месяц немцы ворвались в местечко. Сразу же окружили всё местечко солдаты с собаками. Согнали всех к сельсовету. Вырвали из толпы 8-х евреев (несмотря на возраст), надели им из веревок петли на шею, привязали к петлям камни и бросили их в речку Упыст с моста.

Затем люди поняли, что их всех ждёт скорая смерть, и стали прятаться кто, где может, по подвалам, по схоронам. В местечке у шойхета Фавл многие спрятались в подвале. Но и это мало, чем помогало. Многие местные жители русские, украинцы пошли служить к немцам в полицаи. А ведь они знали очень хорошо, где жили евреи, и облавы следовали за облавами, выловленных евреев ждала только смерть.

В местечке было 6 синагог. Сразу же по приходу немцы облили их керосином и сожгли все. Люди прятались в погребках, в холоде, без еды. Помню, моя бабушка Рухл Дрялюк от холода и голода в подвале умерла, и невозможно было даже её где-то похоронить. Полицаи занимались мародерством, избили моего деда Шимона Дрялюка только за то, что он не хотел отдать им кирзовые сапоги. Мать моя постриглась наголо, притворялась, что она тифозная, чтоб немцы не трогали наш дом. Акции следовали за акциями, забирали людей с утра, люди не знали, вернуться назад или их убьют. После немцев пришли румыны, которые тоже зверствовали. Но не так, как немцы.

Освобождение пришло 24 марта 1944 г. За многие месяцы мы вышли из погребов, где смогли хоть посмотреть на солнце. Кошмар длился долгих 3,5 года. Во время освобождения при бомбёжке погибла моя двоюродная сестра Двойра.

После войны мы переехали в местечко Меджибош Проскуровская обл. С 1950 г. по 1990 мы прожили в г.Каменец-Подольском Хмельницкой обл. В 1990 году переехали в Израиль. Муж умер в 1990 в Будапеште по дороге в Израиль, похоронен в г. Лод в Израиле. Сын живёт в Ашдоде. Дочь живёт в Бруклине в Америке.

Яблочник (Гельман) Аделя

*Отгремели набатом.
Отswerкали салютами
Годы грозных боёв.
Изучать будут правнуки,
Как в году 45 на Востоке и Западе
Мы разбили врагов.
Молодые и старые:*

*Жёны, сёстры и матери,
И завод, и колхоз,
Рядовые и маршалы —
Каждый жил для Победы
И к победе за партией
дружно шёл
Весь народ.*

Жила с родителями и сестрой в маленьком местечке Черневцы на Винничине, которое расположено на берегах реки Мурафы.

21 июля 1941 года гитлеровцы без всякого сопротивления со стороны Красной Армии вошли в наше местечко Черневцы. Войдя в местечко, они 13 местечковых евреев-активистов расстреляли, а через некоторое время 12 евреев были брошены с моста в реку Мурафу, бросивши их, стреляли им вслед. Страшно вспомнить. В нашем местечке было много беженцев из Польши, Буковины, Румынии и Молдовы.

Жизнь в гетто становилась с каждым днём невыносимей. Люди на улицах замерзали. Голод, холод, нищета, страх одолевали всех. Каждая семья приютила в свою семью беженцев, которые приехали к нам. Людей постоянно гнали на работу, их не кормили.

Мне на всю жизнь запомнились события, когда нас всех дважды выгоняли на базарную площадь, оставляли дома открытыми и велели взять с собой документы и ценные вещи. Мы с сестрой и родителями шли, прижавшись друг к другу, а из толпы доносились звуки: «Идн! Мы фирт ену цы дыр шхиты!» Мы были детьми, знали еврейский язык и говорили по-еврейски, но слова «шхиты» мы не поняли.

Обняли нас крепко мама с папой, плакали и говорили, что два брата ушли на войну, а мы тут тоже мучаемся и не знаем, что с нами будет.

Мой подробный рассказ есть у Стивена Спилберга, а мне прислали кассету и благодарное письмо за мой подробный рассказ.

17 марта 1944 года советские войска без особого сопротивления вошли в наше местечко Черневцы. Вдруг в небе раздался гул моторов и из самолётов посыпались бомбы. Через пару часов люди вышли на улицу и увидели страшную картину: всюду лежали трупы солдат, офицеров, местных жителей, детей. Оставшиеся в живых — их оплакивали и хоронили. Я вышла на улицу и увидела целую семью: мать с тремя дочерьми лежат убитыми. Отец их погиб на фронте. Когда их бабушка вышла на улицу искать свою дочь и троих внучек, увидела их мёртвым, и мать, и бабушка получили разрыв сердца. Похоронили их в одной могиле. Всё местечко их провожало в последний путь.

И ещё запомнилось одно увиденное: мы жили возле банка, так около стены банка сидел застывший солдатик с котелком в руках. Мне было очень страшно

смотреть на это зрелище. В наши опустевшие Черневецы приезжают кинематографисты из Киева, Санкт-Петербурга, Москвы, даже из Парижа, ибо еврейская тема нынче в моде.

Ежегодно в Израиле бывшие жители нашего местечка в марте месяце собираются на встречи. Приезжают люди из Америки, Канады и со всех городов Израиля.

20 марта 2004 г. собрались все, оставшиеся в живых, жители местечка Черневецы в ресторане «Фаворит» в Ришон-ле Ционе в честь 60-летия освобождения наших Черневец от немцев и румынов.

На встрече мы пели песни, которые сочинили сами:

*Я часто вспоминаю отчий дом.
Местечко Черневецы, что на Подолье.
О детстве нашем босоногом том,
о мирных днях и до неволи.
Местечко Черневецы — моя любовь.
Мечтою я живу, что встретимся мы снова,
местечко Черневецы — моя судьба,
в тебе моя душа,
с тобою я всегда, моё местечко*

Наш земляк Борис Быков написал стихотворение «Моё местечко». Приведу концовку этого стихотворения:

*Жизнь идёт. Союза нету.
Внуки семьи создают.
Мы разъехались по свету
Нам вопросы задают:
«Кто же вы? Откуда родом?
Где исход ваш, наконец?» —
Мы являемся народом,
Что из Малых Черневец.*

ГЕТТО ЧЕЧЕЛЬНИК

Гетто было организовано в еврейских кварталах, где разместились около 1000 евреев Чечельника, Кодыми и Песчаной. Кроме того, осенью 1941 года в Чечельник прибыло более тысячи евреев из Бессарабии и Буковины. В 1943 году румынские власти отправили 60 молодых евреев на работы в Николаев, 15 из них погибло. 17 марта 1944 года Чечельник освободили.

Аронис (Шаповалова) Любовь

Родилась 17 марта 1928 г. в местечке Вад-Рашков, Котюжанский район, Бессарабия (Румыния).

В июле 1941 года в нашем местечке началась эвакуация. Наша семья поспешила эвакуироваться вместе со всеми, но далеко мы не успели уйти. В местечке Песчанка нас догнали немцы. Всем велели возвращаться по своим домам. Наша семья успела дойти до Ольгополя. В местечке Ольгополь находились немецкие и румынские части. Была полная неразбериха. Были схвачены 20 человек, и в эту «двадцатку» вошли наш отец, старшая сестра Соня и её муж. Этих людей вывезли в с. Любомирка, где они и были расстреляны. Через некоторое время оставшимся было приказано возвращаться домой. С небольшими узлами дошли мы до Чечельника, куда прибыли евреи из Молдавии и Буковины. Огородив две улицы, согнав всех в одно место, создали гетто.

В гетто начался тиф, болели все. Сначала мама и сестра Голда, а потом я и мой брат Михаил. В гетто, несмотря на возраст, все должны были работать. Я работала на очистке железной дороги от снега, на полях — выкапывала мёрзлую свёклу для сахарного завода. Мы были одеты в тряпье, одежды не было, а был мороз и снег выше колен. И так каждый день нас гнали на разные работы: на сахарный, спиртной завод, на уборку полей, на разгрузку товарных вагонов на железнодорожной станции. Никто не хотел знать, есть силы или нет. Не хватало еды. Питались только тем, что смогли добыть или с поля, или по дороге в гетто после работы.

После освобождения Красной Армией 17 марта 1944 г. мы вернулись домой в Молдавию, в родное местечко, и на месте дома нашли только пустоту.

Белоцерковская (Фарбер) Рива

Родилась в многодетной семье 1 февраля 1932 года в г.Рыбница, Молдова. Было у меня 3 брата и 6 сестер.

Отец — Фарбер Шая Аронович (1883-1967 гг.), до войны и после ее окончания работал стекольщиком в колхозе (потом совхозе).

Мама — Фарбер Хая Иосифовна (1886-1983 гг.), обхаживала детей, вела домашнее хозяйство, помогая папе содержать большую семью.

Жили мы дружно, помогая родителям.

До начала войны я окончила 3 класса семилетней школы.

Старший брат, Фарбер Абрам Шаевич, 1913 г. рождения, к тому времени, получив образование, служил в рядах Красной Армии, был командиром танковой части в г.Шепетовка. Пропал без вести.

Когда начали бомбить г.Рыбницу, родители и 9 детей попытались самостоятельно эвакуироваться. Маме приснился сон, что если мы придем в гетто г.Чечельник, то останемся в живых.

Но по дороге в г.Кадыма Одесской области нас захватили немцы вместе с другими беженцами. В первую же ночь парней и молодых мужчин отобрали и расстреляли на глазах у всех. Среди них был и мой брат Эршель. Ему было 18 лет. Он только окончил школу.

На следующую ночь повели на расстрел всех задержанных. Выстроили нас у края рва. Мы держались друг за друга. Сразу же после первых выстрелов отец крикнул, чтобы мы прыгали в ров. Поверх нас падали окровавленные человеческие тела. Так мы пролежали до утра, чудом оставшись в живых. В ту ночь таким образом удалось спасти до 80 человек. Первым из рва выбрался отец и стал звать нас, вытаскивая из-под груды мертвых тел по одному. Но 2-х из нас пуля все-таки настигла. Сестра-близнец Бетя (1932 г. рождения) и брат Иосиф (3 года) остались в этом рву навечно.

Теперь уже 6 детей вместе с родителями продолжали свой путь в направлении г.Чечельник по лесу, обходя дороги, останавливаясь на ночь в скирдах соломы. Питались мы мерзлой свеклой, картошкой. Я совсем обессилела, не могла идти. Решили оставить меня у незнакомой женщины, отдав все, что нашлось у родителей: часы наручные, серебряные ложки, какие-то вещи, чтобы было, за что похоронить на случай, если умру. А сами пошли дальше.

Женщина отходила меня, но боялась, что могут заявить на нее, и поэтому сказала, чтобы я покинула ее дом. Я долго ходила по селу в поисках родителей и сестер, спрашивала у встречных, не видели ли они моего папу с детьми. И отправилась сама в направлении г.Чечельник. Застряла в снегу, когда слышу, что меня зовут. Это был мой папа, он шел мне навстречу.

Где-то в декабре 1941 г. добрались мы до лагеря-гетто г.Чечельник Балтского уезда. Отец нашел пустой домик без окон, без дверей на еврейской улице. Забил

окна досками. И началась жизнь в гетто. Немцы привлекали евреев к различным полевым, погрузочным работам. Разрешали черпать воду из глиняной ямы в течение 1 часа в сутки. Эту воду отстаивали, варили на ней мамалыгу, супы какие-то, пили ее. И тут еще одна беда — тиф. Болели все, пластом лежали на полу. Кое-как я где-то нашла старый чайник, соорудила на кирпиче «печку», кипятила воду, смачивала всем губы.

И опять чудом все остались живы. Поправившись, я ходила на работу. Старших сестер Еву, Полину, Зину мама прятала от глаз немецких. И я работала и за них, и за себя.

Помню, как-то несла я мамалыгу папе на обед. Поймали меня немцы, били, для чего-то брали кровь. Потом 3 дня я пролежала в каком-то помещении. А нашел меня папа.

Освободили нас в апреле 1944 года. Вернулись в г.Рыбница все: 6 детей, мама, папа. Восстановили разрушенный войной дом, я окончила 7 классов, пошла сразу же работать.

В 1950 г. вышла замуж, работать продолжала на трикотажно-бельевой фабрике. Оттуда и на пенсию ушла. Вырастила 2 детей, 2 внуков, растут 3 правнука.

В Израиль приехала с мужем Белоцерковским Шапша Ихиловичем в 1998 году. Вскоре, в 1999 году, муж умер.

В настоящее время сестры Поля и Зина, бывшие узники гетто, живут в Америке, Лиза — в Израиле. Рая и Ева умерли.

Гельман Яков

Спустя месяц после начала войны к нам после ночного боя вошли немцы. Дед мой, Гельман Фройка, помню, взял лопату, а я пошел, будучи 12-летним ребенком, следом за ним. И впервые увидел, как просто старики хоронили — закапывали молодых погибших красноармейцев.

Немцы на машинах, на танках и пешком, тысячами двигались по шоссе в направлении Балты, Одессы, где шли бои.

Позже местечко заполнили вместе с немцами итальянцы, испанцы, румыны. Походные кухни, пекарни, куда нас ребятишек 12-14 лет гнали на работу вместе со стариками. Немцы ходили по домам и забирали кровати, диваны, стулья для своих нужд. Женщин брали на уборки школ, улиц и т.д.

В одну из ночей нас выгнали из домов туда, где за местечком был ров, и хотели нас просто расстрелять. Помню, откуда ни возьмись, проехал мотоцикл с двумя немцами, приказали нас отпустить, увидев нас голыми, замерзшими. Позже говорили, что это были партизаны. В этот раз обошлось.

Осенью 1941 г. к нам в гетто начали пригонять евреев из Молдавии, Румынии. Это было ужасно, в каждом доме было по 100 и больше человек. Согнали всех в правую половину местечка и сделали гетто. Гибли сотнями ежедневно. Стало холодно, зима, мертвых бросали в специальную повозку и отвозили на кладбище. Это я, 12-летний ребенок, сразу повзрослевший, помню. Еще был тиф. Как мы выжили, одному Богу известно.

Пришли к нам люди из Кодыни, где всех расстреляли. Они после расстрела выбрались из ямы, когда полицаи ушли. В один из дней немцы раздавали отходы от забитого скота. Я стоял в очереди, получил порцию кишок. Мама очень обрадовалась, ведь нас было трое, отец был на фронте. Я пошел второй раз, немец меня, видно, узнал и ударил кожаным сапогом. Кажется, по сегодняшнему дню болит.

В 1942-43 гг. помню, поднимался в 3-4 часа, ходил в село и просил, иногда менял оставшиеся вещи на продукты, возвращался до рассвета в гетто. Потом уже была румынская комендатура, наши евреи знали румынский язык. Я помню доктора Вейцмана, благодаря которому наша семья выжила. Все время я ходил на работу — копал, мыл, колол дрова, делал всю черную работу.

Второй раз, во время отступления меня расстреливали власовцы. Они ходили по гетто вооруженные и собирали все, что им попадало. Они уже все очистили и меня взяли относить им награбленное. С нами был один бессарабский парень. Когда мы им положили все на повозку, один из них зарядил винтовку и нас отвел подальше. Этот парень, что был со мной, начал кричать по-румынски, звать на помощь, румыны полицаи тоже прибежали, услышав свою речь. Один, помню, соскочил с повозки, начал кричать и махать на власовца, тот растерялся, и мы убежали.

Все не опишешь. Только по ночам мне все снится по сегодняшнему дню.

Потом в марте 1944 г. вошли наши войска. Это были радость и счастье.

Копыт Элик

Родился в 1937 году в местечке Чечельник Винницкой области на Украине.

Мать — Копыт Рива Сухаревна, 1913 года рождения.

Отец — Копыт Давид Фишелевич, 1908 г. рождения.

Жили мы у папиных родителей. Было у них 3 сына и 3 дочери. Когда немцы вошли в местечко, в доме начался переполох. Мама взяла меня на руки, мы смотрели в окно на улицу, где, поднимая пыль столбом и грохоча, проезжали немецкие патрули на мотоциклах с коляской. Все были одеты в серое, в нахлобученных на лоб железных касках. У них были пулеметы. В Чечельнике было организовано еврейское гетто, где нас содержали под стражей с июля 1941 г. по март 1944 г. Начались погромы, грабежи. В окна летели камни. Папу, дядю и всех мужчин мобилизовали в ряды Красной Армии. Оставались женщины, старики, дети. На улицу выходить запрещали.

Немцы забрали все золото, ценные вещи. Помню, как мама вышла на улицу и столкнулась с немцами. Они ее так избили нагайкой, что на всю жизнь остались шрамы. Ежедневно выводили на расстрел, многих убивали. В гетто нас мучали голодом, издевались над нами, заставляли выполнять самую непосильную работу. За это жандармерия платила гроши, давали гнилые овощи — картошку, капусту, свеклу, которые отказывался есть даже скот. В сопровождении полицаев очищали железнодорожное полотно на станции «Дошно». Работали с раннего утра до позднего вечера. В таких невыносимых условиях мы находились до марта 1944 года, пока нас не освободили советские войска.

Очень много земляков: детей, женщин, стариков - безвинно погибли от рук фашистских извергов. Только чудо помогло нам остаться в живых.

Фердман (Шаповалова) Голда

Родилась 12 февраля 1927 года в местечке Вад-Рашков, Котюжанский район, Бессарабия (Румыния).

В июле 1941 года, когда началась война, началась эвакуация. Наша семья поспешила эвакуироваться вместе со всеми, но далеко мы не успели уйти. В м.Песчанка нас догнали немцы. Всем велели возвращаться по своим домам. Мы успели дойти до м.Ольгополь. В м.Ольгополе находились немецкие и румынские войска. Была полная неразбериха. Были схвачены 20 человек, и в эту двадцатку вошли наш отец, Илья, старшая сестра Соня и её муж Абрам. Этих людей вывезли в село Любомирка, где они и были расстреляны. Через некоторое время оставшимся было сказано возвращаться домой. С небольшими узлами дошли мы до м.Чечельника, куда прибыли, то есть, пригнали евреев из Молдавии и Буковины. Огородив две улицы, согнав всех в одно место, создали гетто. В гетто начался тиф и другие болезни. Болели почти все, в том числе, и мы.

В живых из моей семьи остались мама Рива, брат Михаил, сестра Люба и я — Голда.

В гетто, несмотря на возраст, все должны были работать. Я работала на очистке железной дороги от снега. Одетые в тряпье, одежды не было, а был мороз и снег выше колен. И так каждый день нас гнали на разные работы. На сахарный, спиртовой завод, на уборку полей, свеклу выкапывали, грузили зерно на железнодорожной станции для немцев и румын. Никто не смотрел, что тебе 14 лет, что ты подросток, здоров или нет. Так продолжалось в течение трёх лет. Не хватало еды. Питались только тем, что смогли «добыть» или с поля, или по дороге в гетто после работы. После освобождения Красной Армией мы возвратились в родные края в Молдавию в Вад-Рашков.

Шнайдер (Ципкин) Хануся

Родилась в 1927 году.

Помню, что с 1 августа 1941 г. находилась в немецком гетто м.Чечельник Чечельницкого района Винницкой области с матерью Ципкиной Рейзья Мошковной, 1903 г., сестрой Ципкиной Марией Рувиновной, 1937 г. Отец и брат находились на фронте и погибли: Отец, Ципкин Рувин Семёнович, погиб в январе 1945 года, брат, Ципкин Мика Рувинович — 4 апреля 1945 г.

Мать с двумя детьми эвакуироваться не успела. Хотя уже прошло 64 года, этот день, когда ворвался карательный отряд, мне не забыть. Нас всех согнали на площади, отобрали мужчин, им дали лопаты и велели выкопать ямы. Стариков тут же расстреливали. Продержали нас целый день, потом оставшихся в живых загнали в школу, солдаты, охранявшие нас, без конца стреляли. И убитые лежали несколько дней с нами, затем нас выгнали по домам. Нам пришлось переступать через трупы расстрелянных.

Вернувшись домой, мы оказались без вещей, окна, двери были побиты, и всё было уничтожено. Нас всех согнали на одну улицу. В одном бараке нас оказалось много. Голодные, в грязи, в холоде. Я заболела тифом, чесоткой. Люди умирали сотнями, и они лежали вместе с живыми. Была создана еврейская община, которая прекрасно знала, что под видом, якобы, на работу нас гонят, чтобы уничтожить. Я боялась одинаково немцев, полицаев и работников общины (когда мы были освобождены, начальник общины Йоська Заславский был осуждён и выслан на работу в шахту Донбасса).

После длительной болезни я полгода не могла ходить — осложнение после тифа. Меня больную, зимой, босиком, раздетую погнали на работу в кагатах сахарного завода выбрасывать гнилую свеклу. Была возможность кормиться этой свеклой, если патруль не замечал. Это было опасно, многие заплатили жизнью. Оттуда очень многие не возвращались. Полицаи тоже издевались, убивали. У нас был всем известный полицай Павло, который имел колоссальную палку метра полтора, в эту палку он забил гвоздь. Когда становилось известно, что Павло идёт, все прятались, а кто не успевал, он проткнёт этой палкой, и это смерть, причём, мучительная. Когда полицаи почувствовали, что войне конец, им необходимо было избавиться от всех евреев сразу, потому что это были свидетели их грабежей, убийств, издевательств. Для этого они убили румына, решив подбросить в гетто, и тогда евреям всем будет конец. Но они были настолько пьяны, что уснули рядом с убитым румыном. Немецкий патруль наткнулся на них. Их всех погнали в г.Ялту, и они все, в том числе, полицай Павло были казнены за убийство румына. По-видимому, есть Бог, только потому, что полицаи признались в своём сговоре, нас в этот день пощадили, и мы избавились от такого жестокого «человека» — Павла.

Однажды, когда нас гнали на работу, немец в очках показал рукой на меня. Смешав стекло с землёй, заставил меня кушать. Я, обливаясь слезами, стала жевать. Этот немец находился на квартире у русской женщины, её звали Настя. Мама побежала к этой женщине и на коленях уговорила её, чтобы она меня спасла. Настя подошла к нему. Начала с ним разговаривать, а мне кивнула, крикнув: «Убегай!».

Неоднократно я попадала в облаву, но каким-то чудом мне удавалось остаться в живых, благодаря хорошим людям. Нам стало известно, что будут расстреливать. И тогда нас несколько человек собралось и пошли пешком в м.Бершадь. Мы шли несколько ночей, прятались, было страшно, но очень хотелось жить. Жители приняли нас, с жалостью смотрели, накормили, но хозяйка, посмотрев на меня, сказала: «Девочка, прости, у тебя чесотка, а у меня дети, поэтому ищи другое место». Я прекрасно понимала, что нигде не смогу ночевать.

Одна женщина работала на крупорушке, она меня пожалела, повела в больницу, попросила фельдшера-старика, он сделал мазь (деготь и керосин) смазал меня несколько дней, и я ожила. Этот человек это сделал с большим риском, потому что, если бы врач узнал, что он еврейку да еще с чесоткой лечил, ему бы — смерть.

Прошло некоторое время, и в Бершади тоже начались расстрелы, и там оставаться стало опасно, и я возвратилась опять в Чечельник. По пути встретила очень много хороших людей. Я была в деревне Вербка Чечельникского района, там люди с жалостью, отрывая у своих детей, выносили еду, одежду. Говорили, в какой квартире полиция и как пройти, чтобы не наткнуться на немцев. Прятаться больше не имело смысла, было очень опасно, и я вернулась в гетто Чечельник, решив, что будет со всеми, то будет и со мной.

Нас осталось очень мало, но мы по сей день встречаемся как родные.

14 марта 1944г. Красной Армией мы были освобождены. И кто знает, может быть, опоздай армия на несколько недель, нас уже в живых бы не было. Да, это был конец великих страданий, продолжавшихся девятьсот три дня. Сотни тысяч замученных голодом и пытками, униженных, оскорбленных людей в большинстве, стариков, женщин, детей, включая малолетних и новорожденных.

Посмертно. Вечная им память!

Яновская Доня

Родилась 2 августа 1932 года в местечке Чечельник Винницкой обл. Состав нашей семьи: отец мой, мама, старший брат и бабушка. Отец мой погиб на фронте во время Великой Отечественной войны, а брат был угнан на работу в город Николаев, где он считался узником гетто. В этом районе, где я родилась, и мама моя, и бабушка находилось гетто, гнали нас на работу под нагайками, издевались над нами. У меня были длинные косы, и немцы всё время вырывали из головы волосы. Мне было очень больно, я плакала, а бабушка меня защищала. После этого её избили до полусмерти, и она лежала на полу там же в гетто, и через 10 дней умерла. Моя мама там простудилась, лежала тоже на полу и умерла.

Я осталась одна, и всё время была в гетто, пока освободили наш район. Дом, в котором мы все жили, разграбили немцы и развалили его. И я осталась голая и босая, приходилось просить помощи у чужих людей, и они мне помогали материально. Пошла в школу и продолжила учиться.

Вот так я прошла всю войну и, слава Богу, что я одна осталась жива, хотя вся семья наша погибла во время войны.

ГЕТТО ШАРГОРОД

Оккупация местечка Шаргород продолжалась с 22 июля 1941 года по 20 марта 1944 года.

В оккупированном Шаргороде оказалось около 1800 евреев. Они были собраны в неогороженном гетто, обязаны носить желтую нашивку на одежде. В течение осени сюда были депортированы около 5000 тыс. евреев из Бессарабии, Румынии. Шаргородское гетто, третье по численности, было известно как самое организованное и надежное.

Грач (Керцбурд) Дора

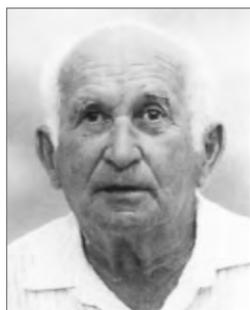
Годы войны. Мое детство — это детство голода, страха и ужасов. Бесконечные слухи о том, что готовы ямы. Ежедневное ожидание смерти. Что может быть страшнее?! Все это отзывалось страшным эхом не только на здоровье взрослых, и детские нервы были под прессом. Взрослые старались отвлекать нас, малышей, от теней страха.

В Шаргороде жила учительница Циля Иосифовна Гройсман. Вокруг нее собирались дети. Центр сбора — ее квартира. Тут нас учили читать, писать, играть. Мы были заняты. Не было времени и желания шалить, пакостить. Вместе с мамами ходили на работу в село Лозова собирать листья табака. Убирали у немцев, а затем у румын. Такой распорядок и жизнь сплотили нас. Мы и теперь дружим: перезваниваемся и переписываемся. Дружественные отношения были и с украинцами. Многие из них протягивали нам руку помощи, рискуя своей жизнью. У моего отца в селе Бараболивка был друг Соколовский Семка. Они поселили нас в своем доме. Неподалеку от них находилось жилье самого страшного полицая — Саввы Богацкого. Он был исчадием ада для всех обитателей Шаргорода (евреев и украинцев). Кто-то донес, то ли сам что-то учуял. Как коршун носился он над этим домом. Ночью Аниська (жена Семки) отвела нас к сестре Крижановской Ганне. К сожалению, семья Семки погибла от туберкулеза. Осталась одна дочь Вера. Такие поступки незабываемы. Память о них до сих пор живет в моем сердце.

Из Румынии в Шаргород были высланы евреи Сучавы, Кимполунка, Дорогая и других румынских городов. Кто успел поселиться в домах, те относительно были спасены от эпидемий. Остальные селились в синагоге. Естественно, никаких условий для жизни не было. Антисанитария унесла несчётное количество жизней. Количество унесённых исчислялось количеством увезённых подвод. Врачи, следуя клятве Гиппократу, оказывали помощь больным, рискуя собой. Хочется вспомнить врача из Кимполунга — Шнайха Зиги. Он остался в братской могиле в Шаргороде.

Во время весны, освобождая землю Румынии, отец встретился с семьёй Шнайх. Очень трогательны были эти воспоминания.

Дойчер Изя

Родился в Вижнице, Сторожецкий р-н Черновицкой области. В 1940 году местечко заняли русские, а в 1941г. — румыны, и нас отправили конвоем вместе со всеми евреями в лагерь Затишье — Шаргородский р-н. Гоняли нас пешком днём и ночью, ночевали, где попало (в конюшнях, со скотом, голодные, раздетые), кто умер по дороге, пока добрались до гетто Затишье. В гетто умер отец (был инвалидом 1-ой мировой войны), а я, сестра и мама каждый

день под конвоем шли на работу.

Только в 1944 году, когда нас освободили, втроём (сестра, мать и я) вернулись в Черновцы.

За четыре года в лагере 1941-1944гг. каждый день приходили жандармы, выстраивали, поверяли, били и считали, как овец.

Дойчер (Гольц) Флора

Родилась в 1933 году в Черновцах. В 1941 году всех евреев собрали в городской лагерь, откуда через определённое время, приблизительно в ноябре 1941г., нашу семью, т.е. отца, мать, брата и меня, как и другие семьи, отправили под конвоем на место, что называется Атаки. Шёл сильный дождь, и там была глина, не земля, и когда ставил ножку, так вытащить уже не мог, т.е. я не могла передвигаться, несмотря на то, что отец держал меня за руку, а кто не мог идти, того и расстреливали. Отец брал меня на руки и так нес до какой-то лодки, что находилась на берегу Днестра, и кто, как мог, еле держались, чтобы не утонуть. И ещё ночь была, и очень темно, для меня, во всяком случае. Не помню точно, когда мы очутились в городе Могилеве, оттуда — в местечко Шаргород, где улиц не было, как я помню, и дома что-то далеко. Мы находились со многими людьми и спали все вместе на полу из глины. И днём, когда смотрела на улицу, видела, как эсесовец стрелял во всё живое, что шло или пробежало. И там мы были до 1944 года. Потом выбрались и шли куда-то. Много я как ребёнок не помню.

Кредитор Зиновий

Родился в 1940 году, малолетний узник Шаргородского гетто. Из воспоминаний моей матери Кредитор Доры я запомнил один момент из жизни гетто.

Отец, Кредитор Сруль, находился на фронте, а мать осталась с 3-мя маленькими детьми в Шаргороде — старший брат Давид, 1932 года рождения, средний — Аркадий, 1935 года рождения, и я, 1940 года. Мы жили по улице Розы Люксембург, 17, недалеко от речки Мурашки, а через мостик уже находилось село Слобода-Шаргородская, по-уличному это село называли Бараболивка.

Мать нас очень любила и боялась за нашу жизнь, однажды она с нами переправилась через речку в Бараболивку и спряталась у знакомой по имени Мария, фамилию не помню, в подвале. Там было холодно и сыро, я очень плакал, братья меня успокаивали, но это не помогало, ведь я был очень маленьким, и ничего не понимал, и мать была вынуждена закрыть мне рот рукой, а мои братишки радовались, что я уже перестал плакать, и нас не обнаружат.

Кривовяз (Зубкова) Туня

Шаргород — районный центр Винницкой области. В этом местечке родились все наши предки, здесь прошла большая часть нашей жизни — моей, брата Сени Зубкова и сестры Раи Зубковой.

В Шаргороде родились и прожили всю свою жизнь наши родители Зубков Заиви и Зубков Молка.

У нас была очень красивая семья. Наш отец до войны работал заведующим столовой, мама была домохозяйкой, и они занималась нашим воспитанием. Для того времени мы жили совсем неплохо. Я с братом даже ходила в садик, а потом в школу. Учились мы в украинской школе (еврейской уже не было тогда). Я окончила четыре класса, брат два.

Я на всю жизнь запомнила воскресенье 22 июня 1941 г. Мама зашла в дом с улицы и сказала нам, что началась война. У моего папы была бронь до определенного времени, ну, а мама стала готовиться к эвакуации.

Через месяц после начала войны папу моего вызвали в военкомат, дали подводу и лошадь и разрешили уезжать. В этот же день началась бомбежка, а 22 июля в Шаргород вошли немцы.

Мне было 11 лет. Я всю прошедшую жизнь вижу перед собой весь этот ужас и страх. Мы прятались в подвале. Дорога пролегла над нами, и мы слышали цокот копыт их лошадей — это на подводах уже лежало все награбленное по пути, и овчарки охраняли все это. Слышен был гул и даже немецкая речь.

Так началась оккупация. Сразу было устроено гетто, в котором погибли тысячи людей. Наш папа стал членом подпольной организации. Во главе организации был человек, оставленный ЦК партии Украины, еврей Малинский Наум и Гречаний (не помню имени). Они, к сожалению, погибли в застенках гестапо, были преданы.

Папа наш очень много пережил в первые дни оккупации. Его жизни несколько раз грозила смерть. Его бывший начальник Карпенко, председатель сельпо, с первого дня стал работать на немцев. Столовую, где работал наш отец, разграбили дотла. И вот этот Карпенко вызвал моего отца и дал ему 48 часов для восстановления столовой: все имущество — тарелки, вилки, ложки и т.д. Иначе ему грозил расстрел.

В Шаргороде жили очень дружные люди, среди них тоже были все разные. Однако в беде всегда собирались и помогали. Так помогли моему отцу. Собрались наши соседки и ходили из дома в дом, и люди, что могли, отдавали для столовой. В течение 48 часов к нам в дом дважды приходили немцы с полицией, забрали все, что хотели. Главное, что спасли моего отца тогда.

Несколько месяцев длилось пребывание в Шаргороде фашистов, кроме них через город прошли немецкие, венгерские, итальянские воинские части. Мы жили в центре. Напротив нашего дома до войны была построена одноэтажная гостиница. В одно утро мы услышали шум на улице. Выглянули в окно и увидели

колонну людей возле гостиницы, окруженную немцами и собаками, увидели, что из домов выгоняют людей: женщин, стариков, взрослых. С нами жил мой дедушка по отцу. Папу и соседа (у нас был один дом), погнали рано утром на работу в колхоз на сбор табака.

Увидев эту картину, моя мама сказала мне, что я — старшая — останусь с детьми и дедушкой, а она пойдет им навстречу, чтоб они не заходили в дом, а то поволокут деда, а он был почти не ходячий, больной. Наша мама, а ей было тогда 40 лет, она 1901 года рождения, начала сесть, поседела, увидев немцев, переживая за папу, и стала белой. И мама ушла с колонной, мы знали, что это на смерть.

Папе на работе сказали, что в местечке что-то творится, но он не смог уйти с работы, его бы там расстреляли.

Когда гнали эту колонну, мы втроем стояли и плакали, спустилась к нам соседка и тоже стала плакать. Прошло несколько часов, и вдруг явилась мама. Немцы отобрали из колонны какое-то количество людей на работу, остальных отпустили. Мою маму спасла седина. Это был первый страшный сигнал, который подали немцы. Но, слава Богу, больше такого не было.

Потом установился режим румынской оккупации. Шаргород оказался на территории Транснистрии.

Собранные в гетто, мы вынуждены были носить нашивку — желтую шестиконечную звезду, и на доме должен был висеть щит и изображение шестиконечной звезды.

Местечко ведь было небольшое. Начали привозить на машинах румынских и бессарабских евреев. Первые поселились в домах, а те, кого гнали пешком, дошли к нам зимой. А зима 1941-1942 годов была страшная. Оборванные, голодные эти люди уже страшно выглядели, а жить-то уже негде было. Загнали в синагогу, занимали подвалы с выходом на улицу. Собралось очень много людей, недостаток еды, мыла, чистой воды, тепла — и началась страшная эпидемия тифа.

Люди умирали на улицах. Трупы возили штабелями, хоронили в братских могилах.

У нас дома был большой медный самовар. Целыми днями мама наша кипятила его и, что было в доме, тем делилась и подкармливала несчастных.

Потом была создана община, которая очень помогала и спасала людей. Общину возглавил румынский еврей д-р Тайх. Шаргородское гетто было известно на территории Транснистрии как самое надежное. Многие евреи бежали из других мест от немцев и находили здесь убежище. Был даже создан детский дом. После освобождения Шаргорода (весной 1944г.) этих детей вывезли в Румынию, а потом в Израиль.

После освобождения мы еще долго-долго тяжело жили. Все еще было: и голод, и страшный всплеск антисемитизма после такой войны. Наша семья очень сильно это почувствовала. Наш отец ни за что успел посидеть в тюрьме. Но, Слава Богу, Сталин вовремя умер, и это нас спасло.

Позже, уже работая во Львове, наш брат Сеня подвергся нападкам антисемитов. Он вступил в партию, но и это не помогло.

В 1970 году он решил, что надо уезжать в Израиль. Его долго мучили и, наконец, он уехал туда как изменник Родины.

Приехал в Израиль в 1973 году. Выучил язык, работал, был в восторге от страны. Звал нас всех, но мы очень долго собирались. Брат заболел тут страшной болезнью и умер. Родители умерли там. Очень жалеем, что так долго не решались приехать. Дай Бог, чтобы жила и процветала наша страна такая маленькая, такая большая и красивая, чтоб наши дети и внуки могли здесь жить и быть счастливыми.

D. Olere

Петербургский Михаил

Родился в местечке Шаргород Винницкой области.

Местечко вело спокойный, провинциальный образ жизни, который нарушила война. С этого момента все стали считать время до войны и настоящее, неизвестное.

Мы мальчишки сначала не понимали, что происходит, но после первой же бомбардировки стало ясно, что это не игра, и мы сразу повзрослели.

Вскоре появились немцы на лошадях и машинах. Первый свой приход они отметили убийством женщины. Мы почувствовали большое напряжение во всем: плохо стало с питанием, был наложен запрет на свободное передвижение по местечку, хотя колючей проволоки вокруг местечка не было. Вечером необходимо было плотно занавешивать окна.

В наше местечко согнали евреев из Румынии, Бессарабии, и нам, местным жителям, пришлось потесниться и поделиться с беженцами не только кровом. Бабушка приняла к нам двух бездомных мужчин. Кстати, один из них стал вскоре членом нашей семьи.

Большая скученность, отсутствие полноценного питания, отсутствие медицинской помощи — все это привело к возникновению эпидемий. Особенно страшным был тиф! Он косил ежедневно десятки людей. Эта беда не миновала и нас. Моя мать заболела и вскоре умерла. Все оставшиеся в живых, кроме меня и бабушки, тоже заболели. Только благодаря соседке-украинке, ее доброму сердцу и помощи нам удалось выжить.

А жизнь продолжалась! В нашей семье, которая насчитывала 10 человек: дедушка с бабушкой, две тети, племянник и нас 4 брата и сестра: Леня — 13 лет, Люся — 9 лет, Миша — 7 лет, Шуня — 4 года и Хаим — 8 месяцев. Средства существования добывались следующим образом. Бабушка пекла хлеб и продавала, хороший друг семьи давал нам соль, краски, дрожжи, и мы продавали, обменивали старые вещи в близлежащих селах на продукты.

Печь хлеб — хлопотное, тяжелое дело. Необходимо заготовить топливо, муку, воду и другие компоненты. Так что всем доставалось. Командовала всеми операциями тетя Ида (мамина сестра). Я занимался доставкой и расфасовкой соли для продажи. А Леня, по внешности не очень похожий на еврея, ходил по селам и обменивал старые вещи на продукты. Не всегда эти выходы заканчивались успешно.

Размещались мы следующим образом: я с Шуней спали на печке (нам всегда было тепло), Хаим спал с дедушкой, Люся спала с бабушкой.

Вскоре немцы выселили нас из нашего дома, и нам пришлось перебраться в подвал. Меня, как сироту, поместили в детдом, который при помощи беженцев из Румынии, организовали при гетто. Питание было скудное, и некоторые не выдерживали и ухищрялись облегчить свое положение. Одного парня застали на складе, вывели его оттуда, и на глазах всех детей расстреляли. Помнится и та-

кой эпизод: многие бросились на мельницу, чтобы чем-то поживиться. В это время появился немец, и все разбежались. А один мужчина глухонемой не успел убежать, и тут же был убит.

Самым радостным днем был день 19 марта 1944 года, когда партизаны вошли в местечко и объявили о нашем освобождении.

Часто по ночам я вспоминаю этот кошмар, и до сих пор не верится, как мы, по существу, сироты, сумели выжить в этом аду.

К сожалению, с нами уже нет Лени — Светлая ему память!

А все мы обзавелись семьями, счастливо живем в Израиле, поддерживаем теснейшую связь между собой, но те тяжелые дни не забываем, рассказываем о них нашим детям и внукам.

Пизман Хаим

Родился 17 мая 1934 года.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. по своей масштабности и жестокости глубоко запечатлелась в моей детской памяти. Фашизм, который распространился по всей Европе, быстро докатился до маленького еврейского местечка Шаргород и ставил своей целью, в первую очередь, уничтожение еврейского народа и мировое господство.

Немецкая армия вместе со своими союзниками — сателлитами — быстро оккупировала всю Европу.

22 июня 1941 г. тяжёлый безрадостный день в моей детской памяти. Отец, Пизман Шика Хаимович, ушёл сражаться на фронт, защищать свою Родину, а мать, Пизман Роза Гедалевна, с тремя детьми осталась на оккупированной территории. Вернулся отец в начале 1946 г., о его жизни и сражениях с фашистами — отдельная страничка его судьбы.

Мне на начало войны исполнилось 7 лет. Кроме меня в семье ещё была сестра Ривка 4,5 года и брат Срулик 3,5 года.

Трудно описать все те годы, трудности и трагедию нашего народа.

Когда фашистская армия в сентябре 1941 г. оккупировала м.Шаргород, было создано гетто, которое разделило населённый пункт на две половины. Одна половина евреев по ту сторону нового стадиона и старой синагоги, а вторая часть — в сторону речки Мурашка на улице Набережной, где мы жили пока в своих домах.

Всем евреям приказали носить повязки с жёлтой Звёздой Давида, и, где бы мы ни появлялись, все знали, что мы евреи. Появление без обозначения сурово каралось оккупантами.

Холод, голод, нужда и болезни — всё это сопровождало нас весь период оккупации. Это тяжело вспомнить.

Холодной поздней осенью 1941 года этапом пригнали из Бессарабии, Буковины и северной Румынии десятки тысяч евреев, которые временно селись по всей территории Винницкой области Украины.

У нас была маленькая 2-х комнатная квартира без воды, туалета и пр. удобств. И в этой квартире поселилось ещё две еврейские семьи. Люди спали на мёрзлом полу, без бани, пищи и тёплой одежды. Людей заедали вши, кожные и пр. заболевания, голод. Помню все имена и фамилии румынских евреев. Семья Бокалу — Мойше, Ицик, Дина, семья Роз — Шлема, Ривка, Янкель, Тема и другие. Шлема Роз был моего возраста, а Ицик Бокалу на 5 лет старше. Покойная мама помогла им выжить и подсказывала, как можно добыть пищу и не умереть с голоду и болезней в условиях гетто.

Немецкие солдаты и румынские бандиты спецгруппы особого назначения бесчинствовали на нашей территории — была создана румынская администрация: мэр-претор, полиция и другие службы, которые подчинялись администрации Транснистрии и Румынии.

Румынские приспешники поражали даже немецких солдат и украинских полицаев своей жестокостью и продажностью.

Во время оккупации всё наше небольшое имущество и дом были разграблены румынскими захватчиками. Покойной маме было очень трудно, сестра и брат были маленькие, а я уже помогал маме, которую гнали на работу: то на табачные и свекличные плантации, то на строительство дороги Шаргород — Мурафа и на ж.д. станцию.

Я собирал абрикосовые косточки, гнилую картошку и др. продукты, чтобы не умереть с голоду. Ходили по близлежащим сёлам, и украинцы давали кушать и помогали, чем могли.

Остались в моей детской памяти украинские семьи: Самборские, Кухаренко, Дивогриць и другие, которые помогали, чем могли, и перепрыгивали евреев. Мы им за это будем всю жизнь благодарны и признательны.

Выходить за пределы гетто было нельзя, людей за это сурово наказывали. Но мы, дети, прорывались и проходили под видом украинцев перед продажными румынскими и украинскими полицаями. Помню, как изопрённым способом избивали евреев и моих родственников румынский полицай по имени Ляца и украинский полицай, кажется, по имени Стах, проявляя свою патологическую ненависть к еврейскому населению.

Вот один эпизод из моей жизни. На территории христианского монастыря румыны устроили часть своей администрации и организовали производство хозяйственного мыла для румынской армии. К работе привлекалось местное население. Сушили мыло летом в окнах и на солнце. И мы, дети, и я, в том числе, ходили воровать мыло, чтоб у речки постирать белье и избавиться от вшей. Первый поход удался, а на второй раз нас заметили и началась ругань и стрельба. Мы удрали без мыла, а пули просвистели над нашими головами, и мы чудом остались живы. У меня на три дня от страха отнялась речь.

Или другой эпизод. Осенью 1942 года меня с братом румынские полицаи загнали в здание бывшей санстанции и сделали нам дезинфекцию. Нас переодели и потом отпустили, я это хорошо помню. Покойная мама нам после войны всё это рассказывала. После этого мы тяжело заболели. Нас сопровождали разные болезни: паратиф, легочные болезни, скарлатина и др. Румынские врачи-евреи сказали, что только больница может нас спасти. А на территории бывшего детского дома находилась румынская больница, где лечились румынские солдаты, полицаи, их семьи. При помощи украинской женщины тётки Ани меня с братом под видом украинских детей поместили в больницу и лечили от скарлатины. За 12 таблеток стрептоцида мама отдала все папины вещи и часы, которые смогла спрятать в сарае от захватчиков. Спасибо всем тем людям-украинцам, которые спасали нас от годной смерти и болезней.

Что я только не видел своими детскими глазами. Это только два эпизода маленьких из нашей тяжёлой жизни времён оккупации. А таких эпизодов было множество.

Каторжный труд, инфекционные болезни, голод, холод и постоянный страх косили людей один за другим. Не надо было убивать, люди умирали на ходу.

Люди так привыкли к смерти, что трупы могли находиться рядом с живыми. Румынские солдаты вырывали у трупов золотые зубы и снимали одежду. От тяжёлого труда и болезней люди даже не просыпались. Очень большая смертность была среди румынских и бессарабских евреев. Тысячи евреев похоронены на еврейском кладбище. Всё это частично происходило на моих глазах. Я своими детскими глазами видел, как голые трупы укладывали на подводы и закапывали в глубокой и мёрзлой земле.

Три года кошмара, издевательств, унижений, страха не прошли даром. Не все пережили этот ад. Дали о себе знать желудочные и лёгочные заболевания. У меня после войны обнаружили открытую форму туберкулёза. Я долго лечился, и советские врачи спасли меня.

В марте 1944 г. нас освободила Красная Армия.

Помню, как люди ликовали, плясали. Возле райисполкома состоялся митинг, на котором выступили освободители и освобождённые, которые рассказали обо всех ужасах немецкой и румынской оккупации и планах Красной Армии по освобождению всей Европы.

Во время немецкой и румынской оккупации в ряде сёл района были группы партизан, которые узнавали через налаженную связь все новости с фронтов, занимались подрывной работой, а после освобождения влились в ряды армии.

Радости не было предела, и румынские евреи с песнями уезжали на свою родину. Я запомнил слова из их прощальной песни: «Шаргород, ди бист а штейтеле цим гидейнкин, Шаргород, ейх вел нух дир Кейнмул нит бейнкин». Их можно было понять, после тяжёлых лет изгнания.

Сразу после освобождения была восстановлена советская власть. В сентябре 1944 г. я поступил сразу во второй класс Шаргородской средней школы.

После окончания средней школы в 1953 г. я получил заочное среднее образование, а потом в 1968 г. окончил Киевский торгово-экономический институт. Последнее место работы в организациях г. Винницы.

Не могу описать все подробности конкретно и достоверно. Я описал только маленькую часть того, что видел и слышал сам, а так же узнал из рассказов моей покойной мамы. Но я всегда видел и знал, что День Победы чтят и помнят в нашей семье и всегда поднимают бокал за тех, кто не дожил до Великой Победы. Вечная им память!

В настоящее время я проживаю в государстве Израиль. Репатриировался в 1994 году.

Розенкранц Таня

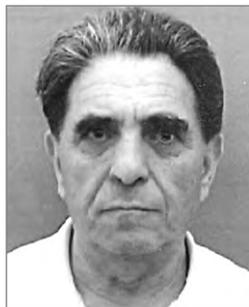
Родилась в 1936 г. в Винницкой обл., г. Шаргород, в многодетной семье. Нас было семеро детей. Я помню, когда началась война, мы собирались уезжать из города. Только выехали, нас догнали румыны и мадьяры, вернули нас домой. Мы остались в Шаргороде. Через несколько дней начали обносить город колючей проволокой, образовали гетто. Нельзя было выйти за пределы гетто. Базара не было, приходилось маме идти на украинский базар. Сначала меняли вещи на продукты, потом старший брат пробирался на мельницу. Ему было 13 лет, он помогал грузить мешки с мукой, ему давали 1 кг, 2 кг муки. Сестра работала у полицая, убирала. Потом мы все заболели тифом, врачей не было, лечили друг друга.

Потом пригнали, как стало овец, из Бессарабии евреев разместили по квартирам, у нас была 2-х комнатная квартира, поместили 16 человек. Один Бог знает, как мы мучались. Вечером нельзя выходить на улицу, только до 16 часов. Кого ловили, тоже избивали.

Мама рассказывала, что была далёкая родственница, жила в Умани, там был погром, так она убежала с мальчиком пятилетним и дорогой потеряла его. В Хашцевате был погром, переправлялись через реку Буг. Были единицы, кто мог спастись. Мама много рассказывала, как из Терновки, Гайсина и других городов и сёл бежали, кто смог. Уже были списки, так поговаривали в общине, что должен прибыть карательный отряд, который занимается истреблением евреев.

Сердце болит, когда вспоминаешь о том, что мама рассказывала.

Футорян Иосиф

Родился в 1932 году.

Когда началась война, мне было около 9-ти лет, мы с товарищами сидели на вишне и собирали ягоды. Вдруг слышали, как будто бы катают железные бочки по нашей брусчатке, а потом, когда увидели самолёты с чёрными крестами, низко бреющими. Мы страшно испугались и бегом домой.

В доме полно людей кричат, галдят. Мама меня увидела и кричит мне, что пропал братик, которому было всего 1,5 года. Я бегом пустился искать его. Нашёл его на другой улице, стучащего ножкой в дверь нашей тётки. Схватил его в охапку и бегом домой.

Дома соседи так и не расходились, боялись всего, а мама моя была образованная и пользовалась большим уважением, так и просидели всю ночь в нашей малогабаритной двухкомнатной квартире, и мама их успокаивала. А наутро пришли немцы. Было очень страшно. Они шли, дико оглядывались, в чёрных мундирах с автоматами наперевес. Рукава по локоть закатаны. На лай нашей собаки Джека раздалась автоматная очередь, и лай прекратился. В эту ночь к нам пришли, забрали нашу маму в госпиталь носить воду.

Как мама рассказывала, наставили дырявые бочки. Они носили воду, сливали в бочки, а вода выливалась. Так мучались всю ночь, пока один из офицеров ногами не разбил все бочки. Меня заставили принести в госпиталь нашу железную кровать. Я её разобрал и по частям принёс.

На улицу боялись выйти. Пока организовали еврейскую общину, была неразбериха. Потом, когда передовым немецким частям, что-то надо было, они всё через общину требовали. Те ходили по домам и всё собирали. Эти же немцы, которые были у нас в местечке Браилов, всех евреев вырезали, потому что они не смогли принести требуемое.

Наша семья жила до войны зажиточно, многие об этом знали. И вот, когда организовали полицию, они водили к нам немцев, и нас грабили, забирали всё, что нравилось. После таких визитов маме редко, что удавалось найти, чтобы выменять на кусок хлеба.

В нашем местечке Шаргороде проживало всего около 3-х тысяч человек. А когда стали прибывать беженцы из разных мест Румынии, Буковины, Бессарабии, Шаргород стал очень густонаселённым местом. К нам в маленькую квартиру вселили ещё три семьи. И так у всех. Нас стали гонять на разные работы и ребят тоже. На бахчу привели, нас, пацанов, построили в шеренгу и стали требовать, чтобы расстегнули ширинки и показали, а потом страшно смеялись.

Так же нас гоняли на поля собирать листья табака, нанизывали на шпагаты и сушили. Ну, а потом пошли болезни. Я заболел тифом. Мама вначале прятала меня на печи, а потом меня нашли и повезли, на краю Шаргорода организовали типа больницы. Оттуда каждый день на санях зимой вывозили трупы на кладбище и закапывали всех в общую яму. Мне удалось выжить, мама ночами пробиралась

мимо патрулей ко мне, перестилала, подкармливала, так я выжил. Когда меня привезли домой, я был высохший, как щепка. Руки и ноги дрожат. Но постепенно я стал приходить в себя. Так время шло, и люди, а особенно мы, дети, даже странно, стали привыкать к тому, что каждое утро видели увозящие на кладбище сани с трупами, лежащими вперемешку женщинами и мужчинами. И наконец-то мы дожили до того времени, когда в одно весеннее утро увидели солдат в телогрейках, наших советских солдат.

Шнайдер Арон

Родился 10 марта 1926 года в местечке Атаки в Бессарабии, Румыния.

В 1940 году советские войска освободили Бессарабию и присоединили к Молдавии. В 1941 г. началась война. Мои родители родились на Украине, и мы бежали в местечко Озаринцы Винницкой области Могилев-Подольского р-на, надеясь встретиться с родными.

21 июля 1941 г. в Озаринцы вошли немцы. В тот же день всех евреев согнали в синагогу и продержали несколько часов. Потом вывели группу молодых мужчин, якобы, на работу. Среди них был мой отец, Шнайдер Аба Хаймович, 1898 года рождения. Больше мы его не видели. В тот день было убито 23 человека, а 28 июля убили ещё 30 человек. Погибло тогда более 50 человек. Начались расстрелы жителей. Наша семья — мать, Шнайдер Гузя Соломоновна, я, Шнайдер Арон Абович, 1926 года рождения, Шнайдер Хана Абовна, 1930 года, брат, Шнайдер Михаил Абович, 1932 года, и брат, Шнайдер Семён Абович, 1939 г.р. бежали из Озаринца в Шаргород Винницкой области. Мы сразу оказались в гетто.

Мать от горя, что убили мужа и отца детей, полностью ослепла. Мне, как старшему сыну, пришлось очень тяжело работать — резать и рубить дрова, выгоняли всех на самые тяжёлые работы.

Зима 1942-43 г. была очень суровая. Многие замерзали и умирали от голода, многие заболели тифом. В нашей семье все переболели. Мы лежали, кто на нарах, кто на полу. Чудом выжили. Всё, что пережито, не описать.

После освобождения Красной Армией в 1944 г., мы вернулись в Молдавию. Наш дом был разрушен.

В Озаринцах в братской могиле похоронен мой отец. Среди имён погибших — имя моего отца — Шнайдер Аба Хаймович.

В мае месяце 1991 г. я с семьёй приехал в Израиль и живу в городе Ашдод.

Тяжёлые годы оккупации, тяжёлое детство дают о себе знать. Этого никогда не забыть.

Юсим Семён

«В лагере-гетто с. Шаргород Винницкой области в 1941-1944гг. от истязаний и голода погибли тысячи взрослых и детей».

(Винницкий областной архив, ф.р — 1683, оп. 1, д. 28, л. 1, 4)

К такому печальному выводу пришла Чрезвычайная госкомиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 11 июля 1945 года.

Что же произошло в Шаргородском гетто?

Известно, что массового расстрела евреев в Шаргороде не было. Расстреляны были прибывший брат Ермиса, жена портного Штекеля, Мотя Дуб, шаргородские подпольщики, брат Моше Малинского и Гречаный.

Откуда же взялись тысячи погибших?

Когда была организована украинская полиция, был издан приказ о том, что в Шаргороде вводится комендантский час. Евреи должны были носить белую повязку на рукаве с вышитым жёлтым Маген Давидом. Были определены границы гетто.

Вскоре в Шаргород начали прибывать беженцы из Бессарабии, Буковины и Румынии. К нам прибыл мамин брат с семьёй, сестра из Черновцов и двоюродный брат Мотя Школьник (подпольщик — погиб в Карпатах в 1944 году). Население резко увеличилось. В каждом доме количество жильцов возросло в 2-3 раза. А дома почти все были глинобитные, без элементарных удобств, доставшиеся в наследство от дедов и прадедов.

Отсутствие элементарной гигиены, скученность населения вызвали массовое заболевание сыпным тифом. Еврейская община, возглавляемая доктором Тайхом, выделила повозку, на которой объезжали улицы, собирали трупы и отвозили на кладбище. Были случаи, когда в течение недели умирали целые семьи. Мне запомнилось, как врач из Румынии ходил из квартиры в квартиру и лечил больных своими лекарствами.

Кроме того у людей не было работы, большинство вели полуголодный образ жизни. За пределы гетто не разрешалось выходить. Украинцы и поляки приходили с продуктами и меняли их на вещи. Был маленький базар. Очень часто полицаи не давали украинцам проникать на территорию гетто, уничтожали их продукты. Особенно отличался своей жестокостью Савва Богацкий. После освобождения Шаргорода, он был осуждён.

Часто были облавы. Во время одной из облав забрали моего брата Толю и отправили на строительство дороги в районе с.Трихатин. Оттуда он сбежал. После очередной ночной облавы его забрали в полицию, неоднократно вызывали на

допросы, избивали, требовали рассказать, кто входит в состав Шаргородского подполья, бросили его в подвал, кинули ему шапку расстрелянного коммуниста Ермиса и сказали: «Скоро и ты там будешь!» Правда, через несколько дней его выпустили.

Неоднократно приезжали в Шаргород отряды войск СС для проведения акций. Пришёл как-то к нам Шмулевич из еврейской общины и сказал папе, что немцы требуют самого лучшего портного. Попроцался с нами отец, но вскоре вернулся с охачкой брюк для глажки. Когда отнёс брюки, был избит за то, что неправильно отгладил стрелки. Никогда не забуду, как он стоял и плакал.

Печальный случай произошёл и со мной. Из Румынии привозили рассыпные сигареты по 100 штук в пачке. Я их сортировал по 10 штук в бумагу и продавал. Как-то ко мне подошёл полицай и говорит: «Дай сигареты». Я ему: «Давай гроши». Боясь, что он заберёт у меня сигареты, я забежал в переулочек, и в это время раздаётся выстрел.

Кое-что могу рассказать и о Шаргородском подполье. Очень много еврейских ребят входило в него: братья Бурманы, Арон Винер, мой двоюродный брат Мотя Школьник, брат Толя, Яша, Клара и др.

Никогда не забуду последний день пребывания в гетто. Немцы отступали. Сидели мы за столом и пили чай. Зашёл мой брат и говорит: «Это последний день. Я договорился с Бурманом. Пойдёмте к ним в подвал, так как будут проводиться акции». Мы пошли к Бурманам. По-пластунски мы спустились в подвал. Там уже было много людей. Нам тоже досталась ниша. С потолка капала вода. Было это 19 марта 1944 года. Утром пришли освободители.

Перебирая семейные фотографии, я обнаружил фото 1945 года, на котором запечатлены ученики, окончившие 4-ый класс Шаргородской неполной средней школы. Большинство из них, более 20 человек, еврейские дети. Они являются свидетелями описанных событий. Некоторые из них рано ушли из жизни.

ГЕТТО ШЕПЕТОВКА

Калика Анна

Родилась 25 сентября 1924 года в местечке Лабунь Полонского района Хмельницкой области. Немцы быстро оккупировали нашу область (1 июля 1941 г.) и лишили меня, как и всех евреев нашего местечка, права на жизнь.

5.07.1941 года выгнали всех мужчин, особенно пожилых, к памятнику Ленина и стали над ними издеваться. Вырывали и стригли им бороды, заставляли зубными щетками мыть машины и др. Процедуру фашисты фотографировали.

14 августа 1941 года немцы расстреляли моего отца. Всех мужчин под видом выполнения земляных работ погрузили в крытые грузовые машины и в лесу расстреляли. В основном, это были молодые и среднего возраста мужчины.

29 августа 1941 года расстреляли мою мать. Оставшись одна без родителей, жила у тети, неоднократно подвергалась гонениям, издевательствам, угрозе расстрела со стороны немцев и местных полицаев.

14 декабря 1941 года пешком в мороз и снег меня и всех евреев нашего местечка угнали в гетто Полонное под конвоем фашистов, собак и полицаев. Кто отставал, убивали на месте. Гетто представляло собой 3-4 барака за городом, огороженных колючей проволокой.

До войны это был карьер, где добывали известковый камень. В момент прохождения через ворота гетто каждого избивали дубинками, требовали ценные вещи, а провинившихся расстреливали у всех на виду.

Нас ежедневно выгоняли на работы, на еврейское кладбище перекатывать надгробные плиты, камни, а кто отставал — расстреливали. На работу водили под конвоем собак.

Жили в бараках по 30-40 человек в комнате. Спали на досках, голодали. 25.06.1942 г. в гетто прибыл отряд карателей, выгнали всех на площадь, подключили электроосвещение. Для устрашения несколько человек в упор расстреляли. Одну женщину живьем бросили в колодец на территории гетто. Каратели-немцы отсортировали группу мастеровых и 14 человек молодежи, в том числе и меня. Всех остальных, включая детей и стариков, расстреляли в лесу вблизи карьера.

27.06.1942 нас, отобранных, отправили в гетто г.Шепетовка Хмельницкой обл. Ежедневно нас всех под конвоем полицаев и собак водили на тяжелые работы (на кладбище катали надгробные плиты и др.).

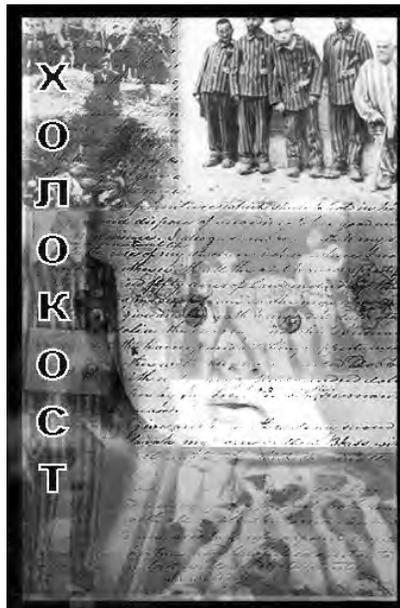
10.09.1942 г. вновь прибыл карательный отряд, и всех погрузили в машины, за городом всех расстреляли. Мне удалось избежать гибели, спряталась в окопе, где находилась без воды и пищи до 13.09.1942 г., т.к. с 10.09.1942 по 13.09.1942 года оставалась охрана немцами гетто, поиски и расстрелы оставшихся. Я чудом убежала в лес 13.09.1942 г. босая, холодная, раздетая. Скрывалась в лесах, переходя от села к селу, ближе к линии фронта. Жила на подаяния добрых людей окрестных сел.

С ноября 1942 по 4 января 1944 гг. находилась на Богдановской лесной даче Янушпольского лесничества. Добрые люди меня приютили, и я им служила трудом. Однако и там по доносу полицаи дважды подвергалась опасности быть расстрелянной. И благодаря утверждению людей лесничества о том, что я русская, была спасена. Они сумели убедить немецких жандармов, что я не еврейка.

3 января 1944 года при отступлении немцев вновь убежала в лес из-за угрозы расстрела.

4 января 1944 года при освобождении воинами Красной Армии территории, где я находилась, вновь получила право на жизнь, учебу и труд.

В 1944 г. окончила Одесский медицинский институт. 43 года проработала врачом. Была замужем. В настоящее время я вдова. С 1994 года живу в стране Израиль в г.Ашдод, пенсионерка.

ГЕТТО ШИРОКОЕ

В гетто содержалось 340 евреев.

Борода Серафима

Родилась в колонии Ново-Витебск Сталиндорфского района Днепропетровской области в 1920 г. Закончила педагогический техникум, и меня направили на работу учительницей в село Новый Путь Сталиндорфского района Днепропетровской области. Там я проработала учительницей 1-4 классов с 1936 года по август 1941 г. Вышла замуж в 1940 году. Мужа забрали в армию, и я осталась жить с его мамой.

Когда немцы оккупировали Новый путь (28 августа 1941 года), всех евреев собрали в нескольких домах по 5-6 семей в одном доме и сделали гетто. Мы работали в бывшем колхозе: убирали урожай, чистили кукурузу, убирали снег на дорогах и железнодорожных путях до 14 января 1942 года. Затем детей, стариков собрали в школу, расстреляли, а трудоспособных погнали в концлагерь-гетто в село Широкое Софиевского района Днепропетровской области на строительство шоссе на дороге Кривой Рог–Днепропетровск.

Мы с мамой мужа подносили камни, песок на носилках, а мужчины строили дорогу. Жили мы в конюшне, где раньше находился скот, который эвакуировали. Спали на соломе, в холоде и голоде. Еще издевались над нами. Ночью после тяжелой работы выгоняли нас на мороз маршировать, били плеткой. В лагере (гетто) мы находились с 15.1.42 по 15.1.43 гг. в ужасных условиях. Чудом остались живы.

Нас спас мастер трассы Педай, который работал до войны со мной в одном сельсовете финансовым агентом. Он достал для нас с матерью украинские документы, одежду, так как все у нас порвалось и было вшивое. Он нам устроил побег. С большим трудом мы добрались пешком до села Владимировка Курской об-

ласти Каморенского района, прошли линию фронта. Во Владимировке я устроилась на работу учительницей начальной школы (без документов), так как учителей не было, всех забрали в армию. В данной школе я проработала до июля 1943 года до освобождения.

За то время, что я находилась во Владимировке, я через Бугуруслан узнала, где находилась моя семья: мама и сестры. Они проживали в г. Красноармейске Саратовской области. В Красноармейске работали учителя, которые занимались со мной в техникуме. Они подтвердили у нотариуса, что мы вместе окончили педагогический техникум и работали в одном районе. Меня приняли на работу в город г.Красная и направили учителем 1-4 классов, где я проработала с 1943 года по март 1947 года, затем поехала с семьей к родственникам в г.Вильнюс Литовской ССР, где проработала до 1993 г.

С 1993 года нахожусь в Израиле. О муже не знала 3,5 года. Когда освободили Новый Путь, мы узнали друг о друге. Оба больные. Все что пережили, нельзя описать.

ГЕТТО ЯМПОЛЬ

Оккупация Ямполь продолжалась с 17 июля 1941 года по 17 марта 1944 года. С первых дней начались расстрелы. Было расстреляно 9 человек. Затем расстрелы повторились 28 июля и 2 августа. 29 июля немцы расстреляли 1265 человек. 1 сентября 1941 года в Ямполье установилось румынское управление. В центре местечка было образовано гетто, в котором проживало несколько сотен оставшихся в живых местных евреев. Они приняли к себе еще более 500 евреев из Бессарабии и Буковины. Власти использовали узников на принудительных работах в ремесленных мастерских и в сельском хозяйстве.

Котляр Давид

Я родом из местечка Ямполь Винницкой области на Украине. В 1941 году немцы у нас убили 42 человека: детей, стариков и женщин - около реки Днестр. Наша семья была в селе Бурявка. Все успокоилось, и мы вернулись в Ямполь. Нас разослали по селам, мы попали в село Тростяничок около Буга. Староста нам сказал: «Убегайте этой ночью, потому что немцы утром придут, заберут и уничтожат вас». Мы добрались до Ободовки. Наш дом стоял, немцы у нас были полгода и уехали. Потом пришли румыны. Жандармы очень били людей, и нас выслали на Буг, на карьеры.

Крупник Зина

Эпизод из жизни 13-летней девочки.

1942 г. Зима.

Громкий лай собак и топот солдатских сапог. Стучат в окна, двери:

— Быстро собратся на площади.

Нас всех выгоняют на мороз, где держат 3 часа. Это место казни, это место, откуда отправляют людей в другие лагеря, гетто, на расстрел.

Мороз, голые ноги примерзают к подошвам старых сапог. Здесь старики, молодые, дети.

У всех собравшихся горят желтые звезды на левой руке и на груди. Ждем приговора. Как описать ужас, страх ...

10 часов утра. Прочли список людей, которым следует садиться в машину, и отправляют в неизвестность. Среди них наши родные, тетя с сыновьями, дедушка. Когда все засуетились, мой дедушка, 80-летний старик, убежал. Дедушка был верующим, он понимал, что в лагере ему не выжить. Нас — меня, маму, сестру — оставили в Ямполье и разрешили вернуться в наш дом. В доме жили 4 семьи.

Утром мама вышла во двор и увидела страшную картину. На большом старом дереве висел мой добрый, любимый дедушка — Крупник Мойше. Ужас этой трагедии трудно передать. Люди тайком собрались и сняли тело с дерева, тайком похоронили.

Эта картина по сей день стоит у меня перед глазами.

Первая смерть родного человека.

Светлая ему память!

Малах (Нейман) Батия

Родилась 16 мая 1936 года в городке Ямполь Винницкой области в Украине в рабочей семье. Когда 22 июня 1941 года объявили войну, мне было 5 лет. Немцы продвигались стремительно, налетали самолеты, бомбили город. Выходить на улицу было опасно и боязно. В один день подъехало несколько телег, и нам велено было собираться. На телегах повезли детей, а взрослые шли пешком.

По дороге многие умерли от жары, голода и инфекционных заболеваний. Ночевали в коровниках, где внизу был лед, а сверху солома. Окна были заколочены, а дверь еле закрывалась. Ходили по селу, просили что-то кушать. Люди, местные жители, были хорошие и помогали, чем могли. Давали кусочек хлеба, картошку или лук. Но нам не разрешали разносить заразу по селу и, кого ловили, бросали в подвал.

Я до сих пор помню, как бросили в подвал двух братишек, а я сидела наверху и плакала, не хотела без них уходить. Мы прошли через муки и страдания. Даже сегодня, более полувека спустя, можно себе представить, какую боль мы тогда испытали!

Мы всегда с благодарностью вспоминаем этих добрых людей — украинцев, которые спасли нас от голодной смерти. После окончания войны они были у нас дома самыми дорогими гостями.

Когда освободили Украину в апреле 1944 года, я пошла в первый класс. Наш дом был полностью разрушен, поселились в чужом доме без окон и дверей, отец ушел воевать на фронт за Родину, был ранен, контужен.

Пусть все плохое останется в прошлом, чтобы эта трагедия больше не повторилась! В этом году весь цивилизованный мир отмечает 60-летие Победы над фашистской Германией. Значение Победы нельзя переоценить — и в первую очередь для еврейского народа, треть которого была уничтожена в топках концлагерей и гетто.

Ройтзайт (Грингруз) Хася

Родилась 24 июня 1929 года в местечке Ямполь над Днестром — так именовалось наше местечко. Это было «афрей-лех идыше штейтале» Винницкой области.

В местечке проживало большое количество евреев, и все занимались ремеслом. Жили скромно, но одной дружной семьей, делили горе и радости, помогали друг другу, в чем была нужда.

1941 год в моем детском воображении рисовался всеми цветами радуги, ведь в этом году по еврейским законам я становилась совершеннолетней, родители обещали широко отметить мою бат-мицву! Но, увы! За два дня до моих именин 22 июня началась смертоносная война с трагическими последствиями для нас евреев.

В первые дни войны на улицах возле репродукторов собирались толпы людей, слушали последние новости и обсуждали с большой тревогой случившееся. Люди куда-то спешили, на их задумчивых, тревожных лицах ощущались боль и печаль. Каждый задавался вопросом, что делать, куда бежать, чтобы спасти свою семью.

24 июня мы с мамой пошли на сборный пункт в военкомат, проводить своих родных и близких, мобилизованных в Красную Армию. Горьким слезам и крикам не было предела, будто чувствовали, что видятся в последний раз и провожают в последний путь. Этот день стал для меня самым мрачным с утратой всех надежд. Я стояла подавленная, в полном неведении, что происходит. А немцы быстрыми темпами без особых потерь и усилий захватывали города.

В 20-тых числах июля 1941 года немцы уже захватили наше местечко, и тогда начались наши муки ада. С первых же дней, разъезжая на мотоциклах по улицам, искали солдат, коммунистов и евреев. Через короткий период был приказ образовать гетто, всех евреев согнали на одну большую улицу и окружили колючей проволокой. С нами вместе в одном доме жили несколько семей, в одной комнате жили мы, семьи из Буковины и Румынии. Все, от мала до велика, обязаны были носить желтые знаки Маген Давид.

Местные полицаи и румыны каждый день гоняли нас на непосильную работу в сопровождении злых собак. Так полуголодные и замученные непосильным трудом мы дотянули до конца августа 1942 года.

В конце августа 1942 года приказали всем выйти из гетто на бывшую базарную площадь и стали вызывать семьями по списку одних направо, других налево. Наша семья попала в список, высылаемых из гетто. С площади нас погнали, как скот, в сопровождении собак и румын на лошадях. Куда — никто не знал. Оказалось, что нас погнали на железнодорожную станцию. Там нас держали целый день без еды и воды, а вечером приказали зайти в товарные вагоны. Залезть в эти вагоны было очень трудно, была темень, собаки кусали, началась жуткая паника, крики, стоны, плач. Вагоны набили до отказа, все стояли впритык.

Не было воздуха. Так мы доехали до Жмеринки. Оттуда нас погнали пешком до Ладыженского карьера. В карьере до войны содержались и работали осужденные строгого режима. Когда немцы оккупировали местность, все осужденные разбежались, предварительно уничтожив все, что там было. Когда нас туда пригнали, мы застали бараки без окон и дверей, пол цементный. В одном бараке находилось больше ста человек, грязи и вшам не было предела. Один раз в день давали похлебку из гнилой картошки или вонючей рыбы. Там нас продержали до февраля 1943 года в нечеловеческих условиях. Потом нас отправили в Тульчинское гетто Винницкой области и разместили в разрушенные пустые, не отапливаемые дома евреев, которых в свою очередь выслали в лагерь Печоры.

А через пару дней меня разлучили с родителями. Меня с сестрой отправили в село Белоусовка Тульчинского района работать на ферме, а родителей оставили в гетто. Там мы работали на полевых работах, работа была непосильная, содержали в ужасных условиях, а когда закончились полевые работы, нас отправили снова в Тульчинское гетто, где мы и встретились с родителями, и снова начали гонять на тяжелейшие работы.

И все же после всех мук и страданий мы по счастливой случайности дожили до светлого дня освобождения от немецких оккупантов, это было никогда забываемое 17 марта 1944 года.

В 1943 году зверски были расстреляны: мать моего отца, моя любимая бабушка Ципа, молодые два брата — Ройтзайт Давид и Ройтзайт Герш с их семьями.

В 1941 году расстреляны двоюродная сестра моей мамы Елька и две девочки Рахель и Сося. Мне очень хотелось бы им низко поклониться и сказать: «Я вас помню и никогда не забуду!».

Я хотела пожелать тем, кто будет читать мои воспоминания, никогда не встречать на своем жизненном пути ужасов войны, унижений, боли и потери близких — и пусть это будет последней трагедией еврейского народа.

Сейчас я проживаю в Ашдоде. Здесь живут мои две дочери со своими семьями. Все это время я с содроганием сердца вспоминаю двенадцатый год моего рождения.

ГЕТТО ЯРУГА

В июле 1941 года всех евреев переселили на окраинную улочку.

Выходить за ограду запрещалось.

В октябре и ноябре 1941 года в гетто поселили ещё около 500 буковинских евреев.

Утром 30 мая 1942 года многих евреев расстреляли.

В 1943 году в Яруге проживало около 800 человек.

За годы оккупации погибло более ста человек.

Местечко было освобождено 20 марта 1944 года.

Бубис Лев

Родился 15 июня 1935 г. в местечке Яруга. Рядом протекает река Днестр. Было два колхоза: один украинский им. Молотова, второй — еврейский им. Петровского. Две школы: одна средняя украинская, вторая еврейская семилетняя. Директором еврейской школы был мой отец Бубис Марк. Мать учительствовала в этой же школе. Известные еврейские писатели, поэты часто посещали школу. В местечке играли еврейские свадьбы. Евреи жили полнокров-

ной жизнью, посещали синагогу, работали в колхозе.

Всё рухнуло в одно мгновение — 22 июня 1941 г. Местечко бомбила фашистская авиация. Были жертвы, разрушения. Пограничники взорвали подземные укрепления и стали уходить из села. Через три дня отец был мобилизован на фронт Могилев-Подольским райвоенкоматом.

У нас не было возможности эвакуироваться. Началась немецко-румынская оккупация. Наше счастье было в том, что немцы в селе не задержались, в селе остались румыны. Яруга входила в состав, так называемой, Транснистрии. Румынские оккупанты установили жестокий режим. Евреи находились в гетто, за пределы которого запрещалось выходить. Работали на сельскохозяйственных работах (виноградники, сахарная свекла и пр.). На работу и с работы водили под конвоем. Работали бесплатно. Квартиры были разграблены румынами и молдаванами. Помогали и некоторые украинцы. Несколько раз собирали евреев на экзекуцию. Но Бог миловал. За селом в одну ночь расстреляли до 500 евреев гонимых из Бессарабии. Постоянно жили в страхе. Переживали и голод, и холод. Пьяные

румыны совместно с полициями устраивали «потешные игры», беспорядочно обстреливая виноградник с работающими людьми. На глазах у людей расстреляли председателя еврейского колхоза Меламуда. Мы носили повязки со Звёздой Давида. Евреям удалось установить контакт с окружающими крестьянами и некоторыми полициями украинской национальности. Они оповещали об облавах, спасали евреев, помогали продуктами.

16 марта 1944 г. Яруга была освобождена Советской Армией.

С 1997 года живу в Израиле, в городе Бней-Айш.

Ямпольский Барух

До войны наша семья — отец, мать, брат Елья и я — проживали в с.Яруга. Отец с матерью работали в колхозе.

В первые дни войны отца мобилизовали в армию, а для нас — наступили чёрные дни оккупации.

Одну из улиц нашего местечка превратили в гетто. Начались облавы, всё наше имущество было разграблено.

Осенью 1941 года к нам в Яругу пригнали евреев — буковинцев, и все местечко стало естественным гетто. В каж-

дом доме ютилось по несколько семей. Годы оккупации стали для нас холодными и голодными. Условия были жуткими.

В 1942 году по приказу румынской администрации всё еврейское население нашего местечка выгнали в лагерь села Сказенцы Могилев-Подольского района. Пробыв здесь несколько месяцев, мы продали последнее имущество, подкупили власти в обмен на разрешение вернуться домой в Яругу. Там нас снова загнали в гетто. Наша мать со своими сестрами работала на самых тяжелых работах, а нас с братом брали с собой на работу.

В марте 1944 года, когда наше село освободили, сделали понтонный мост через реку Днестр, чтобы переправлять войска на Молдавию. В один из дней налетели немецкие самолеты и начали бомбить переправу и наше местечко.

Наша мама вышла со старшим братом на улицу, и тут рядом упал снаряд. Мать сразу убило, а брата контузило.

Меня и моего брата взяли на воспитание мамины родные сестры.

Мы выжили в гетто потому, что вокруг было много хороших людей, нам помогли украинцы. Они спасали нас, сообщая заранее о предстоящих погромах и облавах. Мы убегали в овраги и к знакомым украинцам нашего села.

Спасибо добрым людям за все, что они сделали для нас.

ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ

Городинская (Бешкина) Раиса

Родилась в 1925 году и проживала в местечке Деречин Зельвенского района Гродненской области, Беларусь.

Наше местечко было оккупировано буквально на 2-ой день войны десантными частями, затем через пару дней вошли регулярные части, которые начали устанавливать «новый порядок».

До прихода регулярных частей, десантники тоже немного «развлеклись» еврейской кровью. В первый день тут же согнали всех жителей нашего местечка, невзирая на национальность, около церкви, которая была огорожена большим забором. Старший из десантников объявил о том, что территория занята немцами и приказал разделиться — евреям налево, крестьянам направо. Началась паника, крестьяне выталкивали из своих рядов евреев и не разрешали к ним присоединиться. Одним словом, все поняли, к чему это ведет, и стали прыгать через забор и убегать, кто куда. Наша семья тоже не растерялась и сумела убежать, но мы оказались все в разных местах. Кто же не сумел, поплатился жизнью. Это были первые жертвы в нашем местечке.

Назавтра наша семья собралась дома. Мы все прятались в поле, ещё не была убрана пшеница, там и ночевали. Утром подошли регулярные части, и стало тихо, как в могиле. Через пару дней организовали юденрат, через которой выполнялись все требования немецких властей, а их было очень много.

Первое: нужно было нашить жёлтые звёзды Маген Давида на левой груди спереди и сзади даже грудным младенцам. Ходить по тротуарам тоже было запрещено евреям. Только по середине улицы. Одновременно стали привлекать всех взрослых, начиная с 15-ти лет, на различные чёрные работы. Сами евреи должны были строить себе забор из колючей проволоки, по которой проходил электроток. Это называлось гетто. Были построены ворота, которые охранялись полицией. Молодые крестьяне охотно шли в полицию с надеждой поиздеваться над своими бывшими соседями. Хотя раньше жили очень дружно и мирно. Выйти за пределы гетто можно было только на работу. Если кому-то удавалось без разрешения выйти из гетто, расстрел не миновал.

Наш дом стоял в центре гетто, было у нас 4 комнаты, семья наша состояла из 5-ти человек: папа по профессии кожевник, мы имели свою фабричку, мама домохозяйка, старший брат, 1921 г., я — 1925 года. К нам подселили ещё 3 семьи с детьми, стало очень тесно, грязно, постоянная ругань, обычно между детьми, старшие понимали положение и мирились со всем. Кроме всего ещё мучил постоянно голод. Добывать что-то на пропитание — большой риск. Люди охотно ходили на принудительные работы с тем, чтобы во время выхода за пределы гетто можно было что-то обменять, и немцы тоже выделяли, как зарплату — паёк хлеба по 200 гр. на человека, если ты ходил на работу.

Я лично ходила на фабрику, где отец работал, мыла окна, полы, скребла волосы от кожи, а ведь мне было всего 16 лет. От страха меня часто рвало, но я была счастлива, что не хожу работать в казармы, где девушек насиловали, а потом и убивали. В таком страшном кошмаре мы прожили до 24.07.1942 года. Вечный страх и унижения преследовали нас. В это утро гетто оказалось окружено полицией и немцами с собаками. Мы всё поняли, и все жители нашего дома спрятались, в так называемых сχροнах, которые в течение этого года в каждом доме старались построить. Это были подвалы, выкопанные под полом, а наверху стояли кровати или топчаны, что маскировало вход, так же на чердаках строили двойные фронтоны, где можно было укрыться во время акции. Так мы называли наше планомерное истребление. В подвале мы просидели до ночи, слышали, как стреляют по улице, это добивали стариков, которые не могли двигаться. Слышны были крики и плач детей. В нашем схроне тоже было немало детей, но они сидели так тихо, просто удивительно, как стрессовая ситуация подействовала на них. Так просидели до ночи, когда стало тихо. Затем все вышли и увидели, что всё разграблено, теплой одежды уже не было, и мы очень спешили. Отец нас повёл на кожевенную фабрику и там спрятал нас на чердаке, а сам остался внизу, надеясь, что его не тронут как специалиста. Ведь вся верхушка немцев была одета в кожаных плащах, шитых из кожи, которую отец перерабатывал. Но спасения не было. В часов 10 утра пришли немцы из зондеркоманды, забрали отца и остальных рабочих, которые с ним были, и где-то после обеда, так примерно часов 4-5, пришли прямо на чердак за семьями. Я не растерялась и увидела люк, который выходил прямо на фабрику. С большим трудом, пока длилась паника, открыла люк и юркнула вниз, закрывая за собой этот люк. Очутилась я на шкафчике с большим орнаментом, который стоял на фабрике, это было спасением для меня. Я легла на нём, и орнамент меня закрыл. Видно, суждено мне было одной из всей семьи остаться в живых. Я пролежала на нём до того, как хорошо стемнело, и уже не слышно было криков, стрельбы. Я только услышала, как подводы отъезжали от фабрики. Как мне потом рассказали, всех расстреляли тут же во избежание побегов, и мертвецов отвозили в братские могилы, где они покоятся по сей день. Так в одночасье я осталась круглой сиротой и распрощалась с детством. Ночью вышла тихонько с фабрики, обогнула её и заскочила в туалет, который был сзади фабрики. Там ещё побыла несколько часов, затем вышла и, перейдя мелкую речку Сипа, бро-

силась бежать в направлении лесов, которые всегда были видны в Деречине на окраине.

Больше я никогда никого из своих родных не встречала, все погибли в тот же день 24.07.1942 года, день это был 9 Ава, пост «тейша бэав», это день скорби, который я отмечаю по сей день. После войны я навестила эти братские могилы, где стоит скромный камень-памятник, но некому даже положить цветочек. Я могу только добавить, когда пишу эти строки, я заново переживаю этот страх, который мной овладел, когда я блуждала по лесам в поисках чего я сама не знала, ибо о партизанах я не слышала ещё. Голодная, оборванная вся, объятая страхом — гнал меня инстинкт от смерти. Днём я пряталась в стогах сена, в кустах, кушать даже не хотелось, шла только ночью. Я потеряла счёт дням, ибо, не зная местности, я блукала, очень ослабла без еды и воды. Иногда попадались ягоды или лесная малина, даже ещё зелёная, этим я удовлетворялась. Я боялась даже собственной тени. Слышно было мычание коров, лай собак и стрельба в р-не нашего местечка, где добивали выловленных евреев. Не могу определить, сколько времени прошло, ибо потеряла счёт дням и ночам. Я выскочила из дома в одном летнем платье, оно порвалось, глаза не просыхали от слёз, не умытая, не причёсанная, вся объятая страхом, как затравленный зверь. Не находя выхода я решила сдать-ся властям, так как жить мне было запрещено лишь только потому, что я еврейка — дочь еврейского народа.

В одну из ночей после моего решения при подходе к деревне (Острове), это я потом узнала, услышал окрик: «Стой, кто идёт!» Ничего не соображая, я пошла на окрик, ибо сил на сопротивление у меня не было больше, и я решила сдать-ся. Но волею судьбы это оказались партизаны из местной деревни, которые пришли навещать своих родных и пополнить запасы продовольствия. Они меня подобрали и привезли на свою партизанскую базу. Там оказалось немало спасённых из нашего Деречина, которые влились в партизанское движение и сражались очень храбро, мстили за своих родных, за поруганную жизнь и за свободу. Многие пали в боях, многие потом воевали в частях Красной Армии, где тоже немало погибло.

Среди них и оказался мой дядя, мамин младший брат, Златогура Григорий Иосифович, в последствие погиб под Белостоком. Вестей от него я не получала. Знаю из рассказов сослуживцев.

Из спасённых в настоящее время остались:

Сара Вахлер — бывшая Агульних, Малко и Хая Юдович (Рамат-Ган); Бульковштейн (Кирьят Оно); Бобровицкий Борис (Холон); Боринштейн Белла (Хайфа); Кулаковская Маша (Кирьят Оно); Гольдман Мера (Рамат Авив); Шуламит Аувар (Ришон ле-Цион); Феликс Вайеберг; Розенберг Яков; Зельда Бен Шлемо (Холон); Багдановский Давид (Хайфа); Багдановский Элизер (Хайфа); Эпинчевский Сара (Петях Тиква); Беккек Рива (Ришон ле Цион).

Это все те, кто остался в живых из 3-х тысяч, проживающих в Деречине.

Гузик (Гантман) Евгения

Родилась в декабре 1927 года в с.Писюта Березинского района Минской области в семье крестьян. Родители работали в колхозе.

В конце июля 1941 года меня с родителями вывезли в гетто, поселок Багушевичи Березинского района Минской области. Поместили нас в школе, евреи были из села Сельба Березинского района, Багушевичи и из нашей деревни. Наша семья из 8 человек, старшие два брата погибли во время войны. Когда нас вывозили из деревни, старшего брата Петю отозвали, и он больше не вернулся к повозке. Все молчали, никто ничего не говорил. Я старалась прислушиваться, все время пребывания в гетто думала, как сбежать, но из Богушевичей я не знала дороги. Кое-кто убежал, это Роман Плакса и старший брат его из села Селибы, мы с ним случайно встретились в Израиле.

Когда расстреляли почти всех евреев, то по какой-то причине (для меня и по сегодняшний день неизвестной) несколько человек, в том числе и раненного, вывезли в Березино. Перед отъездом ко мне подошел полицейский и спросил: «Ты Соломонова дочка?» — «Да». И он мне указал, где, в какой комнате посидеть до вечера (полицейского я не знала). Я еще попросила соседскую девочку оставить Цильку. Вечером поехали в Березино, через некоторое время сбежала в свою деревню, дорогу я хорошо знала, 20 км все время лесом, до нашей деревни Писюта (сейчас Подлесная). Там люди не живут, разъехались по другим деревням.

Первые спасители были семья Сушкевичи, они жили бедно, часто приходили к нам, и мама им всегда что-то давала из продуктов, а кое-что и сами брали, понемногу, но никто им не выговаривал, у нас было много земли, и всегда много работали, не нанимая работников. К нам в деревне относились с уважением. Наш дом стоял на горе, через дорогу, из дома через огород речка Ушанка, очень красивая местность. Из города приезжали дачники.

У Сушкевич во время войны было 8 человек в доме. 5 сестер, мать и двое детей, они росли без отца, Галя и Анюта. Отец их умер раньше. Одна из сестер заняла наш дом. Пробыла я у них несколько дней, потом пришел старший брат, мы с ним долго говорили, сидели на печке. Брат Петя никогда не говорил, где он бывает, а я и не спрашивала. К вечеру он ушел, а мне стало ясно, что у них долго быть нельзя, и я вечером ушла к Н.К.Гайдук, тогда ее звали т. Янина. Именно ее я считала своим спасителем. Это была белорусская женщина с двумя детьми. Эмме 4 года и Лене 2 годика. Ей было 25 лет.

Несмотря на то, что у нее было двое детей, она не побоялась взять меня на ночь, это было примерно в ноябре 1941 года. Я знала, где спрятали родители наши вещи, и я пошла к ним, взяла юбку, кофту и отдала Н.К. На завтра я пошла к заведующей мельницы Бельской, отнесла некоторые вещи (я знала, что она дружит с полицией). Пробыла у них день, а к вечеру она сказала, что у них много чужих людей бывает и оставаться опасно, спросила, куда пойдешь ночевать?

(я еще не знала, что они предатели), я ответила, что переночую у Н.К., а потом не знаю.

Бельская предложила, т.е. учила, где можно спрятаться, говорит в куфар, где крестьяне одежду складывают. Я снова вернулась к Н.К., рассказала, что Бельская сказала, что, если постучат в дверь, спрячься в куфар. Спать положила меня в спальне (спали всегда в одежде), где окно не закрывалось, вечером постучали в дверь, и с дверей закричал полицейский: «Янина, открывай двери, доставай жидовку с куфра». Она быстро открыла окно и мне знаком показала, чтобы я бежала. Когда я спрыгнула с окна, то увидела здорового мужчину с ружьем, прижавшегося к стене.

Иногда я уходила на день-два к другим людям, а часто и в лесу просиживала целыми днями. Пока брат не забрал меня в землянку в лес, которую выстроили наши бывшие соседи (евреи), которые сбежали из гетто Борисова, а кто из окружения, кто находился в армии и не успел отступить.

Семейный лагерь находился поблизости от бригады им.Щорса. Командир этой бригады Дербан Николай Леонтьевич, до войны жил он в районном центре Бегомоль, комиссар бригады был Прусяк Михаил Пейсевич, это наш бывший сосед из нашей деревни. Он старался всех евреев, которые грозила опасность, забрать к себе в отряд. В 1943 году я познакомилась с Хаей Шустерович (ныне покойная), которая находилась в гетто Багушевичах, была выведена на расстрел вместе с четырьмя детьми, чудом уцелела, вылезла из ямы (в гетто я ее не знала, но познакомилась в отряде), и она всегда рассказывала со слезами на глазах, что дети были красивыми. Хая была женщина-красавица, знала куда пойти, к каким людям, чтобы спрятаться. Это Волковец Лидия, которая жила до войны недалеко от Борисова деревня Новоселки Борисовского района. Миша — комиссар бригады старался помочь другим.

Советские войска мы встречали летом 1944 года в районе Минской области Сталевического района. Помню, как мы всей бригадой шли пешком в Минск, туда пришли партизаны Минской области, оттуда нас и расформировали, кого куда. Брата Петю отправили на фронт, я узнала, что Д.Гринберг едет в Березино и Фундылер Рувим (у них были лошадь и повозка). Они меня с собой взяли, и я там прожила до 1945 года. Когда вернулся после Победы Петя, я сразу поехала в Борисов. В 1946 году вышла замуж и жила там же до отъезда в Израиль.

Брат Петя умер в 1989 г. в Борисове. Похоронен на Борисовском кладбище.

Пергаменщик Зяма

Родился в 1926 г. в Мена Черниговской области. Жили семьёй из 8 человек, из них 6 человек детей, 1 девочка и 5 мальчиков. Жили в собственном доме, крытом оцинкованным железом. Земля с садом составляла 16 сотых. В саду стояла деревянная рубленая мастерская отца, также крытая оцинкованным железом, ещё был дровяной сарай, крытый соломой. Отец владел несколькими профессиями: кровельщик, жестянщик, и очень редко выполнял ювелирные работы. При советской власти это было запрещено. Мать была домохозяйкой. До войны старшие братья и сестра по окончании школы разъехались по разным городам.

Самый старший брат Гриша — 1912 г. рождения, учился сначала в Харькове, а затем в Москве, по окончании вуза был направлен в совхоз «Солидарность» г.Елец, в то время Орловской обл. Всё лето 1940 г. до 16 августа я гостил у него. Осенью 1940 г. он был вызван в Москву одним из райвоенкоматов и призван в армию. Направлен был на Дальний Восток в танковую часть. После войны уже в Израиле, в книге памяти обнаружил его фото. В книге сообщается, что он пропал без вести.

Брат Авраам учился в Киеве на машиниста, там же в 1938 г. был призван в армию и служил в г.Курске в авиачастях. Воевал, был ранен и контужен и после войны вернулся инвалидом войны 1 гр., родился он в 1918 г. Умер в Чернигове 29.11.96 г.

Сестра Сима, 1922 г. рождения жила и училась в Чернигове. В начале июля 1941 г. эвакуировалась в Чкаловскую обл.Кваркинский район. После освобождения Чернигова и области вернулась из эвакуации, жила и работала в Чернигове. Умерла 3.07.1994 г.

Брат Борис, 1924 г.р., умер перед войной.

В доме нас проживало 4 человека: отец, мать, я и самый младший брат Иосиф, 1929 г.р. Летом 1940 г. отец сдал кухню с отдельным входом старику Монесу — шойхету (резнику), 1837 г.р.

22 июня 1941 г. я встал рано, взял банку для керосина и побежал к магазину занимать очередь. Я был одним из первых, к 6-ти утра собрались десятки людей, желающие купить керосин. В 6 заработало радио, в то время радио было не в каждом доме, во многих местах райцентра на столбах были укреплены репродукторы. Все собравшиеся внимательно начали слушать сообщение о внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз.

В августе 1941 г. немцы добрались и до нас. В конце июля на станции Мена скопилось несколько военных эшелонов с боеприпасами, идущими на фронт. А из Гомеля прибыл эшелон с эвакуированными. Внезапно в небе появились фашистские самолёты и начали бомбить. Начали рваться боеприпасы. Кто успел, начали разбегаться. К вечеру к нам в дом зашёл старик и попросил разрешить ему немного отдохнуть. Так он и остался. Фамилия его была Каганович, имени не помню.

В августе 1941 г. Мена была оккупирована немцами. Начались массовые грабежи, насилие и издевательства. Затем согнали евреев, человек 130 в подвалы НКВД и милиции, сделали гетто. Начали гонять на самые тяжёлые работы на железную дорогу. Известно, что европейские железные дороги (уже российских) необходимо было быстрее сузить, ибо в то время фашистская армия продолжала наступать. Приходилось с раннего утра до позднего вечера таскать костыли, рельсы, шпалы, рельсовые соединительные накладки. Работали полуголодные, без отдыха и часто без воды.

Осень 1941 г. была очень дождливой, а дорога в то время Чернигов — Н.Северск была грунтовой, и после больших дождей гоняли всех вытаскивать машины и технику. Днём отправляли на тяжёлые работы, поздно вечером пригоняли, как скот, в это гетто.

На этих изнурительных работах избивали без всяких причин, меня неоднократно били сапогами в пах, вследствие чего после войны мне пришлось перенести две операции: одна по удалению грыжи, а вторую по удалению кисты на половых органах. Вечером 30 ноября 1941 г. в гетто дежурил полицай, фамилия, если я не ошибаюсь, была Латущ... Он нас всех отпустил до рассвета, и мы пришли домой, я пошёл к соседям, к своему соученику Нагорному М. Его родители дали мне 5кг. картошки, соли и литр, а возможно, больше молока. После хорошего ужина легли спать. Не знаю, сколько прошло времени, в дверь начали сильно стучать. Отец решил не открывать, это были 5 немцев и с ними 3 девицы лёгкого поведения. Они выломали дверь и ворвались в квартиру, начали нас всех избивать и издеваться. Затем стали по одному выводить во двор, а за домом был когда-то сельский погреб, но завалился, и стала помойная яма, и там расстреливали. Сначала вывели отца и мать, затем хотели меня, но одна девица заглянула за буфет и крикнула, что жид спрятался, его сразу вытащили, и через пару минут мы слышали выстрелы. Меня схватили два немца под руки и повели из квартиры, когда вышли на крыльцо, я рванул, шедший сзади сильно ударил меня в спину ногой так, что я повис на руках у немцев. Когда подтащили к месту, где лежали убитые мои родные, шедший сзади ещё раз с большой силой ударил меня в спину так, что я полетел, и они начали стрелять, и ранили меня в плечо. Потом так же вывели младшего брата Иосифа, он всю дорогу от крыльца до места, где мы лежали, всё время рвался и кричал. Ему выстрелили сзади в голову разрывной пулей, и ему вырвало правую щёчку. Затем раздались несколько выстрелов в доме, это убили на холодной русской печи Монеса-шойхета. Один из немцев спустился к убитым, наступил каждому на живот, повторяя слово капут.

Возле дома стояли с десяток снопов колхозной конопли, которые колхозники до прихода немцев успели повязать, которые мы с братом натаскали. Вот несколько снопов немцы кинули на нас и с криком и смехом удалились. После расстрела дом и мастерскую отца разграбили и увезли на немецких военных машинах. Когда я слышал вдали улицы крик и выстрелы, я откинул снопы, увидел всех недвижимыми и мёртвыми, я попрощался с ними, естественно, со слезами

на глазах. Зашёл в дом, нашёл папину телогрейку, шапку, вышел и направился через дорогу к дому, где жили сёстры Назаренко Настя и Валентина, и моя учительница по алгебре и геометрии Татьяна, но они, не открывая двери, прогнали. Через один дом жила вдова Хая Менделевич и 2 её сына — Шая, старший, 1924 г.р., и младший Яша, 1928 г.р. Когда я постучал, Хая открыла и, услышав о случившемся, схватила младшего Яшу и побежала в поле. Я позвал Шая уйти из Мены, с минуту он поколебался, а затем согласился. Пошли мы ко мне, он полез на чердак, там была спрятана швейная машина «Зингер», он её снял, и мы отнесли её к его школьному товарищу. Его не было, он был в армии, а мать приняла с удовольствием. Когда армия освободила Мену, я не думал её забирать, но когда я от соседей узнал, что они сотрудничали с немцами и грабили еврейские квартиры, то добился, чтобы сделали обыск. При обыске машина швейная была обнаружена, и её возвратили мне.

Из Мены мы вышли, когда ещё было темно, когда шли, разговорились, я ему сказал, что ему можно стать украинцем, что по его имени и фамилии сразу узнают, что он еврей. Наружно он не был похож на еврея, я ему это сказал и предложил взять имя Василь, а фамилию Подольский. Весь военный и послевоенный период он, его дети и внуки носят эту фамилию. Когда пришли в село Тютюнницу и попросились переночевать, он представился, как Вася Подольский. Когда переночевали, утром хозяин оставил его, как нужного работника, а мне раненому пришлось удалиться.

Несколько дней я пробродил в ближайших сёлах, а затем решил побывать в Мене. Когда я подошёл к паровой мельнице, которую оставили целой отступающие войска армии, то принял решение идти через МТСовский сад. Направился в направлении еврейского кладбища, а когда дошёл приблизительно полпути, я услышал страшный человеческий крик, и стал за дерево. Внезапно раздались выстрелы, и до меня дошло, что на кладбище расстреливают людей. Я быстро пошёл в направлении мельницы, возле ж.д. был колодец, и в это время женщина начала подымать журавль с ведром, хотел пройти мимо, но со стороны мельницы, я увидел полицая, который вел к колодцу поить лошадь. Я резко повернулся к нему спиной, обратился к женщине, которая подняла из колодца ведро с водой — попить, она как-то машинально кивнула головой, давая понять, что можно. Хоть пить мне совсем не хотелось, но пил не отрываясь, пока не подошёл полицай. Тут я поднял голову, сказал женщине спасибо и пошёл через ж.д. в направлении мельницы, а когда сравнялся с ней, резко повернул направо и пошёл параллельно ж.д. в направлении станции. Миновав ж.д. станцию, я свернул на улицу Мена — Сосница и дошёл до улицы, которая вела в поле и далее к русскому кладбищу. Прошёл метров 500 полем и свернул в сторону по направлению райцентра, где находился мой дом. А напротив жил мой одноклассник М.Нагарный, к которому я ходил за картошкой перед расстрелом. Чтобы попасть во двор с поля, нужно было перелезть через перелаз. Было темно, я перелез во двор. Внезапно с крыльца раздался громкий голос: «Кто это, ни жидёнок ли?», — это была сестра моего соученика Дуня — она была лёгкого поведения, и когда Хаю

Менделевич и сына расстреляли, она захватила её пол дома и туда приглашала немцев. На крик её вышел отец её и хотел успокоить, но она продолжала кричать, что позовёт полицию и немцев, и через калитку ушла на улицу. Отец позвал меня в дом, предложил мне покушать, я выпил стакан молока с хлебом и тут же подумал, а что если Дунька позовёт полицаев. Я сказал, что уйду, и быстро вышел, и сразу свернул в открытую дверь большого сарая, который я хорошо знал с довоенного периода, где вместе с одноклассниками и другими детьми играли. Пол сарая было занято сеном. Я снизу вырыл глубокую яму, залез и быстро уснул. Не знаю, сколько прошло времени, я проснулся и услышал грубые крики полицаев, на которые оправдывался хозяин дома, он говорил, что я сразу ушёл на улицу через калитку. Пошумели минут 15-20 и ушли, уходя, потребовали, если я появлюсь, заявить.

Урожай зерна летом 1941 года был очень хороший, но государству он не достался, его растащили колхозники и желающие. Оккупировав наши области, немцы знали, что урожай растащили, и заставили каждому двору сдать определённое количество зерна, поэтому почти круглые сутки шли обозы мимо наших домов. Когда все разошлись, я выглянул из калитки, большой обоз двигался в направлении приемного пункта табак-базы, хозяева подвод шли по несколько человек, привязав лошадей впереди идущих подвод. Недолго думая, я выбрал место, где хозяева подвод собрались возле одного односельчанина, и выскочил из калитки схватил под уздцы лошадь, и так шёл до ж.д. переезда.

У переезда стоял полицай, и пропускал подводы, и считал хозяев, поскольку была ночь, и было темно, я проехал вместо какого-то хозяина подводы. Когда перешли переезд, там уже было множество подвод и людей. Смешавшись с людьми, я незаметно оказался в поле и взял направление на Величковку. Прошёл много сёл, в том числе в Елино, Тихановичи, Хоромное, в то время Орловской области. В Тихоновичах встретился с разведчиками Корюковского партизанского отряда: Литвиновым, Боцмановым, Морозовым. Литвинов спросил, как я попал в Тихановичи и был ли в Корюковке, убедившись, что я никогда не был в этом р-не, он дал мне задание побывать в этом р-не и принести некоторые данные, которые его интересовали. На это он дал мне двое суток и назначил место встречи. Когда я вернулся и прибыл в указанное место, мне пришлось ждать не менее двух часов, но они приехали. Когда я им всё рассказал, Литвинов, как старший, насколько я понял, остался доволен. Меня оставили жить с одинокой женщиной и дали ей немного продуктов, мяса мороженого, которое было в мешке в саях и какой-то крупы. Прошло несколько дней, под вечер хозяйка пришла взбудораженная и сказала, что в село прибыли немцы организовывают полицейский участок. От женщины я ушёл в тот же вечер, побывал в доме председателя колхоза Стунака, жена его мне рассказала, где в настоящее время размещается партизанский отряд. Это хутора Ласочки, Калинина и др. В километре от села Гута-Студенецкая, куда я немедленно и отправился. Дойдя до Гуты-Студенецкой, я свернул к хутору Ласочки, где встретили меня на краю хутора партизаны Гудим и Баймут, которые сопроводили меня в штаб Рейментаровского отряда, который организовал

и командовал председатель колхоза Туник Б.С. Для опознания назавтра явились несколько человек из других отрядов соединения бывших жителей Мены, в том числе секретарь райкома партии, сосед Тихоновский И. Так я стал партизаном.

В конце августа соединение Фёдорова А.Ф. прибыли в Клейтяские леса Брянской области, где дислоцировалось много партизанских отрядов, с которыми затем проводились согласованные боевые операции.

В середине февраля 1943 года соединение Федорова А.Ф. и несколько других отрядов вернулись на Черниговщину из Китнянских лесов. Сходу были разгромлены несколько райцентров и сел, где имелись большие полицейские участки и немецкие гарнизоны, в том числе, и район Крюковки. Через несколько дней в Елинские леса, где мы остановились, был принят самолет из Москвы, в котором прилетели К.С. Федоров и комиссар Дружинин, которые улетали в Москву с Клетнянских лесов. В это время на фронте заканчивалось уничтожение окруженной Сталинградской группировки и фашистских войск. Одновременно продолжалось наступление Красной Армии на Севском направлении и ожидалось скорое освобождение г.Чернигова и области от немецких захватчиков.

В связи с указанной обстановкой на фронте Федоров привез указание из Москвы: оставить довоенный партактив и хозяйственников, которые должны будут после освобождения руководить восстановлением разрушенного хозяйства. Оставили человек 200-250, в том числе раненые и др. Остальное соединение 10 марта 1943 г. двинулось на запад. Оставшимся отрядом командовать было приказано бывшему заместителю командира соединения, довоенному 2 секретарю обкома Попудренко Н.Н. Наступление наших войск под Севском немцы задержали и начали подготовку своих тылов для наступления на Курской дуге. Начались большие репрессии по отношению к мирному населению, расстреливали даже дальних родственников коммунистов и активистов, угон молодежи в Германию. Население, кто мог, начали убегать в леса к партизанам.

Через небольшой промежуток времени у Попудренко стало такое же соединение, как Федорова, по численности. Все новоприбывшие в соединение были срочно вооружены, в основном, за счет доставки вооружения самолетами из Москвы.

Чтобы дезориентировать немецкое командование Попудренко Н.Н. и штаб начали отправлять в разные концы области небольшие группы партизан для проведения возможных операций.

19 апреля 1943 года в составе 18 человек, куда попал и я, командиром был назначен Бочаров Е.М., довоенный и послевоенный первый секретарь Сосницкого райкома партии, были отправлены для проведения подрывных диверсий в Корюковский, Сосницкий, Менский, Холмесский районы. Проводили несколько налетов на небольшие полицейские участки по их уничтожению — Бречь, Наумовка, Турец и др. Нас послали 6 человек, во главе группы был назначен Савченко. На ж.д.Гомель-Бахмач мы взорвали немецкий эшелон, который шел на фронт.

После того, как мы взорвали 3 немецких грузовика, у нас с Савченко случился казус. Когда он выставил боковые охраны справа и слева от места установления мины, он взял меня с собой, мы выкопали в колее необходимую ямку, я взял решетчатый ящичек, куда были вложены толовые шашки. Он должен был вставить взрыватель, натянуть пружину с ударником и закрепить, и когда он проделал указанные операции, он отпустил — убрал палец, срывается ударник с пружиной и ударяет по капсуле взрывателя, но взрыва не произошло. Но когда я глянул на Савченко, я не поверил своим глазам, он был покрыт не крупным потом, а как будто бы на него вылили ведро воды. До меня просто не дошло, что могло быть, если бы взрыватель сработал. Когда заменили взрыватель, поставили мину и отошли в лес, остановились отдохнуть, мы с Савченко на протяжении нескольких часов не могли сдвинуться с места. Всего на том задании нашей группой было взорвано 11 немецких машин с живой силой и боеприпасами — это с 19.4 по 30.7.43 года.

На фронте в конце декабря 1944 года наша дивизия 21 АДКД РГК прорыва, в которую входил наш 249 минполк, стояла, если я не ошибаюсь, в восточной Пруссии. Наша часть по указаниям командования делала иногда ложные передвижения. Но немецкая разведка тоже не спала и знала, что такое РГК. Основные позиции нашего полка находились в то время в лесу на опушке недалеко от пехоты. Я был начальником радиостанции, мы сутками дежурили с командиром дивизиона майором Вешедрой на передовой с пехотой, а затем радиостанции менялись.

В этот раз днем на передовую к пехоте пройти было нельзя — открытая местность и немецкие снайперы не давали, не только пройти, но и поднять голову.

Вот моя очередь идти на передовую. Когда стемнело начала погода портиться, поднялся резкий ветер со снегом. Я взял на плечи радиостанцию, надел белый маскировочный халат, автомат и пошел. Идти пришлось по мощенной каменными квадратами из гранита дороге, где должны были меня остановить наши пехотинцы, но я шел, отворачиваясь от холодного резкого ветра. Шел и начал сомневаться. Мне показалось, что я долго иду, и вдруг справа я заметил строение, которого не должно было быть. Я свернул с дороги и хотел подойти поближе, но внезапно услышал немецкую речь, вместо большого холода меня бросило в жар. Присмотревшись, я увидел возле постройки несколько танков.

Понял, что прошел нейтральную полосу и нахожусь на немецкой территории. Я пошел по старому пути, внимательно вглядываясь, что делается впереди и по сторонам. Когда я подошел к немецкой передовой, встал, внимательно осмотрелся и двинулся к нейтральной полосе, пройдя метров 50, а может и больше. С немецкой стороны взлетела осветительная ракета, затем последовала беспорядочная автоматная очередь, проснулись и с нашей стороны, дали несколько пулеметных небольших очередей. Я начал приближаться к нашим. Возможно, немцы слышали мой крик, подняли беспорядочную стрельбу и стали пускать осветительные ракеты. Недалеко от нашей передовой я попал в довольно глубокую воронку и начал кричать, что я свой, чтобы не стреляли, но с наших окон поднялся издевательский смех, мол, от немцев идет и свой. И все-таки кто-то из командиров крикнул, чтобы прекратили стрельбу и чтобы я выходил. Я подполз побли-

же и прыгнул в траншею, и сразу получил удар в спину, посыпались удары ногами куда попало, меня никто не хотел слушать, наконец, подошел какой-то офицер, недовольный криком, что его разбудили, прекратил избиение и спросил в чем дело, ему начали кричать солдаты, что жида, немецкого разведчика, поймали. Он приказал охранять меня, а сам пошел по траншее звонить кому-то. Минут через двадцать он вернулся, приказал связать меня, завязали глаза и куда-то повели, затем сели в машину и поехали. Ехали, я думаю, больше часа. Завели в какое-то помещение, посадили на стул, и так я сидел минут двадцать, зашел какой-то офицер, ибо охраняющий меня доложил, что он охраняет приведенного шпиона — это был капитан. Он приказал снять повязку с глаз, посмотрел на меня с презрением и сказал, что мало, мол, немцы бьют евреев, а они все равно предают Родину.

Начал требовать подробности. Я начал говорить действительную правду, ссылаясь на красноармейскую книжку, где все сказано. Он взял палку и начал бить меня по бокам, затем пустил в ход кулаки. Так длилось очень долго. Сказать что-то другое я не мог и не знал, а он все больше зверел. Подошел сбоку и со всей силы ударил меня в висок, и я полетел вместе со стулом и потерял сознание, когда я очнулся, голова была мокрой, а возле меня стоял человек в белом халате подполковник, а капитан стоял в стороне. Подполковник всех выпроводил и стал разговаривать со мной спокойно и вежливо, начал доказывать, что по законам военного времени за измену Родине военный трибунал может присудить вышку и нужно признаться.

Я ему сказал, что вышку легче всего сфальсифицировать, а если вы действительно хотите разобраться и помочь мне, вы должны мне поверить. Я ему предложил разыскать мою воинскую часть, которая находится недалеко, номер ее указан в моей красноармейской книжке, которую у меня они отобрали. Он выслушал меня, ничего не сказал и вышел.

Прошло много времени, и тут открылась дверь, вошел подполковник, и за ним мой командир дивизиона, майор Велигура. Прощаясь, подполковник невзначай заметил, что мне крепко повезло, что часть моя не успела уйти на другой участок фронта. По приезду в дивизион, командир Велигура поинтересовался о моем приключении, я ему все подробно рассказал. Через несколько дней состоялось наступление, и командир дивизиона дал несколько залпов по указанному мной строению и танкам немцев. Когда наши части продвинулись вперед и заняли несколько населенных пунктов, майор Велигура решил побывать на указанном мной месте, то обнаружил там 3 уничтоженных немецких танка и разрушенное строение. По приезду в расположение дивизиона он позвал меня, объявил благодарность и сказал, что представит меня к правительственной награде, Орденом Красной Звезды. Но был еще в дивизионе замполит майор Старилов, ярый антисемит и негодяй, который написал или позвонил начальнику политотдела дивизии, что я, мол, был в оккупации и не заслуживаю такой награды. Это мне по секрету писарь дивизиона сказал, когда майоры спорили по этому вопросу. К сожалению, антисемитизм был присущ не только немцам.

Сапожников Захар

Родился 14.07.1921 года, Украина, г.Черкассы. После окончания десятилетки в 1939 году был призван в армию, но пошел учиться на военфак Харьковского мед.института. Попал на войну в начале в отдельный батальон связи при 22 механическом корпусе. Прошел с боями до момента оккупации и плена в сентябре 41 года после сдачи Киева.

В плену, я, как медик и еврей, старался скрываться в инфекционном отделении (сыпнотифозных и туберкулезных), что, с божьей помощью, меня и спасло.

В ноябре 1942 года мы совершили с группой медработников побег с поезда в районе ст.Оржица Винницкой области.

Некоторое время я прятался в с.Медовка, попал в партизанский отряд (2-я Сталинская партизанская бригада полк им. Кирова). Воевал там как рядовой фельдшер. На моем счету (участвовал) в 9 крушениях немецких поездов с военным снаряжением. Имею партизанские документы.

Потом продолжал участие в войне в должности командира санитарного взвода. 1.09.44 г. был тяжело ранен в Польше г.Санок (черепно-мозговое ранение в глаз с потерей зрения и др.). Но после госпиталя продолжал еще воевать, как ограниченно годеный до конца войны. Демобилизовался в ноябре 1946 года, в чине старшего лейтенанта медицинской службы.

Имею правительственные награды, 2 боевых ордена, множество медалей, И.О.В. II группы.

Семья — жена, двое детей, 3 внучки и один внук.

Тругман Марк

ЗАДАНИЕ КОМАНДОВАНИЯ БЫЛО ВЫПОЛНЕНО

В 1940 году после окончания средней школы был призван в армию и проходил службу в Западной Белоруссии, в Белостокской области на границе с Германией. Учился в специальной учебной батарее артиллерийского полка резерва Главного командования, которая готовила офицеров запаса. Осваивал новейшую артиллерийскую технику. Наш

полк располагался в летних лагерях, в лесу около города Барановичи.

В ночь нападения фашистских войск на СССР с 2-х до 4-х часов ночи стоял на посту в карауле, на железнодорожной станции около города Барановичи, охранял воинский эшелон, и тут началась бомбежка. Сначала подумали, что это очередная провокация со стороны немецких войск, потом увидели, что рядом снаряды рвутся, поезда с пограничниками начали отходить на Восток.

Полк наш сразу разбомбили. В летних лагерях у нас не было снарядов, орудия простаивали. Из отступающих солдат и офицеров срочно формировали боевые группы сопротивления, но, как и все в начале войны, узнал горечь отступления: Барановичи, Белосток, бой на реке Березина, Минск и далее все отступали, отступали... Наконец, в августе месяце в Брянских лесах был сформирован новый полк, оснащенный новейшими орудиями — 152 мм. гаубицами. Мне присвоили звание сержанта, назначили командовать взводом, дали два орудия и новейшие, в то время, скоростные гусеничные трактора и обслуживающий персонал, сформированный из солдат-резервистов, призванных на 45-дневную службу. Я начал осваивать эти орудия и обучать солдат. К тому времени мы отступили уже почти до Орловской области.

В конце сентября месяца я со своим взводом получил специальное задание командования: расположиться на подступах к г. Севску Орловской области, в стороне от главной дороги на восточном берегу какой-то речки, притока реки Десна, на опушке леса. Охранять мост через эту речку и не дать возможность немецким войскам перебраться через этот мост, пока не переберутся все наши отступающие войска и не организуют оборону городов Севск и Дмитровск, имеющих важные стратегические значения для наступления на г.Орел и далее на Москву. Одно орудие было сразу направлено на этот мост и замаскировано. Из второго орудия мы обстреливали приближающиеся к мосту немецкие войска. Задача заключалась в том, чтобы сразу, после прохождения наших войск взорвать этот мост. 1-го октября 1941 года немецкие войска подошли к этому мосту, мы начали их обстреливать. Они тоже нас засекли. Одно орудие и трактора были уничтожены. Я был ранен, осколок попал мне в ногу, был оглушен, контужен и потерял сознание. Когда очнулся, то увидел, что, к счастью, второе орудие, которое было наведено на мост и стояло немного в стороне, и было замаскировано, осталось целым. Из 25 бойцов взвода нас осталось 3 человека — я и 2 бойца. Бойцы

перевязали мне рану и помогли добраться до орудия. Мне удалось таки взорвать этот мост, на несколько часов мы перекрыли немцам возможность переправиться через эту речку. Солдаты перенесли меня на проселочную дорогу, ведущую в какую-то деревню, а сами пошли в лес искать наши войска или партизан. Больше я этих солдат не видел. Двое суток по болотистой местности я добирался до этой деревни, ползком, питался ягодами, клюквой, голубикой. А дальше уже и не помню, очевидно, потерял сознание. Но меня нашел один старик, местный колхозник, который на подводе отвез меня к себе в избу. Там я и пришел в себя. Почти месяц я жил у этого старика, лечился, выдавал себя за украинца (украинский язык я знал хорошо, учился в украинской школе).

Вскоре в деревне (она была в стороне от дорог) появились немцы, и старик испугался, оставаться в этой деревне стало опасно. Старик передел меня, соорудил костыли, и я от него ушел, поплелся по направлению на Украину и далее в сторону Ростова, пытаюсь перейти фронт или связаться с партизанами. Внимания особого я не привлекал, на костылях, заросший, с бородой, котомка на плечах, худой — настоящий старик, население ко мне обращалось так: «Эй, диду, иди сюди, хлиба дамо». Я старался, конечно, немцам на глаза не попадаться, то переночую где-нибудь в заброшенном доме, школе, сарае, то где-то в скирде соломы на поле. Так за два месяца добрался до города Ростова, а затем до города Таганрога на Азовском море, где пытался с группой моряков, к которой я присоединился, перейти по узкому участку замерзшего моря на противоположный берег, где еще были наши войска. Но так как еще я передвигался на костылях, то вскоре меня поймали, охранявшие берег солдаты, счастье мое, что это были не немцы, а румыны, и что у меня уже был документ на кавказца.

До этого, по дороге на Ростов, проходил через Донецкую область, и я зашел в город Константиновка этой области, где до войны я уже учился и откуда был призван в армию. Там я узнал, что мой отец и брат воюют на фронте, а мать с младшими детьми, моим братом и сестрой, эвакуировались в Узбекистан. Ночевал я и прятался у своего бывшего учителя, который разъяснял мне, что мне нельзя выдавать себя за украинца, посоветовал мне отпустить усы и выдавать себя за мусульманина, который добирался к себе на Кавказ. Он же мне, через наших людей — подпольщиков, достал справку городского управления на имя гражданина Дмитрия Тамарина, уроженца г.Очемчира в Абхазии (единственный город, который я знал на Кавказе, так как до войны был там по туристической путевке).

Меня поймали румыны, которые сначала поместили меня в пересыльный пункт в г.Мелитополе, а потом отправили меня в лагерь военнопленных г.Запорожье. Была уже зима, суровые морозы. Немцы как раз восстанавливали Днепрогес, взорванный нашими войсками при отступлении, военнопленных немцы гоняли туда на работу. В лагере г.Запорожья было несколько отделений. Я попал в отделение, где находились, в основном, пленные нацмены, выходцы из республик Средней Азии и Кавказа. В одном отделении (несколько барачков) находились украинцы, которые пострадали от советской власти: бывшие раскулаченные, заключенные и их потомки.

Они находились немного в лучших условиях. Так как в этом отделении я был единственным, который хорошо знал русский язык, а также немецкий, некоторое время я был писарем, оформлял списки пленных на немецком языке. Весной 1942 года в лагере уже действовало наше подполье, которое старалось помочь пленным, устраивали наших людей на какие-то работы с лучшими условиями труда, а пленных, настроенных антисоветски, включали в рабочие команды с каторжными работами: на восстановление Днепрогесса, строительство дорог, мостов и т.п.

Скоро я связался с нашими подпольщиками, узнал, что эта группа являлась одним из подразделений, действующей в городе подпольной организацией, а еще через некоторое время я уже возглавлял эту группу (так называемую «пятерку»). Мне передали настоящую немецкую печать и бланки, немцы к тому времени начали выпускать из лагеря некоторых украинцев пострадавших при Советской власти, выдавали им справки. Мы же под видом этих украинцев стали спасать советских командиров, выдавали им такие же справки, которые я оформлял, и с помощью местного населения отправляли их в партизанские отряды. Через мои руки прошло 92 человека. Списки этих людей находятся в областном архиве. Для вывода людей из лагеря действовали по-разному: вывозили под видом умерших, иногда подкупали немецких охранников, украинских полицейских, охранявших пленных по дороге на работу и обратно в лагерь. Но в лагере тучи сгущались, нашелся предатель (его судили после войны), арестовали некоторых членов нашей группы, двоих расстреляли, а меня сначала отправили также на работы на восстановление Днепрогесса, на соседний авиамоторный завод, а затем отправили в Днепропетровскую тюрьму. Оттуда мне удалось бежать (помогла подпольная организация города). Но меня снова поймали и отправили на каторжные работы в концлагерь Штарград в Германию. Лагерь был большой, кроме советских, были там военнопленные: сербы, поляки, французы, бывшие союзники Германии итальянцы, румыны, а также в 1941 году и американцы. Трудностей в лагере пережил немало и очень тяжело работал на заводах, производивших вооружения, часто работал под бомбежками: американцы уже всю бомбили Германию. Работал также на сельхозработах и других. Так прошло почти 2 года. Подробно о выполненных работах описывать не буду. Об этом в нашей печати и воспоминаниях многих бывших узников моего возраста в концлагерях написано много.

Во время одной из бомбежек мне с одним товарищем, бывшим полковником, удалось бежать из лагеря. Добирались к приближающейся к Германии линии фронта, шли мы ночами, а днем прятались в лесах, питались лягушками, устрицами (научили нас их жарить пленные французы). Так мы в начале 1945 года добрались до бывшей границы Германии с Польшей, где уже были советские войска. Нас сразу же забрали в контрразведку. Моего друга — полковника, как бывшего советского офицера отправили в советский лагерь, а меня — на допросы. После длительной и мучительной проверки в армейской контрразведке (никак не могли понять, как я еврей, остался живым). Меня отправили в штрафную роту на штурм Берлина, где я и закончил свой боевой путь. За участие в штурме Берлина получил медаль «За взятие Берлина» и Орден Отечественной войны II степени.

Фаерштейн Борис

В ПЛЕНУ У ФАШИСТОВ

Впервые я узнал о нем в раннем детстве. Пятилетним ребенком блуждал по крохотному пятакчу земли, выжженному жарким крымским солнцем, между домом, школой, магазином и клубом. Клубом громко назвали приземистый глинобитный барак, в котором устраивали собрания только недавно основанного колхоза; демонстрировали новые фильмы, изредка проходили гастроли настоящего еврейского театра, и... в тех редких случаях, когда умирал кто-либо из односельчан, ставили гроб, прощались с телом покойного.

Из разговоров родителей я знал, что сегодня хоронят умершего накануне односельчанина. Это были вторые похороны в моей жизни. Любопытство и страх тянули туда, к приземистому окошку. Вот там-то я и услышал разговор двух односельчан.

— А Бориса, сына, вызвали?

— Да, дали телеграмму в Симферополь, должен сегодня приехать.

В дальнейшем из разговоров взрослых я понял, что сын на похороны отца приехал. Вернувшись из эвакуации, я узнал, что Борис оказался в числе тех немногих, кто уцелел в годы военного лихолетья, и преподает математику в школе. Однако всякий раз, когда в разговоре упоминалось его имя, следовало многозначительное молчание: был в плену.

Я был значительно моложе, в друзья не набивался, тем более в мыслях не было расспрашивать о плене, о том, как ему удалось выжить. Теперь, на склоне лет, мы сидим за столом в его уютной квартире в Ащдоде. Когда истощился разговор об общих друзьях и знакомых, Борис начал свой рассказ.

— Меня сняли с работы в 48-м. Начал добиваться правды. Профсоюз, прокуратура, суд. Поехал в Симферополь по инстанциям. Все выслушивают, посочувствуют, но помочь никто не может и не хочет. После долгих мытарств попал на прием ко второму секретарю обкома Никанорову. Я ему говорю: да, был в плену, но я прошел проверку СМЕРШа, никакой вины за мной не нашли, на каком основании меня теперь уволили?

Он внимательно выслушал и позвонил зампреду облисполкома, ведавшей учебными заведениями. Приказал: разберитесь, а этому дураку, завоблоно, скажите, чтобы больше таких глупостей не делал.

Восстановили на работе. Повезло, попал на человека. Такие, правда, не выживали. Потом, когда разразилось известное «Ленинградское дело», расстреляли секретаря Крымского обкома Соловьева, посадили и Никанорова. Впоследствии освободили, больного и изувеченного.

В 53-м году, когда началось «дело врачей», приехала комиссия, заведующий районо, инструктор и математичка из районной школы. Сидели на уроках, про-

веряли. Потом математичка рассказала, что комиссия должна была принять решение снять меня с работы.

— Кого вы поставите? — сказала она. — Это же один из лучших преподавателей. Его ученики после седьмого класса лучше всех успевают в нашей школе.

Так я опять удержался.

А как началось?

После окончания учительского института я преподавал математику и физику в Джанкое. В 39-м году забрали в армию, попал в Ленинград, началась финская война. Через три месяца отправили на финский фронт. Повезло: прошел все передряги, остался жив. После окончания финской войны отправили в Белоруссию.

Служил в Пружанах, недалеко от города Барановичи. Перед началом войны отправили в Брест. Форт № 5 Брестской крепости. Летом нас перевели в лагерь, недалеко от Бреста. Шел второй год службы, назначили заместителем политрука роты. 21 июня мой день рождения. Исполнился мне как раз 21 год. Купил вино, закуски. Посмотрели новый фильм — «Истребители». Потом устроились в палатке. Старшие командиры ушли в деревню к семьям. Собрался младший комсостав. Гудели где-то до двух часов ночи. Уснули. Только начинало сереть, и по нас прямой наводкой так дали, что некоторые даже не вышли из палаток. Так началась война.

Немцы нас не искали. Если кто попадал на их пути, уничтожали. Они рвались вперед — и все. Мы вначале отстреливались, а когда немцы ушли, начали прорываться на восток. Связи никакой. Ни полковники, ни подполковники, никто не знает, куда идти и что делать. Шли в составе батальона. 3-й батальон 42-й стрелковой роты. Присоединились к нам люди и из других подразделений. Паника, связи нет, снабжения нет. Оголодали страшно.

Зашли в одном местечке в дом. Прошу, продайте что-либо поесть. Слышу, хозяйка говорит мужу на идиш: «Вос хобн мир, эйер одер а бисл зоер милх?» (Что у нас есть — яйца или немного кислого молока?)

Я как услышал еврейскую речь — вздрогнул. Сам заросший, страшный. Говорю им на идиш: «Дураки, что вы здесь сидите, что вы торгуетесь. Бросайте все и бегите. Здесь через два часа немцы будут. Всех вас повесят».

Мы уже проходили места, где побывали немцы, кое-что повидали. Прорвем кольцо окружения, идем дальше, опять попали в окружение, прорываемся снова. Прошли еще километров двадцать, восточнее, сунулись в одно село, и тут по нам открыли огонь немцы, из пушек и пулеметов. У нас патронов не хватает, отступили. Отошли от села километра два, собрались в лесу. Что делать? Другого пути нет, надо прорываться. Посоветались, и командир батальона отдает приказ: на рассвете в половине четвертого будем прорываться.

Ранним утром стали пробираться в село. Застали немцев врасплох. Они спали раздетые, в одних трусах. Внезапной атакой сломили их сопротивление, перебили почти всех, остальные сдались в плен. Их отвели подальше и пустили в расход. Не могли мы с ними возиться. Командир роты говорит:

— Ребята, берите жратву.

Командир батальона кричит:

— Ничего не брать! Отравлено!

Пока суд да дело, стали запасаться. Я под шумок кинул в рюкзак круги сыра, хлеба. Нашли лезвия, курево. Мы же небритые, заросшие. Стала собираться наша третья пулеметная рота. Всех накормили, побрились, помылись, привели себя в порядок. Пошли дальше. В одной деревне купили яиц. Выпил девятнадцать сырых. Я их в жизни не пил.

Пробирались на восток, через Пинск, полесья, болота, Лунинец, дошли до Слуцка. Переплыли Припять. Собралась большая группа, и по нас опять долбанули, кого убили, кого контузили, тогда я и попал в плен. Если бы не контузия, в жизни бы не сдался.

Первым делом искали комиссаров и евреев. Расстреливали моментально. Жрать не давали, кормили лушпайками, суп сварят и все. Здоровых гоняли на работу. Осенью 41-го года переправили в тюрьму Барановичи, народу тьма тьмущая, пошли дожди. Чтобы не спать на земле, некоторые залезали на крышу. Приходили немцы и упражнялись в избиении пленных, просто для развлечения.

Пленных начал косить тиф. Если кто окончательно ослаб, его выбрасывали. Под утро громоздилась куча по сто, сто пятьдесят трупов. Люди в них еще шевелились. В Барановичах на построении выходит перед строем служивший у немцев переводчик и унтер-офицер, я немного понимал по-немецки, но не показывал виду. Подходит к ним полицай и по-немецки говорит: «Ду ист юде». Переводчик ко мне: «Ты еврей?» Я отвечаю: «Нет, татарин». «Идем!» Привели в камеру: «Еврей?» — Нет. — «Снимай штаны!» И как начали меня избивать: признавайся! Били до потери сознания. Пока приходил в себя, прошло пять минут. Очнулся. Говорят: «Считай до десяти по-немецки». Об этой уловке я уже слышал. Если еврей, то обязательно услышится акцент: «Я не умею». — «Как не умеешь?» — «Не умею, не могу я считать по-немецки». — «Тогда повторяй»...

Я повторяю и искажаю слова, как могу, чтобы не было никакого акцента. Они пять били. Потом заволокли в карцер.

В небольшую комнату затолкали столько людей, что нельзя было лежать, только стоять или чуть присесть. Все штрафники — евреи, коммунисты или те, кто пытался бежать. Двери закрыты, разделись, нечем дышать. Вначале загнали в угол возле параша. По мере того как крайних уводили на расстрел или отпускали, продвигался дальше. С первых дней плена выдавал себя за татарина. Когда учился в Симферополе, со мной учились татары. Знал я немного обиходных татарских слов. В ближайшую субботу по приказу коменданта лагеря выстроили всех во дворе. Суд был скорый и беспощадный. Попытка к побегу — расстрел! Дошла очередь до меня. Переводчик докладывает. Я делаю вид, что не понимаю. «Кто ты?» Я зарос, не стриженный, не бритый. «Татарин», — говорю. Посмотрел на меня, да, похож. «Позовите, кого-нибудь, кто по-татарски понимает». Привели татарина, тот спросил, как меня зовут, как фамилия, откуда. Я ему ответил. «Да, он понимает по-татарски». Отпустили меня.

Знакомые ребята привели в санчасть. Немного помылся, постригли. Я было так зарос, борода, усы, даже спрашивали, тебя дед, как звать? Преобразился. Фамилию изменил, имя оставил. Сослуживцы, попавшие в плен со мной, рассеялись, исчезли из виду. Боялись друг друга.

Потом были Барановичи, оттуда перевели в Польшу, в Лодзь. Весной 43-го на пароходе повезли в Финляндию, через Балтийское море. Набили трюм, как селетки в бочку. Качка была невероятная. Англичане бомбили, страшное дело. Три ночи мотало нас в трюме, баланду, что давали, никто не мог съесть. На исходе вторых суток, когда немного стихло море, уменьшилась болтанка, один солдат сошел с ума, и начал кричать во всю глотку: «Тонем!» Поднялась паника, люди рванули вверх по трапу. Немцы всполошились, подумали, что восстание, и начали молотить из пулемета в трюм. Я не могу тебе сказать, сколько там погибло людей, скольких передавила отпрянувшая от трапа толпа. Никто их не считал.

Обессиленные, изнеможенные люди очистили пространство, трупы выкинули в море. Пароход прибыл в порт Турку в Финляндии, дальше повезли в вагонах, на север. У больного солдата снова помутился рассудок, на остановке он выскочил из вагона, стал кричать. Здоровенный немец выпустил в него очередь из автомата. Привезли на самый север, где кончается железная дорога в город Рованиemi.

Разместили в бараках. Ждали, когда сойдет снежный покров, откроются дороги для автотранспорта, чтобы отправить за Полярный круг, на каменоломни. Окна в бараках завешивали на ночь плотной черной бумагой. Светомаскировка. Боялись, что могут бомбить и русские, и англичане. Один солдат слезал с нар и случайно сорвал бумагу. Охрана увидела свет в окне, посчитала, что это сделали намеренно, чтобы привлечь английские и русские самолеты. Нас согнали с нар, вывели во двор, и давай гонять вокруг барака до утра. На каждом углу стоял немец и бил резиновым шлангом изо всей силы. На ногах были колодки, выдолбленные из дерева. Некоторые спотыкались, падали. Обезумевшие от боли и испуга люди, затаптывали, лежавших на земле. Приближаясь к углу, на котором стоял немец, старались бежать быстрее, чтобы уменьшить силу удара. И так до самого рассвета.

Через месяц нас отправили на каменоломни. Добывали щебень для дорог. Взрывали скалу, отвозили камень на дробилки. Крупные глыбы разбивали кувалдой. Кто проштрафился, того ставили на кувалду и целый день заставляли дробить камень вручную. Рядом стоял конвоир и не давал ни минуты передышки. После окончания работы немцы устраивали развлечение. Метрах в пятистах от лагеря на берегу речки складывали штабеля с лесом. Семь-восемь человек взваливали бревно и несли его до землянок, в которых жила охрана. Потом пленные распиливали их на дрова. Хорошо, если подбирались дружные ребята. Некоторые не выдерживали падали, оставшиеся не могли выдерживать. Бревно падало на землю. Упавших травили собаками и расстреливали на месте.

Осенью, когда пошел снег, работа прекратилась. Нас отвезли в Норвегию. Здесь я оставался до окончания войны. Работал на лесопилке, на ремонте дорог.

Кормежка везде была скудной, но в Норвегии жили в населенном пункте, приходилось работать вместе с гражданскими. Они иногда подкармливали. Одно время работал с норвежцем на лесоповале, он делился принесенной из дома едой. Иногда приносил соленой рыбы. Стало чувствоваться окончание войны, уже было немножко легче. Но все равно, когда война кончилась, я весил сорок три килограмма. Чистый воздух, парное молоко, которым поила по утрам мама, крепкое здоровье помогли мне выжить в этих адских условиях.

Мы оставались в стране еще полтора месяца. Надо возвращаться. Я осознавал, если сейчас не вернусь, буду считаться предателем. Конечно, те, кто служили немцам и были в полиции, возвращаться не собирались. Остальные все спешили домой. Мне бояться было нечего, хотелось скорей увидеть родных, мать, брата, сестру. Приезжали представители из посольства. Уговаривали: возвращайтесь, не бойтесь, мы понимаем, вы же не по своей вине оказались в плену. Товарищ Сталин вас простит. Мы свободно передвигались по стране, ездили в Осло. Население относилось приветливо. Угощали, давали одежду.

Потом погрузили в эшелон, повезли в Швецию. По дороге не разрешали выходить. Из Швеции — в Финляндию. Оттуда пароходом в Ленинград. Опять погрузили в эшелон и повезли в Горьковскую область, высадили на станции Кулебаки. Здесь нас встретили солдаты в зеленых фуражках с алыми погонами, с собаками.

Взялись за меня органы. Допрашивали, с кем я встречался в плену, могу ли за них ручаться. Что знаю о товарищах по несчастью. Назвал около двадцати фамилий. Точно так же других опрашивали обо мне. Прошедших проверку перевели в стройбат, и я попал в Тулу. Возможно, если бы остался жить в большом городе, вся жизнь пошла бы по-другому. Не пришлось бы перенести всех унижений, которые выпали на мою долю впоследствии, но мать звала домой, и я вернулся в Крым, в свой степной поселок.

Работал в школе, женился, вырастил двоих детей. В 71-м году, когда начал рассеиваться туман, обволакивающий таких, как я, меня избрали управляющим нашего отделения. Хозяйство большое, богатое, однако евреев, которые его основали с помощью «Агроджойнта» в 1925 году, оставалось все меньше и меньше. Одним из последних я погасил свечу и покинул дом, в котором прошла моя жизнь.

Шапиро Ефим

22 июня 1941 года началась война. 28 июня немцы заняли город Минск, а ровно через — 28 июля — было организовано Минское гетто. 28 августа была первая облава в гетто на мужчин. Мужчины спрятались в огородах. Немцы зашли в наш двор и спросили у женщин: «Где мужики?» Женщины ответили, что их уже забрали. Обыскав чердак и погреб, гестаповцы ушли. Когда немцы вели колонну, один парень сбежал и спрятался в нашем дворе. Таким образом, мы все попали в руки к немцам, они обыскали всё снова. Меня, как малолетнего, дав пинок под зад и обозвав «фарфлэхтер юде», отпустили. Отец, увидев немца, который ежедневно возил его на работу, стал звать его. Получив пару плёток, вернулся вечером после работы, а остальные, кого увидели гестаповцы, исчезли навсегда.

На следующее утро началась стрельба. Мама положила меня в мусорный ящик и накрыла крышкой. Сняв доску с задней стенки ящика, люди затащили меня в заросли малины, где и спрятали.

Мама и мои две сестры погибли. Все дома были опять разграблены. На улице я встретил папу. Он стал брать меня с собой на работу, куда его гоняли ежедневно.

Было ещё много облав и погромов. Один из погромов длился четыре дня, и мы с отцом оказались в лагере военнопленных.

Так было до 1943 года.

Было решено уйти к партизанам. С большими трудностями группа из 25 человек через многие препятствия всё-таки добрались до партизан. Но отец вернулся в гетто. Он погиб в перестрелках.

Меня же зачислили в 106-й партизанский отряд Барановичской области.

ОНИ НАХОДИЛИСЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Акура Фёдор

ЕВРЕЙ ПО ИМЕНИ ФЁДОР

Никто в амидаровском доме на улице Рамбам о Федоре Акура не слышал. «А он еврей?» — спросила меня старушка, из тех, что вечно сидит на лавочке у подъезда. Признаться, два дня назад я сама задавала этот вопрос Ицхаку Римеру, председателю Союза Ветеранов Гиватайма. В самом деле, зовут человека Федор, 3 года был в гитлеровской оккупации на Западной Украине. И фамилия какая-то японская. «Вот у него и узнайте, — ответил Ример. — Документы в порядке».

А теперь, когда бывший Хаим налаживает отношения с украинским селом — а продлится это почти 3 года — я хочу сделать отступление и рассказать, какие пути привели меня в эту крошечную амидаровскую квартиру.

Дело в том, что за неделю до радостного советского праздника — Дня Победы — ко мне обратился главный редактор одной из русскоязычных газет с просьбой написать о человеке, которого освободила Советская Армия.

Терпеть не могу писать о войне, было время, когда приходилось это делать очень много, влезать в чужие трагические судьбы, выслушивать жалобы на неблагодарное советское государство, которое за пролитую кровь отплатило жалкой подачкой — пайком. Кроме того, чем дальше удалялись эти годы и уходили из жизни подлинные герои, тем больше плодилось ветеранов «второго эшелона», которые при помощи ветеранской книжки, выбивали себе всевозможные жизненные блага, зубами вырывали их у вдов и сирот.

Так вот отказывать редактору было поздно, надо было писать, и сегодня я об этом не жалею. Потому что бывший Хаим, а к этому моменту нашего рассказа, Фёдор, оказался из той первой категории ветеранов, которые вызывают глубокое уважение и искреннюю благодарность.

Поначалу в селе Сосновка никто не догадывался, что Фёдор с маслобойни — еврей. Был он голубоглаз, русоволос, с выгоревшими бровями и ресницами. Звали его «Москаль». Добрый москаль давал крестьянам макуху — жмых с маслобойни, с тех, кто победнее, у кого детей много, денег не брал за работу.

Первым догадался хозяин. Увидел, что батрак захаживает в последнюю в селе еврейскую семью, хлеб носит. Чем они там питались, Бог знает, уже не прятались, и на стук в дверь не вздрагивали — знали свою судьбу.

В сорок втором забрали их в гестапо.

— Я тогда работал в клуне, — вспоминает Фёдор. — Вижу, пан хозяин то войдёт, то выйдет, что-то сказать хочет. А потом не выдержал:

— Нет уже Шейлы, нет Розы, нет Шаи. Всех убили.

И заплакал. И я вместе с ним.

Дважды хотел бежать Фёдор за линию фронта, воевать с захватчиками — идейный был комсомолец. Но пан хозяин, Юзеф, не пускал, боялся, братья-украинцы продадут немцам. А в селе рассказывал, как батрак вместе с ним молился христианскому Богу. Но там уже знали, что на хуторе есть еврей-батрак, всё чаще приходилось ночевать в стогу, а днём уходить работать далеко в поле, хотя староста села Заремба посылал детей бегать на хутор, предупредить, когда заходили немцы и полицаи.

К концу сорок третьего бендеровцы — украинские националисты — свирепствовали всюду, мародёрствовали, ненавидели и поляков, и своих украинцев. Однажды такая банда ворвалась ночью на хутор, ограбили хозяйство подчистую и зверски избили всех, в том числе пятнадцатилетнего сына хозяина.

В это время и полицаи стали любопытствовать, что за москаль батрачит у Юзефа, уж не жидок ли он? Фёдор тогда вовсе перебрался в поле, ночевал в стогу, и каждое утро, просыпаясь, ощупывал себя: неужели всё ещё жив?

И только с годами понимаешь, что пуля, сразившая друга, метила в тебя. И если бы друг не закрыл тебя своим телом, не было бы той жизни, которую ты прожил, тех сорока с лишним послевоенных лет, трудных, голодных, наполненных заботами, болезнями, праздниками, рождением детей — не было бы целой твоей жизни, такой прекрасной, с которой с каждым годом все труднее расстаться. Вот и сегодня, вспоминая утро в стогу, когда не верилось, что все еще жив, — Хаим Акура не может сдержать слезы. И жена его, Эда, привычно захлопотала, налила чаю, ворчала:

— Ну вот, всегда так, не надо вспоминать, с твоим сердцем...

А он привычно успокоился от родного голоса, отхлебнул чаю и продолжил трудный рассказ.

Примерно в таких словах описала я историю еврея по имени Федор и отнесла главному редактору.

— А где сцена, как Советская армия освобождала его? — не понял редактор.

— Сцены не было. Но вместо того была шахта. Даже оружия не доверили идти на фронт. Ведь по сталинскому приказу он был предателем, изменником.

— Ах, оставьте ваши счета! — перебил редактор. Эти его слова жгут меня все время.

— Я рассказала вам о человеке, который сам боролся за свою жизнь. И боролся не зря. Один остался он из своей большой семьи, но не перевелся род Акура на земле. У Федора-Хаима есть сын Яков, а у того — еще двое сыновей. Не оборвалась ниточка.

Сейчас все Акура в Израиле. Кстати, фамилия эта вовсе не японская, как может показаться. До войны много было евреев с такой фамилией в Коростышевском районе Житомирской области.

Ирина Иорш

Гельфанд Александр

Родился 15 февраля 1940 года, БССР, г. Бобруйск Могилевской области.

Моего отца, Гельфанд Семен Абрамовича, призвали в ряды Красной Армии в 1941 году.

Мать, Гельфанд Броня Абрамовна, я и моя восьмимесячная сестра находились на оккупированной территории. Спустя несколько месяцев вышел указ немецкого командования о создании гетто для евреев, и я с мамой и сестрой оказались в гетто Калинка Бобруйского района. За драгоценности (кольцо и серьги), матери удалось договориться с охраной и передать меня своей подруге Ивановой Марии. Так как у Марии было своих двое детей, то люди (соседи) начали поговаривать о том, что Мария воспитывает еврейского ребенка. Через своих знакомых Мария узнала, что в 60 км от Бобруйска находится семья Фисюков, у которых нет детей. Ей помогли отдать меня, сказав, что мать с девочкой (сестрой) расстреляны немцами.

Несколько месяцев Мария прятала меня в подвале, а когда поняла, что нет выхода, она с группой беженцев пришла и осталась в Щедринке, где ее и познакомили с этими людьми, которые взяли меня на воспитание. Прошло немного времени, но деревня есть деревня, и пошли разговоры. Через некоторое время начал захаживать полицейский. Но Фисюкам удалось на некоторое время уговорить пьющего полицая. Но полицай не успокоился на этом и приехал с немецким комендантом. Так как я был с новой мамой Ниной очень схожий (и в этом было мое счастье), комендант пригрозил полицейскому за обман, но и Фисюкам так же пригрозил расправой, если подтвердится, что мальчик еврей.

Все обдумав и решив, семья Фисюк, боясь за жизнь ребенка, ушла в другое село. Сохраняя жизнь ребенку, оставив все, и даже кормилицу — корову — она ходила из села в село, оккупированное немцами. В это время Михаил Фисюк был в армии. Нина голодала с ребенком, путь был трудный, ребенок очень болел, и она, опять боясь за его жизнь, прятала его по подвалам.

И хотя после войны нашелся мой родной отец, я еще долгое время жил в деревне Сытин, называл Нину и Мишу отцом и матерью. И всю жизнь они были для меня родителями.

Когда пришло время репатриироваться, отца уже не было, я поехал в село, хотя жил уже на Украине, и попрощался с матерью Ниной Брониславной. Чем мог, помогал ей из Израиля.

До сих пор я благодарен этим людям за сохранение моей жизни.

Гулиш Зинаида

1936 года рождения.

Дети войны... Как сложилось наше детство? У всех по-разному, но у большинства оно было тяжелым. Особенно у еврейских детей.

Когда война началась, мне было почти 5 лет. Мы жили в белорусском местечке. Я не помню лиц бабушки и дедушки. Помню только, что дедушка утром надевал на руку и лоб черные кубики и молился (их немцы расстреляли). А мама, старшая сестра и я убежали за день до расстрела. Хотя было очень тепло, на нас надели шубки, я взяла любимую свою куклу и пошли в лес. Пошли по лесной тропинке, не зная куда. Ночевали в лесу, часто отдыхали, т.к. я болела коклюшем. Совсем обессилив, я оставила куклу на пенечке, чтобы после войны ее забрать.

Шли мы очень долго, но когда добрались до деревни, оказалось, что ушли мы не очень далеко. Деревня упиралась в лес. Вокруг уже были немцы, и висели приказы немецкого командования угрожающего характера. Первую ночь ночевали на кладбище. Но свет не без добрых людей. Нас приютила столетняя бабушка.

У моей мамы были зеленые глаза и русые волосы, и она не вызывала подозрений. Но у сестры была проблема с буквой «р» и были большие глаза. Описать все — будет целая книга, но я не берусь за это, боясь быть неточной (все-таки, я была ребенком).

В 42-ом году появились партизаны, и стали часто наезжать каратели. Получив предупреждение от разведки об их появлении, мы убежали в лес. По лесу стреляли, свистели пули, а мы прятались в ямки, прижимались к земле или прятались за толстые деревья. Но однажды нас не успели предупредить, и мы бежали в лес уже под пулями. и у меня слетели с ног «бурочки» (самошитая обувь), я отморожила ноги, и долго после войны зимой открывались язвы.

Но самое для нас страшное было встретить кого-нибудь из нашего местечка. Это был бы конец. От всех незнакомых мы убежали с улицы и прятались на печи.

Но дети есть дети. Привыкли ко всему: и свисту пуль, и к трупам.

С сестрой после войны вспоминали наши «подвиги»: как мы в 1944 году тушили чужую пшеницу. Посев загорелся от противотанковой жидкости, и мы бросились тушить, затем стали выносить бутылки еще не взорвавшиеся и складывать на межу. А еще из брошенного немецкого оружейного склада освободили сундук из-под мин (красноголовки). Затем там подорвались 3-е парней. Но Бог нас хранил. И мы дожили до старости и приехали в Израиль.

Сестра умерла 2 года тому назад. Ей было 72 года. Но больше всех досталось моей бедной маме: тяжелая работа и арест, она шила бесплатно всем, чтобы нас спасти, т.к. подозревали, что наш папа был еврей. И мама старалась всем угождать, в т.ч. и старосте деревни. Она все вынесла героически. А теперь мы уехали, а там осталась ее могила, на которую никто не придет.

Очень больно, но я уже ничего не могу.

Директор (Шлимович) Татьяна

Родилась в селе Вороновица Винницкой области 11.04.1922 в семье рабочего сахарного завода. Мать была домохозяйкой.

После окончания в 1939 году средней школы в с.Вороновица, я поступила в Винницкий медицинский техникум, но, в связи с войной 1941 года, я возвратилась в с. Вороновица к родителям.

Когда пришли немцы в село, они собрали всех евреев, пригнали на окраину села и расстреляли, заставив предварительно выкопать огромную яму. Я успела убежать, и меня спрятала одна женщина (Полищук Анна Петровна), которая умерла в 1950 году. Немцы расстреляли много людей: из них 56 родственников. Она прятала меня у себя до 1943 года, пока начальник полиции не обнаружил, что я у нее прячусь, и сказал, что он обязан меня схватить и отдать немцам. Я вынуждена была бежать. Я не была похожа на еврейку (я блондинка) и все время пряталась: то красила хаты у людей, то копала картошку, то варила — и так добралась до Краснодара.

В Краснодаре немцев не было. Я устроилась работать в больницу санитаркой-нянечкой до окончания войны и проживала в больнице. Даже сотрудники больницы не знали, что я еврейка. Я говорила только по-украински. После окончания Великой Отечественной войны я возвратилась в Винницу, где окончила техникум, вышла замуж (1946). В Виннице я проживала до 1990 года и репатрировалась в Израиль.

Отец: Шлимович Яков Давыдович.

Мать: Шлимович Фаина Алексеевна.

Сестра Соня и ее сын Фима (3 года).

Они были расстреляны немцами в селе Вороновица в сентябре 1941 года.

Дыхт Анна

Родилась 20 января 1930 года в Западной Украине Волынской области село Вишенки Рожищанского р-на (при польской власти до 1939 года). В 1939 г. пришла советская власть.

В 1941 году пришли фашисты.

Семья у нас была большая — 6 человек детей.

Отца и всех близких родственников расстреляли в 1941 году. А в 1942 г. моих двух сестёр и брата отправили в гет-

то и расстреляли.

Я ушла просить милостыню для своего брата, а когда я возвращалась, меня предупредили, чтобы я не шла в лагерь, — всех уже расстреляли. И мне пришлось прятаться у хороших людей до прихода Красной Армии.

Земельман Сарра

Прежде чем рассказать о четырех кругах ада, которые прошла эта женщина, хочу заметить, что человек, даже очень старый, не может быть... пройденным этапом. Вся наша жизнь поκειται на «пройденных этапах», как на фундаментах. И не надо быть строителем, чтобы знать: без фундамента здание рухнет.

ХОЖДЕНИЕ ПО КРУГАМ АДА

...Повестку о призыве в армию Сарре принесли в первый день войны — под вечер 22 июня 1941 года. В ней было написано: 23 июня военфельдшер запаса Земельман С.М. должна прибыть в Криворожский горвоенкомат.

Худенькая, невысокого роста женщина достает из сумочки очередной документ об участии в войне. У нее на глазах закипают слезы. Чтобы как-то успокоить собеседницу, задаю ей вопрос, вроде, и не по теме: «Вы и сегодня помните польский язык?»

— Многое забыла. Но когда здесь, в Израиле, встречаюсь со своим знакомым врачом Леонидом Раком, всегда прошу его говорить со мною по-польски. Это помогает восстановить в памяти польскую речь...

На следующий день после мобилизации лейтенант медицинской службы Земельман уже работала в передвижном полевом госпитале № 75 Юго-Западного фронта. Весь персонал трудился сутками: раненые с передовой шли потоком, их оперировали днем и ночью. Так прошли для нее первые четыре дня войны, а на пятый была контужена во время очередного налета вражеских бомбардировщиков. Еще не успела полностью придти в себя, как попала под вторую бомбежку. Ее задело, но 27 военных врачей, санитарок и раненых погибли. В те дни Сарра потеряла счет времени. Как в карусели, перед глазами мелькали залитые кровью тела, окровавленные бинты, хирургические инструменты. И бомбежки, во время которых запрещалось покидать свои рабочие места.

— Самым жутким, самым трагическим в моей долгой жизни был день 21 сентября 1941 года, — тихо рассказывает Сарра. Мы не знали, что попали в окружение. Почти две недели двигались на восток днем и ночью. Умиряли без операций раненые, падали лошади, нас обстреливали и бомбили. Вместе с другими частями и госпиталями Юго-Западного фронта нас взяли в плен и поместили в лагерь под Полтавой. Я была ранена в ногу...

Тихим голосом, замолкая иногда на секунду, чтобы справиться со спазмом, сжимающим горло, рассказывала Сарра Земельман об ужасах, которые она пережила в первом кругу ада — фашистском плену: голодная, грязная, морально раздавленная пережитым, она ежеминутно ждала уже не раз звучавшую команду гитлеровцев: «Жиды и комиссары, выходи на построение!»

На ее глазах в первый же день плена была расстреляна партия из более чем пятидесяти евреев, одетых в красноармейскую форму. Глядя с ужасом, как несчастных повели к проволочному забору, Сарра ожидала своей очереди. Вдруг она почувствовала, что кто-то подошел к ней. Повернув голову, она увидела начальника своего госпиталя Василенко

«Молчи, Земельман, ничего не спрашивай. Вот тебе документы нашей убитой фельдшерицы. Они без фотографии. Помни, ты украинка. Ты — Александра Михайловская. Сотрудники предупреждены, тебя не выдадут».

Чужие документы на этот раз спасли ее от неминуемой гибели. Как и до пленения, Сарра вместе с оставшимися в живых сотрудниками госпиталя занималась привычной работой: Василенко организовал помощь раненым. Оперировали по пятьсот и более человек в день. Многие умирали, не дожидавшись помощи, от гангрены. Тех, кто еще жил, спасали ампутацией, отрезанные руки и ноги относили к забору из колючей проволоки и там же закапывали. Туда же сваливали трупы умерших от дизентерии. Оперировали без наркоза. Крики раненных разносились по всему лагерю, насчитывавшему в начале 85 тысяч пленных, а потом все меньше и меньше.

Три месяца лагерного кошмара. Ежедневные операции под открытым небом, часто под дождем или снегом. Голод. Боль от раны в ноге, а, главное, страх смерти, ведь кто-то мог выдать. И снова Григорий Васильевич Василенко сказал ей холодным днем: «Сара, тебе надо уходить». И вот она пролежала под забором и сделала первые шаги в неизвестность. Так она начала свой второй круг ада — труднейший, наполненный нечеловеческим ужасом и испытаниями.

...Семидесятипятилетняя Сарра Земельман, жительница Кирьят Ришона, не может дальше рассказывать о пережитом. «Можно, я лучше вам все напишу?» — спрашивает она.

Читаю скупое, без эмоций, изложенный рассказ на тетрадных листочках в клетку.

Больше месяца скиталась она по украинским лесам и дорогам. Иногда подходила к заснеженным селам, просилась переночевать. Иногда пускали, чаще нет. Снова зарывалась с головой в сугробы: там было теплее, снег спасал от ветра. «Подходя к какому-нибудь селу — пишет Сарра, — я больше всего завидовала собакам — у них были будки, где можно укрыться от ветра, их кормили хозяева».

Но однажды — впервые с 22 июня 41 года — ей улыбнулось счастье: неподалеку от Кривого Рога, а Сарра шла к родителям, которые остались в городе, набрела на село и постучала в дверь хаты. Хозяева, отодвинув угол занавески на окне, посмотрели, кто это стучит, и открыли. Говорить девушка уже не могла, только что-то промычала и упала, успев подумать: «Лучше умереть от пули полиция, чем дальше так мучиться». Так Сара, а по документам Александра Михайловская попала в семью ветеринарного врача в селе Веселые Терны Ивана Аполлоновича Лебедченко. Они спасли ее от смерти и голода. Больше года Сарра жила в этой семье, в подвале дома. Очень редко, только по ночам, выходила на несколько минут наверх, чтобы подышать свежим воздухом. И хозяева, и она боялись облав. Фашисты и украинские полиция обшаривали дома, вылавливая всех, кто способен был работать на «великую Германию».

13 января 1943 года Веселые Терны освободили разведчики одной из частей наступавшей Красной Армии. Распрощавшись со своими спасителями, Сарра пошла в Кривой Рог. Там она узнала от соседей, что фашисты родителей расстреляли в первые месяцы войны. Пошла в военкомат и попросилась на фронт, но вместо передовой попала в новый круг ада, третий по счету: ее поместили в проверочный лагерь № 258, предназначенный для тех, кто был в плену. (Номера госпиталей и сталинских лагерей, где служила или находилась Сарра Миронова Земельман; я выписал из военного билета, который она в числе других документов сумела вывезти в Израиль через советскую таможеню).

Начались муки, но уже не фашистского, а советского лагеря. На допросы вызывали только ночью. Следователи требовали, чтобы она доказала на их взгляд невозможное: как ей, еврейке, удалось выжить в фашистском плену и уцелеть на оккупированной нацистами территории. И только тогда, когда она случайно встретила в том же проверочном лагере своих бывших сослуживцев по госпиталю 75 — рентгенолога и главного хирурга — ей поверили и освободили из заключения.

Из сталинского лагеря Сарра вышла физически и морально больной. Но у нее хватило сил снова пойти в военкомат. Земельман направили «для прохождения дальнейшей службы» в медсанбат... 3-й Поморской дивизии Первой Польской армии. Почему не в советскую, а в польскую армию?

— Для меня это до сих пор является загадкой, — отвечает Сарра. — В этой польской дивизии служило много советских воинов евреев: медики, командиры, инструкторы политотдела. Здесь я хорошо овладела польским языком, и в этой же дивизии закончила войну 2 мая 45-го года на подступах к Берлину. В память о службе в польских войсках у меня остался орден «Серебряный крест за заслуги».

Сарра протягивает мне пожелтевший, протершийся на сгибах лист плотной бумаги, внизу подпись: «Главнокомандующий Войска Польского маршал Польши Жимерский». Выше текст на русском языке: «Искренне благодарю Вас за Вашу честную самоотверженную службу в Войске Польском».

Своим честным трудом и большими знаниями вы обеспечили хорошую медицинскую помощь раненым воинам и тем самым сумели быстро возвращать в строй защитников Родины. Крепко жму вам руки».

После демобилизации Сарра уехала жить к своим друзьям в Грузию. Здесь, в Тбилиси, на протяжении сорока четырех лет, изучив грузинский язык, она работала лаборантом в железнодорожной туббольнице. В день Победы и в день Красной Армии всегда надевала боевые награды: три ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, советские и польские медали — их у нее немало. Все документы и награды Земельман привезла в Израиль год с лишним назад. А вот справок о ранении и контузии у нее нет: фашисты не выдавали их военнопленным. Поэтому и не получает Земельман пенсии инвалида Второй мировой войны, а только небольшое пособие по старости. Очень тоскует по привычной работе, по родной сестре, оставшейся в Москве. Муж у сестры — тоже фронтовички — был русский, сын записан русским и женат на русской женщине. В Израиль они ехать не собираются...

Сарра приехала в страну с семьей своих друзей Заславских. Эта семья немало делала для Сарры в Тбилиси, чтобы скрасить ее одиночество. И здесь помогают ей абсорбироваться. Сейчас Сарра живет в Кирьят-Ришоне вместе с дочерью Заславских Лианой и ее мужем Туви Гартмом. Ближе этих друзей у нее, видимо, никого в Израиле нет. Поддерживает долголетнюю дружбу и с дочерью знаменитого еврейского артиста Зускина, расстрелянного Сталиным после войны вместе с известными в СССР деятелями еврейской культуры. Тамара — ее сослуживица по медсанбату в польской дивизии — много рассказывает ей об отце, о его дружбе с Соломоном Михоэлсом.

Почти полвека назад прогремела по планете самая жестокая и кровавая из 14,5 тысячи войн, которые зафиксированы в истории человечества за пять тысяч лет. Война закончилась 60 лет назад, но до сих пор стреляет в тех, кто был на фронте. Эхо войны отзывается у Земельман болью старых ран, горечью невосполнимых потерь. Остались только воспоминания о тех кругах ада, которые она прошла, о встречах с прекрасными людьми на войне и с однополчанами в послевоенные годы.

Приходилось ли вам замечать, как люди, прошедшие войну и чудом уцелевшие, все больше и больше отходят от нынешней реальности и погружаются в мир воспоминаний. И это вполне объяснимо: тот, кто прошел на фронте кровавую проверку своей жизнеспособности и моральной стойкости, навсегда сохранил в душе нравственную чистоту и высокое чувство братства к однополчанам. Эти чувства объединяли нас на фронте, помогали выдержать все. И сегодня они рождают в сердцах нежность к товарищам по оружию, стремление чем-то помочь, поддержать и в трудную минуту. Это чувство заставило меня написать Сарре Земельман — одной из мужественных дочерей нашего древнейшего и так много страдавшего народа. Как и у многих из нас, война отняла у нее юность, здоровье и близких. Трудно быть в наши дни одиноким, особенно трудно тем, кто недавно приехал в Израиль, не имеет квартиры, не может уже выучить язык, живет только прошлым.

Их мы должны не только понять.

Им мы обязаны помочь...

Котловкер Фёдор

До войны проживал в Минске по улице Розы Люксембург. У нас в семье было трое детей. Мать, отец и старшая сестра погибли в гетто. Я с сестрой чудом уцелели, пережили все погромы с 1941 по 1943 годы. После последнего погрома сестрёнку забрала и прятала другая семья до прихода советских войск. А я 8 месяцев скитался — где день, где ночь. В основном ночевал у семьи Прудниченко.

В 1944 по 1946 проживал в Минском детском доме, в дальнейшем был отправлен в совхоз Заречье.

Знаете, как говорят: «Бог сирот любит, а дома не даёт».

В 1998 г. 7 октября репатрировался из Сочи в Израиль с младшим сыном.

В 2005 году родилось 3 внука.

Вот так мы обживаем Израиль уже почти 7 лет.

Мазур Юлий

Родился 30 июня 1936 года в г. Евпаторий Крымской области

Отец работал в еврейском колхозе, Фрайдорфский район недалеко от Евпатории. Мать, окончившая педтехникум в Гомеле, преподавала в школе в том же колхозе.

Когда началась война, мне исполнилось 5 лет, О Евпатории у меня остались редкие отрывочные воспоминания. До нашей эвакуации из Крыма отца мобилизовали в Красную

Армию. Эвакуировалась наша семья в составе: мать — 41 год, незамужняя сестра отца — возраст за 50 лет, жила все время с нами, сестра 10 лет и я — 5 лет. Хорошо помню, как плыли на катере через Керченский пролив, а затем на барже вверх по Кубани. На барже было много эвакуированных. В станице Усть-Лабинской нас всех согнали с этой баржи, по какой причине не знаю, или это был конечный пункт баржи, или что-либо еще. Баржа была большая и железная без бортов, и мама с тетей все время беспокоились, что я свалюсь в воду. Дальнейшие события, это, видимо, смесь моих воспоминаний и рассказов мамы и тети, хотя мне кажется, как будто все это я помню. Как мы оказались в 20 км южнее Усть-Лабинской — в Саратовской МТС, я не знаю, возможно, туда был транспорт. Пешком мы идти не могли, т.к. у нас с собой были подушки, одеяла, простыни, возможно, была кое-какая посуда. В Саратовской МТС мы поселились в бараке, тетя устроилась работать в колхоз (станция Киселевская, вплотную прилегающая к Саратовской МТС), а мама — в школе. В Саратовской МТС мы прожили довольно долго — может быть, полгода, а может быть, и больше. Эвакуироваться оттуда не было никакой возможности, т.к. железной дороги не было, транспорта никакого, с севера надвигался немец, несколькими километрами южнее начинались аулы Адыгей с довольно неприветливым населением. Мы начали эвакуироваться дальше на юг тогда, когда немец подошел совсем близко. Колхоз был расформирован, и нам или продали или дали (этого я не знаю) лошадь с телегой. Т.к. моя тетя до революции жила в сельской местности, то она хорошо могла управляться с лошастью. Получив лошадь и телегу, мы двинулись на юг в направлении Майкопа. Ехали все время под бомбежками, которые я хорошо помню. До сих пор я мог бы отличить гул немецкого самолета от советского.

Вспоминается, например, такой эпизод: началась бомбежка, и тетя с мамой схватили меня и сестру, и побежали от дороги к ближайшему дереву, но не успели добежать — бомба попала точно в дерево, и все, кто успел укрыться под ним — погибли. Дорога была не широкая, почти до Майкопа шла по открытому полю, по ней шли и ехали эвакуированные, но в основном, отступали войска, поэтому немец так упорно и бомбил эту дорогу. Особенно мое детское воображение поражали убитые лошади с вытянутыми вверх ногами с оскаленными мордами.

Из-за непрекращающихся бомбежек у моей сестры произошел нервный срыв, и она заболела. Не доезжая Майкопа, мы подобрали на дороге какую-то бабку, и

дальше она ехала с нами. Она и вылечила мою сестру заговорами и тарелкой с воском. Дом у бабки был в станице, кажется Куржунской, где-то километров 40 южнее Майкопа. Когда мы проезжали Майкоп, то над Майкопом шел воздушный бой, во время которого сбили 2 наших самолета. Мне их было очень жалко, и я все время спрашивал, почему их сбили. После Майкопа начались леса и горы, дорога стала еще уже, но бомбить стали меньше. Когда приехали в Куржунскую, то остановились у бабки, лошадь уже идти не могла, ей нужен был отдых, да и сестру надо было долечивать. На 3-й или 4-й день вдруг началась стрельба, мы все, включая местных жителей, убежали в лес, а утром, когда вернулись из леса, в станице уже были немцы. В бабкином (нашем) доме поселился немец, который угощал меня хлебом и учил немецким словам, показывая на разные предметы, называл их по-немецки. Через 1 или 2 дня этот немец ушел. Это был единственный, как говорят, первый и последний немец, которого я видел в войну. Видимо, этот немец был из передовых частей, который ушли дальше.

Примерно через неделю в станице был вывешен приказ комендатуры, чтобы все евреи пришли зарегистрироваться. Приказ строгий по военному времени, за невыполнение — расстрел. Мать хотела пойти, но тетя настояла, чтобы мы не пошли. Были ли в станице евреи, не было ли, я не знаю. Жители этой станицы, да и наша хозяйка — бабка, видимо, никогда не видела евреев, да и не знала, что мы евреи. Через неделю новый приказ: «Всем эвакуированным прийти с документами в комендатуру и получить аусвайс для возвращения на место, откуда эвакуировались. А то, что мы эвакуированные, знали все, и не выполнить приказ мы не могли.

Здесь небольшое лирическое отступление. На юге Белоруссии есть местечко Славутичи. Недалеко от этого местечка до революции была немецкая колония, где проживала всего одна еврейская семья, это была семья моего дедушки. Их так и называли: «Дойчюден», так что мои тетя и папа росли среди немецких ребятишек и говорили по-немецки без всякого акцента.

Мой папа был коммунист, рано уехал из Белоруссии, из мест компактного проживания евреев еще до моего рождения, и, когда я родился, он был категорически против, чтобы мне делали брит-милу.

Тетя пошла в комендатуру и наплела им, что мы этнические немцы сбежали с разбомбленного эшелона, когда нас везли в ссылку, и документов у нас нет, и все это на чистейшем немецком языке (немцы почему-то очень любили, когда с ними разговаривали по-немецки). В качестве доказательства, что мы не евреи было то, что я единственный мужчина в семье — был необрезанный.

Таким образом, мы легально с аусвайсом не нашли ничего лучшего, как поехать назад в Саратовскую МТС. А нам и нельзя было иначе. Других дорог мы не знали, и выписанный нам аусвайс был в Саратовскую МТС.

Доехали быстро, дорога была пустая без бомбежек. При въезде в Саратовскую МТС нас встретил на линейке (легкая конная упряжка) бывший районный агроном, бывший коммунист, бывший член бюро райкома партии Попцов. Первыми его словами было «А, жиды приехали». Сразу же были вызваны полицейские, у

нас отобрали все — одеяла, подушки, посуду, телегу и лошадь — и бросили в какой-то полуразрушенный сарай под охрану полицейских. В сарае были только охапки сена. Выходить из сарая мог только я один. Я собирал хворост, жители станицы Киселевской приносили каждый, кто что мог. Саратовская МТС представляла собой несколько ремонтных зданий, административное здание, жилой барак, а основное население жило в примыкающей большой станице Киселевской. Попцов с приходом немцев стал начальником райуправы. То есть вся административная власть, включая полицейских, видимо, была в его руках. Попцова когда-то раскулачили и, возможно, к этому приложили руку евреи, потому что он ненавидел евреев жгучей ненавистью, т.к. он неоднократно в сопровождении полицейских приходил к нам в сарай, размахивал пистолетом и кричал, что немедленно расстреляет все еврейское отродье. До сих пор меня волнует вопрос: «Что мешало ему расстрелять нас или дать команду расстрелять?»

Ответ напрашивался один: Попцов — местный уроженец и его семья также жила в Саратовской МТС — боялся прослыть среди народа душегубом. Он просто испугался расстрелять двух пожилых женщин и двух детей.

Вопрос второй: «Что мешало Попцову сдать нас в концлагерь?» Концлагерь находился в станице Николаевской, около 15 км от Саратовской МТС. Видимо, бюрократия. Видимо, нежелание заниматься одной еврейской семьей на весь район, а может быть, и на весь Краснодарский край, надо было видимо определить место в концлагере, продовольственный паек и т.д.

Еще одно отступление. К зиме 1943 года организовался Сталинградский котел, и немцы в срочном порядке стали выводить войска с Кавказа на помощь Паулюсу. Немцы в связи с уходом решили ликвидировать концлагерь в Николаевской, т.е. расстрелять или вывезти военнопленных, которые находились в концлагере. Поэтому Попцов решил отправить нас на ликвидацию в концлагерь.

Перед уходом своим немцы мобилизовали население на рытье окопов. Мою тетьку, несмотря на почтенный возраст, в составе группы женщин тоже мобилизовали на рытье окопов.

Перед ликвидацией лагеря в станице Николаевской Попцов решил нас туда отправить и ликвидировать вместе с другими людьми, находившимися в этом лагере. Для этого поздно вечером Попцов приказал какому-то полицейскому отвести нас в райуправу, которая находилась в станице Еленовская в нескольких километрах от станицы Киселевская. Полицейский забрал маму, меня и сестру (тетя в это время была на окопах) и повел через всю станицу Киселевскую в райуправу. Несмотря на поздний вечер (точно помню темное время суток), все население станицы Киселевской выстроилось вдоль дороги, и все проклинали этого полицейского и требовали отпустить нас. Когда мы вышли из станицы Киселевской, полицейский рассказал нам, что нас ждет, и сказал маме, что он может нас отпустить, но нас все равно поймают, тогда погибнет две семьи: мы и его семья. Мама сказала, чтобы он доставил нас в райуправу. Когда мы пришли туда, там было много полицейских, в том числе Попцов. Они в это время обедали и выпивали. Один человек в немецкой форме протянул мне кусок белого хлеба, а Поп-

цов вырвал у меня его из рук, сказав, что этому жиденку ничего больше не понадобится. Утром Попцов вызвал другого полицейского с телегой и приказал отвезти нас в концлагерь в Николаевскую. Надо было проехать очень длинную станцию Еленовскую и затем километров 9-10 до станции Николаевской.

Полицейский, который взял нас на телегу, сказал нам, что, как он слышал, концлагерь будет ликвидирован сегодня ночью, и он постарается нас спасти, сейчас он повезет нас в свою хату (также в Еленовской), мы там просидим день, ночь и полдня завтра, и после обеда он нас повезет в Николаевскую. Так и сделали. Он нас привез к себе домой, его жена долго причитала, плакала, молилась за нас, зарезала, я думаю, последнюю курицу, устроила нам праздничную еду, и назавтра, после обеда мы выехали в Николаевскую. Как только выехали из Еленовской, повстречали группу женщин, возвращающуюся с копки окопов. Среди них была и моя тетя. Несмотря на протесты мамы, что мы едем почти на верную смерть, тетя села вместе с нами на телегу, и мы уже вчетвером, не считая полицейского, поехали в концлагерь.

Полицейский вез нас так быстро, что в Николаевскую мы приехали уже затемно. Подъехали к концлагерю — ворота открыты настежь, никого нет, по территории лагеря ветер разносит какие-то бумаги, перья, тряпки.

Полицейский распряг лошадь, телегу остановил на территории лагеря и сказал нам, что он сделал уже нам все, что мог, и сам он уходит, домой возвращаться не будет. Тетя попросила полицейского вывести нас на дорогу, ведущую назад в Еленовскую. Он помог нам выйти на эту дорогу, после чего мы тепло распрощались с полицейским, и пошли каждый в свою сторону.

Ночь, февраль 43 года, с неба сыплет снег с дождем, пустынная дорога. По дороге идут четыре мокрых, оборванных, голодных человека — две женщины и двое детей. Идут с надеждой у кого-нибудь в станице Еленовской переночевать, обогреться и идти дальше на Кисилевскую, и если Бог даст, добраться до своего сарая в Саратовской МТС. Идут, чутко прислушиваясь, нет ли кого чужого на этой дороге. Несколько раз, при появлении одиноких машин, все четверо ложатся в кювет, доверху наполненный водой со снегом.

Около полуночи, вконец измученные, подходим к станице Еленовской и стучим в окно крайней хаты. Хозяйка через окно отвечает, что у них на постое немцы. Подходим к следующей хате — навстречу патруль, патруль не местный. Тетя плетет им, что мы из этой хаты, были в гостях в Николаевской, там задержались и решили пойти пешком, чтобы не подвергать своих знакомых риску. Патруль смеется: «Ну, ладно, посмотрим с этой ли вы хаты, заходите. Мы зашли в хату, дверь видимо была открыта. В хате спали двое детей, и никого не было взрослых, в окошко увидели, что патруль постоял немного и ушел. Под утро вернулась хозяйка и стала нас выгонять из дому. Тетя ей пригрозила, что она уходит в степь и, если с нами что-нибудь случится, то она расправится с хозяйкой и ее семьей. Оказалось, что в эту ночь хозяйка была приглашена на вечеринку, устраиваемую немцами и полицией перед уходом их. Тетя ушла, где она мы не знаем, а мы пару дней отсиживались у хозяйки в подполе.

Затем пришла тетья и сказала, что немцев нет. Еще через несколько дней пришли наши, и мы переехали в Саратовскую МТС, где поселились в том же бараке, откуда мы эвакуировались.

Попцов ушел вместе с немцами. Были слухи, что он перешел в Красную Армию, даже дослужился до офицера. Но, возможно, эти слухи распространялись сельсоветом. В сельсовете нашлись покровители Попцова, и мы даже не смогли вернуть из семьи Попцова наши постельные принадлежности, которые он у нас забрал в первый же день.

Семья и родственники Попцова стали распространять про нас разные слухи, что моя сестра (девочка 12 лет) ведьма, и каждую ночь летает на метле, и что у меня (мальчика 7 лет), есть хвостик, и я тоже ведьменок, и мы приносим людям несчастье, и нас надо уничтожить. Весь этот кошмар начался уже при советской власти и в сельсовете, и в милиции, куда только мы не обращались, над нами только смеялись.

Тетья устроилась работать сторожем на нефтебазу, мама — учительницей в Киселевской начальной школе, а я пошел в 1943 году в сентябре в первый класс Киселевской начальной школы.

До 1945 года мы считали отца погибшим, он был ранен, затем комиссован и нашел нас в 1945 году, и мы переехали к нему в Кузбасс.

Зная очень подозрительное отношение НКВД к людям, бывшим в оккупации, особенно спасшихся таким чудом, и во избежание с их стороны репрессий, мы нигде ни в одном документе не упоминали, что мы были на оккупированной территории вплоть до приезда в Израиль.

Два года назад я написал в Красный Крест и получил оттуда официальный ответ, что наша семья эвакуировалась из Крыма в Краснодарский край, поэтому официально я прохожу по статусу как эвакуированный, хотя то место, которое указано в справке Красного Креста в то время было оккупировано немцами.

Мирчевская Клара

Память сердца

*Сколько дней прошло с малолетства,
Что его вспоминаю с трудом:
И стоит вдалеке мое детство,
Как с закрытыми ставнями дом.
В этом доме все живы-здоровы —
Те, которых давно уже нет,
И висячая лампа в столовой
Льет по-прежнему теплый свет.
В поздний час все домашние в сборе —
Брат, сестры, отец и мать
И так жалко, что приходится вскоре,
Распрощавшись ложиться спать.*

(С.Я. Маршак)

Вот таким мне запомнился мне мой дом, да еще с крылечком, с вишневыми деревьями и кустами сирени возле него. Много сохранила память А чувства! Я из маленького количества тех, кто выжил чудом во время Холокоста, пройдя через муки ада. Трудно мне вернуться к жутким воспоминаниям, к тем событиям, пережитым мною. Что значит жить под вечным страхом?! Выжила! Всем смертям назло!

Родилась я в живописном уголке Украины, в местечке Романов Житомирской области. В семье нас было пятеро: брат и четыре сестры. Брат был уже женат, две старшие сестры работали учителями в Шепетовке и Нежине. В день начала войны они как раз приехали на каникулы.

22 июня мне хорошо запомнился. Был базарный день, людей много из сел на машинах и подводах приехало. И вдруг бомбовые удары. Полностью разбомбили аэродром в Романовке: ни один самолет наш не успел взлететь. Началась суматоха, крики, плач, люди стали собираться у репродуктора на площади, где стоял памятник Ленину. Только и слышно: «Война!» «Война!», «Что будет с нами?» Районное начальство начало эвакуировать свои семьи. Жителям же говорили, предупреждали: «Никакой паники, будут наказаны те, кто будет делать панику». Об эвакуации людей и речи не было. 22-23 июня была объявлена мобилизация. Несколько семей все же эвакуировались, а где были маленькие дети, не было возможности добраться до вокзала, до станции Разино, что находилась в 11 км от местечка.

3 июля еще слышно было выступление Сталина по радио. По указанию слыше была взорвана печь на стекольном заводе, электростанция. Молодежь послали копать окопы вблизи Мирополя (18 км от Романова). Над нами уже совсем низко летали немецкие самолеты. Через день нас всех отпустили домой. В колонны отступающих бойцов бросили фашисты бомбу, возле пожарной был убит 1 человек (Бобков), а моя бабушка стояла с бочонком кваса, поила отступающих наших бойцов.

В местечке началась полная анархия. Руководящих органов уже нет, из магазинов тащат продукты, мешки с мукой, вещи.

6 июля фашисты без боя зашли в Романов. Будущие фольксдойчн встречали их хлебом-солью. Среди них Хмельницкие, Казик, Рудницкий и др. Евреи боялись выглянуть из своих домов. Первой жертвой стал Лейви (по-моему, Литвак была его фамилия). На пороге своего дома был убит фашистом. Вслед за фашистами в местечко пришли «западенцы» — националисты из Западной Украины. Их сразу можно было узнать по внешнему виду: на головах они носили кепки с большими козырьками, узкие брюки поверх хромовых сапог. Вчерашние комсомольцы украинской школы поступили на службу полициями к фашистам. Все вместе грабили евреев, избивали, изнасиловали. Они избрали еврейский комитет, через который действовали — требовали «контрибуцию»: деньги, золото, драгоценности. Всех евреев заставляли носить лоскут с желтой звездой, избивали до полусмерти, кто сразу не выполнял приказ. Об издевательствах над евреями нашего местечка можно было бы очень много написать...

У нас забрали корову, остался корм, которым отец кормил лошадей, этим мы и питались. Однажды Филиппович Павел Степанович, знакомый отца, принес немного муки и овощей, чему мы были очень рады и благодарны ему.

25 августа 1941 года в Романов прибыло много СС в черных длинных плащах с собаками. На рассвете выгоняли всех евреев из домов (кто не успел спрятаться) на площадь, говорили брать с собой самые ценные вещи, ибо будут куда-то отправлять. Под ливневым дождем гнали людей через парк по аллее, с обеих сторон шли фашисты с собаками, полицаи, не давали ни на шаг отойти в сторону. Кроме своих полицаев прибыли из Мирополя полицаи. Загнали всех людей в военкомат, который находился в парке, отделили мужчин от женщин с детьми. Старики молились, все рыдали, дети кричали, никто еще не знал, что с нами будет. Ципа Мессерман пыталась через окно вылезть, но ее страшно избил полицаи.

Вскоре погода прояснилась. Группами стали выводить мужчин с лопатами. Полицаи говорили, что немецкие машины загрузли и их нужно вытянуть. Уводили их в парк за трассу (дорога Одесса-Ленинград) ее строили заключенные до войны. Там были заготовлены ямы, через которые были проложены доски. Всем мужчинам приказали раздеваться догола, загоняли их на «мостики», строчили из пулеметов по ним. Одних убивали, другим приказали засыпать землей ямы, где еще стонали живые люди. Тогда погибли мой отец и дядя. Потом стали выгонять женщин молодых и старых. Одних уводили за трассу, других — в ельник, за парк.

На исходе дня фашисты поняли, что они не справятся со всеми жителями, они начали отпускать женщин с маленькими детьми. В живых еще оставили в этот день 2-х портных и двух кузнецов с семьями. Вывели нашу семью: бабушку, тетю Голду, маму, старшую сестру Эстерку, жену брата с детьми и меня. Брат уже к этому времени погиб в окружении возле Барановки. У самой ямы отпустили Фаню (жену брата) с тремя маленькими детьми. Моя мама, добрая, милая моя мамочка меня оттолкнула к Фане с детками. Ростом я была маленькая, худенькая, сошла за ребенка. Вернулись мы поздно домой, но нас в дом не пустил некий Шевчук.

Мы направились в бабушкин дом, он находился на краю местечка. Оттуда было все вынесено. К вечеру вернулись сюда мои сестрички Оля и Нехамка. Утром они в парк не пошли. До самого вечера мы скрывались в сарае у Корсуна.

Так я осталась жива 25 августа после первой акции. В тот день погибли, кроме отца и дяди, бабушка, мама, тетя и старшая сестра.

На следующий день уже гнали на работу (уборка овощей, работа на дорогах). В конце сентября пошли слухи, что на вторую Покровку снова будут убивать. Мы решили где-то перепрятаться. Фаня с детками попросилась к знакомой Буркович. Я пошла просить приют у своих соучеников, а Оля и Нехамка пошли к Эрне (Нюся) Волторграмм. Эту немецкую девочку в 1933 году моя бабушка подобрала в канаве. У тети не было детей, и немецкая девочка воспитывалась у них в семье. Потом работала официанткой в столовой, вышла замуж. Муж ее был на фронте. Когда бабушка погибла, она очень ее оплакивала, сестрички мои думали, что она им даст приют, но она отказала. Они пошли в село Врублевка. Хозяин пустил их на вышки (чердак), утром забрал у них одежду и обувь. Они вернулись в Романов, а Фане сказала знакомая, что боится, пусть уходит. Вернулась Фаня с детками в бабушкин дом, а там уже живет местная немка Оля Гайзлер. 25 октября Оля с Нехамой тоже вернулись в Романов, пришли домой. Видно Оля Гайзлер дала знать полицая — головорезу Голембиовскому. Оля (Удла) успела выскочить в сарай, где просидела до самого вечера, а потом бродила, обошла много сел Украины, была в Янушпольском гетто, потом добралась до партизан.

25 октября погибла невестка Фаня с тремя маленькими детьми и моя сестричка Нехама — в день своего 14-летия.

Я же, перед акцией в октябре, успела уйти из дома. Несколько дней скрывалась у своих одноклассников, затем перебралась в с. Корчивка. Несколько дней была у Ани Гей. Настало затишье, я решила наведываться в Романов. На мостике меня остановили двое, правда они были без оружия, сорвали с меня пальтишко, калошики я сама бросила и прыгнула под мостик. Сколько я там находилась, не знаю. Ночью мои косички примерзли к перекладинам, к подпорью, потом пришлось их отрывать. Силы меня покидали. Утром шла женщина на работу в колхоз с вилами на плече, заметила меня, подняла. Повела к себе домой на хутор. Это была Мария Викторовна Илтинская из села Врублевка. Собрала своих детей, а их было четверо, сказала им, что я — сирота, моих родителей убили, никто не должен знать, что я у них живу. Обмыла, накормила, посадила на печку, впереди положила много барахла, чтобы меня не было видно. Вечером Андрей выходил на улицу «в разведку», проверить, нет ли никого вблизи. Тоня и Лида выводили на улицу подвигаться. Ноги были очень опухшие, Мария Викторовна мне их лечила. Она была мне второй матерью. Ведь она и Иван Яковлевич — глава семьи скрывали меня два с половиной месяца, рискуя жизнью своей и своих детей, делили еду между мной и своими детьми. На хуторе искали самогонные машинки. Ильинские боялись, чтобы полицаи на меня не наткнулись, они мне дали старую фуфайку, Валины сапожки, благословили, сказали, чтобы я к ним вернулась, когда обыски пройдут; опухоль с ног к этому времени уже сошла, и я пустилась в путь.

25 декабря 1941 года начались мои новые скитания, хождения по мукам, смерть подстерегала на каждом шагу.

В том же селе попросилась на ночь, хозяин пустил в коровник, а ночью выгнал да еще обозвал. Почти ползком добралась до скирды соломы, там закрылась. Немецкие машины едут по дороге, а мне все кажется, что это они меня освещают. Утром добралась до села Ствовпов. Женщина, у которой я ночевала, увидела мои дряхлые, развалившиеся сапожки, направила в с. Шуляйки к своему куму-сапожнику, чтобы он починил их. Нашла дом, сказала, что кума Мария послала к нему. Не успела договорить, как пришел сын сапожника, поставил в углу автомат, а был он полицейским, увидев меня, сказал, что все равно «Всех жидив выловлять и вбьють, краще питии в Романив и здатися» (т.е. всех жидов выловят и уничтожат, лучше пойти в Романов и сдаться). Отец стукнул кулаком об стол и крикнул: «Не чипай дивчинки!» («Не трогай девочку»). Я хотела уйти, но меня посадили за стол. Это было в январе 1942 года. Накормили, оставили ночевать. Я лежала на лавке (скамейке), всю ночь смотрела, не выходит ли из другой комнаты сын-полицай. Утром хозяин дал мне чуни (резиновые калоши), я оставила сапожки и ушла. В этом селе жила моя соученица Оля Кулик. Ее дом был у дороги, но я рискнула и зашла к ней. Пару дней я у нее скрывалась. Из Шуляек пошла в Романовку. Зашла в одну хату попроситься переночевать. Хозяйки дома не было. Дочка ее увидела, что я озябшая (накануне ночевала на кладбище), велела мне на печку залезть погреться. Пришла хозяйка, за ней староста Костя, увидев меня, поинтересовался, кто я и откуда.

Я сочинила басню, что из приюта, издалека. Пришлось, однако, рассказать правду. Староста, сказал хозяйке Гале, чтобы она меня никуда не пускала, что завтра принесет мне ботинки. В то время ловили бродячих евреев, увозили на цегельню, где были ямы от добываемой глины до войны, на аэродром, где после бомбежки остались глубокие ямы, и убивали их. Туда даже возили евреев из Чуднова. Утром я направилась на вокзал (ст.Разино). Попросилась на ночь. Хозяин Мусий знал моего отца. Вместо чуней дал мне какие-то большие ботинки и портянки. Посоветовал перейти на противоположную сторону железной дороги. С той стороны железную дорогу охраняли мадьяры. От районного центра Любодь до железной дороги 25 км., полицаи редко навещаются туда, а здесь романовские полицаи бывают часто, они могут меня опознать.

По ту сторону железной дороги в стареньком домике жила добрая женщина со своим трехлетним сынишкой. Христа Новак мне мыла голову, вываривала в золе рубашку. От нее я потом пошла к Згерским. Юзя и ее дочка Ядзя мне часто давали место для ночлега. Днем в мороз я пересиживала у Филинских. Они меня жалели. Скиталась из дома в дом, из села в село. Много сел я обошла. Приходилось днем пересиживать в скирде соломы, а вечером проситься на ночь к кому-нибудь. Однажды в селе Витовцы ночевала в одной хате, рано-рано утром зашел хозяин со двора и сказал, что в село наехало много полицаев на лошадях. Я вышла во двор. Что делать? Куда идти? Темень, мороз, сугробы выше меня, дороги не видно. Проваливаясь по шею в снег, пошла на огонек. Еле живая, добралась до села

(кажется Браталов). В крайней хате меня обогрели, накормили, расспросили, кто я и откуда. Я сказала, что из приюта. Направили меня к бабе Олене — старой, одинокой женщине, она, мол, обрадуется мне, моей помощи. А у бабушки Олены все стены завешаны фотографиями ее сыновей-летчиков Красной Армии. Побоялась, ведь к такой могут скорей наведываться полицаи или фашисты.

Направилась в село Меленцы. Днем я ходила на вокзал и обратно в Меленцы, а на ночь зашла попроситься в одну хату. Вдруг увидела знакомую Настю (она была домработницей у Баси Шульмонович). Она меняла посуду на зерно. Я тут же ушла, но она успела сказать женщинам кто я. В Меленцах я несколько дней жила у Александры Бондаренко. Сосед сказал ей, что она скрывает жидовку, и пришлось уйти от нее.

Настала холодная и голодная весна 1942 года. В селе Горопаи Любарского района жила сестра Александры Б. Текля Назарович. У нее было двое детей 3-х и 6-ти лет — Оля и Витя. Кушать не было чего. Она меня приютила. Я ходила по хатам перед пасхой, просила милостыню, приносила, этим мы все питались. Весной начали люди обрабатывать огороды, сажать картофель. Мы с тетей Теклей ходили помогать. Кто даст ведерочко картофеля, кто глечик молока, можно было уже у забора нащипать лебеды. До этого ходили на поле, доставали из мерзлой земли гнилую картофель, свеклу. Топить не было чем. Ночью как-то пошла красть солому. Меня обнаружил объездчик, избил и отобрал солому. По соседству жила очень добрая, чуткая женщина Мокрина Боцанюк с детьми. Старшего Андрея увезли в Германию, а остальные были маленькие. Однажды она меня спросила, еврейка ли я. «Не бойся меня, — говорит она, — Гриша, сын мой видел тебя на вокзале, ты просилась на ночь у нашей родственницы Гали, а он там был, видел тебя». Я ее просила никому не говорить обо мне правду. Пусть земля ей будет пухом. В самые трудные, критические моменты я обращалась к ней за советом. Она меня защищала от злых языков, выручала.

Как-то трудились на огорожке у Текли, шла женщина навещать своих племянников-сирот. Фашисты, при помощи полицаев, убили ее брата, осиротив троих ее племянников. Остановилась, расспросила меня, откуда я. Снова я свою басню про приют. Она предложила мне перейти к ней жить. Посоветовалась с Мокриной. Так я летом 1942 года перешла жить к Соломинской Ярине. Она жила с мужем Василием Файдором. Им уже было за 50 лет, детей у них не было. Они хорошо ко мне относились, особенно дядя Василий. Работала я тяжело. Ходила вместо нее на работу (колхозы здесь сохранились), дома по хозяйству все делала. Она была «сердечница».

Как-то тетя Ярина очутилась рядом с секретарем Управы Кавуном, стала его проклинать, что из-за него сироты стали дети Клима и Клим погиб. Он (секретарь Управы) ей в ответ: «Мовчи, бо ще ти пидеш до Клим, бо в тебе живе жидивка». («Молчи, ибо ты пойдешь к Климу, у тебя живет жидовка»). Она пришла домой и рассказала об этом инциденте. На следующий день прибыла повестка явиться мне и Ярине в Управу. Счастье мое, что поменялся староста. При прежнем старосте я бы не выжила. В Управе староста задавал мне вопросы, секре-

тарь писал, а у дверей стоял полицейский с автоматом. Сказала приюта уже там нет, это очень далеко отсюда, но я могу принести справку оттуда.

Нас отпустили. Февраль 1943 года. Вьюга, метель, холод. Я одета в лохмотья, обута в непарных сапогах, совсем «мужичок с ноготок». Я незаметно пошла к Мокрине за советом. Вечером тетя Мокрина отправилась домой к старосте Ивану Обадчуку. Представила меня родственницей той Гали, что живет на вокзале (ст.Разино). Заручалась за меня, вызвала чувство жалости у старосты ко мне. Староста сказал, чтобы я никуда не шла за справками. Поверил ли он в то, что говорила я или Мокрина, не знаю, но меня не трогали больше. Однако, все время жила с тревогой в душе, всего боялась. Вскоре, для отправки в Германию и меня ввели в список под фамилией Соломинская Ядвига. Тогда Ярина меня отвела к деду Калюжному, он меня прятал в подвале, пока не прошла «шумиха».

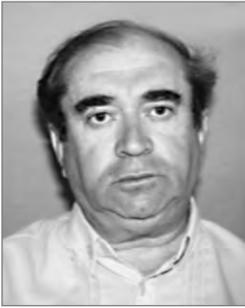
Село Горопаи Красная Армия освободила в конце января 1944 года. Когда освободили Романов (в начале января 1944 года), моя сестра стала меня везде разыскивать. Встретились мы с ней во время весенних каникул в школе, в марте 1944 г. В партизанском отряде она была ранена, лечилась в Москве в госпитале. После госпиталя ее направили на педагогическую работу в Черниговскую область. Из Горопаев мы с ней добирались пешком в Романов. Меня приютила семья Павла Степановича Филипповича. Работала в районо секретарем несколько месяцев. В сентябре 1944 года сестру перевели на подработку в г. Житомир. Я к ней переехала. Работала в Житомирском детдоме им. МВД и прачкой, и техничкой, и бухгалтером, и воспитателем. В 1948 году поступила в Житомирский Государственный Педагогический институт им. И.Франко, окончила его в 1953 г. С 1952-1958 — преподаватель украинского языка и литературы в с. Станишевка Житомирского района. По семейным обстоятельствам переехала в Киев, работала в детсадах № 98 и 609 по двадцать лет до самого отъезда в Израиль в 1998 году. Награждена значком «Видминник народної освіти», много благодарностей от администрации, где я работала, от родителей.

Война и пережитое не сломили меня, не стала я жестокой. Каждый прожитый день был для меня подарком судьбы, и я с большим теплом вспоминаю тех людей, с которыми нелегкая судьба меня свела в то страшное время, которые помогли мне выжить, выстоять.

По моему ходатайству присвоено звание «Праведник Мира» моим спасителям, которые, рискуя своей жизнью и детей своих, меня спасали. Все, кто жив, низкий им поклон, пожелания добра и счастья. Те, кто ныне покойные — пусть земля им будет пухом за их бескорыстие и мужество.

Из 3000 жителей Романова в живых осталось 16-17. Некоторые ушли из жизни, остальные — рассеяны по всему свету. В Романове поставлено 8 памятников на могилах погибших земляков. Средства были собраны родственниками погибших.

О наших земляках написал книгу Гарри Борисович Фельдман «Забвению не подлежит». 25 августа наши земляки всегда собираются, отмечают День Победы. Низкий поклон, благодарность всем ветеранам за все, что они сделали для Победы, здоровья и долгих лет жизни.

Плисецкий Владислав (Зеэв)

Так сложилась моя судьба, что в 1937 году я и мой старший брат остались без родителей. Мне было тогда 5 лет, брату — 10. С нами с 1924 года жила няня, Гридина Анна Ивановна, 1895 года рождения. У нас не было семьи, но было много родственников. Мы жили в Сумской области, в г.Шостке. Отец и мать работали на одном из заводов наркомата обороны СССР. На основании сфабрикованного, так называемого «Шосткинского дела», отца репрессировали в июле 1937 года, а мать — в декабре 1937 года. К моменту ареста матери мы переехали в соседний райцентр Глухов, бывшую столицу левобережной Украины с населением 50 тыс. человек и жили у бабушки — матери мамы. Наш дом находился по ул.Ленина, рядом с техникумом механизации и электрификации сельского хозяйства.

В 1939 году бабушка умирает, не перенеся горя, и мы остались втроем. Няня поступает на работу, чтобы прокормить нас. Об отце и матери никаких сведений не было. Брат учился в школе, а я в 1940 году поступил в 1-й класс.

Началась война, и все надеялись на быструю победу Красной Армии, но вскоре начали поступать тревожные вести, появились беженцы на машинах-грузовиках и телегах, на восток гнали скот, отступающие разрозненные части шли мимо города. Нарастали слухи о том, что немцы уничтожают евреев. Из города началась массовая эвакуация руководства, коммунистов, милиции и евреев. Но не все успели выехать. Из евреев остались пожилые люди, в основном, родители — около 30-ти человек. Те квартиры, которые освободились, заселялись семьями с плохими жилищными условиями. В соседнюю с нами квартиру заселилась родная сестра няни с двумя взрослыми дочерьми.

За неделю до захвата города немцами наступило полное безвластие. Оставшееся население несло, везло, тащило все, что можно было взять в руки, из магазинов — продукты, бутылки, материалы, из аптеки — лекарства, из пекарни — тесто, муку и т.д., чтобы не осталось немцам, и самим прокормиться. В ожидании обстрелов, бомбардировок и боев население начало приспособливать подвалы своих домов для укрытия в них, рыли во дворах траншеи. Но все было тихо. Где-то за городом была слышна перестрелка.

31 августа 1941 года в город въехали немцы на мотоциклах с колясками в полном вооружении. Это были передовые части, через день-два вошли основные и с ними — гестапо. Была организована управа, появились полицейские из местных жителей — знакомые лица. Во 2-й половине сентября были расклеены всякие указы, в том числе указ о том, что все «... жида должны в 3-х — дневный срок зарегистрироваться в управе. Тому, кто будет скрываться — расстрел». Конечно, полиция знала, кто остался. Няня и ее сестра с дочерьми собрались вместе (без нас) и начали решать вопрос, что делать с нами, т.к. последствия могли оказаться катастрофическими — их могли расстрелять вмес-

те с нами. Они могли отпустить и проводить на все четыре стороны или отправить на регистрацию. Но они не сделали ни первого, ни второго. На Украине было две зоны оккупации — немецкая и румынская. В немецкой зоне еврейский вопрос решался однозначно — полное уничтожение согнанных в гетто, или взятых из квартир, или схваченных при облавах. В румынской зоне оккупации евреи были помещены в гетто и выживали, кто, как мог, большинство умерло от голода. Няня и ее родственники приняли решение спасти нас, сохранить всеми способами. В начале октября в Глухове была совершена акция по уничтожению евреев. Были собраны все оставшиеся старики и больные, посажены на подводы, вывезены за город в лес «Барок» по дороге на Путивль и у края оврага расстреляны немцами и полицией. Всех расстрелянных было до 30 человек.

В городе в центральном сквере была установлена виселица, на которой по доносам казнили-вешали коммунистов и только начавших проявлять себя партизан. В соседнем Путивльском районе 1-й секретарь райкома партии Ковпак С.А. создавал партизанские отряды для борьбы с оккупантами.

С оккупацией закончилась более-менее нормальная жизнь и началась борьба за спасение и выживание. В конце 1941 года мне уже исполнилось 9 лет, а брату — 14 лет. Было решено стараться меньше попадаться на глаза немцам и полицаям, уходить из города в те села, в которых жили родственники няни — родные и двоюродные сестры и братья, и жить у них короткое время, не привлекая внимания односельчан и, особенно, полицаяв. Так няня со мной уходила на две-три недели из города в села, которые были на расстоянии от 6 до 20 км. Брат оставался в городе со своими друзьями. Они занимались сбором оставленного после боев оружия и гранат и переправляли в соседние леса, в которых уже базировались партизаны. Появились связные. Хорошо помню одну молодую красивую женщину, учительницу Лизу Прилуцкую, родственницу няни. Она в завитых локонах своих волос приносила запалы-взрыватели гранат, «лимонок». В 1942 году ее схватили также по доносу и расстреляли. Она один из неизвестных героев этой страшной войны.

В села шли мы не дорогами, а полями, на которых мы собирали колоски после убранных и неубранных зерновых, конопли. Перекапывали по второму разу картофель, свеклу и т.д. Все это мы перерабатывали для пищи. На фермах, где содержался скот, подбирали оставшиеся куски соляного камня — «Лизуна», который лизал крупный рогатый скот, а мы использовали вместо соли. Сахарную свеклу варили, а сироп шел вместо сахара. Семена конопли толкли в ступе (как мак) и полученную макуху использовали вместо жира. Из колосков выбивали зерно, мололи его в ручной мельнице из шестигранника и трубы на нем. Из муки пекли так называемый мыс «перепечки», это типа толстой оладьи. Так и выживали.

В селах нас принимали очень тепло, по-родственному, оберегали от полицаяв. Так мы посещали трех сестер и двух братьев. Братья были в годах, и в Красную Армию их не мобилизовали.

В городе условия жизни были очень тяжелые. Никаких продовольственных магазинов, никаких топливных складов, ни аптек, только дикий рынок, спекуляция и тому подобное. Люди выживали за счет огородов, садов в частном секторе. Особенно тяжело было в первую зиму с 1941 на 1942 год. Морозы стояли более — 30 градусов Цельсия, в квартире стояла «буржуйка», в которой сжигали все, что могли — извлекали из-под снега все деревянное, книги, тряпье и т.д. К утру тепло выветривалось, и намерзшие ботинки оттаивали и примерзали к полу. В апреле-мае 1943 года я был свидетелем переброски немцами живой силы и техники на Курскую дугу. Две недели не прекращался поток этого войска. Была слышна канонада этого сражения. Но ничто не возвратилось после поражения немцев.

Вначале августа 1943 года все почувствовали отступление немцев, а в 20-х числах августа немцы оставили город и начались массовые бомбардировки. В дневное время каждые 30 минут налет, бомбили свои склады боеприпасов, материально-технические и другие склады. Это продолжалось всю последнюю неделю августа месяца, последнюю неделю безвластия.

1 сентября 1943 года в город вступила Красная Армия, и все вздохнули с большой радостью и облегчением.

Через несколько лет на месте расстрела евреев, их захоронения был воздвигнут памятник-мемориал.

После репатриации в Израиль я оформил необходимые документы на присвоение моей спасительнице Гридиной Анне Ивановне статуса «Праведника Мира». Она получила этот статус, и в мемориале Яд-Вашем увековечено ее имя на гранитной стеле (Украина, №101140).

Я сердечно благодарен Гридиной Анне Ивановне, ее сестрам Ульяне, Проне, Ефросинье и братьям Петру и Ивану за проявленное сострадание, мужество и доброту. Их всех нет в живых, Пусть земля им будет пухом!

Портная Шева

Yad vashem

В отдел «Праведники Мира»

Получила Ваше письмо, очень и очень Вам благодарна за ответ, что смогу выразить всю неисчерпаемую дань благодарности спасителям моей жизни, самым благородным и добрым людям: Колчу Феликсу Львовичу и Эмили Базильевне.

С болью в душе и слезами на глазах я всегда вспоминаю всё пережитое мною, как бы мне не было тяжело об этом вспоминать, никогда нельзя забывать, необходимо всё помнить, что произошло в те дни и ночи 1941, 1942 и до 1945 года.

Моя семья жила в г. Винница по ул. Коцюбинского №36: папа — Штильгойз Мойше Шлёмович, мама — Нина Хаскелевна, сестра Дусенька (Ида) 16 лет, окончила 9 классов, перешла в 10-й класс, братик Боренька 8 лет, окончил 1-й класс и перешёл во 2-ой класс и я — Шева, окончила 5-й класс и перешла в 6-ой класс, 11 лет.

Папа работал в Винницком аптекоуправлении, экспедитор, завозил медикаменты, мама Нина была очень красива, окончила гимназию, была дома, воспитывала детей и вела весь дом. С нами жили мамины родители: дедушка Яблочник Хазкель, бабушка Хая — Рива, у них была своя комната в доме. Во дворе был флигель, в котором жила родная единственная мамина сестра Таня (Табл) с мужем Эйных Москальних и трое прекрасных детей: Сашенька, 6 с половиной лет, Полиночка, 5 лет, блондиночка кудрявая с чёрными большими глазками, и маленький Арончик — 9 месяцев. Я всегда любила с ними играть, любила своего братика Бореньку, дружила с ним и с сестричкой Дусей. Училась я в школе хорошо, танцевала украинский танец, мама мне купила большую сорочку украинскую и юбочку пошила гофрированную из украинского красного шерстяного пояса. Украинская сорочка есть и сейчас у меня хранится как реликвия, спасательная сорочка, в которой я проходила всю войну, стирала и снова одевала её, она есть и сейчас у меня. Очень любила помогать маме в уборке дома, всегда вытирала листья вазонов (фикусов), любила играть в куклы, были длинные косы у меня и разных цветов ленты, которые висели в моём отделении в буфете, наглаженные. Читала вместе с мамой книгу «Овод», любила очень Новый год, наряжать ёлку, быть на детских новогодних утренниках у папы на работе. Была красивая добрая семья с любимыми родителями, красавицей мамой Ниной, которые о нас заботились, оберегали, наряжали, и всё это счастливое детство в один миг рухнуло, всё уничтожила чёрная фашистская рука, злодеяниям не было предела.

Уму не постижимо, как могло такое произойти, где был весь мир? Где были люди, чтобы допустить такую трагедию? Я не могла всё это понять. Ещё я очень любила ходить в кино, меня мама водила, и я смотрела такой фильм «Профессор Мамлок», и даже провели на сеанс кинофильма «Маленькая мама» (детей не пу-

сками). У нас был патефон и хорошие еврейские пластинки: песни Эпельбаума, пластинки Утёсова и Клавдии Шульженко, вальсы, танго. Моя сестричка Дусенька собиралась дома со своими подружками из класса: Этя Биндер, которая сейчас в Израиле, Ира Гроесман, Фаня Бурман. Они танцевали вместе танго, фокстроты и вальсы. Очень мне нравились фильмы «Искатели счастья» и «Весёлые ребята».

Зловещее 22 июня 1941 года, страшное объявление войны. Мы окончили занятия в школе, каникулы. И вот сразу же призвали на войну дядю Эйныха, он был молодой, а немного позже призвали моего папу, он был старше. Мы остались в доме с мамой и трое детей, тётя Таня и трое маленьких детей, дедушка Хазкель и бабушка Хая — Рива. Что делать? Дедушка старый говорит: «Не хочу ехать, хочу умереть у себя дома». Однако больше мужчин нет, и вынужден взять подводу и лошадь, погрузить кое-что из постели и одежды, кое-какие продукты и посадить маленьких детей на подводу, а старшие пешком за подводой, закрыли дом и поехали на Липовец, Ильинцы. Сразу по дороге нас бомбили, мама в канаве закрывала нас собой, чтобы не ранило, не было еды, не было воды, пили воду там, где поили лошадей. Всю дорогу дедушка плакал: я стар, я изнеможён, что вы хотите от моей жизни? Попросился свернуть с дороги и заехать в село Збараж, и там заночевать, отдохнуть, там живёт мой знакомый рыбак Антон, он нас примет, так и сделали. А наутро мы уже не смогли ехать дальше. Немцы нас догнали, увидели мотоциклы с фашистами, ведь с невероятной скоростью, без боя и сражений они захватывали города и сёла, продвигались быстро вперёд и вперёд, а наши войска отступали, бежали, а кто сдавался в плен, была им чёрная жизнь, нечеловеческие издевательства над пленными, я всё это видела своими глазами.

В селе сразу же собрали народ, объявили, что ни одного еврея не должно быть, кто будет у себя прятать «юден» — расстрел.

Мы тут же покинули село с котомками на плечах, пешком с младенцем на руках ушли в местечко Самгородок, это было недалеко от села, 6-7 км. Всё своё богатство оставили Антону. Пришли к маминой двоюродной сестре Песе, они нас всех приняли. Местечко Самгородок — очень красивая местность, огромный парк в зелени, стоит большая больница, протекает речка, три моста в разные направления, а четвёртое направление ведёт на ж.д. станцию Голендры, ехать нужно на станцию подводой 10-12 км. Самгородок — это родина моих родителей и дяди.

В 1928 году дедушка купил часть фундамента в г. Винница у Гойхмана Лейвсрула и построил дом в Виннице, а затем и флигель во дворе, куда вывез всю свою семью из Самгородка.

В Самгородке остался жить родной брат деда Гершл Яблочник со своей старшей дочерью Песей. Вот мы и пришли к т. Песе Ольгарт. Она была очень красивой и умной женщиной, работала в магазине, муж Шимон Ольгарт был парикмахером. Трое детей: красавица Рива с длинными косами до колен, кончала зубоучебный техникум в Житомире, средняя дочь Нюся — 17 лет и сын Зюня —

11 лет. Летом на каникулы мама отправляла меня к ним на поправку, пить парное молоко, есть кремы из желтков, масла, какао и сахара. Няся меня всегда опекала, смотрела за мной. Местечко еврейское, большое, много семей разных профессий: сапожники, шорники, портные и другие жили красиво (была школа десятилетка, двухэтажное здание, где дети учились), по профессии называли каждого плюс имя. Когда мы появились в местечке, а там никто не уезжал, все были на месте. Немцы тут же выбрали председателя общины. Им стал Берл Беренфус. Он отвечал за наличие всех евреев в местечке, никто не имел права никуда уйти. Он же собирал постоянно дань, драгоценности для коменданта со всех семей, чтобы не убивали евреев. Ночью делали облавы, искали молодых девушек, женщин. Моя мама снимала коронки с зубов, ножницами вспорола себе сверху ногу, намочила вату в кровь. Сестрички на ночь прятались на чердаках, было очень страшно, свет не зажигали, однажды зажгли свечу, и маленький Арончик подпрыгивал, радовался, впервые увидевший свет свечи. Но долго нам не пришлось находиться в Самгородке, так как был издан приказ, кто не проживал ранее в Самгородке, убраться на свои места, откуда бежали. Вот все мы должны были пешком идти в Винницу, трое суток мы шли 50 км, останавливались в селе Погребище у одной одинокой крестьянки, переночевали и на рассвете снова шли. Следующая ночёвка была в с.Прыборивка, крайняя хата, хорошие были люди, дядько Сидор, тетка Степанида и трое сыновей: Андрий — 17 лет, Иван — 12 лет и Василь — 7 лет. Покормили, и на рассвете ушли. Пришли в Винницу, дом, где мы жили, был занят, украинцы из сёл приходили, занимали дома, грабили еврейское добро. Пришлось проситься к сестре деда, Мима Гителе Амдур, нас приютили, 10 человек в доме по ул.Некрасова. Всем «юден» нельзя появляться без повязки на рукаве с жёлтой звездой Маген Давид. Детям не одевали повязки, я могла ходить по улице. Сразу же на домах, где жили украинцы, на дверях мелом были нарисованы кресты, так что, где жили евреи, было видно. Был август месяц, и я в ларьке купила полную корзину жёлтых огурцов, подошла к дому и стала у забора. В это время гнали пленных, страшное зрелище, после дождя пили с луж воду, изуродованные, больные, босые, оборванные, тащили друг друга. Я стала бросать им огурцы из корзины, вся колонна навалилась к забору, стрельба, немцы стали бить прикладами. Моя мама схватила меня за шиворот и затащила в дом, мимо пролетела пуля, оглушила ухо. Находиться уже в доме нельзя, в полуразваленном сарае была яма типа погреба, всю неделю сидели в яме: я, сестра, братик и мама, меня искали. Нам пришлось уйти жить к родителям папы: дедушке Шлойма и бабушке Шпрынце. Они были очень старые и немощные, помочь нам не могли, и мы не имели еды. Я стала кормить семью. Мама варила чёрный крем для обуви из сажи и сахара. И я с двумя щётками бегала по улице и кричала: «Пани пуцен», получала пфенниги (или марки и советские деньги), но не всегда платили за работу, могли пихнуть сапогом и не заплатить. Наш город разделяется на две части рекой Южный Буг. В сентябре 9 числа 1941 уже был погром евреев, дошли до Замостья, ямы не были готовы. И так мы ещё прожили до 16 апреля 1942 года. Была тяжёлая зима, все надеялись, что придёт «ишия», из-

бавит нас от гибели. У меня был новый заработок. Дедушка и бабушка жили у базара, большая площадь, приезжали с сёл торговать на санях с лошадьми сельяне, и я с двумя вёдрами тащила воду из колодца и подходила. и спрашивала: «Кони напувати?», и мне давали горбушку хлеба и даже кусочек сала. Я приносила домой торбу с хлебом, и мы имели, что кушать. Это был тяжёлый труд. Но я была счастлива тем, что могла помочь маме. Сестричку Дусеньку немцы гнали на работу, очень издевались над ней, она заболела, рожа на ноге. Стояли воинские части: румыны, поляки, мадьяры, у них была другая форма. К походной кухне подойдёшь, нальют похлёбку. Была середина еврейской пасхи, дедушка молился, одевал талес, тфилин на лоб и руку, я видела, но Бог нам не помог.

Объявление: «Всем юдн взять смену белья, на день еду, всем явиться на стадион 16 апреля 1942 года, будут поселены в гетто. Сплошной обман. Была страшная слякоть, дождь со снегом, грязь, чёрные тучи. Из домов всех выгоняли, и огромное человеческое «стадо» гнали на стадион, а это старики, дети, женщины, юноши, девушки, всё еврейское население, которое осталось в городе и не эвакуировалось. Вот в этот момент меня мама взяла за голову и говорит: «Ты с нами не пойдёшь на стадион, если мы будем в гетто, то ты нам бросишь кусок хлеба, вот тебе золотые часики, выменяешь их на хлеб, может, ты выживешь и ещё увидишь папу». Это были последние слова моей мамочки. Не могу выдержать боль, всегда плачу, когда вспоминаю. Я одела свою сорочку вышитую, платок на голову, пришили чёрные пуговицы, получился пиджачок, большие ботинки на ногах, и я осталась брести по улицам дотемна, потемнело, и я ушла из города, 20 км прошла село Тяжелов, Стадницу и ночью пришла в Приборивку. Крайняя хата в селе, вишнёвый садок, пришла к добрым людям: «Дытынко, що втрапилось?» Спрятали на печи, обогрели, наутро дядько Сидор пошёл в город и пришёл с тяжёлой вестью, что всех бросали в ямы живыми, стреляли, всех убили, земля подымалась, три огромных «кагата», каждый длиной 30 м. и шириной 10 м. человеческих жизней. Сейчас там сделана ограда, и стоит гранитный памятник «дерево с обрубленными ветками» с надписью: «Погибли от рук немецко-фашистских захватчиков 16 апреля 1942 года». Приходила всегда на эти страшные могилы и приносила цветы. За что? Безвинные, никому не причинившие зла, светлые, добрые человеческие жизни были уничтожены зверским методом! Где справедливость? Узнал дядько Сидор, что остались в живых человек 20 мужчин, специалистов, для работы, находятся они, вроде, в тюрьме. Находиться у дядьки Сидора нельзя, опасно, узнают соседи, выдадут, и всю семью убьют, надо уходить. И вот тогда я ушла ночью пешком в Самгородок; днём нельзя, кругом полицаи, немцы, сразу попадусь. Днём — в лесу, ночью — в поход.

Дождливым вечером пробралась в дом тёти Песи, всех евреев переселили на одну улицу, назвали «гетто», по 10-15 семей в одном доме, нельзя выходить за пределы улицы, ночью нельзя появляться на улице, стреляют. Днём гонят на работу, как рабов. Босьми ногами по снегу я пришла, мокрая от дождя. Всё узнала тётя Песя, обогрела сироту, пошила мне тапочки, но никто не должен знать,

что я есть, все по списку в комендатуре. Весь месяц май 1942 г. я прожила в этом гетто, заставляли долбить ломом засохшую землю, попавшую на мостовую, всех выгоняли на эту работу под страхом полицаев и немцев.

Однажды ночью моя тётя вышла из дома, и ей прострелили бедро правой ноги, она истекала кровью, еле поднялась на четвереньках домой. В парке была больница, главный врач Слободянюк, хороший человек, но ему нельзя было юдн оказывать помощь, к нему приехала в гости из Чернигова сестра, и война её застала в Самгородоке, и вот она пробралась в гетто и сделал всё возможное, вытаскала пулю, обработала рану, лечила. Ей рассказали про меня, я слушала. Она показала тёте Песе свой паспорт, у неё была девочка из приюта, и она умерла, но осталась запись в паспорте, я одним глазом прочла: Стоянчук Надежда Ивановна, 1928 года рождения.

Зловещее утро 4 июня 1942 года, 6 утра, окружили гетто, прибыл карательный отряд, всех из домов гонят, безумие, кто прячется в погреб. Я тут же надела свою сорочку, платочек, на шею крестик, на чёрный ход, получила неожиданно прикладом по голове, покатила по гранитным ступенькам с большой высоты. Очнулась — гонят всех к зданию школы, с двух сторон полицаи. Выхожу из колонны, подхожу к полицая и говорю, я украинка, показываю крестик — «Стый коло мене, жидов побьют, розберёмсь». Стою, всех гонят к зданию школы, сестра Рива увидела меня, кричит на идиш: «Бейт им, эр веет дих уплозен». Он был её соученик. Я молчу, нет, не обращаю внимания, ведь я сказала, что я украинка, иду в село искать работу. Всех согнали в школу, затем к ямам, снова живыми бросали в ямы, земля сутками подымалась от человеческого дыхания. Меня отвели в полицию, бросили в камеру, там сидел один пленный, ни о чём не говорили. Увидела свои разбитые ноги и руки, вспомнила, что били прикладом, летела по ступеням. Казню себя страшно, зачем затеяла это, теперь будет еще страшнее, будут страшные пытки, почему со всеми не пошла? Раздвигается окошко и решетка в камере, полицай спрашивает: я говорю — я дочка сестры Слободянюка, в паспорте я записана: Слободянюк Надежда Ивановна, 1928 года рождения. Стояла мертвая тишина, каждая минута длилась невероятно долго. Ее вызывают, открывают окошко, она заглянула, что сказала, я не слышала, но я ей крикнула: «Титко, що вы меня не впизнали?» Сейчас думаю, будет очная ставка, открывается дверь камеры, «Иды», «Иды, иды до дому». Нет, не верю своим ушам, огородами, другими дорогами я ушла из местечка, пришла в первое село, люди меня увидели, вопросы: «А що, жидив бьют?» Ответ: «Не знаю, я там не була». Пошла дальше. Снова с. Погреблин, знакомая хата, прошусь на ночь, чтоб соседи не видели, пустила одинокая женщина. На рассвете ушла, снова появилась в с. Приборивка, там переночевала, все боятся, никто не может меня оставить, иначе смерть. Пришла в Винницу, босая, на спине котомка, немцы шарят в корзине, ищут «курка, яйка», ни одного из села не пропускают, забирают сразу яйца, кур и др.

В Виннице узнала, что после погрома 16 апреля оставили несколько мужчин, специалистов, человек 20, живут они в помещении клуба по ул.Ленина, сбитые нары, на которых они спят, забирают их на работу, а потом приводят в это зда-

ние. Пришла туда, издалека увидела дядю Ушера Гольдберга, сильный, здоровый кузнец, двоюродный брат моей мамы. Впоследствии он бежал, один русский знал дорогу на территорию румын, он ему заплатил, и благодаря ему он остался жив. Румыны не убивали евреев, там дядя Ушер сошелся с женщиной с мальчиком — Юлик 9 лет. Она была еврейка из Румынии, благодаря ей он смог уехать после окончания войны в Израиль, в Хайфу. Там он долго жил. У него родился сын Моше Гольдберг. Сын Юлик и Моше и сейчас живут в Хайфе со своими семьями. Я с ними встречалась.

Там были еще три родственника: дядя Меир Амдур, его сын Хаим и внук Ривен. Они тоже пытались бежать, но их поймали. Хаима и Ривена повесили на площади 2-го военного городка.

Мне крикнули не появляться и не приближаться никогда, а то сразу убьют. Больше я их не видела. Вот тогда я и пришла к семье Колч. Феликс Львович был бухгалтером в «Гуттранс», где работал мой дед Хаскель. Колч строил дом в Старом городе, дед ему помогал, одолжил деньги. Но тут война, дом не построил, перешел жить в дом по ул. Коцюбинского угол ул. Нансена, евреи эвакуировались из этого дома. У него была молодая жена Миля, мальчик Леня 1,5 года, и в 1942 году родился Валя, ему был 1 месяц, когда я к ним пришла. Зимой, до погрома, Феликс Львович обещал дать дедушке немного овощей (картофель, свеклу, морковь), я с тетей Таней пошла и на саночках привезли овощи, вот так я узнала, где живет семья Колч. Я вошла в дом, сильно кричал ребеночек, разрывался, хотел есть, мама Эмилия Васильевна лежала на постели, не двигалась, у нее была закупорка вен после родов, Леничке 1,5 года, ходил по квартире, Феликса Львовича не было дома. Я взяла ребеночка на руки, сделала сладкую водичку, дала попить, а Миля Баз плачет и проклиняет, зачем он родился, война, я больна, я не могу ничего сделать. Вот так я осталась в доме с больной Милей, малолетним Леней и месячным ребеночком Валечкой, которого я вынянчила, выходила, кормила молочком, ходила к реке, на лодке привозили мне молоко, и я кормила Валечку. Мой мальчик стал поправляться и выжил, а Миля Баз долго еще была прикована к постели. Я все помогала по дому, нянчила Валечку и старшенького Леничку.

В селе Холоневск Хмельницкого района жила старенькая мама Эмилии Баз. Всем соседям, знакомым говорили, что «родичка из села, буде глядиты дитей, я уже слаба, зовут ее Надька». Все знали, что я Надька из села, где я жила.

Очень много страшных дней и ночей было с июля 1942 года по март 1944 года. У Феликса Львовича были две взрослые дочери от первой жены, которая умерла до войны. Он женился на молодой Миле, которая ушла от мужа, так как у них не было детей. До войны Феликс и Миля поженились, у них родился сын Леня, а потом сын Валя, о которых я уже рассказала. Старшая дочь Галка, так ее звали, была одного возраста с Милей Баз. Галка любила пить, гулять, была ужасно безалаберная особа. Она заняла еврейскую квартиру рядом на 2-м этаже со всем добром. Часто там гуляли, выпивали немцы. Второй этаж, дверь на балкон, а балкона не было, выпивший немец открыл дверь и вывалился, убил на

смерть. Была страшная ночь, весь квартал был окружен, всем предстояла смерть за убитого фашиста. Галке удалось бежать и скрыться. Но Бог миловал, и нас не убили. Галка гуляла и с партизанами, которые приходили на задание. Ее я часто боялась, чтобы она спьяна меня не выдала. Она говорила отцу: «Батько, настругав з Милею дитей, держиш жиденя, ой всих вас побьютъ», а он закрывал ей рот и говорил: «Дивись, Галка, закрой рота, мовчи и никому николи ничего не говори». Но Галка меня не выдала, ей уже было не до меня.

Когда освободили Винницу, Галку забрали и посадили в НКВД. Одна еврейка Маня на нее заявила, что она грабила и выдавала евреев. Я Галку спасла, меня вызвали в НКВД, я сказала, что я еврейка, жила у ее родителей, осталась жива, и она меня не выдала немцам. Так что вопрос о том, что выдавала евреев, отпал и ее освободили. Эта Маня готова была меня уничтожить, почему я пошла защищать Галку. Правда есть правда! Иначе не могло и быть.

Младшая дочь Ира — 20 лет, назвала себя Ирмой, уехала в Германию, когда вербовали и гнали молодежь в Германию, 1942 год, так что со стороны Иры тоже отпала опасность. Она жива осталась, живет в Польше, имеет семью, с Милей и сводными братьями не хочет общаться.

О Галке знаю, что жила в Средней Азии, сейчас ли жива, не знаю, и Миля тоже ничего не знает о ней.

У меня были длинные черные косы и черные брови. Косы были всегда спрятаны под белый платочек, не было видно волос, а брови я выстригла ножницами, когда Миля увидела, она стонала: «Ой, дитинко, що ти наробила?» Носила довгу спидницю и крестик. У меня на голове образовались страшные струпы, прыщи. Миля меня вылечила, мыли волосы керосином, мыла не было.

Каждую ночь в доме ночевали немцы, они боялись спать в казармах, их повсюду преследовали партизаны, и они их боялись, как огня, а на квартирах они были обеспечены, что партизаны на них не нападут.

Феликс Львович работал на Винницком спиртзаводе. Получал паек — буханку хлеба. Одно название хлеб, немцы его делали из просяной муки, ячменной муки с устюками плюс тырса (древесные опилки). Есть его невозможно было. Ведь все рабы, а они высшая раса. Феликс Львович ездил в лес на подводе, завозил дрова на завод. Привозил оружие в лес для партизан, было очень опасно, рисковал жизнью своей и всех. В доме, где мы жили, был подвал, там хранили дрова на зиму, среди дров тоже были спрятаны револьверы.

На улице Нансена, напротив нашего дома, был музей Коцюбинского и детская библиотека им. Крупской. В одно утро я увидела, как жгли книги из библиотеки. Раскрыли подпольную организацию Ивана Бевза, многих поймали, виновных и невиновных забрали в гестапо, страшно пытали, из гестапо уже никто никогда не возвращался обратно живым. До событий с убийством немца, упавшего со 2-го этажа, Галку тоже взяли в гестапо, но ей удалось уйти, так мы и не знали и не знаем до сих пор, каким образом?

Угловой дом на ступеньках с парадным и чёрным ходом, который выходил во двор. Дом, где мы жили, имел 4 квартиры. В одной квартире сосед был

страшный убийца, националист, «западенец», начальник тюрьмы, женат был на молодой женщине немецкой национальности, её сестра Ася с маленьким ребёнком жили в роскоши, награбленного хватало на всех. У них была прислуга Паша (Пестилия). Паша знала, что я еврейка, она хранила тайну, потом она ушла от них, вышла замуж за пленного Ивана. А вся семейка, которая была счастлива при немцах, вскоре бежала без оглядки из Винницы, когда раздавались слухи о наступлении советских войск. Кончилось время отступлений без боя, когда без единого выстрела оставляли города и сёла и немцы продвигались вперёд без сражений, захватили всю Украину, дошли до Москвы. Муки и страдания, сжигали целые сёла, уничтожали народ.

Винница была на особом положении, в центре по ул.Ленина всем запрещалось ходить, там была жандармерия, гестапо, эсэсовцы. Возле с.Стрижавка находилась ставка Гитлера, всё охранялось, по ул. Киевской нельзя появляться, дубинки, обходили разными дальними улицами, чтоб не попадаться на глаза. Частые облавы. Кругом и повсюду плакаты «Юдн капут», «Сталин капут». На плакатах нарисованы евреи в ермолке, с пейсами и шестиконечной звездой. У всех фашистов были ремни и железная пряжка, на которой было написано «Гот из мит унз». Ужасно, кто верил в Бога и всех убивал без оглядки? Самые страшные были душегубы, головорезы эсэсовцы, гестаповцы, у них на груди были железные «бляхи» с немецким орлом, а у эсэсовцев были чёрная форма и на фуражке череп, на петлицах череп, кругом красные флаги с чёрной свастикой, фашистским знаком.

Больше всего я находилась в доме с детьми, очень редко меня куда-нибудь посылали, только ходила поутру к реке, где жили люди, у которых была корова, которую ещё не забрали. Они жили по ту сторону реки, и на лодке мне привозили бутылку молока для Валечки. Там, где я жила, я никогда не появлялась, чтобы меня не узнали, обходиладесятьюми улицами. Постоянные ночёвки немцев в доме давали мне кое-какие сведения, я немного понимала по-немецки. Начался 1943 год, Москву не отдали, начались наступления, отстояли Сталинград, уже зарождалась надежда, что ещё существует советская власть. Чем хуже становилось у немцев на фронтах, тем хуже было нам находиться на оккупированной территории.

Однажды вечером в мороз выгнали Эмилию Баз, раздетую, под дулом пистолета у виска, пинками гнали её немцы по улице, требовали, чтобы она показала, где партизаны. Мы плакали, дети кричали, ноль внимания, поиздевались очень сильно над ней, но потом её отпустили. Она долгое время не могла прийти в себя, всё время ей мерещилось, что её убьют.

1944 год, появляется часть немцев, ободранные, раненые, уже нет той власти победителей. Но ещё страшнее издеваются над народом. На душе радостно, какая-то надежда, авось, останусь в живых. Январь, февраль, март 1944 отступают немцы, не может быть, не верим ещё. И вот в марте 1944 года в последнюю минуту, меня чуть не убили. Отступали казаки, продажные предатели на лошадях боялись прихода советской власти. Один здоровый казак вошёл в дом, у меня вышла

маленькая прядь чёрных волос, увидел меня, кричит «Жидивка!», сколько Миля ему не говорит, что я её дочка, что у неё тоже тёмные волосы, ни во что не верит, убью и всё. Захотел стол. Миля отдала ему стол, я — за Валечку, на руки взяла его и чёрным ходом ушла из дома, пока казак-убийца вытаскивал стол из дома.

Вот как было плачевно, больно, всю войну пережила, а в последнюю минуту смерть. Дома я уже не ночевала, пару дней спала у соседей, которые жили возле бани по ул.Нанина. Радовалась я уже в марте, в третьей декаде, когда немцы стали всё поджигать. Недалеко от нашего дома была швейная фабрика, её первую подожгли, затем напротив две двухэтажные школы, одна была на русском языке, а вторая на украинском. Подожгли школы, вокзал, всё кругом горело, это был конец фашизму, отступали. Взорвали два моста через Буг, которые соединяли центр города и замостье. Немцы заняли центр, там была электростанция, они там засели на высоте, а мы жили на замостье, один квартал от мостов. Три дня шёл бой, мы сидели с детьми в подвале, мы были на передовой, кругом рвутся снаряды, снесло крышу дома, все стёкла повывлетали. Дети хотят пить, я вышла из подвала наверх в дом набрать воды, увидела страшные картины, лежат раненные, убитые на мостовой, кругом земля, стёкла, жёсть, всё валяется на улице. Набрала воды, выхожу из двери, пролетела граната, меня волной бросило обратно в дом, снова чуть не погибла. Больше меня не посылали ни за чем.

Кончились страдания, я жива. Благодаря Феликсу Львовичу, Эмили Базильевне, Леонарду, Валентину. Огромная честь и слава им, моим родным, дорогим спасителям. Нет цены за услуги, нет более благородных и сильных людей, чем они.

Феликса Львовича Колча уже нет в живых, он умер. Он был старше Эмили Базильевны на 20 лет. Эмилия Базильевна Колч жива, ей 83 года. С ней живет старший сын Леонард Феликсович Колч с семьей. Мой родной Валечка живет тоже в Виннице.

Получаю письма, очень теплые, родные. Валентин поздравил меня с 50-летием Победы, с праздником Рош Хашана. Эмилия Базильевна очень рада моим письмам, часто рассказывает Валентину и Леонарду о том страшном времени, о черных тучах, о смерти, о гибели тысяч безвинных людей.

Шла еще война, ночью еще бомбили, но я не боялась, мне не было страшно, и я не пряталась в укрытие. Я дожила до Великой Победы 1945 года. Несколько слов о моей дальнейшей судьбе.

Пошла жить в свой дом, где мы жили с родителями по ул.Коцюбинского 36, восстановила свою метрику, получила свидетельство о рождении. В июне 1944 года, пошла учиться в школу, в 6-й класс железнодорожной школы № 13. Окончила 7 классов, а затем 10 классов на отлично. Поступила в Одесский технологический институт, окончила в 1954 году по специальности инженер-технолог. Проработала 30 лет в Винницком областном управлении хлебопродуктов ст.инженером. На 5-м курсе института вышла замуж. Муж Портной Роман Михайлович. У меня двое детей: дочь Нина, 1955 г.рождения, и сын Игорь. 1957 года рождения, четверо внуков. Живу в Ашдоде.

После войны в 1945 году вернулся мой отец Штильгойз Моисей Шлемович с

наградами и ранениями, умер в 1957 году. Вернулся дядя Эйных Москальних — остался живой, умер в 1981 году. Если интересно знать о моей жизни с 1944 года, напишите, я изложу более подробно.

Все изложенное мною далось мне очень тяжело, снова слезы на глазах, боль в груди и печаль. Все время нахожусь под впечатлением пережитого.

Прошу меня извинить за некоторые фразы, может, не так понятно, если есть еще вопросы, я отвечу вам.

С глубоким уважением Портная (Штильгойз) Шева Моисеевна.

P.S. Не позабыть рассказать. Еще хочу рассказать о том, как украинцы встречали немцев с хлебом и солью, хотели новую власть, радовались немцам и пресмыкались перед ними. Нанимались на службу к немцам, становились полициями, черная форма, трезубец на шапке, повязка на рукаве, желтая и голубая полоска. Это были предатели, служили немцам, убивали, выдавали евреев, это были страшные звери, вот их особенно боялась я, чтоб не попадаться на их пути, они прислуживали и выслуживались перед фашистами. В селах были старосты выбраны, которые отвечали за людей в селах, кто был надежным, а кто — нет. Знали каждую хату, где комсомольцы, где коммунисты. Полиции были зловещие, хуже фашистов, они убивали, грабили, стреляли, выдавали всех, их очень боялись все, у них было оружие, они раскрывали подозрительных, искали партизан. Конец у них был по заслугам, они бежали с немцами, но фашисты их не признавали, гнали, им бы самим спасти «шкуру». Вот они разбрелись по Союзу, потом их находили, судили и сажали в тюрьмы.

Еще один эпизод. Немцы покончили с евреями, но убивали коммунистов, комсомольцев, руководящих работников советской власти, их пытали, вешали, убивали. Громогласно повсюду орали: «Сталин капут!», «Советам капут!», «Коммунистам капут!». Что они уже взяли Москву и завоюют весь Советский Союз, всю Россию. И вот в центральном парке им. Горького были сделаны раскопки пленными солдатами, и было обнаружено огромное количество трупов, пересыпанных каким-то белым порошком, не то известью, не то мелом. Это были люди, которые сидели в тюрьмах в 1937 году, и их убили. Вот здесь были во всю показаны злодеяния Сталина, а немцы распинались и всему народу показывали, что делала советская власть. А еще в здании «Савойя», в витринах были выложены документы убитых, где роем, летали черно-синие огромные мухи, ибо документы с фотографиями были изъяты у трупов, которые еще не успели разложиться. Я пошла посмотреть эту витрину. На место раскопки указал тюремный надзиратель. Насколько этому можно было верить, не знала, но теперь я верю в это.

Еще должна рассказать об освобождении г. Винницы от оккупантов. Было 26 марта 1944 года. Все встречали советских солдат, обнимались, целовались, были благодарны освободителям от немецкого ига. Первые войска, которые вошли в город, были штрафные роты, затем регулярные войска. Сбили пустые железные бочки и сделали переправу через Буг, чтобы перебраться в центр города. Сразу

же прибыли железнодорожники. Бригада железнодорожников ходила по еврейским квартирам, требовала освободить тех, кто бесправно занял их. Вот и к нам пришла бригада, там был один железнодорожник по фамилии Жовтис, я ему рассказала, кто я. Он меня взял и повел в мой дом. Комнату, где жили бабушка с бабушкой, заняла домработница соседей. В комнате все было дедушкино. Ей дали 24 часа освободить комнату и не трогать имущество. Она оставила мебель и постель, остальное забрала себе. Мне отдали ключ от комнаты, и я там поселилась одна.

Железнодорожники готовили жилье для своих работников и их семей. Управление Юго-Западной железной дороги было в Виннице. Самое главное была железная дорога. Эшелоны за эшелонами шли на запад. Однажды в мае 1944 г. меня разыскивал один родственник. Я пришла на станцию, он меня обнимал, целовал, говорил, что он дядя Туна, папин двоюродный брат, но я забыла его, забыла еврейский язык, только говорила по-украински. Потом все вернулось. Он отправился через 10 минут на фронт, больше он не вернулся, он погиб.

Как жила? Приходила к своим мальчикам. Искала, как заработать на еду. Продавала конфеты, которые мне давали за 80 руб. — 100 штук, а я продавала на базаре по 1 руб. за штуку. Вот я и зарабатывала 20 руб. Мне хватало купить зеленый щавель и картошку. Дальше я начала писать письма, разыскала своего папочку, он был жив, ранен, контужен, осколки в ногах, так бедненький и умер с осколками в ногах. Узнав о гибели мамы, сестрички и братика, он ужасно переживал, порвал на себе рубашку, страшно горевал, очень много страдал, потеря самых родных, любимых и близких, была трагедией всей его дальнейшей жизни. После окончания войны, демобилизовался в 1945 году, вернулся домой, встреча была неопишима, слезы радости и печали, как же могло случиться, что вы не уехали? Как же их убили? За что? Трагедия, невозвратимая потеря, только огромные могилы, куда мы пошли с папой, и часто их посецали.

Еще была война, но я пошла в школу, при вокзале было одноэтажное здание по ул. Кирова, железнодорожная школа № 13, пошла в 6-й класс, писали на газетах, получали тонкий, прозрачный черный кусочек хлеба и конфетки — 2 горошки. Я была старостой класса с 6 по 10-й класс. Нашу школу немцы сожгли, а потом пленные немцы ее восстановили, и в 7-м классе я уже училась в новой школе. Получила карточку с талонами на хлеб. Моя учительница математики была классной руководительницей до 10 класса — Лидия Николаевна Богомольная. Училась я очень хорошо. Днем вела все работы по дому, ухаживала за папой и дядей Эйншхом, готовила, стирала, убирала, а вечером садилась за уроки, затем дядя женился и ушел к жене жить. Мы остались с папой вдвоем. В 1949 году я закончила 10 классов, получила аттестат зрелости. Уехала в Одессу, поступила в технологический институт, который успешно закончила, получила специальность инженера-технолога.

Р.С. Еще хочу добавить, что повсюду с самого начала, только немцы кричали: «Юдн капут», «Фарфлюхте юдн». Кругом висели плакаты и объявления. На ук-

раинцев кричали: «Руссише швайн». До половины 1942 года повсюду были истреблены, уничтожены евреи.

Когда пришла долгожданная Победа, вот тогда лишь я почувствовала неугасимую боль, невозвратимые потери. Мне было очень тяжело, почему мои самые родные и близкие не дожили до этого дня. Страшные страдания, сердечная боль, невозможно все это передать. Боль потери осталась на всю жизнь. Я росла не по возрасту серьезная, все делала сама, в каждом моем житие мне постоянно не хватало моей любимой мамочки, не было ласки, тепла, заботы, все пришлось пережить. Часто меня обижали, несправедливо относились к сироте. Неоткуда было ждать помощи, всего приходилось добиваться своим трудом. Я много страдала, и печаль моя осталась на всю жизнь.

Прошу помянуть моих родных и двоюродных сестричек и братиков: Дусю, Бору, Сашу, Полину, Арончика.

Пьянина Сарра

Родилась в 1926 году в деревне Телуша Бобруйского района Могилевской области, и в годы Великой Отечественной войны находилась на оккупированной территории Телушского сельского совета с 1941 по 1944 годы.

На момент войны наша семья состояла из 7 детей и родителей. Четверо взрослых братьев сразу ушли в партизанский отряд, затем ушли родители в партизаны, взяв с собой 5-ти летнюю сестру Любу, а мне поручили помогать сестре Рахеле, т.к. у нее на руках было 3-е малых детей, а мне было 15 лет.

Когда пришли немцы в деревню, им тут же показали, где живут евреи, и мою сестру с семьей вывели на расстрел — в тот момент меня не было дома. Увидев это со стороны, я тихонько подошла к тому месту, где стояла сестра с детьми, и, взяв за руку ее дочку 4-х лет, бросилась убежать в лес. Немцы это видели, но не стали стрелять в детей, а сестру с детьми убили. Таким образом, я осталась в 15 лет с ребенком на руках. Ходили по домам — я помогала людям работать по домашнему хозяйству, за это они нас прятали и немного кормили. Вот так чудом и выжили.

В 1995 году, когда я решила уехать в Израиль — мои взрослые дети завезли меня в те деревни, где я прошла войну, на то время были живы еще 3 бабушки, которые прятали меня и узнали. Это было очень трогательно и больно вспоминать те жуткие годы.

Спекторов Владимир

Родился в январе 1930 году в г. Днепропетровске в семье служащего.

Родители мои, отец Спекторов Наум, мать Спекторова Ханя.

Брат мой Спекторов Леонид.

Мать была домохозяйкой.

Семья жила в достатке. Ходил в среднюю школу. Учился хорошо до 4 класса.

Отец ежегодно призывался на 3-х месячные сборы (военные курсы политработников для прохождения дальнейшей службы в армии).

Когда началась война, мы остались в своём городе, решили никуда не уезжать. Немецкие войска вошли в город в сентябре 1941 г. и сразу же объявили, чтоб евреи города назавтра собрались в центре города возле большого универмага. Люди собирались с вещами, предполагая, что нас куда-то будут увозить. Людей собралось очень много, и всех нас погнали в окружении немцев за черту города. За городом возле ботанического парка, где были только кустарники и овраги, евреев разделяли на группы и отвозили за несколько сот метров, и в оврагах их расстреливали. Так мы поняли, что нас всех ждёт, и решились бежать. К счастью, немцы нас не заметили, и нам удалось убежать. Конечно, мы скрывали, что мы евреи. В ближайшем посёлке попросились попить воды и, немного отдохнув, решили двигаться в сторону города Кременчуг. Где шли пешком, где просились подвезти на подвозках и добрались до города Кременчуг. Там жили наши знакомые, которые оставили нас на время у себя, затем мы зашли в пустующую квартиру и обосновались там жить. Пошли в комендатуру (обязательная регистрация), чтобы получить удостоверение личности. Я был очень похож на еврея, мама сочинила мне историю своего знакомого украинца и передела меня в его одежду.

Мать получила удостоверение на имя Глебик Анны Ивановны. Мы жили тихо, чтоб нас никто не заподозрил, что мы евреи. И так мы прожили до прихода Советской Армии в октябре 1943 г.

В 1944 г. мы вернулись в Днепропетровск, у соседей собрали свои вещи, которые нашлись с трудом, вернули квартиру.

Отец пропал без вести при обороне г.Севастополя.

На основании справки о том, что мы были в оккупации, нам удалось получить в собесе пенсию, по которой мы с братом и матерью жили.

Приехали в Израиль в 26 октября 1979 г. в г.Ашдод, где и живём в достатке, получаем заслуженную пенсию, и даст Бог мира на нашей земле. Хотелось бы, чтобы наши дети и внуки не знали всего того, что нам пришлось пережить.

Фельшина (Баскинд) Мария

Родилась в 1929 г. в местечке Плещеницы Минской обл. БССР.

Через два дня после начала войны немцы захватили местечко, а через месяц всех евреев согнали в гетто, куда попала и моя семья (отец, мать, брат и я). Наша семья избежала двух расстрелов. После уговоров мамы мне удалось убежать из гетто (я не похожа на еврейку). Я добежала до дома соседки, которая спрятала меня у себя. Через пару дней все уже знали, что и последних евреев в гетто расстреляли в конце улицы Калинина и там закопали их тела. Так я в 12 лет осталась одна, без дома, а кругом война.

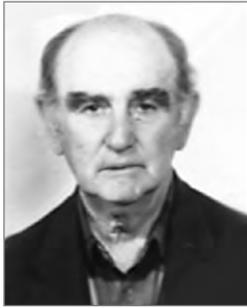
Все годы войны я ходила от одной деревни к другой, жила у людей, работала, всем говорила, что мои родители погибли от бомбового попадания в машину, и я осталась одна и не знаю, есть ли у меня кто-нибудь из родственников или нет.

В конце 1942 я попала на станцию Фаниполь Минской обл., где был совхоз «Вязы», там я проработала до 1944 — до освобождения Красной Армией.

Я вернулась в Плещеницы, но дом был сожжен. Я жила у чужих людей, нянчила детей и этим зарабатывала себе на пропитание, а вечером училась в школе. В 1946 г. поступила в техникум. До 1950 г. жила и училась в Минске. По окончании техникума была направлена в г.Бобруйск, где и проработала до пенсии по старости.

В 1991 г. с мужем и дочерью репатриировалась в Израиль, в 2002 муж умер. Сейчас я — очень больной человек, проживаю с семьёй дочки.

Химельфарб Давид

Я никому не рассказывал о своей жизни, считая, что другие тысячи и тысячи людей пострадали больше меня. Трагедия нашего поколения никого не удивляла. Такое было время.

Это произошло 1-го сентября 1939 года. Фашистская Германия оккупировала Польшу. Я родился в семье шахтера в 1924 году в феврале месяце в г.Бендзин, Домбровский угольный бассейн около г.Катовице у самой польско-немецкой границы. В 1938 году окончил 7 классов общей школы

и уже год учился на печатника в типографии.

Город Бендзин с населением до 100 тысяч был в большинстве еврейским. Кипела в городе культурная, трудовая жизнь, разные организации: сионистские, религиозные, спортивные, синагоги функционировали. Я как спортсмен уже играл в юношеской футбольной команде «Хакоах», основной состав команды считался одним из лучших в бассейне. Все это хорошее оборвалось по вине фашистов, и жизнь пошла кувырком. Началась Вторая мировая война.

Занятый фашистами г.Бендзин, немцы превратили в сущий ад. Мессершмиты на бреющем полете расстреливали людей, фашистские орды жгли и взрывали дома, вытаскивали за бороды евреев, вырывали бороды по живому. Мой дедушка — первая жертва в нашей родине — именно так и погиб. Особенно пострадали еврейские кварталы, где пожары и экзекуции продолжались две недели. Наводя новый порядок, они стали постепенно переселять всех евреев в район города, где жила моя семья, таким образом, создавая гетто, удобная для них территория, окруженная заводом, железной дорогой и старым еврейским кладбищем.

Отсюда фашисты, кроме облав, брали мужчин и подростков на работы по расчистке развалин и улиц, и на другие работы, в которых участвовал я. Евреи носили на рукаве или спине желтые повязки. Режим хождения по улице, установленный для евреев, с 7 часов утра до 17.00 вечера. Полякам — с 5 часов утра до 19.00 вечера. За нарушение режима расстрел на месте. Выдали нам заборные книжечки на хлеб по 150 грамм на человека. Единственный магазин, где можно было получить хлеб, был расположен далеко от еще только открытого гетто. Поэтому евреи никогда не могли получить свой паек. Поляки разбирали хлеб еще до 7 утра.

Репрессии и облавы, линчевание увеличились, стало невыносимо, и еще голод. В конце ноября 1939 г. мой отец и я, дядя Яков Якубович со старшей дочкой Гитл (это брат моей мамы) решили бежать на Восток в Советский Союз. Полными семьями не решились бежать, потому что было опасно через всю оккупированную Польшу добираться до границы. Решили, когда окажемся в России, то сделаем визы и заберем оставшиеся семьи к себе (наивное решение). В ту осенне-зимнюю слякоть, полуголодные в окружении оккупантов добрались до новой российско-немецкой границы на реке Сан и около города Перемышля, с помощью местного жителя перебрались через р.Сан и очутились в России. Русские пограничники нас задержали, и мы оказались в тюрьме города Перемышля, где через 6 дней нас выпустили. Отец и дядя сра-

зу обратились в МВД СССР с просьбой оформить визы для оставшихся в оккупации семейств. Увы, получили отказ по разным причинам военного времени. Что делать? Как спасти свои семьи? Как быть? Когда жили в доме беженцев в г.Перемышле, нам стало известно, что в конце декабря 1939 года по русско-немецкой договоренности состоится обмен людей через границу. Воспользовавшись этим случаем, по просьбе отца и дяди я вернулся на оккупированную территорию. Ради спасения родных я рискнул. При выходе с моста на границе среди десятка идущих рядом людей немцы увидели меня, и, как еврея, задержали. Я и много сотен людей задержанных, и среди них были те люди, которые должны были перейти в Россию по обмену, были отправлены в лагерь г.Кракова. В Кракове нас держали под охраной собак, а потом загнали нас во двор, где стояло старинное здание. Это был вновь открывшийся лагерь. Мне удалось чудом бежать из лагеря.

В конце января 1940 года, работая во дворе лагеря, не впервые заметил, что охрана у ворот выпускающих машины в лагерь, иногда продолжительное время оставляет ворота открытыми и стоит с шоферами болтает, не обращая внимания вокруг. Я выбрал подходящий момент, приблизился поближе, не спеша, была, не была, и вышел за пределы ворот, не оглядываясь. Через двое суток я добрался до родных. После подготовки выбрали момент и двинулись в дорогу в сторону границы уже мне знакомую. Никто не хныкал, несмотря на то, что среди 8 детей я был самый старший, 16 лет, а самый младший — 5 лет. У мамы четверо и у тети четверо. В неописуемой опасности добрались до границы, и перешли ее таким же образом, как в первый раз с отцом.

Встретившись с отцом, дядей и сестрой Гитл мы двинулись из Перемышля во г.Львов. Уже был март месяц 1940 г. Отец и дядя Яков вербовались на шахты Донбасса, где мы жили и работали до начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Отец и дядя Яков погибли на фронте. Я очутился в Казахстане, где работал на стройке второго железнодорожного пути Акмолинск-Караганда. В 1942 году я был призван в армию. Перед отправкой на фронт пришел приказ о том, что тех, кто из Польши, отправить в промышленность, и я был отправлен в г.Свердловск на Уралмашзавод, где работал токарем, выпуская танки Т-34 и самоходные пушки ИС-110.

Голодные, оборванные, ковали мы Победу над фашизмом. Моя тетя Хела после войны вернулась в Польшу с детьми, а затем уехала в Палестину. Два ее сына погибли за Израиль, младший Цви Якубович на корабле «Эксодус» в 1947 году в схватке с англичанами, а старший сын Ицхак Якубович в боях на Синайском полуострове в 1956 году с Египтом. Я горжусь ими, тем более, что мой труд и риск не пропал даром в 1940 году, когда я их спасал. Их память будет вечной.

Вся моя родня, которая осталась в Польше в 1939 году, погибла в концлагерях за исключением единиц. Спасенные мною близкие сейчас живут: родной брат Изя — в Америке, сестра в Бней-Браке, двоюродные сестра Гитл в Хайфе, сестра и брат Гершон в Париже. А я со своей семьей, с внуками и правнуками живем в Израиле уже с 1994 года.

Я ветеран войны и труда, награжден медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», «Ветеран Труда» и др.

Шиф Леонид

Родился 15 августа 1930 года в г.Изяславле Хмельницкой области на Украине. На начало войны 22 июня 1941 года я находился там же. Жил я вместе с родителями, сестрой, бабушкой и дедушкой. Примерно в середине июля в г.Изяславль вошли немецкие войска. Через неделю были расстреляны мои бабушка и дедушка. Затем было организовано в г.Изяславле гетто, куда согнали евреев, в том числе меня, моих родителей и сестренку.

Так как отец был по специальности портной, то таких специалистов пока оставили в живых и заставили обшивать немецких военнослужащих, а нас оставили при нем в гетто.

Через месяц были расстреляны отец, мать и сестренка, а мне удалось бежать в г.Бердичев на Украине. В этом городе меня приютила женщина, по национальности полька, Опольская Владия. У нее я прожил до окончания войны, а затем еще два года до 1947 года.

В 1947 году я вернулся в г. Изяславль, где прожил еще три года. В 1950 по 1953 годы я служил в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке. В 1953 году я демобилизовался и приехал в г.Могилев-Подольский Винницкой области на Украине, где прожил до 1990 года. 30 июня 1990 года вместе с женой, детьми и внуками я переехал на постоянное место жительства в государство Израиль, где мы живем в настоящее время.

Шлимович Софья

Родилась в 1930 году в городе Дашев Винницкой области, Украина.

До Великой Отечественной войны закончила два класса школы.

Во время войны находилась на оккупированной территории.

Родители мои: отец — Шлемович Яков Нахманович, 1906 год рождения, расстрелян немцами в феврале месяце 1944 года за участие в подпольной антифашистской организации. Мать — Шлемович Удя Шаевна, 1908 года рождения, умерла от тифа.

Я воспитывалась в детском доме. После войны работала на разных работах.

В 1990 году репатриировалась в Израиль, где и проживаю в настоящее время вместе с семьей моей дочери.

Шлагин Борис

Прошло после начала войны больше 60-ти лет, но в памяти моей живут те муки, страдание и страх, который я пережил во время войны, находясь на оккупированной немецкими фашистами территории с сентября 1941 года.

Сразу после прихода немцев территория Щеренской больницы была превращена фашистами в концлагерь, я попал туда. Тех, кто там находились, систематически уничтожали: расстреливали, вешали. Тех, кто остался в живых, перевели на территорию Мандрыковского концлагеря, там находились военнопленные, евреи, коммунисты, комсомольцы, нас вывозили на тяжелые работы, а кто был слаб, уничтожали.

Я изменил там свою фамилию на Остапенко Борис Иванович и этим избежал расстрела. Остальных и меня отправили на принудительные работы на ст.Божедаровка Днепропетровской области, где мы были холодные и голодные. Нас били и истязали, и заставляли тяжело работать, грузить землю в вагоны для отправления в Германию, а также работать до потери сознания под надзором фольксдойч и калмыков, которые били нас батогами, от ударов которых лопалась кожа. За этим следила пешка, которая ездила на фаэтоне, ей принадлежала эта земля. И если мы садились отдыхать, она показывала сопровождению, и те били нас. Мы там были в положении хуже рабов. Оттуда я бежал в 1943 году.

Потом, прячась, попал в село Водяное, где меня подобрала Мария Гармаш, я был у нее за работника, когда она меня обижала, мать говорила ей: «Не обижай его, он сирота, Бог тебя накажет».

В 1944 году там нашел меня отец, ему помог бывший партизан, который в селе руководил нашими действиями против немецких оккупантов.

Штейнворцель Гершон

В октябре 1942 года начали уничтожать евреев немцы, поляки и украинцы.

В связи с этими событиями я с родителями скрывался в лесах местечка Опалино.

У нас была связь с местными жителями, которые нам помогали в укрытии и в продовольствии до освобождения советскими войсками.

В 1944 году после изгнания немцев с территории Волыни мы стали жить в г.Любомиле.

Нас осталось 30-35 человек, среди которых был я. Мне было 9 лет.

Штерн Арон

Рассказ жены

Родился в 1930 году в Латвии, город Даугавпилс (Двинск). Когда он был маленьким, его семья переехала жить в город Рига. У него были папа, мама и две сестры. Жили нормальной жизнью, он был самым маленьким. Он был блондином с голубыми глазами, его любили и баловали, ходил в еврейскую школу.

В 1941 году началась война, их загнали в гетто. Папу гнали на тяжелые работы, и вскоре он умер. Его сестры ходили на работу, и в один день они не вернулись. Мама работала в комендатуре уборщицей. Арон, 11-летний мальчик, работал там же, где его мама. Таскал воду, мыл окна, уборку делал и всякие другие работы. Немцы с ним разговаривали и заставляли его снять штанишки, и смеялись. И со смехом говорили, ты не похож на иуде — мальчик блондин с голубыми глазами, это его спасло. Иногда он выбегал из гетто, у него были друзья, соседские мальчики-латыши. Они его кормили и давали кусок хлеба для мамы.

**Стихотворение, которое нашел Сергей Виткун в подушке друга
Гордея Твердохлеба после его смерти от пули полицейского
(см. стр. 184).**

*По чужому городу, грохоча колодками,
Мы идем похмурые, не глядя кругом,
Как шуты одетые, пыльные и голодные,
За немецким вахманом в лагерь мы идем.*

*День рабочий кончился, и теперь за проволокой
Можно отдыхать нам до утра.
Чувствовать отвыкли мы, думать нету времени,
Завтра будет то же, что и вчера.*

*Часто мы бранимся, но без раздражения,
Наши шутки нас самих не веселят.
Но у нас кровь воспаляется по-прежнему,
Если что-нибудь о фронте говорят.*

*Там идут железными рядами
Те, что жизнь за родину отдать готовы.
Там дымятся черные развалины
Наших деревень и городов.*

*Враг бежал с Кавказа и Кубани,
Технику в болоте утопив.
И остатки армии на Тамани
Будут нами сброшены в залив.*

*Что же с нами в результате будет,
Когда рухнет ненавистный строй?
Знаем, Родина сурово нас осудит,
Как воротимся из плена мы домой.*

*Если даже и найдем мы оправдания,
Трус – не избежать нам некогда.
Станут дети нам в глаза смеяться,
Станет дом родной для нас чужой.*

*Нет, врагами мы домой не возвратимся,
Даже думать мы об этом не хотим.
Есть надежда, час настанет,
Но винтовки в руки мы возьмем.*

*И, как миру, битве будем рады,
Отплатим мы все долги за раз.
Будем драться, как дрались наши братья
За бессмертный город Сталинград.*

כל המקיים נפש אחת

כאילו קיים שלום וגא

Спасший душу одну спас весь мир
כל המציל נפש אחת כאלו קיים שלום וגא

תעודת כבוד ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Сим утверждается, что на заседании комиссии по присвоению звания Праведника народов мира, созданной при национальном институте памяти катастрофы и героизма Яд-Вашем, от 13-IX-1998на основе представленных свидетельств решено удостоить

וזאת לתעודה שבישיבתה יום כב אלול תשנ"ח החליטה הוועדה לציון חסידי אומות העולם שליד רשות החוקרן וועם על יסוד עדויות שהובאו לפניה, לתת כבוד ויקר ל

Василия и Анастасию Мейер

ואנסטסיה מיייר על אשר בעונת השואה באירופה עמדו נפשם בכפם להצלת יתומים נרדפים יידי רודפיהם ולהעניק להם את הגדליה לחסידי אומות העולם. שמים יונצח לעד על לוח כבוד בגן חסידי אומות העולם בירושלים.

которые в годы фашистской оккупации рисковали своей жизнью ради спасения преследуемых евреев и звание Праведников мира и наградить медалью Праведника Народов мира. Их имена будут высечены на Стене почета в Аллее праведников Яд-Вашем.

Иерусалим, Израиль
11. IX. 1998

ניתן היום בירושלים
כב חמוון תשנ"ח

Amos Shalev
בשם רשות החוקרן וועם
OF THE NATIONAL INSTITUTE FOR REMEMBRANCE OF THE HOLOCAUST

Alkale
בשם הוועדה לציין חסידי אומות העולם
OF THE COMMISSION ON THE RECOGNITION OF THE RIGHTEOUS AMONG THE NATIONS

СПИСОК ИМЕН

1. Айзенберг Григорий	Лахва	188
2. Айзингер Эрнестина	Могилев-Подольский	216
3. Акерман Моисей	Копайгород	155
4. Акура Федор	на оккупир. территории	428
5. Александровская Полина	Бершадь	35
6. Аронис Любовь	Чечельник	370
7. Архангородская Рита	Дмитриев	113
8. Балановский Филипп	Ободовка	246
9. Барабак Женя	Рыбница	315
10. Беккер Соня	Печора	263
11. Беккерман Бетя Моисеевна	Рыбница	313
12. Беккерман Бетя Исааковна	Вапнярка	70
13. Белоцерковская Рива	Чечельник	371
14. Беленький Илья	Копайгород	156
15. Бенехис Борис	Балановка	15
16. Биншток Зуна	Копайгород	159
17. Биншток Соня	Печора	268
18. Бляхер Шейндля	Саврань	331
19. Блувштейн Мария	Славута	335
20. Богомольная Анна	Умань	358
21. Богуславский Абрам	Печора	267
22. Боровский Лазарь	Озаринцы	254
23. Борода Серафима	Широкое	397
24. Бродская Этя	Горишковка	79
25. Бродский Самуил	Могилев-Подольский	218
26. Бродский Семен и Петр	Могилев-Подольский	220
27. Броннберг Хаим	Рыбница	317
28. Бронштейн Светлана	Джурин	86
29. Брум Григорий	Глуск	75
30. Бубис Лев	Яруга	404
31. Будянская Маня	Печора	269
32. Бурбан Фрида	Печора	271
33. Бурд Ева	Крыжополь	179
34. Бурд Леонид	Джурин	87
35. Бурд Фаина	Джурин	88
36. Бурштейн Лазар	Дзыговка	104
37. Бурштейн Софья	Дзыговка	105

38. Вайншток Полина	Могилев-Подольский	221
39. Вальдман Яков	Снитков	339
40. Вассерштейн Маня	Могилев-Подольский	222
41. Венгерик Ицхак	Могилев-Подольский	223
42. Верницкий Арон	Минск	203
43. Верожинская Рахиль	Песчана	258
44. Виноградская Раиса	Печора	272
45. Винокур Люсик	Джурин	89
46. Виткун Сергей	концлагерь Бремен	182
47. Вольдман Мария	Лучинец	199
48. Галерштейн Лев	Минск	206
49. Галина Мордехай	концлагерь Трешлинка	186
50. Гейбух Семен	Дзыговка	106
51. Гейман Семен	Ободовка	248
52. Гельман Александр	Могилев-Подольский	225
53. Гельман Яков	Чечельник	373
54. Гельман Молка	Ободовка	249
55. Гельфанд Александр	на оккупир. территории	431
56. Герман Ефим	Копайгород	160
57. Герценштейн Фаня	Балта	26
58. Гершензон Лев	Могилев-Подольский	226
59. Гершер Хаим	Балта	28
60. Гидберг Михаил	Ворошиловск	73
61. Гингольд Нина	Горишковка	81
62. Гинзбург Борис	совхоз «Ленин»	191
63. Гольштейн Геня	Могилев-Подольский	227
64. Гонта Роза	Лучинец	201
65. Гордиштер Клара	Балта	29
66. Городинская Раиса	Защитники Родины	406
67. Гральник Владимир	Бершадь	36
68. Грач Дора	Шаргород	379
69. Гринберг Семен	Рыбница	318
70. Гринбойм Анна	Погребище	301
71. Гринченко Шифра	Ворошиловск	74
72. Грипс Леонид	Житомир	121
73. Грузмарг Александр	Рыбница	319
74. Гузик Евгения	Защитники Родины	409
75. Гулиш Зинаида	на оккупир. территории	432
76. Гурфинкель Дани	Горишковка	83
77. Давбер Циля	Балки	25
78. Дерен Зёма	Могилев-Подольский	228
79. Дерен Поля	Мясковка	244
80. Дегтярева Софья	Бершадь	37

81. Директор Татьяна	на оккупир. территории	433
82. Дойчер Изя	Шаргород	380
83. Дойчер Флора	Шаргород	381
84. Доляр Хая	Печора	273
85. Дубирный Михаил	Ободовка	252
86. Дыхт Анна	на оккупир. территории	434
87. Желязко Валентина	Печора	274
88. Жорницкий Михаил	Тульчин	353
89. Заблоцкая София	Радошковичи	311
90. Забудкина Фаина	Джурич	90
91. Зальцман Михаил	Жабокрич	119
92. Зальцман Сося	Крыжополь	180
93. Занвелевич Мария	Доманевка	114
94. Зац Хана	Могилев-Подольский	229
95. Зельцер Семен	Жмеринка	128
96. Земельман Сара	на оккупир. территории	435
97. Земельштерн Ривка	Тульчин	355
98. Зингер Павел	Тропово	351
99. Зингер Юрий	Тропово	352
100. Израилова Евгения	Могилев-Подольский	230
101. Ингель Полина	Дзыговка	108
102. Каганская Лиза	Джурич	91
103. Казарновская Зинаида	Могилев	214
104. Калика Анна	Шепетовка	395
105. Карштенбойм Маня	Печора	275
106. Карпова Анна	Симферополь	334
107. Кишиневская Эня	Могилев-Подольский	231
108. Клапах Леонид	Дзыговка	109
109. Клеорин Михаил	Минск	208
110. Ковалева Нина	Жмеринка	134
111. Копыт Элик	Чечельник	374
112. Кордит Клара	Копайгород	161
113. Коренблюм Изяслав	Черневцы	361
114. Коренман Белла	Бершадь	38
115. Котловкер Федор	на оккупир. территории	439
116. Котляр Давид	Ямполь	399
117. Корсун Любовь	Печора	276
118. Крамер Наум	Томашполь	343
119. Краснер Инна	Тульчин	356
120. Кредитор Зиновий	Шаргород	381
121. Крел Абрам	Могилев-Подольский	231
122. Крел Фира	Копайгород	163
123. Кривовяз Туня	Шаргород	382

124. Кривошей Семен	Джури́н	92
125. Кривой Ольга	Ры́бница	320
126. Крупник Зина	Я́мполь	400
127. Куперман Григорий	Печора	279
128. Ладыженский Борис	Кры́жополь	180
129. Лемашова Татьяна	Берша́дь	39
130. Лермонт (Лерман) Игорь	Копайго́род	164
131. Литвак Наум	Ры́бница	321
132. Литвак Рая, Финкель Бетя	Черне́вцы	364
133. Лихинина Раиса	Томашпо́ль	345
134. Лозвер Сура	Мяско́вка	245
135. Лозовский Арон	Печора	280
136. Локшина Рахиль	Жме́ринка	135
137. Луцкер Лев	Печора	281
138. Любарская Клара	Берша́дь	41
139. Любман Зинаида	Берша́дь	44
140. Любман Михаил	Берша́дь	43
141. Мазур Юлий	на оккупир. территории	440
142. Мазус Бетя	Берша́дь	68
143. Малах Батия	Я́мполь	401
144. Малинина Нюся	Печора	295
145. Манусис Михаил	Томашпо́ль	349
146. Марчак Семен	Берша́дь	46
147. Машкет Ева	Жме́ринка	136
148. Мейльгендер Фаня	Ольгопо́ль	255
149. Мельский Александр	Ильи́нцы	152
150. Местер Масия	Пятко́вка	309
151. Миллер Сара	Ры́бница	322
152. Мильман Фейга	Джури́н	93
153. Мирочник Броня	Джури́н	94
154. Мирчевская Клара	на оккупир. территории	445
155. Мительман Ента	Пятко́вка	310
156. Мицель Абрам	Берша́дь	48
157. Молотковский Арон	Жме́ринка	137
158. Москальник Аркадий	Копайго́род	168
159. Надлер Шика	Ободо́вка	253
160. Окинъ Фаина	Мурафа	242
161. Палес Семен	Минск	209
162. Пенчевская Гелла	Печора	297
163. Пергаменщик Зяма	Защи́тники Родины	411
164. Петербургский Михаил	Ша́ргород	385
165. Пизман Давид	Могилев-По́дольский	232
166. Пизман Хаим	Ша́ргород	387

167. Плисецкий Владислав	на оккупир. территории	451
168. Портная Анна	Горишковка	84
169. Портная Фаня	Бершадь	54
170. Портная Шева	на оккупир. территории	454
171. Портной Владимир	Рыбница	323
172. Портной Михаил	Бершадь	50
173. Пудинок Михаил	Станиславчик	341
174. Пудинок Перл	Станиславчик	340
175. Пьянина Сара	на оккупир. территории	465
176. Рабинович Циля	Плисков	300
177. Райнер Циля	Дзыговка	110
178. Райф Любовь	Копайгород	169
179. Ратнер Сима	Пятковка	310
180. Рахлина Любовь	Могилев-Подольский	237
181. Резник Раиса	Рыбница	325
182. Рипус Клара	Жмеринка	142
183. Рогатко Мордко (Муся)	Бершадь	60
184. Розенберг Лиза	Могилев-Подольский	237
185. Розенкранц Таня	Шаргород	390
186. Розенцвит Лазарь	Джурич	95
187. Ройтзайд Лев	Балта	30
188. Ройтзайд Хася	Ямполь	402
189. Ройтман Сара	Балта	31
190. Ройф Беня	Дзыговка	111
191. Ромова Лиза	Бершадь	61
192. Россошер Александр	Бершадь	62
193. Рош Исаак	Рыбница	326
194. Русовская Адель	Печора	298
195. Сандлер Ашер	Томашполь	350
196. Сапожников Захар	Защитники Родины	418
197. Сельцер Нетта	Бершадь	63
198. Сигал Йосиф	Песчана	260
199. Складя Полина	Джурич	97
200. Смартонер Ева	Бершадь	64
201. Сойбельман Рива	Песчана	262
202. Спекторов Владимир	на оккупир. территории	466
203. Спектор Фира	Горишковка	85
204. Спивак Мария, Штельман Софья	Жмеринка	143
205. Стельмахер Йосиф	Поповцы	308
206. Стельмахер Сара	Кацмазов	154
207. Сухер Аня	Доманевка	116
208. Талянский Григорий	Вапнярка	71
209. Тененбойм Борис	Могилев-Подольский	238

210. Тойбер Григорий	Бершадь	64
211. Тойберман Любовь	Дзыговка	112
212. Токмакова Мария	Жмеринка	144
213. Томашпольская Дора	Мурафа	243
214. Третьякова Ася	Минск	212
215. Трибун Маня	Полонное	306
216. Тругман Марк	Защитники Родины	419
217. Трупина Ита	Верховка	72
218. Тубис Соня	Могилев-Подольский	239
219. Ускач Семен	концлагерь Маутхаузен	185
220. Фаерштейн Борис	Защитники Родины	422
221. Фельдман Меир	Жмеринка	146
222. Фельшина Мария	на оккупир. территории	467
223. Фердман Голда	Чечельник	375
224. Финкель Хайка	Бершадь	65
225. Флейшер Наум	Слуцк	336
226. Фридман Александр	Маркулешти	202
227. Фукс Семен	Красное	175
228. Футорян Йосиф	Шаргород	391
229. Хаит Хаюня, Кацап Александр	Рыбница	327
230. Хейфец Роман	Лахва	190
231. Хельмер Яков	Джурич	98
232. Химельфарб Давид	на оккупир. территории	468
233. Хусидман Лиза	Ильинцы	153
234. Цап Роза	Дзыговка	109
235. Цитман Анатолий	Балта	33
236. Шапиро Ефим	Защитники Родины	427
237. Шафир Фаина	Черневцы	367
238. Шварц Ева	Ольгополь	257
239. Шварц Фейга	Дзыговка	112
240. Шехтман Ицхак	Бершадь	65
241. Шехтман Рут, Шлюфман Сара	Могилев-Подольский	240
242. Шиф Леонид	на оккупир. территории	470
243. Шиф Сара	Могилев-Подольский	241
244. Школьник Анатолий	Могилев-Подольский	241
245. Шлагин Борис	на оккупир. территории	471
246. Шлейферман Евгения	Крыжополь	181
247. Шлейфман Михаил	Жмеринка	150
248. Шлимович Софья	на оккупир. территории	470
249. Шмуклер Семен	Копайгород	170
250. Шнайдер Арон	Шаргород	392
251. Шнайдер Михаил	Кривое Озеро	176
252. Шнайдер Хануся	Чечельник	376

253. Штейнворцель Гершон	на оккупир. территории	471
254. Штейтман Нахман	Бершадь	66
255. Штерн Арон	на оккупир. территории	472
256. Эдельман Элла	Богдановка	67
257. Эльгурт Сура	Джури	103
258. Эрлих Зина	Рыбница	329
259. Юсим Семен	Шаргород	393
260. Яблочник Аделя	Черневы	368
261. Ялонецкий Аркадий	Косница	174
262. Ямпольский Барух	Яруга	405
263. Яновская Доня	Чечельник	378

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Герцман М.Л., Гитман Р.В. и другие. Вестник №3-4. Свидетельства очевидцев. Черновцы, Украина, 1994, 1995гг.

Дубик М.Г., Боряк Г.В., Лисенко и другие. Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України(1941-1944), Київ, 200.

Житомирщина в період тимчасової окупації (1941-1944). Збірник документів. Житомир, 1948 .

Коган Я. Живая память истории. Воспоминания бывших узников гетто и концлагерей. Ашдод, Израиль, 2002.

Краскоштейн Ефим. Жило-было местечко на Подолье. Эдмонтон, Канада, 2000.

Купчишин М., Мичак А. Шаргородщина – сторінки истории. Київ, 2002.

Любарская Клара. Памятник в Бершади. Израиль, 2003.

Сушон Леонид. Транснистрия: евреи а аду. Одесса,1998.

Яков Хельмер. Повесть о пережитом. Ашдод.Израиль,2003.

Лукин В., Соколова А., Хаймович Б.100 еврейских местечек Украины. Выпуск 2. Подолия. Санкт-Петербург. 2002.

Забарко Борис. Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. Киев. 1999.